Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

—

ВЫХОДИТ 1 РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

—

№ 2

ИЮЛЬ—АВГУСТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

25.000 экз.

Гиз. № 2071.

(Р. В. Ц. Москв

16 я типография М С.

Алтайские сказки.

I.

Кургамыш - зеленый бог.

Туянчи - Осень траву поела, листья дерев жует.

Старая, злая; нос — чисто гнилой сучок, лицо — прошлогодняя саранка. Клыки скалит.

— Все пожру!

Дрожат листья, жмутся—умирать никому не хочется

Ладно.

По Желтому озеру на бревне плывет Кургамыш - зеленый бог. Лицо—широкое, ласковое лицо, а глаза, как у лошади — большие. Хохочет:

— Гу-у... Я плыву... Гу-у...

Эхо кувыркается со скалы на скалу, с горы на гору. Ручьи бьют каплями серебряными о камни:

— Ти... ти... ти...

Здравствуются с зеленым богом.

Туянчи увидала его. Озлилась еще сильнее.

На кедр вскочила. Шипит:

— И тебя слопаю!

И Кургамыш ее увидал.

Как вскрикнет:

— Зачем лес портишь, кикимора?

А та как плюнет. Слюна в озеро пала, льдинками поплыла. Холодом пахнуло.

Кургамыш тоже рассердился.

— Я тебя! —кричит.

Выскочил на берег, к Туянчи бросился.

Схватились они биться.

Черным клубом пыль идет; вода кипит; горы стонут. Тайга колеблется, как платье от ветра.

— Убью!—рычит Кургамыш.

— Съем!—шипит Туянчи.

Ладно.

И день. И два. И три. Конца битве не видать...

Только листья качаются, жмутся, молятся:

— Хорошо бы Кургамыш победил! Ах, хорошо!

Узнал старый бог-Кутай, всем богам бог, у которого трон из чистого золота в тени березы с алмазными листьями, а подножье — облака, а конь—синегривый, а чамбырь из красного гаруса. Сказал:

— Нельзя богам сердиться, накажу. Бросьте.

А те не бросают. Кургамыш отогнул лицо от драки, крикнул:

— Вот убью и брошу.

И опять за лицо Туянчи схватил.

И махнул рукой старый бог-Кутай. Рассердился.

В невидимом вихре понеслись Туянчи и Кургамыш. Крутятся, вертятся.

Ветер. Стужа.

Зима, по-вашему, приходит.

Когда повернется к земле Туянчи, — космы упадут на бор, вздохнет — снег идет, холодно.

Кургамыш повернется: оттепель, солнце выглянет.

И так долго носятся.

А потом Вунт едет—конь у его белый, седло из старой меди, а подковы из китайского золота.

Улыбается.

— Будет,— говорит:—тепло надо. Уходи, Туянчи.

Туянчи прячется в логовище. Злится, когти точит:

— Подожди...—шипит.

Опят плывет по Желтому озеру Кургамыш-зеленый бог. Хохочет:

— Гу-у... Я плыву... Гу-у...

Травы ему кланяются, ароматы курят. Листья навевают прохладу. Радуются:

— Наш бог плывет...

А он лицо широкое, лохматое как кедр, во все стороны поворачивает. Хохочет от радости:

Гу-у... Гу-у...

II.

Баран.

Ходит баран по горам. Жирный.

Ладно.

Кучича-злая ведьма в болоте лежит. На солнце брюхо греет.

Думает:

— Если год брюхо на солнце держать — сильно оно блестеть будет?

И видит—вверху по горам, баран ходит. Курдюком трясет.

Говорит Кучича:

— Баран! Дети есть у тебя?

— Есть,—ласково отвечает баран. (Все жирные ласково отвечают.)

— Хочешь,—говорит Кучича,—научу их брюхо на солнце греть?

Думает баран:

— Если я по горам лазить умею, да еще мои баранята брюхо греть научатся (а это что-то должно быть умное), и совсем хорошо барану на свете жить будет.

Говорит баран:

— Учи.

Ладно.

Одно лето—зима выпила, другое выпила, только за третье принялась—пожелтело оно с перепуга...

Говорит Кучича:
— Бери своих баранят. Научились.
Обрадовался баран, с радости из курдюка сало даже закапало.
Говорит:
— Спасибо
Видит: тащатся в гору баранята. Втрое жирнее отца. Втащились — и хлоп!
Лежат кверху брюхом. Шерсть только шелковистую ветер на брюхе в колечки завивает.
Ладно.
Лежат. Солнце брюхо им греет.
Думает баран:
— Вот сейчас должно быть **о н о** и придет.
Ждал, ждал. Ничего не дождался.
Говорит:
— Айда, баранята, по горам лазить.
— Нет,—отвечают баранята,—брюхо тогда солнце греть не будет. Не пойдем.
Лежат да еще кричат на отца:
— Тащи травы! Жрать хочу, видишь брюхо морщится с голоду.
А Кучича в болоте от радостной злости лапами в кочки бьет, прыгает:
— Вот, мол,—наделала.
А баран—все тоньше и тоньше и курдюк пропал. Плохой стал баран.
А баранята по-прежнему брюхо греют.
Ладно.
Узнал дух Ори про Кучичу, плюнул и сказал:
— Вот, дура, как теперь баран без курдюка будет.
Рассердился. Взял Кучичу в сало превратил и барану в курдюк всунул.
— Болтайся,—говорит.
А баранят съел.
— Все равно, говорит, не заблестите.
Я говорю:
Вот почему, когда барана на спину положишь — орет, а курдюк редко хорошему человеку достается—Кучича там торчит. Злая.
Ладно.

III.

К у я н.

Койонок-бог (борода—пихта верхушкой вниз) сидел в тени березы с золотыми листьями. Иримчик жует и губами толстыми (доволен!) шлепает:
— Н-на!.. Н-на!..
А там, подле подошвы горы, далеко, заяц-Куян, обжора, траву щиплет.
Смотрит на Койонока, пыхтит:
— Хорошо богу живется. Волков на его нет, коршуны трусит. Благодать!
Пощипет траву, ноздрей поведет, недоволен.
Говорит:
— Хоть бы мне листьев золотых с березы поесть.
Ладно.

Куян долго думал (от дум даже шерсть полезла), решил:
— К богу-Койоноку пойду.
Пришел.
— Здравствуй, бог,—говорит,—как живешь?
Койонок отвечает:
— А ничего живу. Хорошо. Даже когда надоедает так жить.
— Как не надоест,—говорит Куян,—ишь борода-то какая большая. Как следует чесать—год чесать надо.
— Верно,—отвечает Койонок,—долго надо чесать.
Молчат и друг на друга смотрят.
Ладно.
Куян говорит:
— Хочешь, сказку расскажу?
Бог-Койонок думает: какие у зайца сказки.
Но (добрый был) отвечает:
— Рассказывай.
Куян сел около кошмы, расшитой шелком, у ног бога. Сам на листья смотрит, облизывается, а сам говорит...
А так как все время облизывался—хорошо у Куяна выходило. И степь, будто не степь, а кумыс столетний. Колки — не колки, будто аракчины, каменьями разукрашенные, по степи разложены.
Ладно.
Койонок крякнул одобрительно:
— Эк!.. вот заяц!
Спокойно ему стало. Уснул. С кошмы свалился.
Заяц сейчас к березе, давай листья жрать. До того нажрался, брюхо как шишка кедровая крепкое стало.
Нажрался, уснул.
Ладно.
Богу-Койоноку снятся сны дурные. Неприятные для бога сны,— то лошадь уросит, то вместо айрана грязь пьет.
Еле проснулся.
Чует—затылок ему солнце печет.
— С чего бы это,—думает,—тень всегда хорошая была.
Смотрит—на березе половины листьев нет.
А Куян рядом спит.
Одна лапа на брюхе, во рту торчит половина листочка.
Койонок озлился, фыркнул:
— Что ты наделал? А?
Заяц вскочил и от сытости говорит не может.
— Тьфу!—сказал Койонок.—Какая рожа паршивая. Ступай.
И в наказанье сказал:
— Будет тебе, обжора, лучшей пищей кора—осиновая, горькая.
Поднялся, начал листья новые делать.
Ладно.
Вот когда осенью лист на березе зажелтеет, заяц боится подойти к коре. Трясется, душа у него прыгает.
Я говорю:
А идет. Трясется, а идет.
Жрать надо.

IV.

А ю.

Говорит Уртымбай:

— Хочу медведя-Аю убить. Белолобые много жгучей воды за шкуру дадут.

Хороший охотник был—любил хвастать.

Пошел.

Ладно.

Аю вылез из берлоги на Уртымбая идет.

Пустил стрелу Уртымбай.

Мимо.

Пустил другую, в плечо угодила.

Не успел ножа выхватить, медведь навалился. Обнял. Давит.

Думает Уртымбай:

— Пропал. Не попью кумыса больше.

А медведь-Аю—клыки в пене, трясется весь, кровь из раны по шерсти брусникой катится.

Озлобился.

Только хотел давнуть Уртымбая, да невзначай в глаза ему взглянул.

Увидал Аю-медведь в глазах Уртымбая—маленькая морда, желтые клыки и пена на них.

И Уртымбай увидал свое лицо—серое как солончак и бороденка как горсточка сухой травы.

Как заноза в глаза Аю вошла.

Заревел!

Опустил Уртымбая.

И ушел Аю в тайгу.

Уртымбай, чимбары поддерживая, в аул прибежал.

Хвастается:

— Вот я какой, чуть медведя своими руками не задавил...

V.

Как любил Кара-Су.

Поток горный Кара-Су любил кувшинку-Йгу, что в заводях расла. Большая, желтая, как глаза зеленого бога-Кургамыша.

Ладно.

Целует, ласково подергивает плечами мягкими Кара-Су. Йгу как амулет подпрыгивает, смеется:

— Тль... тль...

Кара-Су говорит:

— Почему ты меня одного не любишь? Всем смеешься. Небу, берегу. Всем. Я так не хочу.

Смеется Йгу, говорит:

— Не могу... тль... тль...

А ветер-Чойном завидовал Кара-Су. Все впитывает в себя—небо, берег, тополя. А он, ветер—запахи одни от трав.

Говорит он Кара-Су:

— Бери себе кувшинку на дно, я помогу.

Стал ветер-Чойном расшатывать Кара-Су.

Волны сначала улыбались. Сердито скривили рожи. А потом сжались и схватили кувшинку за горло.

Не поддается Йгу.

— Тль... тль...—бежит она по волнам, смеется.

Волны—черные.

А та желтые перышки отряхивает, смеется:

— Тль... тль...

Ветер призвал Осеннего Брата.

Осенний Брат пришел—прелью запахло. Понюхал носом (как гриб нос—широкий). Сказал:

— Могу.

Наскочил на тополь.

— Хрук!..

Сучок сломался, в поток упал.

Сел на сучок Осенний Брат, наплыл на кувшинку и перерезал ей горло.

Улетели братья.

Закрутился Кара-Су от радости. На дно поволок Йгу.

— Ага!—говорит.

Ладно.

Только завяла кувшинка-Йгу. Без солнца. Без ласкового бога-Кургамыша.

Заболел с тоски Кара-Су. Бросаться на берег стал, а потом со стыда закрылся белым чувлуком, как киргизка, и бредит—летом, тайгой, Йгу.

Пришел Зимний Брат и со свистом (двух зубов не хватает во рту) завыл:

— Сщщуни... щщуни...

VI.

Кызымиль-золотая река.

Было, видишь, так.

Полюбила девушка-Кызымиль, красивая девушка (как черемуха весной) доброго бога-Вуиса. Розового, сочного, крепкого—как шишка кедровая.

Ладно.

Вышла на елань, к солнцу лицо повернула, волосы распустила. Говорит:

— Вуис! Вуис! Я тебя люблю.

Прилетел Вуис-радостный бог.

Улыбнулся, сказал:

— Ты—хорошая. Я тебя тоже полюбил. Только бог-Кутай—старый, сердитый бог... Нельзя мне тебя любить, рассердится Кутай.

— Люблю Вуиса,—говорит Кызымиль, а у самой глаза как у марала блестят—красивые глаза.

Поглядел Вуис, поглядел. Вздохнул:

— Не знаю, что и делать.

Думал много.

Говорит:

— Лучше я в человека обернусь.

Опустил коня на волю. Лук взял, сапоги надел.

Человеком сделался.

Ладно.

Узнал старый бог-Кутай. Говорит:

— Как быть тут?.. Нельзя же богу человеком жить. Так, пожалуй, все боги с неба сбегут.

А Вуис в это время в лесу охотился.

Вот и вошел Кутай в Аю-медведя.

В лес спустился. На Вуиса кинулся.

— А! — сказал Вуис.—Хорошая шкура — сошью Кызымиль шубу. Убью медведя.

Да не мог убить.

Медведь-Аю человека Вуиса убил.

Опять стал духом Вуис.

Говорит Кутай:

— Ступай на небо, Вуис. Нечего тебе делать на земле. Ступай. А Кызымиль заточу в воду—не смущай бога.

Ушел Вуис на небо.

Как узнала Кызымиль о смерти Вуиса, затосковала.

Горевала, горевала. В реку бросилась.

Умерла.

Увидел смерть Кызымили бог-Вуис.

— И-шь...—сказал и слезу уронил.

Пала та слеза—белая слеза радостного бога-Вуис в реку, смешалась со слезами Кызымиль—золотая стала река.

Вот катится в Черных горах Кызымиль-река желтая, яро-желтая, золотая река.

— Ох... ох...—к скалам жмется, жалуется.

— Ах!—вздыхают скалы (чем поможешь!).

— Ох... ох...

Тихо. Робко жалуется на богов Кызымиль-золотая река.

VII.

Как согрешил Аянгул.

Много лет спасался на горе Тау старец Аянгул.

До того молился, что борода в землю вошла, а ноги мхом покрылись.

Шепчет чуть слышно:

— Кутай, смилуйся, спаси.

Ладно.

Ехал мимо бог-Вуис, старца увидал:

— Что делаешь здесь?—спрашивает.

Головы не повернул старец.

Отвечает сердито:

— Или не видишь? Молюсь.

Поехал бог-Вуис к старому богу-Кутаю, сказал:

— На горе Тау старец Аянгул молится, борода в землю врасла, ноги мхом покрылись.

Удивился старый бог-Кутай:

— Так долго молится, а я и не знаю.

Прилетел на гору Тау, говорит Аянгулу:
— Я—Кутай. О чем ты меня молишь?
Пал лицом ниц Аянгул:
— Прости меня, многогрешного, помилуй.
И сказал Кутай:
— Говори твои грехи. Может и помилую.
Рассказал свои грехи Аянгул.
Качает головой Кутай:
— Грехи твои, как и грехи прочих людей. Может еще что другое есть? Говори все.
— Нет у меня больше грехов,—отвечает Аянгул.
Удивился Кутай:
— Зачем же молился так долго?
Опять упал ниц Аянгул:
— Еще слово хочу сказать тебе, могучий Кутай.
— Говори.
— Молился я еще, Кутай, за людей, за их грехи, за их беззакония тяжкие.
Покачал головой Кутай:
— Напрасно молился, Аянгул. Мало у людей грехов, да если и делают какие—по незнанию, по неразумию своему. Поживи ты с ними, тяжело им жить. И ты согрешишь. А грехи их я все давно простил. Ступай к людям, Аянгул, холодно на горе Тау.
Рассердился Аянгул. Плюнул:
— Сколько лет молился, борода в землю врасла, ноги мхом покрылись,—и все напрасно. Не Кутай ты, а злой дух Ону! Уходи!..
Тогда поднял Кутай Аянгула над землей. Сказал:
— Смотри!
И увидал Аянгул то, что говорил ему Кутай.
Заплакал.
Сказал:
— Велик грех мой—не поверил Кутаю. Прости.
Сказал старый и хитрый бог-Кутай:
— Прощаю. Иди к людям и скажи: Кутай верит вам. Когда-нибудь упадет скорлупа и можно будет увидеть чистый и вкусный плод.

VIII.

Когда расцветает сосна.

Летел над Черными горами дух Ону-злой дух. Конь у него сизый, седло из серого камня, а подпруга из желтой кожи.
Ладно.
Видит дым густой над тайгой стоит. Гарью пахнет.
Старая ведьма Кучича обед себе варит.
Ону говорит:
— Жарко, поди, Кучича? Почто небо коптишь, нет разве тебе зеленой пищи?
Кучича длинным языком нос облизывает. Отвечает:
— Говорят люди про добро. Не знаю я—что за добро такое. Вот поймала праведного человека, изжарю, съем. Может, тогда пойму.
Любопытно Ону—как человека есть будут.
— Может, мне поесть дашь?—спрашивает.
Ладно.

В ту-пору расцветала сосна. Пахучая, добрая, смолой обливаясь, шепчет:

— Ишь, что боги делают. Разве можно людей есть? Не надо.

— Молчи!—затопал ногами Ону, закричал, бородой затрес:—Богам будешь указывать?

Сосна ветками зашелестила:

— Я разве указываю? Боги—они умные, их учить нельзя.

И пахнула цветистым духом.

Вот и варят человека, дров не жалеют.

— Скоро готов будет!

Подскочил от нетерпения на коне Ону:

— Поедим! Люблю я мясо.

— Мясо—хорошая пища,—согласилась Кучича и брюхо погладила.

Зашумела сосна:

— И-ишь... и-ишь...

Дальше шум ее пошел. По вершинам, дальше. По горам, по горам, к самому старому богу-Кутаю.

— И-ишь... и-ишь... боги человека варят... и-ишь...

Услышал старый бог Кутай, спрашивает:

— Что там делается?

Говорит сосна:

— Праздник у меня, а бог-Ону да Кучича на моих ветках человека варят.

— Тоже придумают,—сказал Кутай, бешмет на плечи надернул, полетел к Черным горам.

Говорит Кутай:

— Чего вы?

Бог-Ону ногу в стремя вставил (напугался!). Говорит:

— Это Кучича. Я тут за порядком смотрю. Она это.

Осердился старый бог-Кутай, плеткой на Ону замахнулся:

— Я тебя!

Бог Ону зубы оскалил, отпрыгнул:

— Ты не больно-то!..

— Убирайся!—сказал Кутай и плетью Ону ударил.

В смрадном дыме скрылся Ону.

Схватил Кутай Кучичу за шею, в болото швырнул. Круги пошли. Утонула.

— На! Злая!

Говорит Кутай:

— Надумают, ведь. Добро захотели узнать? Я человека-то сам сотворил и то не могу понять, откуда у его добро-то появилось. Да-а...

Пошел отдыхать Кутай—всем богам бог—на свой трон, на облаке в тени березы с золотыми листьями.

Вот поэтому-то, когда расцветает сосна—из болот зловонные пузыри выходят—Кучича сердится.

Да вихри над тайгой проносятся—черные, злые вихри—дух Ону сердится.

Это когда расцветает сосна, пахучая, добрая, смолой обливаясь

Всев. Иванов.

Песнь песней.

Гл. 5, ст. 2–6.

Я сплю, но в безмятежном сне
Не хочет сердце позабыться.
За дверью милый кличет мне:
— Открой мне двери, голубица!

Ночь благовонная давно
В садах томящихся почила.
Густых кудрей моих руно
Роса жемчужная смочила!

Я с плеч одежду совлекла —
Как ночью одеваться стану?
Омыла ноги и легла
Как с ложа девственного встану?

Мой милый в двери – слышу я –
Стучит рукой нетерпеливой.
О, как трепещет грудь моя,
О, как дрожит она стыдливо!

Я встала с ложа. С рук моих
Густые каплют ароматы.
Запястья огибают их,
А пальцы в тесных перстях сжаты.

Дверь отперла я, чуть дыша.
Возлюбленный вошел—и с пылом
Его речей моя душа
Слилась в очарованьи милом.

Гл. 6, ст. 4.

Уклони от меня, уклони
Звезды глаз прекрасных и нежных,
Ибо сонмом порывов мятежных
Окрылили меня они.

Гл. 6, ст. 10.

Кто эта девушка? Она,
Как утро, вся напоена
Горячим ярким пламенем,
Собой прекрасна, как луна,
Светла, как солнце, и грозна,
Как полк с победным знаменем.

Гл. 8, ст. 5–6.

Положи меня, о нежный друг,
Как печать, на сердце у себя.
Неразрывным перстнем гибких рук
Окружи мой стройный стан, любя.

Точно смерть, крепка моя любовь,
Ревность—ад, жестокий, знойный ад.
Как огонь, воспламеняя кровь,
Надо мной крыла его парят.

И любви не охладит во-век
Никакая бурная вода,
Никакие волны быстрых рек
Угасить не смогут никогда.

Если кто предложит за нее
Все именье—плод тяжелых лет,—
Все богатство, все добро свое,—
Только смех услышит он в ответ.

Гл. 8, ст. 10.

О, возлюбленный, когда бы
Я в тебе имела брата,
На заре невинных дней
Припадавшего устами
К груди матери моей,—

Как бы я тебя лобзала,
Встретя в шуме людных улиц,
В голубом сияньи дня!
И за эти поцелуи
Не судили бы меня.

* * *

Прекрасны зори, звезды, воды,
Покрова ночь, престолы гор.
Да не мрачат лица природы
Ни боль, ни злоба, ни раздор!

Вражды и гнева власть откинув,
У тучных пажитей и рек,
Где ветер пьян дыханьем кринов,
Блажен да будет человек!

Зане светла душа природы.
Земля, как райский вертоград.
И немо затаили воды
Стозвонный сокровенный Град.

С еврейского.

Если я умру, не печалься, милый,
И пока земля надо мной свежа,
Шумно расплесни над моей могилой
Алую хоругвь, знамя мятежа.

Созови друзей, но не для молитвы,—
Мне не надо слез, вздохов и венков.
Лучше спойте песнь, что в разгаре битвы
Воскрешала в нас лязг и звон оков.

И когда она слабо и неясно
Долетит ко мне в замогильный мрак,
Даже и в гробу я заплачу страстью
Над твоей судьбой, скованный бедняк.

И заслышав шум гибельного боя,
Чтоб воодушевить гибнущих в бою,
Я расторгну сон смертного покоя
И тогда свою песню вам спою.

Д. Семеновский

Чемодан.

I.

С севера на юг, как снег на голову, свалилась Марья Ивановна с сыном Колей на последний неуплотненный диван своего кума.

Два дня ели непрерывно, приговаривали:

— Это тебе не жмыхи, не вобла, не конская голова!

— И профессора хороши: ведь открыли „съедобные дикорастущие"... Перечисли-ка, Коленька!

— Одуйплешь, пустодуй, молочайник, попово гуменце, кулибаба и прочее...

— Нет, пусть только голод,—как бы изумляясь на то, что вынесли, тихо плачется Марья Ивановна,—а то градус мо-ро-за! Это не то, что градус тепла: тогда спишь хоть и в шубе, да носу безвредно...

— Здесь поживете, нашей браги хлебнете—тоже не мед!

Кум—черный как чорт, брови дугастые, и словно не брови, а сами усы, не говоря плохого слова, переехали из-под носа да над глаза, а под носом пусто: гуляет тут до-синя бритва.

Рассердился вдруг кум; плоха москаливщина, да и тут непорядок:

— Допустим, сейчас блины, так это мы граммофон просвистали; в деревне мода на машинку, „що сама грае та спивае", на прочее уж не глянут, по два самовара у них: на чай и на кофий—разжились...

— Боже ж мой, до чего нынче хвостят перед возами,—вступилась няня.—И учителя и дамочки в грязи топчатся, а сама на мешках сидит—пава! Гуськом, словно в царство небесное идут, над головами добро подымают, а она это: не треба, не треба! А что поцикавее, глазом нацелит, да чрез людей кнутовищем:—ось це! Смотреть жалость! Другой—белый как лунь, в очках, по ученой части, а как порскнет, ровно заяц к норе, к мешкам этим, а за картошину—и кресты свои сыпет и медаль заслуженную.

— Хвостить начали—деньгам значит вера,—кум вытащил бумажник,—правительство обсиделось, три месяца не бахкают, а то неугодно ли: чортова пропасть денежных знаков и ни одному нету хода.

И кум быстрыми руками, как фокусник колодой карт, мелькнул перед Марьей Ивановной и петлюровской белой, и державной „гусеницей", и „сруликом", и дробными „метеликами", и деникинской боярыней, и носатым Костюшкой.

— А правительство-то у нас за три года шишнадцатая!—почему-то с гордостью пояснила нянька. Человеку иной раз все равно чем, только хвастнуть.

— У нас Ванечка от орудия говорить обучился. А ну, покажи, Ваня, крестной перемены правительства!

Ваня, большеголовый хлопчик, сидя у няни на руках, откинув голову, запустил палец за щеку:

— Ж-ж-ж—пу!

И, выпучив глаза, вдруг изо всех сил:

— Тра-та-та... та-та!

— Пулеметы!—одобрил отец.

А Марья Ивановна вдруг сникла; пайков тут нет; пока должность получишь, чем жить? Неужто вещи продать? Ведь последнее—чемоданишко. Да и тот добывать еще надо...

— На пересадке чемодан у меня ведь до места не приняли,—говорит она вслух,—до местечка квитанцию дали, дальше какой-то батька с повстанцами путь перерезал. Самой ехать не хочется, не наймете ль кого?

Марья Ивановна нащупала рукой тайное место, где зашита была вместе с деньгами квитанция, побледнела, метнулась в другую комнату, сбросила платье, белье,—перебирала, трясла, щупала—пиши пропало! Вырезали—одни нитки болтаются.

Кум утешал, как умел.

— Безрассудны—приверженцы железнодорожного передвижения! Границы карманов, своего и чужого, давно—пережиток, да и чортова давка такая, и не хочешь—сопрешь! По логике вещей, чемодану забвенье и вечный покой!

А Марья Ивановна вдруг ростом больше и как орлица за птенчика:

Опять Коленьке зимой мерзнуть! Найду чемодан.

— Да поймите, по логике...

— Ничего теперь нет по логике!

— Оно себе так; профессор математики за припёк хлеб печет. Другой бедняга у вас в столицах без пайков пухнет, а между прочим пишет: председатель комбеда изловчился паек выудить, ну, как бы вы думали, кому?—Солитеру. Так и так изложил: червь мое все съедает, дайте вдвое. Не разобрали выдали и ему, и червю. И гнусное беспозвоночное жрет, как граждане.

— Ничего теперь нет по логике,—причитает Марья Ивановна; уже в ней ни шума ни гнева, одни слезы так и каплют. Сама маленькая, лицо мелкое, взглянешь—сейчас позабудешь; лицо, как у всех, на голове порыжевший от времени кружевной хохолок.

— Ничего нет по логике; у нас бабинька, царство небесное, ангел была, всю-то жизнь для других, и к смерти готовилась, чтобы забот о ней не было; место куплено, воздух от гроба Господня, и венчик, и все припасла. Одна была воля: хоронили чтоб с белыми, а не с черными лошадями, словом—первый разряд. Кому какое дело, бабинька мухи не обидела, могли б люди уважить. А вышло-то как по логике по этой. Умерла бабинька на плите, изредка кухню топили, забралась в кои веки согреться и кончилась. Три дня по хвостам бегали с Коленькой насчет ямы да гроба, какие уж лошади. Раздобыли бумаги, да тут же и вытрясли из мешков, в голове-то ведь с голоду кружит, вниманья прежнего нет. Вернулись к последней печати.

— Наверно, нас помните, разрешение сейчас давали?—Как же, говорит, бабушку хоронить.—Так украли бумагу сию минуту и деньги украли,—грешу для солидности.—Нет директив,—говорит печать, начинайте сызнова. А хвост к вечеру уж на улице, сыпняки сотнями мерли. Сунулись мы, никто не пускает свои покойнички залежались;—очередь, кричат, очередь... Еще трое суток валандались, бабиньку в холоде заморозили. И ведь и на кладбище ей удачи не было; и там в

хвост попала, неделю наружи ждала. Так гуськом гроб за гробом и ждет, а собаки их нюхают. Вот и первый разряд!

— Значит, плюньте логике в самые очи и валяйте в местечко, а я вам бумагу за всеми печатями раздобуду,—решил кум.—Перепишите-ка вещи...

Ни шума, ни гнева в Марье Ивановне, в комочек сжалась, и поди ж ты—надеется!

Вещи переписала и для крепости отправилась в свой любимый собор помолиться. Глянь, а на воротах доска новая, словно вывеска: „Св. София Украиньска".

И под доской два человека: украинец и русский; и ведь о чем спорят?

Об этой самой логике.

— Это ж ведь не мать многочисленных именинниц, не 17 сентября, а Pistis Sophia—понятие отвлеченное, Премудрость Божия; это украинизировать не логично, нельзя.

Як це не можно як можно.

— Так мы напишем Логос Московский.

— А вы себе...

— Где же логика?

— А на що вона вам зробилася?

— Это мне указание, перст,—обрадовалась Марья Ивановна, непременно надо ехать, а логика эта—Бог с ней!

II.

И кум не зевал; добыл бумагу от кого было надобно и ненадобно. и в один дождливый день, благоприятный, как говорят, урожаю и неприятный обывателю, Марью Ивановну кум протиснул к вагону.

— Знакомая старуха в местечке, Маринчиха, навестите ее, коли вспомните, про сынов узнайте, два у ней сына.

Поезд, как роем, обметан был тучей буферных, крышных и так себе пассажиров, висевших простодушно из окон. Кум изловчился, подхватил легкую, мелкую Марью Ивановну, да и метнул ее словно бомбу в какое-то спущенное на минуту оконце.

Едва канула Марья Ивановна во тьму, стекло вздернулось кверху, и за ним проступили сердитые, густо насаженные одна над одной, словно отрубленные головы и медленно отплыли вдаль от вокзала.

К утру притащились в местечко. Марья Ивановна тотчас к багажному.

Просунул заспанную голову в оконце:

— Квитанция?

— Квитанцию, представьте, украли, но тут бумага, вот печати, Че-ка...

Человек и не глянул, протянул мимо Марьи Ивановны крепкие пальцы.

— Печати от Че-ка,—еще пискнула Марья Ивановна.

Длинный ус только дрогнул:

— Езжайте себе со своими печатями до дому!

— Но в чемодане всё зимнее. Колино и мое...

— Езжайте себе до дому!

Хвост продвинулся, Марью Ивановну оттерли.

Совсем было светло. Сейчас за станцией, куда она прошла, шелестели тополя, белел чистый домик, под липами пили чай. Золотом ге-

рел на совесть чищенный самовар; завидев его, рябая большая курица с пушистым выводком, понеслась к столу клевать крошки.

Успокоилась Марья Ивановна; опять на свое; Бог и курицу промышляет, разыскать надо старуху Маринчиху, передохнуть у нее, а дальше видно, что будет.

Тополевой аллеей итти в местечко; по сторонам зеленый лужок, вдоль дороги хаты с огородами, да с вишняком. У плетня на широкой лавке сидит дед с внуками. В церкви благовест к ранней. Не спеша снял дед шапку, не спеша кладет крест.

Девчонка гусей выгнала; посчитала Марья Ивановна — десяток. На севере гусь, что добрый прежний рысак стоит, сказать разве девчонке? А то она, глупая, гонит их ровно, прежних, рублевых: рот разиня, глаза ягод ищут...

А весело на гусей, на девчонку; а в луже-то, в луже! Ну, право же свиньи, две матери с поросятками.

— Совсем рай у вас, – говорит дородной дивчине Марья Ивановна, – и гуси, и поросяточки.

— Свинья опоросилась!

— Хиба ж не знаете, что свиньи поросятся? — усмехается дед.

— Да то ж когда было, теперь все другое...

— Весной свинья всегда поросится, – говорит дед, – оно так было, оно так и будет.

Села Марья Ивановна к деду на лавку.

— Рай, говорю, тут у вас, дедушка, и не уйти б.

— Куды же итти, когда скрозь люди бьются, всем свою смерть ждать докучило.... а чего бьются?

А правда, как думаете, дедуся, чего люди бьются?

— На что мне думать старому, — уклоняется дед и, опять, глядя на свинью, разомлевшую под тяжестью розовых поросят, будто укоризной кому говорит: — Оно так и было, оно так и будет.

— Где тут Маринчиха, недалече? — припомнила Марья Ивановна старуху кума.

— А недалече, — указал дед за озеро, — она редьку садит, гарная у ней редька...

И он рассказал, как пройти.

III.

Озерко чистое такое, словно дно у него подметено, песочком посыпано, и кто-то, играючи, голубой, как небо, воды напустил. И лодка с рыбаком, и зеленый аир вдоль берега; недалеко отступя, лепятся друг к дружке, полукружьем городские дома, все как один белые, голубой ставень, садочек с махровыми мальвами.

С детскую голову цветы: и желтые, и розовые, и такие, как жар, ну, как червонное монисто у идущих в церковь дивчат. Тут же и базар. Сидят на рядком сложенных кирпичах, сели прочно, надолго. Тут и торговля, и клуб, и живая газета. Заграничного любопытства нету, свой, тутошний интерес.

Окликнет тетка тетку: что в садочке, как огородина, что уродило, то червь съел, что растащили хлопцы?

— Может, и не знают, что на свете творится? — дивится на здешних людей Марья Ивановна, но вспоминает, что и дед также прочно на лавке сидит, на свинью смотрит, а думает... Кто ж его знает, что думает.

Мелькают вывески: „совецкий портной", под „голярней" приписка

лом: „буржуев не стригу". На базаре при кинематографе большая езда, а под ней—„Отдых красного пролетария".

— Что это всегда у вас тихо, никто через вас не шел, не стрелял?— утерпела, спросила теток Марья Ивановна.

— Как так не шли?—встрепенулись словно от обиды тетки, и ну апуски:

Все тут шли...

— Еще говорят ктось пойдет.

А нам што? Нам ничего. Побажают себе на вокзале, добре оду чутно и пойдут себе дале.

— Убьют, кому смерть пришла...

— У нас инженер, спасибо ему, со злости, что город хабары не л, взял да за две версты и отвел вокзал, да еще к городу раком оставил. Лаяли того инженера немало, однако, вокзал своего часа ождался.

— А много народу убили?

— А есть-таки,—есть. У кого еще на войне забили, у кого теперь, а свободах. Живем себе, как люди живут...

— А как тут к Маринчихе?

— А там вон, за рогом, свернете—и Маринчиха. Она редьку все дит, да сынов своих ждет. Добрая у нее редька; а сынов не дождется аринчиха.

— Один у ней белый, другой червоный; может сами один другого били.

— Мать до смерти ждать будет.

— Известно, мать.

IV.

Марья Ивановна через калитку, скрытую пахучей жимолостью и асмином, вошла в палисадник к старухе Маринчихе.

На крыльце в расшитой рубахе дивчина грызет семечки:

— Они чай пьют в садочке, проходьте себе...

Балкон, как японским занавесом, заткан частой тугой бечевой, по ей от земли на крышу змеятся вьюнки. Роса горит в глубоких чашах ежных цветов: белых, розовых, лиловых.

— Садитесь, чаю выпейте, а, может, и молока внесть?—обрадовалась ласковая Маринчиха и поклону из города, и незнакомой гостье. имоходом идя в кладовую, указала на тяжкие ветви сливы, пригнуые до земли.

— Так и гнет их: урожайные сливы это лето...

Вернулась, поставила варенье в пузатом горшке, и масло, и знаенитую свою редьку: „жемчужина огородов".

— Про вашу редьку уж слышала,—сказала Марья Ивановна.

— Это ж дед, верно; я ему на семя давала. Одна отойдет, другую ажу—сынов своих жду: до нее оба охотники.

В старом лице, как свет за прозрачной картиной, вызывающий жизни краски, такая проступила печаль, наметились круче морщины, огнули губы.

— Они ведь близнятки у меня,—говорит тихонько Маринчиха,— так не по правилу вышло! Близнятам, учат старые люди, Бог одну ушу дает, а они брат на брата. Белые наше местечко возьмут—ищу воего среди красных; красные возьмут—я у белых—покойников. ...ас еще не ходила, верст за пять лежат, когда ветер дух доносит. ного неприбранных, говорят, а уж неделя, как тихо. Горе мое нет

колодами, пухнут. От сердца у вас, сказал доктор, не пройти столько верст. А вот завтра пойду, возьму лопату пойду, хоть чужого зарою. Все легче...

Посидели, помолчали.

Рассказала Марья Ивановна и про свое, хоть и не такое, конечно, а все-таки: последнее, ведь. И где Коле зимнее взять, когда чемодана не сыщешь?

— Да чего же ему пропадать? Он, говорите, в багажном?

— В багажном.

— Ну, а там и Микола и Степан Петрович. Обедать только до дому ходят, хата близенько, а жинка у Миколы хозяйка...

— Да без квитанции не дадут.

— Как так! Чемодан ваш, а что за важность квитанция! Кто письменный, тот и сам напишет.— Вдруг, глянув в просвет между вьюнками, Маринчиха плеснула руками, словно дирижер оркестра, и, тяжело перевалив со ступеньки в сад, закричала: — Хроська, лядащо, нажени хлопцив з сливняка!

Бурей пронеслась Хроська; алая лента мониста огненным змеем забилась по белой рубахе:

— Тикайте, тикайте...

Тяжкими мешками хлопнулись о землю хлопцы и—мах через плетень. А Маринчиха снова кроткая, в старческой мудрости предваряя события, сказала:

— Нехай себе и урожайные сливы, а не достоят. Так зелеными обнесут их хлопцы. А за чемоданом, серденько, не журитесь, раз он ваш, так он никому тут не нужный. А какие теперь правила? Никаких правил нет, что захочет человек, то и сделает. Вы себе познакомьтесь с багажными, чайку с ними выпейте...

V.

Вечерело, когда Марья Ивановна шла опять на вокзал. Опять чистое озеро, только базара уж нет. На вытоптанном кругу одни в кучку сложенные кирпичи. Придут завтра опять с молоком, с зеленью, снова сядут на привычное место, лениво перекинутся словом и до полдня будут тихонько поторговывать.

Такое прочное все здесь; кем-то ладно, добротно слаженное, трава ярко-зеленая, озеро и к вечеру не мутнеет. Определенным, красно-желтым кружком ложится на гладь его солнце. Плывут степенно, по заданной кем-то линии гуси, и почти попрежнему сытые ребятишки, радуясь чистому мягкому дну, не плескаясь, шаг за шагом, медленно идут в воду.

Вдруг подул ветер и донесло... сладкий тошнотный дух. „Много неприбранных",— говорит Маринчиха. Припомнила Марья Ивановна свинью с поросятками, и базар утренний, и озеро это вот чистенькое, и в пяти-то всего верстах, может, оба сына Маринчихи, может, как раз брат брата... Ну, как этому всему вместе быть?

Маленькая головка у Марьи Ивановны, и вся она такая мелкая, ничем не отметная, только хохолок кружевной на реденьких волосах. Думать ей—мука.

А над белой дорогой, убегающей в поля, где последние отступившие бились, какой закат! Не прозрачный золотой воздух, а какой-то сплошной, словно медный, ярко начищенной таз. Непроницаемая желтая стена восходит кверху и на ней, как вырезанные, наклеены почти

черные очертания трех косматых собак. Не по-собачьим поджались, присели на задние лапы, а передними врылись во что-то большое, раздутое.

Дрогнула Марья Ивановна, а идет, не минует. Палая лошадь с обглоданной мордой и собаки какие-то не собачьи. Не отрываясь, роются в падали и, осев как тигры на задние ноги, рычат жадно и злобно. По дороге навстречу две женщины: одна высокая, другая пониже; издали кажется—они ссорятся, вот-вот подерутся: одна руками вскинет, кричит, другая за руки ее хватает и та вдруг заплачет, тонко так, жалобно. Дорога белая, женщины черные на ярко-желтом лощеном небе, смотреть тяжко. Вдруг остановились, почти поравнявшись с Марьей Ивановной, дошла она и тоже стала, как вкопанная. На большой дороге во всю ширь, плоскою, противною лужей стояла кровь.

Высокая женщина вдруг как-то рухнулась рядом с лужей на землю и закричали таким нарочным пронзительным голосом:

— И здесь убили! А-а!

— Встань, Сонька, заткни свою глотку,—хрипло увещевала, словно лаяла, подруга,—назад не воротишь, пойдем запьем, забыть надо...

— Тебе можно забыть, твой це-елый, в гроб положила, крестом покрыла и есть он опять. А мово-то! Бо-женьки, лю-юди добрые...

Она стала на колени и, кланяясь и как-то округло и нежно забирая по воздуху руками, будто делая какую-то условную фигуру, заголосила тоненько, нестерпимо:

— Ма-моньки, Боженьки, мово-то, мово—псы обглодали! Собирала его: Не собрать! По рученьке, по колечку своему признала. Ой, головку томит, ой, я б скрылася!

И, сдернув платок с плеч, она укрутила им голову и легла в белую пыль перед лужей крови.

VI.

В багажном отделении, верно сказала Маринчиха, ужинали.

— Приятного аппетита,—пожелала Марья Ивановна,—а кто здесь Степан Петрович?

— Я самый, а чего вам треба?

Это был тот багажный, что и не глянул, когда Марья Ивановна просила дать чемодан без квитанции.

— От Маринчихи вам поклон.

— У нее редька гарно родила—„жемчужина огорода".—

И здесь знали, все знали про редьку Маринчихи.

— Чемодан у меня здесь,—говорит, осмелев, Марья Ивановна,—чемодан застрял уж дня три, верно, будет...

— А, так вы та, что без квитанции? Без квитанции ничего не выйдет. Тут в каморе столько чемоданов понаперли, что человек и с квитанцией придет, очи вытаращит, а своего не найдет, а без квитанции—одна хвороба.

— Сейчас все такое необыкновенное,—твердит свое Марья Ивановна,—может, и чемодан я найду, право! Пустите взглянуть в кладовую.

Степан Петрович нахмурился, стал вдруг начальником, сказал строго по-русски, с сильным гаком:

— Кладовая при багажном отделении—учреждение официальное и вход посторонним лицам строго воспрещен.

„Помяни Господи царя Давида и всю кротость его.." про себя

думает Марья Ивановна, а вслух, с горя несет уже не весть что, слышит себя и дивится:

— Это я посторонняя? Да я вам поклон от Маринчихи принесла, да мне и город ваш нравится, и в озере вашем я чуть не искупалась.

— Ставок у нас первый сорт и карасей в нем...—сказал вдруг, осклабясь, Степан Петрович.—Микола! не пойти ль до свита с удкою?

— Куды же карась теперь потребен?—отозвался с презрением Микола.—Карась—путящий в сметане, и не так, чтобы только сверху, а так, чтоб и хвост потонул. Да еще житный хлеб до карася и не пасует, карася надо есть с паляницею.

— Вот вы здесь как? разбираете еще, с каким хлебом есть,—и рассердилась маленькая Марья Ивановна, хитрости все позабыла:— А хотите вовсе без хлеба на жмыхах? Да не на путевых каких-нибудь, а на конопляных, которых и кабан без размола не сгложет? А мы еще кооперативу спасибо сказали, потому что без этой жмыхи извольте-ка день в день одну зелень: слыхали про дикорастущие съедобные растения? Слыхали: одуйплеть, пустодуй, молочайник, попово гуменце,— хорош борщ?

— О Боже ж мий, що це люди претерпляють!— подпершись кулаком, сказала дивчина.

А Микола здоровый, плечистый, щеки, словно крашены бураком, в ответ:

— А у нас такого бурьяну, хоть убей, есть не будут. У нас известно: квасец, цыбуля, часнок, крип, квасоля... да еще панские выдумки „цветная капуста", ну, я в ней никакого смака не вижу.

— Ну, пусть себе голод,— завела уже смело шарманку Марья Ивановна,— а холод-то! Шкапы, стулья спалили, как татары сидим на корточках, дрогнем. У вас, думали, отогреться, а чемодан не дадите, и здесь пропадать. Все добро в чемодане...

— Микола!.. ни, я сам.

И Степан Петрович, почему-то тронутый бедами Марьи Ивановны, встал из-за стола и, побрякивая вязкой громадных ключей, пригласил:

— Идем со мной в камору, может, такое ваше счастье, что чемодан ваш найдется.

— Да их там до бисова батька,—начал было Микола.

— Непотребна ваша рецензия, Микола...—оборвал Степан Петрович и провел-таки Марью Ивановну через рельсы в огромные двери сарая.

Как вошла Марья Ивановна в кладовую, как натиснулись на нее ящики да корзины, где тут думать свой чемоданишко вызволить!

Пропало дело, знай, одно твердит, как заводная, уж без всякой надежды и смысля:

— Найди Господи, ну, найди...

А Степан Петрович нажимает:

— Швиденько, а ну...

Крутится Марья Ивановна, трепыхает на редких волосах кружевной хохолок и подумайте —чемоданишко! Тут как тут, в стороне, не загруженный, приметы на-лицо: сам в клеточку, замок на кольцах, бок выдран, подштопан.

— Он!

— А коли он, берите себе...

Схватилась за ручки чемодана, и Степан Петрович вдруг потемнел: не по нраву что-то пришлось, поспешность ли Марьи Ивановны, или что другое, не дает. Руку отвел:

— Погуляйте себе, придите ночью— получите.

Марья Ивановна руки сложила:

— Да уж выдайте вы сейчас.

— Що?—Степан Петрович вспыхнул и опять стал начальником. Хиба ж вы не знаете, что багажу без квитанции давать не можно? И кладовая е казенное учреждение, вход посторонним лицам воспрещается. Да что с вами размовлять, у меня дело.

И, выйдя с Марьей Ивановной за ворота сарая, он щелкнул ключем громадного замка и пошел себе в сторону.

Не пошла гулять Марья Ивановна, села под тополями покорная, терпеливая, до утра сидеть будет, высидит чемодан.

Луна бежала по небу, обвитая легкой венчальной фатой—сквозистыми облаками, а дивчата пронеслись куда-то с хлопцами, стуча монистами и каблуками.

Прислонилась к тополю Марья Ивановна, дремлет; кто-то тяжелый сел рядом, затянулся, сплюнул и вдруг тронул легонько за руку:

— Чего ж чемодана не взяли?

Степан Петрович.

— Да вы сами мне не дали!

— Як це не дал?—ухмыляется.—Ваш чемодан, так и берите себе.

— Ми-ко-ла,— прогудел он в гущу защитных рубах,—Микола, выдайте чемодан, они опознали.

Марья Ивановна бегом за Миколой, и откуда сила, с ним вместе тащит в багажное.

— Степан Петрович, проверьте вещи, все печати под моим показанием.

— Непотребны нам ваши печати,—и, не глядя, отвели прочь бумагу короткие крепкие пальцы,—скажите сами, что у вас там никового, по вашему дорогого.

— Ну, шуба черная с воротником.

— Микола, гляньте. А спод какой?

— Драпая подкладка, знаете, не поспеешь чинить...

— Спид дуже подертий,—удостоверил Микола.

— То це и ваше, забирайте его... а марка?

— ?

— Треба марку, та гербовую.

Ахнула Марья Ивановна. Полночь, какая тут марка? Поезд вот-вот подкатит: его прозевать—новые сутки на станции, а то и неделя и месяц такое сейчас время.

А Степан Петрович, как дятел, свое: это бумага официальная, на официальной бумаге полагается расписаться через марку. Она и не дорогая, марка, всего пятьдесят копеек.

— Где же это ночью сыскать!—плачет Марья Ивановна.— Вот двести, триста тому, кто купит завтра и налепит, отпустите вы меня с этим поездом!

Степан Петрович презрительно глянул на дрожавшие в руке Марьи Ивановны керенки, хлопнул по столу крепкой ладонью, сказал:

— До официальной бумаги всегда нужно марку в пятьдесят копеек!— и не обернувшись, такой ладный, сбитый на-веки крепыш, топая добротными сапогами с подковами, пошел в свою хатину.

— Монолыт!—гордясь начальником и ученым словом, сказал ему вслед Микола.—Сказав—зробив!

Неживая вышла Марья Ивановна на крыльцо вокзала. Луна в небе стояла сейчас такая яркая, такая же круглая, как днем было солнце. И небо ночное, как и дневное, было здесь без облачка, нежно-зеленое.

Тополя и парубки с дивчатами—все словно в подводном царстве, в этом покрове тихого зеленоватого света.

Звезды проступили какие-то крупные, одни низко свесились, к земле тянутся, другие над головой вспыхнули, ну, в такой глубине, смотришь и тонешь, ничего помнить не хочется.

Загляделась Марья Ивановна, чужое горе, свое горе забыла, и чемодан тот несчастный...

Ее маленькую, легкую, всю втянула в себя глубина эта с звездами. Есть отдых каждому человеку.

И вдруг над ухом повелительно:

— У него спытайте. Знакомый человек, коммерцийный...

Вздрогнула Марья Ивановна, вскочила—опять он, „монолыт", Степан Петрович. Длинный ус крутит, совсем добрый. Смотрит на Марью Ивановну, что с нее взять: хочешь с кашей ешь, хочешь в ступе толки—покорная.

— Слухайте, у вас верно есть гербова марка?

А коммерцийный человек веселый:

— И почему же нет, если да?

И тут под луной предлагает на выбор какие ни на есть разновидности.

Марья Ивановна обмозговать не поспела, как снова она в багажном отделении, за столом, против монолита, и такой его памятный короткий крепкий палец, упершись в страницу отчетности, указывает, где лепить, что писать.

— На марке и распишитесь. Как фамилия?

— Федорова.

— Хва или хве?

— Хва?—озадачилась Марья Ивановна,—ах это вы про фиту? Так ведь по новой орфографии фиту отменили.

— Как для кого...

Вдвоем с Миколой Марья Ивановна сволокла чемодан в хвост отъезжающих.

В багаж она его больше сдавать не хотела.

Ольга Форш (А.Терек).

Из полевых песен.

На поляны в полесовье
Шли—насвистывали
Ветры, листья на березах
Перелистывали.
Девки бегали, скликались,
Шли угончивые,
На приваду, на пораду
Не приклончивые.
В полесовье песня девок
Подзадаривала,
Хорошо гармонь играла—
Выговаривала.

... Я в багряном листозолоте—саду
Вечер радости с порадой проведу.
Уведу я да потайною тропой
В лес зеленый повеснянку за собой.
Ты, березка, свои ветки наклони,
Нас от взоров охрани, оборони,
Будут слушать только ночка да трава
Наши тихие да тайные слова.

Эй, откликнись, отзовися,
Полыхмянница,
Призывает тебя к воле
Вольный пьяница.
Призывает нас повада,
Волей заданная.
Где ты, радость ненагляда,
Неугаданная?
Есть тропинка в лунном свете,
Мной проложенная.
Мы по ней пройдем с тобою
В даль нехоженную.
Песня девок в лунном свете
Подзадаривает.
Хорошо гармонь играет,
Выговаривает...

Мих. Артамонов.

Страда.

Записки Т. А. Забытого.

Посвящается памяти незабвенного друга моего, матери моей Марии Августовны Аросевой.

Эти записки составлены т. Терентием Антоновичем Забытым, умершим от тифа. Записки составлены в разгар его работы. К сожалению, не окончены: смерть помешала. Они были найдены в корзине под его кроватью и представляли собою листы бумаги, картона, синих и желтых пакетов и даже клочки шпалер. Терентий Антонович писал на чем попало.

Надо переломиться.

Моментами пугаюсь своего отражения в зеркале: физически здоров и, пожалуй, даже красив, а в глазах нервность, беспокойство. И не простое беспокойство, а какое-то большое, глубокое, словно хочется мне весь мир охватить, а он необъятный. И жизнь моя все равно, что былинка в поле. Мне 30 лет, не успею даже грамотным, как следует, сделаться. Всякий вопрос волнует. Начнешь разбираться—на его место сто вопросов. Дотронешься до них—их стало миллион, и вот горит душа, разрывается, рвется все выше, все выше... А за спиной пасмурные дни детства, тяжелые годы мастерской, тюрьмы и ссылки.

Вот теперь, вот она, заря занимается... Мир празднует зарю, а мои силы перевалили за полдень.

При всей моей гордости пробовал говорить об этом с Деревцовым, он возражает: „буржуазность, индивидуализм", а у самого тоже грусть в глазах и что-то невысказанное. Раньше мы с ним друг о друге все знали, а вот теперь словно события взбудоражили что-то в мозгу и мы утеряли связь. Но я люблю Деревцова, он—как святой или ребенок и глаза у него голубые и глубокие, как у инока, и лицо с нежным румянцем и кудри круглые, как стружки, и желтые, как воск. Да и горит-то он в жизни, как восковая свечечка.

Я слесарь, он столяр, я давно в революции, а он примкнул к нам только в 1912 году, после „ленских" событий. Потом был в ссылке.

Деревцов редко спорил, а если случалось, то всегда робко, застенчиво. Раньше я думал, что он стесняется своих незнаний, но потом убедился, что он боялся обидеть человека словом. И только со мной был откровенен.

Но вот теперь родились между нами непонятные слова. Действуем попрежнему вместе, плечом к плечу в одном деле, а все-таки между мной и им образовался какой-то заслон, который не пробуравишь никакими словами.

И как раз в такое время. На-днях мы с ним расстаемся. Ц. К. посылает его в городишко NN председательствовать в губсовпрофе.

Будет хорошим работником. Одно плохо: любит стишки писать. И по правде сказать, недурно у него выходит. Однако, я ему этого не говорю.

Раз как-то он прочитал мне свое стихотворение, оно мне понравилось, а я не подал к этому вида и по своему обыкновению стал критиковать весьма сурово. Вдруг Деревцов вскочил, подошел ко мне, положил руки на мои плечи, припер к стене и сказал:

— Сознайся, Терентий, ведь и ты хотел бы писать? Сознайся, не гордись. Может и пишешь?

— Я еще с ума не сошел.

Зло меня взяло: ведь именно в этот момент Деревцов своими чистыми голубыми глазами заглянул на самое дно моей души и увидал там мою скрытую правду! Как же, не писать?! еще как пишу! Грызу проклятый карандаш, с которого на бумагу стекают корявые слова, рву написанное и снова пишу. Я бросаюсь на все: статьи, корреспонденции, заметки. Но редко посылаю их в газеты, потому что не люблю получать отказы.

Вот и записки эти... Увидят ли они свет хотя бы тогда, когда мои пустые глаза будут смотреть в вековечную тьму могилы.

Сегодня мы виделись с Деревцовым в приемной секретаря Ц. К.

— Ну, что, брат, едешь?—спросил я.

— Да. Сегодня. Нет ли у тебя закурить?

Закурили.

— Кто еще с тобой? спросил я.

— Еще несколько человек едут. Вот, например, т. Пирский.

— Да, да и я еду,—вмешался Пирский. Худой, но румяненький, давно не стриженный, но аккуратно подбритый, интеллигент. Немного сутулый. Дрыгающее пенснэ на носу.—Я туда еду предгубисполкомом,—добавил он. А я подумал: „Хвальбишка, никто тебя не спрашивает, кем ты туда едешь".

К нам подошел наш старый товарищ Столапов. Бывший студент. Огромного роста и ширины. Здоровьем и свежестью от него веяло, как от зеленого дуба. Лицо простое, бородатое и угрюмое. В серой, крепкой шинели. Похож на отборного фельдфебеля. Он с фронта комиссар дивизии.

— А-а, друг мой, Петя,—и Деревцов весь в восторге бросился к подошедшему и стал его целовать.

Столапов немного смутился от такого шумного приема. И, может быть, поэтому был несколько холоден.

— Ну, поговорим, давай поговорим,—сказал Деревцов и тут же сразу выдохся: восторг его исчез, оставив на лице легкий румянец, а в глазах блеск. И не о чем стало говорить. Наступила неловкость.

Слишком различны были наши области борьбы и жизни.

Пирский, стоявший с нами, чужой, новый для нас троих, как бы олицетворял эту взаимную отчужденность.

— Ну?.. как?.. что же?.. Наши дела на фронте? все еще не унимался Деревцов.

— Под Псковом—ни туда, ни сюда,—сказал, точно скомандовал, Столапов немного сиплым басом. Его слова были круглыми и крепкими, как жолуди, упавшие с дуба.

И кое-как, словно немазанная телега, разговор покатился. Пирский, совсем ненужный, бестолково продолжал стоять между нами. Подошло еще несколько товарищей. Разговор потерял уже всякую сердечность и засорился пустыми анекдотами. Впрочем, все весело смеялись.

Очередь на прием дошла до Деревцова. Он скрылся, прихлопнув за собой белую, холодную дверь.

Разговор расклеился.

В разукрашенное морозными узорами окно щурилось московское холодное солнце. И над Кремлем носились тучи птиц, ведущих свой род, может быть, до времен московских царей, то грозных, то тишайших.

— Ну, что?—спросил я у Деревцова, когда тот вышел от секретаря.

— Получил все нужные директивы. Положение в том городе таково, что приходится все создавать чуть ли не заново. Какого вопроса ни коснись, все „в процессе организации". Это, кажется, бесконечный наш процесс. Хорошо одно, что там пролетарский район.

До меня оставалась еще длинная очередь. Поэтому я с т. Деревцовым вышел на лестницу.

Голубые глаза его смотрели и с увлечением и с беспокойством куда-то, далеко помимо меня.

— Просил, понимаешь ли, я с собой еще двух—трех парней, не дают. А там я почти никого не знаю. И т. Пирского не знаю. Ты, слыхал, там недавно два завода бастовали?

— Ничего! Туда поехал Волков. Знаешь? Тоже питерский. Он там сразу уважение получил у рабочих и меньшевиков в переделку взял. Ты с ним постарайся сработаться.

— Да, сработаюсь,—немного рассеянно отвечал т. Деревцов, глядя на концы своих рыжих сапог.—Только...—он покрутил головой,—только я бы сейчас другое наделал!..

— Что другое?

— Понимаешь ли, Терентий,—заговорил Деревцов тихо, как на исповеди,—давно я хотел поделиться с тобой. Видно, соскучился я о свежем пахучем дереве, которое поет под рубанком и выбрасывает золотые, скрипучие стружки, ядреные, смолистые и кудрявые. Эх, я бы поработал теперь, именно теперь, не из-за хлеба, для любви...

— А ты эти чувства в стихи, в стихи перелей,—слегка подсмеивался я.

— Стихов мне мало,—отвечал вполне серьезно Деревцов.—Стихи слова, а столярство—дело. А слова без дела—что листья осенние: упадут и пропадут.

— Нет, ты гляди вперед, а не назад,—ответил я.—Чай, будет уж рубанком-то стругать. Рубанка для нас, для тебя уже мало. Теперь другое. Переломиться надо. Понимаешь? Переломиться!

— Нет, не понимаю.

— Эх, чудак, ну, как же ты не понимаешь? Переломиться надо. Значит так, чтобы уметь управлять всеми молотками и рубанками. Другим человеком надо сделаться.

— Да ведь я—рабочий.

— Только с грузом: с властью,—возразил я,—вот поэтому и надо себя переломить. Ты подумай!

— Э-э! Что там думать! Некогда, я и так знаю. Хочу постругать, поточить, посверлить, лаком покрыть...

Сзади меня послышался скрип чьих-то тяжелых сапог: это вылезал из двери Столапов.

— А-а! вы еще здесь?—слишком радостно захрипел он, как бы желая сгладить прежнюю холодность.—Ну, кто куда? Надолго ли ты в Москве?—обратился он ко мне.

Мы опять постояли втроем, поговорили и распрощались.

Я остался один и думал: „Поработать для любви",—это мог сказать только сентиментальный Деревцов. А, может быть, он прав? Ведь у всякого рабочего есть свой верный друг: молоток или рубанок, без такого друга он, как человек прокаженный: больной и одинокий.

Или надо переломиться всем нам и стать другими?

Разрешишь один вопрос—на его место сто новых. Дотронешься—их стало миллион!!

Все на фунты.

В комнате по соседству со мной живет машинистка, работающая в конторе бывших магазинов Чичкина. Худенькая и, как мне показалось, изящная девушка. У нее нежная улыбка на всем лице и застенчивые глаза. Я с ней не знаком. Встречаемся только иногда в общей прихожей.

Однажды утром она постучалась ко мне.

— Войдите.

— Простите, товарищ, мы с вами, конечно, не знакомы...—и покраснела.

— Ничего, садитесь.

— У вас, оказывается, тоже сырость по стенам. Вот жизнь-то настала!

- Ничего себе, сыровато.—А сам думал: скоро ли уйдет?

Она мне сразу перестала нравиться: во-первых, лицо накрашенное, а, во-вторых, глаза маленькие, как мышиные. Соседка заморгала мышиными глазками и завертелась на стуле.

— Вы, кажется, отправляетесь в деревню за картошкой, мне хозяйка говорила... Так вот... Я хотела просить вас, не можете ли вы мне луку привезти? Я прямо страдаю без луку. Если вас не затруднит, пожалуйста...

— Что ж, если дорогой не отберут. Только, извините, я еду не за картошкой и не для себя, а по поручению союза.

— Это ничего... я думаю... по пути. Вот вам деньги. До свиданья. Будьте добры.

Глазки ее зарделись. Она долго пожимала мне руку, словно я ее задерживал.

— Пожалуйста! Я буду вам очень благодарна!

И опять горячо жала руку, словно на любовном свидании.

— Хорошо, хорошо, бормотал я.

Ужасно надоедливая особа.

— Так, пожалуйста, я сумею быть благодарной.

Она стала совсем близко ко мне, и я почувствовал, как от нее пахнет луком.

— Простите, мне некогда, тороплюсь,—спешил я.

Наконец, удалилась...

Лезут в голову всякие мысли. А мысли в наших головах все равно, что свиньи: пероют, перероют все, да так вверх тормашками и оставят.

Узнать бы, как мужик думает. Вот, если поеду от союза за мукой в Тамбовскую, обязательно поговорю с мужиками.

Я побежал в союз, на работу, бегу и философствую. В мире что-то случилось. Большое, непоправимое. Об этом сердце получило смутную весть.

Может быть, такое настроение навеяно пасмурным осенним утром?

В голове непрерывным потоком текут мысли. Одни растворяются или тают, как дым, другие застревают в мозгу. А вокруг меня текут, толкаясь, прохожие.

Всматриваюсь в лица их: у некоторых физиономии деревянные, как чувашские идолы, у других каменные, как халдейские истуканы, у третьих — измятые, как грязный платок. Много лиц простых, безвкусных и бесцветных и черствых, как комки холодной пшенной каши.

Мало лиц, озаренных сознанием.

И кажется мне, что вся улица — это страница большой книги, а прохожие — буквы. Смотрю на них и стараюсь прочесть страницу за страницей. Большая книга называется Москва.

Вероятно, у художников нет красок, чтобы передать современные лица. Где, например, взять такой серый цвет, чтобы изобразить лицо голодного, умирающего в тифу? Где найдется такая желтизна, чтобы нарисовать человека, потерявшего все свое здоровье в земляных рвах и в госпиталях? Какое нужно сочетание цветов, чтобы намалевать мальчонку, продающего папиросы на Сухаревке?

Город теперь — это глухой ад.

Бегу на работу в союз. Там шум и галдеж. Измученная улица проходит там в сотнях лиц товарищей рабочих.

Семь, восемь, девять часов работы пробегают, быстро как низкие облака, гонимые ветром. А потом я опять вытаптываю тротуары Москвы, бегу на митинги и собрания.

И уже совсем поздно возвращаюсь домой.

Вечером меня опять посетила соседняя дева. Она уже стала мне ненавистной. Я заметил в ней еще одну прелесть: стихийную жадность ко всему. Увидала, например, сахарин:

— У вас есть сахарин, а у меня нету. Дайте немного.

Ей самой даже неловко от жадности: она краснеет.

Увидала карандаш на столе:

— Подарите мне ваш чернильный карандаш.

И все в том же роде. Думаю, что это у нее болезненность. В обыкновенных условиях она не была бы жадной.

Я, кажется, и сам делаюсь таким же. Вот, например, купил сегодня на Сухаревке хлеба и спрятал эту редкость в стол, чтобы соседка не увидала.

— Это что у вас на столе, — заговорила опять соседка, — билет? В Художественный? На когда?

„Ну, нет...“ — подумал я, этого-то уж я не отдам. Быстрым движением я схватил билет, открыл ящик стола, чтобы спрятать и — о, ужас! — в этом ящике как раз лежал мой хлеб.

— У вас хлеб, — проговорила девица тоном признания в любви, — такой хороший... должно быть, на Сухаревке...

Я зашагал по комнате.

Вдруг она заложила руки назад.

— Ах, нет... я никогда не могла думать, чтобы у вас было так хорошо. Знаете, с вами я как-то сразу освоилась...

Теперь понятно, что ей надо и за какую цену. Даже сама краснеет, а говорит:

— Вообще, гораздо лучше умереть, чем жить одинокой... Вы, должно быть, тоже одинок... Да, конечно, я это вижу. Сядьте около меня. Ну, что вы ходите, как под барабан?..

На меня в упор смотрели „мышиные глазки“ и рука ее протянулась нищенски ко мне.

— Ну? — сказала она тихо.

— Что „ну"? — ответил я.

— Так разве я не стою куска вашего хлеба?

От ее слов и тона я захохотал ей в лицо:

— Ха-ха-ха, хотели заработать кусок хлеба с Сухаревки.

Соседка, как мышь, исчезла из комнаты.

Безусловно, прав Деревцов: все надо расценивать на фунты.

Конференция и улица.

Сегодня открылась конференция.

В коридорах публика расхаживает, группируется, обсуждает.

Я стоял и смотрел в окно. Ко мне подошел т. Пирский.

— Философствуете?

— Так, шум надоел.

Вдруг мы были оглушены громом рукоплесканий.

Пирский меня схватил за рукав:

— Идемте скорее в зал, должно быть „Лева" приехал (любил Пирский высоких лиц называть полуименами).

Мы вошли в зал, на эстраде действительно стоял т. Троцкий. Он появился быстро и внезапно, как Мефистофель из-под земли. Стеклышки пенснэ на глазах его блестели. За ними чувствовался острый живой зрачок. Бросался в глаза широкий и упрямый как бы двухэтажный лоб, да еще кончик бороды, острой, как клинок меча. Так издали. А вблизи хорошо заметны его зеленоватые круглые глаза, отточенные, как морские камешки. Когда с ним разговариваешь, он смотрит прямо в глаза и выставляет немного правое плечо вперед, как бы готовясь отразить неожиданное нападение. Заметно даже, что и нос его немного искривлен. Это к лучшему: правильный нос только мертвил бы лицо.

Председатель конференции сказал что-то приветственное по адресу Троцкого.

Началась овации.

Какая-то высокая и сухая, как жердь, девица в упоении уронила свой портфель, потеряла носовой платок и села на свою шляпу зеленого цвета с красным пером. Один красноармеец, стоящий у самой трибуны, в неистовом восторге взмахивал в воздухе руками, словно вспугивал птиц. И всплески аплодисментов были похожи на трепет тысяч крыльев. Красноармейца в пот прошибло. Впрочем, и всем стало жарко.

Умаялись от восторгов все, а больше всех Пирский. Он аплодировал с таким бестолково верующим лицом, какие бывают у крестьян, когда во время засухи они посматривают на выжженное синее небо и шамкают губами: „Подай, Господи, дождичка".

С трибуны, действительно, посыпался дождь... медно-звонких слов.

Троцкий заговорил.

В общем, ничего особенного. Только голос металлический и любит слова, нарочито их выбирает. В чем же магнетическая сила его? Нет, сила не в словах, а в музыке голоса. В умении во-время перевести дух, во-время передохнуть. Где надо, — сказать громче. Где надо, — спаузить. А где надо, — пустить слово с языка так, как стрелу с тетивы, пустить и чтобы видно было, как слово-стрела вонзается в сердце слушателя.

И еще сила его в фигуре. Широкие плечи и какие-то объемлющие руки. Когда он говорит, да еще так особенно придыхает, то кажется, что он несет и меня, и всех нас. Упирается лбом вперед, наклоняет и

вскидывает голову, руками хватает то воздух, то опирается о пюпитр, переводит дыхание, устает нести. И снова и снова несет.

Будь я художник-футурист, я изобразил бы Троцкого двумя треугольниками с основаниями вверх, а вершинами вниз: треугольник маленький — это лицо — на треугольнике большом — это туловище. Вот весь Троцкий.

Бросив последнюю самую звонкую горсть медных слов, Троцкий смолк.

Опять аплодисменты.

— Здорово, ловко!— говорил Пирский, протирая пенснэ. Теперь видать, что у него глаза совсем птичьи, как у воробья: мелкие, жульковатенькие.

— Ничего особенного, кроме того, что умеет вашего брата соблазнить словом, — возразил я.

— Ну, как же?.. Что вы? Впрочем... Хотя...

И слегка покраснел, заморгал глазами и отошел в сторону, не зная, что говорить и боясь противоречить.

На самом же деле на меня Троцкий произвел большое впечатление. Он словно ворвался в мою голову, и отдельные кусочки мысли, которые, как разорванные облака беспорядочно бродили в мозгу, стал приводить в порядок. Эти разрозненные мысли он как в вихре закрутил вокруг стержня своей речи и повлек за собой. Я слыхал Троцкого и раньше и всегда он производил на меня именно такое впечатление.

Я жил очень далеко, поэтому обратно с конференции шел один.

Фонари не горели, — в темноте вокруг меня текли прохожие, как сонные тени, как дождинки по стеклу окна. Им не было дела друг до друга. Оголодали, озверели.

И бешеный ветер метался по улицам.

Я шел по бульвару, передо мной все время маячила темная тень сухой старухи, сгорбленной под тяжестью мешка с дровами. Должно быть, безжалостный мороз пробирался ей до самых костей. Она спотыкалась то-и-дело о скользкие кочки обледенелого тротуара. Дрова давили горбатую спину. А ветер вырывается из-за углов, как разбойник. Выскочит, ударит колючей лапой старуху по лицу, взовьется змеем вокруг телеграфного столба, повиснет на проволоке и завоет, словно кого давят.

Деревья вдоль бульвара, раскачиваясь, шептались, как косматые ведьмы с ветром, посылая кому-то проклятия.

Кругом мрак, холод и стон метели. Как в трущобе.

На какой-то кочке старуха оступилась и мешок упал со спины. Старуха крякнула и беспомощно склонилась над мешком.

— Позвольте, баушка, я вам помогу,— обратился я к старухе.

— Проходи ты, неча приставать-то, оголтелый чорт.

— Да что вы, я помочь вам хочу.

Старуха еще пуще взбесилась:

— Отстань, чтоб те черти,— и еще много отчаянной брани, безнадежной, кошмарной, спутанной со стоном. Даже не разберешь, чего тут больше: стона или ругани. Слова ругательные, а голос — словно мольба о помощи.

Я медленно отошел от старухи...

На фронте.

Попал на фронт, в III армию, в Глазов.

Здесь хорошо. Снег блестящей белизны, от этого светло, ослепительно. На душе тоже хорошо и вообще все как-то ладно.

Пока затишье, красноармейцы чувствуют себя, как дома, в деревне. Разговоры все больше насчет обмундирования, потому что шинели, как рогожа, а ветерок-то иногда завернет колючий.

Ни у кого никакого страха.

Страх у меня был, когда ехал сюда. Боялся, что белые, прежде, чем убить, надругаются, да и с жизнью не хотелось расставаться. Трусил, но виду не подавал и считался храбрым.

А здесь, у самого огня пропал весь страх.

Все на душе ладно.

Но только где-то глубоко, глубоко есть щемящее чувство о матери. Ее жалко... Старушка. Никто о ней не позаботится, некому. Она никогда не будет знать того, что я знаю. Она вся в прошлом, я—в будущем. Мои слова непонятны ей. А нити кровные, родные связывают наши сердца невидимо, но крепко. Она души во мне не чает: я у нее единственный. С тех пор, как я стал революционером, лет 13 тому назад, я заметил в глазах матери выражение вопроса. Будто она меня хотела о чем-то спросить и вместе с тем боялась ответа. Вопрос без ответа—вот что светилось всегда в ее взоре, когда она смотрела на меня. Такими ее глаза и запечатлелись в моей душе.

Вероятно, даже тогда, когда она будет умирать, в ее глазах будет вопрос ко мне: „Что ты, сын, делаешь, куда ты идешь?". И потухающий взор ее будет гореть мольбой об ответе. А у меня не найдется таких слов, которые бы она поняла. Потому что я—это жизнь, она—это смерть. Смерть и жизнь взаимно беспощадны. Грядущее не знает пощады к прошлому.

Написать бы письмо старушке. Есть слух, что скоро перейдем в наступление.

Я надеюсь на свою бригаду, у меня мужик к мужику, народ все вятский, хватский.

Кончились светлые дни. На небе тяжелые тучи нависли, как звери воздушные. Должно быть, весна не далеко.

Мы ударили стремительным наступлением. . . . .

. . . .

Лето. Деревья в цвету. Лазарет. Грязь. Пахнет карболкой.

Рядом с моей койкой лежит огромный рыжий мужик. Он не особенно сильно ранен, но у него заражение крови, как говорят. Почти наверняка помрет. А веселый мужик и крепкий, бородастый такой, словно леший. Прославился тем, что сам один отбил пулемет у белых.

Про это он любил рассказывать:

— И очень я даже просто этот пулемет у них забрал. Как, значит, пошли мы в атаку, так и прем, налегаем, стало-быть, вали валом, там разберем. Напирали, напирали, да связь-то друг с другом и растеряли. Глядь, —а белые-то уж у нас в тылу. Спервоначалу-то мы даже и не поняли ничего, да они сами как начали нас поливать, только повертывайся. Мы покувыркались, покувыркались, да врассыпную. Я сбежал аккуратно в овраг возле березнячка и притаился там...

— Известное дело: один-на-один—все котомки отдадим,—уязвил рассказчика маленький плюгавый солдат с грязным лицом и бельмом на глазу по прозванию „Вор-Коротыга“.

— Не замай, помалкивай, одноглазый...—огрызнулся на него рыжий мужик.—Притаился и думаю,—продолжал рыжий,—что же мне делать? Значит, никак мне от них не уйтить. И так худо, и так плохо. Хрен редьки не слаще. Решил на „ура“. Как раз над оврагом на холмике стоял „ихний“ пулемет, а около него человек двадцать...

— Врешь,—опять пре́рвал Вор-Коротыга,—вчера сказывал только двенадцать.

— Нет, двадцать, слушай ухом, а не брюхом. Так стало-быть я, значит, выскочил, винтовку на перевес да как гаркну во всю Ивановскую: „урра-а-а“, и прямо на них, с тылу, значит. У тех, видно, тоже связь была плохая. Растерялись, заметались. Я чай, подумали, что тут отряд целый, и ну—наутек. У самого пулемета попался мне один из них. Я ему, значит, штыком в ребра. Он только оглянулся на меня и выпучил глаза. Потом крякнул, словно хватил ядреного квасу с похмелья, и стал приседать, опускаться, а глаза все выпучены, будто не на меня, а на чорта глядит. Так и опустился в снег. Ну, значит, я к пулемету, и поволок его. Аккурат подоспели и наши...

Любил мужичок это рассказывать, и всегда Вор-Коротыга его поддразнивал. А вообще они весьма дружны: делятся махоркой друг с другом, курительной бумагой, спрашивают друг у друга, не холодно ли, и передают один другому полушубок, который выдан „для тепла“ на 10 человек раненых.

Иногда по вечерам Вор-Коротыга заводит гармонику. Тогда начинаем, кто может, затягивать песни. Особенно хорошо выходит на мотив „Варяга“:

Не в силах, товарищ, я вахты стоять,—
Сказал кочегар кочегару.
Огни в моей топке совсем не горят
И мало в них стало уж жару.

С особенным ударением мы все поем:

Но если бы кто заглянуть туда мог,
Назвал кочегарку бы адом.

„Кочегарка“—это наша душа. Вот, если бы кто заглянуть туда мог.

Мы хорошо это поем. И рыжий мужик басит складно. Сегодня басит, а завтра, может быть, умрет... Одноглазый Вор-Коротыга сам не поет, но зато гармонь свою заставляет петь. Под его рукой она дышит, как грудь. Только что слов не выговаривает, а голосом прямо человеческим выводит.

Так бегут в грязном лазарете вечера.

Меня никто не посещает, кроме товарища Маруси из политотдела. Но и это бывает редко, занята она. Впрочем, и я интересуюсь не ею, а книгами, которые она приносит.

Иногда в лазарете слышатся стоны. Это тяжело раненые или те, которые после операции. Стонут... Будто хотят своими криками зачурать наседающее на них страдание. А страдание, как черный змей, обвивается вокруг тела и катает человека по койке.

Однажды я заснул под такие стоны. И видел во сне рыжего мужика. Будто он оправился, живет в деревне, где горит электричество. Все кругом благоустроено и мужик опрятный, спокойный, в шелковой голубой рубахе. Он потчует меня из жбана хорошим, ядреным квасом...

Проснулся.

В горле у меня, действительно, пересохло. Я подумал: „Ну, значит, мужик помер". Вскочил с постели, сделал шаг к его койке. Стало страшно оттого, что может быть рядом со мной уже не „он", а труп. Так лошадь, завидев на дороге что-нибудь темное, бревно или кучу гнилого сена, шарахается в сторону. Я вздрогнул. Темно. Все спят. Слышится храп. Кто-то в отдалении тихо стонет. Наверное, кандидат на тот свет.

Прочь собачий страх! Я наклонился к мужику: он дышал полной грудью, тихо и беззаботно, как ребенок. Меня ударило в пот и жар от радости.

Вот ведь сколько раз я еще в детстве замечал, что в жизни все устроено так: если подумаешь одно,—непременно выходит другое.

Я выпил мутной воды из грязного кувшина и лег спать радостный и успокоенный.

И дни потекли по прежнему. Часто вспоминались дни боев, особенно последнего.

Нам дано было задание переправиться через реку. Первый раз мы ночью бросились на белых. Они закрыли нам путь пулеметным огнем. Через несколько дней мы сделали вторую попытку. Не удалась. Наконец, получили приказ переправиться на тот берег во что бы то ни стало. Ударили опять ночью. Перекинулись через реку. Опять завеса из пулеметного огня. И все-таки мы продираемся. Держим связь с соседними бригадами на флангах.

Свинцовый дождь пригвождает то одного, то другого. Падают. Стонут. Свинец буравит тела. Раны горят и дымятся кровью. Мертвые, вниз лицом, растопыренными руками будто обнимают шар земной. Целуют землю. Живые бегут, ползут, стреляют и падают ничком целовать землю и поить ее, ненасытную, своей кровью. Бегу и я. Тороплюсь, отдаю распоряжения. Временами приостанавливаемся, залегаем где-нибудь за холмом. Тогда ружейный треск начинает учащенно свое: „тра-та-та".

Светает.

А мы все цепями перебегаем и цепи наши редеют.

Кто-то рядом со мной обругался матерным словом, но не докончил ругани, захлебнулся кровью: пуля попала в рот, и человек упал.

Кажется, еще несколько шагов и—мы ударим в штыки.

Перебегаю от цепи к цепи.

Солдаты утомились. Проклинают себя и все на свете. А лезут, все лезут, не щадят себя.

Вдруг я увидал, что мой левый фланг слегка сдает. Крайний конец его завернулся и покатился назад. Не вынес силы пулеметных фонтанов.

Я кинулся туда. В это время дрогнул центр. И на моих глазах цепи, взводы, роты одна за другой, словно от дуновения ветра, свертывались и кувырком скатывались назад. Как морские волны при отливе.

Закружилась голова, задрожали колени и ослабли мускулы в руках.

Я закричал что-то неистовое и бросился вперед, стреляя из винтовки.

Было уже совсем светло.

Я вбежал на холм. Немного вправо восходило багровое солнце, словно налитое кровью. Солнце показывалось с той стороны, откуда потоками лился свинцовый дождь. Оглянулся назад: в кустах и лож-

3*

бинах барахтались кучки наших красноармейцев, откатываясь назад. Не помню, какое у меня было чувство, но мне захотелось, чтобы эти откатывающиеся серые волны увидали меня...

Свинцовый дождь накалял воздух и насвистывал в уши смертельные песни.

А солнце поднималось: оно стало уже не красным, а золотым.

— Товарищи, вперед! Товарищи...—кричал я откатывающимся цепям.

Никто меня не слышал из-за свиста пуль и стонов.

Тогда я закричал в пространство:

— Уррра-а-а,—и кинулся вперед, стреляя из винтовки беспрерывно и беспорядочно.

Теперь мне уже не было дела до человеческой массы, застрявшей в ложбинах и бегущей в панике от врага. В сознании горели только слова: „во что бы то ни стало".

Словно споткнувшись обо что-то, я упал ничком так же, как падали другие. Правое плечо сделалось тяжелым и, казалось, врывалось в землю, как якорь.

Я подумал, что весело умирать. Вот так, с размаху.

Едва блеснула в сознании эта смутная мысль, как подо мной пропала земля, а надо мной потухло солнце и стал я вне пространства...

Сознание ко мне вернулось только тогда, когда я лежал уже в походной койке, и фельдшер перевязывал мне рану.

А бригада?

Она, оказывается, вслед за мной ринулась вперед цепь за цепью. Стремительным натиском смяла противника...

Вечером у нас, по обыкновению, было весело. Вор-Коротыга рассказывал свои похождения. А потом заиграла гармоника. И опять запели:

Не в силах, товарищ, я вахты стоять,—
Сказал кочер кочегару.

Дружно, хорошо пели. Нехватало только хриплого баса нашего мужика.

— Эй, ты, дядя Пиляй,—крикнул ему Вор-Коротыга.—Ну-ка, пригаркни нам.

Дядя Пиляй лежал и молчал. Глаза его были закрыты. Кто-то ткнул дядю Пилая в бок. Он не отвечал и лежал, как колода. К нему подошел еще кто-то, потрогал его и, обратившись к истопнику, который с ленивым видом прижался к притолоке двери, готовый хоть целую вечность слушать гармонику, сказал:

— Синитар, а синитар, погляди-кось. Дядя-то Пиляй, никак, помер.

— Ну-к, что ж, чай, все помрем,—ответил истопник и не двинулся с места.

У меня по спине прошли мурашки: среди нас живых дядя Пиляй был, действительно, мертв. Он скончался тихо, словно заснул, убаюканный нашими песнями.

Вор-Коротыга и другие раненые продолжали петь:

Но если бы кто заглянуть туда мог,
Назвал кочегарку бы адом.

„Кочегарка"—это наша, наша душа.

В сутолоке.

Будучи в Москве, зашел в М. К. повидаться с приятелями. Много народу толкалось там в беспорядке.

— Товарищ, где тут хозяйственная часть? — отталкивая меня в сторону, гремел скорее в пространство, чем ко мне, густым басом некий товарищ, одетый в грязный полушубок, неопрятно стянутый солдатским ремнем, и в шапке с ушами.

Не успел я ему ответить, как он уже обратился к высокой девице, попавшейся навстречу:

— Товарищ, я агитатор... Я из агитотдела, мне нужно хозяйственную... — но не договорил, так как тут же заметил своего приятеля:

— А, друг, ты все еще здесь толкаешься? Видал Гришку?.. Я уже с пятого митинга... Жрать хочу ужасно.

— Ступай в хозотдел Там „карие глазки" [1]) получишь.

— Вот я его и ищу... Жрать хочу прямо—в-в-во...

И, разминовавшись со своим приятелем, человек в полушубке, громоздкий и неуклюжий, толкая с дороги встречных, продолжал искать хозотдел.

Мне видно было, как в воздухе потрясался его упрямый затылок. И именно по этому затылку можно было судить, что у агитатора, должно быть, серьезный аппетит.

В углу одной из комнат двое с портфелями шумно спорили о чем-то принципиальном. И под этот общий гул „Ундервуды" и „Смис-Премьеры" вперебой отбивали такты, как бы разделяя звуки на клеточки.

Тишина была только в одном углу: там, где за черным столом сидели вряд четверо со смуглыми лицами монголов, уставившись сосредоточенно в бумаги. На стене над ними висела надпись: „Секция корейской организации".

Кто-то меня схватил за рукав.

— Здравствуйте, Терентий Антонович,—прощебетал женский голос.

— Здравствуйте, здравствуйте,—ответил я, не понимая, с кем имею дело. Но на всякий случай сделал радостное лицо.

— Вы с фронта?

— Да.

— Милый, дорогой Терентий Антонович, вы, наверное, на съезд приехали? Ради бога, достаньте мне билетик гостевой, или лучше — на сцену... я теперь коммунистка... и... записалась в партию и... в комячейке,—торопилась все высказать моя незнакомая знакомка.—И... очень часто бываю на митингах и лекциях товарища Коллонтай... Даже познакомилась с ней...

— Виноват, мы, кажется, где-то с вами встречались, — сказал я, чтобы выйти из потемок.

— Ах, греховодник этакий, уж будто и не помните? Неужели забыли? Да как же это вы?

Чорт возьми, мне совсем стало неловко.

— Помните,—продолжала она,—вы за картошкой хотели ехать в Тамбовскую и так коварно обманули меня?

---

[1]) Селедки.

— А а-а, вот что!

Только теперь я понял, что передо мной стояла моя бывшая соседка с „мышинами глазками". И сразу мне показалось, будто я с разлета шлепнулся в лужу.

— Хорошо, билет достану,—заторопился я.

— Пожайлуста, прошу вас... билетик. Я работаю теперь в Главкоже на ответственной работе и не голодаю. Приходите ко мне когда-нибудь.

— Спасибо, хорошо.

Из М. К. я направился к Деревцову. Он остановился вместе с т. Пирским в маленькой комнатке 1-го дома советов. У них я застал и Столапова.

Все трое были возбуждены спорами. На столе валялись объедки очень плохой колбасы, проекты резолюции на папиросной бумаге и газеты.

Столапов сидел, упершись руками в коленки. Лицо спокойное, в глазах уверенность, в белой бороде лопатой—сила. Ужасно неуклюж и огромен. В темноте мог бы сойти за хорошего медведя. Недаром он из медвежьих заволжских лесов: сын костромского крестьянина. Говорит немного хрипло. Изрядно потеет беспричинно. В царское время, когда Столапов был в ссылке, в Архангельской губернии, предприимчивый жандармский ротмистр пустился в объезд ссылки, предлагая почти каждому ссыльному стать агентом охранки. С этой целью приехав в село или городишко, ротмистр вызывал к себе ссыльного „на собеседование". Когда же перед ним появился Столапов, держа по своей привычке руку за пазухой, словно там у него был камень, и глянул на ротмистра своими непреклонно правдивыми, немного телячьими глазами, тот струхнул, и вместо предложения, которое делал всем, спросил Столапова, как ему здесь живется, не обижает ли кто его и т. д., на что Столапов не без издевательства ответил, что ему, Столапову, что-то скучно и не хочется разговаривать с ним, с ротмистром. На этом и расстались. Посмотреть на Столапова—можно подумать: дубовый человек, вероятно, и жестокий. А между тем он был мягок душой и любил красоту. Он сам, например, играл на скрипке и особенно чувствовал склонность к чистой и благородной музыке, музыке Моцарта.

За этот год Столапов еще больше окреп и загорел. Его дивизия принимала участие уже в боях на южном фронте под Манычем.

Деревцов тоже изменился. Сильно похудел, сгорбился. Лицо стало желтым. Весь тревожный и всклокоченный, как цыпленок, которого по двору ловит кухарка, чтобы зарезать.

Он стоял посреди комнаты, прижавшись к столу, и курил папиросу, неумело, как гимназист.

Пирский был все таким же: худой, но румяненький, с большим длинным носом, но мелкими чертами лица, с жиденькой бороденкой, но расчесанной для солидности на две половины. Так же болталось пенсне на носу и была на нем та же синяя косоворотка и грязный пиджак.

— Вот еще один „главком", еще главком,—встретил меня Пирский.

— Здравствуй, Терентий,—сказал Деревцов.

— Мое,—рявкнул Столапов, сжав мою руку.

— Ну, что, „главкомы", теперь нас милитаризировать будете? спросил Пирский.

— А то как же,—ответил я.

— Ты тоже за милитаризацию?—удивился Деревцов.

— Ну, конечно, я ведь вам говорил,—ответил за меня Пирский,

я тоже за милитаризацию,—объявил он, обращаясь ко мне с видом ученика, желающего получить пять.

Вообще Пирский старался войти поглубже в среду тех „настоящих“ большевиков, которые никогда не порывали с партией, даже в самые черные годы реакции. Сам Пирский где-то что-то делал в 1905 году, будучи студентом-юристом. Потом схлынула волна революции, отошел от нее и Пирский. Стал помощником присяжного, жил в захолустном губернском городке, женился, имел детей и любил читать Сологуба. Во время империалистской войны служил в земгоре. С первыми раскатами весенней революции примкнул к плехановцам, через два месяца—к мартовцам, перед самым октябрем к „Новой Жизни“, после победы над чехо-словаками—к коммунистам.

— По-моему, между нами говоря, точка зрения милитаризации сейчас—единственно правильная,—опять затрещал Пирский.

В комнату вошла Маруся, та самая, что посещала меня в лазарете; она сильно похудела, а глаза стали еще более восторженными.

— Вот еще милитаристка,—обрадовался Пирский.

— Здравия желаю,—прорычал Столапов, здороваясь с Марусей.

— А вы, товарищ Деревцов, из оппозиции?—спросила Маруся, здороваясь с ним.

— Я всегда немного с бунтом. Да и нельзя: вот поработайте в профессиональном движении, тогда и узнаете, что нельзя профсоюзы превращать в политотделы.

Спорил и я. Мне казалось, что мы, как путники ночью в снежном поле во время метели, топчемся в сугробах, нащупывая твердый путь.

Столапов молчал. Маруся дотронулась ласково до его плеча и спросила:

— А вы, вы то как думаете?

— Я еще не додумался.

— Так с кем же вы будете голосовать?!

— За дедушку, за дедушку буду голосовать: он начал, он и кончит.

— Вот счастливый т. Столапов: он всегда за Ленина голосует,— не без ехидства заметил Пирский.

Понемногу спор сам собою затих.

— Ну, расскажи хоть, как на фронте,—обратился Деревцов к Столапову.

— У нас на фронте лучше: без споров.—И Столапов медленно, словно ворочая в своем мозгу не воспоминания, а тяжелые камни, начал рассказывать о последнем грандиозном бое с деникинцами под Манычем.

— Стена на стену лезла,—повторял все время Столапов,—стена на стену.

— Да, чорт возьми, хорошо на фронте,—сказал Пирский, у которого язык был привязан к слишком чувствительному месту.

— Хо-ро-шо?—с расстановкой переспросил Столапов и продолжал, выпирая каждое слово, точно пни из земли.—Ну, нет, чорта лысого. Это вы... того.... совсем слабо. Маныч—это само собой, а вот помайся-ка с дивизией, как кухарка с большой артелью: того нет, этого нет. Там, глядишь, взбунтовались, оттого что босые. Здесь у крестьян овец уперли, скандал за скандалом. А тут еще спецы.... Недавно у меня двое из-за машинистки пошли на дуэль, на саблях. Я их в особый отдел...

— А машинистка?—спросил Деревцов, пережевывая во рту окурок.

— Машинистка?—лицо Столапова стало совсем угрюмым. н взглянул на Деревцова тяжелым взором и прибавил тихо:—Она поехала с

одним из них в командировку, а по возвращении в вагоне в купе нашли ее труп с пятью ранами на спине.

— Значит, это он?—

— Что же, его арестовали?!—

спросили в один голос Деревцов и Маруся.

Столапов помолчал и ответил:

— Не все ли это равно?

И все примолкли, а я думал: действительно, не все ли равно? Разве это важно?

Уже довольно поздно мы вышли из 1-го дома вчетвером: Маша, Пирский, Столапов и я. Деревцов остался дома печальный и всклокоченный, как цыпленок, которого ловят...

— Странный он стал немного,—заметила про Деревцова Маша. Она шла под руку с Пирским сзади нас.

— Он нюхает кокаин,—заметил как бы мимоходом Пирский, но нарочито громко: Пирский знал, что Деревцов мой друг.

У меня сердце сжалось за Сережу Деревцова. А про Пирского я подумал: „пасквильный человек".

— Что ж, ты после съезда опять на фронт?—спросил я Столапова.

— Хотел бы в Туркестан.

— Зачем же?

— Поближе к Индии. Индия — запальник, которым можно взорвать Европу.

Вскоре мы со Столаповым расстались.

Маша и Пирский, выбрав удобный момент, еще раньше где-то нас оставили. Я сообразил, что мне негде ночевать, и направился обратно к 1-му дому. На лестнице 1-го дома встретился с т. Клейнером. Сухой, морщинистый и мозолистый, он никогда не улыбался. Поздоровались и обменялись фразами, которыми обмениваются совершенно механически все встречные всех стран. Фразы эти следующие: один, например Клейнер, спрашивает: „Ну, как вы?.." Другой, например я, отвечает: „Да ничего себе, а вы как?" Первый—Клейнер: „Я тоже ничего". Второй—т.-е. я: „Та-ак". Клейнер: „Та-ак". Потом опять я: „Ну, пока". Клейнер: „Пока" и расходимся, прокрутив таким образом колесо этих высокознаменательных вопросов.

Хотелось зайти к Деревцову. Он тонет в кокаине. Что ж я ему должен сказать? Прочесть лекцию о вреде курения табака? Или просто смотреть, как он тонет? И то, и другое больно, слишком больно.

Размышляя так, подошел к его двери. Колебался. Потом решительно отвернулся и зашагал прочь.

Вдруг за спиной голос Деревцова:

— Терентий, ты ко мне?

— Нет, к Клейнеру,—ответил я на-спех.

Мы посмотрели друг на друга. Деревцов действительно стал как будто другой. В глазах страшная глубокая усталость.

— Заработался ты, видно, что-то здорово?—спросил я.

— Нет, устал от интриг проклятых, от бюрократии и вообще оттого, что перестаю ясно понимать, что̀ делаю и что̀ надо делать. Все думаю, не в плену ли мы!

— У кого?

— У врагов. У нас много врагов, особенно опасны те, которые под шум и грохот революции получили коммунистический паспорт.

— Это ты, наверное, о Пирском? Чорт с ним!

— Может быть, и так, а только вот в Москве он тише воды-ниже травы, в губернии же не приступись. На наших больших заводах его

уже освистали. А губком им терроризирован и превращен в каких-то послушников, шипящих исподтишка. Всех приспособил только к писанию благополучных отчетов в центр. Организовал „общество холостых"...

— Так что ж, это не вредит,—заметил я.

— „Не вредит", а вот, например, Маша... Восторженная, влюбленная в свои и чужие страдания. Думает, бедняжка, что новые нравы создает, строит новые отношения, закладывает мораль коммунизма, а он просто так... как, знаешь, монпансье от нечего делать жуют.

— А ты как с ним?—спросил я.

— Со мной он очень ласков. Но между прочим ведет политику против меня. Я, например, уверен, что свое пребывание в Москве он использует для того, чтобы убрать меня.

— А ты против него выдвини материал.

— Да какой материал! Что ты, ведь в том-то и штука, что таких, как он, уцепить не за что. В общем он делает то, что надо, и делает, может быть, и лучше многих других и энергично. Но его надо изо дня в день наблюдать, чтобы понять, что все им делается во имя пресвятой карьеры. Преисправный чиновник, совершенно чужой нам человек. А ухватить не за что: скользкий, как рыба...

— Ну, однако, прощай...

Я пошел к Клейнеру.

Шел один в темных улицах, мимо меня скользили взад-вперед автомобили и светом своих огненных глаз освещали то мою спину, то лицо.

Около каких-то ворот извозчик, получив с седока деньги, говорил:

— Товарищ, ты подумай, сколько ж стоит ноне овес. Сами рядились за три бумажки, а даешь два с полтиной.

— Ты не разговаривай, а то смотри... Я ведь председатель...— огрызнулся удаляющийся седок.

— Да это не диковина: ноне все председатели...

Седок быстрыми шагами пошел во двор. Извозчик, путаясь в своем сине-грязном долгополом кафтане, старался различить в темноте удаляющуюся фигуру и говорил в пространство:

— Товарищ, а товарищ... Ушел.. Эх, товарищи. Сегодня щи, завтра щи, а когда же каша?..

Крякнул, сунул за пазуху „два с полтиной", влез на козла и дернул лошадь за вожжи.

Лошадь мотнула головой. Сделала беспомощное движение шеей вперед, дрыгнула ногами и вдруг сначала на колени, потом всем костлявым туловищем подалась влево и легла на мостовую. Затрещали оглобли. Лошадь засопела, оскалила зубы и смотрела в темноту стекленеющими глазами.

Я как-то невольно остановился. Извозчик соскочил, подошел к лошади. Хотел распутать упряжь, но бросил. Сделал неопределенное движение рукой, будто собрался перекрестить умирающую большим мужицким крестом, но остановился.

Лошадь выпятила ребра. Голова ее закинулась назад. Сопнула еще раз. Дернулась всем телом и одеревенела.

Мимо проходил солдат с мешком на спине, должно быть, с вокзала.

— Издохла?—спросил он.—Ну теперь мясцом лошадиным расторгуешься.

— Расторгуешься!.. Ха-ха-ха! Вот чудак. Дохлятиной-то! Ха-ха!

Извозчик стал смеяться все громче и громче. Бессмысленно, ужасно хохотал и удержаться не мог. Солдат давно уж ушел. А извозчик все хохотал. Должно быть, у него перепутались нервные провода и вместо плача получился смех.

К труду.

Небольшой губернский город. Лето. Воздуху много. Пыли также. Широкая река волнуется и блестит на солнце, как растопленное масло.

Хочется работать много, с размахом. Поздно ночью урываю минуту, чтобы писать. Напрягаю ум: хочу знать, что нас ждет впереди. В Европе тишина, в Америке торжествуют Морганы и Рокфеллеры. А на Востоке... Для нас Восток—это все равно, что 10 или 20 новых Тамбовских губерний. Вопросы захватывают и кружат голову. Пишу, хочу, чтоб об этом знали все, и прежде всего я сам. Напрягаю мозг. Сижу ночами. Неугомонный, встрепанный. Веки глаз красные. В висках легкая ноющая боль. Пишу лист за листом. Не удовлетворен. Рву все и бросаю под стол. Опять пишу. Перечитываю снова. Ерунда. Ломаю перо. Пишу. Опять не то. Ломаю карандаш.

За ночью—трудовой день. И опять я должен принимать доклады от отделов о разверстке, о бандитах, о том, что заводам угрожает остановка. И среди всего этого потока губисполкомских событий я один. Целый день сверлят язык жестокие, утоптанные слова. Говоришь, а во рту словно песок.

Мысленно проклинаю интеллигентов. У них много знаний, да теперь не к чему, если оно у них, а мне бы как раз вся их наука и пригодилась. В прошлый раз написал в бумаге слово „жолтый", а мой секретарь, лысый, лоснящийся интеллигент, перекосился улыбкой да и говорит:

— Позвольте поправить: здесь нужно не „о", а, „е", не жолтый, а желтый.

— Все равно,—буркнул я ему в ухо.

— Слушаю. Оставим так.

А у самого в углах губ ядовитый смех. Вероятно, где-нибудь в обществе таких же интеллигентов будет высмеивать меня. И тоже ведь коммунист.

С тех пор возненавидел я своего секретаря.

Недавно приехал сюда работать т. Деревцов. Он предугадал о происках Пирского. Пирский получил кроме губисполкома еще и совнархоз, а Деревцова „перевели" сюда. Деревцов совсем подавлен и утомлен.

Вчера был на субботнике. Сначала на вокзале. Тут шла разгрузка и погрузка. Потом отправился на завод Н.

Здесь среди работавших мне бросился в глаза седенький, маленький старичок. Лицо его было сморщено, как печеное яблоко, а маленькие, голубые глазки прозрачны. Одет он был плохо: даже разбитая подошва старых солдатских ботинок была привязана бечевкой.

На-ряду со всеми он таскал тяжести.

— Это здешний?—спросил я.

— Нет. это бухгалтер из губздрава.

Я подошел к старичку:

— Что, отец, видно, косточки поразмять захотелось?

Старичок как будто обиделся и заморгал своими добрыми прозрачными глазками:

— Да что мне их мять-то: не больно уж я стар. Я поработать пришел так. из-за совести. Все бумажки да бумажки пишем, а кругом ни хлеба, ни воды, дожили до таты. И при старом строе я пи-

сал, и отец мой в казенной палате писал. Так что эта самая бумага опостылела мне. Захотелось приложить руку к настоящему делу, к тяжелому предмету. Да и весело: все молодые ребята и девицы...

— Ишь ты, старый, где девки, туды и он норовит, — пошутил кто-то из работающих.

Кругом хохотали.

— А ну, старина, полно лясы точить, держи вот эту рельсу, — крикнул кто-то.

— Я те дам „старина", сам-то ты старина, — рассердился старичок.

— Замухрышка такой, а бедовый, все за молодыми хочет угнаться, — говорили вокруг.

А мне понравилось, что он работает „из-за совести". Есть на Руси такие люди. Живут себе тихо, незаметно. Никто о них и не подозревает. И вот наступает день, час, мгновение, может быть, когда в этих людях просыпается большая совесть. Она двинет человека и поведет за собой...

С этого завода поехали на другой. Там я увидел Машу. Совсем худая, измученная, в деревянных сандалиях на босую ногу и с каким-то блином на голове вместо кепки. Работала с таким же священным трепетом с каким первые христиане выходили на арену цирка к зверям.

— И вы здесь? Когда же пожаловали сюда?—спросил я ее.

— Обычным порядком.

— Так что ж вы ко мне не зашли?

— Да так как-то,—и покраснела слегка.

Тут вспомнил я, как Деревцов мне рассказывал про Марусю, что живет она в нечеловеческих условиях, всякую помощь, даже мысль о ней презирает. Зато и Пирского возненавидела. Возненавидела и уехала от него на восьмом месяце беременности.

— Как живете?—спросил я, чтобы начать разговор.

— Хорошо. У меня, знаете теперь есть маленький, маленький большевиченок, сынишка. Приходите посмотреть. Он маленький, маленький, ему месяца нет.

Как-то странно мне было слышать на субботнике о „маленьком, маленьком сынишке". Только потом я узнал, что и сынишка ее с первых дней пребывания на земле пьет чашу скорби и страдания. Маша не покладая рук работает, а ребенка одного запирает в комнате на ключ. Неистово относится к работе. Идут люди с каким-то новым приспособлением к жизни.

— Да, знаете что,—заговорила снова Маруся,—здесь лежит больной Столапов. Его привезли с фронта. В тифу, температура все время высокая.

— Непременно надо побывать у него. Неужели такой здоровый не вынесет? сказал я и на душу набежало темное облачко.

Но от свежего утра, от субботника, от живой человеческой массы, которая грузит для... социализма, это облачко рассеялось, словно ветром.

Вечером в нашем театре был спектакль и танцы. Пролетарская студия ставила импровизацию: „Пролетариат настоящего, прошедшего и будущего".

Я отправился туда.

Народу было весьма много. Настроение хорошее.

Один красноармеец, обнимая за талию девицу, у которой с плеч свалилась пушистая рыжая лиса, говорил ей:

— Неужели вы ждете только танцев? Значит, вы не можете быть организованными, чтобы вообще слушать ораторов.

— Я не обожаю здешних ораторов. Кабы московские...—и обвевала свое красное от пота лицо бумажным веером.

Тут же в толпе я увидал и своего лоснящегося секретаря. Он завидел меня, услужливо подбежал. Представил свою жену, высокую, черную с бессмысленными птичьими глазами. Во всей ее фигуре было что-то идольское.

Старичок, бухгалтер из губздрава, тоже оказался здесь. Он немного приосанился: одел старый сюртук, у которого рукава для прочности были обшиты каймой от женской юбки. Жилистую шею старика охватывал низенький воротничок лакейского фасона, немного грязноватый, к нему был как бы приклеен белый полуистлевший галстук, в котором старичок ходил, вероятно, еще венчаться. Лицо старичка было весьма самодовольное: пролетарий на своей собственной ассамблее. Около него были двое усатых субъекта: парикмахер и конторщик, оба с цветочками в петличках.

На сцене появилась фигура незнакомого мне товарища. Он стал говорить речь. Путался в иностранных словах, потрясал нечесанными и давно нестриженными волосами. Слушали плохо: шумели, шептались, шаркали стульями. И целые потоки семянных скорлуп сыпались изо ртов под стулья. После этого оратора вышел второй, женщина. Она говорила, притопывая ногой и взвизгивая для усиления смысла. Лицо ее мне показалось весьма знакомым. Она говорила долго, пространно. Но все-таки кончила.

— Товарищ,—шепнул какой-то голос мне в ухо.—Вам бы надо выступить, а то все знают, что вы здесь. Пойдемте.

Я оглянулся и увидал готовое к услугам лицо своего секретаря.

— Хорошо, — ответил я. — А скажите-ка, кто это говорил от женщин?

— Это т. Шептуновская, жена Деревцова.

За кулисами нос к носу столкнулся с Шептуновской. Вот судьба: оказалось, что это была та же моя соседка по Москве—„мышиные глазки". Теперь она уже произносит речи, она—агитатор. Время течет неумолимо.

После моей речи началось представление.

Тернистый путь.

Однажды в сумерки после утомительного заседания в исполкоме, когда все ушли, Деревцов остался в моем кабинете.

Мой кабинет—это большая, зеленого цвета комната. Тяжелая, как и весь массивный губернаторский дворец.

Когда сижу во дворце, всегда думаю: если мы сумели сюда войти, то от старого мира нам и смерти мало, а если из этих дворцов мы успели отдать хоть одно распоряжение, то все скорпионы старого мира не более, как пепел, разносимый ветром.

Деревцов сидел в глубоком кресле, дубовом на львиных лапах. Бледное лицо его выделялось на спинке кресла, как портрет рыцаря. На его неподвижном лице сверкали глубокие провалившиеся глаза, обрамленные синими кругами. Деревцов смотрел на темно-зеленую круглую печку, что стояла в противоположном углу, как забытый покрывшийся плесенью слуга старых господ, как молчаливый свидетель.

На собрании, которое только что закончилось, Деревцов вел себя так же, как и все: спорил, доказывал, горячился. А вот теперь, словно, попал в холодную прорубь.

Он, видимо, был подавлен и слаб. Слабость всегда вызывала во мне не жалость, а презрение.

— На тебе как будто чорт ездил,—произнес я, чтобы нарушить тягучее молчание.

Вместо ответа Деревцов сказал тихо, как бы размышляя:

— Куда мы идем, куда заворачиваем?

Мне не хотелось в таком тоне вести разговор. Поэтому я спросил Деревцова:

— А стихи-то ты пишешь?

— Да. И печатают. Вот, например, вчера:

Вливать чугунные слова в бетонно-твердый стиль
Доступно только нам—поэтам-кузнецам.

В большом окне угасающий закат разгорался багрянцем. По прозрачному синему небу словно кто-то размазал кровь: это потухал закат. Белый подоконник и белая дверь отливали темно-багровым светом. Это навевало легкую дремоту и желание слушать средневековые сказки таинственных замков о парках со старыми прудами. Словно здесь за каждым квадратиком шелковых шпалер гнездились тени прошлой жизни.

— Но по стихам обо мне не суди. Недавно я написал:

Мы сильны, как динамит—наше дело победит.

— Однако, не забудь, что поэт есть творец житейской лжи. Я не верю, что мы победим. Больше того, я думаю, что мы взорвемся именно потому, что мы „динамит".

Я слушал и думал:

„Здорово я бородой-то оброс. Завтра утром надо обязательно не позабыть побриться".

— Ты, может быть,—продолжал Деревцов,—скажешь про победы на фронтах. Пустое: победы это или поражения—об этом мы узнаем после.

— По-твоему выходит, что было бы лучше, если бы нас расколотили?—спросил я.

— Не совсем так, но вроде того... Вот мы победили, значит, революция будет зреть при полном свете, на солнце. А можешь ли ты поручиться, что сейчас именно время ростку выйти из-под земли, что не будет больше мороза, что он не захиреет на корню.

— Ну, Сережа, ты меня извини, я не поэт и не могу говорить в таких рамках... Морозы, да розы, да ростки. Все это—чепуха! Ты рассуди просто: кто в этом дворце сидел два года тому назад? Его превосходительство, а кто теперь? Сережка Деревцов; вот тебе и морозы и розы. У нас дело верное...

— „Верное", а вот взяться за него никак не умеем: в городах холод и голод и тьма в деревнях; трижды тьма и глухая борьба против нас. Разве ты можешь сказать, что будет завтра, завтра?..

— Знаю очень хорошо; знаю, что завтра будет в десять, в сто раз тяжелее, чем сегодня. Это значит, что борьба—не бирюльки. Не тебя мне агитировать, прости, что горячусь. Но ты меня возмущаешь. Прямо тебе скажу: не понимаешь ты революции. Помнишь „постругать-то" хотел? Это в тебе говорит тоска по-старому, по-бывалому: ерунда это.

В комнате стало почти темно. Дверь белела среди стены, как экран кинематографа. Окно застилалось бесцветными мутными сумерками. Лицо Деревцова стало похоже на белый лоскут, прилипший к спинке кресла. Мне стало душно, как в склепе.

— Не то, не то,—упавшим голосом возражал Деревцов.—Безвестность нас завтра ждет и я боюсь ее.

В комнате стало окончательно темно и душно. А голос Деревцова показался совсем чужим и странным.

Я повернул электрическую кнопку. Все стало обыкновенным, как всегда.

За дверью моего кабинета послышалась какая-то смутная возня и перебранка двух голосов: моего курьера, старого цербера, из судебной палаты и какой-то женщины. Я открыл дверь.

— А-а-а, товарищ Шептуновская... Пройдите, пройдите,—сказал я.

— И вы здесь, т. Деревцов... вот хорошо!

Шептуновская, видимо, скрывала свою супружескую связь с Деревцовым.

— Как раз вы оба должны будете у нас выступать. Вот вам повестки и будьте добры расписаться.

Шептуновская потрещала еще о чем-то и заключила с видом делового человека:

— Ну, я пошла. Вы, т. Деревцов, кажется, едете: может, нам по пути.

— Да, по пути,—покорно ответил он. Встал и последовал за Шептуновской, как зверь за укротительницей.

Несомненно, Деревцов умирает духовно. Все еще падают жертвы. Значит, борьба продолжается. Впереди лежит длинный, тернистый путь. Пожалуй, прав т. Клейнер, который говорит, что для новой жизни нужны новые люди, а старые должны итти на-слом.

Вероятно, Клейнер думает, что нужны, как он, двужильные.

Клейнер—особенный человек. „Чекист" с ног до головы. Может быть, лучший экземпляр этого слоя. Едва ли когда-нибудь пoмянут его потомки. Едва ли воздвигнут ему памятник. А между тем это на редкость преданный человек. Полный скрытого внутреннего энтузиазма. По наружности сухой. Сухой и на словах, а, между тем, когда говорит, — увлекает. В звуке голоса его есть что-то детское, манящее. Говорят что в своей жизни он только однажды улыбнулся, да и то неудачно: какой-то просительнице-старушке сообщил о расстреле ее сына и улыбнулся невольно от волнения. Старушка упала в обморок. С тех пор Клейнер никогда уже больше не улыбался.

Клейнер редко умывался. Носил на себе и зиму, и лето, и день, и ночь все одну и ту же кожаную куртку. Жил в очень буржуазном доме. Но по неопытности поселился не в самых комнатах, а около парадной двери, в раздевальной. Его привлек там каменный блестящий пол, изразцовые блестящие стены и чучело м дведя в углу, державшее в лапах деревянное блюдо с надписью: „хлеб-соль". Клейнеру доставили пышную кровать, но он про нее забыл, и она стояла сложенной в коридоре, а Клейнер спал на сундуке бежавшего швейцара.

Растительности на лице Клейнера не было, как у кастрата. Глаза пустые и маленькие, как дырки. Нос прямой, а посреди его заживший рубец. Говорит всегда громко, а губы не шевелятся, поэтому кажется, что говорит не он, а кто-то невидимый, спрятанный за ним.

Клейнеру, вероятно, никогда не поставят памятника, а следовало бы: он израсходовал на революцию всю свою душу.

Как-то ночью Клейнер пришел ко мне. Взволнованный, но скрывающий волнение.

— Дело есть, дельце небольшое к вам,—говорил он сбивчиво.—

Сбоку, где здание нашей Ч. К. выходит на улицу, можно было бы поставить экран и показывать публике, как наказывают за разные преступления. Можно показывать и убийства, т.-е... это расстрелы. А вверху чтоб надпись была: за то-то. Понимаете? Такой бы кинематограф для всех.

— На американский лад хотите?

— Да, да, именно. Чтобы всем урок был, чтобы боялись. Чем больше будут бояться, тем меньше с нашей стороны убийств... т.-е... это расстрелов. Застращать публику надо, застращать.

По лицу Клейнера мелькали тени. Иногда мне казалось, что зрачки его глаз вздрагивают. То, что он предлагал, была явная ненормальность. И вообще он вел себя как-то странно. Поэтому я ему почти не возражал.

— Как вы думаете насчет кинематографа? А? Я думаю, что это... расстрелы сократились бы... От этого, от зрелища.... Напугались бы... — говорил Клейнер и шагал по комнате с точностью тяжелого маятника. Ходил, говорил и кашлял.

Чувствовалось, что слова его прикрывают нечто другое, значительнее слов. Должно быть, этим-то другим он и пришел поделиться со мной. Искал способа выразиться и не находил. Получались одни только слова, а слов было мало. Клейнера наполняло нечто такое, что требовало другого способа для своего выражения. Клейнер был похож на ребенка, лепечущего бестолково начатки слов.

Я хотел помочь Клейнеру, но в моем распоряжении тоже были только слова.

— Зрелище только развращало бы,—ответил я Клейнеру.

— Как, как вы сказали? „Развращало бы"? Вы с предрассудками. Петр I завез русских студентов в Стокгольм и велел им в анатомическом театре у трупов мускулы зубами раздирать, чтобы научились препарировать. Это небось не развратило? Что необходимо, то не развращает. Поймите это. Что необходимо, то не развращает. Не развращает, чорт возьми!

Клейнер не смог долго высидеть—ушел.

Однажды вечером я сидел у себя в исполкоме. Потухающие лучи бродили по углам зеленой губернаторской комнаты. Круглая зеленая печка походила на старого, забытого лакея, который прислонился к углу, заложив назад руки. Преступный свидетель, который видит да молчит.

Я дописывал воззвание к крестьянам по поводу разверстки. Работа подвигалась медленно, хотя я добровольно себя насиловал. Голова была тяжелой.

Комната темнела.

Когда я переставал скрипеть пером, в комнате становилось совсем беззвучно. Делалось жутко. Я сжимал виски, тер лоб, смотрел на бархатный диван и думал.

Вдруг мой взор упал на кресло, в котором сидел Деревцов. Чорт возьми! Что за абсурд! Мне показалось, что на спинке кресла белеет бледное лицо Деревцова. Я вздрогнул. Бросил перо, вскочил. Ерунда! это блестящая белая дверь отбрасывала свое отражение на спинку кресла.

Я продолжал писать. Трудно писать: слесарная работа куда легче. Надо писать „понятным" языком. Вот нелепость. Есть два языка: понятный и непонятный. Должно быть, и в этом отражается классовое деление общества. Особенно трудно писать для мужика: он молчит и все в своей бороде прячет—и смех, и слезы.

Глазам стало больно от темноты. Я откинулся на спинку кресла и произнес шопотом:

— Устал.

А может быть, я этого не произнес? В прошлый раз это слово сказал здесь Деревцов. Может быть, эти звуки еще дрожали в воздухе, и я просто услышал их вторично.

Мне стало душно в комнате...

В конце концов я дописал воззвание.

Домой возвратился поздно. Усталый. Разбитый.

Часа в три ночи меня разбудил звонок телефона.

— Ба,—подумал я,—опять, должно быть, банды.

Взял трубку:

— Алло, я слушаю.

— Приблизительно час тому назад застрелился Деревцов,— это говорит Клейнер.

— Как?—спросил я, совершенно остолбенев и не зная, что дальше говорить.

— В рот, из маузера.

— Нет, не про то... одним словом, сейчас приеду...

И приехал.

Деревцов лежал на кровати с закинутой назад головой. Остекляневшие голубые глаза смотрели на железную спинку кровати.

Обнимая труп за плечи, отчаянно рыдала Шептуновская.

А на столе лежала записка, написанная карандашом:

„Я устал, и вообще все зря".

Мне вспомнилось, как год тому назад, в Москве Пирский сказал про Деревцова:

— Деревцов нюхает кокаин.

Солнце красное.

Тов. Ленин передает по проводу: „Москва ждет от вас хлеба. Наша надежда на вашу губернию". Наконец, сегодня получил от него лично записку: „Под личной ответственностью предгубисполкома жду выполнения разверстки".

Я решил сам отправиться по уездам.

На фронтах наши дела пошли хорошо: мы уперлись в Крым и поляков.

Постепенно, как гора со дна моря, подымается теперь трудный, горбатый хозяйственно-трудовой вопрос.

Гора вопросов. Надо осилить эту гору.

Надо, чтобы фабрики закурили свои трубы. Доменные печи раскрыли бы огнедышащие пасти. Лопаты подкопались бы под мохнатые лапы земли, добывая уголь. Буравы пробуравили бы череп земной, выкачивая оттуда жидкий мозг земли—нефть. А главное, чтобы плуг, плуг взрыхлил жесткую грудь земли. Нам надо так много сделать, словно мы из первобытно дикого состояния перескакиваем в социализм.

Будет новый подъем, могущественнее всех революций. Революция революций. Бескровная, железная.

Еще далеко до девятого вала, но мы идем к нему.

И придем. А Деревцов этого не увидит. Столяр и поэт, а в общем одинокий человек. Свихнулся. Жалко.

Ночью заехали на постоялый двор.

— Здесь переночуем,—сказал ямщик,—здесь тихо, а на других-то пошаливают.

Прозрачная осенняя ночь пролетала над землей. Сверкали звезды. В разных углах темного двора сопели лошади. Пахло навозом и сырой землей. Трое моих спутников: секретарь, заведующий губземотделом и один „чекист“, утомившись, спали.

Меня же томила бессонница. Это со мной случается и всегда „запоями“, недели на две. Тогда душа горит. Чего-то хочет, ищет. И тело горит. Хочет горячих объятий необыкновенной девушки. Такой, какой даже и нет на свете... Есть „Маши“, „Шептуновские“. Такой, чтобы поняла меня, изломанного, пропитанного огнем борьбы,—такой нет.

А ночь томит и томит. В воздухе напряженность. Ветерок - страстное дыхание любовницы.

Я тихо прислонился к плетню. Смотрел в небо. И земля, и небо, и заходящий полумесяц, и звезды—все хорошо.

Звезды мечут искры, как глаза красавицы, и отражаются в ручье. Ручей сверкает за плетнем, и мне кажется, что из него вот-вот выйдут русалки. Выйдут белые, переливчато-нежные и заставят меня водить с ними хороводы.

— Кукареку!—пропел вдруг петух.

А мне почему-то вспомнилось из евангелия: „и абие петел возгласи“.

Легкая дрожь пробежала по спине. В нашем тарантасе много сена, пойду туда уткнусь в сено. Может, и засну.

Едва только начал я шарить руками в сене, как ощутил что-то живое и теплое.

— Эй, парень, куда лезешь?

— Кто тут?—спросил я

— „Кто“? Хозяйка, Матрена. В избе-то жарко да и мужиков много. Духу напустили.

— А ты не любишь мужицкого духу?

— Знамо дело.

Мне понравился голос Матрены и было очень приятно, что не видно ее.

Я стал усаживаться на тарантас как-то боком, неудобно, склонил голову на козла и стал дремать.

А по спине между ключицами пробегал холодок.

— Слышь, парень, уйди, срамно тебе тут спать-то.

— Чего „срамно“-то? Чай я не сплю. Посижу да и уйду.

Помолчали.

— Вы, видно, нездешние? Из городу?—начала Матрена.

— Проезжие.

— А сами чьи будете?

Голос у Матрены был сырой и грудной. Насколько я мог рассмотреть в темноте, она была накрыта овечьим полушубком, а лицо ее смотрело в небо. Лицо как будто худое и смуглое, а глаза блестящие, как тот ручей, что за плетнем.

Перебирая слова, как перебирает камешки морская волна, Матрена рассказывала мне, что вместе с мужем содержала постоялый двор, что теперь муж ушел в Красную армию и что теперь всем делом заправляет она.

Мужик у нее был покорный, но почтенный... Поэтому ее на деревне звали „Матрена Семская“, по мужу, Семену.

— Ноне надыть в город съездить,—заключила Матрена.

— На базар?

— Нет, какие ноне базары. То-и-дело конные разгоняют. Да еще, слышь, не русские, мадьяры, что ли. Нет, не на базар я. А вот тут присмотрела в одном доме у барыни роялю. Она ее на хлеб меняет.

— А что тебе в рояле-то?

— Как „что"? глядишь—кто из заезжих поиграет. Да и в горнице будет по-настоящему.

— Видно, ты из богатых?

— Пока неча бога гневить. А только уж и голытьбы этой ноне развелось—пуще прежнего. Подикось вот по деревне—прямо которые дохнут с голоду. Недавно схоронили сына Прохора-Козла. Прямо ни с чего помер, не с болести, а от голоду пошел во двор колесо чинить, сел на бревно под навесом, да так в одночасье богу душу и отдал.

— Что ж, стало быть ныне хуже стало?

— Оно кому как.

— Ну, да: ты вот себе рояль ищешь, а рядом люди с голоду дохнут.

— А кто в этом виноват? Они, они виновате, мил человек. — Баба даже вскочила и глаза ее заискрились.— Вот энти, которые мякину едят с соломой, они и виновате. Где бы стакнуться да сговориться — они ругаются. Мне что? Не мое это дело, а кабы я с ними была, я бы богатеев не стерпела. Виданное ли дело: ведь теперь распублика. Когда же бедноте и отстоять себя, как не теперь? По совести тебе скажу, и богатеев бы я по шапке, да и комиссаров бы не стерпела. Потому к делу мало способны, а все больше живность по дворам ищут. Вон вечор у нас тут драка была: Микита Шелкунов, богатущий мужик, свадьбу устроил; к нему пришли трое: милицинер Фомка, коммунист один, да председатель из волости, Алексей Петрович. „Давай,—говорят, налог денежный". А Микита Шелкунов и говорит: „От налога не запираюсь, а только давайте спервоначалу выпьем для ради проздравления, как, дескать, на свадьбе". Выпили. Вот милицинер и говорит: „Хороший ты мужик, Микита, хоша и кулак. Жалаю,—говорит,—тебя ослобонить от налога". А председатель ему: „Врешь! Ты ничего не можешь! Это я могу ослобонить, потому как я председатель". Тут этот парень, который коммунист, полез на обоих: „Врете,—говорит,—вы оба, потому как у нас ячейка и вы под нами находитесь".— „Не верь,—говорит им Микита Федотыч,—только я один могу с тебя налог сбросить". Слово за слово, а опосля в драку и—пошла писать!

Мне захотелось еще раз испытать Матрену и я спросил:

— Что ж, выходит, при царе лучше было?

— Лучше ли, хуже ли, а только нам теперь его не надо. Теперь нам распублику давай.

— А голод?

— Народ переможет, чай, не французы!

— А разверстку-то как выполняете?

— Э-э, брат, загани другую загадку, а с этой мимо проходи.

— Да как же, ведь людям нужен хлеб-то?

— Будет солнышко—будет ведрышко. Будет ведро—будет хлеб!

Нет, видно, ее не испытаешь! Матрена явно отделывалась прибаутками.

Полумесяц скрылся. На небе, прямо передо мной зарделась светлая полоска.

От холода я передернул плечами.

— Холодно, паренек,—сказала Матрена,—ложись. Часок до свету заснешь.

Странно: не то это женщина, как женщина, не то мать, которая хочет согреть.. Вот ведь деревенская баба: и мать, и девка! Не поймешь, не разберешь. В деревне все перепуталось: прошедшее и будущее.

— Ишь ты какой сумлительный,—сказала Матрена.—Ложись один коли так, а я пойду.

Соскочила, бросила на меня полушубок и пошла.

От полушубка пахло овцой и теплой бабой.

На небе румянился восход. Где-то далеко заржала лошадь. Потом что-то ширкало долго и назойливо: должно быть, свинья чесалась о притолоку хлева.

„Теперь нам распублику давай“, говорила Матрена,—вспомнил это. И сознание стало затуманиваться. По лицу скользнул предутренний ветерок.

Хорошо. Я не чувствовал своего тела. И не спал, и спал.

Слышал, как подошел ко мне мой секретарь и ткнул меня в бок. Значит, надо продолжать путь.

Не попив чаю, потому что торопились, мы направились в дорогу.

Матрена в кацавейке и разноцветном платке широко распахнула ворота. Поклонилась в пояс. Сверкнула в мою сторону карими блестящими газами. Я заметил в них огонь женской страсти и блеск материнской нежности. Такое разное—и одно и то же.

„Теперь нам распублику давай“,—опять вспомнил я...

И мы поехали навстречу восходящему солнцу.

Красный лик солнца понемногу стал терять свой кроваво-животный цвет. Про солнце славяне говорили, что оно пляшет, играет, бросает золотые искры дождем. Египтяне поклонялись солнцу, как живому богу. Греки изображали солнце вечно молодым.

А мы? Разве мы не говорим: „Заря свободы“, „Солнце революции“? Солнце не перестало быть богом.

Мы едем. Степь... Солнце совсем воцарилось на небе. Стало светло на земле и в душе моей.

И непонятная деревня, и Матрена Семская, и вся жизнь такая же сложная, как деревня,— все стало понятным и светлым.

Как путник, заблудившийся в лесу, радуется, завидев просвет между деревьями, так я торжествовал, потому что почувствовал всей душой, что темное время позади нас. Опасности впереди. А солнце и труд — с нами.

„Будет солнышко—будет ведрышко, будет ведрышко - будет хлеб“.

И надо итти к нему, к солнцу—к источнику тепла и энергии.

Нет, не мечта это, а жизнь доподлинная...

Когда же?..

На этом записки обрываются.

А. Аросев.

Из поэмы „Деревня“.

Там где-то пушки и винтовки
Дробили старые века,
А здесь страданья, как веревки
Захлестывали мужика...

Там беспощадной диктатурой
Взрывали мировой покой,
Здесь за аршин мануфактуры
Платили телом и душой.

Опять в избе горит лучина,
Опять нужда глядит в глаза
И жили с думою единой:
— Не повернуть ли жизнь назад...

Но слишком много было взято
От солнца света и тепла,
Чтоб боль позорного возврата
Сердца ожившие не жгла...

Кто захлебнулся мутью горькой,
Тем был понятен зимний гром...
Там в даль уверенно и зорко
Смотрел Московский Совнарком...

В. Александровский.

Крыло птицы.

Рассказ.

I.

Шли весь день и ночь, и еще день и половину ночи. Когда проснулись - солнце было почти над головой. Совсем рядом, и справа и слева, упирались в небо горы, высокие, мощные, с мягкой зеленью лиственного леса на склонах; та, что находилась прямо, в конце ровной, речной долины, была задернута слоем лиловато-синего воздуха, и острый гребень ее таял в полупрозрачных облаках.

Пенилась с глухим урчанием горная река.

Позади—тяжелое, остро пережитое, которое оба не успели еще стряхнуть. Оно казалось за плечами. Еще вчера ухало невидимыми пушками, трещало пулеметами и ружьями, смотрело в глаза серым ужасом. А сегодня—вокруг благостная тишина долины, спокойное величие гор.

Василий Павлыч поднялся, оставляя на траве примятый след, обласкал взглядом окружающее и, улыбнувшись углами губ внутреннему, не спеша направился к реке. Он—высок, худ, при ходьбе правую ногу немного задерживает.

— Товарищ Петров!

Странно прозвучал человеческий голос в девственной пустынности.

— Товарищ Петров! Вы знаете, какая это река?

— Ну-у?

— Майма!.. Это Майма! Вон мы куда с вами махнули! Теперь можно дышать во все легкие: за нас лес. За нас каждая складка гор.

Долго умывался, обливая голову и худую, уже успевшую загореть, грудь. Выпрямившись, посмотрел прищуренно на солнце.

— Скоро полдень. Порядком поспали. Теперь не мешало бы чайку!

Петров отвязал от сумки жестяной чайник.

— Наших, может быть, расстреляли,—тихо сказал он.—Чорт ее понес в сарай!.. Были бы все целы!

Парил и жег яркий полдень. Долина в сочной зелени тянулась, кидаясь из стороны в сторону, между гор, а посредине, в густом бордюре кустов, черкнуты блестящие, извилистые полоски реки, словно кто провел пальцем, смоченным в жидком олове.

Кусты облепихи, черемухи, пунцовые пионы, синие звезды ирисов, лиловый аконит лили весеннее благовоние.

Попадались площади, сплошь усыпанные желто-оранжевыми пламенными огоньками.

Медленно мерили шагами пространство. Один в шляпе с обвисшими полями и с плохонькой двустволкой, другой—с кожаной сумой, в простреленной кепке.

Было это так. Год назад брали железнодорожный мост. Навстречу полз броневик, выбрасывая из жерл короткие пучки пламени, щелкали сухо ружейные выстрелы, кто-то невидимый часто чеканил по железу. Позади рабочий выкрикнул:

— Товарищ Петров! Ты ранен. Затылок в крови.

Он схватился за голову, и в верхней части ощутил острую боль. На кепке были две дырочки —одна против другой...

Петров так и носил ее, не сменил и по сие время...

Извивалась река. Местами ударялась в каменные отвесы и в пышной пене, с шумом отбрасывалась; местами, белыми валами поспешно прыгала по камням, посылая в ущелья торопливый, волнующий крик.

Радуясь теплу и солнцу, ныряли в воздухе копчики, планировали ястреба; неожиданно закричала кукушка—совсем рядом—и передразнило ее с мальчишеским задором горное эхо.

Шли по мягкому наносу долины, по отшлифованным водой валунам, огибали отвесные бомы (скалы), подымались на кручи. День весел, приветливы горы, ласкала взгляд симфония красок. И легко, радостно итти, чувствуя стальную упругость мускулов.

В пятидворной деревнюшке, у крайней избы крестьянин ладил телегу. Борода черная, большая, волосы в кружок.

— Киржак...—решил вслух Василий Павлыч.—Не выпросишь...

Оба прислонились к изгороди, смотрели на мужика, на вздыбленную передком телегу; вели речь.

А киржак неторопливо колол глазами, прощупывал у того и у другого спрятанную мысль; в сухом голосе подозрительность.

— Много теперь идет в горы-то! Кто их знает, зачем.

— На крупного зверя хотим поохотиться: на медведей, сохатых...— Василий Павлыч поправил за плечами двустволку.—Тут есть также маралы, каменные козлы.

— А мою берданку товарищ унес. Он на Катуни нас дожидается,— пояснил Петров.

— Так, так... Крупный зверь не здесь водится—в Черни, в тайге. Позавчера вот двоих задержали. Будто тоже промышлять шли, а большевиками оказались.

— Конечно, всякого народу ходит...

Говорили еще некоторое время, хотя уже хотелось уйти. Говорили о большевиках, об Учредительном, о перевороте и о сельском хозяйстве, которое здесь, в горах, трудно вести.

Мужику стало скучно и он оборвал:

— Ну, идите себе... Только деревней-то не стоит. Лучше по задворам, вон там, направо. А то вчера отряд приезжал, ловить велели. Да, постойте-ка! Вы хлеба просили?.. Матрена! Отрежь им пол-буханки!

Василий Павлыч достал кошелек.

— Не надо! Мы хлебом не торгуем! Отправляйтесь с Богом, куда идете...—он отвернулся и начал стучать по телеге.

Деревня позади.

Снова покой и бесстрастие гор. Глухо урчала река, перекликались невидимые птицы и робким трепетом вспыхивали листья кустарников.

Но над всем этим тишина. Она подымалась из логов, спускалась с вершин, с самого неба и мягко глушила, стирала эти одинокие звуки. Царила над всем одна, величавая и торжественная.

II.

Березы, лиственницы, пихты, изредка черемуха, перевитая хмелем и княжником... А дальше и выше—горы, все горы. Они давили своей мощностью, строгим спокойствием. В облачные дни, острыми гранями сурово резали небо, почти всегда в одном и том же направлении—с юга на север, к степям.

Когда солнце развертывало заревое крыло,—вершины их вспыхивали коралловыми рифами. И тек расплавленный коралл, тек и меркпоглощался мягкой, емкой синелиловостью вечера.

По дну ущелья, зарываясь в камни, бежал ручей. Кверху лезли влажные, местами с зеленоватой, вековой плесенью, огромные граниты, и одиночки карлики-сосенки упорно цеплялись по ним, внедряясь длинными корнями в каждую морщину.

Шалаш из пихтовых и березовых ветвей стоял на тесной, зеленой полянке; возле него почти круглые сутки горел костер.

По утрам пили кирпичный чай с сухарями, которыми снабдил Ипат, знакомый крестьянин с заимки, потом лежали на солнце. Иногда бесцельно бродили по лесу.

Занятий никаких не придумывали. Хотелось ходить по долинам и ущельям, взбираться на кручи и горные кряжи, или недвижно лежать, отдавшись чувству лениво-сладостного восприятия жизни.

Торопливая, волнующаяся жизнь города, тягота и радость общественной работы, постоянные усилия воли,—все то взвинчивало нервы, держало в непрерывном напряжении разум и чувства, - все это осталось по ту сторону гор. Здесь они, неожиданно для себя, оказались новыми. Всплыло с юности позабытое—жажда вдохнуть земную мощь и почувствовать ее в каждом своем нерве.

Часами оба молчали, ощущая радостное слияние с окружающим. Поток мыслей был глубок и прозрачен.

Василий Павлыч успел не один раз передумать о том, чем еще недавно жил, что заполняло его. Отсюда все виделось в иной плоскости. Многое, представлявшееся раньше запутанным и туманным, теперь стало казаться простым и ясным. В поле зрения свободно вмещалось не только сегодняшнее и вчерашнее, но даже и туманное „завтра". Иногда думалось, что видит он всю человеческую историю. В огромном голубом пролете между гор, куда часто упирается взгляд, движется лента событий. Серую туманную гладь пестрит бесчисленный ряд революций. Подчиняясь внутреннему ритму, медленно подымаются и ниспадают социальные волны, и движутся в строгой, планомерной последовательности, имея общее начало и общий конец. Движутся, все возрастая, к какому-то великому, еще не вполне оформившемуся итогу. Некоторые разделены темною бездною веков, но холодный фосфорический свет тянет точно телеграфную сеть нити ярких лучей,—от вершины к вершине, из смутной, тающей дали прошедшего, в туманную нерасцветшую даль будущего.

Ясна ему их причинность: и вспышки, и рост, и паденье, и могучий источник двигающей силы...

Часто вели споры. Петров, распластав на земле большое, крепкое тело с узловатыми кистями рук, угрюмо возражал:

— Я думаю, наоборот. Здесь для них самая подходящая почва. А, кроме того, человеческая шея, в особенности обывательская, мелкобуржуазная, крайне вынослива. Романовы триста лет сидели на ней...

— Невежество! Политическое невежество!—набрасывался Василий Павлыч. Он знал, что Петров согласен с ним, но возражал лишь потому, чтобы больше подкрепить свою уверенность. Несмотря на это, все-таки кипел:—Ты не учитываешь тот социально-психологический сдвиг, который произошел за эти годы! Разве масса теперь та, что была прежде? Разве этот небывалый катаклизм не придал ей такого мощного разбега, что она оказалась впереди консервативного учредиловского правительства? И расстояние это с каждым днем будет увеличиваться! Этого не нужно забывать!..

Споры как вспыхивали, так и прерывались неожиданно: не было для них пищи. Но в обоих оставляли благотворный след: углубляли и укрепляли мысль, увеличивали уверенность в неизбежность начертанного ими хода событий.

Потом, довольные, шли в лес, или спускались к реке и на стрежах удили быстроплавких, зорких хариусов.

Ночевали, где застигала темнота: на берегу, в ущельи, на гривке горы.

Змеилось пламя костра, шипели и стреляли толстые смолевые сучья, пел чайник. Без слов смотрели в ночь, в густую, черную, липко прильнувшую к огню. Чувствовали влажное, возбужденное дыхание земли; в уши сочилась тишина, особенная, растворившая в себе миллионы звуков...

III.

Возвращались с охоты. Под ногами—серая осыпь и сухой нанос, по бокам—цепкие кустарники и морщинистые, остроуглые граниты. Небо голубело узкой, кривой полоской, завязшей меж массивов.

Снизу, впереди, неожиданно-странный звук. Странный в первобытном, мертвом ущелье:

— Атту-у! Атту-у!..

И продолжительный плеск ладоней.

Оба непроизвольно шатнулись к стене. Мимо, огромными прыжками пронесся заяц. Прислушиваясь и всматриваясь, скрадывая шорох шагов, стали спускаться.

За поворотом, на маленькой площадке—кряжистый, волосатый человек в черной рубахе; позади из купы кустарников тоненько струился дымок.

Три пары глаз встретились и засверлили друг друга.

Василий Павлыч, закинув за плечи ружье, подошел первым.

— Здорово, товарищ!

— Приветствую, гражданин!

Рука была сухая, потрескавшаяся. В кустарниках чернело отверстие землянки.

— Вот вы как устроились! Давно здесь?

— Недавно... Сказывали, тут где-то жила золотая проходит—поискать хочу.

— Так. Хорошее дело... Может быть, чайком побалуете? У вас, кажется, кипит...

Пили, не торопясь. Речи вели извилисто, хитроумно. За ответами пытались найти скрытое.

— По мне, что?— хошь Учредительное, хошь советы! Воробей и в навозе пищу найдет!

— Значит, вы себя к воробьям причисляете?—усмехнулся Василий Павлыч.—А мы вот в ястреба метим. Когти у нас острые, клювы сильные. Нам и пища другая нужна.

Собеседник пощупал взглядом ближнюю березу, гору, свои ноги в алтайских обутках, подвязанных под коленками бечевкой, и, не спеша, серьезно сказал:

— Всякому свое. Только воробью сподручнее—серенький он, незаметный и везде вхож. Ястреб еще в небе, а этот — порх—и уж в телеге или в сенцах орудует, революцию там наводит.

Молчавший Петров выплеснул недопитое на огонь и поднялся с камня.

— Тебя как звать-то?

— В документе прописан Архип Иванычем.

— Ну, так вот что, Архип Иваныч. Если ты нашей веры, то послезавтра приходи к реке, на обрыв, где пожарище... Знаешь? Будем ждать тебя. А теперь до свиданья!—он подал руку и, не дожидаясь товарища, раздвинул кусты к выходу.

IV.

Словно в свой дом вступил Архип Иваныч. Был на чужой стороне и вернулся. Деловой хозяйственный взор возмутился в нем.

— Шалаш надо бы попросторнее и крышу на два ската... Самая лучшая из береста...—подумал немного, цыркнул сквозь зубы на красные головни и окинул взглядом поляну.—Следовало бы огород... Картошки насадить... Осенью свой овощ. Тут места для хозяйства много!..

— Что ж, ты хочешь крестьянским хозяйством обзаводиться?

— Где уж крестьянским! Я только об огороде толкую. Хоша можно бы и пшеницу—земля тут добрая... Кто знает, сколько придется пробыть!..

Неторопливо, деловито начал он переустраивать все на свой лад, крепко и основательно. Исправил шалаш, чтобы не попадал ни дождь, ни ветер; под сосной устроил стол, неподалеку, в обрыве, сложил из камня печку для хлеба. Потом, некоторое время послонявшись без дела, сообщил:

— Я вот что надумал...

— Что, Архип Иваныч?

— Построить избу.

— Да на что она нам? Разве шалаша недостаточно?

— А холода пойдут? Зима настанет?

— Тогда выроем землянку.

Архип Иваныч обратил внимание на свои корявые руки; рассматривал их долго, внимательно, щупал твердую, как древесная кора, кожу. Наконец, поднял голову.

— Я буду строить один. Время все равно некуда девать... Без дела скучно...

Заговорило ущелье,—гулко, испуганно-торопливо. Работали с утра до вечера. Пилили и обчищали смолеватые, душистые пихты; шестиаршинными сутунками скатывали и сволакивали к облюбованному месту.

Вечером у костра сидели и лежали усталые, с надерганными членами, но довольные; высказывали различные соображения на счет постройки. Она незаметно заслонила все остальное.

Приехал Ипат. Сам рыжий, на рыжем коне, завязший в мешках, он подъехал вплотную и, не слезая, кричал:

— Вы тут помещиками хотите сделаться! Обуржуились! Ишь, какие палаты воздвигают!

— Ипат, переселяйтесь к нам! Увеличивайте нашу коммуну!

— Да вас уж и так трое! Для меня места, пожалуй, и не хватит!

Радостно целовались. Щупали мешки: с мукой, с сухарями, пузырь с коровьим маслом, свертки с порохом и дробью.

— Теперь надо-олго хватит!

— Я не знал, что вас трое—вьючную взял бы.

Остаток дня толковали о наболевшем, что разбередил приехавший. Не хотелось уже работать; мысль, чувства неслись к иному миру, далекому, недоступному, остро-волнующему...

V.

По деревьям, по земле расползлась ржавь; продолговатый лоскут неба полинял и влажно набух. Из ущелий вырастал туман, медленно взбирался к гребням гор и там сплачивался в ленивые, тяжелые облака.

Засеял дождь.

Иногда дул ветер, дул сутками вдоль ущелья, точно в огромную трубу. В тесных, извилистых проходах гудел и свистал. С круч срывались камни и с шумом скатывались вниз, ломая по дороге кусты и молодые деревья.

В избе темно и тесно, от глиняной печки—жарко. Но выходить не хотелось. Двое лежали, а третий мастерил туеса. Долго околачивал березовый обрубок, стараясь снять неповрежденной кору, и сердился:

— Березы много, а хорошей не сыщешь! Вот если бы липа—такой посуды наделал бы, что мое почтенье!

— Наделаем десятка два и пойдем к калмыкам менять на арачку [1],—иронизировал Петров.

— Подожди! пригодится и самим!—Архип Иваныч делал свою обычную паузу и потом, повернув голову, спокойно наставительно говорил:—Вот ты скулишь—скучно!.. Время некуда деть! А сам лежишь колодой. Почему я не скучаю?

— Что же, и мне бересто переводить, деревья портить?

— Захочешь работать—дело найдется!

Петров поднялся, лениво потянулся, чуть не упираясь в потолок; его широкая фигура заполнила почти все свободное пространство.

— Архип, ты балда, все-таки! Ну, пойми—на какой рожон мне сдалась твоя работа? Ты думаешь, я лодырь? Я никогда им не был! Вот, смотри—самые настоящие!—он вывернул кверху ладони с большими, окостеневшими буграми.—А это, видишь: стальные!

— Без работы они не появятся!

— Нашел чем удивить! Мозолей мы, что ль, не видали? Знаем их! Знакомая штука!..

Петров сделал два шага к двери и повернул. Запальчиво выкрикнул:

— Понимаешь—тесно мне! Простор нужен! Я хочу, чтобы моя работа была нужна не только мне, тебе, не для нашего только хозяйства, а тысячам! Чувствуешь—ты-ся-чам!..

— Ну, и ступай к своим тысячам!

Молчали. Мягко стучал по коре молоток. Пригнув голову, Петров шагал вдоль пола—четыре шага в один конец и столько же в другой; ровно, глубоко дышал на лавке Василий Павлыч. Он или спал, или хотел казаться спящим.

---

[1]) Арачка—туземная водка, выгоняется из молока.

— Да, пожалуй, и придется. Ипат достанет кровельный инструмент—вооружусь и пойду по деревням ведра и чугуны чинить... В самой гуще буду...

VI.

Ночью шел дождь, и вершины гор оказались белыми. После следующей ночи снеговая полоса увеличилась, и потом с каждым днем стала сползать все ниже.

Подул ветер и нагнал метель. Разом все забелело: горы, долины, лес. А в логах и впадинах разостлались тени—от нежно-фиолетовой до темно-свинцовой.

Когда метель кончилась, была прочная, уверенная в себе зима. Петров отправился в конец лога посмотреть выход в равнину.

На березах и лиственницах кое-где сверкали солнечно-рыжие космы, рдели трепетавшие осины, тянулся взгляд к сочно-ярким гроздьям рябины и калины. От белого с непривычки слепило глаза.

Выход в равнину запирала снеговая полоса. Она поднималась на несколько сажен, образуя причудливо выгнутые навесы и полукруглые ниши.

На обратном пути вспомнил другую дорогу. Долго взбирался, падая и скатываясь; перелезал через каменные выступы, продирался кустарниками. Осыпавшийся с деревьев снег попадал на лицо, за воротник и таял, сползая холодными змейками по телу. Ноги соскальзывали и вязли.

Промокший, усталый все-таки добрался. Взглянул—и безнадежно сел: спуск оканчивался огромным навесом. За ним, внизу, были снежные сопки и увалы. Одно белое, мертвое царство...

Поползли тоскливые дни. Запасы продуктов разделили на ежедневные порции. Сделали еще двое лыж и стали ходить собирать древесные ягоды. Парили их и сушили, растирали на камне в муку и стряпали лепешки. На следы, настеганные по поляне узорами, поставили несколько самоловов.

Заготовляли дрова, починяли платье или просто валялись возле печки. По вечерам тянули нескончаемые разговоры:

— Теперь в Москву бы. Хоть на недельку... Вот, я думаю, жизнь где кипит! Интересная жизнь... О, чорт! Почему до сих пор Запад не выступает?

— Значит, время не пришло...

На столе, в глиняной плошке уменьшался желтоватый, колеблющийся хвостик. Доносился глухой шум деревьев.

Архип Иваныч, приподнявшись на коленки, тянулся к столу подложить в жировку сала.

— В Библии сказано, что мир сотворен в шесть дней; мы живем здесь шесть с половиной месяцев. Сколько же в этот срок можно сотворить миров?..—сказал он серьезно и смотрел на того и на другого.

— Верно. Времени много прошло. Может быть, там и началось.

— Я даже уверен, что там началось!..—соглашался обрадованный Петров.

Дни стояли самые короткие. Солнце показывалось только около двенадцати, а в третьем уже пряталось за гребень горы. Лес становился суровым; по долине расплывалась широкая, все кроющая тень.

VII.

Горы ли гудят, или шумит лес? Может быть, долетел первый вздох где-то еще далеко шествующей весны! Небо голубее и глубже. Верхушки гор безоблачные и четкие, а утром сегодня, у двух ближних— нежно-нежно розовели...

Три пары лыж скользили вряд. Беззвучно оседал снег; позади разматывались, крепко вдавливаясь, шесть атласных лент, ровных, одна к одной—по краям каждой, тонкая, голубоватая тень.

Сегодня, как и давно уже, пили терпкий, вяжущий настой бадана и вместо хлеба ели пареную калину. Но сегодня всем радостно.

Направо, совсем рядом—гранитный откос, из трещин его сочилась вода, и от ней подымались струйки пара; камень любовно отдавал солнечное тепло. Всосавшаяся в морщину, маленькая сосенка, напрягла свои размякшие ветви. От ней уже пахло смолой. Выше, по каменному карнизу, шелестел осинник. И он шелестел не так, как неделю назад. А еще выше—нужно совсем запрокинуть голову—там шумел кедрач. В его шуме тоже новые ноты.

Петров остановился и, протянув вперед руки, неожиданно крикнул:

- Ого-го, го-о!

Кричал горам и небу. И громко смеялся.

— Это я весну приветствую!

Далеко она, не услышит!

— Не ближе, поди, чем в Харьковской губернии?

- Ближе! За хребтами! Тут рукой подать!

И всем было весело.

Убили сидевшего на скале старого, с сединой, ворона.

- Ну, теперь можно и ружье забросить—больше ни одного заряда.

- Зато два дня с мясной похлебкой... Давно не ели ее.

Но к вечеру домой тащились с трудом. Падали в обморок, жевали сухие ягоды, глотали снег...

На следующий день обедали только вдвоем: Василий Павлыч под двумя одеждами лязгал зубами и поминутно просил:

— Подкиньте побольше дров! Холодно! Зябну!..

К ночи начался жар.

На поиски съестного стали теперь ходить попеременно. Ягод уже не было; варили древесную кору и вырытые из-под снега сухие стволы дягиля. Едва двигались; кожа высохла, побурела, руки тряслись.

К вечеру больному делалось хуже. Он метался, рвал рубашку, приподымался и снова беспомощно падал. Требовал, умолял открыть дверь.

Потом наступало затишье. В это время начинала усиленно работать бесконтрольная мысль. Недвижный, с закрытыми глазами, он выкрикивал скомканные обрывки фраз.

Оба лежали без сна. Тьма насыщалась образами и картинами, иногда уродливыми, страшными; они несли глубокую душевную боль. От света до света тянулись целые годы, под конец терялось представление о времени.

VIII.

Пела весенняя вода. Снег растворялся днем и ночью, и сеть малых и больших ручьев с торопливым, звонким перекликом тянулась в один общий поток, грозно мчавшийся по дну ущелья. На склонах и отве-

сах гор играли водопады, в невидимых брызгах рождая радугу. Дымилась земля. Трещали целыми днями сороки, прыгали грачи. Все пьянело от солнца, весеннего животворящего воздуха.

Василий Павлыч тянулся к двери:

— Отворите! Дайте посмотреть! Я давно не видал неба!

Распахивали и сами садились у порога, слушали весенние ликующие голоса.

Как-то он попросил:

— Вынесите меня наружу. Мне лучше будет. Весенний воздух ведь очень полезен.

Когда его снова внесли, он довольно сказал:

— Вот теперь можно и умирать. Только жалко — не знаю, что „там", за Уралом.

К вечеру опять начался бред. Больной задыхался, кричал, размахивая желтыми мослами рук. Горящие глаза смотрели и не видели.

— Дворцы!.. Машины!.. Больше свети!.. Так...—голос стихал.— Та-аня...

Спустя некоторое время, Петров подошел к нему и прикоснулся ко лбу рукой. Лоб начинал холодеть...

Могилу копали два дня: земля не совсем еще оттаяла, а силы было мало. Бережно опустили, забросали и молча вернулись в дом. Было пусто и холодно. Ничего не хотелось делать. Бессильно растянулись на лавках, не ощущая даже голода.

Наступила ночь. Потом был день.

Петрову казалось, что длина дней и ночей чрезвычайно сократилась. Не успеет приглядеться к свету, как начинает уже темнеть. И затем также быстро ночь сменяется днем. Наконец, все слилось в одно сплошное, серое, и он перестал сознавать, где и с кем находится...

Внезапно, среди ровной, серой, будто медленно струившейся, тишины, что-то резко коснулось его слуха. Он открыл глаза и на несколько мгновений увидел над собою чье-то до боли знакомое лицо. Увидел, радостно вздрогнул и куда-то поплыл, снова в серое и тусклое...

IX.

Все они в зеленом, благоухающем, полнозвучном. Далекие и близкие одинаково подавляюще могучи и величественны, заполняют душу и овладевают без остатка сознанием. Кажется и чувствуется, что нет ни степей, ни морей, ни городов. Весь мир состоит из них одних необъемлемых взглядом гор.

Далекие грани их на пышно голубом—четки и—думается—звонки. На иных словно вскинуты ресницы; другие, самые отдаленные—из дымного марева, похожи на застывшее облачко.

Над поляной, над цветной, празднично-поющей скатертью, плыл аромат, суетливо сновали птицы и насекомые. Белыми скачками с тысяченогим топотом неслась куда-то река. Темные уши ущелий сторожко ловили каждый звук. Так сторожко, что хотелось крикнуть. Крикнуть и ждать, когда ответит мягко, по-стариковски, лес или гулко и крепко—бурый, замшенный камень.

Но когда пошли селенья—стало тоскливо и буднично.

— Далеко пробираетесь?

— Нет! Поблизости тут!

— А чьи сами-то будете?

— Российские. Беженцы. На счет земли вот все присматриваем: в городу-то совсем нельзя стало жить.

— Беженцы... Ну, что ж, шагайте. Наше дело сторона...

И шагали, уже безрадостно.

— Рано еще здесь. На Уймон надо. Там они есть непременно. Там и наших найдем.

— Еслиб чистые документы—можно было бы где-нибудь осесть. Для работы самая подходящая пора.

— Нет. По-моему, рано еще.

Горы были такие же,—мягко зеленые, благоухающие, влекущие; так же пели красками и звуками долины; сверху лилось нежащее тепло. Но оба шли молчаливые, сосредоточенные, строгие.

В одной деревне зашли просить хлеба.

— Кто вы такие? Куда идете?

Пояснили.

— А вот мы проверим. Андрон, сведем-ка их в волость!

Из волости повели к начальнику милиции; крестьянин по наряду и милиционер. Вокруг—лесная глушь, клокочет, пенится река и вверху свистит ястребок.

— Вас двое и нас двое, - сказал угрюмо Петров, шагая в ряд с милиционером.—Мы, как видите, гораздо сильнее вас...

— А „Наган"-то на что!—хлопнул милиционер по ручке револьвера.

— Это ерунда! Ты не успеешь схватиться за него, как полетишь в реку.

— Вы, что же, значит, красные?—спросил тот, сразу изменившись.

— Они самые.

Незаметно остановились. Крестьянин испуганно расширил глаза.

— Вы думаете, нас здес только двое? Позади идет целый отряд с оружием! Мы только разведчики!—вставил Архип Иваныч.

— Степан Митрич, что они нам сдались? Скажем, что сбежали, и крышка!—посоветовал крестьянин.

Милиционер некоторое время подумал, потом, махнув рукой, решил:

— Язви вас холера! Идите, куда знаете! Все равно—так пропадешь и эдак пропадешь! Только, смотрите, в другой раз не попадайтесь!...

— Не бойтесь! Не попадем! Сами не проворонъте!

Немного отойдя, те и другие обернулися.

— До свиданья! крикнул весело Петров и замахал фуражкой.— Скажите своим, что мы скоро придем! Пусть ожидают!..

X.

То же ущелье, та же поляна, все та же избушка. Вздохнули свободно.

У склона, под двумя сросшимися березами, в том месте, где осела земля, насыпали небольшой холм и взвалили серый камень...

Медленно шагают дни.

Ипат привез продуктов. Сеяли пшеницу, ячмень; сажали овощи.

Архип Иваныч высказывался иногда о расширении хозяйства, это у Петрова рождало неприятную мысль, что прожить здесь придется еще долго. Он сердился и грубо говорил:

— Что же, обзаводись скотиной, бабой, строй новую избу! Мешать тебе не стану!

— Конечно, зачем мешать. Только, я думаю, жить по-человечески всякому охота. Ведь когда-то еще удастся отсюда выбраться.

Спали на поляне, под сосной. Разжигали большой костер и вытягивались на мягких заячьих шубах. Когда говорить надоедало, молча смотрели на колеблющееся пламя, на черные, придвинувшиеся силуэты гор и в глубокое, темное небо.

Светились звезды, легонько шумели вершины деревьев, пахло кислицей, черемухой, травами.

Часто думали о покойном. Иногда казалось, что он здесь, поблизости, скоро придет. Обоим недоставало его для завершения своих дум, для полноты чувства.

Когда приезжал Ипат, говорили о карательных, о российских большевиках, которые где-то уже около Челябинска, и о партизанских отрядах, накапливающихся в лесах.

— Скоро ли же, наконец, мы отсюда выберемся?..

Ипат высказал:

— Ну, теперь не долго уж. Еще недельку-другую, и можно будет!

Но ждать не стали. Собрались на второй же день...

XI.

На заимку из села прискакал подросток.

— Ипат Данилыч! из Власьева едет карательный! Наши убегают в горы.

Утром, до солнца, запрягли лошадь, нагрузили бочку с дегтем, и Петров отправился по деревням торговать. Архип Иваныч стал курить смолу. Волосатый, с грязными, давно не видавшими мыла, лицом и руками, в растоптанных, большеголовых лаптях и проношенной до дыр косматой шубе, он казался многолетним смолокуром. Немногим отличался от старых сосновых пней, которые выкорчевывал и разрубал для смолокурного аппарата.

— Работника нанял,—говорил приходившим Ипат.—Одному-то не сподручно—и деготь, и смолу. Теперь у нас пойдет в два завода.

А Петров неторопливо двигался с возом. В деревнях не было уже прежней враждебности. Крестьяне закидывали вопросами:

— Ну, что, как там у вас? Что слышно о красных?

— Говорят, они никого не обижают?

— У них, будто и мануфактура есть? А на хлеб, слышь, твердую цену уставили, чтобы никакой спекуляции!..

И тут же сами сообщали:

— Недавно чоенский со степи с хлебом ехал. Остановили было, красные-то. „Ты откуда, говорят,—товарищ, хлеб везешь?“ А когда узнали, что мужик бедный, на рыбу выменял, то сейчас же отпустили и велели передать, что все, кому нужно, могуть ехать—отбирать ни у кого не будут...

— В Федуловке, слышь, у богачей отобрали и бедноту оделили!..

Но на-ряду с этим слышалось и другое:

— Нагрянули в Санниково, собрали сход:—„Кто сочувствует большевикам? Выходи!“ Никто не вышел. Тогда выстроили в ряд и каждого десятого выпороли... В Ивановке за двоих большевиков пятерых расстреляли и три двора сожгли... В Климовичах наложили штраф... Погоди, не долго уж!..

Неожиданно налетел шквал.

День был праздничный. У крыльца волости толклось с десяток мужиков. Скрипел громко дверной блок и на улицу вырывались клубы белого пара. Где-то резко хлопнуло. В конце улицы кто-то что-то выкрикнул; послышался дробный топот многих лошадиных ног и громкие мужские голоса.

Стоявшие у крыльца метнулись внутрь, затем выскочили, умноженные, и рассыпались по закоулкам и калиткам. На площадь, пустынную и мертвенно-тихую въехал галопом отряд голубых улан. Один догнал, пробегавшего проулком, старика нищего и, подняв над ним нагайку, крикнул:

— Ты кто такой? Зачем бежал?

Прапорщик, почти мальчик, отдал приказ:

— Собрать сход!

Медленно заполнялось помещение волости; некоторых сгоняли солдаты. Бородатые, степенные мужики боязливо переступали порог и сейчас же снимали шапки; кто помоложе—затирались в задние ряды.

— Говорите, кто у вас большевики?

Председатель робко согнул лысую голову, запнулся:

— Ни одного!... Мы крестьянством занимаемся!.. Мы никогда!..

— Иванов, читай!..

Напряжены, напитаны страхом лица; взгляды недвижны—один в один, в одну точку; замерла единая грудь.

Голос сухо чеканил:

— Сидоров, Поликарп!.. Хохлов, Василий!..

По селу носились незнакомые голоса, брань; во дворах вспыхивали и сейчас же гасли женские вскрики...

А под горой, в бане, в темноте, всю ночь шушукалась группа мужиков с проезжим дегтярём...

Засновали гонцы, из волости в волость, от деревни к деревне. Странные, необычные гонцы.

Мягко постукивали конские копыта; в седле — баба с ребенком, укутанным в одеяло; на лице — тихая, веками взрощенная, скорбь бабья.

В деревне, у поскотины остановилась, толковала со знакомой молодухой:

— Вот к фельшерице еду. Заболел что-то.

— Да ведь дорога-то дальняя. Застудить можно.

— Ничего. Как-нибудь доберусь... Не знаешь — Иваньша Кондратьев дома? Степан шерсти у него хочет купить...

У Кондратьевой избы говорила с мужиком о шерсти и совала записку:

— От наших...

Через минуту опять слышался дробный конский топот...

В село приехал бондарь. В телеге—остаток нераспроданной посуды: квашни, кадушки, ведра. Остановился посреди улицы, положил коню корма и, постукивая по гладко выстроганной посудине, повел с покупателем торговую речь:

— Эк, доска-то! Что янтарь! За стекло поставить да любоваться! И отдаю почти даром—только два пуда... У вас скоро хлеб-то нипочем будет—не нынче-завтра советы установите!..

На опушке бора дымила смолокурная печь. К замазанному волосатому смолокуру подъезжали и справа и слева, с боченками, с ведрами. Но говорили вполголоса, совали и брали записки,—замусолен-

ные, писанные на лоскутках, каракулями. Хранил он их в осиновом дупле.

Скакал мимо отряд.

— Ты кто такой?

— Смолокур, Архип Жариков... Десять лет этим ремеслом занимаюсь...

— Обыскать его!

Он успел незаметно сунуть в рот скомканную бумажку, которую только что привезли.

— Двадцать пять!..—коротко бросил начальник.

В то время, когда двое, в голубых штанах, считали по телу нагайками, Архип Иваныч жевал записку, в которой было написано:

„Передай через Ипата власьевским, что завтра идем на соединение с отрядом Р. Имеем десять ружей и восемьдесят пик. Петров".

— Сейчас же марш из лесу! Если завтра здесь найдем—повесим на первом суку!..

И ускакали...

В деревнях новое, молодое. Даже старики отбросили величавое спокойствие мудрости. Даже бабы забыли суетливое, повседневное. Все прониклись общим, зажглись едиными мыслью и чувством. Ходили торопливее, говорили отрывистее и значительнее, часто умолчанием и жестами. Парни и мужики пропадали неизвестно где по целым суткам. У всех напряженная мысль, напряженная, невидимая работа...

В селе у сборни группа мужиков.

— Теперь скоро уж! Теперь конец!.. Они идут прямиком, на Сивашино... На помощь нашим.

— А много их?.. Иван Петрович, много их?

— Ого-го! Сорок тысяч, и больше половины с солдатскими ружьями!—Говорит не как всегда: моложе и горячее.—Покажут им...—По белой бороде ползет довольная усмешка.

— Говорят—взят Барнаул!

— Кем: партизанами или российскими?

— Партизанами, слышь. А через день и российские подоспели. Они по тридцать верст в сутки катают!.. С боями!..

— Слышали, как в Сорокине?

— Что, в Сорокине?

— А милицию!.. Ловко, якорь их!.. Это наши!

Через дорогу торопливо шла баба к реке, с ведрами. Остановилась и прислушивается.

— Никольша сказывал про главного ихнего начальника,—вмешивалась она.—Будто к белым в штаб приезжал, в генеральских эполетах. Накричал там, нагнал на всех страху и уехал.

— Насчет этого он голова! Он в город Бийск сколько раз приезжал. Сегодня с бородой ходит по базару, вроде как мужик, завтра с одними усами, в военной форме по улицам разгуливает.

— Он и бабой наряжался, на пристани семячками торговал... Пока-жет теперь!..

XII.

Катилась она вглубь гор, по Чуйскому тракту, к границе Монголии. Это была одна из последних волн разбитой и разбросанной колчаковской армии. Жуткая и безобразная.

Вкатывалась в попутное селение и смывала: скот, повозки, упряжь; разгружала амбары и кладовые, опустошала клети и сундуки. И когда уходила, вслед ей неслись вопли и проклятия; метался от избы к избе бабий и детский рев.

Немного спустя, следовала другая. Больше и грознее.

Бесконечная вереница возов с военными припасами и всевозможным обывательским добром тянулась по тракту дни и ночи.

В перерывах, громыхала легкая артиллерия, пулеметы; шли и ехали отряды солдат, группы гражданских и духовных лиц. Утомленно брели стада крупного и мелкого рогатого скота.

Хаос звуков наполнял горы. В селах, в калмыцких аилах замирала человеческая жизнь. Жители покидали хозяйства, убегая в леса и непроходимые каменные теснины.

И опять бегали по домам, забирали остатки скота, хлеб, скудное мужицкое имущество.

По ночам, чтобы осветить темный путь ущелий, поджигали по нескольку построек враз, и двигались при свете обагренного неба, освещавшего каждую горную складку.

В это русло, с обеих сторон стремительно вливались десятки мелких потоков: остатки карательных отрядов, сельская милиция и все те, кому страшен был народный гнев. По горным тропам, мрачной тайгой, через перевалы и топи, пробирались они, пугаясь каждого крика, каждого постороннего звука.

Но было уже поздно. Народный гнев настигал. Он несся вслед за ними по тем же таежным тропам, ущельям и курумникам; он неотступно, зловещим призраком двигался по самому тракту...

Ночь. Жуткая горная ночь, окровавленная заревами пожаров. Насторожились черные пасти тесных проходов и щелей, и за каждым камнем притаился ужас.

Медленно спускалась с горной кручи повозка за повозкой. Кони вылезали из хомутов; не свистали бичи; сдержанны громыхание и человеческие голоса.

А сбоку—черная пропасть... А впереди—спуску не видно конца.

Неожиданно—мощный плевок орудия.

Вздрогнуло, затрепетало—и горы, и щетина леса, и живая, движущаяся цепь. Затявкали ружья, застрочил пулемет. Клубом свились и закружились звуки. Книзу понеслась с грохотом, треском и животным ревом лавина...

И снова молчание. Горы и ущелья попрежнему бесстрастно, равнодушно ловят пестро-однообразные звуки живой реки...

Неширокая равнина с редким лесом, стиснутая скалами. Также безжизненна.

Остановились, распрягли и разложили костры. Скот шарит губами по мерзлой земле...

Два-три тревожных выстрела. Словно подброшенные, вскочили и схватились за винтовки.

А из ночи, в площадь света с криком и гиканьем ворвались всадники: с пиками, вилами, тесаками. Колют, рубят, топчут. И кажется, нет им числа. Страшно первобытное оружие. И еще страшнее—красные ленточки на шапках...

Обоз укорачивался. Защитников его становилось меньше.

И снова медленно двигались в молчании гор, до новой кручи, до нового тесного прохода, где ждала другая засада с самодельными пи-

ками, кремневыми ружьями, деревянными пушками и трещотками вместо пулеметов.

Шли и таяли, усеивая путь трупами людей и животных. Шли к спасительной отдушине Монголии, не предполагая, что она уже захлопнута...

XIII.

Еще дымились пожарища в разграбленных и опустошенных селениях. Еще болезненны вопли и жгучи проклятия, а улицы и площади уже шумно радостны. Идет по ним красный праздник.

Над крыльцом сборной избы взмыл кумачевый флаг, точно взмускуленное крыло птицы. Поднимет другое—и полетит...

Павел Низовой.

Уральские стихи.

Лед и уголь, вы могильны.

Брюсов.

I.

Станция.

Будто всем, что видит глаз,
До крапивы подзаборной,
Перед тем за миг пилась
Сладость радуги нагорной.

Будто оттого синель
Из буфета выгнать нечем,
Что в слезах висел туннель
И на поезде ушедшем.

В час его прохода столь
На песке перронном людно,
Что глядеть с площадок боль,
Как на блеск глазури блюдной.

Ад кромешный. К одному
Гибель солнц, стальных вдобавок,
Смотрит с темячек в дыму
Кружев, с гребней и булавок.

Плюют семячки, топча
Мух, глотают чай, судача,
В зале, льющем сообща
С зноем неба, свой в придачу.

А меж тем наперекор
Черным каплям пота в скопе,
Этой станции средь гор
Не к лицу названье „Копи".

Пусть нельзя сильнее сжать
(Горы. Говор. Инородцы),
Но и в жар она—свежа,
Будто только от колодца,

Будто всем, что видит глаз,
До крапивы подзаборной,
Перед тем за миг пилась
Сладость радуги нагорной.

Что ж вдыхает красоту
В мленье этих скул и личик?
— Мысль, что кажутся Хребту
Горкой крашеных яичек.

Это шеломит до слез,
Обдает холодной смутой,
Веет, ударяет в нос,
Снится, чуется кому-то.

II.

Кто крестил леса и дал
Им удушливое имя?
Кто весь край предугадал,
Встарь пугавши финна ими?

Уголь эху завещал:
Быть Уралом диким соснам.
Уголь дал и уголь взял.
Уголь, уголь был их крестным.

Целиком пошли в отца
Реки и клыки ущелий,
Черной бурею лица,
Клиньями столетних елей.

Реки,—будто лес, как кит
Снизу, с лодки миной взорван,
И из туч и из ракит
Дно, обуглясь, гонит ворвань.

Будто день сплавляет лес
Ночью этих салотопен.
Строй безмолвья—до небес
И шеститысячестопен.

III.

Рудник.

Косую тень зари роднит,
С косою тенью спит Продольный
Великокняжеский рудник
И лес теней у входа в штольню.

Закат особенно свиреп,
Когда, с задов облив китайцев,
Он обдает тенями склеп,
Когда они упасть боятся,

Когда, цепляясь за края
Камнями выложенной арки,
Они волнуются, снуя,
Особо жизненны и жарки.

На волосок от смерти всяк
Идущий дальше. Эти группы
Последний отделяет шаг
От царства угля—царства трупа.

Прощаясь смотрит рудокоп
На солнце, как огнепоклонник.
В ближайший миг на этот сноп
Пахнет руда, дохнет Покойник

И ночь обступит. Этот лед
Ее тоски неописуем.
Так страшен, может быть, отлет
Души с последним поцелуем.

Как на разведке, чуден звук
Любой. Ночами звуки редки.
И дико вскрикивает крюк
На промелькнувшей вагонетке.

Огарки,—а светлей костров
Вблизи,—а чудятся верст за пять
Росою черных катастроф
На волоса со сводов капит.

Слепая, вещая рука
Впотьмах выщупывает стенку,
Здорово дышит ли штрека́
И нет ли хриплого оттенка.

Ведь так легко пропасть, застряв,
Когда, лизнув пистон патрона,
Прольется, грянувши, затрав
По недрам гулко, похоронно.

А, знаете ль, каков на цвет,
Как выйдешь, день с порога копи?
Слепит, землистый,—слова нет—
Расплавленные капли, хлопья.

В глазах бурлят луга, как медь
В отеках белого каленья.

И шутка ль!—Надобно уметь
Не разрыдаться в исступленье.

Как будто ты воскрес, как те—
Из допотопных зверских капищ,
И руки поднял, и с ногтей
Текущим сердцем наземь капишь.

Борис Пастернак.

Политико-экономический отдел.

Организация промышленности и земельный вопрос в Венгерской советской республике[1]).

Хозяйственный строй Венгерской советской республики не отличался существенно от хозяйственной организации Российской советской республики, хотя мы имели лишь слабое понятие о русских учреждениях, когда создавали в Венгрии советское хозяйство. Изучая русские хозяйственные отношения, я вижу теперь, что различия между русскими и венгерскими условиями основаны собственно на политических и исторических факторах.

С нашей точки зрения, важнейшим является то, что классовая борьба пролетариата в Венгрии не была доведена до конца. Хотя буржуазия, как вообще все прежние господствующие классы, совершенно изжила себя и из-за военных поражений потеряла весь свой авторитет и даже уверенность в своих собственных силах, однако влияние, которое имели среди рабочих правые социалисты и бюрократия профессиональных организаций, все еще продолжало сказываться, не ослабевая. Правда, коммунистическая партия революционизировала рабочие массы, но она не обладала никакими систематически построенными организациями. Когда вожаки социал-демократии и профессиональных организаций заметили, что массы ускользают от их руководства вследствие агитации коммунистической партии, они повели прежнюю оппортунистическую политику.

Они пошли за рабочими и предложили коммунистической партии совместное введение советского строя. Они сделали это в момент, когда буржуазия, испуганная требованиями Антанты, не хотела брать на себя ответственности за разорение страны и предложила политическую васть социал-демократическим вождям рабочего класса. Так возникла Венгерская советская республика, при чем коммунистическая партия не успела построить своих организаций, подобно русским; по установлении Советской власти она даже распустила важнейшие из своих организаций и, объединившись с социал-демократической партией, основала социалистическо-коммунистическую партию. При построении Венгерской советской республики отсутствовал, таким образом, как раз

---

1) Настоящая статья тов. Варги, бывшего председателя Высшего Совета Народного Хозяйства в Венгрии, профессора Будапештского университета и старого марксиста, составлена по двум его работам: 1) Die Wirtschaftsorganisation in der Ungarischen Räterepublik, написанной для рабочих, и 2) Die Wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur. Статья т. Варги представляет выдающийся интерес для русского читателя.

Редакция.

тот фактор, который играет в России решающую роль: организованная коммунистическая партия.

Эти обстоятельства при введении диктатуры пролетариата оказали большое влияние на построение хозяйственных организаций. Так как буржуазия надеялась, что переход к Советской власти сохранит целость страны, не было и следа саботажа, получившего в России широкое распространение; все чиновники, инженеры, техники и все дипломированные служащие остались на своих постах, все они называли себя коммунистами. Они не только не оставили своих мест, но даже самые реакционные элементы лишь насильственными мерами можно было отстранить от занимаемых ими должностей. Поэтому вполне понятно, что борьба с бюрократией не могла вестись с той же беспощадностью, как в России, где бюрократия оказала Советской власти открытое противодействие. Вследствие этого весь хозяйственный строй Венгерской советской республики носил гораздо более бюрократический характер, чем в России.

Небольшие размеры страны и вполне удовлетворительное состояние транспортных средств также оказали влияние на всю систему хозяйственной организации. В стране, отдаленнейшая часть которой легко достигается по железной дороге в один день, излишне было создавать так много местных хозяйственных учреждений, как в России. Таким образом, можно было интенсивнее централизовать всю хозяйственную жизнь.

То обстоятельство, что учреждение советской республики произошло не в результате открытой революционной борьбы, принесло с собой ту всеобщую тенденцию, что в Венгерской советской республике политическая точка зрения не была так решительно подчеркнута в противовес экономической, как это имело место в России. Можно сказать, что построение хозяйственной системы было проведено в Венгрии более целесообразно и организованно, чем в России, и очень часто в ущерб политическим целям.

I. Социализация финансовых учреждений.

Венгерская советская республика начала с экспроприации всех финансовых учреждений. Будапештские банки были в первое же утро заняты красногвардейцами; мы удалили капиталистических банковских директоров и выбрали финансовыми комиссарами лиц, близко стоящих к пролетариату, из среды организованных банковских служащих. Во главе каждого банка стояло от одного до пяти таких комиссаров. Мы постановили, что никто не может получать обратно из банка более 2.000 крон ежемесячно; на вклады и сейфы было наложено запрещение еще согласно постановления предыдущего правительства Карольи. Советское правительство овладело также Будапештским главным отделением Австро-Венгерского банка, и через несколько дней финансовые учреждения провинции также находились под контролем советов. Все это прошло гладко и без сопротивления.

Экспроприацией финансовых учреждений достигалась двоякая цель. С одной стороны, она не давала возможности буржуазии путем изъятия из банков своих капиталов располагать большими наличными средствами и употреблять их на контр-революционные махинации. С другой стороны, необходимо было позаботиться о покрытии заработной платы и государственных расходов; нужно было воспрепятствовать перерыву производства из-за недостатка денежных средств. Поэтому мы

постановили, что каждое финансовое учреждение, которое было до сих пор банкиром какого-либо промышленного предприятия, обязано выплачивать за счет соответствующего предприятия по чеку, подписанному фабричным комитетом и производственным комиссаром, денежные средства, необходимые для покрытия заработной платы по ведомостям и для приобретения сырья. Таким образом, мы могли достигнуть того, что рабочие уже в субботу получили недельную плату без задержки, хотя провозглашение диктатуры пролетариата произошло в пятницу.

На фабрики, не располагавшие требованиями ни к одному банку, деньги для покрытия заработной платы доставлялись намеченными из центрального управления финансовыми учреждениями за счет государства.

Во время пролетарской диктатуры мы шли к тому, чтобы уничтожить бесчисленное количество финансовых учреждений. Мы ликвидировали крошечные провинциальные сберегательные кассы и частные и более мелкие банки в Будапеште. Наш план заключался в том, чтобы сохранить лишь три учреждения: Австро-Венгерский банк, центральное управление финансовых учреждений, которое должно было развивать финансовые операции государства и центральное сельское кредитное товарищество, которое должно было вести денежные дела крестьянства. Ликвидация и сокращение банков подвигались с большим трудом, так как служащие финансовых учреждений боялись, что они после ликвидации потеряют свои должности и будут вынуждены искать новых занятий.

II. Социализация промышленности.

Через несколько дней после провозглашения пролетарской диктатуры, 26 марта 1919 года появился декрет советского правительства № 9 о переходе всех крупных предприятий в общественную собственность без вознаграждения прежних владельцев. Крупным предприятием считалось каждое предприятие, в котором занято было более двадцати рабочих, или предприятия с числом рабочих меньше 20, но которые, благодаря своей технической постановке, квалифицировались как крупные. Это распоряжение было тотчас же проведено по всей стране, хотя дело обстояло так, что экспроприация большинства предприятий была произведена еще до обнародования этого распоряжения.

Руководство обобществленными предприятиями стало задачей рабочих комитетов, которые были избраны во многих местах уже во время переворота Карольи. Рабочий комитет состоял из 3—11 членов, избранных прямым голосованием рабочих, занятых в предприятии. Рабочие данного предприятия имели право всегда отозвать весь комитет или отдельных членов его и делегировать других на их место.

Важнейшей задачей рабочего комитета было охранить предприятия от хищения или саботажа, продолжать производство, поддерживать трудовую дисциплину и выносить решения по различным вопросам, касающимся рабочих.

Было ясно с самого начала, что невозможно будет предоставить управление производством одним только возникшим таким образом комитетам. Рабочие комитеты стояли в слишком большой зависимости от рабочих своего предприятия именно потому, что они избирались рабочими данного предприятия и их выборы могли быть аннулированы в любое время. Так как участие в рабочем комитете означало

освобождение от физического труда, а также влияние и власть,—рабочие комитеты стремились сохранить свои полномочия как можно дольше. Вследствие этого они были склонны при всех обстоятельствах действовать согласно с выгодой рабочих своего предприятия. То же — в вопросах о трудовой дисциплине, о производительности труда, о заработной плате. Необходимо было поэтому позаботиться о том, чтобы в каждом предприятии было лицо, уполномоченное от всего пролетариата, которое должно было защищать интересы всего пролетариата в противовес интересам рабочих отдельного предприятия и наблюдать за самым ведением предприятия. Этой цели служили производственные комиссары, назначаемые советом народного хозяйства или Народным комиссариатом социального производства. Задачи производственного комиссара состояли собственно в ведении предприятия, в проведении распоряжений высших инстанций, в поддержании трудовой дисциплины и в обеспечении производительности труда. Эти задачи он должен был разрешать в совместной работе и в согласии с рабочим комитетом. Когда же взгляды рабочего комитета и производственного комиссара не совпадали, впредь до решения высших инстанций должно было выполняться предписание производственного комиссара.

Выбор производственного комиссара представлял величайшую трудность. Производственный комиссар должен был собственно заменять прежнего главного директора; таким образом, у него была техническая, организаторская, дисциплинарная власть. Каждому ясно, что было очень трудно найти людей, которые отвечали бы всем этим требованиям при данных обстоятельствах, когда средства старой классовой дисциплины не были более пригодны. Дисциплина могла поддерживаться лучше всего рабочими, пользующимися влиянием в массах; но к техническому руководству оказывались способными лишь немногие рабочие. Соответственно этому отношения сложились так, что во многих предприятиях производственными комиссарами становились инженеры, те инженеры, которые уже прежде принимали участие в рабочем движении и против которых рабочие не были настроены недоверчиво. В других предприятиях комиссарами стали хорошо квалифицированные рабочие. Во многих местах рядом с производственными комиссарами, избранными из рабочих, работал технический специалист, или, наоборот, рядом с уполномоченным для руководства делом специалистом стоял рабочий в качестве контролирующей инстанции.

III. Организация индустриального производства.

Экспроприация предприятий является основным условием построения социалистического производства. Но одна только экспроприация предприятий еще не дает того результата, которого ждут рабочие от общественного производства: а именно повышения благосостояния. Чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы производство расширялось, а путь к этому состоит в том, чтобы покончить с производственной анархией и ввести систематическое упорядочение, планомерное производство. Для подготовления этого процесса в Венгрии служили следующие учреждения:

1. Производственные центры. Организация их походила в главных чертах на организацию русских „центров". Это значит, что все предприятия одной отрасли промышленности ставятся под общее центральное руководство. Таково построение возникших при капитализме трестов. Небольшая территория страны и то обстоятельство,

что на первых порах не было сильного саботажа, сделали возможным, что все предприятия каждой отрасли промышленности были подчинены центральному управлению; оказалось излишним различать непосредственно подчиненные центру крупные предприятия от меньших предприятий, поставленных в подчинение местным советам народного хозяйства, как это имело место в России. Производственные центры заботились о технической постановке дела, о снабжении сырьем, о распределении рабочих, о проведении возможного объединения предприятий и т. п. Разумеется, $4\frac{1}{2}$ месяца пролетарской диктатуры было недостаточно для полного построения производственных центров; в большинстве отраслей промышленности были лишь разработаны планы.

2. Материальные управления. В первое время всякой диктатуры ощущается большой недостаток различных материалов. Это естественное следствие того факта, что советское правительство принуждено уступать старой окостенелой идеологии рабочего класса, находящей, что советское правительство долж о повысить ставки рабочих, особенно широких слоев необученных рабочих. Так как теперь широкие массы пролетариата имеют больше денег, у них является склонность покупать всякого рода товары. То же стремление чувствует в себе буржуазия, которая, видя падение денежных ценностей, стремится покупать товары по какой-угодно цене. Поэтому необходимо прежде всего позаботиться о том, чтобы наличные блага и не только те, которые готовы к непосредственному потреблению (об их распределении мы будем говорить ниже), но и те продукты, которые дальнейшему производству служат сырьем или полуфабрикатами, попадали путем строго контролируемого систематического распределения в производственный процесс.

Для этой цели мы создали различные материальные управления: угольное, древесное, мебельное и т. д., и т. д. Целесообразным распределением материалов мы заботились о том, чтобы производство продолжалось прежде всего в тех предприятиях, которые обладали наилучшим техническим оборудованием и в которых поэтому работа была наиболее продуктивна. Строгое руководство распределением материалов было особенно важно при существовании мелкой промышленности.

Компетенция производственных центров и материальных управлений была сначала недостаточно строго разграничена; некоторые учреждения были производственным центром и одновременно материальными управлениями. Но уже проявлялась решительная тенденция резко отделить ведение производства, входившее в задачи производственных центров от материального хозяйства, которое находилось в сфере влияния материальных управлений. Сначала и в России не было разделения между ведением производства и распределением продуктов. Теперь же обе эти функции отделены друг от друга.

В исходный период, до построения производственных центров, руководство индустриальным производством падало большей частью на Народный комиссариат промышленности. Однакоже, вследствие создания материальных управлений и производственных центров, компетенция этого комиссариата все более суживалась, и его задача должна была быть сведена к верховному управлению производством.

Эти материальные управления, как и производственные центры, работали под руководством соответствующих советов. Рядом с каждым материальным управлением работал совет по распределению материалов, члены которого избирались из тех профессиональных организаций, рабочие которых вырабатывали соответствующие продукты.

Это было неоходимо не только в целях правильного распределения материалов, но и для того, чтобы на-ряду с материальным управлением профессиональная организация также несла ответственность перед рабочим классом, когда бывало, что у отдельного предприятия отбирались материалы и предприятие поэтому должно было стоять. Составленные подобным же образом советы должны были работать на-ряду с производственными центрами.

3. В отдельных округах были образованы местные советы народного хозяйства. Членами их были: делегированные политическим советом, профессиональными организациями, сельскохозяйственными производительными товариществами, потребительскими обществами и т. д. Из этого окружного совета народного хозяйства должно было образоваться хозяйственное управление округа, задачей которого было бы направлять хозяйственную жизнь округа на основании указаний высших властей и следить за добросовестным выполнением и проведением в жизнь распоряжений.

4. Совет народного хозяйства. Он состоял из 60 членов, а именно из представителей крупных профессиональных организаций, из представителей окружных советов народного хозяйства — по одному от каждого, из представителей производительных и потребительных обществ и, сверх того, из президиума. На обсуждение этого совета представлялись все принципиально-важные вопросы. Это учреждение существовало вначале и в России; потом оно, как излишнее, было упразднено. В Венгрии этот совет выполнял серьезную и полезную работу; для разработки важнейших вопросов он выделял комиссии и собрал результаты этих работ в ряде монографий.

5. Президиум совета народного хозяйства. Вначале отдельные хозяйственные ведомства работали самостоятельно в качестве преемников прежних министерств: министерство земледелия, как народный комиссариат земледелия, министерство финансов, как народный комиссариат финансов, министерство торговли, как соответствующий же народный комиссариат и т. д.

Самостоятельность отдельных хозяйственных народных комиссариатов оказалась с течением времени неправильной, так как в спешной работе переходного времени отдельные народные комиссариаты часто выносили противоречивые постановления и издавали противоречивые распоряжения. Поэтому съезд советов постановил все хозяйственные комиссариаты объединить в один орган, в совет народного хозяйства, так что народные комиссариаты оказались лишь главными отделами совета народного хозяйства. Всякое хозяйственное распоряжение могло издаваться лишь советом народного хозяйства. Централизация управления хозяйственной жизнью пошла таким образом в Венгрии гораздо дальше, чем в России, где собственно говоря нет совета народного хозяйства, так как так называемый совет народного хозяйства ведает лишь делами индустриального производства, а народные комиссариаты земледелия, финансов, путей сообщения и общественных работ стоят, как независимые организации, вне совета народного хозяйства. Венгерский совет народного хозяйства состоял из следующих комиссариатов, являющихся его главными отделами: 1) отдел материального хозяйства, 2) отдел внешней торговли, 3) отдел земледелия, 4) отдел финансов, 5) отдел продовольствия, 6) отдел путей сообщения, 7) отдел общественного производства, 8) отдел контроля, 9) отдел строительных работ, 10) отдел общественных работ.

Четыре председателя совета народного хозяйства избирались съездом советов и являлись одновременно народными комиссарами и

членами правительства. Трое из председателей руководили также каждый одним из главных отделов совета народного хозяйства. Заведующие главными отделами были членами президиума, но не народными комиссарами или членами правительства. Президиум совета народного хозяйства был высшей инстанцией во всех хозяйственных делах страны. Он имел право самостоятельно разрешать все дела; вопросы же, связанные с политикой, должны были ставиться на обсуждение правительства. За свои постановления президиум был ответствен перед съездом советов или же перед исполнительным комитетом.

В своей деятельности президиуму кроме совета народного хозяйства помогали два других совета:

а) совет сельского хозяйства. Ввиду большой важности сельского хозяйства, мы организовали, кроме совета народного хозяйства, еще отдельный совет сельского хозяйства численностью приблизительно в 40 членов, состоявший из представителей от организаций: сельских рабочих, лесных рабочих, служащих экономий, сельскохозяйственных производительных товариществ, представителей профессиональных организаций, рабочих тех отраслей промышленности, которые стоят в тесной связи с сельским хозяйством, и, сверх того, из представителей потребительских обществ и из привлеченных к делу сельскохозяйственных специалистов. Этот совет был образован в последний период существования пролетарской диктатуры, почему мы и не можем много сообщить о его деятельности.

б) Высший технический совет, состоявший из лучших техников-специалистов страны и нескольких представителей крупных профессиональных союзов. Его задача состояла в разрешении актуальных технических вопросов. Его буржуазные члены получали месячное содержание, и кроме того предполагалась особая оплата за разрешение отдельных проблем.

IV. Земельный вопрос.

Самая трудная проблема пролетарской диктатуры, это—разрешение аграрного вопроса. Она сложна и в экономическом и в политическом смысле: в экономическом—потому, что обеспечение городского пролетариата необходимыми средствами существования зависит от правильного решения аграрного вопроса; в политическом—потому, что в странах восточной и средней Европы никакое правительство городского пролетариата не может долгое время противостоять последовательному сопротивлению сельскохозяйственного населения. Необходимо, следовательно, вести политику, которая в хозяйственном отношении не только не тормозит производства, а, по возможности, усиливает его, обеспечивает питание городов,—политику, которая в то же время создает в деревне опору для пролетарского режима. Необходимо, стало быть, вести политику, которая привлекла бы на сторону диктатуры пролетариата, по крайней мере, сельскохозяйственных пролетариев и беднейших крестьян и которая сделала бы средние слои крестьян, по меньшей мере, нейтральными в политической борьбе.

На первой стадии диктатуры—прокормление армии и города является самой настоятельной и самой трудной задачей. Поэтому в начале всякой диктатуры нужно прежде всего озаботиться о том, чтобы производство шло непрерывно. Уже перерыв в промышленном производстве наносит большой ущерб, а перерыв в сельскохозяйственном производстве чреват роковыми последствиями. Сельскохозяйственные

работы по естественным производственно-техническим условиям периодичны: то, что упущено в определенный момент, невозможно наверстать в пределах того же хозяйственного года. И так как сельское хозяйство производит самые необходимые блага—средства существования,—необходимо прежде всего позаботиться о продолжении производства.

Необходимость обеспечить непрерывность производства оказывает большое влияние на характер экспроприации земельной собственности. Принципиально, все земельные владения должны быть экспроприированы, как и все средства производства, хотя земельная собственность в определенных размерах является не средством эксплоатации, а естественной основой существования при помощи производительного труда. Если отвлечься, однако, от этой принципиальной стороны дела, то из практических соображений само собой понятно, что минимальный размер предприятий, подлежащих экспроприации, здесь так же трудно установить, как и в промышленности. Это затруднительно из политических соображений: миллионы мелких фанатиков собственности из мелких крестьян не следует превращать в активных политических противников и толкать в лагерь контр-революции. Это затруднительно и из хозяйственно-организационных соображений: пролетариат не располагает необходимым количеством сознательных приверженцев, чтобы он мог сразу обойтись без миллионов руководителей сельскохозяйственных предприятий. Это тем более верно, что каждая здесь ошибка может поставить под угрозу снабжение города.

Принципиальную границу для экспроприации здесь так же невозможно установить, как и в промышленности. Это зависит прежде всего от распределения земельной сообственности и базирующегося на нем классового расслоения сельскохозяйственного населения, равно как от идеологии последнего. Чем больше доля крупной земельной собственности в общей земельной площади, чем больше в сельском хозяйстве численность пролетариев, абсолютно лишенных земли, чем острее развиты классовые противоречия между крупными земельными собственниками и сельскохозяйственными рабочими, тем прочнее может обосноваться в деревне диктатура, тем дальше может пойти экспроприация. Напротив того, чем равномернее распределена земельная собственность, чем меньше вследствие этого подлинных пролетариев, тем неблагоприятнее ситуация для господства пролетариата, тем осторожнее поэтому должна проходить экспроприация. Мимоходом скажу, что в аграрном вопросе социал-демократический ревизионизм и революционный большевизм резко расходятся. Широко распространенная крупная земельная собственность означает в буржуазной демократической политике феодальную реакцию, аграрную хозяйственную политику, дороговизну на средства существования. Отсюда—острые классовые противоречия, благоприятная почва для пролетарской революции. Преобладание мелкой крестьянской собственности означает демократию, слабые классовые противоречия в деревне—неблагоприятную почву для чисто пролетарской революции. Поэтому ревизионисты—за раздробление крупных имений, коммунисты, напротив того,—за сохранение последних [1]).

---

[1]) Тот факт, что большевики в России предоставили крестьянам полную свободу в дроблении крупных земельных владений, ничего не меняет в этой принципиальной концепции. Русские большевики находились в исключительно тяжелом политическом положении: при сильно преобладающем крестьянском населении они могли укрепить революцию в деревне только этим путем. Они теперь принимают меры к тому, чтобы организовать остатки крупных имений в советские хозяйства и восстановить крупные предприятия на кооперативной основе.

В Венгрии распределение земельной собственности, как известно, весьма неравномерно. В 1916 году из всей пахотной земли на хозяйства площадью больше 100 иохов (57 гектаров) приходилось 35%. Из всей земельной площади на крупные земельные владения приходился еще больший процент. В той части Венгрии, в которой господствовала Советская власть и которая не была занята врагом, это отношение было еще более неблагоприятно. Соответственно этому в Венгрии имелся на-лицо совершенно безземельный слой сельскохозяйственных рабочих, численностью около миллиона.

Если не говорить о Румынии и Ирландии, то мы нигде не найдем такого огромного числа безземельных батраков, как в областях старой Венгрии, населенных мадьярами; мы видим здесь сельскохозяйственных рабочих, которые не владеют даже маленьким клочком земли и даже не обрабатывают на свой счет земли арендованной, а, подобно бездомным промышленным пролетариям, проводят жизнь, переезжая с места на место.

При таких обстоятельствах можно было в деле экспроприации земли действовать энергично. Декретом 3-го апреля все крупные и средние земельные владения вместе со всем живым и мертвым инвентарем, обязательствами и ипотеками были объявлены экспроприированными безо всякого выкупа. Минимум, не подлежащий экспроприации, в самом основном декрете не был определен. В декрете, предусматривавшем порядок проведения экспроприации земли, был установлен минимум в 100 иохов (57 гектаров) [1].

В результате много миллионов гектаров земли, приблизительно 50% всей земельной площади или 35—40% пахотной земли, юридически были переданы во владение трудящихся классов.

В Венгрии экспроприация в хозяйственном отношении прошла гораздо более планомерно, чем в России. В России земельные владения, собственно, не были экспроприированы: они без всякого плана были поделены крестьянами между собой, в то время как инвентарь был разграблен и растаскан. Это была не экспроприация, а революционная дележка. Вредные последствия этого факта т. Ленин превосходно развил в своей речи „Борьба за хлеб".

В Венгрии экспроприация крупной земельной собственности прошла без дележки, так что имущество имений осталось не тронутым, а производство не было прервано.

Это ни в малой мере не составляет заслуги венгерских советских работников, а объясняется совершенно различными историческими условиями, в которых совершалась экспроприация в России и в Венгрии. В России крестьяне, и притом под предводительством состоятельных слоев, приняли участие в революции. Поэтому революция соответствующим образом разрешила аграрный вопрос. Крестьяне поделили землю и растаскали средства производства, при чем наибольшую долю получили не беднейшие крестьяне, а наиболее состоятельные. В Венгрии не было пролетарской революции в собственном смысле этого слова. Власть за одну ночь перешла в руки пролетариев, так сказать, легально. В деревне вообще было лишь незначительное революционное движение,

[1]) Само собой понятно, что выделение владений, не подлежащих экспроприации, на основе размеров земельной площади, было весьма несовершенно: 100 иохов плодородной пахотной земли могут иметь гораздо бо́льшую ценность, чем 500 иохов плохой. Однако, более ясного определения минимума, чем на основании территориальных размеров, дать нельзя было. Возникшие на этой почве несправедливости должны были быть систематически устранены впоследствии.

но не было и вооруженного противодействия. Поэтому юридическая экспроприация могла пройти беспрепятственно и могли быть сохранены крупные хозяйства. В России стараются теперь организовать крупные государственные предприятия в сельском хозяйстве. Начиная с осени 1918 года, советское правительство прилагает все больше усилий к сохранению крупных предприятий в виде советских и артельных хозяйств и коммун, несмотря на сопротивление крестьян.

Мы подчеркиваем слово юридически, потому что нужно открыто признать, что экспроприация в большинстве случаев произошла лишь юридически, социально же во многих случаях дело так мало изменилось, что деревенское население часто не имело ясного представления об экспроприации.

Как совершилась экспроприация?

Ввиду стремления не подвергать опасности урожай, прежние служащие имений были в большинстве случаев оставлены на их местах. Они вели предприятия, как и прежде, только за счет государства. Во многих случаях прежнего владельца оставляли управляющим его экспроприированного имения. Здесь применялся тот же самый прием, который широко практиковался в России при экспроприации крупных промышленных предприятий. Но в то время, как в России немедленно открыли свою деятельность фабрично-заводские комитеты, которые фактически применяли рабочий контроль, предусмотренная организация соответствующих комитетов в экспроприированных венгерских крупных имениях осталась большей частью на бумаге. Но если прежний помещик оставался в качестве государственного служащего управляющим имением, то в социальном отношении пока ничего не менялось. Помещик оставался в прежней господской квартире, продолжал ездить по-прежнему на четверке и заставлял рабочих именовать его по-прежнему „барином". Вся перемена заключалась только в том, что он не мэг больше неограниченно распоряжаться своим имуществом и что он должен был выполнять распоряжения соответствующего производственного центра. Но из всего этого сельскохозяйственный рабочий замечал очень мало; социальная революция для него лишь постольку имела значение, поскольку он получал значительно более высокий заработок, чем раньше. Все основные социальные нововведения были отложены на осень, т.-е. на время, когда они могли бы менее чувствительно отразиться на непрерывности производства.

Если этот образ действий не оправдал себя экономически, то он политически был тем опаснее, что помешал распространению социальной революции на сельскохозяйственных рабочих и отсрочил присоединение сельскохозяйственного пролетариата к революции. Лишь небольшая часть сельскохозяйственных пролетариев поняла значение революции и отдала свою жизнь борьбе, которую вела Красная армия. Глубокая политическая встряска трудящихся масс перед жатвой была бы, конечно, очень опасным смелым предприятием. Если индустриальные рабочие Венгрии при провозглашении диктатуры были недостаточно „зрелы" для руководства промышленными предприятиями, то это тем более относится к сельскохозяйственным рабочим. Они не имели никакой хозяйственной и общественной выучки; из двух человек один был неграмотный; склонные к желанию превратить землю в свою частную собственность, они не только не были коммунистами, но даже социал-демократами, так как перед революцией агитации среди сельскохозяйственных рабочих мешали при помощи всех средств насилия государственной власти, которая находилась в руках крупных землевла-

дельцев. С этим сырым, неподготовленным человеческим материалом надо было обращаться очень осторожно, поскольку существовало желание не подвергать опасности результаты годичного производства сельского хозяйства. Непрерывность сельскохозяйственного производства была сохранена, но дорогой ценой отказа от политической встряски широких масс сельскохозяйственного пролетариата.

Организационное строительство экспроприированных предприятий предполагалось провести следующим образом:

В отдельных имениях организуются производственные кооперативы. Кооперативы определенной территории объединяются под единым общим руководством. Все производственные кооперативы объединяются „Центральным управлением сельскохозяйственных производственных кооперативов страны", которое подчинено непосредственно Секции земледелия Высшего совета народного хозяйства. Форма производственных кооперативов была принята ввиду социальной отсталости сельскохозяйственных рабочих. Если бы мы просто объявили крупные имения собственностью государства, то требования увеличения заработной платы были бы безграничны и интенсивность труда упала бы до минимума. А взятая нами политика давала нам возможность агитировать за трудовую дисциплину и интенсивность труда тем, что весь чистый доход от имения принадлежит рабочим. Этим самым было также в известной мере удовлетворено стремление сельскохозяйственных рабочих получить землю в собственность. Это казалось также удачным и в политическом отношении, так как мы получили возможность парализовать контр-революционную агитацию, утверждавшую, что сельскохозяйственные рабочие только переменили господина, что они вместо слуг „благородного господина графа" являются теперь „слугами городского пролетариата". В материальном отношении эта уступка имела небольшое значение, так как счетоводство всех имений было централизовано. У нас было намерение после достаточного предварительного просвещения деревни открыто объявить экспроприированные крупные имения собственностью государства, а рабочих—государственными служащими, совсем как промышленных рабочих [1]).

Хозяйственное управление отдельных имений было организовано подобно тому, как это было сделано на фабриках. Непосредственным руководителем производства, соответствующим производственному комиссару, стал теперь назначенный государством управляющий имением. *Членами производственного кооператива были постоянные рабочие, а именно, батраки, получающие годовую плату, и те свободные рабочие, которые обязывались в продолжение года работать в имении минимальное число дней* (120 дней). Члены выбирали производственный комитет с теми же, примерно, функциями, что в крупных промышленных предприятиях. Но так как при слабом общем развитии сельскохозяйственных рабочих и вследствие их консервативной идеологии авторитет управляющего был очень велик, то управляющий, вообще

[1]) Вопрос о том, окажется ли возможным превращение сельскохозяйственных рабочих в государственных служащих и можно ли будет провести социализацию крупных имений без раздела, остался открытым. Многое говорит за то, что венгерские сельскохозяйственные рабочие после основательно проведенной агитационной кампании добровольно приняли бы именно это решение и добровольно отказались от далеко не блестящего существования изолированных мелких крестьян. Для утоления земельного голода деревенской бедноты было бы, быть может, целесообразнее наделение ее парцеллами до одного гектара на человека. Это можно было бы провести и в форме наследственной аренды.

говоря, имел сильный перевес над производственными комитетами, которые к тому же далеко не повсюду были избраны. Сельскохозяйственные производственные комитеты поэтому функционировали в общем лишь формально. Настоящую организационную работу предполагалось провести осенью. Спокойный ход столь важных для прокормления населения летних работ в сельском хозяйстве не должен был быть нарушаем. Но в сельском хозяйстве обнаружились такие же трения между рабочими и администрацией, как и на фабриках, при чем устранение этих трений было сопряжено с большими трудностями.

Началась уже работа по организации экспроприированных крупных имений для обеспечения снабжения городского пролетариата, так как на поставку продуктов питания крестьянами нельзя было рассчитывать с достаточной уверенностью. Было сделано все возможное, чтобы поднять производство экспроприированных крупных имений. Имевшиеся в недостаточном количестве вспомогательные материалы, уголь, бензин, удобрительные туки и средства производства—машины, плуги и орудия—распределялись в первую голову между экспроприированными крупными имениями. Существовал план организовать в качестве высоко интенсивных, отчасти огородных хозяйств крупные имения, расположенные вблизи столицы и больших городов. В окрестностях Будапешта уже в первый месяц диктатуры было приступлено к организации нескольких очень крупных огородных хозяйств на территории прежнего ипподрома. Дальнейшие мероприятия должны были быть приняты осенью.

Во многих имениях были построены полевые дороги, для чего были использованы оставшиеся военные материалы. Дойные коровы имений, отдаленных от железной дороги, были сосредоточены в молочных хозяйствах, расположенных вблизи железнодорожных станций, дабы можно было обеспечить столицу и другие города молоком. Освободившиеся от работы рабочие и служащие предприятий, производивших предметы роскоши, и других отраслей хозяйственной жизни, должны были быть поселены в качестве рабочих в экспроприированных имениях, чтобы предоставить им производительные здоровые занятия и чтобы поднять интеллектуальный уровень, а тем самым и производительность труда сельскохозяйственных рабочих. В упомянутых выше больших огородных хозяйствах фактически работали сотни бывших чиновников и других членов прежнего слоя „господ", и работали усердно и с хорошим настроением. Словом, был разработан хорошо продуманный план, который должен был в короткое время повысить производство крупных экспроприированных имений, охватывавших от 40 до 50% всей земельной площади, настолько, чтобы можно было, по крайней мере, в обрез обеспечить снабжение городского населения и разбить экономическую монополию крестьян на предметы продовольствия. Самым большим препятствием к проведению этого плана были близорукие, враждебно настроенные к диктатуре, застывшие в своей традиционной духовной косности вожди профессиональных союзов сельскохозяйственных рабочих; они побуждали рабочих к столь чрезмерным требованиям, что им доставался бы весь валовой доход от сельского хозяйства, а для городского населения вообще ничего не оставалось бы. Разумной агитационной работой можно было бы, по всей вероятности, преодолеть и это затруднение.

Пока что экспроприированные крупные имения были без исключения подчинены центральному государственному хозяйственному управлению. Обсуждался вопрос, не целесообразнее ли коммунализировать

(муниципализировать) отдельные крупные хозяйства, чтобы при помощи сотрудничества местных рабочих и контроля поднять производительность. Промышленные рабочие отдельных крупных предприятий также предлагали передать им для обработки крупные сельские хозяйства; они собирались по окончании индустриального труда участвовать в работах по „своему" имению. Однако, как бы соблазнительны ни казались эти предложения, мы по отношению к ним занимали принципиально отрицательную позицию. При всеобщей тенденции к партикуляризму, свойственному всякой революционной эпохе, следовало опасаться, что при таком решении вопроса централизованное ведение хозяйств, производящих средства существования, будет парализовано.

Здесь мы подходим к специальной проблеме крестьянства, которое продолжает владеть землей на правах частной собственности. Оптимистические надежды Ларина (высказанные и Каутским в „Аграрном вопросе") на то, что крестьяне, увлеченные примером государственных крупных предприятий, добровольно откажутся от своей частной собственности, мы считаем утопическими. В России, где под влиянием общинной собственности на землю, так называемого „мира", у крестьян сохранились, быть может, некоторые следы идеологии, близкой к коммунизму, на это, может быть, есть шансы, но в странах, где существует издавна частная собственность на землю и где в среде крестьян широко развита собственническая эгоистическая идеология, о добровольном отказе от частной собственности в этом поколении нечего и думать. Всякий пролетарский режим должен, на наш взгляд, считаться с этим фактом.

Итак, как быть с крестьянством?

Этот вопрос находится в тесной связи с проблемой снабжения. В Венгрии половина земли, занятая крупными имениями, была экспроприирована, и так как благодаря этому казалось, что индустриальному пролетариату обеспечено, по крайней мере, скудное пропитание, то мы могли по отношению к крестьянскому вопросу занять выжидательную позицию. Перед нами стояла задача путем развития просветительных учреждений побудить крестьян к улучшению их хозяйств, поднять их потребности и таким образом *предупредить угрожавший крестьянам возврат к замкнутому домашнему хозяйству*. Излишек крестьян в средствах существования мы предполагали получить мирным путем—путем покупки и натурального обмена. Более решительные меры были бы необходимы в том случае, если бы богатые крестьяне стали систематически тормозить продажу и сбыт своего излишка в средствах существования из политических мотивов. В этом случае нет никакого другого средства, как экспроприация самой земли: реквизиции не приводят к цели, так как они влекут за собой сокращение производства. Но так как крестьянские хозяйства могут быть управляемы только местными органами и так как они, вследствие своей раздробленности на парцеллы, в большинстве случаев не годятся для ведения крупного хозяйства, то для этой цели следовало бы создать надежную в политическом и хозяйственном отношении местную пролетарскую организацию. *Экспроприированные крестьянские хозяйства должны были быть переданы на началах натуральной аренды для коллективной обработки мелким трудовым коммунам, составленным из сельскохозяйственных пролетариев и стоящим под контролем местного совета.* Мы думали о мелких коммунах потому, что на разбросанных землях с крестьянскими орудиями, приспособленными лишь для мелкого производства, в настоящее время можно вести только мелкие хозяйства.

Но, чтобы это стало возможным, необходимо выполнить трудную работу; пролетарии деревни должны быть вырваны из-под идеологического влияния богатых крестьян, в деревню должна быть внесена идея классовой борьбы, и должно быть пробуждено сознание солидарности сельскохозяйственных рабочих и городского пролетариата. Это необыкновенно трудная задача. В Венгрии, где в самой деревне существует резкая классовая дифференциация между крупными и мелкими крестьянами, где имущественные различия в самом крестьянстве очень велики, разрешить эту задачу было бы легче. Но в тех странах, где расслоение между богатыми крестьянами и деревенской беднотой, вследствие равномерного распределения земли, невыполнимо, этот способ решения вопроса непригоден. В подобных случаях **вопрос может быть разрешен только полным видоизменением всей крестьянской идеологии.**

Для этой цели прежде всего необходимо привлечь на сторону пролетарской диктатуры учительство. Есть еще возможность перевести в деревню, в качестве агитаторов, руководителей сельских советов и т. д. коммунистически настроенных промышленных рабочих, которые связаны еще с родными деревнями. Пролетарский режим приобрел бы этим путем в каждой деревне по нескольку надежных, постоянных доверенных лиц для контроля над всяким контр-революционным крестьянским движением; при их содействии можно было бы при помощи прессы, брошюр, докладов и преподавания приступить к идеологическому воспитанию деревни. Ввиду неизбежных продовольственных затруднений в городах, для этой задачи всегда найдется достаточное число промышленных рабочих. Это—трудная и кропотливая работа, но она должна быть выполнена, раз мы не хотим упрочивать гражданскую войну между городом и деревней.

V. Обобществление торговли.

Советское правительство тотчас же после перехода власти в его руки закрыло на основании русского опыта все крупные торговые предприятия и заведения, которые не занимались продажей предметов первой необходимости. Остались открытыми только продовольственные лавки, которые уже прежде распределяли важнейшие съестные припасы только на основе карточной системы, затем ремесленные предприятия, писчебумажные и книжные магазины. Экспроприация крупной торговли произошла без всякого выкупа. Найденные там товары поступали в распоряжение и под охрану соответствующих материальных управлений. Управление предприятиями находилось в руках комиссаров, назначенных из торговых служащих.

Внезапное прекращение торговли задело спекулянтов, но в особенности буржиазию, естественно недовольную, так как она, видя растущее обесценение денег, охотно покупала бы всякие товары.

Но именно потому, что к началу пролетарской диктатуры в Венгрии и при всякой другой диктатуре вследствие повышения заработной платы покупательная способность масс была несоразмерно больше, чем количество товаров, еще оставшихся и вновь производимых упавшей промышленностью, нужно было заботиться о систематическом распределении с трудом добываемых товаров: белья, платья, обуви, мебели. Но это возможно только при условии уничтожения свободной торговли организациями государственного распределения продуктов, как это имело место в России. В Венгрии учреждение

государственных органов распределения шло медленно, и таким образом наступило довольно большое замедление в распределении товаров. Этому, однако, мы могли бы быстро помочь увеличением числа кооперативных и государственных распределительных пунктов.

VI. Какие результаты дала новая организация.

Каждому понятно, что первые месяцы пролетарской диктатуры не могли принести венгерскому пролетариату повышение благосостояния, которое наивно ожидалось теми, кто неясно представлял себе сущность пролетарской диктатуры. Пролетарская диктатура хотя и уничтожила доходы богатых, хотя и препятствовала тому, чтобы богачи жили в роскоши и изобилии, в то время как рабочие нуждаются, но экспроприация богатств и доходов богатых еще не означает, что благосостояние рабочих масс тотчас же возрастает. *Для повышения жизненного уровня трудящихся нужно больше съестных припасов, больше топлива, больше платья и белья, больше мебели и больше жилищ.* Из всего этого в лучшем случае может быть удовлетворена в незначительной мере потребность в жилищах и мебели за счет дворцов, экспроприированных у богачей. Напротив того: бо́льшего количества съестных припасов, топлива мы от богачей получить не можем, так как запасы, которыми они, может быть, и обладали, совершенно незначительны по сравнению с огромными потребностями трудящихся.

Повышенное удовлетворение потребностей возможно только путем поднятия производства. Мы должны доставлять больше благ, чтобы иметь возможность больше потреблять. Целесообразная организация производства имеет целью: во-первых, производить лишь те продукты, в которых нуждаются рабочие массы, во-вторых, производить бо́льшее количество этих продуктов.

Но нужен довольно большой промежуток времени, пока появятся выгоды новой организации производства. Предприятия, вырабатывавшие прежде предметы роскоши для богатых, должны быть преобразованы для фабрикации предметов широкого потребления. Это требует продолжительного времени. Производство жизненных припасов по естественным причинам может быть увеличено в лучшем случае в один год, но в большинстве случаев лишь через много лет. Таким образом, о внезапном повышении благосостояния с введением пролетарской диктатуры не может быть и речи. В этом должен себе отдать ясный отчет каждый сознательный коммунист.

К началу пролетарской диктатуры повышение потребления тем менее возможно, что *производство вначале не только не повышается, но с необходимостью падает.* Оно падает прежде всего вследствие ослабления рабочей дисциплины. В капиталистическом обществе эксплоататоры поддерживают рабочую дисциплину только с помощью средств классового принуждения. Это значит, что они выбрасывают на мостовую и обрекают на голод тех рабочих, которые работают не в соответствии с дисциплиной и не дают в работе той производительности, которая обеспечивает прибыль предпринимателя. Надсмотрщики и погонщики рабов следят за тем, чтобы рабочий действительно отдавал работе все время, проводимое на службе у работодателя.

Сдельная, премиальная и тейлоровская системы обеспечивают усердную работу на работодателя. Эти средства поддержания трудовой дисциплины и производительности труда прекратились с началом пролетарской диктатуры. *Социальная революция означает падение существовавшего до сих пор классового господ-*

ства и классовой дисциплины. И само собой понятно, что рабочим массам нужно некоторое время, чтобы увидеть, что прекращение классовой дисциплины не должно вести за собой прекращение трудовой дисциплины, что необходимо на место старой классовой принудительной дисциплины ввести новую добровольную трудовую дисциплину, делающую возможной повышение производства. Менее сознательные элементы рабочего класса не так скоро понимают эти сложные отношения. Таким образом, в первый период всякой пролетарской диктатуры наступает сильное ослабление трудовой дисциплины, а вместе с ней падение производства. В Венгрии эти влияния были особенно усилены уничтожением сдельной системы оплаты и повсеместным введением восьмичасового рабочего дня.

Производительность труда была сильно понижена также политической борьбой, большим политическим интересом и возбуждением рабочего класса, образованием рабочих батальонов на фабриках, мобилизацией военно-обученных рабочих в Красную армию, позже блокадой, проводившейся Антантой против советской Венгрии. Таким образом, производство значительно упало, и об улучшений жизненного уровня не могло быть и речи.

Однако, те нарушения производства, которые наступили вследствие ослабления трудовой дисциплины и падения производительности труда, уже прекратились во второй половине периода пролетарской диктатуры. И улучшение началось по инициативе самих рабочих. На отдельных фабриках, а позже, на основании постановления профессиональных организаций и совета народного хозяйства, во всей стране было выработано новое положение о трудовой дисциплине. Это новое положение соответствовало новым социальным отношениям. Главную роль в этом положении играло влияние общественного мнения рабочего класса. Недисциплинированный, забывший долг рабочий получал выговор от фабричного комитета, его имя выставлялось на черную доску фабрики, он получал порицание всех рабочих предприятия, и, если все это не имело никаких последствий, применялись также переводы на другое место, вычеты из жалованья, удаление с предприятия, даже исключение из профессионального союза. Во многих местах рабочие сами требовали восстановления сдельной системы, т.-е. оплаты соответственно производительности труда.

Вознаграждение, соответствующее производительности труда, несовместимо с настоящим коммунистическим хозяйственным строем. Несправедливо, чтобы кто-либо, кто случайно слабосилен, неспособен или болезнен, имел менее дохода, чем сильный, способный и здоровый рабочий. Но не надо забывать, что теперешнее поколение воспиталось в вполне капиталистическом духе и оно считает справедливым, чтобы тот, кто по каким-либо причинам больше работает, больше производит, больше и получал. В период венгерской пролетарской диктатуры мы видели поучительные примеры этого. Мы объединили на Budapest-Waiznerstrasse три железнодорожных завода под именем первой венгерской фабрики сельскохозяйственных машин. Во время работы оказалось, что рабочие одной из фабрик при почасовой оплате производили больше чем вдвое, по сравнению с рабочими других предприятий. Тогда рабочие лучше производящей фабрики выставили требование, чтобы им платили соответственно высшую плату, а в противном случае они не намерены доставлять продуктов больше, чем хуже работающие фабрики. Это

означает, что при капиталистическом образе мышления современных рабочих система почасовой оплаты необходимо ведет к тому, что производительность труда наихудшим образом работающих определяет высоту общей производительности. Поэтому было необходимо в России и также в Венгрии снова ввести временно несоответствующую духу социализма систему вознаграждения по производительности труда, пока поколение рабочих, воспитанных в коммунистическом духе, не будет находить справедливым, чтобы каждый был обязан к наибольшей продуктивности, чтобы служить общему целому; сильный и способный человек должен за то же вознаграждение производить больше, чем его слабый, болезненный брат.

Трения между рабочими и техническими руководителями-специалистами также очень мешали производству. Специалисты на фабриках, инженеры-руководители предприятий выполняют в капиталистическом хозяйстве двоякую задачу: с одной стороны, они наблюдают за технической постановкой и ведением дела, с другой стороны, в качестве лиц, производящих расчеты с рабочими, в качестве контролеров над производительностью труда и т. д., они представляют интересы предпринимателей против рабочих. Теперь, когда пролетариат стал господствующим классом, он и здесь проявил тот же ложный взгляд, что и в вопросе о трудовой дисциплине. Рабочие не могли различить техническое руководство специалистов от их прежней деятельности на службе у капиталистов. Они, как и прежде, ненавидели технический персонал во многих случаях, как представителей капитала; трения на фабриках стояли в порядке дня, и это, разумеется, вело к тому, что техники работали не очень охотно. Особенно обострялось положение оттого, что рабочее время технического персонала и фабричных служащих было короче, а условия труда лучше, чем рабочих. Рабочие требовали во всех областях равенства условий труда. Венгерские рабочие еще не видели того, что уже было понято русскими, а именно: что пролетарское государство в теперешнем периоде революции принуждено предоставить буржуазным специалистам лучшие условия труда, чем членам правящего рабочего класса, как раз потому, что они специалисты и из буржуазной среды.

Само собой разумеется, что сначала и новая организация делала ошибки. Рабочий класс и местные рабочие советы часто неправильно понимали сущность экспроприации. Они полагали, что экспроприированное предприятие становится собственностью рабочих предприятия или жителей данной области и производит только на них.

Часто бывало очень трудно заставить понять рабочих предприятия или какой-либо рабочий совет, что отдельные предприятия составляют достояние всего рабочего класса и продукты их производства должны быть произведены не только для жителей одного села или одного округа, но для населения всей страны и распределены между ним. Таким образом, проявились известные трудности при согласовании местных и центральных интересов. Чрезмерная централизация ведет к образованию бюрократии и препятствует возможному использованию местных особенностей; слишком большие полномочия местных властей мешают, напротив, общегосударственному снабжению и распределению. Правильный путь лежит между обоими этими полюсами.

Спустя короткое время после начала блокады обнаружились ее вредные последствия. При обсуждении этого вопроса не надо смешивать русские и венгерские условия. Россия—обширная, богатая есте-

ственными богатствами страна, до конца 1917 года обильно снабжавшаяся благами Антантой. Венгрия, напротив того, ко времени установления пролетарской диктатуры, уже 4½ года была под блокадой вместе с Австрией и Германией. Кроме того, вся страна не достигает размеров русской губернии и по всему своему хозяйственному строю была приспособлена к совместному хозяйству с Австрией. Когда едва достигающая 150.000 кв. километров Венгрия стала бойкотироваться Антантой, естественно было, что действие этого факта сказалось гораздо сильнее, чем в обширной и богатой территории России. Громоздкость отдельных учреждений, неопытность поставленных там рабочих, все более проявляющийся тихий саботаж специалистов, разумеется, привели к тому, что новые органы первые месяцы работали не так гладко и быстро, как мы хотели бы это видеть, и потому социал-демократам, совершенно не понимавшим значения пролетарской диктатуры, представлялась богатая возможность для мелочного критиканства. Они, не будучи в состоянии понять значение совершающегося, декламировали о новой бюрократии, об упадке производства, искусственно вызванном недостатком товаров.

Их критика была глупой и мелочной. Однако верно, что ослабление трудовой дисциплины, падение производительности труда, политическое брожение, необходимость вести революционную войну, недостаток прежних запасов и новая строгая блокада привели к тому, что производительность страны шла на убыль и потому жизненный уровень рабочих не только не поднимался, но все более падал, особенно, поскольку это касалось промышленных рабочих городов.

Проведенное диктатурой пролетариата повышение ставок распространялось не только на индивидуальных, но и на сельскохозяйственных рабочих. Последние получали значительную часть своей заработной платы натурой, съестными припасами. Это значит, что сельские рабочие потребляли больше продовольствия, чем до сих пор, что их жизненный уровень был фактически выше. Однако ясно, что, чем больше припасов потреблял сельский рабочий, тем меньше оставалось жителям городов, служащим и индустриальным рабочим. Сопротивление крестьян также сокращало подвоз съестных припасов; это сопротивление имело частью политические, частью финансовые причины. Последним мы займемся отдельно.

VII. Денежный вопрос при диктатуре пролетариата в Венгрии.

Между трудностями пролетарской диктатуры в Венгрии была одна единственная в своем роде: а именно—совсем особенная проблема бумажных денег.

Теперь, после войны, всякое правительство,—руководится ли оно капиталистами, социал-демократией, советами,—вынуждено для покрытия государственных потребностей выпускать денег больше, чем оно получает доходов. Дефицит покрывается повсюду эмиссией новых денежных знаков. В Венгрии создалась весьма своеобразная ситуация, так как у страны совсем не было своей собственной валюты своих бумажных денег, а употреблялись в качестве платежного средства банкноты Австро-Венгерского банка. Печатные станки Австро-Венгерского банка находятся в Вене. Экспедиция заготовления денежных знаков в Вене и теперь еще покрывает нужды в бумажных знаках Австрии и Венгрии.

В Будапеште можно было печатать только те 20 и 25-кронные кредитки, которые были введены в обращение со времени октябрьской революции.

На них было напечатано постановление, что до конца июня 1919 г. они должны быть обменены на обычные банкноты. Но еще большим затруднением, чем это обстоятельство, было то, что по глупости отпечатали только одну сторону этих знаков, а обратную сторону оставили белой. Крестьяне называли эти деньги „белыми деньгами" и уже во время режима Карольи отказывались их брать. Но так как тогда имелось в распоряжении достаточное количество старых денег Австро-Венгерского банка, так называемых „синих денег", то крестьянам давали „синие" деньги, в денежном же обороте городов употреблялись „белые".

По введении пролетарской диктатуры капиталистический Австро-Венгерский банк отказался открыть кредит правительству рабочих, т.-е. напечатать для него новые „синие" банкноты. Так как советское правительство нуждалось в деньгах, то оно было вынуждено с помощью наличных технических средств выпускать новые 20- и 25-кронные знаки. Следствием было то, что вскоре все „синие" деньги были накоплены крестьянами, а для городского денежного обращения остались только „белые" деньги. Ценность „синих" денег постепенно достигала двойной ценности „белых". Тут замечались те же явления, что в России с романовским, керенским и советским рублем. Важное отличие, однако, и здесь было на-лицо, и в этом заключалась особенность положения диктатуры пролетариата в Венгрии, а именно „синие" деньги были узаконенным платежным средством не только в Венгрии, но и в Австрии и после легко производимого проштемпелевания также и в Юго-Славии и Чехо-Словакии. Таким образом, крестьяне со своими „синими" деньгами могли доставать себе все в соседних государствах и потому не были склонны провозить съестные припасы в венгерские города или доставлять продовольствие советскому правительству, так как они не были принуждены получать от него, как русские крестьяне, соль, керосин, спички, железные изделия и продукты промышленности.

Вследствие малых размеров страны, было повсюду нетрудно достигнуть ее границы, и контрабандный ввоз был очень легок с помощью „синих" денег, имеющих хождение также и в соседних государствах. Таким образом крестьяне совершенно отказывались принимать „белые" деньги, кроме тех случаев, когда их к этому принуждали прямыми угрозами. Снабжение городов съестными припасами в большом количестве значительно сократилось. Денежный вопрос обострился до такой степени, что однажды даже забастовали железнодорожники, так как за свои „белые" деньги они вообще не могли достать никакого продовольствия. Чем ближе к границе лежала область и чем дальше от Будапешта, — главной крепости пролетарской революции, тем меньше „белых" денег находилось в обращении.

На четвертом месяце существования советского правительства мы сделали попытку радикально разрешить денежный вопрос. Мы выпустили через почтово-сберегательные кассы новые бумажные деньги. Вначале только 5-кронные билеты, которые без больших затруднений были приняты в обращение вследствие большого недостатка мелких денег; позже мы отпечатали также 10-ти и 20-кронные знаки, а незадолго до падения пролетарской диктатуры также и 100-кронные знаки. Новые деньги, благодаря их синему цвету и красивой внешности, были приняты гораздо лучше, чем старые белые деньги. Советское правительство тотчас же предписало изъятие из обращения банкноты Австро-Венгерского банка и объявило новые бумажные

деньги почтово-сберегательных касс единственным законным платежным средством. Насколько нам удалось бы разрешить денежный вопрос этим распоряжением, мы знать не можем, падение Советской власти помешало его проведению.

Но мы можем считать установленным, что и этим путем мы не уничтожили бы окончательно денежного вопроса. Трудность заключается даже не столько в форме денег, сколько в том факте, что пролетарское государство в первое время своего существования вследствие падения индустриального производства не в состоянии доставить крестьянам за их съестные припасы на городские рынки соответственного количества продуктов. До войны крестьяне должны были привозить съестные припасы в город, чтобы добыть себе денег для уплаты податей, процентов по своим долгам, счетов адвокатов и врачей. Во время войны цены на продовольственные продукты возрасли до такой степени, что крестьяне могли уплатить бо́льшую часть своих долгов. От податей же были освобождены советским правительством; поэтому не было никакого экономического давления, которое побуждало бы крестьян продавать что-либо за бумажные деньги, которых они набрали в своих сундуках в огромных количествах. При таких обстоятельствах вообще не может быть денег, за которые крестьянин отдавал бы съестные припасы, так как он за эти деньги не может купить никаких фабрикатов. Сущность вопроса составляет таким образом переход от денежного хозяйства к натуральному хозяйству. Особенная трудность для диктатуры пролетариата в Венгрии заключалась, следовательно, в том, что обращением „белых" денег она — диктатура — гораздо сильнее обострила денежный вопрос, чем это было в России или в какой-либо другой советской республике.

VIII. Организация распределения.

Система распределения благ в Венгрии походила в существенных чертах на русскую. Предметы первой необходимости, хлеб, картофель, сахар и т. д. уже во время войны распределялись только по карточкам. Распределение других предметов потребления натолкнулось, однако, на много препятствий. Во время войны на фабриках, в министерствах и учреждениях образовались так называемые закупочные органы. Эти органы закупали для своих членов продукты оптом, часто платили выше установленной твердой цены, и этим мешали государственной закупке. Это продолжалось и во время пролетарской диктатуры. Нашим твердым намерением было распустить эти закупочные органы, как это было сделано в России, и ввести единообразное распределение по районам. Непродолжительность пролетарской диктатуры помешала нам в этом.

Вторым очень трудным вопросом было „мешечничество". Так как крестьяне по приведенным выше причинам не привозили продуктов на городские рынки, а закупочные органы государства еще не были хорошо организованы, то самоснабжение отдельных лиц приобрело большое значение. Отдельные рабочие и жители городов, которые имели в деревне родственников или знакомых, выезжали и везли в Будапешт продовольствие в мешках, корзинах и узлах. С каждым поездом, отходящим из Будапешта, ехали тысячи горожан, осаждали деревни, выискивали отдельных крестьян и за деньги или в обмен на соль, табак, мануфактуру привозили себе продовольствие:

муку, сало, масло, молоко, яйца и т. д. Это массовое „мешечничество“ делало невозможным построение государственного закупочного аппарата, так как крестьянину было выгоднее придержать свои продукты для мешечника, чем продать их государству по минимальной цене. Запрещение мешечничества ухудшило положение некоторых слоев рабочих; рабочие и служащие подчеркивали, что государство только тогда может запретить мешечничество, когда оно уже в состоянии снабдить жителей городов. Того же мнения были и вожди профессиональных организаций и правые социалисты. Таким образом, получился бесконечный винт: нельзя было положить конец мешечничеству, так как государственное снабжение еще плохо функционировало; организация государственных заготовок, наоборот, не могла усилиться, пока крестьяне благодаря мешечничеству могли продавать непосредственно потребителю излишек своих продуктов за баснословные цены. Государственное снабжение опиралось главным образом на экспроприированные крупные имения, в которых излишек хлеба и молочных продуктов и предназначенная к убою часть скота находились непосредственно в распоряжении пролетарского государства.

IX. Хозяйственные трудности и падение пролетарской диктатуры.

После падения пролетарской диктатуры, мы в кругах венгерских коммунистов часто обсуждали вопрос: уничтожили ли бы хозяйственные трудности Венгерскую республику, если бы румынские и чешские войска своим нападением не произвели ее военного разгрома? Несомненно, что хозяйственное положение Венгерской советской республики было бы не из легких, если бы советская Венгрия долго оставалась одна пролетарским государством между капиталистическими государствами. Но ее хозяйственное положение ни в коем случае не было бы хуже русского. Самое существенное во всем этом заключается в том, мог ли бы венгерский рабочий класс, проявивший в начале пролетарской диктатуры мало самоотверженности, усвоить под влиянием агитации во время пролетарской диктатуры ту основную истину, что **пролетариат для удержания своей политической власти должен страдать, терпеть лишения и голодать.** В нашем предыдущем изложении мы указывали на то обстоятельство, что одно только введение пролетарской диктатуры еще не приносит с собой повышения жизненного уровня всего пролетариата; в начале диктатуры улучшается лишь жизнь сельскохозяйственного пролетариата, жизнь же городских рабочих неизбежно ухудшается. Необходимо заставить городской пролетариат, особенно же членов коммунистической партии, понять неизбежность этого обстоятельства.

И когда мы спрашиваем, пала ли бы Венгерская советская республика без внешней интервенции вследствие своих хозяйственных затруднений, мы должны дать следующий ответ: если бы остались неизменными мелкобуржуазное мышление венгерских городских рабочих и их слабая готовность к революционным жертвам; если бы не было сломлено влияние и значение мелко-буржуазных социал-демократов и вождей профессиональных союзов; если бы венгерский пролетариат не поднялся на ту же высоту революционной самоотверженности и выдержки, как русский пролетариат, — **то лишь в этом случае его диктатура пала бы вследствие внутренних экономических причин.** Мы никогда не должны забывать, что военное поражение,

приведшее к падению пролетарской диктатуры в Венгрии, было главным образом следствием малого самоотвержения и политической неопытности венгерского пролетариата. Мы никогда не должны забывать, что сила сопротивления венгерской Красной армии была ослаблена агитацией первых социалистов и вожаков профессионального движения, которые полагались на обещания безответственных агентов Антанты и были достаточно глупы, чтобы поверить, что за диктатурой пролетариата может следовать социал-демократическое рабочее правительство, которое Антанта снабдит мукой, жирами, углем и всякими благами. Ни вожди рабочих, ни отсталая часть рабочего класса ни минуты не задумались над тем, что же собственно Венгрия предложит взамен обещаемого продовольствия. Все они думали, что Антанта одарит Венгрию всеми благами из чистой благодарности за уничтожение советского строя. Мы принуждены, следовательно, сказать, что если бы пролетарская диктатура не переменила всего образа мышления венгерских рабочих, еслиб они не стали более готовы на жертвы, чем мы видели это во время диктатуры, то она пала бы и без нападения извне, лишь вследствие социал-демократической и буржуазной контр-агитации и контр-революции, использующей хозяйственные затруднения.

Венгерский пролетариат под гнетом белого террора, последовавшего за диктатурой пролетариата, приобрел несомненно богатый политический опыт. Венгерские рабочие могут теперь на основании непосредственного богатого опыта сравнить господство пролетариата с господством буржуазии. Они могут теперь вспоминать о том, что во время диктатуры они не могли не жаловаться, что на-лицо мало мяса, жиров, обуви, одежды. Теперь, напротив, этого достаточно. Кажется, витрина переполнена тончайшими яствами и питьями, бельем, платьем, всем прекрасным и красивым. Но венгерский рабочий получает теперь из этих богатств много меньше, чем во время своего господства, во время кажущейся полной нищеты. Теперь товары имеются в огромном количестве, у пролетариата же нет ничего, на что он мог бы их покупать; после низвержения диктатуры ставки были понижены наполовину, и многие сотни тысяч безработных, не получая ни поддержки, ни геллера дохода, смотрят, как богатые кутят, пользуясь всеми земными благами. Опыт на собственной шкуре учит теперь пролетариат Венгрии, что хотя учреждение диктатуры привело ко всеобщему обеднению, но восстановление господства буржуазии не принесло, однако, того благополучия, о котором возвещали находящиеся в союзе с Антантой вожди социал-демократии. Восстановление буржуазной диктатуры принесло благосостояние и богатство буржуазии и неописуемо глубокую нищету венгерскому пролетариату. *В то время как при пролетарской диктатуре буржуазия должна была страдать вместе с пролетариатом*, и находящиеся в распоряжении государства продукты прежде всего распределялись среди трудящихся, *теперь голодают лишь* массы производителей.

Буржуазия снова безгранично пользуется выгодами эксплоатации. Мы надеемся, что в близкой новой социальной революции венгерский рабочий будет с бо̀льшим политическим опытом и вследствие этого с бо̀льшим революционным самоотвержением стоять за свою диктатуру, чем это было в первый раз. Повидимому, классы получают революционное воспитание лишь посредством исторического опыта, а не путем теоретической подготовки.

Евгений Варга.

Единая военная доктрина и Красная армия.

Одним из наиболее важных вопросов, приковывающих внимание нашей современной военной мысли, является вопрос о так называемой „единой военной доктрине".

Предметом оживленного обсуждения служил он в статьях, помещенных рядом военных специалистов на страницах ныне уже не существующего журнала „Военное Дело", к нему же вплотную подходит мысль армейских работников, о чем свидетельствуют протоколы многих военных совещаний, посвящавшихся вопросам реорганизации Красной армии.

Все это говорит о наличии глубокого теоретического и практического интереса, возбуждаемого данным вопросом. Но, к сожалению, дальше простого интереса дело вперед пока не двинулось, ибо до сих пор мы не только не имеем попыток систематизации учений о нашей военной доктрине, но и самое содержание этого понятия является в достаточной степени смутным и неопределенным.

Характерна в этом отношении та разноголосица мнений и взглядов, которая обнаружилась в статьях наших военных специалистов. Вышло буквально по пословице: „сколько голов, столько и умов". По признанию крупнейших представителей военного мира оказалось, что никаких определенных взглядов у нашего старого генерального штаба по этому основному вопросу военной теории не существует и, даже более того,—нет ясного представления, в чем собственно состоит сам вопрос, нет умения правильно поставить его.

Этот факт, говорящий прежде всего о крайней скудости военно теоретического багажа, доставшегося нам в наследство от старой армии, способен навести на грустные размышления и по поводу наших дальнейших попыток в этом направлении. И надо признать, что некоторая доля основательности опасений подобного рода, несомненно, есть но только все же известная доля.

Надо вспомнить ту общественно-политическую обстановку, в которой развивалась и работала до времен революции военная мысль. Вспомнить, что в атмосфере полицейско-самодержавного строя, с его подавлением всякой общественной и личной инициативы, на фоне общей экономической и политической отсталости, с крайней рутиной навыков и взглядов во всех сферах общественной деятельности, конечно, не могло быть и речи о каком-то широком научном творчестве.

Все эти уродливости особенно ярко сказывались в постановке нашего военного дела, где беспощадно пресекалась в корне пытливая мысль и подрезалась инициатива. Поэтому объективно никто не может ставить в вину старому генеральному штабу той растерянности и бес-

помощности, которые обнаруживаются по ряду вопросов. Тем не менее факт остается фактом и считаться с ним приходится всем тем, кому дороги интересы дальнейшего развития и укрепления военной мощи советской республики.

Мы думаем, что на основе вновь создающихся общественных отношений в обстановке, не только позволяющей, а прямо требующей от каждого честного гражданина выявления максимальной энергии и инициативы, сумеет быстро развиться и окрепнуть и наша военно-теоретическая мысль. Думаем, что среди старого генерального штаба найдется не мало работников, способных совлечь со своего духовного „я" одежды ветхого Адама, не могущего мыслить иначе, как в пределах привычных представлений и узких рамок буржуазного мировоззрения, с его духом мещанской тупости и косности.

В этой способности стряхнуть с себя остатки старой рутины, разобраться в сложности происходящих вокруг нас явлений, стать на точку зрения выдвигающихся на арену жизни новых общественных классов, заключается основное условие плодотворности теоретической работы наших товарищей-специалистов. Практический же опыт, полученный многими из них в рядах Красной армии, даст для этой работы достаточный материал.

Все это, на-ряду с деятельностью только что начинающего распускать крылья молодого поколения наших военных работников, выдвинувшихся за время революционных войн из народных низов, дает полную уверенность в том, что в ближайшем будущем дело осмысливания нашего военного опыта, выработки тех единых взглядов, которые должны лечь в основу боевой подготовки Красной армии и отсутствие чего сейчас болезненно чувствуется в ней всеми с верху до низу,—двинется быстро вперед.

Предлагаемая вниманию читателей статья является попыткой поставить вопрос о „единой военной доктрине" с точки зрения интересов рабочего государства и революции, и наметить тот примерный путь, которым, как нам кажется, должна итти разработка вопроса.

Прежде всего, что̀ такое из себя представляет самое понятие „единая военная доктрина"? В чем практический смысл этой идеи?

Ответ на этот вопрос мы можем получить, бросив самый поверхностный взгляд на сущность современных войн, характер нынешних боевых задач и условия их разрешения.

Войны текущего исторического периода в сравнении с предшествующей эпохой носят целый ряд характерных особенностей. В то время, как прежде исход боевых столкновений зависел от сравнительно небольших групп населения, образовывавших или постоянные отряды, считавшие войну своей профессией, или же временно привлекавшихся для этих целей,—теперь участниками войн являются почти поголовно целые народы; сражаются не тысячи и десятки тысяч людей, а целые миллионы; самые войны втягивают в свой круговорот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы. Театром военных действий являются не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями миллионов жителей; технические средства борьбы бесконечно развиваются и усложняются, создавая все новые и новые категории специальностей и родов оружия и т. д., и т. д.

При этих условиях основному требованию военного искусства и науки—цельности общего плана и строгой согласованности при его проведении—грозит величайшая опасность повиснуть в воздухе. В то

время, как в прежних войнах момент непосредственного руководства вождей отдельными частями боевого организма составлял обычное явление, теперь этого нет и в помине. Между тем это единство, цельность и согласованность нужны теперь более, чем когда-либо. И они нужны не только в период уже развертывающихся боевых операций, но и тогда, когда к ним идет предварительная подготовка, ибо, как общее правило, эта подготовительная работа как государства, взятого в целом, так и его военного аппарата сыграют решающую роль. Государство должно заранее точно определить характер своей общей и, в частности, военной политики, наметить в соответствии с этим возможные объекты своих военных устремлений, выработать, установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее целесообразным использованием народной энергии обеспечить благоприятные условия для их разрешения.

Что касается военного аппарата, то на основе общей государственной программы он должен принять организационную форму, наиболее отвечающую государственным заданиям, и дальнейшей работой создать прочное единство всех вооруженных сил, связанных с верху до низу общностью взглядов как на характер военных задач, так и на способы их разрешения

Эта работа по выработке единства мысли и воли в рядах армии является делом чрезвычайно сложным и трудным и может успешно протекать только тогда, когда совершается планомерно, на основе отчетливо сформулированных и санкционированных общественным мнением руководящего страной класса положений.

Из сказанного ясно, какое огромное практическое значение для всего дела военного строительства республики имеет учение о „единой военной доктрине". Оно должно указать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают. Должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду эти последние? В зависимости от этого определяется весь характер строительства наших вооруженных сил, характер и система подготовки одиночных бойцов и крупных воинских соединений, военно-политическая пропаганда и вся вообще система воспитания страны.

Учение это дожно быть обязательно опытным, являясь выражением единой воли общественного класса, стоящего у власти.

Вот примерный круг общих идей и вытекающих из них практических задач, который должен быть охвачен понятием „единой военной доктрины".

Выше было уже отмечено, что более или менее общепринятой и точной формулировки этого понятия в нашей военной литературе нет. Но при всем разнообразии мнений, высказывавшихся по поводу содержания понятия, основные моменты у большинства определений приблизительно совпадают. Основываясь на изложенном выше, моменты эти можно свести к двум группам: 1) технической и 2) политической. Первую образует все то, что касается организационных основ строительства Красной армии, характера боевой подготовки войск и методов разрешения боевых задач. Ко второй же относится момент зависимости и связи технического порядка с общим строем государственной жизни, определяющим ту общественную среду, в которой должна совершаться военная работа и самый характер военных задач.

Таким образом можно было бы предложить такое определение „единой военной доктрины": это есть принятое в армии дан-

ного государства единое учение, устанавливающее формы строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск и их вождения на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих пред ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и состояний его производительных сил.

Формулировка эта отнюдь не претендует на конструктивную законченность и полную логическую безупречность. В конце концов дело совершенно не в этом; важно основное содержание понятия, что же касается окончательной кристаллизации его, то это дело дальнейшей практической и теоретической разработки вопроса.

Установив общее логическое содержание понятия „единой военной доктрины", перейдем теперь к вопросу о конкретном практическом содержании этого понятия в применении к реально существующим армиям в различных государствах.

В этом отношении интересно остановиться на примере трех государств, обладающих вполне развитыми и воплотившимися в определенную форму вооруженными силами с ярко выраженными чертами единой военной идеологии (военная доктрина).

Я имею в виду Германию, Францию и Англию. Начнем с первой.

Германия до самого последнего времени была государством с наиболее мощным военным аппаратом, стройной системой организации вооруженных сил и совершенно определенной, единой для руководящих элементов как армии, так и всей страны военной идеологией.

Основной чертой германской военной доктрины в ее технической части (т.-е. чисто военной) является чрезвычайно ярко выраженный наступательный дух. Идея активности, искание решения боевых задач путем энергичного, смело и неуклонно проводимого наступления, проникает все германские уставы и наставления для высших начальников. Эта же идея определила собой и структуру всего германского военного аппарата, выдвинув на первый план разработку оперативных проблем и создав в лице германского штаба мощный и высоко авторитетный орган, руководивший всей работой по разработке военных планов и боевой подготовке войск. Воспитание и обучение всех войск шло в духе этой же наступательной тактики и в конечном результате подготовило такую совершенную по своей структуре и подготовке военную силу, которая после на полях гигантских сражений империалистической войны выявила в полной мере свои выдающиеся боевые качества.

Спрашивается: чему или кому была обязана Германия наличием в ее распоряжении такой превосходной по качеству вооруженной силы? Первый ответ на вопрос уже дан тем, что она воспитывала свою армию на основе единой военной доктрины, построенной в соответствии с выводами военного искусства. Но это только первый ответ. Мы должны спросить дальше: а почему германская армия получила такую доктрину, почему она вся, с верху до низу, пропиталась ею, в то время как, например, в России ничего подобного не было, хотя теоретически знание военного искусства, несомненно, имелось и там?

Ответом на это не может служить указание на исключительные военные дарования германских военных верхов, будто бы силой своего гения открывших тайны побед и составлением германской военной доктрины поставивших свою армию на небывалую высоту. Такое объяснение детски наивно, но его приходится отметить, ибо в статьях не

которых наших военных специалистов сплошь и рядом проглядывает стремление свести суть вопроса о создании военной доктрины к действиям и талантам отдельных выдающихся лиц (см., например, такое определение: „военная доктрина есть пророческий глас военного гения" и т. п. чепуха).

Основные черты германской доктрины отнюдь не являются случайным явлением; они целиком и в полной мере являются производными от общего строя германского быта в эпоху до-империалистической войны.

В самом деле, что из себя представляла Германская империя к началу четырнадцатого года? Это было мощное экономически и политически капиталистическое государство, с ярко выраженной империалистической окраской; государство, проводившее откровенно хищническую политику и, опираясь на свои материальные культурные силы, стремившееся к мировой гегемонии. Наличие крупных конкурентов в лице других империалистических стран (Франция, Англия, Россия и пр.), исторически раньше создавших государственные национальные объединения и успевших захватить лучшие куски общемировой добычи, заставляет капиталистическую Германию напрячь все ее силы в борьбе за мировое положение. Правящий в Германии буржуазный класс всю жизнь страны подчиняет этой основной государственной цели—победе над конкурентами. Пресса, наука, искусство, школа, армия—все организуется и направляется буржуазией в одну точку. Буржуазии удается идейно развратить и подчинить своему влиянию даже значительные слои германского пролетариата—класса, объективно враждебного той хищнической линии поведения, которая проводилась буржуазией. И на этой почве, в этой атмосфере всеобщего преклонения пред армией и флотом на основе активнейшей внешней политики, ставившей армии определенно наступательные задачи, не могло создаться ничего другого, как то, что мы имеем в лице германской доктрины, в личном составе ее генерального штаба и всей германской армии. Армия императора Вильгельма, отразившая собой Германию буржуа и помещиков, уверенных в своей силе и упоенных мечтами о мировом могуществе. „Германия превыше всего". Вот тот девиз, который отравлял сознание большинства германского народа в эпоху империалистической войны. И верные этому девизу германские полки сокрушающим потоком уверенно, следуя принципам своей доктрины, ринулись на равнины Бельгии.

Первые же столкновения с армиями враждебных стран показали стратегическую и тактическую правильность положений германской доктрины.

Так обстояло дело в Германии. Основной вывод, который можно сделать отсюда, следующий: все военное дело данного государства, в частности, то учение, на основе которого строятся его вооруженные силы, являются отражением всего уклада его жизни и в конечном счете—его экономического быта, как первоисточника всех сил и рессурсов. Никогда германским генералам не удалось бы создать своей военной доктрины, ни даже, если бы это было сделано, не удалось бы привить ее всей толще германской армии, если бы этому не благоприятствовали соответствующие условия германской жизни.

Перейдем теперь к Франции.

Эта страна тоже является представительницей хищничествующего империализма. Так же, как германская буржуазия, Франции всегда был

готова захватить чужое добро и действовала в таких случаях ничем не лучше „милитаристической“ Германии. Но в действиях французской буржуазии все же имелось существенное отличие от действий своей восточной соседки. В своих спорах с конкурентами из-за добычи ей недоставало той откровенной наглости и самоуверенности, которой отличалась германская правящая клика. Стоит вспомнить лишь конфликты 1905, 1909 и 1911 годов с той же Германией из-за Марокко и ту трусливую хищную и изворотливую политику, которую проводила Франция, цепляясь за ускользавшую из рук добычу и в то же время не имея решимости начать грызню.

Этот своеобразный характер французской внешней политики определялся общими экономическим и политическим положениями III республики. Французская промышленность заметно отставала в своем развитии промышленности от других передовых стран; французское население в течение ряда лет не обнаруживало тенденции роста, и фраза „la population reste stativement“ стала обычной характеристикой движения народонаселения Франции по данным ежегодного статистического отчета. Вместо открытого захвата чужих территорий, с риском ввязаться в тяжелую борьбу, французский капитал искал других, более спокойных путей эксплоатации чужого труда, идя широко на сделки всякого рода с иностранным капиталом в целях мирного дележа добычи.

Этот оппортунистический, неуверенный в себе, в своих силах, чуждый активности дух французской буржуазии, стоявшей у руля правления, определял собой и общий характер французской военной политики. Несмотря на наличие во французской армии богатейших военных традиций, начиная с великого Тюреня и кончая Наполеоном, несмотря на данные ими блестящие образцы военного искусства в духе смелой нападательной стратегии,—и тактика, военная доктрина армии III республики далеко уступала германской. Ее отличало чувство неуверенности в своих силах, отсутствие широких наступательных планов, неспособность искать смело решения боем, стремясь навязать свою волю противнику и не считаясь с волей последнего. В своем положительном содержании сущность доктрины, на которой воспитывалась французская армия последней эпохи, заключалась в стремлении разгадать план противника, заняв до этого выжидательное положение, и лишь по выяснении обстоятельств искать решения в общем наступлении. Таковы были существенные черты французской военной доктрины, наложившей свой отпечаток на весь облик французской армии в минувшую войну, особенно в первый маневренный ее период.

Здесь особо следует подчеркнуть, что по своим дарованиям многие французские полководцы вряд ли уступали германским. Помимо того, многие из них теоретически стояли на точке зрения не своей, а именно германской доктрины с ее духом величайшей активности. И при всем том общий дух французской армии, весь ее внутренний строй и характер господствовавших в ней взглядов на методы разрешения боевых проблем они изменить не могли, так как это являлось отражением более могучих, чем участие отдельных лиц, факторов.

Таким образом пример Франции еще более подтверждает все то, что было сказано нами по вопросу о доктрине в связи с Германией. Военный уклад данного государства, характер господствующих в военной среде взглядов и настроений и, наконец, самое содержание принципов военного дела определяется всем строем жизни данного периода и, в частности, существом и характером того общественного класса, который в данное время стоит у власти.

Что касается Англии, то пример ее любопытен лишь в том отно-

шении, что в силу географических и исторических особенностей ее положения, внимание правящего класса было направлено не на сухопутную армию, а на флот. Основным руководящим принципом английской военной доктрины было обеспечение господства на море (здесь сказался своеобразный, ярко подчеркнутый колониальный характер британского империализма). Конкретно военные требования английской буржуазии вылились в обязательную для всех английских правительств минувшей эпохи формулу: иметь флот, равный соединенным флотам двух сильнейших морских держав. До последнего времени эта программа неуклонно осуществлялась, но теперь, с появлением такого соперника, как С.-А. Соединенные Штаты, положение изменилось и энергия английской буржуазии должна будет искать какую-либо новую формулу, обеспечивающую ее захватническую политику.

Несколько слов о военной доктрине русской армии времен царизма.

После всего, что было сказано выше о нашей военной доктрине, может показаться странной самая постановка этого вопроса. В известном смысле это, конечно, так; но доктрина, хотя и несформленная царской армией, все-таки была, и хотя ничего положительного собой не представляла, все же и на этом отрицательном примере видна теснейшая связь учения о войне с общим укладом жизни.

Политическая сторона этой доктрины сводилась к триединой идее православия, самодержавия и народности, вбивавшейся в головы молодых солдат на уроках знаменитой словесности. Что же касается военно-технической части ее, то она в наших руководящих наставлениях являлась простым позаимствованием у иностранных оригиналов большей части в отсталом и ухудшенном издании, но и в этом своем виде доктрина являлась детищем наших немногочисленных военных теоретиков, оставаясь чуждой не только всей массе рядового командного состава армии, но и ее высшим руководителям. Здесь ярко сказывалось все беспримерное убожество, внутренняя гнилость и дряблость царской России последних времен. В самом деле, армия всегда была предметом особого попечения царей, и тем-не менее эта самая армия в их руках оказалась никуда не годной силой.

Изложение позволяет сделать некоторые общие выводы по интересующему нас вопросу.

Первый из них,— это уже неоднократно повторенная нами мысль о том, что военное дело данного государства, взятое в его совокупности, не является самодовлеющей величиной, а целиком определяется общими условиями жизни этого государства.

Второе: характер военной доктрины, принятой в армии данного государства, определяется характером общей политической линии того общественного класса, который стоит во главе его.

Третье: основное условие жизненности военной доктрины заключается в ее строгом соответствии с общими целями государства и теми материальными и духовными рессурсами, которые находятся в его распоряжении.

Четвертое: доктрины, способной быть жизненным организующим моментом для армии, изобрести нельзя. Все основные элементы ее уже даны в окружающей среде, и работа теоретической мысли заключается в отыскании этих элементов, сведении их в систему и приведении их в соответствии с основными положениями военной науки и требованиями военного искусства.

Пятое: основной теоретической задачей работников рабоче-крестьянской Красной армии должно являться: изучение характера окру-

жающей нас общественной среды; определение характера и существа военных задач, вытекающих из существа самого государства; изучение условий, обеспечивающих их выполнение как в отношении материальных, так и духовных предпосылок; изучение особенностей строительства Красной армии, согласование с требованиями военной науки и исследование тех особенностей, которые объективно и неразрывно связаны с характером нашего пролетарского государства и переживаемой нами революционной эпохи.

Какие же основные элементы должны лечь в основу военной доктрины нашей рабоче-крестьянской Красной армии?

Чтобы ответить на это, обратимся прежде всего к анализу нашего государства. По своему характеру, своей сущности, наша родина представляет собой государственное образование совершенно нового типа. В отличие от всех остальных государств, существующих сейчас на земном шаре, Р. С. Ф. С. Р. является единственным в мире государством, где господство принадлежит труду; начиная с октября месяца 1917 г., когда рабочий класс России, поведя за собой широкие массы трудового крестьянства, вырвал власть из рук крупной и мелкой буржуазии, мы живем в рабоче-крестьянском государстве, с руководящей ролью рабочего класса. Основная идея и смысл пролетарской диктатуры сводятся к задаче уничтожения капиталистических производственных отношений и замене их строем, основанным на началах общественного владения средствами производства и планомерного распределения продуктов самого производства. Идея эта стоит в непримиримом противоречии с основами существования остальных государств мира, где пока всюду царит капитал. Отсюда вытекает тот факт, что „диктатура пролетариата есть самая беззаветная, самая беспощадная война нового класса против класса властителя старого мира—буржуазии, которая, опираясь на силу своего международного капитала, на силу и прочность своих международных связей и, наконец, стихийный консерватизм мелко-буржуазных масс,—является и могучим врагом вновь нарождающегося мира" (Н. Ленин—„Детская болезнь „левизны" в коммунизме"). Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние: долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть,—войны, требующей колоссальной выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли. Внешняя форма этих взаимоотношений, в зависимости от меняющихся условий и хода борьбы может измениться; состояние открытой войны может уступать место какой-либо форме договорных отношений, допускающих известное мирное взаимодействие. Но основной характер взаимоотношений эти договорные формы изменить не в состоянии. И нужно до конца осознать и открыто признать, что совместное параллельное существование нашего пролетарского советского государства с государствами буржуазно-капиталистического мира длительное время невозможно. Энергия буржуазии, удесятеренная фактом ее свержения хотя бы в одной нашей стране в предчувствии надвигающейся на нее гибели, не может успокоиться, пока не уничтожит очага, являющегося рассадником и источником всемирной опасности капиталистическому могуществу. При первом удобном случае волны окружающего наш пролетарский остров буржуазного капиталистического моря вновь ринутся на него, стремясь смыть все завоевания пролетарской революции. И в то же время пламя революционного пожара все чаще и ярче вспыхивает в разных странах буржуазного мира, и грозный топот готовящихся на его арене пролетарских колонн говорит о таких же попытках и с другой стороны. Это противоречие

может быть разрешено и изжито только силой оружия в кровавой схватке классовых врагов. Иного выхода нет и быть не может.

Отсюда получается следующий вывод: сознание каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого красноармейца, в первую очередь каждого члена руководящей жизнью государства коммунистической партии должно быть пропитано той мыслью, что положение осаждаемой крепости, каковой до сих пор являлась наша страна, не прошло и не пройдет, пока в мире царит капитал, что энергия и воля страны должны быть направлены попрежнему на создание и укрепление нашей военной мощи; что государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашими классовым врагом должна подготовить ту психологическую среду всенародного внимания и заботливости и попечения о нуждах армии, в атмосфере которой дело строительства наших вооруженных сил только и может итти успешно.

Этот момент, момент всенародности сознания неизбежности и важности военных задач, лежащих пред пролетариатом, является самым важным элементом в будущей единой военной доктрине рабоче-крестьянской Красной армии.

Есть ли данные для того, чтобы этот элемент стал живой составной частью мировоззрения широких трудящихся масс России? Несомненно, да. Запасов духовной энергии у борющихся за свое освобождение рабочего класса вполне достаточно; необходимо лишь, чтобы затрата их производилась в соответствующем направлении и с достаточной планомерностью. Средством достижения этого должна быть организованная в государственном масштабе военная пропаганда.

Органом, разрабатывающим все связанные с этим вопросы, должен стать Пур, а проводником их в жизнь—все органы народного образования, под общим руководством Главполитпросвета. Только такая постановка работы может создать такую же благоприятствующую укреплению военной мощи республики среду, какая имелась в Германии. Роль германской школы в этом деле достаточно хорошо известна. Стоит ли напомнить ставшей знаменитой фразу о том, что „честь победы под Садовой и Седаном" по существу принадлежит германскому школьному учителю? Надо, чтобы честь победы, совершающейся на наших глазах мировой революции, тоже стала достоянием нашего школьного и внешкольного учителя и пропагандиста.

Что касается конкретного общественно-политического содержания этой будущей нашей доктрины, то она целиком дана нам в готовом виде в лице идеологии рабочего класса—программы Российской Коммунистической партии. Прежняя формула царской армии—„православие, самодержавие и народность" —уступила свое место идеям революционного коммунизма, Советской власти, как специфической формы пролетарской диктатуры и международного братства и солидарности трудящихся. Трехгодичная деятельность политических отделов и коммунистических ячеек Красной армии принесла уже достаточно осязательные результаты в смысле политического воспитания в новом духе широких красноармейских масс.

Основной задачей текущего дня в этом отношении, на-ряду с углублением и расширением политработы на низах, стоит работа по приобщению к общей красноармейской массе нашего командного состава. Государство должно всем весом своего влияния в кратчайший срок покончить с теми остатками политической разъединенности, которые до сих пор наблюдаются в Красной армии. Люди с идеологией, враждебной идеям труда, должны быть оттуда изъяты. Это отнюдь не означает необходимости для всего командного состава Красной

армии стать членами коммунистической партии. Но это значит добиться такого положения, чтобы командный состав стал фактически советским, чтобы исчезла всякая почва для каких бы то ни было подозрений политического порядка по его адресу, чтобы у него с низами, с рядовой красноармейской массой чувствовалась полная спайка и взаимное понимание. Только при этом условии нам фактически удастся ликвидировать институт военных комиссаров, как излишний придаток, и перейти к системе единоначалия.

На вопрос о характере военных задач, могущих встать перед нами, т.-е. должна ли они быть строго оборонительного характера, или Красная армия республики должны быть готова в случае нужды к переходу в наступление, совершенно определенный ответ вытекает из всех предшествующих соображений.

Общая политика рабочего класса, класса, активного по преимуществу, класса, идущего на завоевания всего буржуазного мира, не может не быть активной в самой высокой степени. Правда, если считаться с материальными рессурсами только своей страны, то пределы этой активности становятся довольно узкими и определяются для настоящего времени тем уровнем экономического развития и общего нашего положения, на котором мы стоим сейчас. Возможно поэтому, что определенный промежуток времени активно революционная энергия рабочего класса не будет направлена на достижение целей внешнего порядка. Но этот факт не меняет существа дела. К политике в полной мере применим тот принцип высшей стратегии, который говорит: „Победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать; сторона только обороняющаяся неизбежно обречена на поражение". Самым ходом революционного исторического процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Таким образом в этом пункте мы имеем полное совпадение требований военного искусства с общей политикой. В отношении же материального обеспечения возможности проведения этой линии следует учитывать то обстоятельство, что базой нашего наступления может быть не одна Россия, а целый ряд других стран. Все зависит от степени созревания революционного процесса внутри этих стран и способности рабочего класса выступить на открытую борьбу со своим классовым противником.

Поэтому этот классовый характер предстоящих нам столкновений, обеспечивающий содействие в интересах общего дела всех пролетарских элементов, в значительной мере уничтожает отрицательное значение приведенного выше указания на тяжелое экономическое положение нашей страны. Стало быть пролетариат может и будет наступать, а с ним вместе, как главное его орудие, будет наступать и Красная армия.

Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, подготовлять ее к завершению задач революции путем энергичных, решительных и смело проводимых наступательных операций.

Если мы обратимся к имеющемуся уже в Красной армии боевому опыту, то увидим, что по существу она уже давно действует именно в этом духе. Почти все значительные операции времен гражданской войны носят следы проявления духа активности и инициативы с нашей стороны. Можно сказать даже, что порой эта активность у нас переваливалась через край, границы с неумением учесть все данные конкретной обстановки настоящего дня и не подвергаться опасности чрезмерного риска.

Все это совершенно естественно, ибо в армии, создаваемой и руководимой пролетариатом, иного положения и быть не могло.

Практически указанный выше характер наших грядущих военных столкновений предъявляет целый ряд требований нашему генеральному штабу. Необходимо поставить работу высших штабов так, чтобы Красная армия могла выполнить свои задачи на любом операционном направлении и любом участке возможного грядущего фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого света. Между прочим подготовка нашего командного состава должна включать в себе знания не только чисто военных, но и экономических и политических условий возможных театров военных действий. Здесь перед военным аппаратом вообще раскрывается перспектива, необъятная по своим размерам и значению подготовительной работы. Анализируя вероятную обстановку наших грядущих военных столкновений, мы заранее можем предвидеть, что в техническом отношении мы, несомненно, будем ниже наших противников. Обстоятельство это имеет для нас чрезвычайно серьезное значение, и мы, помимо напряжения всех сил и средств для достижения технического совершенства, должны искать пути, могущие, хотя до известной степени, уравновесить эту, невыгодную для нас, сторону.

Некоторые из них имеются. Первым и важнейшим является подготовка нашей армии к выполнению маневренных операций крупного масштаба.

Размеры наших территорий, возможность отступить на значительное расстояние, не лишаясь способности к продолжению борьбы и прочее, представляют благоприятную почву для организации маневров стратегического характера, т.-е. вне поля боя. Наш командный состав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования, а вся масса Красной армии должна обучаться способности быстро и планомерно производить марш-маневры. Опыт минувшей империалистической войны в ее первоначальной стадии, а равно весь опыт нашей гражданской войны, носившей по преимуществу маневренный характер даст в этом отношении богатейший материал для изучений.

В связи с этим в общей экономии наших военных средств инженерная оборона и нападение, игравшие такую колоссальную роль в империалистической войне, в нашей армии должны отойти на задний план. Основная роль, которая должна быть отведена этому роду оружия, сводится к вспомогательному средству для операций полевого характера. Пользование местностью, широкое применение к ней и ее искусственное усиление, создание искусственных временных рубежей, обеспечивающих выполнение общего марш-маневра,—вот область приложения сил и средств этого порядка.

В частности, роль и значение крепостей в условиях будущих наших операций должны будут занимать совершенно ничтожное место. За этот счет гораздо целесообразнее будет соответственно усилить полевые войска. Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Если государство уделит этому делу достаточно серьезное внимание, если подготовка этой „малой войны“ будет производиться систематически и планомерно, то этим путем можно создать для армии противника такую обстановку, при которой, несмотря на все свои технические преимущества, они окажутся бессильными, пред сравнительно плохо вооруженным, но инициативным, смелым и решительным противником.

Опыт нашей гражданской войны в этом отношении даст нам богатейший материал. Действия партизанов в Сибири, борьба в казачьих

областях, „басмачество" в Туркестане, „махновщина" и вообще бандитизм на Украйне и пр. представляют необъятное поле для изучения и получения соответствующих обобщений теоретического порядка. Но обязательным условием плодотворности этой идеи „малой войны" является заблаговременная разработка плана ее и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому одной из задач нашего генерального штаба должна стать разработка идеи „малой войны" в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас.

В связи с тем же маневренным характером наших будущих операций стоит вопрос о пересмотре, под этим углом зрения, роли и значения в современном бою кавалерии. Позиционный характер минувшей империалистической войны в умах многих создал представление о том, что стратегическая конница, как самостоятельная активная сила, особой роли играть уже не может и должна отойти на второстепенное место.

Правда, опыт гражданской войны вновь дал блестящие образцы самостоятельных действий конницы как с нашей стороны, так и со стороны нашего противника и вернул ей былое значение, но известно, что опыт только гражданской войны не всеми считается достаточно убедительным, а поэтому вопрос еще далеко не может считаться ясным для всех.

По нашему глубокому убеждению, в будущих операциях Красной коннице будет принадлежать чрезвычайно важная роль, а по сему забота о ее подготовке и развитии должна явиться одной из первейших наших задач.

В целях же наилучшей подготовки ее к выполнению боевых задач должно быть обращено особое внимание на изучение колоссального опыта гражданской войны и выработку, на основе этого изучения, специальных наставлений для старших кавалерийских начальников.

В организационном отношении основой наших вооруженных сил для ближайшего периода может быть только постоянная Красная армия. Это вытекает из всего, что говорилось выше об общем характере наших боевых задач. Вопрос этот в настоящее время может считаться окончательно решенным в связи с соответствующими постановлениями X съезда Российской Коммунистической партии и последующих правительственных декретов. Переход к милиционной системе, на основе Всевобуча, допустим лишь в той мере, в какой он позволяет достигнуть определенных сбережений в расходовании государственных средств, не подрывая способности Красной армии к разрешению активных целей.

Что касается внутреннего быта Красной армии, то он должен строиться в направлении максимального приближения к идеалам коммунистического общежития. Конечно, при данном уровне развития производительных сил, пропаганда полного поравнения командного состава с рядовой массой не осуществима и может вестись лишь теми, кто заинтересован в уничтожении крепости и мощи Красной армии. Это ясно огромному большинству красноармейцев; но все же внутренний строй и распорядок армии рабоче-крестьянского советского государства должен быть свободен от всяких привилегий, не вызывающихся потребностями службы и не вытекающих из характера ее. Только на этой почве мыслимо создание той товарищеской спайки и взаимного понимания армейских верхов и низов, которые являются главнейшим залогом физической и духовной мощи Красной армии.

При строевом обучении элемент „муштры" в Красной армии должен отойти на самый задний план; при этом самое понятие „муштры" совершенно должно быть изменено. О муштровке в старом смысле этого слова, т.-е. в смысле чисто механического, с применением суровых мер

воздействия, обучения красноармейцев элементам строя, не может быть и речи. Нам не к чему стремиться к достижению такой выучки строевиков, которая являлась идеалом для всякого рода любителей парадов и показной стороны. Достаточно добиться известной стройности, быстроты и правильности при выполнении определенных построений. Механичность при этом вовсе не требуется; необходимо все строить на достижении этих эффектов путем максимального развития личной инициативы и самостоятельности каждого красноармейца. В этом отношении особенности характера нашего государства и нашей армии открывают самые широкие перспективы. Мы имеем полную возможность строить единство армии не путем палочной дисциплины, а путем максимального умственного развития красноармейцев. В то время, как всякое буржуазное государство должно опасаться пробуждения и развития духовной деятельности рабов капитала, для нас это самое развитие является вернейшим залогом победных достижений. Применительно к этим требованиям должен быть приспособляем весь аппарат нашего обучения одиночного бойца.

Поддержание служебной дисциплины в рядах армии является обязательным и необходимейшим условием ее мощи, и в этом отношении требования советского государства— самые решительные. Но опять-таки между современным пониманием дисциплины и тем, что имело место в царской армии, лежит целая пропасть. Дисциплина в Красной армии должна базироваться не на страхе наказания и путем принуждения, а на сознательном исполнении каждым своего служебного долга, и первый пример такой дисциплины должен дать командный состав. Чем должна поддерживаться дисциплина? Во-первых, сознательностью передовой части красноармейской массы, ее коммунистических ячеек, ее политруков и всего командного состава, их выдержкой, преданностью революции, героизмом и самопожертвованием.

Во-вторых, умением командного состава связаться, сблизиться, до известной степени, слиться с широкой красноармейской массой. В-третьих, правильностью его политического и технического руководства, укреплением веры в красноармейской массе и полное соответствие командного состава своему назначению. Вне этих условий поддержание дисциплины в армии революционной, каковой является наша Красная армия, дело безнадежное. Конечно, абсолютно без всяких элементов принуждения обойтись нельзя, но применению их должны быть положены самые узкие пределы. Только тот может быть признан настоящим красным командиром, кто добьется полного подчинения своей воле без всяких принудительных мер.

Таковы, в общих чертах, должны быть основные элементы внутреннего быта, воспитания боевой подготовки и методов действий на основе той единой военной доктрины рабоче-крестьянской армии, существенные черты которой излагались выше. Изложение это отнюдь не является хотя бы сколько-нибудь исчерпывающим вопрос.

Несомненно, целый ряд моментов упущен из виду, другие затронуты только мимоходом, но основной подход к постановке вопроса и его разрешение нам кажется вполне правильным. Остается выразить лишь горячее пожелание, чтобы обсуждение и разработка вопроса о единой военной доктрине получили такое место в нашей военной литературе и на совещаниях командного состава, на которое он имеет полное право в силу своего чрезвычайно важного значения для всей судьбы военного дела в России.

М. Фрунзе.

Экономическая политика белых.

(Крымский „опыт").

Представители буржуазии, ее лакеи, когда заходит речь об экономическом развале России, о наших многочисленных разрухах, всегда ссылаются на „коммунистические эксперименты", как на начало всех хозяйственных бед и несчастий. Волей истории юг России, в частности, Крым в течение 1919—1920 г.г. стал сферой господства и влияния частной инициативы в области хозяйства. Силой помещичье-буржуазной диктатуры означенный район оказался отрезанным от советской республики. Здесь буржуазия стала „княжить и володеть", проводя свою испытанную веками экономическую политику. Представляется поэтому любопытным обозреть „творческую деятельность" класса, который, по мнению его ученых и идеологов, имеет вековечную монополию на руководительство экономической жизнью народов.

I. Промышленность.

Предварительно необходимо указать, хотя бы в общих чертах, на положение главных отраслей промышленности в 1919 году, когда правительство генерала Деникина находилось в зените своего могущества, когда белые войска занимали всю Украйну, а временами проникали далеко на территорию Великороссии. В первую голову заслуживает внимания состояние Донского бассейна. Добыча угля крайне ничтожна в 1919 году. Угля нехватает даже для снабжения основного потребителя—железных дорог. Ничтожные размеры производства вынудили правительство Деникина, стоявшее в принципе за свободу торговли, прибегнуть к нормированию цен и установлению государственно распределения угля. С этого момента и возникает между правительством белых и торгово-промышленными организациями конфликт, продолжавшийся впоследствии в Крыму. Протсоюз и бюро горно-промышленности юга России требует объявления полной свободы торговли и уничтожения всякой регламентации. Несмотря, однако, на регламентацию и ничтожность размеров добычи, промышленники ведут переговоры о вывозе угля за границу, где цены на уголь были очень высокие. В последний период хозяйничания белых в Донецком бассейне правительство Деникина санкционирует вывоз за границу 10.000.000 пудов угля через порты Азовского и Черного морей. Вывоз этот не состоялся исключительно по независящим от белых обстоятельствам. Экспорт угля предполагался в Италию и Ближний Восток. Частная

инициатива и ее покровители ничего не имели против вывоза, хотя одновременно железные дороги страдали от отсутствия угля, а Новороссийску приходилось снабжаться исключительно английским углем.

Аналогичная политика проводилась и по отношению к нефтяной промышленности в Грозненском и Майкопском районах. Размер добычи означенной промышленности был чрезвычайно ничтожен.

Выплавка металлов за время Деникина совершенно прекратилась. Металлургические заводы пускают в ход не доменные печи, а мартеновские. В связи с расстройством транспорта является мысль об использовании паровозостроительных заводов для ремонта паровозов и использования для технических целей металлургических заводов. Но вопрос о ремонте не нашел своего разрешения во время существования добровольческой армии, и выпуск ремонтируемых паровозов фактически прекращается.

Еще хуже обстоит дело с промышленностью в крымский период. Крым, как местность дачная, всегда обладал ничтожной промышленностью. Правительством белых было сделано все от него зависящее для разрушения и этой промышленности. Данные о состоянии крымской промышленности в 1920 году имеются в архивных материалах Отдела управления торговли и промышленности в виде анкеты по промышленным предприятиям, произведенной в июле. Анкета охватывает всего 32 предприятия, с количеством рабочих в 2.663. Из них:

свыше	100	рабочих	6	предприятий
„	50	„	9	„
„	35	„	5	„

в остальных предприятиях количество рабочих колеблется от 8—22. Опросу подвергались, главным образом, табачные фабрики и заводы, вырабатывающие сельскохозяйственные машины и двигатели. Из анкеты видно, что подавляющее большинство предприятий работает либо на оборону, либо на правительственные органы продовольствия. Другие, хотя и работают полностью, но все же производительность их по сравнению с 1919 годом сокращена на 75—85 %. Причины сокращения производительности сводятся по анкете к следующему: отсутствие топлива, нефти, керосина, дров, сырья, квалифицированных рабочих. Приведем несколько примеров. Владельцы машиностроительного завода Лангемана в Сарабузе в своем ответе пишут, что на заводе работает всего 22 человека. До войны работало 300 человек, во время войны—свыше 500. Владельцы жалуются на отсутствие сортового железа. Владельцы табачной фабрики Месаксуди сообщают, что фабрика вместо обычных 7.000 пудов табаку в месяц вырабатывает 1200—1700 пудов. Отсутствует топливо и, главное, листовой табак. Владельцы завода „Крымское машиностроение“ в Симферополе пишут, что завод их работает исключительно на оборону. Вырабатывает части танков и ремонтирует броневые автомобили. Производительность крайне низкая по причине отсутствия ломового и сортового железа.

Нельзя не указать при этом, что листовой табак, ломовое и сортовое железо вывозились в больших количествах из Крыма за границу. Об этом красноречиво свидетельствуют данные об экспорте. Ломовое железо находилось в значительных количествах во всех портах Крыма, и правительство Врангеля спекулировало им, приобретая за него валюту.

Некоторые предприятия жалуются на реквизиции. Завод сельскохозяйственных машин и орудий Мильруда в Евпатории реквизирован Донским корпусом для изготовления варочных котлов и походных ку-

;онь. Благодаря ходатайству земства, реквизиция в июне снимается, ю заводу все же поставлены условия, что две трети производства должны быть посвящены исполнению военных заказов, изготовлению казацких пик.

Влачила жалкое существование пользовавшаяся особым покровительством кожевенная промышленность. Кожевенных заводов в Крыму в 1920 году насчитывалось 25—30, среди них технически хорошо оборудованных немного. Производительность этих предприятий по минимальным расчетам превышает 100 тысяч кож крупного сырья, не считая мелкого. Сырьевых рессурсов для кожевенных заводов в Крыму было вполне достаточно. Правительство генерала Врангеля не поскупилось для кожевенников и выдавало им значительные субсудии. На закупку экстракта заводчики получили 120.000.000 рублей, на организацию сбора коры и сумаха—30.000.000 рублей, на закупку жиров и материалов—50.000.000 рублей. Несмотря на покровительство, кожевенники вместо предполагавшихся 9.000 кож в месяц давали только 2.000. Не помогли контрольные комиссии, совещания, угрозы. Кожевенная промышленность захирела.

Еще более любопытную картину представляет состояние соляной промышленности за время врангелевщины. При уходе Советской власти из Крыма в 1919 году осталось соли в буграх Евпаторийского района—8.000.000 пудов.

Добыто в 1919 году 2.000.000 пудов.
„ „ 1920 „ 1.600.000 „

Итого 3.600.000 пудов.

Между тем соляные промыслы Евпаторийского района при самой плохой эксплоатации должны дать урожай минимум в 4.000.000 пудов ежегодно. За два года должно быть добыто при самых тяжелых условиях не менее 8.000.000 пудов. На самом деле добыто меньше половины минимума и то не средствами промышленников.

В 1919 году за время своего краткого существования евпаторийский усовнархоз привел в образцовый порядок почти все промыслы. До ухода Советской власти (июнь 1919 г.) почти все бассейны были подготовлены к выволочке, оставалось согреть рапу солнцем и произвести выволочку. Последнее сделано было промышленниками и то не полностью. Одни испугались дорогих цен на рабочие руки, другие нашли более выгодным заниматься легкой спекуляцией.

Что касается добычи 1920 года, то из 1.600.000 пудов на долю Саксонского промысла, перешедшего к новому субарендатору, Днепрсоюзу, приходится 1.000.000 пудов. Остальные арендаторы 30 слишком промыслов выволокли всего 600.000 пудов.

Если что и было сделано в области соляной промышленности белыми, то исключительно в направлении разрушения промысла. Правительством генерала Врангеля были сняты подъездные пути на многих участках для постройки бешуйской линии.

Наш обзор состояния промышленности в Крыму в 1920 году будет неполным, если не указать на расцвет прожекторства в области промышленного строительства. Управление торговли и промышленности генерала Врангеля было засыпано дождем эфемерных проектов создания самых разнообразных промышленных предприятий. Тут и проект создания сахарно-рафинадного завода, суконных фабрик, ряда кожевенных, мыловаренных, салотопенных химических заводов. Все эти проекты преследуют одну и ту же цель—получение субсидий.

Кое-кто авансы получил, но ни одного сколько-нибудь значительного предприятия на территории Крыма не возникало. В эпоху этого бумажного грюндерства с соответствующими проектами выступали заграничные предприниматели, обычно в компании с русскими промышленниками. Проекты в этих случаях носили еще более дутый характер. К числу таких начинаний нужно отнести выдвинутый некоей русско-американской группой проект осуществления южно-бережной железнодорожной линии, устройства на южном берегу городов, курортов и пр. в том же роде.

11. Торговля.

В области торговли за время хозяйничания белых существовало известное оживление. Можно сказать, что капитал весь устремился в торговлю. И существовавшие торгово-промышленные предприятия, и банки и даже само правительство занимались торговыми операциями.

Необходимо, однако, отметить, что внутренняя торговля в период врангелевщины очень слабо развита. Передвижение товаров внутри Крыма падает до минимума. Причин, обусловливающих данное явление, было много. Тут и расстройство транспорта, и подводная повинность, подорвавшая значительно гужевой транспорт. Большую роль сыграли в этом отношении революционные отряды зеленых, производившие систематические нападения на товарные транспорты и сделавшие не безопасным передвижение не только по шоссейным дорогам, но и по железным.

Внутреннюю торговлю парализовала в известной мере противоречивая политика белогвардейского правительства, отсутствие в этом отношении какой-либо твердо продуманной системы. Правительство то объявляло внутреннюю торговлю совершенно свободной, то вводило так называемую разрешительную систему. Вывоз товаров каботажем все время регулировался разрешительной системой.

С другой стороны, агенты власти на местах обнаружили достаточно творчества по части контролирования внутренней торговли. Контроль являлся для них источником дохода, дававший возможность им урвать у спекулянтов солидную часть барышей.

Зато в области внешней торговли замечается большое оживление. В Крыму в 1920 году возникает ряд экспортно-импортных обществ, ставящих своей целью создание тесной связи с европейским рынком в целях налажения внешнего товарообмена.

Крым располагал определенными запасами доступного к вывозу сырья в виде зерна, соли, вина, табаку, фруктов. С занятием Северной Таврии запас зерна, доступного вывозу, весьма значительно увеличился.

Все экспортеры, равно как и правительство в своих экспортных операциях, преследовали одну цель—получение возможно большего количества иностранной валюты, которая, ввиду обесценения русского рубля, чрезвычайно высоко котировалась в Крыму.

Необходимо указать при этом, что правительство Врангеля не финансировалось союзниками. Для приобретения предметов воинского снаряжения оно нуждалось в значительном валютном фонде. Так как получение валюты могло быть обеспечено исключительно путем вывоза за границу имевшегося в больших количествах сырья, поэтому правительство пришло к мысли об установлении хлебно-вывозной монополии. Монополия эта была установлена в августе. Заключалась она в общих чертах в том, что правительство закупало через частный тор-

говый аппарат хлеб, причем 80% закупки оно оплачивало по твердой, обусловленной договором цене, остальные 20% скупаемого хлеба оплачивались предпринимателями, на обязанности которых лежало свезти и погрузить все 100% хлеба на судно, фрахтуемое также частными предпринимателями на условиях свободного договора. Правительственная твердая цена включала в себя все расходы по закупке, подвозу и погрузке хлеба на суда. За эти услуги правительство гарантировало предпринимателям оплату им 20%, вырученных за все погруженное количество зерно иностранной валютой.

Хлебные рессурсы некоторых районов Крыма, особенно тяготеющих к портам, оказались скоро исчерпанным форсированным экспортом (доклад главного уполномоченного по продовольствию за июль 1920 г.).

Значительный избыток зерна имелся в Северной Таврии благодаря блестящему урожаю 1919 года. Валовой сбор пшеницы и ржи в 1919 году определяется для Северной Таврии в 80 миллионов пудов, ячменя и овса—60 миллионов пудов.

За вычетом из валового сбора тех расходов по обсеменению полей, продовольствования местного населения и прокорма скота, избыток хлеба от урожая 1919 года исчислялся приблизительно в 50 миллионов пудов и зерно-фуража 60 миллионов.

Эти-то рессурсы хлеба и зерно-фуража и привлекли главное внимание частно-торгового капитала и правительства Врангеля. Производилась закупка хлеба в Северной Таврии в таком порядке: ввиду существования хлебно-вывозной монополии, закупка была поручена целой серии правительственных органов, которые передали закупку мелким маклерам-спекулянтам, в редких случаях кооперативам.

Так как частный торговый аппарат работал на средства казны, без риска, он совершенно не считался с поднятием цен.

Главная его цель заключалась в быстрейшем выколачивании из деревни хлеба. В рапорте командующему 1-й армии штаб-офицера, которому было поручено расследование причин поднятия цен на хлебные продукты в Северной Таврии, положение хлебной торговли обрисовано следующим образом:

„Мелкие агенты, получившие от правительственных организаций и закупочных комиссий доверенность и деньги, кое-что сдают этим организациям, а на остальные деньги спекулируют, не без ведома этих же организаций. При закупке хлебных продуктов были установлены цены: предельные (секретные), твердые и справочные, но эти цены были не для всех обязательны.

„Кроме того разница между предельными и твердыми ценами была очень велика. Ввиду существования конкуренции между скупщиками при покупке ими без риска, разница эта ими уравнивалась очень быстро, зачастую покупка производилась по ценам выше предельных в надежде на скорое их помещение".

Эти агенты, несмотря на существование монополии, сами вывозили за границу хлеб.

Обмен производился на условиях частичного товарообмена, так, например, за пуд хлеба платили в Северной Таврии в сентябре 10 фунтов керосина и 2.000 рублей деньгами. Так как керосин на рынке ценился по 2.000 рублей за фунт, то цена пуда хлеба фактически равнялась 22.000 рублей. Еще в большей мере хлебная вакханалия разыгралась в конце сентября, когда по распоряжению Врангеля контр-агентам Управления торговли было разрешено производить в порядке неограниченного товарообмена без стеснения в ценах закупку хлебных продуктов.

Указывал на разыгравшуюся свистопляску в области торговли хлебом аладинский крестьянский кулацкий союз. На этом докладе барон Врангель наложил следующую резолюцию: „Считаю тон подобных записок неприличным и предлагаю впредь не беспокоить. Врангель“.

III. Вывоз и ввоз в 1920 году.

Общая картина вывоза с 1-го февраля по 1-е сентября 1920 г. такова:

ячмень (отчасти овес и пшеница)	около	3.000.000 пуд.
соль	„	830.000 „
льняное семя	„	110—120 тыс. п.
табак.	„	120.000 пуд.
шерсть	„	63.000 „

Вывоз остального сырья был незначителен, что касается картины вывоза по месяцам, то дело обстояло следующим образом:

Вывоз из пределов Крыма с 1-го февраля по 1-е сентября 1920 г.

Наименование предмет в вывоза.	Февраль. пуд.	Март. пуд.	Апрель. пуд.	Май. пуд.	Июнь. пуд.	Июль. пуд.	Август. пуд.
Ячмень	106.092	130.657	18.000	216.542	205.839	854.048	35.645
Овес.	—	—	—	—	47.970	11.150	8.000
Пшеница . . .	—	2.945	—	5.000	500	—	4.100
Льнян. семя. .	31.326	9.400	—	1.700	65.298	100	3.250
Шерсть	16.710	—	1.981	8.237	14.765	15.256	7.011
Табак.	73.395	6.826	3.214	23.875	—	6.087	5.600
Соль.	500	103.000	275.503	135.946	157.698	57.987	—

В настоящей таблице не указан вывоз через порты Северной Таврии заготовленного в порядке „нормальных договоров“, выразившийся по данным от 11 сентября в 800.000 пудов.

Резкое падение цифр вывоза приходится констатировать в апреле и августе. Объясняется это тем обстоятельством, что в означенные месяцы происходит изменение порядка вывоза. В феврале и отчасти марте замечается ослабление действий экспортных правил и работ так называемых экспортных подкомиссий. В означенные месяцы добровольческая власть подготовляет эвакуацию Крыма и в связи с этим всячески форсирует экспорт. В августе же происходит коренной перелом в условиях вывоза хлеба и фуража благодаря установлению пресловутой хлебно-вывозной монополии. В августе и сентябре происходят крупные заготовки хлеба на местах контр-агентами управления торговли и промышленности. Вывоз вследствие указанной причины естественно упал.

Что касается соли, то вывоз ее совершенно ничтожен по отношению к тем запасам, которые имелись на территории Крыма. Объясняется это установлением 50-сантимной пошлины с пуда вывозимой соли, которая вытеснила крымскую соль совершенно из рынков Ближнего Востока, куда она обыкновенно экспортировалась.

Необходимо указать, что приводимые нами цифры не могут считаться точными ввиду того хаоса, который царил в области экспорта и импорта за 1920 г.

Картину ввоза можно себе уяснить из следующей таблицы статистической части отдела торговли и промышленности. В таблице

показано количество грузов, выпущенных таможней на внутренний рынок с 1 января по 1 сентября 1920 года по данным отдела таможенных сборов управления финансов. *(См. стр. 114 и 115.)*

IV. Спекуляция и мнимая борьба с ней.

Непрерывный рост цен, вызванный, главным образом, систематическим падением курса врангелевских рублей, равно как и ограниченность предложений при товарном голоде, создали благоприятную почву для спекуляции. Товары, привезенные из-за границы, переходили из рук в руки одних торговцев к другим. От таможни до потребителя товар переходил через десятки посредников, из которых каждый получал прибыль по указанным выше размерам.

Постоянное повышение цен товаров побуждало торговцев задерживать выпуски их на рынок, дабы получать повышенную прибыль.

Страдали от этого, главным образом, рабочие, городская и деревенская беднота. Временами дело доходило до волнений, в результате которых власть вынуждена была делать вид, что она готова расправиться и с торговцами, и с банками. В наиболее острые моменты, когда цены делали слишком резкие скачки вверх, гражданские и военные власти созывали специальное совещание по борьбе с спекуляцией. Этой же задачей должна была заниматься специально организованная при Врангеле комиссия по выработке мер по борьбе с искусственным взвинчиванием цен, сокрытием товаров и прочими разновидностями спекуляции.

В смысле издания приказов по борьбе с указанным злом и правительства Деникина и правительства Врангеля проявили большое усердие.

4-го ноября 1919 года Деникиным был издан грозный временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию.

Согласно статье 2 этого „закона“, виновные в спекуляции предметами продовольствия или иной общей необходимой потребностью, или материалов, служащих для их изготовления, подвергаются: лишению всех прав состояния и смертной казни или ссылке на каторжные работы на время от 4—20 лет, и сверх того денежному взысканию в 250.000 рублей. Вместе с тем принадлежащие осужденному товары и материалы, бывшие предметами спекуляции, конфискуются.

Дела указанного характера были изъяты из общей подсудности и переданы военным судам. Закон обещает частным и должностным лицам за обнаружение спекулятивных сделок вознаграждение в размере 5% стоимости конфискованных у осужденных товаров.

К указанной таблице необходимо сделать следующее замечание. В ней отсутствуют грузы, относимые к категории „военных“. Они ускользают от учета таможен. По своему количеству военные грузы превышают все остальные. Так, по данным отдела горного и топлива, за отчетный период только им одним ввезено топлива и смазочных масел около 4½ миллионов пудов, т.-е. в семь раз больше, чем всех остальных грузов.

Самую главную роль в импорте 1920 года играют жизненные припасы. За ними следуют растительное и минеральное топливо, третье место — занимают прядильные материалы и изделия из них, четвертое место прочие группы, последнее место в ввозе как будто занимает 7-я группа (кожи и изделия из нее и обувь всякая). На самом деле необходимо иметь в виду, что в Крыму имелась своя довольно солид-

Ввоз товаров в порты Крыма и Геническ за

	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.
I группа. Жизненные припасы	7.534 п. 35 ф.	4.895 п. 29 ф.	9,806 п. 12 ф.	24.416 п. 22 ф.
II гр. Металлы и изделия из них	10 „ 09 „	—	119 „ 07 „	4,062 „ 37 „
III гр. Писчебумажные товары и произведения печати	147 „ 11 „	— „ 09 „	—	534 „ 03 „
IV гр. Прядильные материалы и изделия из них	1.966 „ 35 „	23 „ 34 „	281 „ 39 „	1.615 „ 07 „
V гр. Материалы и продукты химического производства	453 „ 27 „	— „ 05 „	—	527 „ 24 „
VI гр. Топливо (раст. и минеральное)	34.813 „ 27 „	—	6.223 „ 24 „	72 „ 29 „
VII гр. Кожи, изделия из них и обувь всякая	1.259 „ 13 „	44 „ 05 „	10 „ 09 „	108 „ 17 „
VIII гр. Прочие товары, не вошедшие в пред. группы	234 „ 34 „	921 „ 37 „	5 „ — „	732 „ 58 „
Ввоз мин. топлива и смазочных материалов по данным отдела горного и топлива	жидкое	89.000 „ — „	—	101.130 „ 38 „
	смазоч. мат.		—	—
	кам. уголь	727.500 „ — „	—	474.943 „ — „

время с 1-го января по 1-е сентября 1920 г.

Май.	Июнь.	Июль.	Август.	ИТОГО.
12,500 п. 11 ф.	87,237 п. 27 ф.	48,347 п. 22 ф.	16,559 п. 15 ф.	22.9497 п. 13 ф.
2.599 " 28 "	2.985 " 23 "	6.921 " 02 "	6.817 " 26 "	20.404 " 12 "
4.416 " 29 "	7.000 " 28 "	7.785 " — "	7.214 " 20 "	27.107 " 29 "
9.153 " 38 "	24.886 " — "	23.739 " 08 "	12.486 " 20 "	74.159 " 13 "
2.417 " 16 "	13.105 " 23 "	10.411 " 25 "	4.933 " 19 "	41.849 " 19 "
5207 " 20 "	14.336 " 24 "	56.058 " — "	71.239 " 09 "	187.954 " 13 "
554 " 16 "	3.295 " 19 "	2.935 " 06 "	1.137 " — "	9.344 " 66 "
3.711 " 08 "	12.889 " 33 "	22.727 " 37 "	19.768 " 35 "	60.938 " 22 "
				654.246 п. 07 ф.
3.547 " 25 "	10.6354 " 35 "	3.159 " 18 "	30.436 " 28 "	4.480.686 " 35 "
0.907 " — "	3.941 " 30 "	1.092 " 35 "	8.591 " 21 "	
52.670 " — "	1.056.792 " — "	26.3051 " — "	1.252.835 " — "	

ная кожевенная промышленность, а посему ничтожность размеров импорта означенных товаров не играет существенной роли. Последнее место на самом деле занимает ввоз металлов и изделий из них, вторая группа,—другими словами, ввоз орудий производства, необходимых в сельском хозяйстве, единственная отрасль производства, игравшая видную роль в Крыму.

По мес цам ввоз особенно значителен в июне. Это обстоятельство находит себе объяснение в указанной выше причине: канун объявления и момент установления хлебно-вывозной монополии должны были ознаменоваться понижением ввоза и ввиду того, что импортеры не могли рассчитывать на компенсацию.

Как известно, в течение всего 1920 года торговая практика в Крыму выдвигала на роль денег тот или иной товар. Тут роль денег последовательно играли: табак, вино, шерсть и, наконец, ячмень. В последние месяцы хозяйничания Врангеля роль денег играл ячмень. При подобных условиях все выгоды от внешней торговли доставались тем, кто вел ее в натуральной форме.

В начале 1920 года севастопольский градоначальник генерал Турбин объявил, что закон 4-го ноября не достигает цели, и посему издает постановление о наложении наказания на спекулянтов в административном порядке. В целях привлечения населения к участию в этой борьбе, лицам, обнаружившим спекуляцию, обещано вознаграждение в 10 % стоимости конфискованных товаров. Впоследствии размер вознаграждения был увеличен до 50%.

Врангель в свою очередь издал ряд аналогичных приказов; кроме того в борьбе со спекуляцией применяют таксирование предметов продовольствия. И все же ничего не помогло, спекуляция процветала во-всю.

Практика знает ряд процессов против спекулянтов мелкого пошиба, против мелюзги.

Приведем несколько примеров:

1-го сентября в симферопольском военно-окружном суде слушалось дело крестьянина по обвинению в том, что он 27-го мая продавал сыр по 700 рублей за фунт тогда, когда цена на рынке была 500 рублей за фунт. Приговор: 4 года каторжных работ и денежное взыскание в 100.000 рублей.

21 августа дело Березина за продажу сахара по разным ценам в один и тот же день по 2.200 и по 2.400 рублей за фунт. Приговор: 2 года 3 месяца каторжных работ и денежное взыскание.

Приведенные дела типичны. Почти все газетные сообщения о судебных процессах, возбужденных против спекулянтов, носят аналогичный характер. Белогвардейское правительство обрушило свой карающе меч на головы несчастной мелюзги, занимавшейся уличной торговлей.

Между тем спекуляция во время врангелевщины носила массовый характер. Спекулировали купцы, банки, офицеры, солдаты, сестры милосердия и фельдшера. Об офицерах и солдатах другой приказ говорит: „Офицеры и солдаты занимаются спекуляцией, перевозя для продажи продовольственные и другие предметы из одного пункта в другой, пользуясь для сего полученными по бесплатным требованиям подводами". Спекулировали и журналисты, и государственные деятели, и даже епархиальное ведомство. Были возбуждены некоторые дела против крупных спекулянтов, но центр прекратил их.

Вот примеры:

Дело представителя общества „Восток" Сироткина, скрывшего в складах Славянского Национального банка, с целью повышения цены,

сто мешков сахара, 267 ящиков мыла, 1.200 штук топоров, 1.000 шт. столярных пил и 500 комплектов белья. Дело это было прекращено, хотя товар конфискован.

Ревизия, назначенная кредитной частью управления финансов, установила наличность спекуляции валютой в Русском для внешней торговли банке на огромные суммы. Резолюция начальника кредитной части Сувчинского такова: принимая во внимание наличность спекуляции во всех банках,—делопроизводство прекратить. Бернацкий, министр финансов, санкционировал предложение Сувчинского.

Сам Бернацкий состоял членом франко-русского общества, получившего от правительства генерала Врангеля аванс в 12 миллионов франков. В этом обществе принимали участие столпы российской буржуазии: Каминка, Вышнеградский, Пряткин, Смирнов, Тикстон, Дерюжинский, Третьяков и другие. Означенное общество спекулировало во-всю.

Это выяснилось и для правительства генерала Врангеля в конце сентября. Бернацкому в связи с этим делом было предложено подать в отставку.

V. Финансы.

То обстоятельство, что союзники отказались финансировать правительство генерала Врангеля, предопределяло заранее финансовое положение правительства вооруженных сил на юге России. У последнего белогвардейского правительства были весьма ограниченные возможности для получения денег: 1) налоги, 2) печатный станок.

Что касается обложения, то правительство Врангеля, в полном соответствии с своей классовой природой, выдвинуло на первый план косвенное обложение. Обложены были: спиртные напитки, вино, табак, сахар, чай, кофе, безалкогольные напитки. Ставки акцизов были подняты от 300—4000 раз против ставок 1917 года.

Прогрессивный подоходный налог взимался в размерах анекдотических.

Таможенные сборы были повышены по отношению к прежним ставкам сперва в отношении 1 к 100, а затем в отношении 1 к 1000. Принесли они правительству Врангеля очень не много: за 1920 год всех таможенных сборов поступило около 550 миллионов,—цифра жалкая и совершенно ничтожная, если принять во внимание курс врангелевского рубля.

Пыталось управление финансов установить монополию на соль, табак, виноградное вино и др. Соляная монополия даже была установлена, но уже перед самой кончиной правительства Врангеля, так что о ней и говорить не приходится.

Почти единственным источником, питавшим при подобных условиях правительство Врангеля, явился печатный станок. Производительность последнего, несомненно, была исключительная.

Относительно количества денег, выпущенных правительством Деникина и Врангеля, мы находим в журнале „Русское Хозяйство“ (орган финансов, торговли и промышленности, издавался в Севастополе в сентябре и октябре 1920 года) следующие данные:

Количество денежных знаков, выпущенных добровольческим командованием в 1919 году и Донским правительством	3	миллиарда.
Начало 1920 г.	12	„
Март 1920 г. перед эвакуацией	30	„
Май „ „ „	15	„
Август	50	„

К сожалению, мы не располагаем официальными данными относительно работ экспедиции по изготовлению денежных знаков в период деникинщины. Зато у нас имеются точные данные о работе печатного станка за 1920 год, и мы должны констатировать, что цифры, приводимые упомянутым журналом, неверны.

Справка, выданная нам по данному вопросу уфинотделом гор. Феодосии, гласит следующее:

Экспедиция за время ее существования в 1920 году, заготовила с февраля по октябрь включительно:

сторублевых	119.600.000
двухсотрублевых	233.880.000
двестипятидесятирублевых	823.595.000
пятисотрублевых	16.216.583.000
тысячных	1.748.292.000
пятитысячных	19.392.435.000
десятитысячных	138.334.910.000
Итого	176.869.295.000

Приходится сожалеть, что у нас нет более подробных сведений о том, как распределяются означенные цифры по месяцам, и, самое главное, о количестве выпущенных в обращение денежных знаков. Несомненно, известное количество изготовленных денежных знаков представляло собой брак и в обращение не поступало.

Кое-какие сведения относительно последних месяцев найдены нами в остатках архива управления финансов Врангеля. С 1-го июля по 7-е августа экспедицией изготовлено денежных знаков на сумму в 25.013.064.000 руб., с 15 сентября по 15 октября феодосийской экспедиции был дан наряд на изготовление 60 миллиардов, из коих изготовлено было всего 45 миллиардов. С 15 октября по 15 ноября был дан наряд на 150 миллиардов.

Выполнение этого наряда не могло состояться по воле рабоче-крестьянской армии, занявшей Крым в начале ноября.

Вообще, работа экспедиции сильно отставала от предъявляемых к ней требований со стороны правительства Врангеля, что ставило последнее в довольно критическое положение. Так, например, невыполнение полностью сентябрьского наряда, по словам начальника отделения кредитной части, поставило фронт и тыловые учреждения в критическое положение. „Приостанавливаются срочные заготовки для армии, нарушаются договоры, уплачиваются крупные неустойки и расторгаются заключенные на более или менее выгодных условиях договоры, чинам армии не выплачивается в установленные сроки содержание".

Самое крупное место, как видно из приведенной выше таблицы, занимают десятитысячные, самое последнее место—сторублевые денежные знаки. В нарядах последнего месяца имеется уже заказ на 25-тысячн. купюры, что находится в связи с систематическим обесценением врангелевских денег.

О количестве денег, бывших фактически в употреблении в период врангелевщины, трудно сказать что-либо определенное. Мы ничего не знаем ни об обязательствах государственного казначейства, выпущенных феодосийской экспедицией, не знаем также количества находящихся в обращении и котировавшихся очень высоко романовских, керенских и проч.

Довольно значительным следует считать количество фальшивых денег, обращавшихся на территории Крыма. Одних фальшивых пяти-

соток было в обращении, по данным управления финансов от 19 июня, 9 миллиардов.

Трудно себе представить финансовые перспективы, какие имелись у правительства белых. Бернацкий выдвинул проект девальвации. Им были заказаны с этой целью новые денежные знаки на сумму в 22 миллиарда.

Деньги эти были доставлены в Крым. Но проект Бернацкого самым решительным образом был отвергнут финансово-экономическим совещанием, и новые деньги так и не были выпущены в обращение.

Большое оживление царило в обозреваемом году в области банковского грюндерства. Вот неполный список банковских отделений, работавших в различных городах Крыма: в Севастополе—14; в Феодосии—17; в Симферополе—19; в Ялте—13; в Евпатории—9; в Керчи—7; итого—79.

За это же время возникало большое количество так называемых меняльных лавок. Управление финансов, поскольку оно вообще проводило политику, всячески благоволило к частным кредитным учреждениям в противовес таким же учреждениям кооперативного характера. По вопросу о предоставлении кредита, кредитная часть рекомендовала всем отделениям государственного банка руководствоваться такими соображениями: „так как у той части населения, которая объединяет различные кооперативы, наблюдается обилие денежных знаков, которые либо сохраняются населением у себя без всякой пользы для оборота, либо направляются на спекулятивные сделки, поэтому задачей момента является извлечение этих денежных знаков и обращение их на производственные цели“.

Зато кредитная часть покровительствовала другой „части населения“, не объединяемой кооперативами: банкам и частным предпринимателям; им ссуды выдавались. Покровительство это сказалось не в одном предоставлении кредита: управление финансов укрывало банки, деятельность которых в 1920 году почти исчерпывалась спекуляцией товарами и валютой. Вексельно-учетные операции за весь этот год почти не производились.

В банковых складах, в подвалах спекулянты выдерживали свои товары до желательного им повышения цен. Торговцы часто сдавали банкам товары, которые не должны были быть пущены в немедленное обращение, на хранение, либо получая на них подтоварные ссуды. Операции эти были для банков довольно выгодны.

Банки стали таким образом хранилищем чая, мыла, спичек, шерсти, мануфактуры, рыболовных крючков, коньяку, галантерейных товаров, бумаги, земледельческих орудий и вообще всякого рода товаров и предметов насущного потребления.

Возмущенные спекуляцией, массы настойчиво указывали на роль банков в дороговизне и вообще в совершении спекулятивных сделок.

Покровительствуя банкирам, спекулянтам и прочей капиталистической сволочи, Бернацкий не забывал и „той части населения“, т.-е. пролетариат. В архиве управления финансов нами найден очень любопытный доклад о борьбе с профсоюзами ввиду того, что „непрерывное увеличение оплаты труда может привести к полному финансовому краху“. Управление финансов предлагает увеличить предложения труда путем привлечения новых рабочих элементов, могущих понизить заработную плату.

Такими новыми элементами должны были явиться артели красноармейцев, уголовных преступников и приглашенные специально артели рабочих из Турции или балканских государств.

Кроме того предлагается „вести планомерную борьбу с профсоюзами постольку, поскольку означенные союзы ставят на первый план благополучие своих членов и стремятся принести в жертву этому материальному или узко-партийному благополучию благо государства и родины. Подобная борьба отнюдь не должна носить грубо-насильственный характер, как-то: разгон профсоюзов, арест председателя и членов правления, отправление на фронт секретарей, а должна протекать в плоскости чисто-экономической борьбы работодателей и рабочих, притом с таким расчетом, чтобы предоставить работодателям возможность накопить достаточное количество материальных средств, главным образом, в виде предметов продовольствия, мануфактуры и пр., которые дадут возможность работодателям вести с профсоюзами борьбу на экономической почве. Кроме того, желательно принять меры к уничтожению монопольного права профсоюзов на целый ряд отраслей труда и дать возможность работать тем, которые не желают вступать с союз".

Проект этот в известной части получил осуществление: артели арестантов и пленных красноармейцев были привлечены к работам, за которые ничего не получали. Артели же рабочих из Турции не были приглашены: сам Бернацкий скоро вместе с своими приятелями и покровителем поехал в Турцию.

Я. Шафир.

Научно-популярный отдел.

Заметки по электрификации.

Постараемся отдать себе отчет в общем значении хозяйственной реорганизации страны на базе широкого использования электрической энергии. Наметим беглыми штрихами ту обобщающую схему, понимание которой разрешит поставленный вопрос.

Те из вас, сознательная жизнь которых уже, может быть, связана с периодом 90-х годов, при сравнении этого сравнительно недавнего времени с переживаемой эпохой, могут легко убедиться в поразительном идеологическом контрасте этих периодов. В 90-е года материалистическое понимание истории, доктрина Маркса и Энгельса, с трудом пробивало себе дорогу, и нам, тогда еще молодым марксистам, приходилось встречать ожесточенное сопротивление как среди народнических групп, так и в лице того лево-радикального крыла русской интеллигенции, блестящим представителем которой являлся известный публицист Н. К. Михайловский.

В настоящее время вы можете, даже перелистывая буржуазную печать, легко убедиться, насколько сознание того, что все общественные отношения предопределяются материальным общественным базисом, игрой производственных сил, связанных с данным человеческим коллективом,—является общепринятым. Этому, конечно, в чрезвычайной степени содействовали кровавые и вместе с тем поучительные события той войны народов, которая только что прошла перед нашими глазами. Для всех мыслящих стало более или менее ясно, что в переплете событий, связанных с этой войной, в последнем счете, борьба за захват рынков, новый передел всего мира между двумя враждующими лагерями империалистских держав —являлись причиною причин. Империалистская война есть таким образом логическое следствие капиталистического способа производства, и поэтому она с такой же железной необходимостью должна была претвориться в решительную классовую, гражданскую войну, являющуюся единственным радикальным средством предотвращения такого рода мировых катастроф.

С этой точки зрения неизбежно должны были выкристаллизоваться в среде рабочих партий всего мира такие течения, которые с наибольшей логической последовательностью делают выводы из суровой практики переживаемого времени, и в этом — ключ понимания тех судеб, которые уготованы длительным историческим процессом для III Интернационала. Торжество его неминуемо уже по той простой причине, что его наиболее жизненным лозунгом является всесокрушающий лозунг: война войне.

Горький исторический опыт учит нас, что если, с одной стороны, над людьми тяготеет тяжкий закон добывания хлеба насущного в поте лица, то с еще бо́льшим трудом, с еще бо́льшими страданиями и лишениями связан решительный перелом в самых основах общественного производства, переход от одних форм общественных отношений к следующим очередным историческим формациям. Это сознание неустойчивости, критичности переживаемой эпохи является поистине мировым сознанием, и люди разных лагерей, в разных странах мира все яснее и яснее отдают себе отчет, что к старому пути заказаны, а новое должно быть завоевано еще тяжкой, неустанной борьбой. Материалистическое понимание истории должно, однако, облегчить эти муки родов нового гражданского общества, а если это так, то трудно переоценить то значение, которое может иметь для любой страны и любого народа сознательное вмешательство человеческого ума, знаний и мысли в переустройство тех отношений человека к природе и взаимоотношений работающих, которые и являются основным материальным базисом всего нашего бытия.

В нашем проекте электрификации мы сделали попытку суммирования основных хозяйственных итогов предшествующей экономики и пробовали выявить те тенденции этой экономики, которые, на наш взгляд, являются наиболее решающими в смысле подведения нового фундамента для взаимоотношений людей в трудовом процессе. Мы знаем, что эти новые отношения не могут предстать перед нами в совершенно небывалом, неожиданном виде, что ключи будущего приходится всегда искать в прошлом и что всякий новый общественный порядок, хотя бы и в зачаточном виде, следует искать в недрах его предшественника.

Технико-экономический анализ приводит нас к тому выводу, что расцвет буржуазного общества тесно связан или, вернее, обусловлен во всех своих основных чертах широким использованием парового хозяйства. Но с начала 90-х годов в это паровое хозяйство все более и более заметной струей вливается хозяйство на электрической основе и молодая наука электротехники делает такие блестящие завоевания, шагает с такой изумительной быстротой вперед, что безусловно является рекордной по своему всепроникающему хозяйственному значению. Я уже неоднократно отмечал, что проблемой проблем для нас является при любом хозяйственном плане решающая задача общего подъема производительности труда, и старался выяснить, каким образом электрификация, т.-е. переход к хозяйству на электрической базе трехсторонним путем, положительно влияет в этом направлении. Не буду повторяться и выяснять вам, каким образом электрический скелет хозяйства облегчает его общее упорядочение, подводит широкий фундамент механизации трудовых процессов и создает наиболее благоприятную производственную обстановку для интенсивного труда.

Но вот передо мною проект электрификации Англии на основах нового закона, изданного там в целях упорядочения электрического хозяйства в 1919 г. Мы видим, как в этой, наиболее консервативной в своем экономическом строительстве стране мысль о необходимости широкой электрификации пробивает себе ту же дорогу, какой идем и мы. Вся Англия делится на 13 хозяйственных округов, во главе каждого из округов, подлежащих электрификации по общегосударственному плану, назначается специальный комиссар по электрификации и для деятельности их дословно даются такие задания:

„Она должна пробудить интерес и воодушевление в широких общественных кругах к применению электричества, должна показать,

какую решающую роль должно играть электричество в будущих прогрессивных производственных отношениях, каким образом применение электричества и экономия в расходах угля идут рука об руку, какое громадное значение имеет использование водных сил, каким образом облегчает электричество возможность возникновения новых производственных ячеек по всей стране, как оно поддерживает земледелие, как удешевляет издержки по домашнему обиходу, увеличивает урожайность и лечит больных".

В этой, с нашей точки зрения, несколько примитивной характеристике все же отчетливо звучит ясное сознание громадного хозяйственного значения электрификации.

Закон об электрификации Англии в парламенте был значительно урезан в пользу ограничения полномочий правительственной власти, с расширением представительства капиталистических групп в тех 13-ти корпорациях, которые на местах должны быть опорным базисом для „комиссаров" по электричеству. Эти урезки первоначального проекта закона доставили немалое удовольствие немецкой электротехнической прессе, которая не перестает жаловаться на непомерную регламентацию закона о социализации электроснабжения Германии. Закон вошел в силу 31-го декабря 1919 г., но действия его могут сказаться лишь к концу нынешнего года. Этот законодательный акт не перестает подвергаться яростным атакам разнообразных представителей немецких электротрестов, и весьма вероятна опасность его дальнейшего искажения. Но по смыслу опубликованного акта государственная власть облекается следующими основными полномочиями:

1. К государству переходит обладание или право использования всех установок, служащих для передачи электрической энергии, напряжением от 50.000 вольт и свыше, служащих соединением нескольких силовых станций.

2. Ему же передаются в собственность, или на правах использования, электрические установки, служащие для выработки электрической энергии, установленная мощность машин которых равна или более 5.000 килоуатт, если таковые находятся ныне у частных собственников и не служат в преобладающей степени для собственных надобностей.

3. К государству переходят права частных предпринимателей на использование водной энергии в целях получения электрической работы мощностью от 5.000 килоуатт и свыше, в свою очередь не служащие исключительно для надобностей собственных производств; вместе с этими правами государство, за соответствующее вознаграждение, приобретает в собственность точно так же все те сооружения, которые были произведены в тех же целях.

Уже эти два примера наглядно показывают, что близок последний час капиталистического использования электрической энергии, вопрос только в сроках времени и в своеобразности тех путей, которыми та или иная страна завершит эту очередную историческую работу.

В интересном докладе небезызвестного секретаря германского союза электротехников, инж. Детмара, на тему „Следствия войны и революции для электротехники" автор показывает, что эта область промышленности, несмотря на всю хозяйственную разруху Германии, является особенно устойчивой и богатой видами на будущее.

Детмар подчеркивает, что нужда в угле, столь характерная для послевоенной Германии, чрезвычайно содействует широкой электрификации страны. Падение угледобычи, по его данным, может быть охарактеризовано такими грубыми цифрами: в 1913 г. добывалось около

190 милл. тонн; в 1918 г. — около 170 милл. тонн; в 1919 году — уже около 100 милл. тонн. Вместе с тем он отмечает и чрезвычайное качественное понижение добываемого угля (примерно, на 20 — 30% ниже довоенного) вследствие посторонних примесей и дурной сортировки.

Размышляя о будущих судьбах немецкой электротехники, Детмар говорит следующее: „Вследствие повышения заработной платы, вероятно многократно возрастет применение машин и увеличение всякого рода автоматических методов; но как раз именно в этой области электротехника является особо дееспособной. В области всяких транспортных сооружений и подъемников ручная работа многосторонне замещается электрическим приводом. Электрическая пайка, заменяющая прежнюю клепку, имеет громадную будущность. Телефоны, так сильно экономизирующие время и работу людей, вероятно, найдут себе самое широкое применение. Дороговизна домашних услуг открывает электричеству широкое поле действий в домашнем хозяйстве. Но в особенности благодарное поле деятельности найдет электротехника в области сельского хозяйства. Электрическая энергия, по сравнению с различными газовыми и паровыми установками и т. п., на долгое время будет в преимущественном положении, так как она сравнительно дешевле может быть предоставлена к использованию".

Борьба электрического освещения с газом, ацетиленом и керосином, вследствие продолжающегося вздорожания этих источников света, окончательно решена в пользу электричества. Одержав победу в трамвайном деле, электричество стоит накануне решительного вторжения в железнодорожное хозяйство дальнего следования. „Опасение, которое возбуждала электрическая тяга на железнодорожных линиях по военным соображениям, в настоящее время ослабло. Этому содействовала практика электрических железных дорог в северной Италии; в особенности важно то сбережение угля, которое получается при переходе на электрическую тягу. На американских дорогах установлено, что 3,2 кг. угля (на паровозе) соответствуют расходу одного килоуатт-часа электрической станции. По данным Вехмана, при полной электрификации немецких железных дорог, получилась бы экономия около 5 милл. тонн угля в год".

Усердно жалуясь на те опасности, которые, по мнению Детмара, грозят немецким электрическим станциям при их социализации, Детмар тем не менее находит: „С большой вероятностью можно принять, что присоединение абонентов к электрическим станциям в будущем будет чрезвычайно оживленно, ибо война с особенной очевидностью обнаружила большие преимущества центрального электроснабжения. В особенности, полагаю я, благоприятна будет судьба районных электрических станций, потому что не только сильно возрастет в будущем сельско-хозяйственное потребление электричества, но и промышленность неизбежно должна будет перераспределиться по стране. Я считаю вероятным, что со временем неизбежно сильная децентрализация промышленности; но такое движение будет возможно только постольку, поскольку районные электрические станции дадут возможность повсеместного дешевого сооружения производственных ячеек, нуждающихся в силовой энергии".

Отмечая, что в последнее время опыты с электрокультурой уже позволяют рассчитывать практически на использование этого нового фактора в борьбе с силами природы, Детмар вместе с тем предвидит на ближайшее время особенно широкое значение электрического привода в целях орошения. Он сообщает данные Бромбергской испытательной станции, которые наглядно показывают, каким образом урожайность

поднимается на 60 и более процентов. Проникновению электричества в немецкую деревню будет, по мнению Детмара, содействовать ликвидации дефицита тягового скота. Уменьшение числа лошадей в Германии за время войны, по данным этого автора, таково: с 4.520.000 голов в довоенное время до 3.760.000 голов к июню 1919 года. Немецкая статистика сельских кооперативов, созданных в целях электрификации, уже наглядно показывает ход с.-х. электрификации: на 1 января 1918 г. таких кооперативов было 1.283, а в 1919 году число их возрасло до 1 499, т.-е. в течение года возрасло на 18 %.

„Смягчению нужды в угле электротехника особенно будет содействовать вследствие того, что с ее помощью гораздо более, чем до сего времени, можно будет использовать водную энергию в Германии. Данные относительно располагаемой водной энергии колеблются чрезвычайно; кажется, что истинная мощность тех водных источников энергии, которые выгодно эксплоатировать, может быть оценена от 2 до 3 милл. лош. сил; из них около ½ милл. уже оборудованы, но еще не вполне использованы...

„Рядом с сильным использованием водной энергии придется обратить внимание на торфяные залежи Германии, которые способны возместить потерю наших угленосных площадей; точно так же, как предстоит поработать и вообще над использованием малокалорийных топливных материалов; выгодным образом это может произойти только электрическим путем. Точно так же важно обратить внимание на самое широкое использование всевозможных газов, получающихся при работе промышленности.

„Часто большие ожидания связываются с использованием силы ветра; хотя, конечно, в этом направлении еще многое может быть достигнуто, но я полагаю, что преувеличенным надеждам здесь не суждено сбыться. Результаты работы ветряных установок по практическому опыту сравнительно малы. На одной испытательной установке вблизи Дрездена с башни, высотою в 25 метров до центра ветровой турбины, при радиусе ее в 8 метр., в течение года было получено полезной энергии всего 10.000 к.-у. ч. Местоположение этой установки было не особенно благоприятно, так как перед ней находились возвышенности; тем не менее я полагаю, что внутри нашей страны в общем должны получиться те же результаты; более благоприятные условия будут на морском берегу. По датским данным, где уже в ходу находятся до 250 ветровых установок, самая наибольшая из них, снабженная 6-ю крыльями, в течение года отпускает всего 33.000 к.-у.-ч.".

Читая эти строки, невольно вспоминаешь аналогичные соображения, развитые нами в нашем проекте электрификации.

Профессор Биндер в своем докладе о необходимости целого ряда реформ в высших технических школах в связи с широким развитием электротехники, пишет следующие красноречивые строки: „Почти нет такой области в нашем многосторонне развитом хозяйстве, в котором электротехника не играла бы той или иной роли. Уже недалеко то время, когда все силовые источники страны будут связаны богато развитой сетью электропередач и электроснабжение станет доступным для каждого уголка. Наши нынешние экономические нужды принудительно действуют в этом направлении. Огромное число задач ставит также и здесь необходимость резких разграничений. С бо́льшей или меньшей определенностью можно выделить такие области работы: силовые установки и сети общего пользования для надобностей горной промышленности, для надобностей металлургических и прокатных заводов, для обработки дерева и металла, для электрохимической про-

мышленности, для железных дорог, для судов, для сельского хозяйства и т. д.".

Как известно, кризис топлива в Швеции, а также громадная наличность там источников водной энергии, имели своим следствием передовое положение этой страны в области электрификации. Особенно поучителен шведский пример в деле электрификации железных дорог. После тщательной проверки богато поставленных опытов шведское правительство решило провести полную электрификацию шведской железнодорожной сети. В первую очередь имеется в виду электрифицировать до 2.000 километров основных ж.-д. линий, для чего назначено 5 гидроэлектрических станций и две централи, которые будут работать на торфу. Шведские железнодорожники подсчитали, что оживленность ж.-д. сообщения за 15 лет, с 1905 года по 1920 год, возрасла, примерно, на 60 %. В этом расчете при стоимости угля в 16 крон за тонну, проект электрификации шведских железных дорог даст экономию по сравнению с паровозным хозяйством в течение года до 1½ милл. тонн угля.

Известный шведский инженер Даландер в своем докладе о перспективах электрификации шведских железных дорог пишет: „Использование водных источников для электрификации шведских железных дорог является одной из важнейших задач будущего... И если паровозные локомотивы технически и будут усовершенствоваться, то во всяком случае можно принять, что такой паровоз всегда будет хуже использовывать уголь, чем стационарная паровая установка. Паровозы обычно потребляют в 2—3 раза более угля, чем современные силовые станции. Доставка и распределение угля для паровозов при электрической тяге совершенно отпадает в том случае, когда опорой является гидроэлектрическая станция; таким образом ж.-д. колея предоставляется грузам другого полезного назначения. Введение электрической тяги на жел. дорогах дает возможность пускать в ход гораздо более тяжеловесные поезда и со значительно бо́льшей скоростью. Экономически это означает гораздо лучшее использование железных дорог как самых путей, так и их подвижного состава, и во многих случаях таким образом могут быть избегнуты затраты больших средств на переход от одноколейных дорог к двухколейным".

Мы видим, что опыт войны и по отношению к электрификации железных дорог только с еще бо́льшей наглядностью подтвердил наши соображения об исторической необходимости перехода к электрической тяге.

Попробуем остановиться теперь еще на одном вопросе, решение которого чрезвычайно важно для всей проблемы электрификации. Нам не приходится доказывать решающее значение топлива в экономике страны. Наша революционная действительность, к сожалению, слишком болезненно выявляет перед нашими глазами значение топливной проблемы. Не раз уже нам приходилось обращать внимание на топливный фронт и спешно мобилизоваться в этом направлении. Хищническое производство и потребление топлива, несомненно, является теми основными недугами, с которыми мы должны вести непрерывную и ожесточенную борьбу. Из всех двигателей, которые установлены на земном шаре, лишь 10—15 % приходится на долю гидравлических двигателей. Остальные же принадлежат к разряду тепловых двигателей, в которых работа производится за счет преобразования тепловой энергии топлива. Если мы вспомним, что в довоенной России из 5 миллиардов пудов условного топлива лишь ¼ падала на промышленность, ¼—на транспорт и целую половину брало население для отопления жилищ.

а варки пищи, то само собой напрашивается мысль, что получение топлива в его натуральной форме и есть тот решающий фактор, который предопределяет судьбу всего нашего хозяйства. Таким образом, как бы ни высоко мы ценили значение электрификации в деле добывания и израсходования топлива, не следует ли все же поставить в известном смысле теплотехнику над электротехникой? В нашей книге мы уже ставили этот вопрос и старались показать, почему такой взгляд был бы близоруким и каким образом, рассматривая динамические процессы народного хозяйства, мы должны будем притти к иным выводам.

В настоящее время мы имеем возможность проверить наши соображения интересными заметками на эту тему известного электротехника Штейнмеца. Его статья на тему о тех запасах природной энергии, которыми располагает Америка, настолько интересна, что мы позволим себе остановиться на ней с некоторой подробностью. Такими основными запасами является уголь, нефть, горючие газы и водяная энергия. Добывание угля в грубых цифрах выражалась в миллионах тонн таким образом: в 1852 г.—10, в 1882 г.—100, в 1918 г.—867. Среднюю калорийность американского угля можно принять в 7.000 калорий, и в таком случае химическая энергия, заключающаяся в тонне угля, соответствует, примерно, одному к.-у. году электрической работы. Принимая в расчёт, что половина угля идет для надобностей получения силовой энергии со средним коэффициентом полезного действия в 10%, а другая половина расходуется в различных формах для целей отопления, с средним коэффициентом полезного действия в 40%, найдем, что 867 милл. тонн ежегодной добычи угля соответствует электрической работе 217 милл. к.-у. в течение года. Эта цифра любопытна сама по себе, ибо она наглядно показывает, каким гигантским производственным механизмом располагает современная Америка. Отдавши себе ясный отчет в электрическом эквиваленте всей угледобычи, Штейнмец пробует высчитать, что могла бы получить Америка при совершенном использовании той водной энергии, которою она располагает. Для этой цели он подсчитывает, какое количество дождевых осадков выпадает на площади Соед. Штатов, и каковы те разности высот на той же площади, которыми обусловливается течение вод по направлению к морскому уровню. Выходит, что полное использование водной энергии в таком случае соответствовало бы 950 милл. к.-у. годов. Однако, отсюда надо вычесть всевозможные потери воды, расходы ее в сельском хозяйстве, и в таком случае окажется, что электрический эквивалент сводится к 380 милл. к.-у. годов. А так как гидравлическая энергия может быть превращена в электрическую приблизительно с 60% полезного действия, то в последнем счете при полном использовании своих водных источников, т.-е. если бы во всей Америке не только реки, но и все речки и ручьи были бы запряжены в электрическое ярмо, американцы смогли бы всего-на-всего получить около 230 милл. к.-у. действующей гидроэлектрической мощности.

Американское хозяйство находится еще в фазе резко восходящего движения, и тем не менее мы видим, что уже современная добыча угля в Америке, примерно, отдает то же количество энергии, которую американцы могли бы получить при самом совершенном использовании, доходящем до грани природных данных, всей водной энергии страны. Отсюда ясно, что истощение угольных запасов в далекой степени не может быть компенсировано в связи с масштабом грядущего американского хозяйства одной только гидроэлектрической энергией. Но отсюда вместе с тем и следует, что американцам приходится крайне бережно обращаться с запасами той драгоценной энер-

гии, которая находится в их углепосных площадях, и всеми силами форсировать свое гидроэлектрическое хозяйство, чтобы, по возможности застраховать себя от энергетического дефицита.

Размышляя на эту тему, Штейнмец приходит к тому выводу, что для последующих поколений придется, главным образом, обратить внимание на тот практически неиссякаемый источник энергии, который мы имеем в солнечном лучеиспускании. Он утверждает, что на квадратный сантиметр земной поверхности в течение минуты солнце посылает 1,4 калорий. При 50% облачности это соответствует уже получению для той же единицы 0,14 калорий в качестве средней годичной цифры. Так как поверхность Соед. Штатов может быть принята в 8,3 милл. кв. километров, то такое лучеиспускание соответствовало бы электрической мощности 800.000 милл. к.-у. Таким образом, в солнечной энергии мы имеем мощность, в 1000 раз превосходящую мощность всей химической энергии добываемого в Америке угля, и в 800 раз бóльшую, чем вся энергия, выпадающая в виде дождя. Штейнмец подсчитывает, что если бы возможно было использовать солнечную энергию на тех 2,7 милл. кв. километров площади Соед. Штатов, которая непригодна для непосредственных с.-х. надобностей, то при коэффициенте полезного использования солнечного лучеиспускания в 50%, мы могли бы получить 130.000 милл. к.-у., а при коэффициенте полезного действия всего только в 10%, мы все же получили бы 13.000 милл. к.-у., т.-е. значительно более, чем могут дать уголь и вода, взятые вместе

Поработать над этой гигантской задачей, однако, предстоит людям будущего. Наши задачи сводятся к тому, чтобы умело утилизировать прежде всего те достояния техники, которыми мы уже располагаем и которые еще в далекой степени не воплощены в практике жизни, несмотря на их явную доступность.

Возвращаясь к вопросу об использовании водной энергии, Штейнмец подчеркивает, что применение особых простых динамомашин, так называемых асинхронных генераторов, развертывает перед гидроэлектрическими станциями совершенно новые перспективы. Обычной формой использования водной энергии до сих пор были гидроэлектрические установки крупного масштаба, устраиваемые на больших перепадах вод. Такие установки являются весьма сложными и они явно не приспособлены для рационального использования мелких водных источников. На выручку и являются в таком случае асинхронные генераторы электрического тока, непосредственно связанные с водяными турбинами простейшего типа. Такие турбины могут длительно работать без всякой регулировки при полной нагрузке, а асинхронный генератор, связанный с ними, обыкновенно устраивается на низкое напряжение, трансформируемое затем специальным трансформатором, работающим на общую высоковольтную сеть.

Такого рода установки не требуют никакого специального служебного персонала и могут обходиться услугами одного сторожа. Необходимо только, чтобы в той сети, к которой они приключаются, работали обычные генераторы электрических станций так называемого синхронного типа, действием которых будет автоматически регулироваться выработка электрической энергии на малых гидроэлектрических станциях. Штейнмец думает, что, кроме того, работа асинхронных генераторов может оказаться полезной еще и с той стороны, что их сопряженное действие будет значительно ослаблять те недостатки электрического режима в широко разветвленных электропередачах, которые выявляются в излишних количествах так называемого безуаттного, холостого электрического тока.

Мы видим на этом примере, каким благодетельным фактором является прогресс электротехники для широкого использования водной энергии и как стройно могут работать в общий котел народного хозяйства при этих условиях и крупные и мелкие источники водной энергии.

Таким образом электрификация является единственным солидным базисом для действительного овладения стихией движущихся вод. В дальнейшем Штейнмец расширяет свой анализ и показывает, что аналогично тому обобщению, которое возможно при помощи электрификации по отношению к отдельным источникам водной энергии, можно наметить такой же ход развития и для рационального использования отдельных тепловых установок. В Соединенных Штатах ежегодно потребляется около 100 милл. тонн угля исключительно для надобностей нагревания. При этом в целях повышения коэффициента полезного действия приходится переходить к услугам пара все более и более высокого давления. Невольно при этом напрашивается мысль, что между паровым котлом, служащим для нагревательных целей, и теми аппаратами, куда поступает пар для их теплового обслуживания, было бы чрезвычайно полезно включать небольшие паровые турбины самого простейшего типа, связанные с асинхронными генераторами электрического тока совершенно так же, как это мы предполагали делать для мелких водных установок. Эти генераторы в свою очередь должны посылать энергию в общие электрические сети. Таким путем можно было бы чрезвычайно выравнять работу тепловых установок и в сильной степени форсировать общий коэффициент их полезного действия. Если бы при этом были поставлены турбины несовершенного образца, то, так как в данном случае они играли бы лишь роль промежуточного органа, их несовершенства не имели бы никакого значения в общем производственном итоге. Штейнмец делает ряд подсчетов, наглядно показывающих, насколько преступным является нынешнее тепловое хозяйство даже в такой стране, как Америка. При превращении химической энергии в электрическую мы теряем от 80% до 90% и многие миллионы тонн угля сжигаем таким образом, что попросту расточаем ту драгоценную энергию, которая в нем содержится. Допустим, например, что для целей получения силовой энергии нам требуется ежегодно 200 милл. тонн угля и что при 12% коэффициента полезного действия мы в результате такой операции получаем действующую мощность в размере 24 милл. килоуатт. По нашим общепроизводственным нуждам в таком случае пришлось бы затратить еще 200 милл. тонн угля специально для тепловых надобностей. Если бы вместо этого мы смогли использовать тепло отходящих газов на этих силовых станциях в достаточной степени рационально, то 240 милл. тонн угля было бы совершенно достаточно не только для того, чтобы получить всю необходимую механическую энергию, — даже и при понижении коэффициентов полезного действия до 10%, — но в нашем распоряжении для тепловых процессов по сути дела было бы 216 милл. тонн угля, т.-е. более чем достаточно, несмотря на то, что в общем и целом мы сберегали бы таким путем до 160 милл. тонн угля ежегодно.

Для ясности Штейнмец подходит к тому же выводу и с другой стороны. Обратим внимание на те 200 милл. тонн угля, которые мы сжигаем исключительно для тепловых надобностей. Если бы мы могли каким-нибудь образом при этом попутно извлекать во время такого сжигания присущую углю потенциальную энергию путем добавочных приспособлений хотя бы при 5% коэффициента полезного действия, мы могли бы получить 10 милл. килоуатт, при чем ввиду принятого

нами низкого коэффицента действие это должно было бы сопровождаться добавочным перерасходом угля всего в 10 милл. тонн. В настоящее же время самостоятельное получение 10 милл. киллоуат требует от нас затраты в 100 милл. тонн угля. Мы съэкономили бы таким образом 90 милл. тонн угля, но если бы даже это практически оказалось невозможным и если бы мы получали только $^1/_4$ или $^1/_{10}$ часть того, что намечается вышеприведенным расчетом, то и тогда это было бы колоссальным успехом в деле использования природных ресурсов энергии. Исходя из таких соображений, Штейнмец и делает тот основной вывод, который разом устанавливает надлежащее взаимоотношение между теплотехникой и электротехникой. Он утверждает, что решение проблемы угля следует искать не в теплотехническом усовершенствовании соответствующих машин, но путем электрического овладения и электрического сбóра той энергии, которую развивают наши тепловые установки. При 100 милл. тонн угля, которые ежегодно тратятся в Америке исключительно для тепловых надобностей, она могла бы получать до 60 миллиардов киллоуатт-часов в год электрической энергии, рассчитывая в среднем по 600 киллоуат-часов на тонну угля. Четвертая часть этой энергии уже более того, что дают нам гигантские силовые станции на Ниагаре, Чикаго, Нью-Иорке и в некоторых других крупных американских центрах, взятые вместе. Мы видим, что мнение такого авторитета, каким является Штейнмец, целиком совпадает с той позицией, которую мы заняли по вопросу о роли электрификации в общей энергетике страны.

Другим основным вопросом, который, по нашему мнению, играет столь же большую роль во всем процессе нашего народного хозяйства в его целом, является вопрос об отношениях города к деревне и о той служебной роли, которую может играть здесь электрификация. Мы настаивали на том, что этот вопрос особенно остро поставлен в такой стране отсталого крестьянства, какой является наша родина. Мы старались показать, каким образом стройный процесс электрификации города и деревни, совмещение сельско-хозяйственных нагрузок с нагрузками промышленности и транспорта, при твердой власти трудящихся, развертывают перед нами такие перспективы, которые, казалось бы, идут в явный разрез с тяжким наследием нашего прошлого. Мы позволили себе выставить то общее положение, что если, с одной стороны, железнодорожный паровой транспорт нанес первый удар патриархальной закоснелости русской деревни, то последний и решительный сдвиг она получит лишь тогда, когда на ее поля и нивы пойдут волны электрической энергии. В частности, мы отмечали, что чрезвычайно легкая дробимость электрической энергии дает возможность такого подхода к мелким разобщенным производителям, который сам по себе является чрезвычайно ценным для преобразования деревенских порядков.

В настоящее время в мартовском номере „Центрального Органа Союза Германских Электротехников“ мы имеем весьма интересные соображения на эту тему одного из самых крупных знатоков немецкого сельского хозяйства, инженера Кронс. Автор полагает, что ходячий термин „механизация земледелия“ в далекой степени не исчерпывает тех задач, которые стоят перед нами в этой области. Он разбивает их на следующие 9 категорий: 1) мелиорация и удобрение; 2) сельско-хозяйственные машины и сельско-хозяйственные постройки; 3) снабжение топливом и электрической энергией; 4) транспорт и средства общения; 5) утилизация сельско-хозяйственных рабочих для промышленных надобностей; 6) ремесленно-кустарная деятельность; 7) по-

вышение интенсивности сельско-хозяйственного труда; 8) расселение промышленности; 9) бытовая сельско-хозяйственная обстановка. По мнению Кроне, во всех этих областях электротехника призвана сыграть самую существенную роль. Напоминая, что существующие электрические станции обыкновенно использованы только на половину, Кроне указывает, что для похода в деревню Германия располагает уже значительным аппаратом. Придется только подумать о целесообразном приспособлении продуктов электропромышленности к специальным условиям деревенской жизни и о популяризации электротехники в сельско-хозяйственной среде. Обращаясь по пунктам к тем подразделениям, которые намечены выше, Кроне указывает, что, например, в области мелиорации на электротехнику приходится смотреть не как на средство получения парочки, другой подходящих насосов в целях орошения, а как на могучее орудие поддержки надлежащего водного режима в его целом. Связь электропромышленности с делом удобрения уже ясна из той роли, какую играет электричество в деле получения азотисто-кальциевых соединений. В области построения машин и в производстве сельско-хозяйственных построек вообще электротехнике предстоит проделать ту же дорогу, которую она имеет в своем прошлом в области промышленности в тех же самых сферах.

Снабжение энергией является исконной областью электротехники; здесь она вступает в конкуренцию с локомобилями и двигателями внутреннего сгорания. „Каждому должно быть отведено свое,— говорит Кроне,— и поэтому было бы одинаково неосторожным говорить крестьянам: „все на электрическом приводе“ или „все на двигателях внутреннего сгорания“... В область транспорта и в средства общения электричество вторгается самыми различными путями,— от электрических железных дорог до электромобилей и подъемников включительно, при чем Кроне подчеркивает, что роль телефона в сельско-хозяйственной жизни до сих пор еще, повидимому, является недооцененной. Опыты в Далеме показывают, какие надежды можно возлагать на электрокультуру. В области сельско-хозяйственной промышленности, кустарных промыслов, в использовании сельско-хозяйственного досуга и в изменении обстановки крестьянского быта электричество может играть поистине решающую роль. Изучая немецкую действительность, Кроне приходит к тому выводу, что Германия стоит накануне отлива городского населения в деревню и нового распределения промышленности по стране. Германия сороковых годов представляла из себя ряд сельско-хозяйственных общин, живших довольно самостоятельной жизнью. Лишь дальнейший прогресс паровой техники привел к решительному отливу сельского населения в города и промышленные местечки и поставил сельские коммуны в совершенно беспомощное состояние по удовлетворению себя самыми необходимыми продуктами житейского обихода. Только винокурни, сыроварни и некоторые немногие виды сельско-хозяйственной промышленности попрежнему базируются на сельские местности. „Но для того, чтобы лозунг „назад в деревню“ не оказался реакционным, надо создать,— говорит Кроне,— такие условия деревенской обстановки как бытовые, так и производственные, которые приближали бы ее во всех отношениях к уровню городской и промышленной жизни, что возможно сделать, очевидно, лишь при помощи широкой электрификации. Надо,— говорит Кроне,— из крестьянского населения сделать людей, довольных своей профессией, не только думающих о своих сельских колокольнях, но воодушевленных успехами в своей основной работе и готовых притти на помощь для блага целого“. Он подчеркивает, что электротехника отнюдь

не должна ограничиваться тем, чтобы, придя с электрическими проводами в ту или другую деревню, удовлетворять текущим надобностям современных сельских жителей; дело совсем не в том, чтобы присоединить к общей электрической сети некоторое количество мелких абонентов по испытанным образцам. Суть вопроса заключается в том чтобы сочетать с крупными формами производства энергии стройный план ее целесообразного использования бесчисленным количеством мелких производителей. Из области техники мы подходим таким путем к решению основных экономических проблем.

В этих заметках я в отдаленной степени не исчерпал того материала, который мы находим рассеянным на страницах иностранных технических журналов по вопросам об электрификации. Но и сказанного достаточно, чтобы видеть, насколько вопросы эти злободневны и насколько в этой области царит полная согласованность в конечных выводах вопреки превращения государств и наций в вооруженные лагери конкурирующих хищников. Это противоречие между не знающей родины научной истиной и захватом ее достояния рыцарями частной наживы будет изжито лишь при победе международного пролетариата.

В германской литературе встречается живописное выражение: „великие исторические события заранее отбрасывают свою тень". Грядущая победа мирового пролетариата отбросила не только „тень", но, можно сказать, могучим резцом сумела начертать себя на скрижалях российской действительности. Мы имеем в виду октябрьскую победу российского пролетариата, и в нашем докладе VIII съезду Советов мы старались показать, каким образом дело пролетариата в России связано с судьбами электрификации страны, и почему лишь при наличии такой победы оказался возможным широкий план электрификации. Отбросьте эту победу, забудьте о тех потенциях, которые она с собой несет,— и неизбежным результатом этого, логическим выводом будет закономерное признание России в качестве земледельческой и сырьевой колонии для капиталистических стран, опередивших ее в своем промышленном развитии. В таком случае и в области электрификации ей придется брести в хвосте западноевропейских государств, подбирать крохи с их господского стола. Наоборот, с закреплением пролетарской победы в России, с дальнейшим утверждением Советской власти, а следовательно, и с выявлением пролетарской воли в великом хозяйственном творчестве — перед нами Россия — молодой гигант, расправляющий свои могучие крылья вопреки всей тяжкой инерции прошлого.

Судьбы электрификации России целиком и безоговорочно связаны с судьбами российского пролетариата.

Г. Кржижановский.

От азота воздуха к азоту нервной и мышечной ткани.

I.

Известно, что пища является для человеческого организма источником энергии и способна поддерживать жизнь постольку, поскольку в ней, в виде веществ переваримых, отложен запас энергии, полученный от солнца теми растениями, которыми мы питаемся, или которые послужили предварительно пищей животным, мясо и молоко которых потребляется человеком; в этом смысле давнее и неопределенное представление наших предков о том, что люди—это „дети солнца" (или внуки Даждь-бога) получает некоторое реальное содержание.

Однако, в пище ценным является не только солнечная энергия, или в ней отложенное количество калорий, освобождаемых при ее сгорании в организме, она не только аналогична топливу, в ней есть еще незаменимые составные части, которые, при грубом сравнении, можно уподобить материалам, идущим на ремонт изнашивающихся частей механизма—это азотистые вещества, идущие на восстановление нервов и мышц; из азотистых белковых веществ состоит протоплазма всякой клетки, без них нет жизни; и если в пище будет недостаточно белков, то сколько бы ни ввести в организм жиров и углеводов, истощение будет неизбежным следствием нарушения „азотного равновесия", т.-е. перевеса распада белков в организме над приходом его в виде белковой пищи, ибо организм не может ниже известного предела сократить расход азотистых веществ, и если даже вовсе не давать белка в пище, все-таки через почки будут выделяться азотистые продукты обмена, образующиеся за счет распада собственного белка голодающего организма.

В годы оскудения всегда уменьшение количества пищи сопровождается и понижением качества ее, падением содержания как жиров, так и азотистых веществ в ней (для краткости говорят о понижении „калорийности" и „белковости" пищи, что стоит в связи с уменьшением потребления в пищу продуктов животноводства, которые богаче белками и жиром, чем растения).

Однако, животный организм ведь не может прибавить к потребляемой им растительной пище ни жиров, ни белков, он представляет из себя только аппарат расходования, аппарат разрушения, в отличие от растения, накопляющего калории, образующего белки и углеводы

и жиры за счет солнечной энергии и неорганических веществ; если организм животного богаче белками и жирами, чем растение, то только потому, что, тратя калории, сжигая много углеводов и белков в период роста или откорма, он отлагает малую часть веществ в своем теле (от 7 до 20% от суммы калорий в пище), и эта малая часть относительно обогащена белками и жирами (а значит—и калориями) ценой траты больших количеств растительных продуктов, богатых преимущественно углеводами. Таким образом животный организм является как бы конденсатором определенных групп веществ и значительных запасов энергии в небольшом, по сравнению с суммой съеденной пищи, объеме своего тела; но это—конденсатор дорогой, поэтому, когда количество растительных продуктов (в том числе зерна и картофеля) ограничено, откорм животных прекращается, вместе с тем понижается уровень и „белковости" и „калорийности" пищи; человек, жертвуя качеством, выигрывает в количестве пищи, исключая посредника—животное.

Однако, есть способы повысить количество белков и в растительной пище, правда, не до уровня животных продуктов, напр., мяса; но ведь мясо идет в пищу не одно, а в комбинации с хлебом, и вполне возможно поднять количество белков в растительной пище до уровня той смеси мяса и хлеба в известном соотношении, которое признается нормальным (оставляем временно в стороне более тонкий вопрос о качественной оценке разного вида белка с точки зрения человеческого питания).

Не вводя пока вопрос об особенностях питания разных растений, отметим, что растения, как правило, берут азот из почвы, и чем богаче азотом почва, тем и в растении его больше; плодородная почва не только дает более высокие урожаи зерна, но дает зерно, в котором больше азота, больше белков, чем при низких урожаях с почв, бедных азотом; так, содержание белков в зернах пшеницы может то падать до 10—12%, то подыматься до 18—20%, смотря по условиям питания и расе пшеницы; последняя норма уже отвечает содержанию белка в мясе, но, правда, она встречается не часто; однако колебания между 12 и 16% являются весьма обычными; зато в зернах масличных и бобовых, уже как правило, содержание белков не только не уступает содержанию его в мясе, но во многих случаях является еще более высоким (если сравнивать единицу веса рыночного товара, напр., фунт мяса и фунт гороха; при расчете на сухое вещество всегда продукты животного происхождения будут богаче белками, чем какие угодно части растений, идущих в пищу).

Для того чтобы лучше понять пути повышения азотистого питания растений, которые являются путями и к повышению и количества и качества („белковости") нашей пищи, остановимся на вопросе—откуда происходит азот почвы?

Те горные породы, из которых по охлаждении земной коры путем выветривания стали образовываться почвы, не могли дать будущим почвам азота, ибо сами его не содержали—он весь был в атмосфере в виде элементарного азота, ни с чем не связанного и инертного, неспособного питать тот зеленый растительный покров, без которого невозможна жизнь животных. Каким же образом была преодолена первичная инертность свободного азота, какой процесс мог связать его и превратить в соединения, могущие служить пищей растениям?

Прежде всего, таким фактором явился электрический разряд: молния, прорезая атмосферу, вызывает образование окислов азота дождь приносит их на землю—вот первые источники связанного азота

для возникающей растительности; в экваториальных областях, где грозы часты, этот процесс идет более энергично; но раз он начался, появились соединения азота с кислородом и водородом, ветры и дожди снабжают ими всю земную кору; эти количества не велики, они способны обеспечить только очень скудную растительность, но они суммируются из года в год; ибо одно поколение растений, отмирая, сменяется другим, и связанный азот, оставшийся в наследство от одной генерации, питает другую: благодаря бактериальным процессам азот белков, содержавшихся в отмерших растениях, переходит в конце концов в неорганические окисленные соединения и в почве образуется „соль земли"—селитра, служащая опять готовой азотистой пищей для новых поколений растений, а приносимое ежегодно с осадками количество азотистых соединений является плюсом; однако, накопление это имеет свои границы, которые определяются тем, что за известным пределом устанавливается равновесие между приходом (из атмосферы) и расходом азотистых соединений (нитратов) в почве—вымыванием в подпочвенные воды тех относительных излишков, которые не улавливаются по пути корнями растений.

Вмешательство человека вызывает нарушение этого равновесия и ведет к постепенному уменьшению количества азота в почве; известно, что на первых ступенях земледелия почву не удобряют; веками накоплявшийся запас азота в органическом веществе дает ежегодно под влиянием обработки и под влиянием микро-биологических процессов известный процент растворимой азотистой пищи, обеспечивающей урожаи, но после известного периода безвозвратное отчуждение взятого из почвы становится невозможным, ибо урожаи начинают падать; за стадией залежной системы настает период, когда плодородие стараются восстановить обработкой почвы в пару с внесением навоза, и это для известной стадии является крупным шагом вперед, на время задерживающим падение урожаев; в России район применения навозного удобрения до сих пор еще находится в стадии постепенного расширения, и на окраины юго-востока и Сибири волна эта еще не докатилась.

Однако, в старых центрах земледельческой культуры уже обнаруживается недостаточность этого решения вопроса, и, действительно, при обычной зерновой культуре этими приемами еще не достигается равновесие между приходом и расходом питательных веществ (в частности азота) в почве, ибо навоз не может вернуть почве того, чего он сам не содержит; а он не содержит азота хлебных зерен, азота мяса и молока, вывозимых из хозяйства в города, а как раз эти продукты богаты азотом, а возвращаемая почве (через навоз) солома бедна азотом; и если в начале господства трехпольной системы обилие лугов позволяет иметь для полей избытки навоза (и азота в нем) за счет почвы лугов, то постепенно с увеличением населения и с распахиваньем лугов неполнота возвращения почве азота с навозом проявляется более и более резко.

Кроме того, что при данном приеме нет еще окончательного решения вопроса о равновесии, есть и еще одна причина, принуждавшая население стран старой культуры не ограничиваться одним только названным способом возвращения азота почве; мы разумеем то возрастание спроса и цен на хлеб, параллельно с ростом населения, которое заставляет не ограничиваться только устранением падения урожаев, но вызывает и стремление к увеличению их.

Этот процесс поднятия урожаев во времени хорошо знаком Западной Европе; для нас, правда, эта задача является еще новой, наши

урожаи лет на 150 отстали от западно-европейских; не вдаваясь здесь в подробности, только ради иллюстрации этого процесса приведем следующие данные для Германии:

Средние урожаи пшеницы.

1770—1780 г.г.	1870—1780 г.г.	1895—1900 г.г.	1910—1913 г.г.
50 п.	90 п.	114 п.	140 п.

Цифра в 50 пудов отвечает современному уровню урожаев в России, Германия же почти утроила свои урожаи с времен Фридриха Великого.

Для достижения задачи поднятия урожаев, человечеству пришлось в конце-концов активно вмешаться в круговорот азота на земном шаре, использовавши для этого два фактора—действие электрического разряда и высоких температур с одной стороны и некоторые бактериальные процессы—с другой.

Но прежде чем стать окончательно на этот путь, оно проделало еще одну временную стадию—стадию использования тех немногих очагов природного скопления азотистых веществ, которые обязаны были своим возникновением своеобразному сочетанию местных условий—вековому процессу селитрообразования с последующим вымыванием и концентрацией стекающихся склонов растворов в долинах, в климате пустыни—мы разумеем залежи чилийской селитры; еще более преходящую роль играли залежи гуано, быстро исчерпанные; но селитра пока продолжает еще играть роль главного источника азота и потому заслуживает нашего внимания.

Достаточно уже одного взгляда на цифры по ввозу селитры в разные годы, чтобы получить представление о той жажде, с какой сельское хозяйство старой Европы стремится использовать имеющиеся еще резервы „земного азота" перед тем, как перейти окончательно на азот атмосферы в деле повышения азотистого питания тех растений, от урожая которых зависит существование человечества [1]):

Вывоз селитры из Чили:

1880— 1.360	тысяч	пудов	1900 — 80 010	тысяч	пудов
1885—27.000	»	»	1905— 93.930	»	»
1890—53.640	»	»	1910—134.440	»	»
1895—61.560	»	»	1913—161.400	»	»

Но сто шестьдесят миллионов пудов селитры еще не являются сами по себе итогом того, что достигнуто человеком в смысле использованья „земных" источников азота (точнее—азота, зафиксированного землей за счет атмосферы прежде, в отдаленные геологические периоды)—в странах с развитою промышленностью не меньшую роль начинает играть использование азота каменного угля, часть которого отщепляется в виде аммиака при процессе коксования; вот те количества азота, какие были использованы сельским хозяйством Германии (главной потребительницей азотистых удобрений) в виде двух конкурирующих между собой солей (в шестидесятипудовых тоннах):

	1900	1905	1910	1911	1912	1913
Азот селитры	53.000	53.500	81.300	70.300	78.545	74.697
» аммиачн. соли .	25.400	42.400	71.800	75,850	87.125	94.915

[1]) Для разных частей земного шара роль главного растения, дающего хлеб насущный человеку, принадлежит разным злаковым: в зап. Европе—пшенице, в восточной—ржи, в Азии—рису и просу, в Америке—кукурузе, в Африке—сорго. Австралия не знала хлебных злаков до прихода европейцев. Культура, конечно, отчасти стирает грани между районами потребления различных злаков.

Отсюда видно, что в Германии использование азота каменного угля, раньше игравшее второстепенную роль, перед войной не только достигло равного значения, но даже превзошло значение азота селитры; это было одним из приемов подготовления к войне со стороны Германии, которая ставила своей задачей по возможности эмансипироваться от зависимости от ввозной селитры и старалась обеспечить свои урожаи „отечественным" аммиаком; но так как другие страны в этом отношении еще не стали на путь Германии, то чилийская селитра сохраняла до войны свое первенство на земном шаре среди азотистых удобрений.

На ряду с этими самыми крупными источниками азотистой пищи растений в странах старой культуры используются по возможности все те отбросы органического происхождения, которые богаты азотом, преимущественно в виде белков, но которые почему-либо не пригодны в пищу; таковы отбросы животноводства (кровяная мука, роговая стружка, шерстяная пыль) и отбросы рыбного промысла; даже предлагалось трупы животных, павших от сибирской язвы, не зарывать в землю, чтобы не терять напрасно азотистых веществ, а обрабатывать их серной кислотой и превращать в азотисто-фосфорное удобрение.

Наибольшую роль из этих направлений может играть использование побочных продуктов рыболовного промысла, которое, кстати сказать, является способом возвращения почве вымытого из нее азота; растворимые в воде азотистые соединения (нитраты) отчасти уходят из почвы в подпочвенные воды, далее в воду рек и океана; в последнем замечается исчезновение нитратов—ими питаются водоросли, восстановляющие нитраты за счет солнечной энергии и образующие белки; водорослями питаются морские животные и человек, вылавливая рыб и ракообразных из моря, возвращает земле их все же ранее вымытые азотистые соединения. На этот путь давно вступила Япония, где не только рыбные туки играют большую роль, но где используются всевозможные несъедобные „frutti di mare" в качестве богатого азотом удобрения—морские звезды, голотурии, ракообразные—все идет для этой цели. В Европе Норвегия обладает заводами по изготовлению рыбного гуано (перерабатываются преимущественно сельди, поскольку их не успевают засолить в качестве пищевого материала). У нас же на Мурмане и на Каспие до сих пор эти отбросы почти не используются (также и на Черном море, когда бьют дельфинов; ничего, кроме жира, не используют).

Таким образом человечество начало с вмешательства в „малый круговорот азота на земле", как можно назвать обмен готовых азотистых соединений (нитратов, аммиака), между сушей, океаном и атмосферой, в отличие от „большого круговорота", в котором принимает участие и газообразный азот атмосферы, раньше считавшийся в этом отношении „мертвым", в старом буквальном смысле слова „азот".

Недостаточность работы в пределах малого круговорота азота почувствовалась около 20-ти лет тому назад.

Известный своими работами в области физики и химии Крукс выступил в 1898 году с статьей, встревожившей внимание не только агрономических и химических, но и более широких кругов, в которой он указывал на необходимость научной и технической работы по вопросам фабрикации азотистых удобрений.

Исходным пунктом для Крукса послужил подсчет прироста населения в культурных странах, в частности увеличение числа людей, питающихся пшеницей, переход к которой от ржаного и кукурузного питания

является спутником культуры; по Круксу ход кривой возрастания этой категории населения земного шара таков:

1871	1897	1930
371	516	746 миллионов

Так как потребление пшеницы в 1898 году достигало 52 милионов тонн, то для 1930 г. требуется по Круксу 77 милл. тонн. А так как именно культура пшеницы наиболее связана с применением азотистых удобрений, то Крукс указал на недостаточность чилийских залежей для удовлетворения будущего спроса на азотистые удобрения и на опасность грозящей перспективы перехода от пшеничного питания к ржаному что рассматривается как фактор понижения культуры.

В то время казалось, что чилийские залежи должны уже к 1925 г. быть исчерпанными; правда, исследования, предпринятые чилийским правительством, показали, что запасы эти больше, чем предполагалось первоначально, но все же они ограничены, и уже теперь замечается переход к использованию залежей с более низкопроцентным материалом (напр., 18%), чем тот, какой перерабатывался до сих пор; поэтому в основе предостережение Крукса было правильным.

Что касается другого источника азото-каменного угля, дающего при коксовании аммиак, то этот источник ограничен, так как производство аммиака не является самостоятельным; он получается только попутно с другими продуктами сухой перегонки, поэтому нельзя развить производство аммиака в той мере, как это требуется для нужд земледелия в Европе. В итоге все производство азотистых удобрений не может расти так быстро, как того требует спрос, пока оно ограничивается названными путями. Крукс указал, что исхода нужно искать все-таки в использовании громадного атмосферного океана, состоящего почти на $^4/_5$ из азота; мы обычно неправильно представляем себе воздух, как что-то слишком легкое для того, чтобы служить обильным материальным источником для того или иного производства, но простой подсчет показывает, что все то количество азота, которое содержится в 150 милл. пудов селитры, теперь добываемых, отвечает количеству азота в столбе атмосферы, имеющем основанием площадь только в 6 десятин земной поверхности; общий запас азота таким образом является практически безграничным.

Круксом же было указано, что в некоторых чисто-научных работах можно усмотреть указания на возможность технического решения задачи об использовании азота воздуха. Еще в 1783 году Кавендиш открыл, что электрическая искра вызывает образование в воздухе окиси азота. Это явление было использовано Буссенго для выяснения роли гроз в обогащении атмосферы. Через сто слишком лет (1892) Крукс показал в лондонском королевском обществе опыт сжигания азота с помощью электрической дуги высокого напряжения, при чем получается зеленоватое пламя, содержащее в определенной зоне наибольшее количество окислов азота. Этот метод „выжигания азота“ до конца (с введением избытка кислорода) был применен Рэлеем в его работе, приведшей к открытию аргона, и в данных Рэлея Крукс усмотрел основания для перехода к технической постановке вопроса о получении азотной кислоты за счет аргона и кислорода воздуха, с последующим участием воды. Именно в работе Рэлея относительно аргона было применено удаление азота путем сжигания его, при введении избытка кислорода, с помощью электрической искры. Оставалось найти только источник дешевой энергии—Крукс указал на Ниагару и другие водопады, не использованные еще промышленностью для иных целей.

На Ниагаре и была устроена первая фабрика азотной кислоты за счет азота воздуха на земном шаре, но настоящие промышленные размеры приняло это производство в Норвегии, благодаря работам профессора физики Биркеланда и инженера Эйде, нашедших стойкую форму электрической печи и сделавших подвижной (вибрирующей) вольтову дугу благодаря нахождению ее в электромагнитном поле (при переменном токе). Основной химический смысл производства „норвежской селитры“ таков: под влиянием вольтовой дуги образуется известное количество окиси азота (NO), однако ее содержание при температуре в 3200° достигает лишь 5%, от объема воздуха; выведенная из сферы действия дуги и охлажденная вдуванием избытка воздуха смесь предоставляется на некоторое время самой себе, при чем окись азота окисляется далее в двуокись (NO_2); далее смесь поступает в башни поглощения, где газы поглощаются водой, при чем получается смесь азотной и азотистой кислот; из них азотная хорошо удерживается водой *) и повторением операции поглощения получают 50% раствор азотной кислоты, который нейтрализуется известняком, получается раствор азотнокислого кальция, который после выпариванья воды и поступает на рынок под именем норвежской селитры. Кроме печи Биркеланда и Эйде имеются другие системы, как печь Мостицкого, печь Баденской фабрики, печь наших профессоров Горбова и Миткевича; но наиболее крупное производство в мире пока было осуществлено на печах Биркеланда в Норвегии (Notodden и Saaheim).

Автору пришлось посетить в 1912 г. эти заводы, расположенные в почти необитаемых раньше горных долинах, посещаемых лишь немногими туристами ради водопадов; в это время акционерной компанией, ведущей производство селитры, было заарендовано столько водопадов, что в сумме они должны были дать 1/2 миллиона лошадиных сил; кроме действовавших крупных заводов происходила постройка новых.

Тем не менее приходится воздержаться теперь от подробностей в описании этой новой отрасли промышленности и ее перспектив, потому что этот первый, хотя и блестящий шаг на новом пути не был последним, и теперь „норвежская селитра“ имеет уже опередивших ее конкурентов, которые заслуживают нашего преимущественного внимания.

Недостатком норвежского способа является то обстоятельство, что он требует очень больших количеств энергии, поэтому производство этого типа возможно лишь при дешевых источниках последней при наличности свободного „белого угля“; на черном же угле это производство уже не выгодно, поэтому страны, не обладающие резкими различиями рельефа при обилии осадков („es regnen Kilowattstunden“, говорят немцы о норвежских дождях) и при мало развитой в других отношениях промышленности не могут итти по пути Норвегии. Поэтому усилия химиков и техников были направлены в другую сторону; прежде всего это проявилось в Германии, как стране, поставившей себе задачу стать независимой и от Чили, и от Норвегии в деле фабрикации азотистых соединений за счет воздуха, столь насущных для нее во время мира и еще более необходимых в случае войны.

Раньше других развилось производство так называемого цианамида, при котором азот воздуха связывается не с кислородом, а с углеродом и водородом (или замещающим последний кальцием).

Предшествующими этому методу этапами нужно считать усовер-

---

[1]) Азотистая кислота возвращается в окислительные башни, так что в конце концов все переходит в азотную кислоту.

шенствование способов получения углеродистых металлов (напр., карбида кальция) в электрической печи (Maissan) и установление способности карбидов при высоких температурах непосредственно присоединять азот воздуха с образованием цианистых соединений (или близкого к ним циан-амида).

Карбид кальция получается нагреванием в электрической печи углекислого кальция, при чем уголь отнимает кислород от последнего, давая окись углерода с одной стороны и карбид—с другой; если затем пропускать через нагретый до 800° карбид чистый азот (для чего берут воздух и удаляют из него кислород), то, как показали Frank и Caro, азот связывается и получается циан-амид (точнее кальциево производное циан-амида); последняя реакция [1]) идет с выделением тепла, поэтому дальнейшего расхода топлива не требуется. В сумме на единицу связанного азота здесь требуется в 4 или 5 раз меньше энергии, чем в случае норвежской селитры, поэтому производство возможно вести на каменном угле.

Кроме Германии, в которой основалось акционерное общество для производства циан-амида, соответственные заводы возникли в Италии (Piano d'Orta), в Норвегии (Odda); в Германии производство циан-амида еще до войны достигло 6 миллионов пудов, за время же войны построены были заводы, могущие давать 36 милл. пудов цианамида в год. При всех выгодах со стороны учета энергии, циан-амид имеет свои неприятные стороны при применении в качестве удобрения: он сам не является питательным для растения веществом, он только в почве распадается с образованием аммиака; поэтому его нужно применять заблаговременно (недели за 2 до посева), иначе им можно отравить растения; обращение с ним неприятно для рабочих—он пылит, и вдыхание этой пыли (при неумелом обращении, при плохой укупорке, отсутствии соответственного инвентаря для распределения) может быть вредным для здоровья; словом, сельские хозяева предпочитают иметь дело с селитрой и аммиачными солями, чем с циан-амидом.

Однако, возможен переход к аммиаку от циан-амида—при нагревании с парами воды он нацело отдает свой азот в виде аммиака *)

$$CaCN_2 + 3\,H_2O = 2\,NH_3 + CaCO_3$$

поэтому возможно выпускать в продажу аммиачные соли, приготовленные из циан-амида, и все-таки они будут обходиться дешевле норвежской селитры. Германия во время войны даже готовила азотную кислоту, переходя к ней от циан-амида через аммиак, и все же это было выгоднее норвежского способа.

Во время войны производство циан-амида в Германии развилось и удешевилось; так, вместо того, чтобы получать чистый азот для пропускания в карбид путем специального устройства для поглощения кислорода из воздуха (пропускание последнего через медные стружки при нагревании) стали пользоваться тем попутным процессом потребления кислорода, какое происходит в каждой печи; при более совершенных устройствах отходящие топочные газы состоят, главным образом, из азота и углекислоты [2]); если пропустить эти газы через

---

[1]) $CaC_2 + N_2 = CaCN_2 + C$.

[2]) На деле в них содержится еще небольшой процент кислорода и окиси углерода; от этих остатков освобождаются пропусканием генераторных газов через нагретую смесь окиси меди и металлической меди.

Углекислота, поглощаемая водой, находит применение при фабрикации углекислого аммиака и синтетической мочевины, являющейся превосходным азотным удобрением (в ней 46% азота, т.-е. втрое более, чем в чилийской селитре).

воду под давлением, то углекислота поглощается, а азот остается и идет в печь с карбидом, где и связывается с образованием циан-амида.

Но прогресс техники не остановился на циан-амиде,—появились иные методы, среди них наметился один процесс, требующий еще меньше энергии, чем синтез циан-амида, дающий аммиак непосредственно из азота и водорода; этот способ был разработан также в Германии Габером.

Исходя из того, что аммиак при высоких температурах распадается на азот и водород, стали изучать условия обратного хода реакции—синтеза аммиака из составляющих его элементарных газов. Оказалось, что небольшой процент азота и водорода вступает в соединение с образованием аммиака, если работать при повышенном давлении и определенной температуре; этот процент может быть повышен в присутствии определенных веществ (катализаторов), способствующих синтезу аммиака.

Если по установлении равновесия поглотить аммиак серной кислотой (а при высоких давлениях — просто водой при охлаждении) и возвратить остальную смесь в прежнюю обстановку, то в ней вновь образуется известное количество аммиака; таким образом, заставляя смесь азота и водорода то проходить через катализатор (при повышенной температуре и давлении), то через поглощающую среду (при низкой t°), можно непрерывно готовить аммиак в больших количествах, несмотря на то, что в реагирующей смеси его количество никогда не превосходит небольшого процента.

Такова сущность способа Haber'а, теперь являющегося победителем и над норвежской селитрой, и над циан-амидом; но в технике пришлось преодолеть громадные трудности, прежде чем производство могло быть поставлено в крупном масштабе (а только при крупном масштабе и большом техническом совершенстве сказываются все выгоды этого способа).

Здесь требуются очень совершенные материалы, способные выносить большие давления при высокой температуре; требуется большая осторожность и точность в работе, чтобы избежать взрывов. Газы, вступающие в реакцию, должны быть чрезвычайно тщательно очищены от некоторых веществ, мешающих ходу реакции; нельзя, например, сушить газы обычным способом, пропуская их через крепкую серную кислоту, ибо ничтожная примесь соединения серы уже парализует действие контактной массы („отравляет" катализатор). Поиски веществ, ускоряющих ход реакции (катализаторов), тоже были делом нелегким; так, весьма энергичным катализатором реакции синтеза аммиака из элементов оказался осмий; но это слишком дорогой материал—осмия на всем земном шаре имеется что-то около 6 пудов; поэтому найдены были способы получения более дешевых смесей (восстановленное железо с цирконом, молибденом, при условии очень большой поверхности). Далее, пришлось выработать удешевленные способы получения азота и водорода; вместо дорогого электролитического способа стали получать водород из „водяного газа", т.-е. той смеси газов, которая получается при действии паров воды на раскаленный уголь. В конце концов пришли к такому приему: в раскаленную массу угля вдувается смесь воздуха и паров воды; вода разлагается, давая водород и окись углерода; кроме того образуется углекислота и остается неизмененным азот воздуха; углекислоту легко удалить, как выше было сказано, а окись углерода заставляют реагировать с новым количеством паров воды (при участии особого катализатора), чтобы получить смесь водорода и углекислоты; после окончательного удаления углекислоты полу-

чают смесь азота и водорода в той пропорции, какая нужна для синтеза аммиака; после очищения эта смесь прямо направляется в печь Haber'а, где и происходит образование аммиака.

Способ Haber'а сыграл важную роль для Германии во время войны. Когда начиналась блокада, союзники рассчитывали скорее ослабить Германию „азотным", чем хлебным голодом: во время войны вся селитра (и весь аммиак, обращенный в азотную кислоту) идут на военные нужды — все взрывчатые вещества готовятся с помощью азотной кислоты, и казалось, что Германия, отрезанная от Чили и от Норвегии, оставшись только с азотом из каменного угля и циан-амида, не будет в состоянии долго обороняться,— считали, что она будет вынуждена капитулировать из-за недостатка взрывчатых веществ в феврале 1915 г.; но когда Германия не только крупно усилила и усовершенствовала циан-амидное производство, но создала еще более продуктивную отрасль, использовавши способ Haber'а, то все соотношение изменилось, и оказалось, что „азотный голод" для Германии не страшен; вот размеры производства и потребления азотистых продуктов до войны и в 1918 году:

До войны:

Производилось в Германии:
27 милл. пудов сернокислого аммиака.
6 милл. пудов циан-амида.

Ввозилось из Чили:
43 миллиона пудов селитры.

Всего 76 милл. пудов.

Созданные к 1918 году установки позволяли Германии производить:

Синтетического аммиака	60	миллионов пудов.
Циан-амида	36	„ „
Сернокислого аммония .	36	„ „

Всего 132 миллиона пудов.

В сумме Германия получила возможность создавать почти вдвое больше азотистых продуктов, да еще и по более дешевой цене, чем это было до войны при свободном ввозе из Чили. Правда, угольный кризис после войны не позволил Германии использовать в полной мере свои заводы (они работали в 1920 г. лишь в половину своей производительности); при достаточном же снабжении заводов углем Германия может не только удовлетворять сполна свои потребности в азотистых удобрениях, но еще работать и для вывоза, конкурируя с Чили и Норвегией.

Итак, воздушный океан в начале XX-го столетия оказался покоренным почти одновременно в двух отношениях, в механическом и химическом: успехи авиации и успехи азотной промышленности пришлись на близкие периоды. Вопрос об источнике азота для нужд земледелия решен, наиболее совершенный путь дан Heler'ом; не исключается возможность и дальнейших усовершенствований в этой области.

Однако описанные индустриальные пути доступны лишь странам с высокоразвитой промышленностью, с интенсивным земледелием, хорошо оплачивающим все затраты, направленные к получению урожаев, втрое более высоких, чем наши.

Как же быть странам с экстенсивным земледелием, низкими урожаями, слабо развитой промышленностью? И если 150 лет отделяют

'ерманию от того времени, когда она имела урожаи нашего уровня, го не придется ли нам ждать 150 лет для достижения тех же резуль- ıатов?

К счастью, это не так, хотя уже по тому одному, что книга при- роды теперь нам гораздо более понятна, чем прежде, выбор путей, ıедущих к известной цели, стал гораздо шире; и в деле использования ıзота воздуха, кроме путей технических, основанных на применении больших напряжений, высоких температур и давлений, есть иные пути, ·сть процессы, идущие в живой клетке, в плазме некоторых бактерий и приводящие к той же цели; правда, они протекают не столь энер- ·ично, для заводской промышленности они не годятся, но зато они ıодходят для непосредственного использования сельского хозяйства, ıривыкшим раскидывать улавливающие энергию живые аппараты на большую площадь; это тип экстенсивный, кустарный, но зато он не ·ребует ни черного, ни белого угля, синтез происходит за счет непо- :редственно притекающей солнечной энергии, улавливаемой зеленым ıистом, на том самом поле, почва которого нуждается в связанном ıзоте; и ни одна страна в Европе не располагает такой возможностью ıспользовать непосредственно притекающую солнечную энергию для ıовышения на-ряду с количеством калорий в пище еще и количество ıзотистых и составных частей за счет азота воздуха, как Россия, бла- одаря тому, что наши севообороты еще совсем „не уплотнены“, и мы ıасполагаем громадной площадью незанятых паровых полей, на кото- ıых возможна культура азотособирателей без сокращения площади ·од хлебами.

Подробнее на этих биологических путях, наиболее важных для ıашей крестьянской страны, мы рассчитываем остановиться в другой ıаз.

Д. Прянишников.

Принцип относительности.

(О теории Эйнштейна).

Доклад, прочитанный на собрании Научной Ассоциации Коммунистического Университета имени Я. М. Свердлова 22 мая 1921 г.

Без всякого преувеличения можно сказать, что никогда еще за все время существования нашей науки ни одна из ее текущих задач, ни одна теория не привлекала к себе такого внимания, как теория относительности, разработанная Альбертом Эйнштейном; в наши дни об этой теории заговорили решительно везде; ею заинтерессовались люди, стоящие совершенно в стороне от научной жизни и, быть может, до настоящего момента остававшиеся совершенно равнодушными к текущим задачам такой науки, как физика. Это тем более удивительно, что опять-таки на всем протяжении нескольких столетий трудно найти научный вопрос более „академического" характера, более оторванный от жизни и ее насущных задач, чем этот новый принцип, получивший сейчас такую широкую известность. К тому же он крайне трудно поддается общедоступному изложению, в кратком пересказе его часто совершенно искажают—почти до неузнаваемости, а во всей своей полноте он доступен далеко не всем даже хорошо подготовленным специалистам, так как его усвоение требует напряженной работы хорошего математика, в течение нескольких недель и при условии десятичасового рабочего дня!

Несмотря, однако, на все эти особенности, вокруг принципа относительности загорается страстная борьба, приобретающая отчетливо политическую окраску; в этой борьбе причудливым образом переплетаются самые противоположные течения, начиная от грубо элементарных, вытекающих из непосредственного чувства и кончая утонченно философскими. В прошлом году Эйнштейн решительно стал на сторону революции, а по имеющимся теперь сведениям, он даже формально вступил в коммунистическую партию, и это обстоятельство сразу охладило восторги некоторых из его „аполитичных" поклонников; по этому же поводу вспомнили как в Германии, так и у нас в России, что Эйнштейн—еврей; в Германии на этой почве была организована даже форменная травля знаменитого ученого поднявшими голову антисемитами. С другой стороны, вся германская коммунистическая печать с восторгом распространяет новые идеи, приветствуя вместе с тем и и смелого автора, решительно порвавшего с академическими традициями и присоединившегося к борющемуся рабочему классу.

Но все это вполне понятная чисто внешняя сторона дела. Если же вникнуть глубже в теорию Эйнштейна и в особенности в ее философские следствия, которые пытается вывести отчасти и сам автор, а в еще более сильной степени его часто не в меру ревностные поклонники и последователи, то мы сейчас же почувствуем, что мы—в области чистой идеалистической философии. Философские взгляды самого Эйнштейна во многом диаметрально противоположны материалистической философии марксизма. И не по этой ли причине наиболее дальновидные представители новой русской эмиграции в фельетонах своих контр-революционных газет с восторгом отзываются о величайшей революции в науке, проявляя тем самым какую-то непонятную, даже трогательную привязанность к... революции! Правда, в области такой безопасной науки, как физика!

Постараемся выяснить себе если не самый принцип относительности, что сделать в небольшой статье, по указанным уже причинам, очень трудно, то по крайней мере те основные задачи, которые он себе ставит и решает. Постараемся возможно более отчетливо себе представить, о чем собственно в этом принципе идет речь. Для этого необходимо прежде всего познакомиться с теми фактами, которые послужили основой всему этому учению; оно возникло на почве истолкования некоторых световых явлений. Мы начнем наш обзор с явления аберрации света и его истолкования.

Представим себе человека, стоящего под раскрытым зонтиком, который он держит над своей головой; пусть при полном отсутствии ветра идет дождь. Если стоящий под зонтом человек пойдет быстрыми шагами в какую-либо сторону, продолжая держать по-прежнему над собой зонт, то по мере того, как он будет прибавлять ход, капли дождя будут падать ему сначала на ноги, потом на руки, грудь и, наконец, начнут захлестывать в лицо. Чтобы при быстром ходе и при отсутствии ветра защититься от дождя, ему придется нагнуть зонтик вперед—в ту сторону, куда он сам идет. То же самое делает астроном, когда он наблюдает звезду, лучи от которой идут почти перпендикулярно к плоскости эклиптики, т.-е. к той плоскости, в которой движется земля вокруг солнца или, что то же самое, в которой лежит видимый на небе путь солнца между звездами. Вследствие того, что земля движется по замкнутой орбите, направление ее движения непрерывно изменяется, и астрономическую трубу придется наклонять в разные стороны (этот наклон ничтожен по величине, но может быть вполне точно измерен). Точно так же, если итти в дождь под зонтом и менять направление своего движения, придется для защиты от дождя столько же раз менять направление наклона зонта и притом так, чтобы он всегда был наклонен в сторону движения. Как объясняются эти явления аберрации или кажущегося изменения в направлении движения капель дождя и лучей света? Для дождя объяснение очень простое. Если центр зонта у нас над головой и если за то время пока капля, пролетевшая мимо края зонта падает до уровня, где находится, скажем, кончик нашего носа, мы сами успеем пройти расстояние, равное расстоянию от средины зонта до его края, то мы как раз успеем кончиком своего носа перехватить эту падающую каплю. Нам будет казаться, что дождь косой, что капли от края зонтика бьют в лицо, и поэтому мы инстинктивно наклоняем зонт вперед. Самое для нас существенное в этом объяснении состоит в том, что **движение капли не зависит от движения идущего под зонтом человека**: капля падает совершенно независимо от движения человека, его движение определяет только, в каком месте ее пути он ее перехватит. Это указывает, что

и в астрономической трубе волны света, идущие от звезды, продолжают двигаться в трубе так, как будто бы труба вместе с земным шаром не двигалась; т.-е. та среда, тот эфир, в котором бегут волны света, не увлекается движением земли и находящейся на ней астрономической трубы. Это на первый взгляд кажется очень странным. Но если мы станем на современную точку зрения электронной теории, то мы должны будем иметь в виду, что атомы построены из маленьких ядер, заряженных положительным электричеством, и электронов, заряженных отрицательно и вращающихся по замкнутым орбитам вокруг ядра, образуя одно или несколько колец (как у планеты Сатурн). Размеры этих частиц очень малы по сравнению с размерами орбит. Если мы представим себе размеры электронов и ядра атома увеличенными до размеров горошин, то наружное кольцо электронов, определяющее размеры атома, должно иметь размеры московского трамвайного кольца А или Б!

Следовательно, если материя именно так построена, то любое материальное тело можно уподобить решету с очень большими отверстиями и очень тонкими переплетами. Как бы то ни было, за то, что эфир не увлекается движением земли, а также движущимися на поверхности земли телами, говорит не только явление аберрации света, но также и целый ряд других опытов, в числе которых необходимо упомянуть классические исследования проф. А. А. Эйхенвальда[1]), выполненные у нас в Москве. Но если эфир действительно не увлекается движением земли, то для нас открывается возможность, измеряя скорость света по разным направлениям вдоль поверхности земли, определить скорость ее движения по отношению к неувлекаемому ею эфиру. А так как мы и без того хорошо знаем скорость движения земли вокруг солнца, то, вычитая эту известную нам скорость, из той, которую мы получим на основании указанных измерений скорости света, мы по разности можем получить скорость движения солнечной системы среди звезд[2])!. Чтобы выяснить, в чем здесь дело, разберем следующий простой случай. Пусть на платформе какой-либо железнодорожной станции стоит наблюдатель и следит за полетом галки, летящей вдоль платформы. Положим, этот наблюдатель при помощи каких-либо меток (деревьев, мимо которых пролетает галка) и часов или секундомера определил скорость ее полета в v сантиметров в секунду. Теперь предположим, что полет галки наблюдают из окон железнодорожного поезда движущегося в ту же сторону, что и галка, но с меньшей скоростью — w сантиметров в секунду. Пусть наблюдатель отмечает по часам, когда

---

[1]) А. А. Эйхенвальд, «О магнитном действии тел, движущихся в электростатическом поле», Москва 1904, Университетская типография.

[2]) Во многих статьях и часто очень серьезных, написанных выдающимися учеными, можно встретить следующее: попытки определить скорость земли по отношению к эфиру этими авторами признаются бесплодной погоней философски необразованных физиков за абсолютным движением, так как движение по отношению к эфиру, по мнению философов, есть уже не относительное, а самое настоящее непостижимое для человеческого ума абсолютное движение! Между тем, дело гораздо проще: опыты указывают, что эфир, в котором мы легко можем возбудить колебательные движения,— свет, волны радиотелеграфа, лучи Рентгена и проч.,—не увлекается поступательным движением земли или, например, вращающимися дисками, с которыми производил свои опыты Эйхенвальд. Поспешное заключение, что весь необъятный океан эфира абсолютно неподвижен и что, следовательно, всякое движение по отношению к нему есть движение абсолютное, характеризует в гораздо большей степени полет мысли философа, чем, может быть, более тяжеловесное, но осторожное мышление экспериментатора, не любящего говорить о том, чего он не знает. Действительно, ни один физик не возьмется утверждать, что если ему не удалось сдвинуть с места эфир, значит и вообще эфир не может двигаться и не двигается.

галка поравняется с первым окном вагона и с последним; зная расстояние, то-есть длину вагона, и время пролета этого расстояния, наблюдатель определит скорость галки по отношению к поезду. Ясно, что эта скорость будет меньше v и будет равняться разности: $u = v - w$ сантиметров в секунду. Чтобы устранить всякие недоразумения, выясним подробнее, как получается этот результат. Относительное движение каких-либо двух тел не может измениться, если мы этим двум телам сообщим одновременно одну и ту же скорость в одном и том же направлении. Прибавим к поезду, галке и воздуху, в котором она движется, скорость, равную и противоположную скорости поезда; тогда общая скорость поезда будет $w - w = 0$, т.-е. поезд можно считать остановившимся, а скорость галки будет $u = v - w$, но ее скорость по отношению к поезду не изменилась от прибавления к ней и поезду одной и той же скорости, а скорость поезда $= 0$, следовательно, $u = v - w$ и есть искомая скорость. Если галка летит навстречу поезду, то ее скорость относительно поезда будет, как нетрудно сообразить, рассуждая таким же образом, $u_1 = v + w$.

Так как свет движется в эфире, который не увлекается земным шаром, то, когда мы определяем скорость света на поверхности земли, мы решаем по существу ту же задачу, что и пассажир, определяющий скорость полета галки. Чтобы определить по скорости света скорость движения земли по отношению к эфиру, надо было бы поступать следующим образом. Прежде всего в данном месте земного шара в данный момент надо определить направление, совпадающее с направлением скорости земного шара; это астроном может сделать без труда. Затем надо измерить промежуток времени, который требует свет, чтобы пройти какое-либо определенное расстояние, скажем три километра п о н а п р а в л е н и ю д в и ж е н и я з е м л и и в о б р а т н у ю с т о р о н у. Так как скорость света равняется 300.000 километров в секунду, а скорость земли вокруг солнца 30 километров в секунду, то промежутки времени числа секунд, требуемые для прохождения 3 километров туда и обратно, выразятся соответственно: $\frac{3}{300000-30}$ и $\frac{3}{300000+30}$ или в общем виде: $\frac{L}{c-v}$ и $\frac{L}{c+v}$, где L расстояние, проходимое светом, c — скорость света в эфире и v — скорость земли.

Простая арифметика, однако, показывает, что вследствие громадной скорости света опыт даже на протяжении трех километров потребовал бы измерения по меньшей мере десяти и стомиллионных долей секунды и притом опыт надо было бы ставить так: из одного пункта посылается сигнал и замечается время с точностью до стомиллионной доли секунды, а на расстоянии 3 километров этот сигнал принимается с такой же точностью! Затем оба пункта обмениваются ролями. При теперешних наших технических средствах осуществить такой опыт, по крайней мере до сих пор, не удалось. Во всех наших методах определения скорости света пользовались лучом света, прошедший два раза одно и то же расстояние: туда и назад. Например, луч света, отразившийся от вращающегося зеркала и прошедший некоторый путь до другого зеркала туда и назад, застает вращающееся зеркало в другом положении и отражается по измененному направлению (метод Фуко). Но при этом, как нетрудно убедиться, влияние движения земли и наблюдателя с его приборами в значительной степени исключается: на пути луча в одну сторону движение земли вызывает его запаздывание, в противоположном направлении получается упреждение. Однако, Май-

кельсону удалось придумать такое расположение опыта, при котором **влияние движения земли можно было бы обнаружить, хотя и в значительно ослабленном виде.** Схема его замечательного опыта, на котором и основывается принцип относительности, состоит в следующем. Луч света, выходя из источника света S (рис. 1*a*), разделяется на два на поверхности стеклянной, слегка посеребренной пластинки AB. Часть света проходит до зеркала D, возвращается обратно и, отразившись от AB, попадает в трубу T. Луч (2), отразившийся от AB, отражается еще раз от C и, пройдя через AB, попадает в ту же трубу T. Если мы отвлечемся от движения земли, то оба луча при равенстве длин (1) и (2), т.-е. aC и aD употребят одинаковое время, чтобы попасть в трубу T. Пусть свет — одноцветный (монохроматический), имеющий строго определенную длину волны; тогда, в центре поля зрения трубы, волны, прошедшие одинаковые пути aC и aD, придут в одинаковой, как говорят, фазе, т.-е. долина одной волны придет одновременно с долиной другой, и гребень одной волны встретится также с гребнем другой волны: оба луча будут усиливать друг друга, и мы увидим в центре светлое пятно. Если же какое-либо из расстояний aC или Da будет больше другого на $^1/_4$ длины волны (или на нечетное число четвертей длины волны), то путь, считая в оба конца соответствующего луча, удлинится на половину (или нечетное число половин длины волны). Тогда долина одной волны будет совпадать с гребнем другой и, наоборот, в центре поля зрения будет темное пятно. Вообще говоря, в поле зрения трубы будут видны чередующиеся кольца светлые и темные с светлым или темным центром, смотря по разности путей aC и Da, как только, что было объяснено. Предположим теперь, что расстояния aD и aC одинаковы, но Da направлено по направлению скорости движения земли v. При этих условиях время, потребное свету, чтобы пройти расстояние L в оба конца, выразится так же, как в рассмотренной задаче о летящей галке и поезде: $t_1 = \frac{L}{c-v} + \frac{L}{c+v}$, и этот промежуток времени, оказывается, будет больше промежутка t_2, который требуется свету, чтобы пройти путь aC и обратно в направлении, перпендикулярном скорости земли. В самом деле, так как свет идет в эфире, который не увлекается землей и прибором Майкельсона (интерферометр), то фактически луч света должен пройти путь $aC'a''$ (см. фиг. 1*b*). Здесь ход лучей можно уподобить направлению движения человека, перебегающего из одного медленно идущего поезда в другой, идущий с той же скоростью по параллельному пути: чтобы попасть из вагона AB в вагон, находящийся напротив в C, придется в расчете на движение поездов перебегать по неучаствующей в движении земле не по направлению aC а по aC' и то же самое сделать на обратном пути. Элементарный расчет показывает, что запаздывание луча (1) по сравнению с лучом (2) $t_1 - t_2 = \frac{L}{c}\left(\frac{v}{c}\right)^2$. Итак, один из лучей все-таки опаздывает, правда, на очень малую величину. Что запаздывание — величина малая, показывает простой арифметический подсчет: если длина L в приборе Майкельсона будет равна 1 метру, то $\frac{L}{c} = \frac{1}{300000}$ доли секунды, а эту долю надо еще умножить на $\left(\frac{v}{c}\right)^2$, т.-е. на $\left(\frac{30}{300000}\right)^2$! Тем не менее можно показать, что если мы, при указанном на чертеже (фиг. 1*a*) расположении, заметим в трубе T расположение светлых и темных колец и

перевернем прибор на прямой угол вместе с трубой так, чтобы при новом расположении сторона aC совпадала по направлению с направлением движения земли, то светлые и темные кольца в трубе должны сместиться на вполне измеримую величину, так как лучи обменяются ролями и запаздывать будет луч (2), а не (1).

Однако, опыт Майкельсона, повторенный несколько раз, дал отрицательный результат: никакого смещения колец интерференции в трубе T не было замечено!

Как объяснить себе этот неожиданный результат? Ответ на этот вопрос был дан знаменитым голландским физиком Лорентцом и независимо от него английским физиком Фиц-Джеральдом. Объяснение сводится к следующему: все тела по направлению движения сжимаются, при чем, если величина этого сжатия будет соответствовать запаздыванию t_1-t_2, то запаздывания не произойдет, так как путь запаздывающего луча укоротится. Но почему же происходит сокращение в направлении движения? На это можно дать такой ответ: так как мы теперь знаем, что вся материя состоит из электрически заряженных частиц, то при движении эти заряды начинают действовать как элементы электрического тока. Т.-е. при обсуждении сил взаимодействия между частицами нам к силам электрического притяжения разноименных зарядов P (см. фиг. 2) придется добавить силы отталкивания Q двух параллельных и противоположно направленных токов (по закону Ампера). Движущиеся заряды ведь действуют, как электрические токи. Заряды, движущиеся друг за другом, как, например, 1 и 3, по закону Ампера друг на друга не действуют, так что между ними останется одно только притяжение, свойственное разноименным зарядам. Итак, силы между 1 и 3, т.-е. по направлению движения, останутся те же, а в перпендикулярном направлении ослабнут, отчего и должно произойти сжатие. Вычисление показывает, что сжатие должно получиться как раз того же порядка, т.-е. пропорциональное $L\left(\frac{v}{c}\right)^2$! Интересно отметить ничтожную величину этого сокращения: весь земной шар в направлении своего движения должен по этому расчету сократиться всего на 6 сантиметров! Это показывает ту необычайную чувствительность, до которой удалось довести Майкельсону свою экспериментальную технику. Сокращение прибора во столько раз меньше 6 сантиметров, во сколько сам прибор меньше диаметра земного шара!

Читатель, может быть, спросит, а где же тут принцип относительности? Это—совершенно основательный вопрос: мы пока ни словом не обмолвились о принципе относительности Эйнштейна; но зато мы все время пользовались,—не упоминая, правда, об этом,—принципом относительности Галилея-Ньютона. Вообще говоря, на свете существует не один принцип относительности, а целых три. Принцип Галилея-Ньютона, принцип Эйнштейна специальный и принцип Эйнштейна всеобщий. Начнем с первого из трех, с принципа Галилея Ньютона, которым, как уже только что было сказано, мы не раз уже пользовались в приведенных нами рассуждениях. Наблюдая полет галки с платформы или из поезда, мы получали разную величину скорости этого полета, но самый характер движения остается тот же,—движение остается все время равномерным и прямолинейным. Точно так же, сидя в вагоне железнодорожного поезда, движущегося равномерно и прямолинейно без толчков, мы можем играть в мяч, вызывать какие угодно движения: они будут протекать совершенно так же, как будто поезд

стоял неподвижно. Словом, равномерное и прямолинейное движение какой-либо системы тел (железнодорожного поезда) не отражается на механических процессах, происходящих внутри этой системы; эти процессы будут протекать так, как будто бы система была неподвижна. Даже более того,—часто трудно бывает решить вопрос,—двигается ли поезд, в котором мы находимся, или стоящие перед окном вагоны на запасных путях? Если нет толчков, собственное равномерное движение поезда незаметно. Точно так же, если смотреть на движущуюся в реке воду, порой кажется, что вода неподвижна, а уголок набережной или моста вместе с наблюдателем движется в обратную сторону.

Наконец, если бы двигался не поезд, а земной шар, а вместе с ним и рельсовый путь со всеми станционными зданиями, деревьями и полями, то мы получили бы то же самое впечатление; надо было бы также подкидывать уголь в топку паровоза! Так как для того, чтобы поезд не увлекался движением рельсового пути, необходимо вертеть колеса; точно также, как, если мы хотим остаться на одном и том же месте улицы, идя по движущемуся троттуару навстречу его движению, надо все время итти по нему вперед настолько, насколько нас относит назад движение самого тротуара[1]).

Этот принцип относительности не противоречит теории „неподвижного эфира",—даже более того, мы им как раз пользовались для расчета, какова должна быть скорость света на движущейся земле.

Рассмотрим теперь, в чем состоит первый, так наз. „специальный" принцип Эйнштейна. Он состоит в только что рассмотренном принципе Галилея-Ньютона, к которому добавляется утверждение, что скорость света не зависит от того, измеряем ли мы ее на движущихся системах или на неподвижных. Это так называемый „постулат постоянства скорости света", который именно и приводит, как мы сейчас увидим, к первой теории Эйнштейна. Отрицательный результат опыта Майкельсона принимается за указание на то, что скорость света не зависит от движения тех приборов, тех систем, где производится измерение этой скорости, т.-е. не зависит от движения земли. Во многих статьях по принципу относительности прямо даже так и говорится: все опыты, произведенные до сих пор, согласно показывают, что скорость света не зависит от движения земли. На это можно было бы, пожалуй, не менее категорично ответить: таких опытов не производилось вовсе! Вспомним, в самом деле, что в опыте Майкельсона можно было бы учесть, если бы не Лоренцово сокращение, лишь ничтожную долю влияния движения на скорость света; бо́льшая же часть этого влияния исключалась сама собой вследствие особенности самого метода: луч света каждое расстояние проходит дважды туда и назад, как об этом подробно было уже сказано, а при этом, как мы видели, опоздание почти уравновешивается упреждением на обратном пути. Но не будем спорить! Примем вместе с Эйнштейном его постулат и посмотрим, что́ из этого выходит. Повторим сейчас рассуждение с полетом галки и желе́знодорожным поездом, только пусть вместо летящей галки на этот раз у нас распространяется луч света. Пусть из фонаря S, находящегося в начале платформы AB (см. рис. 3), в момент $t=0$, определяемый по часам, стоящим на платформе, выпускается световой сигнал. Через t_1 секунд (или долей секунды) головная волна этого луча, двигаясь со скоростью c, пройдет путь $x_1=ct_1$.

[1]) Движущиеся тротуары существуют в некоторых городах в Америке, а также их устраивают на всевозможных международных выставках.

отмеренный вдоль платформы *AB*. Пусть тот же луч наблюдают из поезда. Луч выходит из *S* в тот момент, когда там находится конец поезда. За время t_1 (отсчитанное по часам на платформе), пока свет проходит вдоль платформы путь x_1, поезд передвинется, и головная волна вышедшего из *S* луча окажется против окна *C* нашего поезда. По отношению к поезду луч прошел путь x'_1—точь в точь как в старом примере с галкой. Если часы в поезде будут итти с той же скоростью, что и на платформе, они будут показывать к тому моменту, когда головная волна покажется против окна *C*, то же самое число секунд t_1: наблюдатель в поезде получит меньшую скорость не c, а $c' = \frac{x'_1}{t_1}$, а ведь постулат Эйнштейна требует, чтобы движение поезда не отражалось на скорости света! Выход из этого противоречия был дан Эйнштейном. Так как скорость света для наблюдателя в поезде должна быть та же самая, часы в поезде должны итти медленнее, и притом так, чтобы $\frac{x_1}{t_1}$ равнялось $\frac{x'_1}{t'_1}$, т.-е. все процессы, по которым наблюдатель, находящийся в поезде, определяет время, в том числе и биения сердца самого наблюдателя, должны совершенно никому не понятным способом так измениться, чтобы секунды, минуты и часы стали длиннее!

Теперь вступает в свои права математик; ему поставили задачу: какое надо дать выражение для времени в движущейся с той или другой скоростью системе, для того чтобы скорость света осталась независимой от скорости движения этой системы.

Математик дает ответ: задача допускает единственное решение: время в движущемся со скоростью v поезде должно выражаться следующей формулой:

$$t' = \frac{1}{\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}}\left(t-\frac{xv}{c^2}\right) \qquad (1)$$

где t—время для наблюдателя на платформе, а x—положение наблюдателя с часами в поезде, отсчитанное вдоль платформы. Но этого мало для того, чтобы скорость света была независимой от скорости наблюдателя: все размеры в поезде по направлению его движения должны уменьшиться; наблюдатель в поезде этого не заметит, потому что все его линейки,—раз он их повернет в сторону движения,—сами собой сократятся[1]). При чем это сокращение выразится аналогичной формулой:

$$x' = \frac{1}{\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}}(x-vt) \qquad (2)$$

Таким образом, для того, чтобы получить постоянство скорости света, необходимо допустить, что ход времени зависит от движения той системы, в которой производится измерение времени.

Чтобы отчетливее выяснить себе это, сравним показания часов в начале платформы *A* с показанием часов, находящихся в поезде в данный момент против той же части платформы *A*. В формуле (1) надо

[1]) Необходимо помнить, что изменение хода времени и сокращение линейных размеров очень мало, так как все скорости, с которыми мы оперируем, ничтожно малы по сравнению со скоростью света, и притом отношение $\frac{v}{c}$ входит во второй степени.

положить $x=0$, — тогда мы получаем $t'=\frac{t}{\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}}$ (3). Пусть на платформе часы отбили секунду и, следовательно, $t=1$, — тогда по (3) мы будем иметь $t'=\frac{1}{\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}}$ и, так как знаменатель меньше единицы, t' будет больше единицы, т.-е. часы в поезде будут отбивать секунды реже: время будет течь медленнее.

Необходимо, однако, все время помнить, что $\frac{v}{c}$ для встречающихся на практике движений очень малая величина, а потому изменение темпа времени практически для нас незаметно.

Далее, можно указать, что из формул (1) и (2) как следствие вытекает, что правило сложения скоростей должно измениться и оно изменяется так, что ни при каких условиях равнодействующая скорость не может быть больше скорости света $C=300.000$ километров в секунду, это—предел, переступить который абсолютно невозможно.

Далее оказывается, что всякая энергия должна иметь массу. Это, впрочем, выводится для электромагнитной энергии вполне понятным образом: масса энергии оказывается массой эфира [1]). Остановимся еще на одном парадоксе, о котором в свое время говорилось довольно много. Представим себе, что существуют в природе только две единственные маленькие планеты и на каждой из них находятся люди. Пусть одна планета начинает удаляться от другой; если обитатели планет ничего другого не видят кроме двух данных планет, то при условии равномерного и прямолинейного движения они не смогут решить, которая именно из планет движется и которая стоит неподвижно. Представим себе, что фактически одна из планет движется очень быстро, т.-е. со скоростью, близкой к скорости света. Обе планеты теряют друг друга из виду, но пусть потом через несколько лет во время сна ее обитателей (чтобы они ничего не заметили) планета поворачивает назад и обе планеты вновь встречаются. Смогут ли обитатели этих планет решить вопрос (в обход принципу относительности), кто из них именно путешествовал?

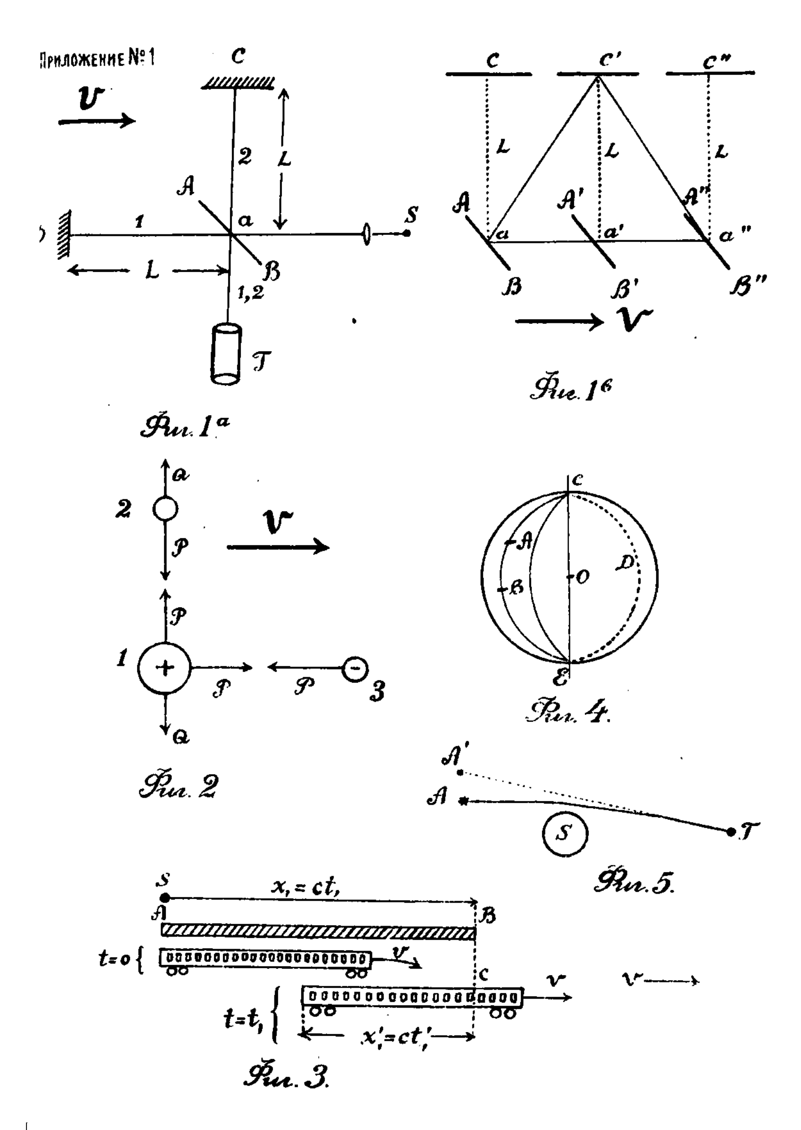
Как будто и да. Ведь время у двигавшихся шло медленнее, следовательно у них сердце билось медленнее, все биологические процессы шли медленнее: они состарились на меньшее число лет! И вот обе группы людей, увидав, что у одних седые волосы, у других нет, скажут: теперь мы знаем, кто из нас двигался и кто стоял на месте!

Надо, впрочем, сказать, что все это рассуждение, помимо фантастичности и неосуществимости, страдает еще тем, что нам приходится изменять направление движения на противоположное, за это время перемены—движение будет неравномерным, а весь принцип Эйнштейна,—по крайней мере тот, о котором идет речь,—приложим только к равномерному и прямолинейному движению. Весьма любопытно однако, что некоторые из самых ярых поклонников Эйнштейна находят другую слабую сторону в этом рассуждении, а именно в утверждении, что все биологические процессы (биение сердца и проч.) должны измениться в согласии с изменившимся вследствие движения ходом времени. Это пред-

---

[1]) См., напр., А. Тимирязев, Периодическая система элементов и современная физика—„Красная Новь", № 1, июнь, стр. 169.

Приложение №1

Фиг. 1ª

Фиг. 1б

Фиг. 2

Фиг. 3.

Фиг. 4.

Фиг. 5.

положение, как они указывают [1]), равносильно утверждению, что процессы жизни сводятся к процессам движения, а это такой страшный материализм, которого многие из сторонников Эйнштейна переносить совершенно не могут! [2])

Подводя итог тому, что мы сказали о „специальном“ принципе Эйнштейна, поставим себе вопрос: является ли его принятие безусловно необходимым с точки зрения современной науки? На это можно ответить отрицательно: ведь все факты, объясняемые этим принципом, объясняются столь же удачно теорией „неподвижного эфира“ и сокращением размеров тел в направлении движения, как это показал Лоренц. Но выслушаем лучше, что говорит по этому поводу один из наиболее крупных теоретиков и сторонников принципа относительности М. Лауе: „Мало того, экспериментально было бы невозможно произвести выбор между этой теорией (теория Лоренца) и эйнштейновой теорией относительности, и если, тем не менее, теория Лоренца отошла на задний план,—хотя она еще имеет сторонников среди физиков,—то это произошло, без сомнения, в силу оснований философского характера“ [3]).

Для физика этот аргумент не имеет принудительной силы: для него философия, не подтверждаемая опытом,—пустой звук.

Переходим теперь к обобщенному или всеобщему принципу относительности и к связи этого принципа с теорией всемирного тяготения. Казалось бы, что о применении принципа относительности даже самого простого—принципа Ньютона-Галилея к неравномерному движению невозможно и говорить. Представьте себе, что происходит в вагоне, когда поезд при большой скорости делает поворот на закруглении или быстро затормозится: трудно бывает, стоя в вагоне удержаться на ногах, багаж падает с сеток и т. д. По этим явлениям, происходящим внутри вагона, мы можем вынести заключение о характере движения поезда: мы можем, следовательно, воспринимать это движение безотносительно (Ньютон к ужасу философа Маха говорил в подобных случаях абсолютно!), т.-е. не сравнивая своего положения с внешними объектами, не принимающими участия в неравномерном движении. Посмотрим, как подошел к этой задаче Эйнштейн. Разберем один пример неосуществимый, фантастический, но в высшей мере поучительный потому, что он позволяет нам в наглядной форме представить себе ход мыслей Эйнштейна и притом в той их части, которая представляет едва ли не наибольшую ценность, независимо от того, какова будет дальнейшая участь всеобщего принципа относительности; с этого примера, между прочим, начинает и сам Эйнштейн свой специальный мемуар. Представим себе комнату—физическую лабораторию, устроенную в большом ящике, и пусть этот ящик со всем, что в нем находится, удален на очень большое расстояние от всех планет, солнца и звезд и вообще каких бы то ни было больших масс. В этой лаборатории не будет силы

---

[1]) См. напр. R. Lämmel., Die Grundlagen der Relativitätstheorie, Berlin. J. Springer. 1921 S. 85.

[2]) В Германии в настоящее время основалось общество „друзей позитивного идеализма“, присуждающее премии за лучшие сочинения по принципу относительности. Одно название этого нового общества показывает, в какие нездоровые дебри может завести одностороннее увлечение этим, в значительной мере оторванным от фактической почвы самой науки, математическим принципом. Надо отдать справедливость, что из всех сторонников принципа относительности наиболее осторожным является сам Эйнштейн.

[3]) М. Лауе, Принцип относительности. Новые идеи в математике, сборн. № 5. Спб. Издательство „Образование“ 1914, стр. 34.

тяжести, и наблюдатели, находящиеся в ней должны будут привязывать себя, чтобы при малейшем неосторожном движении, малейшем ударе ногами о пол не подлететь к потолку и не удариться головой. Впрочем, трудно будет даже сказать пол и потолок, так как при отсутствии силы тяжести понятия верх и низ теряют свой смысл. Теперь положим, что к ящику, в котором помещается комната, привязан канат и через его посредство пусть вся комната приводится в ускоренное движение, положим, с ускорением, равным ускорению при свободном падении на поверхности земного шара. В комнате появятся силы инерции. Канат, тянущий комнату, через ее посредство будет тянуть все, что в ней находится, а эти предметы будут оказывать противодействие, будут давить на пол, т.-е. на сторону, противоположную той, к которой привязан канат. Здесь произойдет то же явление, которое мы можем наблюдать, подвесив к пружинным весам гирю и дернув весы кверху: противодействие приводимой в движение вверх гири вытянет пружину, и весы покажут бо́льший вес. Наблюдатели почувствуют, что их что-то прижимает к полу: они почувствуют возможность свободно ходить по полу; маятники в лаборатории будут качаться совсем так, как они качаются у нас на земле,—словом, все будет происходить так, как будто бы мы находились в каком-либо доме на земном шаре, а не в каком-то ящике, несущемся в пространстве вдали от солнца и планет...

Таким образом, наблюдатель, сидящий в этой замкнутой лаборатории и не видящий того, что происходит вокруг ящика, в котором его лаборатория находится, анализируя те явления, которые он видит в своей лаборатории, скажет: одно из двух,—или моя лаборатория движется с ускорением там, где нет силы тяжести, или она неподвижна, но зато она находится в поле силы тяжести, т.-е. где-то неподалеку находится большая материальная масса, притягивающая к себе все, что есть в лаборатории, в том числе и меня самого. Вот это и есть выраженный в грубой форме „принцип эквивалентности“ Эйнштейна, т.-е. принцип, устанавливающий глубокую аналогию между силами инерции, возбуждаемыми при неравномерном движении, и ньютоновым тяготением.

Рассмотрим второй пример, также в достаточной мере неосуществимый, который поможет разобраться в дальнейшем ходе мыслей Эйнштейна. Пусть мы имеем больших размеров диск, на котором находится наблюдатель, часы и всевозможные физические инструменты. Положим, что диск этот вращается вокруг оси, проходящей через его центр наподобие карусели. Что будет испытывать наблюдатель, находящийся на диске? Чем ближе он будет подходить к краю диска, тем бо́льшую центробежную силу он будет испытывать, и только, если он поместится у самой оси, сила эта исчезнет. Как истолкует наблюдатель, находящийся на диске, те явления, которые происходят перед его глазами? Оно из двух,—говорит Эйнштейн,—или он скажет (так скажет, между нами говоря, любой физик-экспериментатор): диск, на котором я нахожусь, вращается, вследствие чего развивается сила инерции, называемая центробежной; или (если наблюдатель склонен более к философии, чем к физике) он скажет: может быть, диск и в самом деле вращается, а может быть он и неподвижен, а все кругом него находящееся вращается в обратную сторону, при чем вследствие этого возбуждаются новые силы тяготения, действующие от центра диска к его краям. Правда, такого рода поля силы тяжести никто и нигде не видал и по Ньютоновой теории такое поле и не возможно, „но, так как наблюдатель в е р и т [1]) во всеобщую относительность, это ему не мешает; он

[1]) Курсив наш.

надеется и имеет к тому основание, что можно установить всеобщий закон тяготения, который не только правильно объяснит движения светил, но и наблюдаемое им поле сил" [1]). Однако, этим задача еще не решается. Если мы ограничимся только этими соображениями, то мы впадем в ряд противоречий, из которых нас может вывести только новое предположение—самое радикальное из всех предположений Эйнштейна. Посмотрим, что это за противоречия? Пусть в центре диска и где-нибудь на краю поставлены часы и пусть их наблюдает кто-нибудь, находящийся вне диска. Часы в центре диска медленно поворачиваются, их можно считать неподвижными, часы же, стоящие на краю диска большого диаметра, будут двигаться быстро, а при движении, как мы уже знаем, темп времени замедляется,—следовательно, в центре часы будут итти быстрее, а часы на окружности будут отставать. Расчет по эйнштейновой теории показывает, что и наблюдатель, сидящий в центре диска, по своему счету времени заметит то же самое: ведь точки на оси вращения можно считать неподвижными,—следовательно, для наблюдателя, помещенного вблизи оси, будет тот же счет времени, что и для наблюдателя, сидящего вне диска. Совершенно ясно, что, если диск вертеться не будет, а будет вертеться все окружающее, часы будут итти согласно. Получается противоречие принципу относительности! Но и пространственные измерения на диске приводят также к противоречиям. Если мы измерим длину окружности диска, то при вращении она окажется менее длинной, так как каждый элемент окружности должен автоматически сократиться в направлении движения. А любой радиус, двигающийся перпендикулярно к своей длине, при вращении укорачиваться не будет. Поэтому длина окружности S станет меньше, а радиус останется прежним, известная теорема геометрии: длина окружности $S = 2\pi r$ на вращающемся диске не оправдается. Длина окружности деленная на диаметр не даст числа π!

Это затруднение, казалось бы безвыходное, Эйнштейн разрешает самым решительным образом. Почему отношение окружности к диаметру всегда должно равняться числу π? Что за предрассудок! Число π должно получиться, если наше пространство—пространство эвклидовой геометрии. А почему мы уверены, что оно всегда остается эвклидовым? Может быть, когда вращаются большие массы или когда мы находимся в сильном поле тяготения, вблизи больших притягивающих масс, пространство перестает быть эвклидовым? Эйнштейн показал весьма остроумными математическими выкладками, что, если отрешиться от эвклидовой геометрии и считать, что, если можно так выразиться, „эвклидовость" нашего пространства в различных частях видимой нами вселенной искажается в различной степени, в зависимости от близости к тем или другим телам с большими массами, то можно так определить пространственные измерения и так определить время, что, во-первых, все противоречия исчезнут и, во-вторых, все законы природы будут выражаться одними и теми же математическими формулами, независимо от движения наблюдателя, который может двигаться как угодно неравномерно. Это и представляет собой почти вполне точную формулировку всеобщего принципа относительности Эйнштейна.

Постараемся теперь в немногих словах выяснить себе, что разумеется под словами эвклидова и неэвклидова геометрия.

---

[1]) A. Einstein. Ueber die spezielle und die allgemeine Relativitätstheorie gemeinverständlich, Zwölfte Auflage (51—55 Tausend), 1921 S. 54.

Представим себе существо с умственными способностями человека, но совершенно плоское, укладывающееся, скажем, на плоском листе бумаги, могущее перемещаться **только** в этой плоскости и не воспринимающее ничего кроме того, что находится на этой плоскости.

Для такого существа будут существовать только два измерения, для него будет существовать только планиметрия, т.-е. геометрия на плоскости, и притом наша эвклидова; все теоремы планиметрии будут верны для нашего воображаемого существа, для него будут верны все следствия геометрических аксиом Эвклида. Представим себе теперь поверхность шара и на ней подобные же существа двух измерений, изогнутые так, что они плотно прилегают к поверхности шара. Пусть они также способны воспринимать только то, что имеется на поверхности шара. Нетрудно показать, что в этом случае геометрия будет отличаться от эвклидовой. Во-первых, на поверхности шара нет прямых линий. Если мы будем определять прямую как кратчайшее расстояние между двумя точками, то для шара роль прямой будет играть так наз. геодезическая линия, т.-е. дуга большого круга или пересечение поверхности шара с плоскостью, проходящей через центр и две данные точки. По этой линии расположится растянутая резиновая полоска, приколотая к шару двумя булавками. Эти „геодезические" линии будут играть на шаре ту же роль, что и прямые на плоскости. Однако, положение, что между двумя точками возможна только одна прямая, приложимо, с большими оговорками, к геодезическим линиям на шаре. Возьмем какие-либо точки, лежащие близко друг к другу на каком-либо меридиане шара. Тогда кратчайшим расстоянием между этими точками A и B (см. фиг. 4) **по поверхности** шара будет дуга меридиана AB. Но и $ACDEB$ будет также геодезической линией, соединяющей те же две точки и в то же время это—не кратчайшее расстояние! Более того, представим себе две точки, взятые на полюсах C и E, тогда любая дуга любого меридиана, проходящего через полюсы, будет служить геодезической линией и будет служить кратчайшим расстоянием между этими двумя точками, считая по поверхности шара. Следовательно, для этого, правда, особенного положения двух точек между ними возможно провести бесчисленное множество геодезических линий, играющих ту же роль, какую прямые играют на плоскости. Мы видим, следовательно, насколько отличается геометрия на плоскости от геометрии на шаре; можно было бы указать еще на целый ряд отличий, но и приведенных данных, я думаю, достаточно [1]).

Как мы видели, в двух измерениях нетрудно себе представить такие условия, при которых эвклидова геометрия не выполняется. Для трех измерений мы этого себе наглядно представить не можем; тем не менее мы можем мыслить, как это показал Лобачевский, такие логические построения, аналогичные геометрии, в которых основные положения, основные аксиомы отличаются от аксиом Эвклида. Эйнштейн считает, что подобные системы существуют реально!

Весьма любопытно, что из теории относительности вытекают некоторые следствия, которые можно подвергнуть опытной проверке. Во-первых, Эйнштейном было теоретически получено так наз. неравенство в движении планеты Меркурий; орбита Меркурия медленно поворачивается так, что ее большая ось не сохраняет постоянного на-

---

[1]) Не надо думать, что самый факт, что поверхность шара—кривая, играет особенную роль; если мы свернем лист бумаги в трубку или конус, получится кривая поверхность, но геометрия на этих поверхностях не будет заметно отличаться от геометрии на плоскости.

правления; величина этого смещения весьма точно вычисляется на основании всеобщего принципа относительности. Далее, луч света должен отклоняться в поле силы тяжести, поэтому звезда, видимая вблизи солнца во время полного солнечного затмения, нам кажется не на своем обычном месте A, а где-нибудь в A' (см. рис. 5), так как луч под действием силы тяжести искривляется; вблизи солнца особенно велики отступления от свойств Эвклидова пространства, а вследствие особенности глаза мы видим источник света по тому направлению, по которому свет непосредственно входит в наш глаз. Наконец, вследствие значительных размеров силы тяжести на солнце, все процессы должны там итти медленнее, почему и колебания электронов в атомах тех же самых, что и на земле, должны быть более медленными: все спектральные линии в спектре солнца должны быть смещены к красному концу, т.-е. в сторону более медленных колебаний. Этот последний результат еще не подтвердился, даже более того, есть веские данные, что поиски за этим эффектом положительных результатов не дали. По этому поводу Эйнштейн замечает: „Если смещения спектральных линий к красному концу спектра, обусловленного потенциалом силы тяжести, не окажется, общая теория относительности падает. С другой стороны, изучение смещения спектральных линий,—если только будет доказано, что оно обусловлено потенциалом силы тяжести,—дает возможность вывести важные заключения о массах небесных тел" [1]). Почему же Эйнштейн не говорит, что если искомый результат подтвердится, теория будет окончательно доказана? По той простой причине, что все только что указанные предсказания теории относительности объясняются, и притом довольно просто, другими путями [2]), не прибегая к отказу от эвклидовой геометрии, изменению скорости течения времени и т. д., и, что всего интереснее, в этих объяснениях приходится прибегать к эфиру, для которого в принципе относительности нет места и нет места потому, что постулат постоянства скорости света сразу устраняет возможность вопроса о движении по отношению к эфиру. Итак, объяснить известные нам факты можно и без принципа относительности как специального, так и всеобщего. На это обыкновенно возражают, что хотя это и верно, то-есть, что принцип относительности не единственное объяснение, но зато он, с философской точки зрения, более нас удовлетворяет, как нечто более стройное. Во всяком случае, прямых фактических данных, которые заставили бы нас отказаться от эвклидовой геометрии, которые заставили бы нас признать, что от движения каким-то непонятным образом изменяется ход часов, у нас пока нет. Словом, у нас нет пока того стимула, который заставил бы нас изменить привычный нам ход мыслей, хотя подобного рода стимулы и появлялись, как показывает история науки. Возьмем хотя бы следующий пример. Когда-то считалось логически нелепым предположение, что люди в противоположном полушарии ходят по отношению к нам вверх ногами, и тем не менее факты, установившие шарообразную форму земли, заставили наши умственные способности приспособиться к этим новым фактам, с которыми волей неволей пришлось столкнуться. В области же принципа относительности, по крайней мере до сих пор, мы еще не имеем таких фактов, которые бы заставили нас принять смелые предположения Эйнштейна, и мы можем в применении ко всеобщему принципу относительности повторить слова Пуанкаре, сказанные им по поводу „специального" принципа Эйнштейна,— слова,

---

[1]) A. Einstein, l. c. S. 91.

[2]) См. ряд статей в «Physikalische Zeitschrift» за 1920 и 1921 годы.

которые тем более заслуживают внимания, что Пуанкаре был сторонником этого принципа: „В настоящее время некоторые физики желают усвоить новое условное соглашение. Это не значит, что они вынуждены к этому; они считают новое соглашение более удобным—вот и все. А те, кто не придерживаются их мнения и не желают отказаться от своих старых привычек, могут с правом сохранить старое соглашение. Между нами говоря, я думаю, что они еще долго будут поступать таким образом"[1]).

Что же сказать в заключение? Несомненно, что блестящая математическая работа, выполненная Эйнштейном, сыграет свою роль и установленный им „принцип эквивалентности" сил инерции и тяготения представляет крайне интересную попытку зайти в еще неразгаданную область всемирного тяготения.

Но несомненно также, что область, к которой приложим принцип Эйнштейна, гораздо более ограничена, как на это справедливо указывает Ленар[2]). Не можем же мы в самом деле применять, как это делает сам Эйнштейн, его принцип к следующему простому и понятному случаю: железнодорожный поезд, шедший полным ходом, так быстро затормозился, что все в нем попадало со своих мест, чемоданы и корзины вылетели из сеток, и при этом произошли значительные разрушения. По Эйнштейну, это явление можно объяснить и так: поезд не двигался, двигалась ему навстречу земля и все на ней находящееся и все это внезапно затормозилось, в результате чего появилось новое поле силы тяжести, которое и произвело разрушение в покоившемся поезде[3])! Но почему же, вполне законно спрашивает Ленар, разрушение произошло в поезде, когда затормозилась земля и все, что на ней находится? Вот тут-то мы и вступаем на нездоровую почву[4]) так наз. „умственных экспериментов", то-есть таких предполо-

[1]) А. Пуанкаре, Пространство и время. Новые идеи в математике, Сборник № 2. Пространство и время. Спб. Издат. «Образование», 1913 г., стр. 90.

[2]) P. Lenard, Uber Relativitätsprincip, Aether, Gravitation, Hirzel Leipzig 1920 и новое дополнение издание 1921 г.

[3]) A. Einstein, l. c. S. 48.

[4]) Насколько нездорова эта область, лучше всего покажут подлинные слова речи Эйнштейна, произнесенной 27 января 1921 года в берлинской академии наук (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie, V, S. 124 1921) на тему «Геометрия и опыт». Вот эти слова: «Как же это возможно, что математика, представляющая независимый от какого бы то ни было опыта продукт человеческого мышления, так хорошо приложима к объектам действительности? Не в состоянии ли человеческий разум без опыта одним лишь мышлением обосновать свойства действительно существующих вещей? На это, по моему мнению, можно коротко ответить следующим образом: поскольку математические законы относятся к действительности, они не достоверны (sicher), и поскольку они достоверны (sicher), они не имеют отношения к действительности»—и несколько далее, говоря об аксиомах математики в том виде, как они формулируются теперь, он говорит: «Эти аксиомы представляют свободные создания человеческого духа». Насколько это изолирование законов мышления от всякого опыта, от воздействия того, что существует вокруг нас и под влиянием чего развивается человеческий организм с его мыслительными способностями, далеко от той «стихийно-материалистической», по выражению тов. Н. Ленина (Н. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Госиздат. 1920, стр. 281), точки зрения, на которой стоял на-ряду с большинством естествоиспытателей один из величайших физиков Лудвиг Больтцманн, лучше всего покажет сравнение только что приведенных слов Эйнштейна со следующими словами Больтцманна: «Мы можем, пожалуй, эти законы мышления считать априористическими в том смысле, что, благодаря длившемуся несметные века опыту нашей расы, для индивидуума они являются уже прирожденными. Но логический промах Канта заключается в том, что он из этого сделал вывод об их непогрешимости во всех случаях их применения.

С точки зрения дарвиновой теории, этот промах легко объясним. Только то, что вполне верно, вполне надежно наследуется. Что неверно, ненадежно, отбрасы-

жений, которые неосуществимы: ведь не можем же мы, остановив поезд, заставить вертеться земной шар и потом его затормозить и посмотреть, что из этого получится! „Умственные эксперименты" хороши для иллюстрации хода мыслей в сложных вопросах, но беда, когда на них основываются, как на реальных опытах! Тогда мы неизбежно вступаем в область, где все забронировано от опыта, и, лишившись своей верной опоры, физик неминуемо должен скатиться в область идеалистической философии,—т.-е. туда, где ему прежде всего придется расстаться со всей своей наукой!

А. Тимирязев.

вается. Таким образом, эти законы мышления приобрели теперь такую кажущуюся непогрешимость, что представилось возможным самый опыт привлекать к их суду. А так как их признали априористическими, то отсюда явилось и представление, что все априористическое непогрешимо, совершенно. Точно так же прежде думали, что наш глаз, наше ухо совершенны, потому что они, действительно, достигли изумительного совершенства. Но теперь мы знаем, что это была ошибка, что совершенство это неполное.

Точно так же я готов оспаривать полное совершенство наших законов мышления. Наоборот, эти законы мышления до того вошли в наши неизменные привычки, что они бьют далее цели и не выпускают нас из своей власти и тогда, когда для их применения уже нет более места. Над ними оправдывается то, что наблюдается со всякой унаследованной привычкой» (L. Boltzmann, Populäre Schriften, Leipzig Barth, 1905 S. 398. Русский сокращ. перевод. К. Тимирязев „Наука и Демократия", «Антиметафизик», стр. 309 и 310; вслед за приведенной выпиской в оригинале и сокращенном переводе приводится ряд конкретных примеров, подтверждающих высказанное положение).

Научная хроника.

Успехи физики в советской России.

В настоящей небольшой заметке приводятся краткие фактические данные о тех работах, которые были сделаны за последние три с половиной года в области физики, а также в самом конце этой заметки приведены и те исследования, которые, по сведениям, имеющимся у автора этих строк, находятся сейчас в работе [1].

За указанный промежуток времени научная работа производилась не только в старых, существовавших до революции лабораториях, но и в целом ряде новых институтов. Уже в 1918 году в Петербурге были основаны институты Оптический и Рёнтгенологический, которые за короткий срок своего существования успели напечатать по нескольку выпусков своих трудов; среди этих трудов имеются капитальные исследования. На первом месте в ряду этих работ необходимо упомянуть о работе самого организатора Оптического института Д. С. Рождественского, касающейся спектра лития и других щелочных металлов. Основная мысль заключается в следующем: разбираясь в огромном количестве существовавших уже эмпирических формул, которыми пытались чисто формальным образом выразить закономерность спектральных линий для различных элементов, Д. С. Рождественский нашел, что в сущности все спектры щелочных металлов, несмотря на кажущиеся их резкие отличия, построены по одному и тому же типу — по типу спектра водорода. Ему удалось найти способ для установления соответствия между любыми спектральными линиями лития, натрия, калия и других щелочных металлов и определенными линиями спектра водорода; причем, чем больше атомный вес элемента, тем труднее заметить соответствие спектров, тем большее получается «искажение» первоначального типа водородного спектра. Все это указывает на то, что видимый спектр обусловливается перескакиванием одного электрона в атоме с одной из возможных орбит на другую.

Эти возможные или устойчивые орбиты определяются с помощью т. н. теории «квантов». Орбиты эти расположены вокруг центрального ядра атома, заряженного положительным электричеством, вокруг которого по нескольким орбитам значительно меньших размеров вращаются электроны. Число орбит и число электронов возрастает с увеличением атомного веса. Вот это ядро с окружающими его электронами и производит «искажение» орбит внешнего электрона, дающего начало спектральным линиям при перескакивании с одной из многочисленных его устойчивых орбит на другую. Для вычисления орбит электронов при Оптическом институте учреждена

---

[1] В настоящей заметке не приведены за отсутствием подробных сведений исследования, выполненные в провинциальных лабораториях и университетах. Неполно представлены работы петербургских физиков, а также не указаны работы в области прикладных дисциплин, связанных с физикой: электротехники, радиотелеграфии и биологической физики (Институт при Наркомздраве академика П. П. Лазарева).

«атомная комиссия», в состав которой входят не только физики и математики, но и астрономы, так как задача о движении электронов совершенно сходна с вычислением пути планет, их спутников и комет.

В настоящее время подробно изучен атом лития с его ядром и двумя электронами, вращающимися по тесной круговой орбите вокруг ядра, и одним электроном, дающим спектральные линии видимого спектра. Все орбиты этого электрона вычислены с большой точностью. Но самое важное, конечно, состоит не в этом исчерпывающем изучении атома лития, а в установлении общего метода исследования и в доказательстве общности строения всех спектров.

Излучения электронов, находящихся на внутренних орбитах атома, составляют спектр лучей Рёнтгена,—эти спектры изучаются во вновь открытом Рёнтгенологическом институте под общим руководством А. Ф. Иоффе. В этом же институте ведутся также ценные исследования в области медицинских приложений лучей Рёнтгена под руководством организатора института доктора М. И. Неменова.

Лучами Рёнтгена в настоящее время пользуются, как известно, для определения кристаллических структур. В этой области крупного успеха добились Н. Е. Успенский и С. Т. Конобеевский, работающие в Москве в Институте Народного Хозяйства имени Карла Маркса; их работа «Исследование микрокристаллических структур с помощью диффракции лучей Рёнтгена», выяснившая расположение кристаллов в прокатанных металлических листках и вызвавшая большой интерес на съезде металлургов в Москве зимой 1921 года, должна в ближайшее время появиться в печати в Германии.

В Москве же Г. В. Вульфу удалось путем крайне остроумных соображений и опытов определить расположение атомов в кристалле хлорновато-натриевой соли. Работа эта произведена во вновь учрежденном Институте твердого вещества при В. С. Н. Х.

Кроме этого Института при В. С. Н. Х. учрежден Государственный Научно-Технический Институт (Гонти); его отделение Физики и Электротехники состоит в тесной связи с Физическим институтом I-го Московского университета, деятельность которого начала оживляться только с 1918 года (после ухода знаменитого русского физика П. Н. Лебедева в 1911 и вплоть до 1918 года Институт фактически почти не работал). В настоящее время в Физическом институте и в Гонти ведется более 30 научных работ. Общее руководство этими институтами принадлежит В. И. Романову. За трехлетний период здесь были выполнены следующие работы. А. И. Данилевский построил прибор для определения направления, откуда идет звук. При повороте прибора стрелка чувствительного электрического измерителя устанавливается на нуль только тогда, когда указатель прибора повернут в сторону источника звука. Прибор может иметь огромное значение для определения направления звуковых сигналов в море при тумане.

Н. А. Капцов (совместно с В. И. Романовым) построил модель, воспроизводящую с помощью коротких электромагнитных волн (в 6 и 4 сантиметра) все явления, которые наблюдаются при прохождении лучей Рёнтгена через кристаллы. Таким образом получилась возможность проверять теорию строения кристаллов—расположение атомов на искусственных моделях этих кристаллов! Работа представляет большой теоретический интерес.

В самое последнее время (июнь 1921) при участии сотрудников только что указанных институтов: В. И. Романова, А. И. Данилевского; В. Н. Тейха и А. М. Васильева были произведены вполне удавшиеся опыты с многократной телеграфией и телефонией, т. е. одновременная передача н е с к о л ь к и х т е л е г р а м м и н е с к о л ь к и х т е л е ф о н н ы х р а з г о в о р о в п о о д н о й и т о й ж е п р о в о л о к е. Делается это с помощью особо устроенных радиотелеграфных аппаратов, настроенных на различные периоды. Здесь, следовательно, применяются методы беспроволочной телеграфии и телефонии к телеграфированию и телефонированию по проволокам! Для этих опытов Наркомпочтель предоставил две телеграфные линии: одна соединяет Гонти (Афанасьевский переул., 3) и Физический институт универ-

ситета (Моховая) и имеет форму петли длиною в 160 километров; другая—Физический институт Университета и город Богородск около 80 километров.

Кроме того, в той же области электромагнитных колебаний ведутся следующие работы. Г. В. Потапенко изучает поглощение коротких (от 25 до 50 сант.) электромагнитных волн в целом ряде органических веществ с помощью спектрометра, построенного по плану В. И. Романова (работа ведется в университете). К. Ф. Теодорчик выполняет аналогичную работу для более длинных волн (от 10 до 30 метров) (работа ведется в Гонти). Работы эти имеют целью изучение закономерностей в спектрах электромагнитных волн и их сравнение со спектрами видимого света.

К. Ф. Теодорчик и Б. А. Введенский значительно усовершенствовали методы измерения диэлектрических постоянных, а также магнитных свойств тел с помощью нового приема, основанного на биениях электромагнитных колебаний, употребляемых в радиотелеграфии (работа ведется в Университете). В Физическом же институте Московского университета производится ряд работ по изучению магнитных свойств веществ под общим руководством В. К. Аркадьева. В. А. Корчагин выполнил исследование «О магнитной проницаемости при быстрых электромагнитных колебаниях», М. А. Чупрова: «О магнитной проницаемости цилиндров», А. А. Леонтьева: «О разрядном потенциале при электромагнитных колебаниях». Б. А. Введенский: «О скорости размагничения». Автору последней работы (напечатанной в 1921 году в Annalen de Physik) удалось усовершенствовать метод определения коротких промежутков времени, доведя чувствительность до нескольких десятимиллионных долей секунды! Далее, в том же институте С. Я. Лившиц выработал прием проэктировать на экран стереоскопические снимки, а также с группой студентов и сотрудников ведет работы по изучению механизма искровых разрядов.

Н. П. Метелкин[1]) произвел ряд интересных исследований над фосфоресценцией газов при электрическом разряде, В. С. Волков (под руководством А. К. Тимирязева) ведет исследование «О скольжении разреженного газа вдоль твердых поглощающих газ стенок». А. К. Тимирязев закончил исследование: «О применении метода интегральных уравнений к теории газов». Эта работа вместе с тесно связанной с ней работой В. А. Костицына: «Об одном типе интегральных уравнений» была доложена на съезде ассоциации физиков, происходившем в Москве с 2 по 7 сентября 1920 года (отчет о съезде должен на-днях появиться в Научно-Техническом Вестнике В.С. Н.Х.). На этом же съезде было доложено в высшей степени остроумное исследование В. А. Михельсона: «О динамическом отоплении», в котором детально разработан проект, позволяющий утилизировать «впрок» солнечное тепло и достигать большой экономии топлива.

Необходимо также отметить следующие крупные теоретические исследования А. А. Эйхенвальда: «О стоячих волнах конечной амплитуды» (1919), «Теория ассиметрических колебаний» (1919) и «О возникновении гармонических обертонов». Все эти исследования представляют глубокий математический анализ как звуковых, так и электромагнитных колебаний и, с одной стороны, объясняют известные уже факты, остававшиеся пока не объясненными, а с другой стороны—предсказывают новые факты, частью уже блистательно оправдавшиеся. Работы эти были доложены в Московском физическом обществе имени П. Н. Лебедева, но, к сожалению, до сих пор еще не появились в печати.

Кроме того, в процессе работы сейчас находятся следующие исследования: В. И. Романов: «Конструкция катодных реле нового типа для беспроволочной телеграфии», В. И. Баранов: «Вольтова дуга при низких давлениях», К. Г. Кульмзин: «Изготовление сопротивлений с помощью распыления металла в вакууме». А. С. Ирисов: «Определение коэффициентов расширения сплавов». А. К. Тимирязев: «Исследование оптической анизотропии разреженного газа при прохождении через него потока тепла», В. С. Волков и А. К. Тимирязев: «Конструкция микроманометра для измерения малых давлений газа» (до одной десятимиллионной доли милли-

---

[1]) Н. П. Метелкин скончался 21-го июня 1921 г.

метра ртутного столба), Г. П. Симанов: «Исследование внутреннего трения жидких диэлектриков в электрическом поле». Наконец, в Физическом институте 2-го Государственного университета в Москве выполнены следующие работы: А. А. Аркадьева выработала прибор для измерения стереоскопических рёнтгеновских снимков; А. Б. Млодзеевский выполнил ряд работ по теории жидких кристаллов, а также исследовал асимметрию молекул в текущих жидкостях оптическим методом; Н. Е. Введенеева закончила исследование «Об аномальной дисперсии вращения». В процессе работы — А. К. Тимирязев и Н. В. Разживин: «Конструкция прибора (центрофуга) для изучения трения растворенных частиц при их движениях в растворителе».

А. Тимирязев.

Из прошлого.

Крепостные и сибирские годы Михаила Бакунина [1]).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Жизнь Михаила Бакунина в Сибири, как и годы его крепостного заточения, известны русскому читателю весьма поверхностно. Это позволяет мне опубликовать (в сокращенном виде) отрывок из подготовляемой мною к печати работы о Бакунине.

Повествование я начинаю с того времени, когда, выданный австрийцами русскому правительству и заключенный в Петропавловскую крепость, Бакунин по предложению Николая I написал „Исповедь“ и ожидал плодов своего покаяния.

Полный текст „Исповеди“, вместе с письмом Бакунина к Александру II, издан Госуд. Издательством. Интересующихся читателей отсылаю к этому изданию. Те из них, которые пожелали бы ознакомиться с обстоятельствами, предшествовавшими написанию „Исповеди“, могут сделать это по статье „Бакунин в эпоху 40—60 г.г.“, предпосланной „Исповеди“ и написанной автором этих строк.

Много места этим обстоятельствам посвящает в своей, недавно вышедшей книге („М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность“, т. I) тов. Ю. М. Стеклов. Им приведены также значительные отрывки из „Исповеди“, письма Бакунина Александру II и ряд архивных документов.

---

[1]) Из книги «Бакунин и его время».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Крепость [1]).

I. Бакунин в крепости. Свидания с родными. Жандармские заботы о Бакунине.— II. Письма Бакунина из крепости. Советы братьям. Бакунин в письмах о жандармах и жандармы о письмах Бакунина. Бакунин и семья.—III. Бакунин надеется на облегчение своей участи. Хлопоты матери. Старуха Бакунина ручается царю за сына. Александр II не верит в раскаяние Бакунина.—IV. Здоровье Бакунина в крепости. Новые хлопоты матери и новая неудача. Бакунин решается сам писать царю. Письма Бакунина шефу жандармов и Александру II. Царь заменяет крепость ссылкой на поселение в Сибирь.

I.

„Исповедь“ вызвала несомненное сочувствие в царе Николае. Несмотря, однако, на это, несмотря на неподдельное красноречие, с которым она была написана, участь пленника облегчения не получила. Внимательно дочитав до конца и испестрив „Исповедь“ своими пометками, Николай сделал на ней надпись, обращенную к наследнику:

„Стоит тебе прочесть, весьма любопытно и поучительно“, а после слов „кающийся грешник Михаил Бакунин“,—холодно нацарапал карандашом:

„Другого для него исхода не вижу, как ссылку в Сибирь на поселение“.

Но решение это принято было, вероятно, в припадке великодушия. Бакунина на поселение не послали и двери каземата остались наглухо запертыми.

Медленной и однообразной цепью, где каждое звено повторяло предыдущее, потянулись томительные дни крепостного заключения. Расчеты Бакунина на великодушие „великого царя“ не оправдались. И душевный подъем, с каким писалась „Исповедь“, сменился матовым покоем отчаяния.

Родителям Бакунина, вместе с дочерью Татьяной, было разрешено посетить пленника. Им предлагалось прибыть для этого в Петербург, в III отделение. Но ослепший старик был так плох, что разрешением воспользоваться не смог, Бакунина же не решалась оставить мужа одного. Старик просил поэтому, вместо него и матери, разрешить свидеться с Михаилом сыну Николаю, за которого он ручался, „как за себя“. На письме его царь милостиво надписал: „Согласен при Набокове“. Это был комендант Петропавловской крепости.

Первая встреча состоялась в ноябре 1851 года. Второе свидание с сестрой Татьяной Бакунин имел в 1852 году в июне месяце. Третье— в 1854 году, в январе, когда, кроме Татьяны, свидание было разрешено еще брату Павлу.

---

[1]) При написании этой работы я пользовался делом «о бывшем прапорщике Михаиле Бакунине», извлеченным из архива б. III отделения и хранящимся ныне в Главархиве. Пользуюсь случаем принести Д. Б. Рязанову благодарность за предоставленную мне возможность изучить эти документы в Главархиве. Часть этих документов уже опубликована М. К. Лемке в комментариях к XIV т. Полн. собр. соч. Герцена и Ю. М. Стекловым, в указанной выше книге.

В январе 1855 года, уже после смерти старика Бакунина, было разрешено свидание с сыном старухе Бакуниной. С отцом Михаил Бакунин так и не свиделся, со времени своего отъезда за границу.

Отпускалось Бакунину на пищу 18 коп. в сутки. Давались для чтения французские и немецкие романы, газета „Русский Инвалид", журнал „Отечественные Записки", „Москвитянин", „Библиотека для чтения", книги по математике, физике, геологии, а когда он в 1854 г. 11 марта [1]), был переведен в Шлиссельбургскую крепость, денежное довольствие было увеличено до 30 коп. Особым отношением коменданту крепости разрешалось дозволить Бакунину пользоваться и в Шлиссельбурге книгами, которые читал он в Алексеевском равелине.

К пленнику относились с большим жандармским вниманием. Однажды он обратился к коменданту сразу с несколькими просьбами. Из них ему разрешили 4: 1) получить съестные припасы от брата, 2) получить дозволенные книги, 3) пить перед обедом рюмку водки и 4) прогуливаться.

Остальные просьбы заключались в разрешении свидания с братом и в позволении „быть водиму в баню". В обеих было отказано. Не было дано ответа на просьбу иметь чернила и бумагу.

Недостаток движения, очевидно, мучил узника. Мать, после свидания с ним, просила Л. В. Дуббельта разрешить сыну иметь в камере токарный станок. Эта просьба вызвала справку, что может быть арестанту дозволено и чего дозволить нельзя. При этом оказалось, что ни в Своде законов, ни в инструкциях о содержании секретных арестантов нет таких правил, которые позволяли бы им для движения производить какие-либо механические занятия. И хотя комендант Шлиссельбургской крепости удостоверял „благоразумное поведение во все время заключения Михаила Бакунина" и рапортовал, что опасений за позволение иметь ему у себя токарный станок быть не может, работа же была бы полезна „для его здоровья, которое по бывающим частым желчным припадкам весьма его беспокоит", несмотря на это разрешение иметь станок дано Бакунину не было. Родным не разрешили также передать ему медицинский инструмент, совершенно необходимый заключенному для лечения.

Иной раз жандармы проявляли к здоровью пленника особенную заботливость. Препровождая две банки магнезии для Бакунина, Дуббельт предлагал блюстителям преступника следить за тем, чтобы неумеренное употребление порошков не причинило ему вреда. Одной маленькой роскошью, впрочем, он мог пользоваться: ему разрешили иметь в камере клетку с двумя канарейками.

II.

У нас нет достаточных данных для точного суждения о крепостных настроениях Бакунина. Письма его к родным из крепости свирепо цензуровались, и он, разумеется, не мог писать всего, что хотел, и так, как хотел. Особенно надежным источником считать эти письма поэтому не приходится. Но если даже не забывать, что письма из крепости писались не только для родных, но и для жандармов, все же кое-какие места их могут послужить материалом для некоторых умозаключений.

---

[1]) Ю. М. Стеклов днем перевода Бакунина в Шлиссельбург называет 12 марта (см. стр. 331). Это неверно. Из рапорта коменданта крепости Мандерштерна от 11 марта 1854 года за № 50 («Дело» ч. II, стр. 177) видно, что перевод состоялся 11 марта.

Больше всего места посвящено в них сердечным излияниям и различным сторонам семейной жизни родных. В одном месте говорит Бакунин об угрызениях совести, которая часто напоминает ему, что он совсем не сумел исполнить священных обязанностей. Его утешает лишь мысль, что его заблуждения не принесли никому, кроме него самого, никакого вреда. Не редким гостем скользит по страницам писем имя Бога. „Да сохранит его Господь надолго"—пишет Бакунин об отце. Он утешает брата Николая, потерявшего маленького сына и говорит: „Я охотно отдал бы свою бесполезную жизнь, если бы мог выкупить жизнь твоего сына". Из своего одиночества он пишет семье о любви, царящей в ней, как недосягаемом, потерянном для него рае, и тоном мудреца, познавшего добро и зло, дает совет братьям. „Поздравляю тебя и радуюсь с тобою,—обращается он к Александру,—ты теперь сделался человеком, освободился от эгоизма, от благородной пустоты одинокого существования и живешь двойною, т.-е. полной, совершенной жизнью. Дай Бог тебе силы, доброй воли, любви, ума, а особенно здравого смысла". Он рекомендует ему быть реальным человеком, бросить по-боку философические абстракции и заняться агрономией и сельским хозяйством. Он указывает брату на свой печальный опыт: стремление к отвлеченностям оторвало его от действительной жизни, привило ему массу ложных идей, которые, по его мысли, и подготовили ему незавидное положение, картинно определенное в обращении к брату Илье: „Я сижу за грехи, или, лучше сказать, торчу здесь как столб с предостерегательной надписью: „Не ходи по этой дороге". Изучение агрономии даст в тысячу раз больше,—уверяет он,—чем вся немецкая философия".

Советуя заняться сельским хозяйством, Бакунин вспоминает ему о крепостном мужике. Он говорит о великой и священной обязанности, лежащей на помещиках: работе о крестьянском благе. Эта обязанность не синекура,—пишет он,—не простое средство для извлечения дохода, а нечто вроде политического служения, религиозного и морального долга, временно возложенного правительством на помещиков, из которых лишь немногие добросовестно выполняют его [1]).

„Вы хотите, батюшка,—обращается он к отцу,—чтобы я занялся переводом; я не думаю, чтобы это было возможно; да сказать ли вам правду, оно стыдно, но прежде всего должно быть откровенным: во мне умер всякий нерв деятельности, всякая охота к предприятиям, я сказал бы—всякая охота к жизни, если бы не нашел новую жизнь в вас; я не унываю, но также ничего не надеюсь, у меня нет ни цели, ни будущности, я не жил бы, если бы не жил вашею жизнью. Когда я не думаю о вас, я стараюсь совсем не думать, мысли слишком мучают и гнетут меня поздним и бесплодным сожалением прошедшего, поздним раскаянием; я курю цыгаретки, читаю романы и рассказываю себе сказки",—а дальше, переходя на французский язык, он с иронией говорит о себе, как о Дон-Кихоте, потерпевшем крушение и забавляющем себя курением опиума и фантастическими снами в духе Гофмана. А вслед за этим порывом горькой искренности, вновь переходя на русский язык, он пишет уже не столько для родных, сколько для цензоров, внимательно рассматривавших каждую его строчку.

---

[1]) Письма Бакунина из крепости написаны частью по-русски, частью по-французски. Сплошь писать по-русски ему, вероятно, было трудно: за 10 лет заграничной жизни он отвык от русского языка, который и в юности знал не блестяще. Иногда, желая короче выразиться по-русски, он изобретает слова, весьма корявые: «естествознательность»—пишет он, т.-е. занятия естественными науками.

„Не упрекайте меня ни в унынье, ни в ропоте, любезные родители: я право не унываю и креплюсь по силам; что ж касается до ропота, то я должен бы быть дураком или сумасшедшим, если бы познал себя в праве роптать, я должен бы был быть совсем деревянным, иметь каменное сердце, чтобы не чувствовать глубокой и горячей благодарности к тому, который вместо того, чтоб казнить меня по законам,—и я знаю, что я заслужил по законам,—предал меня в руки одного из добрейших людей в России".

Он хвалит своих тюремщиков, которые к нему „прекрасно относятся"; он, оказывается, ни в чем не нуждается, обстановка, в которой он живет, почти семейная, обращение с ним—такое хорошее, человеческое, какого он совсем не ожидал и которого не заслужил. Словом, все превосходны, и даже коменданта, ежедневно его посещающего, награждает он целым букетом комплиментов.

„Я спокоен, я примирился",—сообщает он родителям. Сердце и дух его очистились в одиночестве,—уверяет он. И если бы ему предложили свободу с условием, чтобы он вновь начал свою прежнюю жизнь блуждающего огня, он отрекся бы от предложения,—он клянется в этом.

Переписка Бакунина доставляла жандармам, очевидно, много беспокойства. Они со вниманием следили за ходом его мыслей. Некоторые выражения выписаны из письма с пометкой: „заслуживают некоторого внимания". Но неразборчивость почерков и объемы писем вызвали распоряжение: писать меньше и четче. А одно из писем Бакунина, второе по порядку, было задержано жандармами. 16 апреля 1853 года Дуббельт, „усмотрев" в письме этом, адресованном отцу, „рассуждения, не свойственные настоящему положению Бакунина", „признал необходимым письмо сие удержать и вместе с тем покорнейше просить" коменданта крепости, чтобы тот изволил приказать „предупредить Бакунина, дабы он на будущее время ограничивался сообщением своим родственникам только таких сведений, которые необходимы для успокоения их на его счет, и что в противном случае письма его будут удерживаемы в сем отделении".

Желание Дуббельта ограничить содержание писем сведениями, которые могли бы „успокоить" семью заключенного, было излишним... Письма пленника и без его воздействия носили на себе явные следы успокоительного характера. Бакунин и в самом деле как бы задним числом хотел утешить, обласкать родных, не много ласк видавших от него в прошлом. Письма его нежны и каждое имя, каждое обращение (а он не хотел забыть никого) сопровождает он эпитетами: милые, добрые, дорогие. „Благодарю вас, добрые родители, благодарю вас от глубины сердца за ваше прощенье, за ваше родительское благословление, благодарю вас за то, что вы приняли меня, вашего блудного сына, что вы приняли меня вновь в свой семейный мир и в семейную дружбу". „Обнимаю и целую вас от всей души, как новый брат и новый друг",—обращается он к молодой жене брата Александра. „Обнимаю тебя крепко и благодарю за несколько слов, написанных мне тобою",—пишет он Илье. Ему не хватает слов, чтобы выразить чувства, охватившие его, и он дважды повторяет один и тот же эпитет: „Милая, милая Варенька, добрые, добрые родители", а когда обращается к сестре Татьяне, самой любимой и, кажется, больше других его любившей, он признается в бессилии выразить словами любовь свою. „Моя Татьяна... Если бы я хотел высказать все, что я о тебе чувствую, все, что я о тебе думаю, как я люблю тебя, то я никогда не кончил бы, и потому лучше не стану начинать; да ведь и без слов

поверишь и почувствуешь". И вновь обращаясь к родителям, он говорит: „не знаю, где найти выраженье для того, чтобы выразить всю мою горячую благодарность за вашу любовь; она мое утешенье, моя опора, моя сила, мое счастье, да в самом деле счастье, я был счастлив, вполне счастлив, когда читал ваши письма".

III.

Но, разумеется, ни родителей, ни его самого утешить ласковые слова не могли. Ни у Михаила Бакунина, ни у его семьи не умирали надежды на освобождение. Они лишь замерли на время. Суровый и упрямый нрав Николая не открывал приятных перспектив в будущем. Но лишь только он умер, вместе с восшествием на престол Александра II надежды воскресли и семья стала энергично добиваться помилования.

Как водилось, новый царь знаменовал свое восшествие на престол „великодушным" прощением преступников, но имя Михаила Бакунина царь из списка помилованных собственноручно вычеркнул. А когда месяц спустя—по словам Бакунина—мать его молила о прощении, Александр сказал ей: „Saschez madame, que tant que votre fils vivra il ne poura jamais être libre",—т.-е., в переводе на язык более ясный, это значило: „только смерть освободит вашего сына". Перспектива открывалась далеко не утешительная [1]).

Но атаки на царское упорство семья решила продолжать. В марте 1855 года мать Бакунина обратилась к царю с мольбой о милосердии.

„Я видела сына моего сокрушенного,—писала она,—вполне чувствующего неизреченную и незаслуженную милость в бозе почившего государя, незабвенного отца России, превратившего для него темницу в самое легкое заключение. Я видела его горящего желанием искупить кровию своей прошедшее. Невозможность этого составляет главное его мучение и мою величайшую скорбь. Только матери знают, что сын не преступник, но невыносимо думать, что он не имеет возможности загладить вину свою...

„Государь,—продолжала она,—сын мой не бесчестный человек, я первая отреклась бы от него, если бы заметила в нем чувства, недостойные вашего милосердия, но я нашла в нем полное раскаяние и жажду загладить ошибки своей молодости, и тем заслужить милости, оказанные ему покойным государем и вашим величеством.

„Уже пятеро сыновей моих, верные долгу дворянства, вступили на военную службу на защиту отечества; благословив их на святое дело, я осталась одна без опоры, и могла бы, как милости, молить о возвращении мне шестого, но я молю, ваше величество, о дозволении ему стать с братьями в передних рядах храброго вашего воинства и встретить там честную смерть или кровью заслужить право называться моим сыном. Ручаюсь всеми сыновьями моими, что, где бы он ни был поставлен волею вашего величества, он везде исполнит долг свой до последней капли крови".

Мы не приводим всего прошения целиком. Нами приведено здесь лишь самое существенное. Прошение это было написано Бакуниной вскоре после свидания с сыном. Предполагать, что намерение свое писать царю она скрыла от сына,—не приходится. Такого предполо-

---

[1]) «Письма Бакунина к Герцену и Огареву». Женевское изд. 1896 года. Письмо от 8/XII 1860 года.

жения не допускает прежде всего решительный тон ее ручательства за Михаила. Она просит царя послать сына на войну, в передние ряды, или умереть, или кровью купить возвращение к жизни. Не только своим словом, но головами всех сыновей своих она ручается за то, что Михаил Бакунин „исполнит долг свой". Так писать, не имея его согласия, она не могла. Это согласие она, очевидно, получила, и можно с большой долей вероятности предположить, что Михаил Бакунин искренне и твердо решил последовать совету матери—кровью искупить свое прошлое, иначе выражаясь, кровью купить свободу. Вряд ли ей пришлось при этом потратить много слов на увещания. Крепостное умонастроение Бакунина такой выход из крепости могло считать самым лучшим. После горьких разочарований, поставивши крест над прошлым, усталый душевно и больной телом, не выдержав тяжести испытаний, он мог лишь мечтать, как о великом счастье, о возможности покинуть стены тюрьмы для жизни,—возможности, которая казалась ему несбыточной, можно также предположить, что и тени сомнения в том, что он долга своего не выполнит, не мелькало ни в сознании его, ни в сознании матери. Ведь на карту, в качестве ручательства, ставилось благо всей семьи, перед которой Бакунин именно в эту пору остро чувствовал себя виноватым, которую в письмах своих из крепости он хотел вознаградить словесными и запоздалыми ласками.

Но намерение его было задушено суровым отказом Александра. В это, вероятно, время царь вновь прочитал „Исповедь" Бакунина и говорил о ней Горчакову „mais je ne vois pas le moindre repentir dans cette lettre",—как рассказывает в цитированном выше письме Герцену Бакунин.

IV.

Опять надежды были убиты. Тягостное впечатление отказа обострилось тем, что здоровье Бакунина к этому времени сильно пошатнулось. Спокойствие и примиренность, о которых писал он семье, были временными. Их не хватило надолго. Могучий организм требовал бешеной деятельности, изнывал и разрушался от бездействия. Мускулистому гиганту, которому тесна была Европа, который не израсходовал и миллионной доли взрывчатой энергии, волновавшейся в его душе, холодным и тесным гробом должен был казаться сырой каземат Шлиссельбурга. „Ведь без всякого дела жить нельзя",—с отчаянием, между прочим, бросил он вскользь брату Илье в одном из своих крепостных писем.

В это именно время велись хлопоты о токарном станке. Он заболел к тому же цынгой и у него стали выпадать зубы.

„Страшная вещь пожизненное заключение,—вспоминал он эти дни в письме к Герцену.—Влачить жизнь без цели, без надежды, без интереса. Каждый день говорит себе: „сегодня я поглупел, а завтра буду еще глупее". Со страшною зубною болью, продолжающеюся по неделям и возвращающеюся, по крайней мере, по два раза в месяц, не спать ни дней, ни ночей; что бы ни делал, что бы ни читал, даже во время сна, чувствовать какое-то неспокойное ворочание в сердце и в печени, с вечным ощущением: я раб, я мертвец, я труп".

Полтора года спустя, в августе 1856 г., после нового свидания с сыном, Бакунина обращается к князю Долгорукову с новой просьбой:

„Ваше сиятельство,—писала она Долгорукову.—Находясь в несчастном положении матери, лишенной сына, я осмеливаюсь прибегнуть к вам с просьбой о помощи. Сын мой, Михаил Бакунин, замешанный в

немецких возмущениях 1848-го года, подвергся строгости законов, и с 1849 года находится в заключении. С горестью понимая, что ни глубокое сердечное раскаяние, ни семилетнее заключение не в силах загладить вины его перед законом, я надеюсь единственно на беспредельность царского милосердия, а ваше сиятельство прошу быть моим ходатаем перед государем императором.

„Не распространяясь о том, как невыносимо матери видеть сына, постепенно изнывающего в бездействии и одиночестве постыдного, хотя и заслуженного заключения, я скажу одним тяжким, но справедливым словом: легче мне было бы знать его умершим. Молю у государя последнего благодеяния, в довершение незаслуженных, но с благодарным сердцем принятых милостей, оказанных мне и несчастному сыну моему: чтобы дозволено было ему жить и умереть при мне, чтобы дом мой служил ему не менее настоящего тесным и по крайней возможности тайным заключением, смягченным единственно семейною любовью. Пятеро сыновей моих, из коих трое отцы семейства, никогда не подавшие повода сомневаться в преданности их престолу и отечеству, готовы стать поруками за брата в том, что он ни в каком отношении не выйдет из назначенных ему пределов и ни малейшим образом не употребит во зло испрашиваемой мною милости. Ваше сиятельство, поверьте, что сыновья, всегда при мне бывшие, дороги мне не менее того, о котором я прошу, и что, ручаясь за него их честью и жизнью, я вполне понимаю, какую тяжелую ответственность беру на себя и на них возлагаю, по их собственному желанию. Но, повторяю, пятеро сыновей моих готовы отвечать головами за брата своего Михаила Бакунина. Допустила ли бы я их до того, если бы малейшим образом сомневалась в сыне, за которого они ручаются, и в возможности исполнить то, за что берутся.

„Вверяя просьбу, а с нею вместе счастие мое и всего моего семейства великодушному участию вашему, имею честь быть с совершенным почтением вашего сиятельства готовая к услугам Варвара Бакунина".

Долгоруков затребовал доклад со справкою о сыновьях Бакуниной, упоминаемых в этом письме.

Две недели спустя она получила ответ, в котором ее с витиеватой любезностью „честь имели уведомить", что, при всем желании доставить ей утешение облегчением участи ее сына, князь Долгоруков не находит к этому никакой возможности, и ему остается лишь изъявить свое искреннее сожаление, что он лишен удовольствия сделать ей угодное. Письмо Бакуниной, вероятно, даже не было доложено царю.

Ручательства пяти дворянских голов оказалось недостаточно. И хотя решительный тон письма говорил о том, что Бакунин пошел на все условия, предложенные семьей, дал им все обещания, которых они требовали, уверил их в полной искренности своего раскаяния, несмотря на все это, участь пленника оставалась без изменения.

Мстительность царя требовала более явных и унизительных признаков „repentire".

Была сделана еще одна попытка добиться помилования. Бакунина обратилась с письмом к князю Горчакову, министру иностранных дел, полагая, что упорство царя находится в какой-нибудь связи с иностранной политикой; ведь Бакунин „согрешил" не против одной России. В письме Горчакову в горячих выражениях излагала она все то, что писала Долгорукову, только еще резче и отчетливее подчеркнула, что „мать не решилась бы подвергнуть тяжелой ответственности пятерых сыновей для облегчения участи одного, если бы не была совершенно уверена в нем и в его раскаянии".

Но и это письмо осталось без ответа. Написано оно было 24-го декабря 1856 года, а спустя 1 месяц и 10 дней, потеряв, очевидно, всякую надежду на благоприятный ответ—3 февраля 1857 года, Михаил Бакунин сам обратился с следующим письмом к князю Долгорукову.

„Ваше сиятельство.

„Я болен телом и душою; от болезни телесной не надеюсь излечения, но душою мог бы и желал бы отдохнуть и укрепиться в кругу родной семьи. Не столько боюсь я смерти, сколько умереть одиноко в заточении, с сознанием, что вся моя жизнь, протекшая без пользы, ничего не принесла, кроме вреда для других и для себя; я не в силах выразить вам, как мучительны эти мысли, как они терзают в одиночестве заключения, и как тяжела должна быть смерть при таких мыслях и в таком заключении. Я не желал бы умереть, не испытав последнего средства, не прибегнув в последний раз к милосердию государя.

„Обращаясь к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою исходатайствовать мне от государя позволения писать его величеству. Долговременное заключение притупило мои способности так, что я не нахожу более убедительных слов, чтобы тронуть ваше сердце. Но вашему сиятельству известно, чего может желать и как сильно может желать заключенный, мне же и по собственному опыту, и по словам родных известно ваше великодушие и возвышенный образ ваших мыслей, поэтому я могу надеяться, что без подробных объяснений с моей стороны ваше сиятельство примете великодушное участие в последней надежде и последнем усилии заключенного к облегчению своей участи.

Михаил Бакунин".

Ему милостиво разрешили писать. 14-го февраля он отправил Долгорукову письмо с приложением письма царю[1]). Царь добился, чего хотел. Пленник, когда-то дерзновенно поднявший руку на его отца, грозивший целости его трона, ползал у него в ногах, униженно вымаливая прощения, клянясь в чистоте своего раскаяния. Все действительные признаки repentire были на-лицо.

Александр II предложил Бакунину выбор или крепость, или поселение в Сибирь. Бакунин испросил разрешения по дороге в Сибирь заехать на сутки, или хоть даже на несколько часов в Прямухино „поклониться гробу отца", обнять в последний раз мать и все семейство дома. Ему было дозволено это.

5 марта раскрылись перед ним двери крепости. 6 марта он виделся в III отделении с братом Алексеем и одной из сестер. 8 марта товарный поезд по Николаевской дороге уносил его из Петербурга. Сутки он провел в Прямухине, и 28 марта, больной, с истерзанной душой, разбитый физически, он был доставлен в Омск.

Было ему в это время от роду 41 года.

---

[1]) Письмо это напечатано полностью в книге «Исповедь Бакунина», о которой мы выше говорили. Письма поэтому мы здесь не приводим.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сибирь.

I. Прибытие в Омск. Реверансы Бакунина перед шефом жандармов. Бакунин в Томске.—II. Хлопоты о праве передвижения по Сибири. Генерал Казимирский о Бакунине. Образ жизни Бакунина. Женитьба. Новые хлопоты о свободе поездок. Письмо начальнику Томской губ. Генерал Гасфорд хлопочет о Бакунине. Бакунин получает разрешение на вступление в гражданскую службу.—III. Новая просьба шефу жандармов и новый отказ. Муравьев-Амурский неудачно хлопочет о Бакунине. Перевод Бакунина в Восточную Сибирь.—IV. Бакунин в Иркутске. О либерализме Муравьева-Амурского. Петрашевский и Муравьев.—V. Муравьев и Бакунин.—VI. Два стана иркутского общества. Бакунин о Муравьеве.—VII. Бакунин и Петрашевский.—VIII. История беклемишевской дуэли. Участие Бакунина в этой истории. Разоблачения в «Колоколе» и судебный финал. Герцен о роли Бакунина.—IX. В. И. Семевский о Бакунине и Петрашевском. Бакунин о своей сибирской деятельности. Планы Бакунина о возвращении в Россию. Новые хлопоты матери и Муравьева. Отъезд Муравьева из Сибири. Надежды на возвращение в Россию падают. Бакунин решает бежать.

I.

С великими предосторожностями „при отношении за № 539“ Бакунин был сдан под квитанцию с приложением казенной печати омскому коменданту.

На следующий же день по прибытии в Омск, 29 марта, Бакунин счел долгом обратиться к князю Долгорукову с письмом, в котором изысканно вежливо благодарил за исключительную, „истинно-русскую“ доброту, проявленную жандармами.

„Ваше сиятельство,—писал он.—Пользуясь отъездом поручика Медведева, беру смелость писать к вам еще раз для того, чтобы в последний раз благодарить ваше сиятельство за могучее ходатайство спасти меня от крепостного заключения и за великодушное снисхождение, которое я имел счастье испытать в продолжение моего кратковременного пребывания в третьем отделении и которое сопутствовало мне до самого Омска в лице поручика Медведева. Не мне отзываться и рассуждать об офицерах, подчиненных вашему сиятельству; но не могу умолчать о том, до какой степени я был тронут добродушным и внимательным обхождением поручика Медведева, который умел соединить строгое исполнение возложенного на него долга с столь благородной деликатностью, что я, вполне сознавая свою зависимость от него, ни разу не имел случая и почувствовать. В назначении его моим спутником в Сибирь я не мог не видеть продолжения той широкой, благородной, истинно-русской доброты, которая вызвала меня из смерти к новой, правильной жизни, и которая, смею надеяться, ваше сиятельство, не оставит меня и в дальнем заточении. Смею ли просить ваше сиятельство переслать приложенное письмо к матери. Оно хоть несколько успокоит ее. Вас же прошу принять изъявление тех искренних и глубоких чувств, для которых у меня, право, недостает выражений.

Михаил Бакунин“.

Местом поселения была намечена для него Нелюбинская волость, Томской губ.,—с обязательным, конечно, соблюдением всех условий, „какие существуют для политических преступников, состоящих на поселении в Сибири“. Но, по его просьбе, ввиду плохого здоровья, ему разрешено было поселиться в Томске.

II.

Мы не знаем точно, какие болезни разрушали организм Бакунина в крепости. Думаем, что главным разрушителем были стены и бездействие. Рожденному для кипучей работы, силачу с геркулесовыми формами, Бакунину преодоление препятствий было столь же необходимо, как солнце растению. Лишь только раскинулось над ним вольное небо, а железная решетка отошла в область воспоминаний, его мощный организм стал оживать подобно цветку, с которого отвалилась давившая его тяжесть. Ему была тесна крепостная одиночка. Очень скоро почувствовал он тесноту в городе Томске. Четыре месяца спустя по прибытии на поселение он был уже здоров и просил генерал-майора Казимирского, начальника 8 округа корпуса жандармов, чтобы генерал „убедительно ходатайствовал" перед шефом жандармов Долгоруковым о позволении ему ездить по Сибири, „так как по существующему положению государственный преступник не может удалиться с места его поселения далее 30 верст без высочайшего разрешения, а потому всякое торговое и промышленное дело и частная служба становится для него невозможною".

Генерал добавлял при этом, что, сделав справку о поведении и образе жизни Бакунина, он узнал, что государственный преступник „чистосердечно", глубоко раскаиваясь в прежнем преступлении, „чувствует все милосердие над собою государя императора и поведением своим заслужил общую похвалу в городе".

Но Долгоруков в просьбе отказал. По его мнению, занятия Бакунин мог найти и в Томске. Разрешить же разъезды по Сибири шеф жандармов находил неудобным.

Бакунин на некоторое время примирился с мыслью остаться в Томске. Он вел скромный образ жизни, вызывая чувство недоумения в окружавшей его среде. Сибиряки с любопытством присматривались к герою двух восстаний, два раза приговоренному к смерти, сыгравшему крупную роль в европейской революции. Перевидав многих „государственных преступников" великих и малых, они не ожидали встретить в Бакунине, слава о котором докатилась и до Сибири, скромного и мирного человека, образ жизни которого ни в какой степени не напоминал его революционного прошлого. Это недоумение звучит на страницах, которые посвятил Бакунину историк города Томска А. В. Адрианов.

„Видно, этот ветеран 40-х г.г., крутившийся в революционном вихре Западной Европы, переживший все ужасы десятилетнего заточения в крепостях Германии, Австрии, России, дважды приговоренный к смерти, видно он, попав в Томск, угомонился и захотел, наконец, подумать о своей личной жизни, об устройстве своего гнезда"[1]),—пишет он.

В начале 1858 года Бакунин приобрел дом по Ефремовской улице на Воскресенской горе. Дом был небольшой, низкий, деревянный, в один этаж, с низкими небольшими окнами, глубоко осевший в землю, темный и грязный с виду.

Чаще всего Бакунин посещал семейство Ксаверия Васильевича Квятковского, небольшого чиновника, служившего по золотопромышленному делу. Чуть ли не каждый день заходил он к ним на край города, где уединенно жили они в маленьком особнячке. У Квятков-

[1]) Город Томск—Изд. Спб. Т-ва Печатного Дела, Томск 1912 г. Статья А. В. Адрианова: «Томская Старина».

ского были две дочери; их Бакунин стал обучать языкам. Одна из них Антония, миловидная маленькая блондинка, хрупкая и нежная, стала затем его женой.

„Благословите меня,—писал он матери 28 марта 1858 года,—я хочу жениться. Вы удивитесь:—в моем положении жениться. Не бойтесь, своим выбором я не навлеку на себя несчастия, ни на вас бесчестия. Девушка, которая согласилась соединить свою судьбу с моею, образована, добра, благородна; посылаю портрет ее. Отец ее Квятковский служит более 12-ти лет по частным делам у золотопромышленника Асташева—белорусский дворянин; жена его полька, но без ненависти к России и католичка без римского фанатизма. Благословите меня без страха: мое желание вступить в брак да служит вам новым доказательством моего обращения к истинным началам положительной жизни и несомненным залогом моей твердой решимости отбросить все, что в прошедшей моей жизни так сильно тревожило и возмущало ваше спокойствие. За будущее я не боюсь; у меня есть голова, воля,—достанет и уменья; с твердым намерением можно всему научиться; но как и чем буду я содержать жену, семейство, в первые годы?—Вы, маменька, не богаты, детей же у вас много, и так, несмотря на безграничную уверенность в вашем желании помочь мне, я много надеяться на вас, в этом случае, не должен и не могу; сам же, связанный по рукам и по ногам недоверием начальства, на которое жаловаться не могу, потому что оно вполне мною заслужено, я не мог положить даже и начала будущего полезного дела, и живу средствами, которые вы, отнимая их у себя, посылаете мне, но которые для содержания семейства были бы слишком неопределенны и недостаточны. Я поселенец, прикованный к одному месту и живущий доселе в принужденном бездействии, не могу дать своей жене ни имени, ни даже материального благосостояния. Не поступил ли я с неблагоразумною поспешностью, предложив ей теперь мою руку?—Повидимому и по обыкновенной людской логике, кажись, что так, но внутреннее чувство говорит мне, что нет, и я верю в него; с полною верою предаюсь благодушию правительства, которое, раз спасши меня от крепостной смерти, не откажет мне теперь в средствах начать новую жизнь и не воспрепятствует мне искать нового счастья на пути законном, правильном и полезном".

Но старик Квятковский вначале и слышать не хотел о браке. Бесправный поселенец не казался ему завидным мужем для дочери.

В это как раз время, когда старик упирался и согласия на брак не давал, Томск посетил проездом из Петербурга в Иркутск граф Н. Н. Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири, дядя Михаила Бакунина.

Он остановился в Томске, чтобы повидаться с своим бесправным родичем; посетил его на квартире и принял горячее участие в устройстве его сердечных дел. С генерал-губернаторской решительностью он явился к Квятковскому с визитом, что, разумеется, весьма польстило самолюбию осторожного старика. Он говорил Квятковскому, что бесправность Бакунина временная, что права скоро ему будут возвращены, и вообще Бакунину предстоит еще будущность, поистине, блестящая. В довершение всего Муравьев пожелал быть посаженным отцом, и у Ксаверия Квятковского не хватило сил для дальнейшего упорства.

Было решено дела не откладывать в долгий ящик и скоро была отпразднована свадьба.

Бал происходил в доме Бакунина. Залитый светом огней внутри

и обставленный плошками на улице вдоль тротуара, дом привлек внимание толпы, также принимавший участие в торжестве [1]).

К прежним мотивам, толкавшим Бакунина расширить круг своих действий, прибавился новый, весьма существенный.

14-го мая, еще до свадьбы, обратился он с письмом к генерал-майору Озерскому, начальнику Томской губ.

„Ваше превосходительство, — писал Бакунин. — Снисходительное внимание, оказанное вами мне в бытность вашу в городе Томске, дает мне ныне смелость обратиться к вам с всепокорнейшею просьбою. Вашему превосходительству известно, что я намерен жениться на молодой девушке, которая, несмотря на всю незавидность моего политического и вследствие того и общественного положения, руководимая единственно великодушною привязанностью, решилась соединить свою судьбу с моею судьбою.

„После многих и довольно бурных испытаний, поглотивших мою молодость и приведших меня к известному вам результату, я не был в праве ожидать для себя такого счастия, и отныне единственною целью остальных дней моих, единственным предметом всех моих помышлений должно быть и будет устроение возможного счастия, довольствия и благосостояния того существа, которое, даруя мне как бы новую жизнь, возбудило во мне и новый интерес к жизни. Вашему превосходительству не безызвестно также, что Антония Ксавериевна Квятковская, уже несколько месяцев перед сим, признана всеми в Томске моею невестою, и, оставив в стороне мои собственные желания и чувства, одна публичность таковых отношений, репутация столь для меня драгоценной девушки, мною любимой, требует скорейшего довершения начатого дела. Но жениться я не могу, пока не буду сознавать себя в силах упрочить существование жены и семейства: ни у меня, ни у нее нет ничего; я должен буду жить и содержать ее своими трудами, и ничего не желаю я так пламенно, как дельного труда, который, поглотив всю ту деятельность, к которой я чувствую себя способным, дал бы мне вместе и средства для безбедной жизни; но до сих пор я не мог найти никакого, так как политические условия моего жительства в Томске решительно не позволяют мне посвятить себя какому бы то ни было деловому и вместе хлебному занятию. После многих неудачных попыток найти такого рода деятельность, я окончательно убедился, что она только тогда сделается для меня доступною, когда мне будет дозволено отлучаться из места, назначенного для моего жительства. В Сибири, кажется, других значительных дел нет, кроме транзитной торговли, откупов и золотых промыслов. К первой я не приготовлен ни наукою, ни жизнью, к откупным делам не чувствую в себе ни способности, ни охоты. Остаются золотые промыслы; но для того, чтобы заниматься ими, необходимо посещать Восточную Сибирь, а я лишен этого права; кроме того, лишенный всяких прав, как политический поселенец, я не могу ни получать ни доверенностей, ни заниматься какими бы то ни было делами, под своим именем.

„Вашему превосходительству равно известно, что через посредство генерала Казимирского, я приносил уже раз покорную просьбу по сему предмету к генерал-адъютанту и шефу жандармов, его сиятельству, князю Долгорукову, и что получил на первое искание мое отказ. Теперь, побуждаемый столь для меня важными, для всей бу-

---

[1]) Там же, стр. 124—125.

душности моей, столь решительными обстоятельствами, ободренный равно и великодушной снисходительностию, оказанною мне вашим превосходительством, осмеливаюсь приступить к вам с новою просьбою.

„Я не в праве, может быть, разбирать причины полученного мною отказа, но мне кажется, что он единственно должен быть приписан недоверию высшего начальства к моему обращению. Во мне еще предполагаются чувства, намерения и стремления, которые давно уже изглажены из моего сердца и тяжкими испытаниями не очень счастливой жизни, и долгим размышлением, а более всего пламенным и неугасаемым чувством благодарности и преданности к благодушному и милостивому государю, возвратившему мне свободу. Каким образом уверю я правительство в искренности моих чувств? Слова ничего не доказывают, для дел же, именно вследствие того положения, в котором я нахожусь ныне, у меня нет никаких средств. Мне кажется, что одно мое намерение жениться могло бы служить доказательством моей твердой решимости посвятить остальную жизнь мирным и законным занятиям, но кто может представить это лучше высшему начальству, как не ваше превосходительство? Ваше превосходительство окажет мне, без сомнения, огромную помощь; оно может спасти меня из состояния почти безвыходного, и, не имея другой защиты, я должен прибегнуть к вашему великодушному покровительству.

„По кратковременности пребывания вашего в Томске, я мало имею честь быть знакомым вашему превосходительству, но вы верите в честь людей, а я даю вам честное слово, что никогда не подам вам повода раскаиваться в том, что вы для меня сделаете.

„С полной верой предаю свою судьбу в руки вашего превосходительства покорным слугою.

Михаил Бакунин".

14-го мая 1858 года, г. Томск.

В это самое время генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд обратился к министру внутренних дел с просьбой об облегчении участи Бакунина. Он подчеркивал, что ссыльно-поселенец, бывший прапорщик Михаил Бакунин, вел себя в Сибири вполне безукоризненно, проявил искреннее раскаяние в своих заблуждениях и обнаружил самый скромный образ мыслей. Генерал-губернатор, желая употребить дарования раскаявшегося грешника на пользу отечеству, ходатайствовал об определении его на службу канцелярским служащим „без возвращения ему дворянства" и оставлением под секретным надзором.

Министр внутренних дел Ланской передал просьбу Гасфорда в III отделение. Из III отделения бумага направилась к царю с „соображением", смысл которого сводился к тому, что III отделение препятствий к поступлению Бакунина на гражданскую службу не находит.

28 мая царь разрешил ему вступить на гражданскую службу канцелярским служителем 4 разряда, с правом выслуги первого офицерского чина через 12 лет.

III.

Бакунин тем временем нервничал. Отослав письмо Озерскому и не дождавшись ответа, он лично вновь обращается к Долгорукову с большим посланием, витиеватость стиля которого соперничает с смиренной почтительностью [1].

[1]) Мы приводим полностью документы, которые считаем более важными. Пусть читатель не посетует на нас за это. Значительность их ему, вероятно, столь же ясна, как и нам.

„Ваше сиятельство.

„Удостоенный чести видеться и проститься с вами перед отправлением меня из С-кт-Петербурга в Сибирь, я был утешен словами вашего сиятельства, возбудившими во мне надежду, что государь император, столь милостиво освободивший меня из крепостного заключения, соблаговолит, может быть, со временем еще более облегчить мою участь. Полгода спустя по моем пребывании в Томск, я, кажется, слишком рано, просил о дозволении мне свободного разъезда по Сибири и о праве посвятить свободное, ничем не занятое время делам промышленным и торговым. Такая поспешность с моей стороны, после великого царского благодеяния, только что возвратившего мне свободный воздух и свет божий, была, без сомнения, большою ошибкою: я мог показаться неблагодарным, нечувствительным к милости государя, или несознательным важности своего преступления. С покорною и верующею терпеливостию должен был я ожидать всего от царского благодушия. Я поступил неблагоразумно; но нужно ли мне уверять ваше сиятельство, что не очерствелость сознания и чувства была виною таковой поспешности, а только жажда дела, которое могло бы дать смысл моему нынешнему бездельному существованию, и пламенное желание освободить как можно скорее мое небогатое и многолюдное семейство от тягостного моего содержания. Мне было отказано.

Ныне я принужден возобновить мою просьбу, обстоятельствами вашему сиятельству, без сомнения, известными. Милая и добрая девушка привязалась ко мне, и любовью своею обещает мне в будущем счастие, на которое, ни по летам, ни по положению, я рассчитывать не мог. Я желаю на ней жениться. Но для этого, кроме разрешения высшего начальства, я должен еще испросить право и возможность заниматься делами, и трудом своим приобретать средства для содержания семейства. Иначе мне жениться будет невозможно. Следуя порядку, я уж обратился с просьбою по сему предмету к его превосходительству господину томскому гражданскому губернатору, а ныне осмеливаюсь обратиться прямо к вашему сиятельству, прося вас извинить великодушно смелость, внушенную мне вашею столь известною добротою и благородным снисхождением, оказанным вами мне в прошедшем.

Ваше сиятельство. От вас зависит теперь вся участь моя и возможное счастие всей моей будущей жизни. Не откажите мне, будьте для меня теперь помощником и спасителем, как вы были им уже раз, когда решался вопрос, важнее для меня вопроса о жизни и смерти, вопрос о свободной жизни или о ежедневной нравственной пытки в пожизненном крепостном заключении. Одно ваше слово воскресит меня без сомнения, теперь, как и тогда, и, открыв передо мною широкое и законное поприще для новой, правильной, полезной и счастливой деятельности в жизни, даст мне возможность сделаться вновь человеком. И тогда делом, а не словами только, постараюсь доказать, как глубоко умею ощущать благодарность, и как крепко и свято намерен держать свое честное слово и клятву.

16-го июня 1858 года
г. Томск.

Михаил Бакунин".

Но и это письмо постигла та же участь. Ни льстивый тон, ни низменные комплименты, ни нижайшее смирение не могли подкупить неумолимого жандармского сердца. Бакунину была уже оказана „милость" в виде права вступления на службу канцелярским чиновником. Шеф жандармов это считает достаточным, и новое домогательство оставлено было „без последствий".

Почти в то же самое время обратился к Долгорукову и Муравьев-Амурский. Он только что заключил с Китаем договор о возвращении России Амура, и 18 мая 1858 года из Благовещенска на Амуре спешил „уведомить его сиятельство“ об этом счастливом событии.

„Если договор этот,— писал Долгорукову Муравьев,— удостоится высочайшего одобрения и государевой милости к исполнителям, то я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство ходатайствовать перед его величеством, в личную и лучшую для меня награду прощение с возвращением прежних прав состояния остающимся еще в Восточной Сибири государственным преступникам: Николаю Спешневу, Федору Львову, Михайле Буташевичу-Петрашевскому и сосланному в город Томск родственнику моему Михайле Бакунину [1]).

Примите уверение в искреннем уважении и душевной преданности, с коими имею честь быть вашего сиятельства—

покорнейший слуга Николай Муравьев“.

На бумаге этой Долгоруков сделал надпись: „Собственноручно отвечал из Минска, что лица, о коих ходатайствует граф Муравьев, забытыми не останутся, но что теперь участь их изменена еще быть не может“.

Дело стало казаться безнадежным. III отделение упорно не шло на уступки. Тогда Муравьев решил хлопотать о переводе Бакунина на жительство в Восточную Сибирь, где был он полновластным хозяином края. В марте 1859 г., благодаря ему, состоялся перевод Бакунина на жительство в Иркутск. Восточная Сибирь открывала перед ним более широкие горизонты. Здесь Бакунин вступил на службу сначала в Амурскую компанию, а затем к золотопромышленнику Бенардаки.

IV.

В Иркутске Бакунин нашел оживленное общество. Иркутские обыватели из своей среды выделили небольшой слой передовых людей, которые пытались олицетворять собою общественное мнение края. Весенний ветер шестидесятых годов донес свои струи до далекой окраины, и там, так же как и в центре, так и в других местах необъятной империи, звал и будил все живое к работе. А над обществом, стремясь придать пробудившейся жизни основной тон, властвовал либеральный генерал-губернатор, дядя Михаила Бакунина, Н. Н. Муравьев-Амурский.

Муравьев не упускал случая щегольнуть либерализмом. Когда к нему явились, после освобождения из каторги Петрашевский и Львов, Муравьев принял их с горячим радушием, обнял их, устроил Спешнева и Львова на службу при Главном Управлении Вост. Сибири, самому же Петрашевскому разрешил жить в Иркутске.

Он не только подчеркнуто проявлял свое внимание „политическим преступникам“, но старался показать себя передовым человеком вообще. Заграничными изданиями о России был завален целый угол его каби-

---

[1]) В. И. Семевский в своем исследовании «М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири» («Гол. Минувшего» 1915 г., №№ 1, 3, 5) считает «известие Бакунина о ходатайстве Муравьева в пользу Петрашевского более чем сомнительным» (стр. 50, март). Покойный историк ошибался.

нета,—он с готовностью предложил пользоваться этой литературой Петрашевскому и его друзьям [1]).

Но нередко из-под любезной маски либерала сквозили совсем не либеральные черты. Разыгрывая демократа и европейца,—он тем не менее не долюбливал студентов и ходу им не давал. Этим представителям молодой России он предпочитал лицеистов и правоведов, которыми окружил себя и которые играли первые роли в управлении краем. Он, кроме того, „по слабости, свойственной многим выдающимся деятелям, любил наушничество, возводил даже эту свою наклонность в принцип" [2]).

Этого автора нельзя заподозрить в пристрастии к Муравьеву. Благонамеренный обыватель, бывший некоторое время иркутским городским головой, он был более близок Муравьеву, чем, скажем, Петрашевскому. И тем не менее, он не может не подчеркнуть, что для „хозяина" края были характерны фаворитизм, слабость к приближенным, самолюбивое и энергичное отстаивание их [3]).

Такие замашки не могли, разумеется, остаться тайной от окружающих. Они выступали на сцену всегда, когда „общество", на которое изливал избытки своего прекраснодушия молодой администратор, пыталось сметь свое суждение иметь. В такие именно моменты из-под ласкающего бархата либерализма выступили бесцеремонные когти нетерпимого и властного сатрапа.

К великой чести „политических преступников", обласканных Муравьевым, следует заметить, что не всех их пленила обходительность генерал-губернатора.

Петрашевский, которому нельзя отказать в проницательности, весьма точно определил внутренний лик Муравьева. Еще при первом знакомстве с ним в Шилкинской тюрьме в 1852 г., когда Муравьев пустил в ход все свое генеральское обаяние, чтобы очаровать мрачного и самолюбивого заговорщика, Львов задал ему вопрос, что думает он о Муравьеве. „Это штабс-капитан из той же компании", ответил Петрашевский фразой из игроков Гоголя, т.-е., пояснял позднее Львов, он такой же политический шулер, как и другие [4]).

С таким предубеждением Петрашевский поселился в Иркутске, и его недружелюбия не удалось преодолеть Муравьеву. А когда Петрашевский уже не по интуиции, а на опыте познакомился с духовным обликом генерала—этот облик не вызвал в нем никакого расположения. Муравьев же, увидя, что Петрашевский и другие „политические преступники", нисколько не оценивают величия его генеральского либерализма и даже позволяют себе дерзость фрондировать, критиковать и осуждать его, обрушился на них всею тяжестью своего властного самодурства.

Старик декабрист Завалишин, например, не ценил колонизаторской политики Муравьева. Он написал несколько статей, в которых весьма критически отнесся к амурской деятельности графа Амурского.

Эти статьи, появившиеся в столичных изданиях („Русском Инвалиде", „Морском Сборнике", „Военном Сборнике"), вызвали со стороны графа истинно солдатскую реакцию. По его настояниям, дальнейшие статьи Завалишина были к печати строжайше запрещены.

[1]) См. Семевский, «М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири» «Гол. Минувшего», 1915 г. март, стр. 22.

[2]) В. П. Сукачев, «Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Вост. Сибири», Москва, 1891.

[3]) Там же, стр. 74.

[4]) Цитиров. выше работа В. И. Семевского, «Гол. Мин.» январь, 1915, стр. 7?

ıвтор же статей был выслан из Сибири, хотя покидать ее не имел ıикакого желания [1].

А когда однажды другой политический преступник Львов, вместе : прочими „облагодетельствованный“ вниманием генерал-губернатора, ıерзнул высказаться в местной газете отрицательно о дуэли одного ıз муравьевских фаворитов (ниже мы подробнее остановимся на этом ıпизоде), заместитель Муравьева, Корсаков вызвал смельчака и объ- ıвил ему от имени графа, что он, Львов, не может далее оставаться на ıлужбе в Главном Управлении Восточной Сибири, так как в статье о ıуэли „обнаружил понятия о чести“, не согласные со взглядами графа. Iьвов добавлял при этом, что взбешенный Муравьев грозил повесить ı расстрелять его. Из-под маски либерала и демократа показывал свои ıубы лик деспота и татарина [2].

Те же татарские замашки обнаруживал Муравьев почти посто- ıнно, когда ему приходилось сталкиваться с поползновениями „поли- ıических преступников“ мыслить не по-муравьевски. Когда тот же ıорсаков, цензуровавший неофициальную газету „Амур“, выходившую ı Иркутске, пожаловался однажды Муравьеву, находившемуся в то ıремя в Петербурге, на направление газеты, либеральный генерал- ıубернатор так ответил на его жалобы: „Ты недоволен „Амуром“ и, ıазумеется, когда там главные сотрудники Петрашевский и Львов, га- ıета и не может итти хорошо, а потому самое простое средство: запре- ıить печатать эту газету военной типографии, если деньги не взяты ıперед, а также и губернской типографии не дозволять принимать ıечатание ее,—тогда редактору останется только переписывать свою ıазету через писарей. Меру эту я советую принять немедленно; редак- ıору же объявить, что за сделанным ему мною наставлением ему сле- ıовало устранить от сотрудничества обоих вышеуказанных господ, а ıто если наставления мои на него не подействуют, то чтоб пенял сам ıа себя, если газета остановится, ибо клеветы и злобы мы не можем ıопускать в газете, которая находится под моим покровительством и ıензурою. Что же касается до Петрашевского и Львова, то если они ıудут продолжать так действовать, то, по возвращении моем из-за гра- ıицы, будут приняты меры решительные“.

История этого, видимо, многострадального органа насчитывает на ıоих страницах не один выговор и иные меры воздействия за статьи ı заметки, помечавшиеся на его столбцах. Редактор „Иркутских Ведомо- ıтей“ Загоскин, за помещение статьи, содержавшей одно лишь неодобре- ıие дуэли вообще, получил от Муравьева личный выговор, студентам же ıиновникам на приеме у себя он закатил сцену, которую историк города ıркутска деликатно определяет, как „непомерно резкое внушение“ [3].

Либеральный генерал-губернатор не ограничивался выговорами ıа разносами. Его чиновники, по его приказу, писали статьи. Эти статьи ıаправлялись в редакцию газеты „Амур“, основанную на частные ıеньги Петрашевским, с лаконической резолюцией Муравьева: „Для на- ıечатания“. Разговоры были коротки.

Могла ли столь пышная административная деятельность привлечь ı себе людей, в которых было кое-что, кроме горячего усердия испол- ıять приказания начальства? Для характеристики недовольства, которое

[1] Белоголовый, «Воспоминания», изд. 1897 г., стр. 69. Сукачев, цит. ч., стр. 80.

[2] Письмо Львова от 24 января: В. Семевский, «Петрашевский в Сибири» — ол. Минувшего», 1915, март, стр. 35.

[3] Сукачев, указанное сочинение, стр. 78.

эта деятельность возбуждала, приведем выдержку из письма М. Шестунова, владельца частной библиотеки в Иркутске к декабристу Завалишину.

"Кто ныне не говорит либеральных фраз, но многие ли применяют их к делу,—пишет Шестунов.— (Я не говорю о Бакунине и Спешневе, этих отщепенцев по расчету.) Разве Беклемишевы и все эти люди белой кости, лицеисты и правоведы, рыцари чести с их главой (т. е. Муравьевым), не либералы на словах? Вот их-то и надо изобличать: заматерелые рутинисты и консерваторы вовсе не опасны... И, конечно, лжелиберализм главного лица был известен и ранее. Но такое безумное противоречие слов и дел, такое презрение к закону, к общественному мнению и даже к приличиям, такой произвол и деспотизм никогда, в течение 13 лет, не заявлял себя так нагло, явно и публично, как в прошедшем году (и поныне) [1]).

Мы не станем более подробно останавливаться на деятельности Муравьева. Для нашей цели приведенного материала совершенно достаточно, чтобы внести существенную поправку в ту образную характеристику, которую дал Герцен генерал-губернатору Восточной Сибири. Либерал и деспот, демократ и татарин, сказал автор „Былого и дум". Либерал и демократ на словах, татарин и деспот на деле, заметим мы.

В какие же отношения к этому либеральному генералу встал герой нашего повествования по прибытии своем в Иркутск?

Вяч. Полонский.

(Окончание следует).

---

[1]) Письмо от 5 апреля 1860 г.: В. Семевский, «Петрашевский в Сибири» — «Гол. Минувшего» март 1915 г., стр. 37.

Искусство и жизнь.

В. Короленко[1]).

(По поводу „Истории моего современника“).

1.

„Моя душа, принадлежавшая трем национальностям, нашла, наконец, свою родину; то была прежде всего русская литература“, говорит Короленко в своих воспоминаниях. История же этой литературы, которая сделалась для Короленко отечеством, родиной и родной национальностью—так же, как он сам составляет украшение ее,—представляет единственное в своем роде явление.

В течение многих столетий, на протяжении средних веков и новой истории до последней трети восемнадцатого века, в России царила мрачная ночь, кладбищенская тишина, варварство. Не существовало ни образованного литературного языка, ни собственного стихосложения, ни какой-либо научной литературы, ни книжной торговли, ни библиотек, ни журналов; не было никаких центров духовной жизни. Гольфстрем Возрождения, омывший берега всех европейских стран, создавая в них точно волшебной силой цветущий сад мировой литературы, встряхнувшие мир бури Реформации, пламенное дыхание философии восемнадцатого века—все это пронеслось, не затронув Россию. Царская империя еще не обладала никакими органами для уловления световых лучей западной культуры; не было вспаханной духовной почвы, на которой могли бы возрасти зародыши этой культуры. Очень немногочисленные литературные памятники тех времен производят теперь своим странным уродством такое же впечатление как произведения искусства Соломоновых островов или Новых Гебрид; между ними и искусством Запада не существует, повидимому, никакого духовного родства, никакой внутренней связи.

А затем произошло нечто вроде чуда. После нескольких робких попыток создать национальное духовное движение в конце восемнадцатого века, наполеоновские войны зажгли, как молния, духовную жизнь России. Это вызвано было, с одной стороны, глубочайшим поражением

[1]) От редакции. Статья о Короленко написана Розой Люксембург в исправительной тюрьме в Бреславле в июле 1918 года и является предисловием к «Истории моего современника», переведенной ею на немецкий язык и появившейся в немецком издании в конце 1919 года. Перевод статьи т. Люксембург сделан Э. А. Венгеровой и любезно предоставлен в распоряжение редакции т. Рязановым. Несмотря на то, что отдельные мнения Розы Люксембург о русской литературе могут быть с успехом оспариваемы (например, о Л. Андрееве) с точки зрения коммунизма, редакция считает нужным познакомить русского читателя с прекрасной по форме и интересной по содержанию и глубокой по мыслям статьей Красной Розы, сгиб[illegible] руками по[illegible] немецких [illegible].

России, впервые пробудившим национальное самосознание в царской империи, а затем победами коалиции: русская интеллигентная молодежь проникла в результате этих побед на Запад, в Париж, в сердце европейской культуры и пришла в соприкосновение с новым миром.

Точно в одну ночь расцвела вдруг русская литература, и предстала перед миром завершенная, в сверкающем вооружении, точно Минерва, вышедшая из головы Юпитера, являя самобытную национальную художественную форму, язык, совмещающий благозвучие итальянского с мужественной силой английского и благородством, как и глубокомыслием немецкого, бьющее через край богатство талантов, сверкающей красоты, мыслей и ощущений.

Длинная темная ночь, кладбищенская тишина была только кажущейся, только обманом зрения. Лучи света, проникавшие с Запада, сохранились в виде сокрытой силы, зародыши культуры ждали в земле благоприятного момента, чтобы пустить ростки. Русская литература выступила сразу, как бесспорный член европейской литературы; в жилах ее текла кровь Данте, Раблэ, Шекспира, Байрона, Лессинга, Гете. Она нагнала львиным прыжком пропущенное за сто лет и вступила равноправным членом в семейный круг западной литературы.

До чего изумителен такой ритм в истории русской литературы и какую изумительную аналогию с ним представляет новейшее политическое движение России! Это, действительно, способно сбить с толку некоторых наивных доктринеров.

Самое характерное в столь внезапно возникшей русской литературе то, что она порождена была оппозицией против существовавшего строя, проникнута была боевым духом. Это было ее отличительным знаком в течение всего девятнадцатого века. Этим и объясняется богатство и глубина ее духовного содержания, завершенность и своеобразность ее художественной формы и в особенности ее творческая и движущая общественная сила. Ни в какой другой стране и ни в какую другую эпоху литература не была такой общественной силой, как русская литература в эпоху царизма, и она оставалась на этом своем посту в течение целого века, пока ее не сменила реальная сила народных масс, пока слово не претворилось в плоть. Литература, художественная литература, завоевала в полуазиатской деспотической стране место в мировой культуре, пробила китайскую стену, воздвигнутую абсолютизмом, перекинула мост на Запад, и явилась туда не только с тем, чтобы брать, но и чтобы давать, не только ученицей, но и учительницей. Достаточно назвать только три имени: Толстой, Гоголь, Достоевский.

В своих воспоминаниях Короленко характеризует своего отца, чиновника крепостного времени в России, как типичного представителя психологии честных людей того поколения. Отец Короленко чувствовал себя ответственным только за свои личные поступки. Мучительное чувство ответственности за общественное зло было ему чуждо. „Бог, царь и закон“ стояли в его глазах выше всякой критики. В качестве окружного судьи он считал себя призванным только к тому, чтобы применять законы с величайшей добросовестностью.

Для поколения 40-х и 50-х годов общественные условия, как целое, относились к области стихийного, незыблемого. Незнавшая сопротивления среда умела только гнуться под карающими ударами властей,—как под напором вихря, выжидая, когда пройдет непогода, надеясь, что она пройдет. Да,—говорит Короленко,—это было цельное настроение, род устойчивого равновесия совести. Внутренние их устои и не колебались анализом, и честные люди того времени не знали

глубокого душевного разлада, вытекающего из сознания личной ответственности за „весь порядок вещей". Только такое миросозерцание является, по его мнению, подлинной основой правления божьей милостью,—только пока еще незыблемо держится такое миросозерцание велика и сила абсолютизма".

Было бы ошибкой считать обрисованную Короленко в таких чертах психологию исключительно русской или непременно связанной с порой крепостничества. И при самых разнообразных политических и социальных формах правления может существовать такое настроение общества, чуждое грызущего самоанализа и внутреннего раздвоения, когда люди ощущают „установленную богом зависимость", как нечто стихийное, и приемлют исторические условия, как решения небесной воли, за которые люди столь же неответственны, как за то, что молния убивает иногда невинного ребенка. Такое настроение наблюдается даже и при современных условиях; особенно же полно дало оно себя знать в психологии немецкого общества в течение всего времени мировой войны.

В России такое „незыблемое равновесие совести" стало расшатываться в широких кругах интеллигенции уже в шестидесятых годах. Короленко очень наглядно изображает духовный переворот русского общества того времени и показывает, как именно его поколение преодолело „крепостническую" психологию и охвачено было новым течением. „Особенностью этого течения и был разъедающий, мучительный, но вместе с тем и творческий дух общественной ответственности".

Пробуждение в русском обществе высокого гражданского духа, подточившего глубочайшие психологические корни абсолютизма, является заслугой русской литературы. Она со своей стороны никогда, с самого начала своей деятельности, с начала девятнадцатого столетия, не отрекалась от общественной ответственности, не забывала разъедающий, мучительный дух общественной критики.

С той поры, когда она в лице Пушкина и Лермонтова развернула с неподражаемым блеском свое знамя перед обществом, русская литература считала своим основным жизненным принципом борьбу против тьмы, некультурности и гнета. Она сотрясала с отчаянной силой общественные политические оковы, натирала себе раны о них и честно уплачивала цену битв кровью своего сердца.

Ни в какой другой стране не наблюдается такой поразительной краткости жизни самых выдающихся писателей, как в России. Они умирали и чахли дюжинами в цветущем, почти в юношеском возрасте, в 25, 27 лет, или, в лучшем случае, едва переступали за предел 40 лет и умирали на виселице, были жертвами прямого или прикрытого дуэлью самоубийства, погибали от сумасшествия, от преждевременного истощения. Благородный певец свободы Рылеев был казнен в 1826 году, как вождь декабристов. Пушкин и Лермонтов, гениальные творцы русской поэзии, погибли оба на дуэли, и жертвами ранней смерти был весь их круг расцветающих талантов, как, например, основатель литературной критики и поборник гегельянства в России, Белинский, так же как Добролюбов. Ранней смертью умер превосходный, нежный поэт—Кольцов (многие его песни вросли, как одичавшие садовые цветы в русскую народную поэзию), а также творец русской комедии Грибоедов и выше его стоящий, преемник его, Гоголь. Рано умерли в более близкое к нам время два блестящих беллетриста: Гаршин и Чехов. Другие томились десятки лет в тюрьме, на каторге, в ссылке—как основатель русской журналистики Новиков, как вождь декабристов Бестужев, князь Одоевский, Александр Герцен, как Достоевский, Чернышевский, Шевченко, Короленко.

Тургенев сказал как-то, что он впервые в жизни насладился полностью пением жаворонка, услышав его где-то под Берлином. Это мимолётное замечание кажется мне очень характерным. Жаворонки поют в России столь же прекрасно, как и в Германии. Огромная русская империя таит в себе так много красот и столь разнообразных, что всякая чуткая, поэтичная душа находит на каждом шагу случай всецело отдаться наслаждению природой. Но Тургенев не мог безмятежно созерцать красоту природы у себя на родине. Ему мешал мучительный разлад общественной жизни, мешало постоянное тягостное чувство ответственности за вопиющие общественные и политические условия,—то неотступно гложущее чувство, которое не допускает ни минуты самозабвения. Лишь за границей, когда тысячи гнетущих картин его родины остались позади и он очутился в условиях чуждой ему страны,—а благоустроенная внешность и материальная культура Запада издавна вызвали наивное преклонение у русских,—русский художник смог беззаботно, полной грудью насладиться природой.

Было бы однако величайшей ошибкой думать, что русская литература проникнута вследствие этого грубой тенденциозностью и представляет собой сплошной трубный глас о свободе, что она посвятила себя только изображению жизни бедняков, а тем более, что все русские писатели—революционеры или, по меньшей мере, прогрессисты. Такие клички, как „реакционер" или „прогрессист", вообще не имеют значения в искусстве.

Достоевский в своих позднейших произведениях—определенный реакционер, поэтически настроенный мистик и ненавистник социалистов. Его изображения русских революционеров—злые карикатуры. Мистическое учение Толстого тоже по меньшей мере отсвечивает реакционностью. И все же произведения и того и другого действуют на нас возвышающим образом, поднимают и освобождают наш дух. Это объясняется тем, что основа их творчества, то, из чего они исходят, не реакционна. Их мыслями и чувствами владеет не социальная ненависть, не узкосердечие и сословный эгоизм, не приверженность к существующему, а, напротив того, самая широкая любовь к человечеству и глубочайшее чувство ответственности за общественную несправедливость. Именно реакционер Достоевский сделался в художественной литературе защитником „униженных и оскорбленных", как гласит заглавие одного его произведения. Только самые выводы, к которым пришли и он, и Толстой—каждый своим особым путем, только то, что они считают выходом из лабиринта общественных отношений, ведет в тупик мистики и аскетизма. Но у истинного художника предлагаемые им общественные рецепты имеют лишь второстепенное значение. Главный источник его творчества, вдохновляющий его дух, а не сознательная цель, которую он себе ставит.

В русской литературе обнаруживается также, хотя и в значительно меньших размерах, направление, которое выдвигает вместо глубоких мировых идей Толстого или Достоевского более скромные идеалы: материальную культуру, современный прогресс, гражданские добродетели. К самым талантливым представителям этого направления принадлежат из прежних поколений—Гончаров, из более молодого—Чехов. Последний даже из духа сопротивления против аскетической морали Толстого выступил в свое время с весьма характерным утверждением, что пар и электричество содержат в себе больше человеколюбия, чем целомудрие и вегетарианство. Но и это трезвенное „культуртрегерство" проникнуто в России, в противоположность произведениям французских или немецких изобразителей juste milieu, не сытым мещан-

ством и пошлостью, а молодым мятежным стремлением к культуре, к проявлению личного достоинства и инициативы. Гончаров, например. создал в своем „Обломове" образ ленивца, достойный места в галлерее великих художественных типов, имеющих общечеловеческое значение.

В русской литературе имеются, наконец, и представители декадентства. К таковым следует причислить и одного из самых блестящих писателей Горьковского поколения, Леонида Андреева; от его творчества веет наводящим ужас могильным тленом, дыхание которого душит всякую жизненную силу. Но корни и сущность этого русского декаданса диаметрально противоположны декадентству Бодлэра или д'Аннунцио. В основе настроений этих западных декадентов лежит только пресыщение современной культурой, очень утонченной по форме, но в корне весьма жизнеспособный эгоизм, который не находит себе удовлетворения в нормальном существовании и поэтому прибегает к ядовитым средствам возбуждения. У Андреева же безнадежность вытекает из душевных мук, порожденных напором гнетущих общественных условий. Андреев, как и все лучшие русские писатели, заглянул в многообразные глубины человеческих страданий. Он пережил японскую войну, первый период революции, ужасы контр-революции 1907—1911 годов и изобразил свои переживания в потрясающих картинах в „Красном смехе", „Рассказе о семи повешенных" и других. И теперь на нем повторяется судьба его „Лазаря", который вернулся с берегов царства теней, не может преодолеть дыхания могилы и блуждает среди живых, как „недоеденный смертью кусок". Происхождение его декадентства типично русское: оно порождено избытком общественного сострадания, убивающей действенность и силу сопротивления отдельной личности.

Общественное сострадание составляет особенность и художественное величие русской литературы. Трогать и потрясать может лишь тот, кто сам растроган и потрясен. Талант и гений, конечно, в каждом отдельном случае „дар Божий". Но одного только, даже самого большого таланта мало, чтобы оказывать глубокое влияние на умы. Никто не станет отрицать таланта и даже гения у аббата Монти, который воспевал дантовскими терцинами то убийство посланника французской революции римской чернью, то победы этой самой революции, то австрийцев, то директорию, то, убегая от русских, безумного Суворова, то потом опять Наполеона и опять императора Франца, разливаясь каждый раз соловьиным пеньем прямо над ухом победителя. Никто не станет отрицать и большого таланта Сент-Бева, творца критических этюдов, как особого рода литературы, но блестящее перо его служило попеременно почти всем политическим партиям во Франции, и он сжигал сегодня то, чему поклонялся вчера, и наоборот.

Для прочного воздействия на умы, для истинно воспитательного влияния на общество нужно более чем только талант: нужна поэтическая самобытность, характер, индивидуальность, укрепленные на твердой основе завершенного широкого миросозерцания. Такое миросозерцание и обострило чуткую общественную совесть русской литературы, ее проникновение в психологию различных характеров, типов, общественных положений. Болезненно трепещущая жалость русских писателей обогатила их описания сверкающим блеском красок, их стремление вдумываться в общественные загадки научило их охватывать художественным взором цельность общественного строя во всем его величии и внутренних взаимоотношениях и воссоздавать ее в мощных произведениях.

Убийства и преступления совершаются каждый день и всюду. „Парикмахерский подмастерье Икс убил и ограбил рентьершу Игрек. Уголовный суд в Ц. приговорил его к смерти". Такие сообщения в три строки „из провинций" все читают по утрам в газете. Равнодушно пробегая их взором, ищут дальше последних известий о скачках или театральный репертуар на ближайшую неделю. Кто кроме уголовной полиции, прокуратуры и статистиков интересуется случаями убийств? Разве только авторы уголовных романов и сценариев для кинематографа.

Достоевский потрясен до глубины души самим фактом, что один человек может убить другого, что это может случиться в любой день около нас, среди нашей „цивилизации", стена об стену с нашим обывательским мирным существованием. Как для Гамлета с преступлением его матери распалась связь вселенной и рушились основы мира, так и для Достоевского из-за факта, что человек в состоянии убить человека. Он не находит покоя, он чувствует ответственность, которая тяготеет на нем, как и на каждом из нас, за этот ужас. Он ощущает необходимость выяснить себе психологию убийцы, проникнуть в тайну его страданий, его мук, в самые сокровенные уголки его сердца. Он изведал всю эту пытку, и его ослепило страшное прозрение: убийца—сам несчастнейшая жертва общества. Тогда Достоевский бьет громовым голосом тревогу, пробуждает нас от тупого равнодушия культурного эгоизма, препровождающего убийцу уголовному следователю, прокурору, а затем палачу или на каторгу, и считающего, что этим все сделано. Достоевский заставляет нас перечувствовать всю муку убийцы и бросает нас на-земь уничтоженными: кто прочувствовал душой, как свое переживание, его Раскольникова, или допрос Дмитрия Карамазова в ночь после убийства его отца, или „Записки из мертвого дома", тот никогда больше не вернется, как улитка, в скорлупу мещанства и самодовольного эгоизма. Романы Достоевского самые страшные обвинения, брошенные в лицо буржуазному обществу: истинный убийца, убийца человеческих душ, это ты.

Никто не умеет так жестоко, как Достоевский, мстить обществу за его преступления против отдельной личности, так утонченно пытать его. Это особый талант Достоевского. Но и все другие лучшие представители русской литературы видят в убийстве обвинение против существующих условий, преступление против убийцы, как человека, и считают, что мы все — каждый в отдельности — ответственны за это преступление. Поэтому величайшие таланты постоянно возвращаются точно загипнотизированные к проблеме уголовного убийства, и воссоздают его перед нашими взорами в совершеннейших художественных произведениях, чтобы вывести нас этим из равнодушного спокойствия. Это делает Толстой во „Власти тьмы" и „Воскресении", Горький — в пьесе „На дне" и „Трое", Короленко — в „Лес шумит" и в изумительном сибирском рассказе „Убийца".

Проституция настолько же специфически русское явление, как туберкулез; она скорее наиболее международный институт общественной жизни. Особенность заключается лишь в том, что хотя она играет в современной жизни почти господствующую роль, официально, в духе условной лжи, она не считается нормальным элементом общественного строя, а рассматривается, как нечто стоящее за пределами общественности, как отброс общественности. Русская литература изображает проститутку не в пикантном стиле будуарного романа, не с плаксивой сантиментальностью тенденциозных книжек, но и не таинственным лютым зверем Ведекинда наподобие „Духа земли".

Ни в одной литературе мира нет описаний, проникнутых более жестоким реализмом, чем грандиозная сцена оргии в „Карамазовых" или „Воскресенье" Толстого. Но русский писатель видит в проститутке все же не „падшую женщину", а человека, психология, страдания и внутренняя борьба которого требуют сочувствия. Проститутка облагорожена в произведениях русских писателей и получает нравственное удовлетворение за совершенное над нею преступление общества: она оспаривает в русских романах любовь мужчины у самых нежных и чистых женщин. Русский писатель венчает ее главу розами и возводит ее, как баядерку Махадэ, из ада развращенности и душевных мук на высоту нравственной чистоты и женского подвижничества.

Но не только яркие обособленные явления на сером фоне будничной жизни, но и самая эта жизнь, средний человек и его жалкое существование, привлекают обостренный в общественном отношении взор русской литературы. „Человеческое счастье,—говорит Короленко в одном своем рассказе,—честное человеческое счастье имеет для души что-то целительное и бодрящее. И я всегда думаю, знаете ли, что люди в сущности о б я з а н ы быть счастливыми". В другом рассказе, озаглавленном „Парадокс", он вкладывает в уста безрукому от рождения калеке слова: „Человек создан для счастья, как птица для летания". В устах жалкого урода такое изречение—явный „парадокс". Но для тысяч и миллионов людей столь же парадоксальны слова о „призвании к счастью"—и не вследствие случайных физических недостатков, а в результате общественных условий.

В замечании Короленко заключается действительно нечто весьма важное в смысле общественной гигиены: счастье оздоравливает и очищает людей в духовном отношении, подобно тому как солнечный свет над открытым озером самым действительным образом обеззараживает воду. Это вместе с тем значит, что при ненормальных общественных условиях, а по существу все условия, построенные на социальном неравенстве, ненормальны — самые разнообразные душевные увечья должны стать обычным массовым явлением. Когда в общественной жизни прочно утверждается угнетение, произвол, несправедливость, и распределение труда таково, что ведет к односторонней специализации, то это создает людям определенный духовный облик, и притом на обоих полюсах угнетатель, как и угнетенный, тиран, как и льстец, хвастливый богач, как и паразит, бездушный карьерист, как и лентяй, педант и шут в одинаковой степени создания и жертвы условий своего существования.

Именно эти своеобразные психологические уклонения от нормы, так сказать рост человеческой души, искривленный под влиянием обыденных общественных условий, изображены у Гоголя, Достоевского, Гончарова, Салтыкова, Успенского, Чехова и других с истинно Бальзаковской силой. Трагедия обыденности самого заурядного человека, как ее изобразил Толстой в „Смерти Ивана Ильича", единственная в своем роде во всемирной литературе.

В русской литературе проявляется также интерес к особой категории мелких плутов, людей без определенного призвания, неспособных к определенному заработку, мечущихся между прихлебательством и от времени до времени столкновениями с уголовным уложением и составляющих отбросы буржуазного общества. На Западе общество отгоняет их от своего порога категорическими надписями: „нищим, разносчикам, бродячим музыкантам вход запрещается". К такого рода типам, к которым принадлежит и отставной чиновник Попков в вос

поминаниях Короленко, русская литература сыздавна относилась с живым художественным интересом и добродушной улыбкой понимания. С Диккенсовской теплотой, но без его истинно буржуазной сантиментальности, а скорее с реализмом широкого размаха. Тургенев, Успенский, Короленко, Горький просто считают всех этих „погибших“ людей, так же как преступников, как проституток, равноправными членами человеческого общества, и создают благодаря такой широте понимания высоко художественные образы.

Русская литература проявляет особую нежность и чуткость в изображении мира детей, как, например, Толстой в „Войне и Мире“ и „Анне Карениной“, Достоевский в „Карамазовых“, Гончаров в „Обломове“, Короленко в рассказах „В дурном обществе“, „Ночью“, Горький в рассказе „Трое“. У Зола есть роман „Страница любви“ из серии „Ругон Макаров“, где в центре повествования стоит очень трогательно изображенная душевная драма заброшенного ребенка. Но героиня Зола, болезненная от рождения, до крайности чувствительная девушка, сраженная в самое сердце кратким, эгоистическим любовным увлечением матери и засыхающая, как едва распустившийся цветок,— только материал для „аргументации“ в экспериментальном романе Зола, только манекен, на котором автор развивает свою теорию наследственности.

Для русских писателей детская душа сама по себе ценный объект художественного интереса. Ребенок для них такая же человеческая личность, как взрослый, только более непосредственная, неиспорченная и более беззащитная против общественных влияний. Кто соблазнил одного из малых сих, лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и т. д. Современное общество, однако, „соблазняет“ миллионы малых сих тем, что похищает у них самое драгоценное и незаменимое, что может быть у человека,—счастливую, беззаботную гармоничную юность.

Как жертва общественных условий, мир детей с их страданиями и радостями особенно близок сердцу русских писателей, и они говорят о нем не в том нарочитом тоне, который взрослые считают обыкновенно нужным принять, когда снисходят к общению с детьми, а в искренном и серьезном товарищеском тоне, без всякого ни на чем не основанного высокомерия старших по отношению к детям,—даже напротив того, с внутренней робостью и преклонением перед нетронутым человечным началом, дремлющем в душе ребенка—точно перед жизненной Голгофой, открывающейся перед каждым ребенком.

Показательным симптомом духовной жизни культурных народов является то положение, которое занимает в их литературе сатира. Германия и Англия представляют в этом отношении два противоположных полюса европейской литературы. Чтобы протянуть нить от Гуттена до Гейне, приходится причислить к сатирикам и Гриммельсгаузена, что уже является натяжкой. И даже в таком случае промежуточные звенья являют зрелище ужасающего падения на протяжении трех столетий. От гениально фантастического Фишарта с его здоровой натурой, в которой ясно чувствуется дыхание Возрождения, до трезво причудливого Мошероша, и от Мошероша, который все же смело дергал за бороду сильных мира сего, до мелкого филистера Рабенера—какое падение! Рабенер возмущается „дерзостью“ тех, которые осмеливаются высмеивать особ княжеского рода, духовенство и „высшие сословия“, в то время как честному немецкому сатирику нужно прежде всего научиться быть „верноподданным“. Произведения Рабенера знаменуют смерть немецкой сатиры: в послемартовской литературе почти

овершенно нет сатиры высокого стиля. В Англии, напротив того, сатира достигла небывалого расцвета с начала восемнадцатого века, со времени Великой Революции. Английская литература не только дала ряд таких мастеров, как Мандевиль, Свифт, Стерн, сэр Филипп Френсис, Байрон, Диккенс, в венце которых, конечно, первое место принадлежит Шекспиру за одну фигуру Фальстафа. Помимо этого сатира не осталась в Англии исключительным достоянием героев духа, она перешла в общее владение, была, так сказать, национализована. Она сверкает в политических памфлетах, пасквилях, парламентских речах, газетных статьях, как и в поэзии. Она сделалась до такой степени насущным хлебом англичан, воздухом, которым они дышат, что часто и даже в рассказах для благовоспитанных девиц можно натолкнуться на сатирические выпады, а иногда на столь же едкие изображения английской аристократии, как у Уайльда, Шоу или Гольсуорти.

Этот расцвет сатиры объясняют часто тем, что Англия издавна страна политической свободы. Но русская литература, которую в этом отношении можно поставить рядом с английской, доказывает, что дело не столько в политическом строе данной страны, а в образе мыслей руководящих общественных кругов.

В России с самого возникновения литературы сатира завладела всеми ее областями и создала выдающиеся произведения в каждой из них. „Евгений Онегин" Пушкина, повести и эпиграммы Лермонтова, басни Крылова, комедии Островского и Гоголя, стихотворения Некрасова—его сатирическая поэма „Кому на Руси жить хорошо" дает даже в тяжелом немецком переводе представление о чарующей свежести и красочности его произведений, все это великие произведения каждое в своем роде. И, наконец, в лице Салтыкова (Щедрина) русская сатира дала миру гения, который создал для сурового бичевания самодержавия и чиновничества совершенно своеобразную литературную форму, свой непереводимый язык, и оказал глубокое влияние на духовное развитие общества.

Так—русская литература соединяет высокий моральный пафос с художественным пониманием всей гаммы человеческих чувств, и она создала среди большой тюрьмы, среди материальной бедности царизма собственное царство духовной свободы и пышной культуры, в котором легко дышать и приобщаться к интересам и духовным течениям культурного мира. Благодаря этому она сделалась в России общественной силой, воспитывала поколения за поколениями и смогла стать для лучших из своей среды, как для Короленко, истинной родиной духа.

2

Короленко -подлинно поэтическая натура. Вокруг его колыбели сгубились густые туманы суеверия. Не развращенного суеверия современного столичного декаданса, каким оно неискоренимо проявляется, например, в Берлине в спиритизме, в вере в гадалок и лечении болезней молитвами,—а наивного суеверия народной поэзии, чистого и пряно ароматного, как свободный ветер украинской степи и миллионы диких ирисов, как тысячелистник и шалфей, которые растут там в траве, достигающей высоты человеческого роста. В жуткой атмосфере людской и детской в родительском доме Короленко ясно чувствуется, что колыбель его стояла в непосредственной близости волшебного мира Гоголевских творений с его земными духами, ведьмами и языческим святочным колдовством

И в „Гарном Луге" все живо напоминает мир Гоголевских образов, миргородских обывателей — Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, только еще с сильной польской примесью, так как Волынь находится по соседству с Литвой, родиной прежней польской шляхты и ее бессмертного певца Адама Мицкевича.

Короленко по происхождению поляк, украинец и русский, и уже в детстве он испытал напор трех „национализмов", из которых каждый требовал от него, чтобы он „кого-нибудь ненавидел и преследовал". Но все такие искушения рано стушевались при здоровом влечении мальчика к общечеловеческому в людях.

Польские традиции обвеяли его лишь последним умирающим дыханием исторически превзойденного прошлого. От украинского национализма его отталкивала смесь маскарадного шутовства и реакционной романтики. А бесчеловечность официальной русской политики по отношению к угнетенным полякам и к униатам на Украйне в достаточной степени уберегла нежную душу мальчика от русского шовинизма; он чувствовал всегда инстинктивное влечение к слабым и угнетенным, а не к сильным и торжествующим. Чуждаясь распри трех национальностей, происходившей на его родине, в Волыни, он искал убежища в гуманности.

В 17 лет, лишившись отца и не имея никаких средств, кроме собственного заработка, Короленко уехал в Петербург и ушел с головой в водоворот студенческой жизни и политических брожений. После трех лет занятий в Технологическом институте, он перешел в Сельско-хозяйственную академию в Москве. Но два года спустя его жизненные планы перевернуло, как у многих людей его поколения, вмешательство „Высшей власти". Короленко был арестован за активное участие в студенческой демонстрации, исключен из академии, и сослан на Север, в Вологду, и потом только ему разрешено было переехать на жительство в Кронштадт, где он состоял под полицейским надзором.

Несколько лет спустя Короленко вернулся в Петербург и стал снова строить жизненные планы; он научился сапожному мастерству, чтобы, согласно своим идеалам, стать ближе к народным слоям и вместе с тем способствовать разностороннему развитию собственной индивидуальности. Но в 1879 г. его снова арестовали и сослали на этот раз дальше на северо-восток, в Вятскую губернию, в совершенно глухую, далекую от мира дыру.

Но Короленко не пришел в уныние. Он кое-как устроился на новом месте изгнания и усердно занимался своим недавно изученным ремеслом, зарабатывая им свое пропитание. Но недолго пришлось ему спокойно пожить на месте. Его неожиданно, без всякого видимого основания, перевели в Западную Сибирь, оттуда снова в Пермь, а из Перми на крайний восток Сибири.

И это, однако, не было еще концом странствований Короленко. В 1881 году, после убийства Александра II, на престол вступил новый царь, Александр III. Короленко, который был тогда железнодорожным служащим, принес, вместе со всем служебным персоналом, обычную присягу новому правительству. Но это признано было недостаточным. От него потребовали, чтобы он присягнул еще раз как частное лицо, как „политический ссыльный". Короленко, как и остальные ссыльные, отказался и был сослан в ледяные пустыни Якутской области.

Это была несомненно „пустая демонстрация", хотя Короленко менее всего замышлял устроить демонстрацию. Присягал ли одинокий ссыльный, где-то в Сибирской тайге, по близости от полярного круга

или не присягал в верности царскому престолу, это не могло оказать ни малейшего непосредственного влияния на существовавшие условия жизни. Но в царской России часто прибегали к такого рода „пустым“ демонстрациям. Впрочем, не в одной только России. Разве упрямое e pur si muove Галилео-Галилея не такая же пустая демонстрация, которая не привела ни к каким практическим результатам, кроме того, что навлекла месть святой инквизиции на заточенного в тюрьму, преданного пыткам ученого? И все же для тысячи людей, которые имеют лишь самое туманное представление об учении Коперника, имя Галилея навсегда связано с его красивым жестом. И при этом совершенно не важно, что жеста этого в действительности не было, что Галилей не произносил этих слов. Именно легенды, которыми человечество любит украшать своих героев, доказывают, как такие „пустые демонстрации“, несмотря на совершенную невесомость их практической пользы, необходимы людям в совокупности их духовного обихода.

За свой отказ от присяги Короленко поплатился четырьмя годами жизни в жалком селении полудиких кочевников, на берегу Алдана, притока Лены, среди девственных лесов Сибири, при зимней температуре в 40—45° холода. Но все лишения, одиночество, мрачная природа тайги, жалкая обстановка жизни, отрезанность от культурного мира не сломили все же духовную выносливость и солнечный темперамент Короленко. Он принимал близкое участие в жалкой жизни якутов, в их интересах, усердно пахал землю, косил сено и доил коров, а зимой шил сапоги туземцам или же писал иконы... Об этом времени, когда он был „заживо погребенным“,—по выражению Джорджа Кеннана,—о жизни якутских ссыльных Короленко рассказывал впоследствии в своих очерках без жалоб, без всякой горечи, даже с юмором, в описаниях, преисполненных нежнейшей поэтической красоты. Его художественное дарование созревало за это время, и он собрал богатую жатву впечатлений природы и психологических наблюдений. В 1885 г., вернувшись, наконец, из ссылки, которая стоила ему, с коротким перерывом, почти десятка лет жизни, Короленко напечатал маленький рассказ, который сразу поставил его в ряд мастеров русской литературы: „Сон Макара“. В свинцовой атмосфере 80-х годов этот первый, совершенно зрелый плод молодого таланта произвел впечатление первой песни жаворонка в серый день в феврале. За первым последовали в быстрой смене дальнейшие очерки и рассказы: „Лес шумит“, „За иконой“, „Ночью“, „Иом-Кипур“, „Река играет“ и много других. Во всех них сказываются те же основные черты творчества Короленки: чарующие описания природы и настроений, обаятельная свежая непосредственность и теплое участие к „униженным и оскорбленным“.

Эта громко звучащая нота общественности не заключает в себе никакого учительства, никакого апостольства, как, например, у Толстого. Это у Короленко просто часть его любви к жизни и людям, его естественной доброты, его солнечного темперамента. При всей широте его взглядов и всеобъемлющих чувств, при всем отрицательном отношении к шовинизму, Короленко насквозь русский художник, быть может наиболее национальный среди великих призраков в русской литературе. Он не только любит свою страну; он влюблен в Россию, как юноша, влюблен в ее природу, в интимную красоту каждой местности гигантской империи, в каждую сонную речку и каждую тихую, окаймленную лесом долину, влюблен в простой народ, его типы, его наивную веру, его самобытный юмор и глубокую вдумчивость. Не в городе, не в удобном железнодорожном купэ, не в

шуме и суете современной культурной жизни, а только на большой дороге Короленко чувствовал себя в своей стихии. Итти в даль с дорожным мешком за спиной и с самодельной палкой в руке, „в легком поте скитаний“ отдаваться случаю, то примкнуть к кучке благочестивых странников, идущих на богомолье к чудотворной иконе, то, расположившись на берегу реки, вести беседу с рыбаками у ночного костра, то, сидя на сонно ползущем, маленьком плохом пароходике, вмешаться в пеструю толпу крестьян, лесоторговцев, солдат, нищих, и слушать их разговоры — вот образ жизни, который ему больше всего по душе. И во время таких странствований он не только наблюдает все со стороны, как утонченный, холеный аристократ Тургенев. Короленко умеет без всякого труда сходиться с первых же слов с людьми из народа, попадать им в тон и нырять в толпу.

Таким способом он исходил пешком почти всю Россию вдоль и поперек. Тут он впитывал на каждом шагу чары природы, наивную поэзию первобытности, которая вызывала улыбку и у Гоголя. Тут он с восхищением наблюдал стихийное фаталистическое спокойствие русского народа: в мирное время оно кажется непоколебимым и неисчерпанным, а в минуту бури преображается в геройство, величие и железную силу подобно очаровательной реке в рассказе Короленко, которая при обыкновенном уровне воды плещется мягко и смиренно, а в полноводье вздымается, превращаясь в гордый, нетерпеливый, величественно грозный поток. Тут, в непосредственном непринужденном общении с природой и простым народом Короленко заполнял свой дневник записями свежих красочных впечатлений; потом они почти без перемены, еще покрытые сверкающими каплями росы, обвеянные запахом земли, составляли содержание его очерков и повестей.

Очень своеобразным произведением творчества Короленки является его „Слепой музыкант“. Это как-будто чисто психологический этюд, и тема его, строго говоря, не художественная. Прирожденный физический недостаток может, конечно, стать в жизни источником многих столкновений, но само по себе такое физическое несчастие стоит за пределами человеческой воли и действий, за пределами вины и искупления, кроме разве тех случаев, когда наследственность превращает вину родителей в проклятие детей. Поэтому литература, так же как пластические искусства, останавливается на изображении физических недостатков лишь эпизодически, или с явно сатирическим замыслом, чтобы представить еще более презренным нравственное уродство художественного образа, как, например, в изображении Терсита у Гомера (а также заикающегося судьи в комедиях Мольера и Бомарше), или с примесью добродушного юмора, как на жанровых картинках голландского Ренессанса, например, на этюде уродов Корнелиса Дюсара.

У Короленко тема эта разработана совершенно иначе: душевная драма слепорождённого, которого терзает непреодолимое и безысходное влечение к свету, составляет центр повести, и разрешение, к которому приходит Короленко, неожиданно возвращает нас все к той же первооснове его творчества, как и всей русской литературы. Его слепой музыкант нравственно перерождается; он становится духовно „зрячим“ благодаря тому, что преодолевает эгоизм собственного безысходного страдания и делается выразителем физического и душевного недуга всех слепых. Вершину повествования составляет описание первого публичного благотворительного концерта слепого: он неожиданно играет на своем инструменте вариацию на известную мелодию русских слепых гусляров и дает блестящую импровизацию на эту тему; жадно внимающая публика потрясена призывом горячей жалости.

)бщественный элемент, сочувствие к страданиям масс становится пасением и прозрением для отдельного человека, как и для сово·упности общества.

3.

Благодаря полемическому характеру русской литературы границы ежду беллетристикой и публицистикой проводятся в ней не так трого, как в настоящее время на Западе. В России один род очень асто переходит в другой, как это было и в Германии в то время, огда Лессинг указывал пути буржуазии и пользовался попеременно еатральной критикой, драмой, философски богословской полемикой, стетическими трактатами для того, чтобы пробить путь новому миро·озерцанию. Разница только в том, что Лессинг—и в этом был тра·изм его судьбы—оставался всю жизнь одиноким и непонятным, а России целый ряд выдающихся талантов вспахивал попеременно амые разнообразные области литературы и в качестве поборников вободного миросозерцания. Александр Герцен соединил крупный алант романиста с гениальным публицистическим дарованием и будил з-за границы своим „Колоколом" в 50-х и 60-х годах всю мыслящую Россию. Старый гегельянец Чернышевский боролся за свои идеи с динаковой свежестью и пылом в области публицистической полемики, илософского трактата, политико-экономических очерков и тенденци·зного романа. Литературная критика, как выдающееся средство борь·ы против реакции, куда бы она ни укрылась, а также пропаганды рогрессивных идей, имела после Белинского и Добролюбова блестя·щего представителя в Михайловском; он руководил общественным інением в течение целых десятилетий и имел большое влияние на уховное развитие Короленко. Толстой пользовался для проповеди воих идей, кроме романов, также повестями и драмами, нравоучитель·ыми сказками и полемическими брошюрами. Короленко с своей сто·оны также часто менял кисть и палитру художника на клинок жур·алиста и высказывался по злободневным вопросам общественной кизни, принимая непосредственное участие в повседневной идейной орьбе.

К постоянным явлениям в старой царской России принадлежал ронический голод—так же, как пьянство, неграмотность и дефицит в юджете. В результате своеобразно обставленной „крестьянской ре·рормы" при отмене крепостного права, а также непосильного бремени одатей и крайней отсталости сельско-хозяйственной техники, в тече·ние всех восьмидесятых годов крестьяне через каждые несколько лет страдали от неурожаев. 1891 год был самым тяжелым из всех: в 20 губерниях наступил после необычайной засухи полный неурожай и голод в истинно ветхозаветных размерах.

В официальной анкете о положении урожая, среди более семи·сот ответов из разных областей, получено было следующее описание, сделанное скромным священником одной из центральных губерний: „Уже три года как подкрадывается неурожай, и одна беда за другой сваливается на крестьян. Напали гусеницы, саранча поедает хлеб, червь его точит, жуки уничтожают последки. Жатва погибла на поле, посевы засохли в земле, амбары стоят пустые, хлеб весь вышел. Скот стонет и падает, рогатый скот еле плетется, а овцы заморенные, для них нет корма... Миллионы деревьев, десятки тысяч изб погибли в огне. Огненная стена и столбы дыма окружили нас со всех сторон. Как сказано у пророка Софонии: Все я сотру с лица земли, сказал Господь, людей, скот и диких зверей, птиц и рыб. Сколько погибло

из перенатого царства при лесных пожарах, сколько погибло рыбы в обмелевших водах... Куница исчезла из наших лесов, погибли белки. Замкнулось небо и стало, как медь; не падает больше росы, всюду сушь и огонь. Засохли плодовые деревья, травы и цветы, не зреет больше малины, не видать кругом ни черники, ни ежевики, ни брусники; высохли все торфяные болота и топи... Где ты, свежая лесная зелень, где сладостный воздух, где аромат сосен, приносивший исцеление болящим?! Все погибло".

Как опытный „верноподданный", автор письма покорнейше просит „не привлекать его к ответственности" за вышеприведенное описание. Опасение простодушного сельского попа не было лишено основания: могущественная дворянская фронда заявила—как ни невероятно это звучит,—что весь голод лишь злонамеренная выдумка „подстрекателей" и нет надобности ни в какой помощи.

Тогда загорелась по всей линии борьба между реакционным лагерем и прогрессивной интеллигенцией. Русское общество всколыхнулось, литература забила тревогу. Стали организовывать помощь в чрезвычайно больших размерах. Врачи, писатели, студенты и студентки, учителя, интеллигентные женщины направлялись сотнями в деревню, чтобы устраивать там питательные пункты, раздавать семена для посева, организовывать закупку хлеба по дешевым ценам, чтобы ухаживать за больными. Но все это было не так просто наладить. Обнаружился весь хаос и закоренелое неустройство страны, управляемой чиновниками и военщиной, где каждая губерния, каждый уезд— совершенно отдельная сатрапия. Соперничество, междуведомственные споры, несогласия между губернскими и уездными властями, между правительственными учреждениями и земским самоуправлением, между деревенскими писцами и крестьянской массой, и вдобавок к этому хаос понятий, ожиданий и требований самих крестьян, их недоверие к горожанам, вражда между богатой сельской буржуазией и нищей массой—все это внезапно воздвигло перед интеллигенцией с ее готовностью отдать свои силы тысячи препон и препятствий, которые приводили ее в отчаяние. Все бесчисленные местные злоупотребления и притеснения, которым крестьянство до того, в обыкновенное время подвергалось втихомолку ежедневно, все нелепости и противоречия бюрократизма выступали теперь на яркий свет, и борьба против голода, т.-е. по существу дело простой благотворительности, сама собой превратилась в борьбу против общественного и политического строя самодержавия.

Короленко, как и Толстой, стал в этом общественном деле во главе русской прогрессивной интеллигенции и отдал ему не только свое перо, но и всего себя. Весной 1892 г. он отправился в один из уездов Нижегородской губернии, в самое осиное гнездо реакционной дворянской фронды, чтобы организовать там народное питание в голодающих деревнях. Совершенно незнакомый с местной средой, Короленко вскоре проник во все подробности тамошних условий и начал неуклонную борьбу с тысячью противодействий, возникавших на его пути. Он пробыл в уезде четыре месяца, странствуя постоянно из одной деревни в другую, от одной инстанции к другой, а по ночам сидел где-нибудь в крестьянской избе и при тусклом свете лампочки заполнял свой дневник и в то же время вел в столичных газетах бодрую борьбу, вынося удар за ударом. Его дневник, в котором он изображает в ужасных картинах всю Голгофу русской деревни—просящие милостыню дети, онемевшие, точно окаменевшие матери, плачущие старики, болезни и безнадежность,—сделался вечным памятником царского строя.

Вслед за голодом явился по его пятам второй апокалиптический всадник: зараза. В 1893 г. пришла из Персии по низовьям Волги холера и потянулась вверх по течению; смертоносное дыхание ее пронеслось над изнуренными, впавшими в полную апатию деревнями. Поведение царских властей при появлении этого нового врага было похоже на анекдот, хотя было горькой истиной: бакинский губернатор убежал от заразы в горы, саратовский же спрятался на пароходе, когда начались волнения в народе. Астраханский губернатор побил рекорд: он выслал в Каспий дозорные корабли, которые закрыли вход в Волгу всем судам, идущим из Персии и с Кавказа, как подозрительным по холере, но не послал при этом заключенным в карантине ни хлеба, ни воды для питья. Таким путем заперли в карантине более 400 пароходов и барок, и 100.000 человек, здоровых и больных, обречены были вместе на гибель от чумы, эпидемии голода и жажды. Наконец, в Астрахань пришло вниз по Волге судно вестником попечений начальства. Взоры погибающих обратились с надеждой на спасительное судно. Оно привезло гробы...

Тогда разразилась буря народного гнева. Мигом разнеслась вверх по Волге весть о запертых в Каспии судах и о муках заключенных в карантине. Вслед за этим раздался крик отчаяния: начальство нарочно распространяет заразу, чтобы извести народ... Первой жертвой „холерных бунтов" пали санитары, интеллигенты, мужчины и женщины, которые самоотверженно, геройски поспешили приехать в деревни, чтобы устроить бараки, ухаживать за больными, принимать меры для спасения здоровых. Бараки погибли в огне, врачей и сестер милосердия убили. За этим последовали обычные карательные экспедиции, кровопролития, военные суды и казни. В одном Саратове произнесено было двадцать смертных приговоров... Дивная волжская местность превратилась снова в Дантовский ад.

Нужен был чей-нибудь высокий нравственный авторитет и глубокое понимание нужд и психологии крестьян, чтобы внести свет и смысл в этот кровавый хаос, и для этой роли никто в России, кроме Толстого, не был более пригоден, чем Короленко. Он и был один из первых на посту и пригвоздил к позорному столбу истинных виновников бунта, администрацию самодержавного строя, и снова завещал общественности потрясающий памятник одинаковой исторической и художественной ценности: статью „Карантин на девятифутовом рейде" („В холерный год").

В старой России давно уж отменена была смертная казнь за уголовные преступления. В обычное время казнь была отличием, предоставляемым только политическим преступникам. Со времени оживления терроризма в конце 70-х годов смертная казнь для политических была в особенности в ходу, и после убийства Александра II царское правительство не остановилось и перед тем, чтобы приговорить к повешению женщин: знаменитую Софию Перовскую и Гесю Гельфман. Но во всяком случае и тогда и еще долгое время спустя казни были исключительным явлением, и русское общество приходило от них в глубокий ужас. Когда в 80-х годах казнили четырех солдат „карательного батальона" за убийство фельдфебеля, который их систематически мучил и бил, то даже в подавленном, покорном настроении тех лет почувствовалось как бы содрогание общественного мнения, охваченного безмолвным ужасом.

Все это изменилось со времени революции 1905 года. Когда власть самодержавия снова взяла верх в 1907 году, началась кровавая месть. Военные суды работали день и ночь, виселицы никогда не пустовали.

Вешали сотнями участников всяческих покушений и вооруженных восстаний, в особенности так называемых „экспроприаторов", бо́льшей частью полувзрослых юношей, при чем это проделывали часто, едва соблюдая формальности: казнь поручали „неопытным" палачам, вешали плохими веревками, на фантастичным образом импровизованных виселицах. Контр-революция праздновала оргии...

Тогда Короленко выступил с громким протестом против торжествующей реакции. Серия его статей, вышедшая в 1909 г. отдельной брошюрой под заглавием „Бытовое явление", отмечена всеми характерными чертами его писательской манеры. Совершенно так же, как в статьях о голоде и о холерном годе, тут нет никаких фраз, никакого показного пафоса, никакой сентиментальности, а только величайшая простота и обстоятельность. Короленко дает беспритязательную сводку фактического материала, писем казненных, наблюдений их соседей по камере. Это простое собрание материалов обнаруживает, однако, такое глубокое проникновение во все подробности человеческой муки, во все ужасы истерзанного человеческого сердца и все закоулки преступления общества, каким является каждый смертный приговор, все очерки проникнуты такой сердечностью и высотой нравственного чувства, что маленькая брошюра произвела впечатление потрясающего обвинения.

Толстой, которому было тогда восемьдесят два года, написал Короленко следующее под свежим впечатлением этого ряда статей:

„Мне только что прочли вслух вашу брошюру о смертной казни, и, как я ни старался, я не мог удержаться от слез, от рыданий. Я не нахожу слов, чтобы выразить вам мою благодарность и любовь за это превосходное по выражению, мыслям и чувству произведение.

„Его нужно снова издать и распространить в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие статьи, никакие драмы и романы не в состоянии произвести и тысячную долю благотворного влияния, которое исходит из этого произведения.

„Оно должно так действовать, потому что возбуждает такое сочувствие к тому, что переживали и еще переживают те жертвы человеческих заблуждений, что им невольно прощаешь, что бы они ни совершили, между тем как, при всем желании, невозможно простить виновного в этих ужасах. На-ряду с этим чувством ваше произведение будит также удивление перед сознательным ослеплением людей, совершающих эти ужасы, перед бессмысленностью их действий, ибо ясно, что все эти глупые жестокости, как вы это превосходно показываете, достигают лишь противоположного своей цели. Помимо всех этих чувств, ваша брошюра вызывает еще другое чувство, которое всецело преисполнило меня: чувство жалости не только к убитым, но и ко всем этим обманутым, простым, использованным во зло людям: тюремным служителям, надзирателям, палачам, солдатам, которые выполняют все эти гнусности, не зная, что́ творят.

„Отрадно только одно: что такое произведение, как ваше, объединит многих, очень многих живых, неиспорченных людей в стремлении к общему идеалу добра и истины, идеалу, который, что бы ни проделывали его враги, светится все ярче и ярче"...

Лет около пятнадцати тому назад одна немецкая газета устроила опрос по вопросу о смертной казни среди самых выдающихся представителей искусства и науки. Самые громкие имена в литературе и юриспруденции, цвет интеллигенции в стране мыслителей и поэтов горячо высказался за смертную казнь. Для вдумчивых наблюдателей это был один из признаков, подготовляющих ко многому, что мы пережили в Германии во время мировой войны.

В 90-х годах в России разыгрался знаменитый процесс „мултанских вотяков". Семерых вотяков, крестьян деревни Большой Мултан в Вятской губернии, полуязычников, полудикарей, обвинили в ритуальном убийстве и приговорили к каторге.

Таково устройство современной цивилизации, что народные массы, когда им становится особенно тяжело жить по той или другой причине, находят себе от времени до времени козла отпущения в людях другой национальности, религии, другого цвета кожи, изливают на них свое недовольство и потом с облегченным чувством возвращаются к благонравному выполнению обычного дела. Само собой разумеется, что к роли козла отпущения пригодны лишь слабые, исторически угнетенные или отсталые в общественном смысле народности, которые можно продолжать угнетать самым безнаказанным образом. В Соединенных Штатах Северной Америки это негры; в западной Европе такая роль выпадает иногда на долю итальянцев.

Лет двадцать тому назад в одном из пролетарских кварталов Цюриха устроен был, по поводу убийства одного ребенка, маленький итальянский погром. Во Франции название одной местности Aigues mortes связано с памятным волнением рабочей толпы; обозленная понижением заработной платы по вине слишком непритязательных странствующих итальянских рабочих, она вздумала привить им высшие культурные потребности, действуя в стиле предка, Homo Houseri из Додони. Когда началась мировая война, неандертальские традиции получили непредвиденное распространение. „Великая эпоха" ознаменовалась в стране мыслителей и поэтов неожиданным массовым возвратом к инстинктам века мамонтов, пещерных медведей и обросшего шерстью носорога. Но Россия во всяком случае не была еще настоящим культурным государством, и угнетение чуждых народностей было там, как всякого рода проявление общественного духа, не выражением психологии народа, а монополией правительства. Всякие национальные преследования обыкновенно организовывало в подходящие моменты само начальство через посредство государственных органов и при помощи правительственной водки.

Мултанский ритуальный процесс был лишь небольшим эпизодом второстепенного значения в царской правительственной политике, которая захотела дать некоторый выход угнетенному настроению голодных и порабощенных масс. Но русская интеллигенция—и Короленко стал снова во главе ее в этом деле—заступилась за полудиких вотяков. Короленко отдался делу со всей свойственной ему энергией и распутал сеть недоразумений и подтасовок с удивительной деловитостью, терпением и добросовестностью, с безошибочным инстинктом правды, напоминающим Жореса в деле Дрейфуса. Он мобилизовал прессу, общественное мнение, добился пересмотра дела, лично принял участие в судебной защите и достиг своей цели—оправдательного приговора вотякам.

Самым излюбленным объектом для политики громоотводов на востоке было всегда еврейское население, и еще вопрос, совершенно ли изжита евреями эта благодатная роль. Во всяком случае есть нечто стильное в том обстоятельстве, что последний большой общественный скандал, на котором самодержавие распрощалось с миром, так сказать дело ожерелья русского ancien regime'а, был процесс о еврейском ритуальном убийстве: знаменитый процесс Бейлиса в 1913 году. В качестве запоздалого пережитка мрачного контр-революционного времени 1907—1911 годов и, вместе с тем, как символический предвестник мировой войны, дело о ритуальном убийстве сделалось сразу средото-

чием общественного интереса. Вся прогрессивная интеллигенция России объявила дело еврея Бейлиса своим собственным, и процесс превратился в генеральное сражение между либеральным и реакционным лагерями в России. В дело вступились самые опытные юристы и лучшие журналисты, и после всего вышесказанного нечего и прибавлять, что Короленко был вместе с ними во главе дела. Как раз перед поднятием занавеса мировой войны реакция потерпела в России оглушительное нравственное поражение: под напором оппозиционной интеллигенции обвинение в ритуальном убийстве пало, обнаружив вместе с тем Гиппократовы черты царистского строя, внутренно уже прогнившего и мертвого, ожидавшего лишь последний смертельный удар от освободительного движения. Мировая война дала этому строю лишь последнюю короткую отсрочку. Короленко выступал не только всегда, когда нужна была общественная помощь и нравственный протест против всякой несправедливости. В 80-х годах, после покушения на Александра II, в России наступила пора окаменелой безнадежности. Либеральные реформы 60-х годов в области суда и местного самоуправления подверглись повсеместно реакционным изменениям. Кладбищенская тишина царила под свинцовыми крышами правления Александра III. Русское общество пало духом как вследствие крушения всяких надежд на мирные реформы, так и ввиду кажущейся безрезультатности революционного движения. Всеми овладела подавленная примиренность с существующим.

В этой атмосфере апатии и уныния среди русской интеллигенции возникли метафизически-мистические течения, представленные философской школой Соловьева. Ясно обозначалось влияние Ницше, в художественной литературе царил безнадежный пессимизм повестей Гаршина и стихов Надсона. Более всего этому настроению соответствовал мистицизм Достоевского, каким он сказывается в Карамазовых, и в особенности аскетическое учение Толстого. Учение о „непротивлении злу“, [illegible]ждение всякого насилия в борьбе с господствующей реакцией, чему [illegible]тивопоставлялась только проповедь „внутреннего очищения“ личности,—все эти теории общественного бездействия представляли в настроениях 80-х годов серьезную опасность для русской интеллигенции, тем более, что имелось такое мощное средство воздействия на умы, как перо и нравственный авторитет Льва Толстого.

Михайловский, вождь „народничества“, вступил тогда в ожесточенную полемику против Толстого. Выступил также и Короленко. Он, нежный поэт, запоминавший на всю жизнь какое-нибудь переживание детских лет среди шумящего леса, или как он проходил мальчиком в темный вечер через пустынное поле, или какой-нибудь вид природы во всех подробностях освещения и настроения, он, в сущности, чуждавшийся всякой партийной полемики, решительно возвысил теперь свой голос и стал проповедывать ненависть и самое решительное сопротивление. В ответ на толстовские легенды, притчи и рассказы в евангельском стиле Короленко написал „Сказание о Флоре“. В Иудее правили римляне огнем и мечем; они грабили страну и высасывали соки из населения. Народ стонал и сгибался под ненавистным ярмом. Тронутый страданиями своего народа, мудрый Менахем, сын Иегуды, взывает к геройским заветам предков и начинает проповедывать восстание против римлян, „священную войну“. Против него выступает секта кротких ессеев, которые, подобно Толстому, отрицают всякое насилие и видят спасение только во внутреннем очищении, отрешении от мира и в аскетизме. „Твоим призывом к борьбе ты сеешь беду,—кричат они Менахему. Когда осаждают город и город сопротивляется, то

осаждающие предлагают жизнь кротким, а мятежных предают смерти. Мы проповедуем народу кротость, чтобы он мог избегнуть гибели... Воду не сушат водой, но огнем, и огонь не гасят пламенем, но водой, так и силу не побеждают силой, которая есть зло".

На это Менахем, сын Иегуды, отвечает непоколебимый:

„Сила руки не зло и не добро, а сила; зло же или добро в ее применении. Сила руки — зло, когда она подымается для грабежа и обиды слабейшего; когда же она поднята для труда и защиты ближнего—она добро... Огонь не тушат огнем, а воду не заливают водой. Это правда. Но камень дробят камнем, сталь отражают сталью, а силу силой. И еще: насилие римлян—огонь, а смирение наше—дерево. Не остановится, пока не проглотит всего".

Легенда заканчивается молитвой Гамалиота:

„О, Адонаи, Адонаи... Пусть никогда не забудем мы, доколе живы, завета борьбы за правду. Пусть никогда не скажем: лучше спасемся сами, оставив без защиты слабейших... И я верю, о, Адонаи, что на земле наступит Твое царство!.. Исчезнет насилие, народы сойдутся на праздник братства, и никогда уже не потечет кровь человека от руки человека".

Точно свежим дыханием ветра повеяло от этих мужественных слов среди удушливого тумана бездействия и мистики. Короленко внес свою долю в дело подготовки путей новой исторической „силе" в России, — той, которая вскоре затем подняла свою благотворную руку, руку труда и освободительной борьбы.

4.

Недавно появились в немецком переводе детские воспоминания Максима Горького и во многих отношениях интересно сравнить их с воспоминаниями Короленко в настоящей книге.

В художественном отношении эти два писателя до некоторой степени антиподы. Короленко, как и столь высоко чтимый им Тургенев, чистый лирик, человек нежной души, тонких настроений. Горький—в этом отношении он следует традиции Достоевского—человек определенно драматического миросозерцания, сосредоточенной энергии, действия. У Короленко открыты глаза на все ужасы общественной жизни, но, совершенно так же как у Тургенева, в его художественном воспроизведении даже самое ужасное отодвигается в некоторую смягчающую перспективу настроений, окутано нежным благоуханием поэтического восприятия, обаянием красот природы. Для Горького, как и для Достоевского, даже трезвые будни полны страшных призраков, мучительных видений, которые он прямо ставит перед читателем с беспощадной резкостью, как бы без воздуха и перспективы, почти с полным пренебрежением к изображению природы.

Если драма, по меткому выражению Ульрици, является поэзией действия, то драматический элемент в романах Достоевского совершенно неоспорим. Они так переполнены действием, событиями, напряженностью интересов, что нагромождающееся, ошеломительное обилие происшествий грозит задавить эпический элемент романа, разбить каждую минуту его рамки. В большинстве случаев прочтя с захватывающим интересом, едва переводя дух, один или два толстых тома, трудно постичь, что в них изображены происшествия, происходившие на протяжении двух—трех дней. Столь же характерно для драматической стихии в творчестве Достоевского, что основной узел действия

всегда уже завязан в самом начале его романов, столкновения уже налицо, уже созрели для взрыва, и медленная их подготовка не представлена в действии, а выявляется из обратного воздействия фабулы на читателей. Горький избирает, даже для изображения воплощенной неспособности к какому-либо действию, банкротство человеческой воли—как, например, в „На дне", в „Мещанах"—драматическую форму и умеет вдохнуть проблеск жизни в бледные лица этих своих героев.

Короленко и Горький представляют собою не только две писательские индивидуальности, но и два поколения русской литературы и идеологии русского освободительного движения. Для Короленко главный интерес сосредоточен еще на крестьянстве. У Горького, восторженного последователя немецкого научного социализма, на первом месте стоит городской пролетарий и его тень, босяк. Естественной рамкой в рассказах Короленко является природа, а у Горького мастерская, подвалы, ночлежка.

Ключ к пониманию личности этих двух писателей дает глубокое различие их биографий. Короленко, выросший в уютной буржуазной обстановке, знал в детстве нормальное чувство непоколебимости, устойчивости мира и всего в мире, чувство, свойственное всем счастливым детям. Горький принадлежит своими корнями отчасти к мелко-буржуазной среде, отчасти же к босяцкой, к люмпен-пролетариату. Он вырос в атмосфере затаенных ужасов в духе Достоевского, в атмосфере преступлений и стихийных взрывов человеческих страстей, и уже ребенком отбивался как затравленный волчонок и показывал судьбе свои острые зубы. Это детство, полное лишений, обид, притеснений, среди постоянной неуверенности в завтрашнем дне, среди шатания, в ближайшем соседстве с подонками общества, заключает в себе все типичные черты, определяющие судьбу современного пролетариата. И только тот, кто прочел „Детство" Горького, может оценить всю поразительность его подъема из таких общественных низов на солнечную вершину современного образования, гениального художественного творчества и научно обоснованного миросозерцания. И в этом отношении личная судьба Горького символична для русского пролетариата, как класса: в изумительно короткий срок двух десятилетий он поднялся, пройдя через суровую школу борьбы, из грубости и неотесанности крайне некультурной царской империи до способности к историческому выступлению. Это явление совершенно, конечно, непостижимое для культурных мещан, принимающих хорошее освещение улиц, аккуратность железнодорожного движения и опрятные стоячие воротники за культуру, а неумолчный стук парламентских мельниц за политическую свободу.

Большое обаяние поэтичности Короленко определяет вместе с тем и пределы ее. Короленко коренится всецело в настоящем, в непосредственном переживании, в живом впечатлении. Его рассказы—точно свежий сорванный букет полевых цветов; время гибельно действует на их радостную красочность, их чарующее благоухание. Той России, которую изображает Короленко, уже нет; это Россия вчерашнего дня. Нежное, поэтически задумчивое настроение, обвевающее ее жизнь и людей, прошло. Оно уже десять—пятнадцать лет как сменилось трагическим, удушливо грозовым настроением Горького и его товарищей, звонких буревестников революции. В нем, как в Толстом, общественный борец, гражданин высокого духа победил в конце художника и мечтателя. Когда Толстой начал в восьмидесятых годах проповедывать свое этическое евангелие в новой литературной форме, в виде маленьких народных рассказов, Тургенев обратился с умоляющим письмом к муд-

рецу из Ясной Поляны, убеждая его во имя родины вернуться к чистому искусству. И друзья Короленко тоже жалели о его нежной поэзии, когда он пламенно отдался публицистике. Но дух русской литературы, высокое общественное чувство ответственности проявилось у этого благодатного художника сильнее, чем даже его любовь к природе, к свободной скитальческой жизни, к поэтическому творчеству. Захваченный волной близившейся революционной бури, он с конца 90-х годов все больше отходил от художественного творчества и выступал лишь, сверкая клинком, как борец за свободу, как духовный вождь оппозиционного движения русской интеллигенции. „История моего современника", которая печаталась в 1906—1910 годах в издававшемся Короленко журнале „Русское Богатство" — последний плод его творчества, представляющий еще наполовину художественное творчество и всецело правду, как все, что относится к этой жизни...

Р. Люксембург.

От войны к революции.

I.

Для историка общественности нет сейчас более привлекательной задачи, как следить на основании публицистической и художественной литературы за тем, как постепенно из кровавого горнила империалистической войны зарождался—или вернее возрождался—в огненном ореоле бессмертный феникс революции.

Таких произведений не только публицистического, но и художественного характера уже и теперь довольно много во всех странах западного мира.

В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание русского читателя, лишенного возможности читать книги на иностранных языках, на два романа, где этот процесс смены войны революцией или воинственных устремлений революционным возмущением изображен особенно и наглядно и художественно.

Оба романа принадлежат писателям с мировым именем.

В одном дан хорошо очерченный тип воинственного империалиста, в другом—монументальный образ пролетария—большевика. В обоих этих романах не мало места отведено русской революции, фактору первостепенного международного значения. В одном из них о России только говорится, во втором—в конце действие даже происходит в России (на крайнем Севере).

Один из этих романов принадлежит немецкому писателю Келлерману, другой—американскому писателю Синклеру.

II.

Среди очень многочисленных произведений текущей немецкой литературы, рисующих рождение революции из политой кровью почвы войны, как перворазрядный художественный памятник высится „Девятое Ноября" Келлермана,—роман, написанный таким же отчетливым почерком, с таким же мастерством, как и его всем известный „Туннель".

Германская империя вступила в пятый год войны. С каждым днем все мучительнее сказываются ее последствия. Население питается уж только репою да капустою. Дети родятся без ногтей на пальцах и с размягченным черепом. Нарядная столица обезлюдела и опустилась. На улицах почти нет движения. Лишь изредка пройдет с музыкой отряд отправляемых на фронт. Мало похожи солдаты на тех, которые выступили в день всеобщей мобилизации. Теперь берут ста-

риков, больных и даже полукалек. Изредка проедет телега, запряженная тощим конем и управляемая женщиной. По ночам город погружен в кромешный мрак.

Впрочем, аристократия и буржуазия живут не хуже, чем до войны. К их услугам первосортные рестораны, куда простых смертных не пускают и где можно достать все, что угодно, от зернистой икры и до шампанского. Придворные круги устраивают бал-маскарады, тратя баснословные деньги на костюмы и угощение. У разбогатевших на войне спекулянтов всю ночь можно весело провести за игрой, вином и с женщинами.

Придворная и финансовая знать охвачена безумной жаждой наслаждения,—в предчувствии конца. Шопотом (ибо французский язык под запретом) передается из уст в уста старый лозунг гибнущего дворянства XVIII в.—Après nous le déluge—„После нас хоть потоп". В светских кругах воцарилось беспорядочное половое смешение. Светская дама—любовница заодно и отца, и сына. Кульминационный пункт светских праздников—появление на эстраде почти совершенно обнаженной балерины. За большим светом тянется чиновничья буржуазия. Барышни отдаются первому встречному, кто их может „устроить"—не выгорит дело с генеральским сынком, берут разбогатевшего спекулянта.

В эту безудержную вакханалию беззаботно-лихорадочного наслаждения то-и-дело врываются режущим диссонансом эпизоды и последствия войны: но веселящийся тыл спешит отмахнуться от ужасов фронта. В светском дворце бал-маскарад „Али-Баба и разбойники", все в восточном вкусе—обстановка, костюмы, даже танцы. Показывается гвоздь вечера—голая балерина. Бьет полночь. Танцовщица остановилась в соблазнительной позе... И вдруг мы на фронте. В лесу бухает батарея тяжелых дальнобойных орудий. В окопах—офицеры, среди них муж светской дамы, во дворце которой бал. С воспаленными глазами, с пересохшим горлом исполняют они свои служебные обязанности. Вдруг оглушительный грохот. Море огня. От живых людей остались одни клочки обуглившегося мяса... А во дворце нагая танцовщица снова задвигалась и бьет через край вакхический экстаз...

Правящая каста состоит из выживших из ума царедворцев-сановников—вроде тугоухого лица, близкого к его величеству, или рейхсканцлера, очерченных легкими силуэтами, бросающими однако косвенно-яркий свет на самую касту, представителями которых они являются. Полным светом освещен лишь их военный коллега, генерал Хехт-Бабенберг[1]), типический представитель юнкерского класса, владелец больших поместий в Восточной Пруссии (одно из них он, впрочем, вынужден продать, даже для этих „избранных" жизнь становится непосильно дорога), империалист до мозга костей, завоевательные мечтания которого далеко оставляют позади даже официальную программу воинствующих националистов, и до мозга костей военный, в глазах которого человеческий род делится на командиров и на пушечное мясо, а для штатских профессий нет места в подлунной. В начале войны генерал командовал на фронте. В его секторе находилась, между прочим, высота, известная под названием высота „четырех ветров". Генерал почему-то вообразил, что она ключ не только для сектора, которым он командовал, но и вообще чуть не всего запфронта. Он решил удержать ее во что бы то ни стало. Такой же точки зрения держался почему-то и французский генерал. Из-за обладания

[1] Хехт — значит «щука».

высотой и разгорелся адский бой. Генерал, однажды во время обстрела, поднялся наверх и, конечно, глазом не моргнул. Однако, вторично на этот подвиг он уж не отважился. Тем безжалостнее гнал он туда своих солдат. Целые батальоны взрывались на воздух. Высота стала ненасытным кладбищем. В генеральном штабе обратили в конце концов внимание на эту нелепую бойню. Высота вовсе не имела того стратегического значения, которое ей придавал генерал. Его перевели в тыл. Он приписал это интригам. Место дали ему, впрочем, в высокой степени ответственное. Работы было видимо-невидимо. Только при его пунктуальности военного человека можно было с ней справиться. Ровно в девять появлялся он на своем месте, ровно в час автомобиль отвозил его в ресторан и т. д., ровно в восемь вечера садился он дома за стол с детьми. Да, эти дети! Генерал не узнавал в них свой древний род.

Сын (Оттон) был на фронте ранен. Там он видел все ужасы бойни. Он вовсе не был трусом. Под ураганным обстрелом втащил он однажды в окоп раненого французского офицера. Он приехал в отпуск глубоко разочарованным. От былого „патриотизма" не осталось ничего. В победу германского оружия он не верит. Хочется одного только—наслаждаться. Девушку из буржуазной семьи, отдавшуюся ему в надежде устроиться, он бросил, чтобы стать любовником любовницы отца. На улице он жадно обнажает мысленно всякую проходящую женщину. Ехать на фронт ужасно не хочется. Собирая утром свои вещи он неосторожно выстрелил из револьвера и ранил себя в палец. Просто неосторожность! Так по крайней мере дело было представлено командующему. Таких позорных фактов не было во всей великой истории рода Бабенбергов!

А дочь! Руфь была сначала сестрой милосердия в госпитале, где плакала над муками раненых, потом оборудовала общественную столовую, где познакомилась с призванным студентом, социалистом-интернационалистом. В ее комнате отец находит такие книги, как сочинения Маркса, Лассаля. Впрочем, почему ей и не интересоваться учением социалистов,—ведь социал-демократы оказались славными ребятами и без прений вотировали все военные кредиты... Потом она часто стала пропадать. Ее видели на каких-то нелегальных собраниях. Он уже получал анонимные доносы. А однажды отец нашел на своем столе письмо—она навсегда ушла.

Распадаются старые связи, разлагаются вековые устои и принципы. Уж не пробил ли час кончины старого мира?

Однажды выходя из ресторана после обеда, генерал, пройдя несколько шагов, остановился как вкопанный.

Как? Это что? Он зашатался. Как? Возможно ли? Или там (по улице Вильгельма, где императорский дворец) съ ума сошли? Он явственно чувствовал, как почва под ним заколебалась. Возможно ли? В Берлине!? Под липами?! Краска выступила на его лице.

Напротив, на крыше, развеваемое дуновением свежего ветра, весело, как нечто само собою понятное, сверкало—кроваво-красное знамя.

Взоры всех обращались к нему. Подумайте: красное знамя в городе, где даже красный галстук был небезопасен для жизни его носителя, где шашки полицейских автоматически зарубили бы каждого, кто осмелился бы махнуть красным платком, чтобы высморкаться. А здесь наверху на крыше—как явление самое естественное—сверкает целое красное знамя на настоящем флагштоке. Прохожие вытягивали шеи, не веря глазам своим.

Далеко кругом распространялось сияние красного знамени, извещая мир о победе русского народа над владыкой виселиц, нагайки и рудников[1]), сверкая над безбрежным морем крыш Берлина.

---

[1]) Как видно, Келлерман совершенно не понял смысла начала октябрьской революции.

— Они рехнулись!—Генерал имел в виду улицу Вильгельма. И он погрузился в мрачное раздумье. Знамя, пропитанное кровью коронованных особ и высоких сановников! Бесстыдно! Позорно! И показалось ему: над собою он слышит шорох и треск распада.

То было знамя над посольством Советской Социалистической Республики России!

Все учащаются признаки, что красное знамя революции, столь ненавистное генералу, взовьется и над Вильгельмштрассе.

Вот дом, набитый жильцами, все больше беднотой. Трагические в нем разыгрываются порою сцены. Призванный на фронт чахоточный интеллигент отравляет газом себя, жену и малолетних детей—без него они все равно погибнут от голода. Здесь же живет и призванный в армию студент, тот, который оказал такое большое влияние на дочь генерала (Аккерман, „Сеятель"). Для него ясно, что это за война и что это за общество, породившее войну. В его комнате собираются какие-то странные молодые люди—среди них порою и девушка (говорят, дочь высокопоставленного военного)—и всю ночь напролет идет между ними жаркий спор.

Для этих молодых людей не существовало ничего священного. Министры—просто дураки и преступники. Генералы—расфранченные шуты! Дипломаты—самодовольные франты! Такой же разбойничьей шайкой были для них государственные люди иностранных держав. Германское правительство—это банда анархистов, толкающих страну в пропасть.

Совсем иного мнения были они об этих русских... Воры, разбойники—так их называли все. Для них это были святые.

Да, совершенно заново надо построить мир, и они, эти молодые люди, одни только и знали, как это сделать.

Долго обдумывал студент, как бы целесообразнее бросить в массы свой новый лозунг. И вот, однажды, когда к вокзалу подходили отряды отправлявшихся на фронт, он поднялся на кучу камней и крикнул: „Долой войну". Его схватили, избили, посадили в автомобиль, хотели увезти, на улице образовался затор, арестованный воспользовался суматохой, бежал, кинулся в подъезд дома, поднялся по лестнице на чердак, затем на крышу, откуда что-то кричал вниз в толпу, как вдруг свалился, как подкошенный: кто-то выстрелил[1]).

Но неизбежна гибель старого мира.

Задуманное генеральным штабом последнее наступление—после удач первых дней (генерал уже успел выпить за победоносную отчизну)—разбилось о железные стены союзных армий. Фронт дрогнул... Солдаты хлынули вспять.

Революция была неизбежна [2]).

На улицах Берлина раздается ружейная и пулеметная трескотня. В штабе хозяйничают восставшие солдаты. Генералу ничего не осталось, как переодеться в костюм провинциального помещика и бродить в тоске по неузнаваемому городу. Мчатся, как бешеные, авто, переполненные матросами. На одном промелькнуло лицо дочери генерала. Новое жгучее встало над страною солнце.

Оно поднялось с широких равнин России, обрызганное слезами и кровью: перешло через Вислу; обрызганное слезами и кровью перейдет оно через канал, отделяющий Францию от Англии, чтобы снова появиться по ту сторону моря, распаляя лучами своими стальные крыши небоскребов. Будет время и оно поднимется и из волн Тихого океана над странами, где живут народы желтой расы.

---

[1]) Интеллигент Аккерман—отнюдь не Карл Либкнехт. Он мистик и пацифист а не революционный коммунист. Этот тип лежит вне интеллигентски-бюргерского поля зрения Келлермана.

[2]) Картина революции в общем мало удалась Келлерману, представлял сюжет, непривычный для его таланта, ограниченного буржуазными тенденциями.

III.

Между тем, как Келлерман в своем романе пролетариату отвел более чем скромное место и не дал ни одного ярко очерченного образа рабочего-революционера, известный американский писатель Синклер (автор „Джунглей", „Миллионера" и „Метрополиса") поставил в центре своего романа „Джимми Хиггинс", изображающего нарастание революционной волны в Америке, простого рядового американского пролетария, „одного из тех скромных героев, на которых едва ли обратишь внимание при встрече с ними на улице, но которым создают движение, призванное совершенно видоизменить мир".

И если уж Келлерман в трех местах своего романа отдал дань должного революционной России, знаменоносцу мировой социалистической революции, то роман Синклера звучит почти на каждой странице восторгом перед исторической ролью русского пролетариата, чтобы завершиться настоящим апофеозом революционного большевизма.

Действие первой части романа происходит в американском городе Лисвилль, где социалистическая партия, считаясь с возможностью вовлечения Америки в империалистическую войну, устраивает митинг, на который приглашен в качестве оратора кандидат, выдвигаемый партией на пост президента. Все почти хлопоты по устройству митинга выпали—как всегда—на долю скромного, немного наивного, но преданнейшего члена партии—Джимми Хиггинса. Проголодавшись, Джимми заходит в кофейню, где случайно встречает приглашенного оратора, в котором нетрудно узнать портрет упрятанного в тюрьму „демократическим" правительством Америки Деббса. Деббс (хотя он и не назван по имени) приглашает Джимми прогуляться и высказаться и дорогою на его предложение тот рассказывает свою историю, историю не „интеллигента", примкнувшего к социализму, не „вождя", а самого обыкновенного дюжинного рядового, одного из тех, на плечах которых покоится живучесть и непобедимость пролетарского движения.

Отец его—безработный—бросил семью еще до рождения Джимми. Мать умерла, когда ему было три года. Говорила она на каком-то иностранном языке,—на каком, он не помнит. Девяти лет он поступил на лесопильню, где работать приходилось 16 часов в сутки и где его нещадно колотили. Он не выдержал и сбежал. В продолжение десяти лет он был босяком. В конце концов он кое-чему научился и вот теперь он работает на машинном заводе. Он женат. Женился он на девушке из дома терпимости, которая была не прочь покончить с своим позорным ремеслом. У него двое ребят.

— А как вы стали социалистом?

Это произошло как-то само собой. На заводе был парень, с утра болтавший о политике. Сначала Джимми сторонился его. „Политика" казалась ему не более, как средством щеголять в крахмаленных воротничках и жить за счет рабочих. Потом он задумался, а когда потерял работу, то стал почитывать. И вот он понял, что вне социализма для рабочего нет спасенья. Это было три года назад.

— И вы не потеряли своей веры?

Нет. Что бы ни случилось, он будет работать и впредь для освобождения пролетариата. Может быть, сам он и не доживет до этого времени, зато дети его будут в этом отношении счастливее, а для счастья своих детей всякий готов работать, как вол.

Вся жизнь „рядового" Джимми, „массовика" Джимми, рассказанная в романе Синклера, вплоть до его мученического конца—яркое

подтверждение этих слов. И даже когда его дети погибли во время взрыва порохового завода, он, когда перегорели в его сердце ужас и скорбь, знал только одну задачу, одну цель, один идеал—бороться, страдать и умереть за дело своего класса.

Как подлинный социалист (а не „социалист"), Джимми прекрасно понимает (или вернее чувствует своим пролетарским нутром), что война затеяна капиталистами ради империалистических целей и что американскому рабочему нет никакого основания становиться на сторону какой-нибудь из конкурирующих и борющихся коалиций. Он поэтому участвует во всех мероприятиях местного комитета социалистической партии, имеющих целью помешать вовлечению Америки в мировую бойню. Однако, события складываются так, что из противника войны Джимми постепенно и как-то незаметно для себя превращается в ее сторонника. Некоторую роль в этом превращении ярого антимилитариста в идейного, а потом и в фактического соратника союзников сыграло то обстоятельство, что, с одной стороны, местный комитет партии получил деньги на издание боевого антивоенного органа, сам того не подозревая, от агента германского императора, а с другой стороны сам Джимми работал одно время в предприятии, принадлежавшем немцу, тоже оказавшемуся германским агентом-шпионом. Хотя Джимми и был противником войны, но быть сотрудником и помощником кайзера он вовсе не намеревался. К этому присоединилось неприязненное отношение к Германии после нарушения нейтралитета Бельгии и потопления „Лузитании". Окончательно же толкнуло его на путь воинственности позорная политика германских социал-демократов по отношению к советской России, к большевистскому правительству.

Как ни интересна первая часть романа Синклера в смысле разрисовки психологии рядового американского пролетария-массовика, ощупью бродящего в потемках отравленной империализмом атмосферы, где почти единственной для него путеводной нитью является его здоровый пролетарский инстинкт, для нас особенное значение имеет вторая половина романа, где выпукло обрисовано симпатическое отношение к октябрьской революции и к русскому большевизму со стороны американского рабочего-социалиста.

Уже известие о низвержении царя наэлектризовало Джимми. Отчетливо сознавалось, что в ворота мира стучится железным кулаком социальная революция. Повсюду народы сбросят вековой гнет рабства. Трудящиеся возьмут себе то, что им принадлежит по праву. Как адское навождение, навсегда исчезнут деспотизм и война. С величайшим вниманием вслушивался Джимми в речь русского эмигранта Павла Михайловича, приехавшего из Нью-Иорка в Лисвилль на митинг. С величайшим интересом следил он за разъяснениями, которыми сопровождал его приятель, русский еврей-портной, статьи в русской газете „Новый Мир", выходившей в Нью-Иорке. Так узнал он о борьбе в России двух партий, из которых одна называлась—он так и не понял, почему?—„меньшевиками", а другая—и ей принадлежало все его сочувствие—„большевиками". Всех американских социалистов, сторонников Керенского, он считал теперь или обманутыми дурачками, или подкупленными Уолл-стритом (биржей). Когда американское правительство решило послать в Петроград комиссию с целью воздействовать на „лойяльность" русского народа („будьте верны договорам и платите долги"), во главе которой стоял известный адвокат одного из крупных трестов, Джимми был вне себя и вполне одобрил принятые партией меры разоблачить перед большевиками подлинный лик

комиссии. А когда в Лисвилль пришло известие об октябрьской рев-
.люции, он чувствовал себя на седьмом небе и словно шествовал і
облаках.

Наконец-то — впервые в истории — власть принадлежала пролетариат правительству, составленному из таких же, как он сам, рабочих. Армия ра пускается. Рабочие возвращаются домой. Предприниматели изгоняются из ф: рик и заводов. Место их занимают рабочие советы (т.-е. фабрично-заводск комитеты).

Каждое утро Джимми стремглав летел к киоску, покупал газет и тут же жадно проглатывал ее, забыв о завтраке.

Первым делом русских большевиков было издание воззвания к герма скому пролетариату. Массами ввозились листовки в Германию контрабандс сбрасывались с аэропланов, и, читая, как германские генералы протестовали пр тив этого приема перед русским правительством, он весело и громко расхох тался.

А потом пришло известие о стачках в Германии, о солдатски: бунтах—не конец ли настал для германского империализма? Однако буржуазия и военщина подавили „беспорядки" и германские войск. вторглись в Россию. Германские социалисты (их было в армии н мало) получили приказ стрелять в—красное знамя! Как они ответят Протестом или подчинением? Джимми весь насторожился! И что же Послушные команде офицеров, солдаты-социал-демократы стреляли і красное знамя пролетариата так же тупо-усердно, как раньше трехцветное знамя царя. Лифляндия и Украйна ограблены! Финскиі пролетариат задушен! Войска кайзера в двух шагах от Петрограда Правительство большевиков вынуждено переехать в Москву. А газеті германских социал-демократов (почти без исключения) приветствую все эти позорные события с восторгом. Словно кто-то ударил Джим ми кулаком в лицо. В довершение всего—брест-литовский мир! Разв не ясно, какого сорта мир будет продиктован кайзером? С ним над покончить. Это долг всякого пролетария. Многие американские соци алисты, даже немцы по происхождению, стали в ряды армии. Дол крепился Джимми—он все оставался антимилитаристом—и наконец на шел выход из запутанного, затруднительного положения. Он пойде на войну не как солдат, а как рабочий. На французский фронт требс вались обученные рабочие, и он предложил свои услуги, как специа лист по ремонту автомобилей. На него одели мундир из хаки, и первой партией он на пароходе отправился во Францию. Не мал пришлось ему слышать от матросов об объявленной Германией под водной войне, от которой гибли подчас и непричастные к войне пас сажиры—женщины и дети—и эти рассказы тоже не могли его распо ложить к немцам, которые все более представлялись ему в образ „гуннов". Не успели они доехать до берега Франции, как Джимми н опыте познакомился с прелестями подводной войны. Мина пустила к дну пароход, сопровождавшая его миноноска подобрала Джимми отвезла в Лондон, в госпиталь.

Здесь однажды он видел короля.

— Вы солдат?—спросил его король, подходя к его койке в со провождении сестры милосердия.

— Нет, механик—рабочий.

— Нынешняя война—война машин,—любезно заметил король.

— Я социалист,—вдруг неожиданно объявил Джимми.

— Разве?

— Ручаюсь.

— Но я вижу, вы не принадлежите к тем социалистам, которы восстают против собственной страны!

— Я долго к ним принадлежал, потом изменил свой взгляд. Но я все-таки социалист. На этот счет можете быть уверены, господин король.

Король переглянулся с сестрой, а Джимми почувствовал себя вдруг пропагандистом.

— После войны все пойдет иначе,—продолжал он,—т.-е. для пролетариата.

— Для всех,—поправил его король.

— Рабочий получит то, что он сработал. У нас дома рабочий работает часов двенадцать под-ряд и не в состоянии скопить хотя бы столько, сколько нужно на похороны. А в Англии говорят еще хуже.

— Да, и у нас нищета отчаянная,—признался король.—Придется подумать, как помочь.

— Другого средства нет, кроме социализма!—воскликнул Джимми.

Король с сестрой отошли к следующей койке. Джимми зря потратил свой талант пропагандиста.

Когда он выздоровел, его отправили во Францию, на фронт; приписали к авто-роте, дали поручение отыскать какую-то батарею и передать важный пакет; батареи он так и не отыскал, а вместо нее наткнулся на—сражение. Германцы прорвали фронт у Шато-Тьерри. Положение было самое критическое. Надо было отстоять позицию во что бы то ни стало до прихода подкреплений. Не долго думая, Джимми бросил свой велосипед, влез в окоп, взял винтовку и принялся,—он—антимилитарист,—стрелять в наступавших „гуннов", пока ему не прострелили руку. Но именно его мужество спасло положение. Подошли американские подкрепления и битва при Шато-Тьерри—начало краха германской армии—была выиграна. В награду Джимми был произведен—в сержанты!

Во время своей вынужденно-боевой карьеры он встретился, между прочим, довольно неожиданно с владельцем того самого машинного, а потом снарядного завода в Лисвилле, где он долго работал. В силу разных обстоятельств молодой миллионер должен был покинуть светское общество и родину и жить инкогнито на французском фронте.

Вся Европа и Америка были в это время поглощены проблемой о большевиках. Предали ли они в самом деле демократию «гуннам» или же—как они сами утверждали—они расчищают человечеству путь к демократии, более совершенной? Хозяин держался, конечно, первой точки зрения, как все американцы в армии, за исключением нескольких доподлинных радикалов. Когда он узнал, что и Джимми из числа этих радикалов, он стал его выспрашивать и в продолжение нескольких дней между ними шел жаркий спор. Так поступить, как поступили Ленин и Троцкий, могли только агенты Германии! Джимми со своей стороны излагал основные принципы интернационализма. Большевики сделали больше союзнических армий, чтобы сломить могущество кайзера. Откуда Джимми это известно? Джимми должен был согласиться, что фактов, которые подкрепили бы его мнение, у него нет, но, зная принципы интернационализма, он точно знает, как должны были поступить Ленин и Троцкий, и б о о н с а м н а и х м е с т е п о с т у п и л б ы т о ч н о т а к и м ж е о б р а з о м.

Юный лорд из Лисвилля, наследник огромного состояния, воспитанный в вере, что он имеет на него право по божьим и человеческим законам, должен был выслушивать от какого-то ничтожного механика из собственной фабрики, что это состояние будет у него отнято, что рабочий и его товарищи, объединенные в единый большой производственный союз, будут сами управлять им в интересах не предпринимателя, а всего общества. И когда Джимми принимался за эту тему, он забывал всякую почтительность. Экспроприация экспроприаторов—это была его мечта и говорил он о ней с глазами, блестевшими вдохновением.

Неожиданно виновник победы при Шато-Тьерри получает приказ отправиться с своей автомобильной ротой в Россию защищать союзнические склады в Архангельске от германских армий. Он был в восторге. „Он увидит Россию, увидит революцию". И вдруг он узнает,

что его надули. В Архангельске власть перешла в руки совета рабочих и крестьянских депутатов, британские и американские войска заняли город, вынудили революционеров к отступлению и готовили теперь экспедицию с целью занять железную дорогу и Северную Двину. Итак, он — Джимми—сторонник пролетарской революции—призван участвовать в истреблении „организованных рабочих". Чем больше он думал над этой чудовищной мыслью, тем сильнее расло в нем негодование. Чего он не сделал для них? Проникся их „патриотизмом", бросил все, чтобы сражаться за демократию; рисковал жизнью, был ранен! А теперь его хотят заставить истреблять социалистов, точно он американский солдат-милиционер. Демократия! Эти господа даже уже не прикрываются лицемерными фразами. Они вторгаются в Россию, чтобы разгромить русских революционеров и покорить мир господству капитала! Находясь в таком настроении, Джимми встретился с русским большевиком, Коленкиным. Узнав, что Джимми социалист, тот удивился, как это Джимми может воевать против русских рабочих. Его обманули, оправдывался Джимми, но он, конечно, не будет воевать. Этого мало. Надо действовать, как русские большевики. Надо распропагандировать и других. Вот пролетарское государство России тратит огромные суммы на пропаганду. „Наш голос доходит до рабочих всего мира,—говорил Коленкин.—Мы призываем всех: встаньте, поднимитесь, разбейте ваши цепи! И вы думаете, товарищ, что они нас не услышат? Капиталисты—те знают, что они нас услышат, они дрожат и шлют свои войска, чтобы нас разбить. Словно эти войска вечно будут им повиноваться!"—„Они полагают,—робко возразил Джимми,—что русский народ поднимется против вас". Коленкин весело рассмеялся. „У нас свое рабочее правительство, и вы воображаете, что мы поднимемся против самих себя? Они выставляют против нас марионеток, именуя их русским правительством (бело-эс-эровское прательство Чайковского). Они могут одурачить себя, но не нас..."—„Они полагают, что это правительство расширит пределы своего влияния"...— повторял Джимми не раз слышанные им фразы. „Да, постолько продвинуться ваши армии,—ни шагу больше. Если русские увидят, что иноземные войска вторгаются в Россию, то каждый из них станет большевиком... „Они" должны будут завоевать каждый город, каждую деревню, а мы тем временем ведем пропаганду в их войсках, среди французов, англичан и американцев так же, как среди немцев".

Доводы русского большевика все более убеждали Джимми и на его предложение взять у него прокламации и распространить их среди американских и английских солдат он ответил согласием. Это было обращение ревкома XII Красной армии к германским солдатам, расклеенное на стенах Риги перед отступлением (текст прокламации приведен в романе Синклера). На вопрос Коленкина, выдаст ли он его, если будет арестован, Джимми уверенно возразил:

— Ни за что. Хотя бы с меня живого шкуру содрали.—И он сдержал свое слово.

Его, конечно, накрыли. На все предложения выдать своих сообщников, он отвечал отказом. Тогда его стали пытать—подвешивать, вливать в желудок через кишку воду и т. п., споря в дьявольской изобретательности с средневековой инквизицией. Эти страницы описания пыток, которым бедняк Джимми подвергался в царском застенке от руки американских палачей, поистине потрясающи. Нужна была вся экстатическая вера героя-пролетария, чтобы вынести эти сверхчеловеческие муки. Когда силы ему изменяли, когда, казалось, вот-вот он сдается, он слышал чей-то бодрящий голос и сердце его зажи-

галось новым огнем, готовностью страдать до конца ради несказанно великого дела. Этот голос говорил:

Ты — революция. Ты—справедливость, борющаяся за свое существование. Ты—человечество, устремляющееся с ликом, обращенным к свету, сквозь ужасы старого мира к новым целям. Если ты смалодушествуешь, вселенная снова и уж навсегда потонет в прежнем мраке. Ты обязан дотерпеть до конца. Ты не имеешь права сдаться.

Изуродованный до неузнаваемости, бедняк Джимми, предстал наконец перед военным судом. Здесь снова и на этот раз во всеуслышание ему пришлось выступить на защиту русских большевиков. Председатель спросил его, знает ли он, что заслужил смертной казни. Джимми молчал. Председатель продолжал: если он выдаст своих сообщников, его не казнят. Необходимо оберечь армию от этих убийц!

— Убийц!—вспыхнул Джимми.—А разве вы сами не убийцы, вы, которые хотите казнить меня?

— Мы поступаем по закону!

— Вы называете законом одно, а большевики—другое. Вы убиваете тех, кто не подчиняется вам, то же делают и большевики. Где тут разница?

— Они убивают всех образованных, всех уважающих законы людей в России!

— Всех богатых,—перебил его Джимми.—А вы разве не так поступаете с бедняками?..

Суд приговорил Джимми к двадцати годам каторги, приговор, как поясняет Синклер, сравнительно мягкий, если принять во внимание, что как раз в это время в Нью-Иорке пять русских евреев, все почти еще в детском возрасте, среди них одна девушка, вернее девочка, были за то же самое преступление, т.-е. за распространение обращения к американским солдатам не убивать русских социалистов, приговорены, несмотря на их юный возраст, к тем же двадцати годам каторги, при чем один из них был замучен пытками до смерти.

Та же участь ожидала и Джимми. Его привезли обратно в подземелье-застенок, где в продолжение десяти часов в день он был прикован к стене железной цепью и где его пытали до тех пор, пока он не сошел с ума.

Но муки и смерть бедного Джимми не прошли даром. Они таили в себе возмездие. На стенах Архангельска появилась прокламация, излагавшая причины его ареста и историю его гибели, и американские солдаты все чаще и громче стали протестовать против навязанной им роли душителей социальной революции.

Пришлось отозвать американский экспедиционный корпус.

Дух замученного большевика Джимми восторжествовал.

Свой роман Синклер заканчивает следующими словами:

„Бедный сумасшедший Джимми уже не будет больше нарушать общественного спокойствия, зато друзья его и приверженцы, знакомые с его историей, преисполнятся озлобления, гораздо более опасного для общества. Стучащаяся в ворота великой западной демократии социальная революция породит мужчин и женщин, воодушевленных бешенством, которое не будет взирать ни на какие опасности и которые будут готовы на какой угодно акт мести, как бы он ни был жесток.

„Великая демократия Запада будет изумлена при виде настроения этих людей, не в силах понять, откуда оно? Великая демократия Запада забыла слова величайшего демократа, сказанные им, как пред-

остережение, в дни гражданской войны с ее убийствами и опустошениями (имеется в виду гражданская война между северными и южными штатами, начавшаяся в 1864 г.):

„Война будет продолжаться до тех пор, пока все богатства, накопленные в продолжение 250 лет неоплаченным трудом рабов, не будут уничтожены, пока каждая капля крови, которая текла под ударами кнутов, не будет оплачена кровью, которую прольет меч".

В. Фриче.

Литературные заметки.

I. Песни северного рабочего края.

«Крылья свободы». Иваново-Вознесенск 1919 г. Стр. 99.
«Красная улица». Стихи и песни. Иваново-Вознесенск 1920 г. Стр. 111.
«Сноп». Стихи и рассказы. Иваново-Вознесенск 1920 г. Стр. 70.

Среди русских северных равнин, пересекаемых лесами, стоит город, в котором много старинных церквей и часовен, но еще больше фабричных труб. Древний посад—и рядом гнезда фабричных корпусов вдоль небольшой и неимоверно загрязненной речонки Уводи. Есть что-то глубоко своеобразное, я сказал бы, исключительно русское в этом сочетании осколков старины с сооружениями машинного века, часть которых оборудована не хуже первоклассных фабрик Манчестера.

На всем—пелена безмолвной, незримой, но явно ощутимой, тихой, родной северной печали, и веет старым недавно казавшимся вековечным бытом. Если перенестись дальше на север, на несколько десятков верст к Волге, то взгляду откроется тихий заштатный городок Плес, одно из лучших мест на Волге, ее жемчужина,—городок, где проводили когда-то время Левитан, Чехов, Шаляпин. „Над вечным покоем"—это Плес. И вся губерния обвеяна Плесом, „вечным покоем" русской северной природы.

Губерния—рабочая. В ней живет суровое рабочее племя—северный ткач. Северный ткач молчалив, сосредоточен, его движения медлительны, он—тяжел на подъем. У него холодные голубые глаза. Он вынослив, терпелив, решителен и дисциплинирован лучше питерского и московского рабочего.

Во время русской революции ивановские рабочие десятками тысяч отправлялись на фронт. Они были под Ярославлем, под Казанью, под Уфой, в Сибири, на Дону, в Туркестане, на Кавказе, в Архангельске, в Польше, под Киевом. Бились упорно и крепко. И так же крепко голодали их жены, дети и товарищи в родном краю. Но упорно отстаивали каждую пядь революции и строили новую жизнь, и строили умело и с толком.

Русская революция дала Ленина, Троцкого, но, главное, она дала героические рабочие массы. Среди них видное место занимает голодный, сосредоточенный ткач красной губернии, совершивший ряд чудес.

О северном неярком дне и белых ночах, о лесах и перелесках, о плакучих березах, об убогих деревеньках и овинах, о душе, которая тянется к любви и новому будущему, о революции и многострадальной Советской родине нашей, о борьбе со злым черным ворогом, о рабочей

околице и грохоте фабрик, „о миллионах сотканных аршин" в адско труде,—обо всем этом сложены стихи и песни иваново-вознесенски поэтов. Мы насчитали в этих сборниках более 25 авторов—певцо рабочего Северного края. Некоторые из них были достаточно известн уже раньше: печатались в толстых журналах, в ежедневной прессе Таковы: Мих. Артамонов, Д. Семеновский, Василий Смирнов, но боль шинство из них молоды и даже юны и начали слагать свои стихи песни во время революции: Иван Жижин, Сергей Семин Калика Перехожая (Баркова), Огурцов, Сумароков, Ник Смирнов, Н. Уронов и т. д. В предисловии к сборнику „Сноп" авторы говорят о себе:—многие из нас, прежде чем выйти на ниву слова с серпом поэтического творчества, еще так недавно расставались с реальным, а не аллегорическим серпом земледельца и молотом рабо чего. Это в самом деле так. Нам, по крайней мере, известно, что Сер гей Семин—простой пастух, попавший с поля в армию и сделавшийся на войне инвалидом; Калика перехожая (Баркова)—дочь училищного сторожа, Михаил Артамонов—рабочий, Иван Жижин—сын прачки,— другие—люди мелкого конторского труда; некоторые, как Тимонин Н. Смирнов и другие, недавно еще входили в Союз Молодежи. Во всяком случае это—подлинный рабоче-крестьянский демос.

Тов. Луначарский в свое время писал по поводу первого сборника иваново-вознесенских поэтов:

„Я хочу отметить, что тенденция к использованию уже весьма значительного и вполне художественного материала, живое исполнение его на эстраде является делом, напрашивающимся само собой.

„Так, в иваново-вознесенске издан сборник „Крылья свободы", специально как сборник рекомендованных для эстрады номеров. Туда вошли стихотворения Клюева, Есенина и Орешина, пролетарских поэтов и целого ряда поэтов самого Иваново-Вознесенска, в том числе бывшего пастуха Семина. И заимствованные и местные стихотворения в большинстве случаев весьма недурны и почти сплошь эффектны для декламации и пения" („Известия" от 27 ноября 1919 года).

Отзыв тов. Луначарского правилен, но дан по специальному поводу и для всесторонней оценки стихов и песен иваново-вознесенских поэтов недостаточен. Мы имеем дело с кружком поэтов, вышедших из трудовой революционной молодежи, в котором числится по крайней мере 25 человек. Это само по себе чрезвычайно важно. Это большой поэтический выводок, вскормленный полями, рабочей околицей и гулом фабрик. Факт примечательный, о котором нужно знать всей мыслящей советской России.

Он свидетельствует еще раз, что в нашем народе, в недрах его таятся большие духовные богатства и что не напрасны наши надежды, что на смену литературе старых господствовавших классов трудящиеся смогут выдвинуть своих поэтов, романистов, художников...

Разумеется, дело не в одном количестве. Более важно, что̀ дали и дают ивановские поэты. И здесь мы должны сказать: результаты, достигнутые ими, весьма значительны. Не все напечатанное в сборниках одинаково ценно. Есть неровности, промахи, шероховатости. Чувствуется подражательность: Николай Смирнов подражает Бунину, у Жижина порой ощущается Бодлэр, в стихах Семина звучат некрасовские мотивы, но в этом большой беды нет: мы имеем дело с поэтами, недавно выступившими со своими вещами. В целом же у большинства—намечается свой собственный язык, свой подход, сформировывается свое литературное „я".

Совсем ясен и сложился Михаил Артамонов. Удаль слободских парней, хмельные, привольные, полевые песни, колокольчики, бубенчики, гармонь, алые ленты, сарафаны, поцелуи—это душа, первооснова его стихов.

— Бывало над Угорами
Гармонь зовет, звеня,
Глаза горят задорами:
Поймай-ка, мол, меня.
Венки плетут и венчики
Бросают в бочаги
Рвут алые бубенчики
В поеме у реки.

Это было в прошлом. Но оно ушло:

— Прошло то время вольное
Былой разгульный взмах.
На фабрику—раздольное—
Попрятано впотьмах,
Стоят на прежнем гульбище
На Выселском холму
Три корпуса фабричные,
Стоят, гудят в дыму...
... И старые и малые
Стоят по корпусам
Ой, снежки-снеги талые,
Не бегать в поле нам...
Шумит, гремит и охает
И стонет меж полей
На горе нам построенный
Стоокий корпус-змей...

Душа рвется к поемным лугам, к летним росным ночам, к милой „девушке-зарянушке" с „очами синими", а фабрика приковала прочно к себе; „люд замолк и угрюм", старый патриархальный быт безжалостно сломлен. Но еще живы и свежи воспоминанья о деревенском полевом приволье, о деревенских гульбищах, и тянет к простору, в поле, в лес. Михаил Артамонов—весь еще в прошлом. Он—деревенский парень, попавший в плен каменных стен. Оглушенный, растерянный, измученный, непонимающий, стоит он средь стальных матиц, среди грохота и шума. Поэзия огромных городов, стальных машин, каменных корпусов—ему неведома. Города, фабрики он не принимает. Он—коммунист, он за новую советскую Русь, но потому, что в тайниках души он верит, что новая Русь даст в конце концов возможность тысячам деревенских парней вернуться домой в родимые деревни, к лугам, перелескам, свежему сену и снова зазвенят разухабистые частушки, разольется гармонь и будут прыгать через костры „в Купала дивью ночь". Город вызывает у Артамонова тоску, скуку; он только гнетет, выхолащивает душу. Стих Артамонова по-деревенски звонок, наивен, свеж, непритязателен, часто похож на частушки, легок и прост, что не мешает ему быть довольно богатым. Он тоже весь от деревни.

Мотивы поэтического творчества Артамонова характерны для литературного облика почти всего поэтического кружка красной губернии. Каждый из поэтов по-своему слагает стихи и песни, но есть в них одно общее, присущее всем,—в итоге, это песни и стихи деревни, вынужденной стихией общественного развития двинуться в города, в каменные — „стоокие корпуса" и еще не понявшей и не приемлющей ни города, ни этих корпусов. Это—поэзия текстильных рабочих, ибо на Севере ткач на-половину еще связан с деревней, живет в деревне, и город и каменные корпуса с особой жестокостью давят недавних деревенских парней. А деревня так близка, северные поля и леса совсем на виду,

за грязной околицей. На зеленом пригорке—почти бок-о-бок с фабрикой—стоят старинные незатейливые часовенки, а в лесах еще недавно в пещерах спасались отшельники и из глубины лесного озера вот-вот выглянет старинный Китеж-град. От этой близости острее чувствуется противоречие машинного века, деревня тянет к себе своей непосредственностью, своим северным очарованьем. Особенности молодых поэтов северного рабочего края бросаются в глаза при сравнении их творчества с творчеством поэтов тяжелой металлургии. Здесь преобладает рабочий, уже давно порвавший с деревней, забывший о ней; он уже весь городской. Для него рабочий молот, паровая машина, приводные ремни, шум и свист шестерни не только символ угнетения и рабства, но и символ нового будущего, когда человек сознательно подчинит себе стихи природы и общественного развития, наоборот, деревня в его глазах—синоним косности, невежества, тьмы. От этого различие в тонах, в настроении, в направлении, в характере. Поэзия Гастевых—это гимны стали, бетону, доменным печам, она скупа к деревне. Деревни в ней нет. В стихах поэтов северного текстильного края мало, очень мало о стали и бетоне, но зато сколько в ней тяги к деревне, любви к ней.

Самый значительный и даровитый из поэтов этой группы несомненно Д. Семеновский. У него—почти чувственная влюбленность в северную деревню.

Не пойму, но мне всего дороже
Хмурой елки встрепанный шатер,
Тишина пустынных придорожий,
Облака, да ветряной простор.

Эта влюбленность доходит до благоговейного молитвенного преклонения.

Я молюсь и березкам плакучим,
И деревне на дальнем пригорке.
Птичьей песенке, ветрам и тучам,
И повязанной облаком зорьке,—
Отуманенным синим просторам,
И жердям пошатнувшихся прясел,
И лесам, что пахучим убором
Хмурый север несмело украсил.

Оттого у Семеновского то-и-дело—церковные сравнения: „кадят луговые цветы“, он говорит о „золотых глаголах“, об „иконе небес и полей“, а свои стихи он называет „каноном ласкательных и сладких песен“.

Русской революции и октябрю Д. Семеновский посвятил довольно много стихов, но и здесь города нет.

Перелески, овражки, овины...
Тонким ладаном рощи кадят...
Как цветы посередь луговины,
Собирались сельчане у хат.
Билось красное знамя· Жар-Птица,
Словно пчелы, гудело в толпе:
— Нам, товарищи, надо сплотиться
Как колосьям в косматом снопе.

Будущее торжество социализма представляется поэту как возвращение, как близость к природе.

И мирно вы сдружитесь с васильками
О, дочери работы и борьбы.

Совсем деревенский—пастух Семин. Он тоже уверен, что наступает новый день:

Мы стоим у иного порога,
У порога в неведомый край.

Он готов все отдать на борьбу за новую советскую Русь, но на первом плане для него земля, деревня:

За тебя я жизнь свою с любовью
Положу кормилица-земля—
Я вспоил тебя своею кровью,
Орошал слезами я поля.

Исцеления от сирости, нищеты, горя он видит в общении с природой.

Все, чью грудь иссушила забота,
Кому скресу нужда не дает,
Кто истек от кровавого пота,
Кто досыта не ест и не пьет,—
Все, кто плачет о милой свободе,
Чья душа от страданий болит,
Приходите молиться природе:
Вас святыня ее исцелит.

В трех сборниках есть, разумеется, не одно стихотворение, где опоэтизирован город, фабрика (см. стихи Уронова, Луганского и др.). но не они создают тон. Больше всего городских мотивов у Артамонова, но мы уже видели, куда тянется его душа.

Северные ткачи проявили неслыханный героизм за эти годы, погибая от голода, на фронтах. Эта борьба слабо отразилась по указанной выше причине в сборниках.

Есть не мало стихотворений, в которых горячим ключом бьется любовь к новой советской России и ненависть к ее многочисленным богатым врагам.

За дело правое, за твой багряный плат,
О, Русь, разбившая свои оковы!—

восклицает Иван Жижин.

И в светлый полк меня причисли
Распятых за поля твои.
Тебе—вся жизнь моя, и мысли,
И песни робкие мои. (Д. Семеновский).

О, Русь... В восстаньи многоликом
Ты гимн ликующей весны... (Д. Костромской).

Русь голодная, я верю
Ты рассеешь смертный страх...

И хочется тебе молиться,
От сна воспрянувшая Русь. (А. Сосновский).

Но напряжения, революционного быта, борьбы последних лет рабочей околицы в сборниках мало.

Несколько особняком стоит в некотором отношении Иван Жижин. Но и он говорит прежде всего о мучительном плене в „каменных гробах“:

И нет мучительнее плена—
Замкнуться в каменных гробах,
Где мертвой силой давят стены
И ржавят душу жуть и страх...

Если город и фабричные корпуса лишили Михаила Артамонова деревенского раздолья, размаха, гармони,—если Семеновский не находит в городе выхода своему молитвенному преклонению пред дарами природы, если Семин полон мужицких дум, то Жижин испытал в городе „жуть и страх" и страшится городского хаоса:

Я спутал все пути и перепутья
В толпе, где каждый зверь и человек.
Томит меня толпа зловещей жутью
И зелень зла в оправе тухлых век.

Когда читаешь стихи Жижина, кажется, что время от времени из глубины души у него поднимается едкое отравленное испарение, душат мысли и несут с собой безумие, двоится явь и сон и реют кошмары. Жижин знает, что выход из этого плена один: борьба за новое будущее. Во дни наступления Юденича на Петроград он взывает:

Товарищи! Враги кольцом проклятым
Текут на Русь, на милый наш гранит.
От Гдова на Залив и по Олонцу
Как рой мокриц их движется орда.
Дадим обет немеркнущему солнцу:
Могила гадам—наши города...

В ряде стихов Жижин воспевает победу труда, но порой чудится, что пережитая жуть каменных гробов вновь вторгается в душу. Подобно глазам гадюки, о встрече с которой с большой художественной силой рассказал в одном из стихотворений Жижин, прошлое каменных гробов продолжает смотреть на него своим стеклянно-синим взглядом.

Дымился ствол. И жгут змеи разбитой
Был недвижим. Рассеялся заряд.
Но мне казалось, что на гнили взрытой
Еще горит стеклянно-синий взгляд...

Нам думается, что в сборниках поэтов красной губернии есть своя правда, как и в поэзии тяжелой индустрии, талантливым представителем которой является Гастев. В поэзии бетона и стали - сознание, что грядущее будет опираться на чудеса техники и науки, что в свисте приводных ремней - освобождение человека от позорной зависимости, от злого мирового хаоса,—что здесь зреет новая сила—сила коллектива. В полевых песнях Артамонова, в молитвах - песнопениях Семеновского, в мужицких думах Семина, в стихах Сумарокова и других—боль человеческой души, отравленной городом, оторванной от лесов, приволья степей,—тоска искривленного человека по жизни, где нужны не только бетон и сталь, но и цветы, много воздуха, неба, вольного ветра. В этой тяге, в этой тоске и жажде - есть своя правда. На сборниках в целом отпечаток рабочего севера, где рядом фабрики, тяжелый непосильный труд и тихий простор полей, Плес, овины, гумна, благоуханные задумчивые леса. И это очень хорошо, что о своем заветном и родном поют по-своему дети сурового рабочего племени. И поют хорошо.

В последнем сборнике „Сноп" нетрудно уловить кое-что „новое". Но это „новое" хуже старого. Часть литературного кружка, повидимому, соблазнилась лаврами имажинизма. Это не нужно, это лишнее. Выражения „олупен", „красит тротуаром губы" являются неудачным подражанием неудачным вещам. Не этих „тротуаров" не хватает литературному кружку красной губернии. Им не хватает близости к повседневной нашей борьбе, близости к рабочим массам. На это следует обратить внимание, и уже совсем не стать заигрывать с имажинизмом. Вообще же у авторов сборников есть, о чем слагать стихи, и есть то, что на-

зывают данными, есть „искра божия", есть свое. Значительно и заметно выросла и окрепла Калика Перехожая (Баркова), хотя ее творчество становится все более и более интимным. Хороши последние стихи Сумарокова. По прежнему с пафосом пишет Вас. Смирнов. Правда, на некоторых сказались наши тяжелые дни, но мы уверены, что дело молодого кружка не будет глохнуть, и следующие словесные снопы с каждым разом будут становиться все более и более зрелыми.

В последнем сборнике помещены небольшие недурные рассказы Семеновского, Артамонова. Этим делом—рассказами, очерками и т. п.— следует заняться поэтам рабочего Севера более серьезно. В нашей литературе есть хорошие стихи, но почти нет хорошей художественной прозы.

II. О двух романах.

П. Н. Краснов, «От Двухглавого Орла к Красному Знамени». 1894—1921 гг. Роман в восьми частях. Том I и II. Берлин 1921 г.

Граф А. Н. Толстой. «Хождение по мукам». Роман. «Современные Записки». Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, издаваемый при ближайшем участии Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова и др. № 1—4. Париж 1921 г.

I.

Что общего может быть в литературной деятельности между генералом Красновым и А. Н. Толстым?

Если память нам не изменяет, до войны и революции генерал Краснов ютился на задворках литературы: его романы печатались в качестве „бесплатных" приложений к „Родине"; характер и размеры его литературного дарования этим считались определенными вполне и всецело.

Повести, рассказы, романы А. Н. Толстого украшали страницы „толстых" журналов, альманахов, сборников; о Толстом много писали литературные критики; и не даром: несмотря на известную безыдейность, на отсутствие „изюминки", выдающийся талант А. Н. Толстого не подвергался сомнениям. А. Н. Толстой был художником „божьей милостью"; сочный бытовик соединялся в нем с недюжинным художником-экспериментатором. Хорошее знание изображаемого быта (разлагающихся дворянских гнезд, позднее состоятельных интеллигентских слоев) сообщало произведениям А. Н. Толстого богатство красок, типов, положений, жизненность, живость, разнообразие и свежесть, а дар экспериментатора, соединенный с острой наблюдательностью и большим уклоном к сатире, заставляли вспоминать Гоголя и Щедрина. Теневые стороны помимо отсутствия „изюминки" заключались в некотором отсутствии чувства художественной меры, отчего иногда вещи Толстого приближались к талантливым художественным шаржам.

Генерал Краснов принадлежал к кругу людей, для которых революция и все так называемое общественное движение объяснялось происками евреев и масонов.

Наоборот, А. Н. Толстой связан был с „прогрессивными и радикальными кругами русской общественности" и, помнится, подвергался даже остракизму со стороны дворянских зубров родной губернии, смотревших в произведениях А. Н. Толстого пасквиль, хулу и клевету на „первенствующее сословие" в России. Все это было, однако, в прошлом.

Война и октябрь перемешали все карты. Произошло „самоопре деление". Все выравнялось в конечном итоге по двум основным линиям: большевизм и антибольшевизм. Только небольшая часть русско интеллигенции идейно, не за страх, а за совесть, примкнула к ново коммунистической борьбе,—остальное ушло в стан Колчака, Деникина, Врангеля и в конце концов собралось за границей. Возникла эмигрантская литература, эмигрантская пресса и публицистика, где Бурцев выступает теперь вкупе с махровыми реакционерами, где от имени „настоящих" марксистов говорит ренегат Алексинский, где Бунин превращается в посредственного газетного пасквилянта, а Куприн пишет что-то похожее на передовицы из „Русского Знамени", где П. Н. Краснов введен в сонм литературного Олимпа, а А. Н. Толстой опустился до приемов черносотенного генерала.

Верно ли это?

Верно. Судите сами.

II.

Сначала кратко о Краснове.

Разбитый на Дону генерал Краснов (также „герой" октябрьских дней) вынужден был перекочевать за границу. Здесь он на досуге занялся некими литературными упражнениями, в результате каковых появился роман „От Двухглавого Орла" в 1000 с лишним страниц.

Тут и офицерская среда, и царский двор, и министры, и Распутин, и война 1914 года, и большевики. Особенно колоритными из-под генеральского пера вышли последние. Прямо объядение.

Вот их идейный вождь Николай Ильич Бурьянов. В нем совсем нетрудно узнать В. И. Ульянова-Ленина. Разумеется, он очень „странный", очень ученый, знает наизусть Маркса. Но соль не в этом. Накануне войны в 1914 году Николай Ильич Бурьянов отправился гулять и встретился с таинственным стариком.

В двух шагах сзади него стоял человек и пристально смотрел на него. Это был высокий худощавый старик-еврей с седой бородой, доходящей до груди... Руки его были сложены на груди, голова опущена и только взгляд его темных глаз был устремлен на Николая Ильича...

— Я знаю вас,—сказал он глухим голосом, идущим из самого нутра.—Мы долго думали о вас, совещались и решили, что это будете вы, которому мы поручим свое великое дело.

— Кто это мы?—спросил Николай Ильич.

— Этого знать не дано непосвященным. Мы—сила великая. Мы—победа над миром.

— А для чего победа?

— Чтобы все разрушить и снова создать,—сказал глухо старик.

Николай Ильич интересуется, как это произойдет, на что получает ответ:

— Лучшего из гоев умертви... и т. д.

Все как по-писаному. Конечно, еврей—старик; конечно, у него „глухой голос, идущий из самого нутра" и „темные глаза"; конечно, он скрестил руки на груди. Как же иначе?...

Ах, генерал Краснов, генерал Краснов!..

Николай Ильич сначала в недоумении, но недоумение скоро рассеивает Лев Давыдович Стоцкий (Троцкий). Стоцкий является агентом старика-еврея со скрещенными руками и уговаривает Ильича „валять ва-банк".

При этом он более подробно рассказывает, как „это должно про-
изойти".

— Голод даст нам толпу, толпа даст силу. Надо все то, что соста-
вляет ценность и смысл жизни, взять в свои руки: вот и все. Мы го-
орим, что все принадлежит обществу, народу, но все возьмем себе и
танем всесильными.

Николай Ильич соглашается:

— Я об этом думал давно. Свобода должна быть только у вождей,
о не у народа. Народу должен быть дан только призрак свободы; я
б этом давно думал, Лев Давыдович...

Думается, замечательная встреча Н. И. со стариком-евреем и раз-
овор со Львом Давыдовичем дают достаточно ясное представление о
омане злополучного генерала.

Нужно еще отметить генеральскую прыть. Она у него во всяком
лучае исключительная, кавалерийская. На обложке генерал извещает,
го печатается III-й том „более 600 страниц". „В них описывается ра-
ота Ленина в Петрограде... Восстание на Дону... Корниловский Ледя-
ой поход. Образование Красной армии... Будущее России"...

Даже будущее России успел описать: „полковник наш рожден был
затом"...

В „Архиве Русской Революции", издаваемом Гессеном в Берлине,
омещены воспоминания П. Н. Краснова о 1917 годе. Состоит сотруд-
иком журнала, выходящего под редакцией Гессена. Если не ошиба-
юсь, именно „Руль" дал о романе довольно благожелательный отзыв.
аким образом, генерал Краснов может и не без основания сказать,
то он признан и включен в орбиту наиболее ярких литературных
елогвардейских созвездий.

III.

Роман А. Н. Толстого „Хождение по мукам" печатается в эс-эров-
ских „Современных Записках" и далеко еще не закончен. Но харак-
ер, направление, значительность романа, как художественного произ-
ведения, уже определился настолько, что кое-какие существенные вы-
оды сделать вполне возможно. Белые литературные критики считают
оман А. Н. Толстого самым значительным, ярким и даже огромным
итературным событием. На общем фоне литературного эмигрантско-
о застоя и бессилия это может быть и так...

Перед нами канун и годы войны: интеллигентское „мирное жи-
тие", нудное, безыдейное, мелкое, с маленькими индивидуалистически-
ми надрывами, „безднами и пропастями", с кокотками, ресторанами,
спорами и разговорами, Обуховские предвоенные рабочие беспорядки,
фронт, военный быт, картины войны, сидение в землянках и окопах,
тыл, Земсоюз, начинающиеся развал старой Российской империи,
большевики...

Картины недавней войны набросаны иногда с недюжинным лите-
ратурным дарованием, хотя все это уже знакомо, читано и не захва-
тывает: не схвачена душа войны, не чувствуется напряжения памятных
дней. На всем—серая липкая паутина, серые осенние сумерки, вялость,
нет художественного подъема. Кто-то из зарубежных литературных
критиков сравнил роман А. Н. Толстого с Барбюссом к невыгоде для
последнего. Но Барбюсс держит читателя все время в напряжении, не-
смотря на то, что описывает будни войны. Барбюсс куда-то ведет, у
него есть своя выстраданная, рожденная, выросшая в муках войны боль-
шая мысль. Она зажигается здесь, на этих полях смерти, в кровавом

зареве битв, в ужасах военных будней, она—дитя войны. Вы должны о ней знать, ибо писатель вынес ее оттуда, где ад и смерть, где „конь бледный"; он лично выстрадал ее, облек в художественную форму и имеет право, чтобы тысячи и миллионы людей уделили ему внимание, ибо это очень нужно и важно, ибо никто не имеет права пройти мимо этих итогов, подведенных 4-х-летнему безумию.

У А. Н. Толстого тоже есть своя „большая мысль". Она раскрывается не сразу. Намеки ее имеются в первых главах. В № 4 „Современных Записок" она уже ясна настолько, что можно с достоверностью предвидеть, во что выльется роман.

В Крыму, в уединенной усадьбе частенько собирается группа людей: владелец усадьбы и виноградника Жадов, сын прогоревшего помещика, потерявший на войне руку, его любовница Елизавета Киевна, Филька, заводский рабочий Гвоздев, тоже калекой вернувшийся с войны, поэт-футурист Жиров.

Вот какие беседы ведут они между собой:

Гвоздев, высокий человек со слабой спиной, ходил от двери до окна и сердито говорил Жадову:

— Идея личности, вашего царя царей, лопнула к чорту, как мыльный пузырь. Гений никуда не вел, его факел освещал подземелья каторжной тюрьмы, где мы ковали себе цепи. Мы уже вышибли этот проклятый факел... Мы должны разрушить самый инстинкт выделения личности, вот это «Я». Пусть человечество обратится в стадо. Мы станем его вожаками. Мы уничтожим всякого, кто на вершок выше стада.

Жадов не соглашается.

— Предположим,—возражает он,—что Михрютка-Кривоногий с разбитой на войне рожей завопит, наконец, о всеобщем равенстве, переколет офицеров, разгонит парламенты и советы министров, сорвет головы всем носителям носовых платков, и так далее, до конца, покуда на земле не станет ровно. Согласен, что будет так. Ну, а вот вы-то, вожаки, что будете делать в это время? Равняться по Михрютке - сифилитику из водосточной трубы? Ну те с?

Гвоздев ответил поспешно:

— Чтобы перейти от войны к военному бунту, от бунта к политической революции и далее к революции социальной,—для этого должен быть выдвинут четвертый класс,—вооруженный пролетариат, он должен взять на себя всю ответственность за революцию, взять в свои руки диктатуру.

— Значит уж не равнение по Михрютке?

— Во имя революции—не равенство, но диктатура...

— А когда революция кончится, как же вы с революционным-то пролетариатом поступите?—Поведете весь класс равняться по Михрютке или уж так, как-нибудь, навсегда и оставите заслуженную, революционную аристократию?

Гвоздев остановился, поскреб бороду:

— Пролетариат вернется к станкам... Разумеется, придется и здесь столкнуться с человеческой природой, но—что же поделаешь?.. Вершки должны быть срезаны... («Современные Записки» № 4, стр. 9—11.)

В дальнейшем Жадов, однако, выражает согласие вместе с Гвоздевым „устраивать революцию", но уж только не во имя равенства с Михрюткой, а во имя Михрюткиного равенства, что приводит рабочего Фильку в неописуемый восторг. Кстати: „Филька" изображен отменным идиотом.

Вся эта беседа большевиков от начала до конца не только лишена художественной правды, но и изумительно глупа и невероятна. Так в большевистском подполье не говорили и не могли говорить и беседовать. Это знает всякий, кто мало-мальски соприкасался с рево-

люционным подпольем того времени. Разговор о Михрютке-Кривоногом, о диктатуре пролетариата, о стаде и аристократии—невежественен, неправдоподобен и ни в какой мере не может быть назван художественным вымыслом; это—тенденциознейшая ложь, навет по злобе и глупости: совершенно очевидно, что свои собственные теперешние „размышления" о диктатуре пролетариата в России в 1920 г. А. Н. Толстой относит в прошлое и приписывает их тогдашним большевикам. Где отыскал А. Н. Толстой большевиков, утверждавших, что после окончания революции должна быть оставлена диктатура пролетариата. Это—сплошной вздор. Еще более сплошным вздором являются утверждения относительно Михрютки. Мы „опекаем" крестьянина, мы стараемся побороть в нем собственника, нейтрализовать и выправить психологию своего собственного забора, то, что теперь принято называть мелко-буржуазной стихией, но ни на минуту не забываем мы, что „Михрютка" не только товаропроизводитель, но и трудовой человек, столетиями угнетавшийся графами, князьями, исправниками, всей дворянско-царской челядью. И потому мы бесконечно далеки от этих презрительных, злых, нелепых мыслей о Михрютках, которые приписывает нам А. Н. Толстой. Свою собственную графскую ненависть, свое барское пренебрежение, злобу, ожесточение, бешенство Толстой старается отдать нам. Мы отказываемся от этого дара. Хуже же всего то, что А. Н. Толстой, не зная ни Михрюток, ни рабочих „Филек", ни тем более большевиков, взялся писать о них. Охота смертная да участь горькая. Хотелось А. Н. Толстому представить большевистское подполье во всей идейной, мрачной наготе, изломе,— а получились неправдоподобные пошлости не лучше и не хуже кавалерийских наскоков генерала Краснова. Одни и те же приемы, одни и те же выражения, одни и те же неестественные выдумки. Художественные срывы случались с А. Н. Толстым и раньше вследствие отсутствия чувства меры. Теперь к этому присоединились: незнание того, о чем взялся писать Толстой, невежество и злоба. Получилась Красновщина.

В качестве опытного художника А. Н. Толстой чувствует, что одних „бесед" для посрамления большевиков недостаточно. Поэтому непосредственно вслед за „беседой" автор изображает большевиков в действии: обычно, большевики занимались в доброе старое время пропагандой, агитацией,—работали в профессиональных союзах, в больничных кассах, сидели в ссылках, на каторге, в тюрьмах и т. д. Большевистское „действо" в романе Толстого, однако, совсем иного сорта. Через коменданта Анапского гарнизона, человека, как две капли воды, похожего на немецкого шпиона—большевистский кружок получает в минуты якобы-полковничьей откровенности сведения о якобы-турецкой фелуке с ворованным золотом, которая на-днях должна притти в Трапезунд. По поводу этой фелуки ведутся в усадьбе сначала таинственные разговоры; затем организуется „набег" на фелуку и... немецкое золото переходит в руки большевиков. На этом пока автор оставляет большевиков в покое. Читатель, однако, догадывается, в каком стиле последует дальнейшее продолжение романа.

IV.

А. Н. Толстой опустился до литературных приемов Краснова, отличившегося на задворках черносотенных бесплатных приложений.

Это—знамение нашего времени. За рубежом русская литературная эмиграция воскрешает худшие традиции так называемого тенденциоз-

ного искусства. О наших пролеткультовцах Замятин как-то сказал, что они возвращают нас к литературе шестидесятых годов. Если бы даже это утверждение было верно—а этого на самом деле нет,—все же это бесконечно лучше безвкусной, насквозь тенденциозной, черносотенной, ренегатской литературы, образцы которой мы наблюдаем в такого сорта романах, как „Хождение по мукам“. Ибо у пролеткультовцев—лучшие заветы лучших шестидесятников, у Толстых—наихудшие.

В настоящем номере нашего журнала читатель найдет превосходную статью Розы Люксембург о Короленко. Говоря о русской литературе, Люксембург, между прочим, пишет:

Было бы, однако, величайшей ошибкой думать, что русская литература проникнута грубой тенденциозностью и представляет собой сплошной трубный глас о свободе, что она посвятила себя только изображению жизни бедняков, а тем более, что все русские писатели революционеры, или, по меньшей мере, прогрессисты. Такие клички, как «реакционер» или «прогрессист», вообще не имеют значения в искусстве.

Достоевский в своих позднейших произведениях определенный реакционер, пиэтически настроенный мистик и ненавистник социалистов. Его изображения русских революционеров—злые карикатуры. Мистическое учение Толстого тоже по меньшей мере отсвечивает реакционностью. И все же произведения и того и другого действуют на нас возвышающим образом, поднимают и освобождают наш дух. Это объясняется тем, что основа их творчества, то из чего они исходят, не реакционно. Их мыслями и чувствами владеет не социальная ненависть, не узкосердечие и сословный эгоизм, не приверженность к существующему, а, напротив того, самая широкая любовь к человечеству и глубочайшее чувство ответственности за общественную несправедливость. Именно реакционер Достоевский сделался в художественной литературе защитником «униженных и оскорбленных», как гласит заглавие одного его произведения. Только самые выводы, к которым пришли и он и Толстой—каждый своим особым путем, только то, что они считают выходом из лабиринта общественных отношений, ведет в тупик мистики и аскетизма. Но у истинного художника предлагаемые им общественные рецепты имеют лишь второстепенное значение. Главное, источник его творчества—вдохновляющий его дух, а не сознательная цель, которую он себе ставит.

Далеко не все у Достоевского было продиктовано широкой любовью к человечеству; но в целом замечания тов. Люксембург на наш личный взгляд правильны. Отнюдь нельзя, однако, сказать того, что сказала Люксембург о Достоевском, про белую литературу наших дней. Такие вещи, как роман А. Н. Толстого на три четверти продиктованы именно социальной ненавистью, сословным эгоизмом, презрением к Михрюткам, слепотой и непониманием эпохи, жаждой вернуть старое. Эта литература реакционна до последней строки, ибо это даже в конце концов не литература: талант пошел на службу самым низменным, реакционнейшим социальным страстям. И получилось то, что литературные приемы А. Н. Толстого часто трудно отличить от приемов сочного черносотенца Краснова.

В первой главе своего романа, являющейся введением или предисловием, А. Н. Толстой дал такой отзыв о русской поэзии кануна войны:

— Вдыхать запах могилы и чувствовать, как рядом вздрагивает разгоряченное дьявольским любопытством тело женщины,—вот в чем был пафос поэзии этих последних лет: смерть и сладострастие.— Отзыв—суровый, но справедливый. Русская „старая“ литература за немногими исключениями стала разлагаться после 1905 года. Арцыбашевщина, „тихие мальчики“ Сологуба, „Честность с собой“ Винниченка, „Конь бледный“ Савинкова (Ропшина), несчетное множество

рассказов и стихов о „вздрагивающем теле женщины"—вот основные вещи.

Во время войны разложение усилилось. Подавляющее большинство беллетристов, поэтов начало сочинять тенденциозные, безвкусные, насквозь фальшивые патриотические вещи на тему:

> Прежде, чем весна откроет ложе влажное долин,
> Будет русскими войсками взят заносчивый Берлин.

Революция завершила этот процесс духовного оскудения и упадка. И главное не в том, что Толстой, Куприн, Бунин—„ниспровергают" большевизм, сочиняя чудовищно тенденциозные рассказы, стихи и т. д.,—а в том, что все это они делают до крайности глупо. Но эта беда—не их индивидуальная, а общая интеллигентская.

Российский интеллигент в массе своей *поглупел*. И поглупел основательно. Он не только правеет, о н г л у п о п р а в е е т. Он занимается столоверчением, он сделался юдофобом, сплетником, да верит гадалкам, шарлатанам и знахарям,—смакует любую пошлость. Если бы осуществились планы свержения Советской власти и „мозг нации" занял бы вновь „подобающее место", какое бы море глупости, невежества, изуверства разлилось бы по России. Советские безобразия и недостатки механизма, о чем так любит писать белая пресса, оказались бы невинными, нестоящими фактами по сравнению с тем, что бы наделал глупо поправевший интеллигент.

Но... „бодливой корове бог рог не дает". Россия не будет во власти этого мракобесия, тупой ожесточенности и предельной глупости. И возрождение русской литературы придет с низов, от рабоче-крестьянского демоса, либо не придет совсем...

А. Воронский.

Внутри советской России.

Неурожай 1921 года [1].

(Цифры и факты.)

Открытие, что 1921 год — год исключительной неурожайности, сделано сравнительно недавно. Еще кое-кто у нас доказывал, что все обстоит благополучно и что в текущем году можно надеяться на больший сбор, чем в прошлом году [2]). Но уже сводка на 1 июня о состоянии посевов наглядно констатировала катастрофу, которая для большинства была совершенной неожиданностью. Сводка на 15 июня придала еще более сгущенные краски.

Знойное лето и почти полное отсутствие дождей в связи с сокращением посевной площади и неудовлетворительной удобренностью сообщило неурожаю исключительный по силе характер: знаменитый 1891 г. бледнеет перед тем, что мы видим в текущем году.

В настоящей статье мы попытаемся дать возможно полную картину поразившего нас бедствия.

Район, пораженный неурожаем, если мы возьмем сводку Ц. С. У. о состоянии посевов на 15 июня и выделим из него губернии с отметкой до 2,5, т. е. квалифицируемые нами как „посредственные“ и „неудовлетворительные“, то получим следующую картину: неурожай охватывает всю (кроме Орловской и Тульской губ., а также Башреспублику) производящую полосу советской России, часть губерний из потребляющей полосы (Вологодскую, Костромскую, Нижегородскую), часть Украйны (Николаевскую, Александровскую, Симферопольскую, Одесскую и Екатеринославскую), а также Северный Кавказ (Ставропольскую и Кубано-Черноморскую).

Таким образом, неурожай охватил почти весь район, из которого мы рассчитывали получить значительную часть продналога из общего количества 240 милл. пудов.

Из указанного района губернии: Вятская, Чувашская, Марийская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Уральская имеют посевы в совершенно неудовлетворительном виде.

Необходимо прежде всего построить продовольственный баланс данного района.

К сожалению, состояние сельско-хозяйственной статистики не позволяет иметь точные данные о посевных площадях и урожайности за

[1]) Нужно иметь в виду, что в момент, когда писалась настоящая статья, многое было еще не вполне установлено; так, точно не был определен район, охваченный неурожаем. Поэтому требуется известная осторожность при оценке цифрового материала и выводов т. Клейнкова. *Ред.*

[2]) В кратком виде доклад этот появился в „Экономической Жизни“ в одном из номеров второй половины [illegible].

ближайшие годы, поэтому нам приходится подходить к этим вопросам сложными кружными путями.

Определение посевных площадей. Мы имеем данные Ц. С. У.[1]), опубликованные для 25 губерний по переписи 1921 года.

Общей исходной базой является перепись 1916 года. (Перепись 1917 года опубликована по Калужской губ. [2]), а перепись 1919 года дана в итогах по небольшому числу губерний.)

Беря посевную площадь 1916 года и сопоставляя ее с данными по соответствующим губерниям с 1920 годом, мы находим коэффициент сокращения для отдельных губерний (по отдельным культурам) и затем экстраполируем эти коэффициенты на те губернии описанного выше района, по которым нет сведений по 1920 году и таким образом получаем возможную посевную площадь для данного района на 1920 г.

Чтобы теперь подойти к посевной площади 1921 года, необходимо принять во внимание общую тенденцию сокращения посевных площадей, согласно ряда донесений посевкомов о сильном сокращении площади яровых, которые местами достигают 70%; имея все это в виду, возможно исчислить площадь 1921 года, беря средне-возможный коэффициент сокращения в 15%. Идя этим методом, мы получим следующую картину:

Таблица № 1.

Вычисленная посевная площадь (в тысячах десятин) 1920 года.

ГУБЕРНИИ	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овес.	Гречиха.	Просо.	Картофель.	ИТОГО.
1. Самарская	660	761	45	166	1	137	[illegible]	[illegible]
2. Симбирская	513	36	1,5	159	5,50	206	31	946
3. Пензенская	566	122	1,2	236	2	182	52	97[illegible]
4. Саратовская	941	636	72	227	[illegible]	306	28	2216
5. Марксштадтская	147	323	25	6	0,30	3	1,50	512
6. Вятская	997	13	6	64	35	0,20	21	1766
7. Чувашская	112	3	4	46	0,90	0,15	0,45	[illegible]
8. Марийская	44	2	8	23	2,60	—	0,50	[illegible]
Александровская	8	336	450	46	0,17	12	31	1270
10. Уральская	45	92	2	20	—	26	0,39	[illegible]
11. Симферопольская	[illegible]	208	105	53	0,08	1,80	3,10	[illegible]
12. Николаевская	225	324	727	68	4	35	16,40	1401
13. Рязанская	470	0,9	—	132	11	132	3	89[illegible]
14. Тамбовская	875	2	0,4	315	5	165	91	1756

[1]) Бюллетень № 46 Ц. С. У.

[2]) Были выпущены в свет предварительные итоги по всем губерниям России, но за массою опечаток и счетных погрешностей изъяты из обращения самим Ц. С. У.

Губернии.	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овес.	Гречиха.	Просо.	Картофель.	Итого.
15. Челябинская	21	843	9	516	0,15	4	7	1400
16. Татарск. республика	943	31	4	259	64	52	29	1382
17. Екатеринославская	56	335	29	267	0,80	0,70	1,90	691
18. Ставропольская	0,7	894	342	34	0,20	102	3,40	1367
19. Нижегородская	398	16	1,9	113	16	58	48	650
20. Пермская	262	30	53	236	24	0,03	0,40	605
21. Костромская	157	3	13	83	0,03	0,08	21	277
22 Одесская	120	257	326	46	5	9,30	16,20	780
23. Астраханская	26	25	1,1	12	0,14	24	6,70	95
24. Курская	516	60	17	218	165	238	74	1288
25. Воронежская	687	190	125	196	32	440	57	1727
26. Уфимская	714	194	3,6	418	97	108	12,60	1548
27. Царицынская	167	188	6	103	0,80	48	4,80	518
28. Кубано-Черноморск.	98	961	449	58	1	13,50	27,70	1608
29. Вологодская	9	3	17	73	—	—	7	109
30. Донская область	393	922	494	60	0,50	102	31	2002

Так как нас интересует продовольственное состояние неурожайного района и так как картофель является теперь прямой заменой хлеба, то мы исчисляли и площадь картофеля.

Урожайность. Для получения возможной урожайности в 1921 году мы прибегли к следующему методу. Мы взяли показания о состоянии посевов в 1891, 1906, 1911 г. г. (неурожайные годы) и сопоставили их с фактическим сбором и установили этим путем связь показаний с величиной сбора. Результат получился вполне удовлетворительный.

Таблица № 2 [1]).

Связь показаний о состоянии посевов с фактическим сбором.

(Средняя по России за 1891—1906—1911 г. г.).

Культурные показания.	Сбор в пудах с десятины.					
	Рожь.	Пшеница.	Овес.	Ячмень.	Просо.	Гречиха.
Хороший	67	50	57	62	59	—
Удовлетворительный	44	41	45	45	42	36
Посредственный	31	32	31	31	29	24
Неудовлетворительный	17	12	12	13	15	12

[1]) Чтобы не загромождать статью, мы не приводим и районных данных, на основании которых получились эти сведения.

Применяя полученные цифры к 1920 году и беря для губерний с отметкой ниже 1,4 урожайность, соответствующую показанию „неудовлетворительное“, а для губерний с отметкой 1,4—2,5 — показанию „посредственное“, мы получаем следующую картину:

Таблица № 3.

Средняя урожайность соответств. характерист. корреспонд. на 10 июня.

(Вычисленная на 1921 год.)

	Рожь.	Пшеница.	Овес.	Ячмень.	Просо.	Гречиха.	Картофель.
Самарская	11	10	10	8	9	9	218
Симбирская	16	11	12	13	17	10	285
Пензенская	16	11	12	13	17	10	371
Саратовская	16	11	11	13	17	10	311
Марксштадтская	16	11	11	13	17	10	211
Вятская	36	22	26	27	20	10	294
Чувашская	36	22	26	27	20	10	294
Марийская	36	22	26	27	20	10	294
Александровская	22	17	16	19	15	26	425
Уральская	16	11	12	13	17	10	230
Симферопольская	22	17	16	19	15	26	295
Николаевская	22	17	16	19	15	26	325
Рязанская	31	25	25	24	28	20	484
Тамбовская	31	25	25	24	28	20	416
Челябинская	26	26	21	21	17	15	237
Татарская	26	26	21	21	17	15	305
Екатеринославская	36	31	24	25	20	32	449
Ставропольская	36	31	24	25	20	32	385
Нижегородская	26	26	21	21	17	15	398
Пермская	36	39	36	34	22	21	449
Костромская	26	26	24	29	29	28	369
Одесская	36	31	24	25	20	32	430
Астраханская	26	26	21	21	11	15	230
Курская	31	25	25	24	28	20	570
Воронежская	31	25	25	24	28	20	393
Уфимская	26	26	21	21	17	15	240
Царицынская	26	26	24	21	17	15	311
Кубано-Черном.	36	31	24	25	20	32	385
Вологодская	26	26	24	21	17	16	235
Донская область	36	31	24	25	20	32	450

Обсеменение. Потребность в семенах мы брали, исходя из норм высева, применявшихся в 1917 году [1]).

Потребление. Потребление—самый сложный и наиболее спорный момент. Поскольку в первых трех моментах мы могли исходить из фактических данных и так или иначе подходить к этому вопросу на основе тех или иных материалов, в вопросе о потреблении мы совершенно произвольны.

Минимальной физиологической нормой, при которой возможна работа, является 15 пудов хлеба на одну душу для сельского и 13 для городского населения [2]). Эта норма дает (при расчете, что хлеб+картофель составляет 85%) на одного взрослого едока в деревне 3.100 калорий, т.-е. дает возможность не только существовать, но и работать, выполняя подготовку посевной площади 1922 года. Пораженный район—житница России, и мы должны его сохранить во что бы то ни стало.

Но принимая во внимание ограниченные рессурсы, мы полагаем возможным свести эту норму до 13 пудов (хлеба+картофель) для сельского и 12 пудов для городского населения, считая, что остальные 2 пуда крестьянин возместит отчасти мясом, отчасти и другими продуктами.

Население. Население нами взято по переписи 1920 года (по данным Ц. С. У.).

Результаты. Сводя все изложенное, мы получили следующую картину:

Таблица № 4.

Губернии, сбор которых не покрывает потребления.

Губернии.	Недохватка на потребление.	Общая недохватка.
Самарская	18,0	27,7
Симбирская	7,5	13,8
Пензенская	6,0	13,4
Саратовская	11,0	22,9
Марксштадтская	0,4	3,2
Чувашская	0,2	1,5
Марийская	5,1	5,8
Александровская	1,2	9,2
Уральская	9,1	10,1
Симферопольская	3,4	7,1

[1]) А. Лосицкий. Урожай 1917 года.

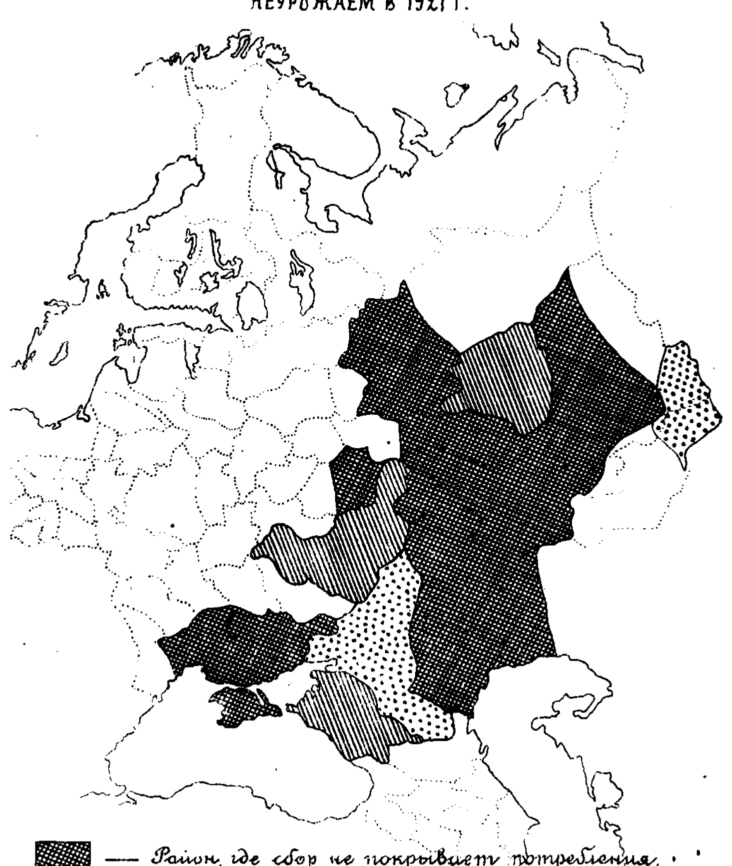
[2]) По исследованиям Скибневского бедн. насел. Верейск. у. Московской губернии потребл. 15,5 пудов и по исследованию Зорина бедных крестьян Можайского уезда потребл. 14,0 пудов.

Минимальное потребление в 1920 году сельск. насел. было в Северо-Двинской губернии 13,0 пудов (исслед. Ц. С. У.).

В довоенный период норма составляла для крестьян потребл. полосы в 15,5 пудов без скота (22,6 со скотом), для производ. полосы — 17,5 пудов без скота (26,2 со скотом) исслед. С. А. Клепикова.

ртогр. №2

Районы, пораженные неурожаем в 1921 г.

— Район, где сбор не покрывает потребления.

— " " " покрывая потребление, не покрывает семьям.

— Район избыточный.

Губернии.	Недохватки на потребление.	Общая недохватка.
Николаевская	1,4	9,3
Рязанская	3,0	10,5
Татарская	4,3	18,8
Екатеринославская	22,0	28,9
Нижегородская	6,5	13,4
Пермская	1,6	12,1
Костромская	9,9	9,6
Одесская	7,2	11,9
Астраханская	3,6	3,6
Уфимская	2,7	19,1
Вологодская	9,3	10,4
Итого	133,4	262,3

Губернии, сбор которых покрывает потребление, но не покрывает семена.

Губернии.	Недохватка на семена.
Вятская	3,6
Тамбовская	6,7
Курская	15,9
Воронежская	14,2
Кубано-Черноморская	15,8
Итого	56,2

Губернии избыточные.

Челябинская	+2,4
Ставропольская	+9,1
Царицынская	+10,9
Донская область	+9,0
Итого	+31,4

Большая часть описанного района находится в самых неудовлетворительных условиях. Говоря строго, мы можем разбить весь неурожайный район на три крупных подрайона.

Первый, где сбор не покрывает потребление. В этот район входят губернии: Самарская, Симбирская, Пензенская, Саратовская, Марксштадтская, Чувашская, Марийская, Александровская, Уральская, Симферопольская, Николаевская, Рязанская, Татарская республика, Екатеринославская, Нижегородская, Пермская, Костромская, Одесская, Астраханская, Уфимская и Вологодская, а всего 21 губерния.

Этот район, насчитывающий 33,0 милл. душ населения и обладающий общей посевной площадью в 14,6 милл. десятин, не добирает до потребления 133,4 милл. пудов хлеба + картофель [1]), т.-е. при непокрытии недохвата фактически там остается на потребление, вместо принятых нами 13 пудов, всего лишь 9,0 пудов хлеба вместе с картофелем или, откинув картофель (составляющий 25%), 6,8 пуда хлеба на душу населения. А это составляет лишь 1.320 калорий на взрослого едока [2]).

На-ряду с недохватом на потребление, стоит недохват на семена, который выражается в 128,9 милл. пуд., и непокрытие этого недохвата влечет за собой незасев полной площади всего района, или недосев 14,6 милл. десятин лучшей земли.

Таким образом общий недохват по всему району составляет 262,3 милл. пудов.

Второй район, где сбор, покрывая потребление, не покрывает семенной потребности, состоит из губерний: Вятской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Кубано-Черноморской. Этот район, имеющий 14,4 милл. пуд. и 8,2 милл. десятин посева, дает недохват на семена в 56,2 милл. пудов хлеба и картофеля, и непокрытие этого недохвата влечет за собой на незасев 7,0 милл. десятин.

Наконец, третий район — избыточный, где, несмотря на неудовлетворительные показания, имеются излишки, состоит из губерний: Челябинской, Ставропольской, Царицынской и Донской области. Общий избыток по району составляет 31,4 милл. пудов. При выводе общего баланса всего неурожайного района эти 31,4 милл. пудов в расчет принимать не следует, так как совершенно несомненно этот хлеб будет съеден внутри района. Конечно, некоторая доля этого избытка попадет на долю голодающих, но по всей вероятности в виде милостыни.

Принимая во внимание сказанное, мы и выводим общий недостаток по всему району в 318,5 милл. пудов хлеба + картофеля.

Заключение. Краткий срок выполнения настоящей работы не позволяет мне использовать весь имеющийся в моем распоряжении материал по данному вопросу и надлежаще осветить все моменты [3]). Мы надеемся в ближайших статьях ближе подойти и осветить глубже данный вопрос.

Пока же я вкратце остановлюсь еще на одном моменте уже заключительного порядка.—Как же дело обстоит вообще с продовольственно-хлебным балансом в настоящий момент? Чтобы ответить на этот вопрос, и, в то же время, представить вопрос в исторической перспективе, мы взяли 3 года: — 1913, 1920 и 1921 и построили хлеб-

[1]) По данным физиологии предельная норма, опускание ниже которой влечет смерть, равна 1800 калорий на взрослого человека.

[2]) Картофель в итоговой таблице переведен на хлеб по норме: 1 пуд хлеба равняется 0,28 пуд. картофеля (С. Клепиков) и сложен с хлебом.

[3]) Поэтому же мы лишь вкратце остановимся на методологических приемах, принятых в работе.

ный (без картофеля) баланс для всей России (без Украйны и Сибири). Отдельные статьи баланса 1920 и 1921 г.г. мы получим описанными методами, но для 1913 мы пользовались уже готовыми данными [1]).

В результате получилось следующее:

Таблица № 5.

Хлебный баланс [2]) по Европейской России (в тыс. пуд.).

Годы.	Дебет.			Кредит.				
	Валовой сбор.	Дефицит.	Баланс.	Потребление людьми и скот.	Семенная потребность.	Вывоз.	Остаток.	Баланс.
	В тысячах пудов.							
1913/14	3.526.507		3.526.507	1.826.496	473.648	540.351 [3])	686.012	3.526.507
1920/21	1.254.277	88.867	1.364.650	1.035.314	307.831	—	—	1.384.650
1921/22	744.724	358.067	1.102.791	841.135	261.656	—	—	1.102.791

Как мы видим, сбор сильно падает с 3.526 милл. пудов до 744 милл. пудов, т.-е. почти в пять раз; потребление сокращается с 1.826 милл. пудов до 841 милл. пудов, т.-е. почти в $2^1/_2$ раза; но, взамен этого, вместо чистого остатка 1.126 милл. пуд. (вывоз + остаток) мы имеем последовательно дефицит: для 1920/21 г. — в 89 милл. пудов и для 1921/22 г. — 3.358 милл. пудов.

Как же мы свели концы с концами в 1920/21 году?

Несомненно, часть дефицита (какая именно, сказать сейчас трудно) покрыта привозом из Сибири, из Украйны и, в незначительной степени для столиц, привозом из-за границы; другая же, меньшая, часть покрыта за счет сокращения преимущественно потребления.

Что же касается 1921/22 г., то тут мы еще должны решить, как покрыть его.

Во-первых, при крайнем напряжении рессурсов Сибири мы можем взять из нее 110—120 милл. пуд., во-вторых, Украйна при сильном нажиме может дать около 100 милл. пуд.; наконец, 40,56 милл. пудов даст сокращение посевной площади на 20—30%.

Таким образом из общего дефицита в 358 милл. пуд. мы своими силами сможем покрыть 240—270 милл. пудов.

Остающиеся 110—80 милл. пуд. мы можем покрыть только путем устройства хлебного займа за границей или обречь на голодную смерть несколько миллионов душ.

---

[1]) Урожай 1913 года (Ц. С. К.), население (Центр. Ст. К-та), вывоз взят из нашей неопубликованной работы (хлебный баланс 1909—1913 годов по районам России).

Нормы потребления для 1913 года взяты для потребления населения 19,5 пудов (со скотом), для произв. 19,8 (со скотом), для 1920 года взяты по мартовскому обследованию Ц. С. У.

[2]) Без Украйны и Сибири.

[3]) Вывоз как на внешний, так и на внутренний рынок.

Резюмируя сказанное, мы приходим к следующим положениям:

1) Бедствие, поразившее всю производящую полосу России, превосходит по последствиям самые неурожайные годы России, при этом помимо острого неурожая, катастрофические последствия выражаются в все ускоряющемся падении посевных площадей и ухудшении количества и качества живого и мертвого инвентаря.

2) Необходимо для всего описанного района (см. картогр. № 1) отменить продналог.

3) Необходимо принять экстренные меры к обеспечению получения хлеба (нов. урожая) из Сибири и Украины и сейчас же [illegible] шаги о заключении хлебного займа за границей.

С. Клепиков.

Голодное переселение.

Размеры народного бедствия в среднем и нижнем Поволжье чрезвычайно велики и требуют весьма серьезных мер для спасения населения от гибели. Положение усложняется еще и тем, что громадное пятно губерний с полным неурожаем, с населением свыше 13 милл. душ, окружено кольцом губерний, в которых урожай не в состоянии покрыть потребность в продовольствии и семенах населения свыше 18 милл. человек. Если бы в республике были даже достаточные запасы продовольственных и фуражных продуктов, то никакой транспорт не в состоянии справиться с этой перевозкой. Поэтому вполне естественно и население и государство ищут выход в переселении населения в губернии с избыточными земельными площадями и излишками продовольственно-фуражных продуктов. Голод всегда служил побудительной причиной переселения: это одинаково относится как к районам малоземельным, так и многоземельным. История дает нам много примеров, когда под влиянием неурожая значительные массы населения снимались с своих мест и в поисках новых пристанищ сметали на своем пути всякое организованное хозяйство: так было во время „великого переселения народов“, так было и во время нашествия на Русь татарского населения из Средней Азии. До самого последнего времени русское население малоземельных районов в годы неурожая и недорода тоже покидало свои места и небольшими группами или в одиночку переселялись на „привольные места“ Сибири, степи юга и юго-востока. В конце прошлого столетия это стихийное движение было введено в русло организованного и планомерного переселения.

Самовольное переселение из неурожайных губерний началось уже давно, как только выяснилось, что от засухи погибли посевы и травы. В первую очередь снялись со своих мест беженцы, поселившиеся здесь из западных губерний во время военных действий: они возвращаются обратно в свои места, где урожай в нынешнем году обещает быть хорошим. Дешево распродав свое недвижимое и часть движимого имущества, получив при этом средства, едва достаточные для того, чтобы просуществовать в пути, они в паническом страхе стремятся поскорее достигнуть своих родных мест, дабы не опоздать к озимому посеву. Волна таких беженцев уже достигла средне-русских губерний; их таборы с своеобразными повозками уже можно наблюдать в окрестностях Москвы.

Одновременно с ними снимаются с своих мест и выходцы из средне-русских губерний, поселившиеся в Нижнем Поволжье во время последних продовольственных затруднений. Минуя всякие запреты, не-

Волге на лодках, гужевым путем они возвращаются к себе на родину, чтобы пережить тяжелую зиму и будущей весной или летом пуститься вновь за поисками себе „пристанища".

Впрочем, необходимо отметить, что обратное выселение беженцев и выходцев происходит не только самовольно, но и при содействии местных организаций. Как велико это движение — сказать трудно; в нашем распоряжении пока нет статистического материала. Но все сведения говорят о том, что количество беженцев и среднерусских выходцев в Нижнем и Среднем Поволжье и прилегающих районах свыше $1\frac{1}{2}$ миллионов человек. Таким образом движение выселенцев понизит количество населения в голодном пятне с $13\frac{1}{2}$ милл. до 12 милл. человек.

Однако, переселенческая волна захватила собою не только пришлое, но также и старожильческое коренное население. В первую очередь поднялись, конечно, бедняки и направились в соседние районы Киркрая, Туркестана и Сибири. Первоначально это движение довольно легко просачивалось через границы, но по мере того, как оно принимало значительные массовые размеры, возникало противодействие ему со стороны автономных республик, вызывая иногда тяжелые пограничные столкновения. Само собой понятно, что это передвижение переносит также эпидемии людей и скота.

Прошедшие в июне небольшие дожди несколько успокоили население: началась вспашка паров; но так было недолго; дожди не смогли уже поправить посевы и травы, надежды на получение достаточного количества семян и продовольствия нет. И переселенческое движение не только не ослабевает, но и усиливается: массы пришли в движение и по сведениям с мест „население губернии на колесах". Не подлежит ни малейшему сомнению, что для спасения населения и хотя бы некоторых остатков хозяйства придется часть голодающих совсем вывезти из этого района в другие места.

Необходимо, однако, отметить, что голодный район далеко не однороден по размерам землевладения: в северной его части, в областях Чувашской и Марийской, а также части Татарской республики и южн. у. Вятской губ. мы встречаемся с малоземельем (в Чувашской обл., например, на одного едока приходится всего лишь 0,6 дес., норма же для всего района 1,5 дес.), тогда как в остальных губерниях недостатка в земле нет, а губ. Самарская, Саратовская и Царицынская изобилуют избытками земли до 3 милл. десятин.

По сведениям губземотделов (далеко не полным), южные губернии голодающего района при нормальных условиях смогли бы принять поселенцев из других мест, считая по 5 дес. на едока: Самарская — 400 тыс., Саратовская — 300 тыс. и Царицынская — 150 тыс. человек. Производящиеся землеустроительные работы указывают, что эти цифры могут быть значительно увеличены.

Таким образом, очевидно, что говорить о настоящем коренном переселении можно только по отношению к северной части пораженного неурожаем района, по отношению же южной части необходимо говорить лишь о временном переселении, могущем дать возможность пережить тяжелую зиму.

По ходатайству исполкома Чувашской обл. необходимо из 805 тыс. населения области переселить не меньше 200 тыс., т.-е. до 25% (это подтверждается и нормой 0,68 дес. на едока); такой же процент очевидно приходится и на соседние районы. Повидимому, переселению из этого района подлежит от 400 до 500 тыс. человек.

Какие же возможности имеются для этого? По сведениям губ-

земотделов, запасного земельного фонда (считая по 4—5 дес. на едока в Сибири, от 5 до 10 дес. в сев. губ. Евр. России и Енисейской губ.) имеется долей:

Название губерн.	Подготовка фонда.	Изысканного фонда.	По свед. Гл. переселенч. управления на 1916 г.	Переведено переселенцев в 1920 г.
Сибирь.				
1. Тюменская	8.700	8.000		3.600
2. Томская	5.700	75.000	104.000	14.000
3. Омская	67.800	110.000		40 000
4. Алтайская	24.600			148.000
5. Енисейская	2.000	18.000	20.000	4.300
6. Челябинская				2.500
Итого	108.800	211.000	124.000	212.400 (включая и 30 т чел., которые перевозят. в наст время).
Евр. Россия.				
1. Сев.-Двинск.	13.800			
2. Череповецк.		14.000		
3. Вятская		27.000	(в уездах, пораж	енн.неурожаем).
4. Вологодск.		31.000		
Итого.	13.800	72.000		

Характеристика этого фонда такова: подготовленный и изысканный фонд представляет собою нарезанные делянки из лесных пространств на расстоянии 60—100 верст от постоянных поселений; делянки представляют собою поруби или мелкий лес, требующий рубки и раскорчевки, к которым устроены дороги. Подготовка фонда заключается в том, что эти участки, намеченные и подготовленные прежним переселенческим управлением, проверены земельными отделами на месте, остальные еще не проверены. Такого же характера значительная часть фонда и в Северо-Двинской губ. Таким образом этот таежный фонд явно не может быть использован в настоящее время для переселения из голодающих губерний лесо-степного характера. Это вполне подтверждается и практикой прежнего переселения: в Томском и Марийском у. (Чулымская тайга) в прежнее время поселилось много чувашского населения, которое до сих пор не могло приспособиться к местным земледельческим условиям и вымирает. Тем паче они не смогут приспособиться теперь, следовательно послать их туда, значит обречь на верную смерть.

Переселенческое движение после революционного периода шло преимущественно путем уплотнения старожильческого сибирского на-

селения, преимущественно в Алтайской и соседних с нею уездах других губерний. В период 1920—1921 г. переселенцев из губерний, пораженных недородом (Тульской, Рязанской, Калужской, Воронежской, Брянской, Курской и Орловской) было перевезено по настоящее время до 200 тысяч и до 12 тысяч будет переброшено в ближайшее время. Кроме того, по данным Сибревкома, за время с 1917 — 1920 г.г. ему пришлось устроить самовольно пробравшихся переселенцев в количестве 378 тыс. человек, таким образом всего зарегистрировано до 600 тыс. переселенцев. Значительная часть, конечно, прошла также и мимо регистрации.

Из этого количества от 75 до 80% приходится на Алтайскую губернию, которая на 1½ милл. жителей приняла легальных переселенцев до ½ милл., т.-е. к каждым трем жителям присоединился четвертый. Дальнейшее уплотнение чрезвычайно затруднительно, а таежный фонд переселенцев не привлек, и из 4.178 ходоков землю зачислили только 2.216 чел., остальные 40% вернулись обратно с пустыми руками.

Таким образом, для переселения в Сибирь может быть использована лишь Алтайская губерния и очень небольшие части соседних уездов с фондом до 25 тыс. долей, которые при дальнейшем уплотнении могут быть увеличены до 35—40 тыс. долей; кроме того от 30 до 40 тыс. человек можно было бы разместить в северн. губ. Европ. России. А это сможет удовлетворить лишь третью часть потребности одной только Чувашской области и не свыше 15—20% всей потребности северного неурожайного района. Однако и эти возможности придется уменьшить, если только мы перейдем к транспортным условиям. До сих пор Н.К.П.С. дает вагонов лишь для перевозки 30 тыс. чел. в месяц, следовательно, если даже будет возможность начать перевозку переселенцев с 1-го августа, то и то потребуется от 3 до 3½ месяцев, но так как вперед придется пустить ходоков и так как вагоны будут в августе еще заняты перевозками переселенцев от прошлого года, то раньше декабря месяца вряд ли будет возможно перебросить эту часть переселенцев. Поэтому все внимание нужно обратить на переселение в ближние районы и расселение (хотя бы временное) внутри России.

Картина будет еще более тяжелой, если мы обратимся к остальному голодающему району, представляющему громадную площадь с населением до 10 милл. человек (из 13½ милл. вычитается 1½ милл. беженцев и 2 милл. чел. северного района лесо-степного). Сибирь для их переселения исключена; можно было бы при благоприятных условиях часть населения перебросить в юго-степную полосу, где, по данным земорганов, имеется свыше ¼ милл. долей (Ставропольская, Донская, Терская и Кубанская губ.), но эти губернии сами пострадали от засухи. Поэтому остается Украйна, Киркрай и Туркестан. Мы не располагаем сведениями об Украйне, поэтому придется остановить внимание лишь на Туркестане и Киркрае.

Свободный земельный фонд в Туркестане отсутствовал уже в 1916 г.; так, по данным Главного переселенческого управления на 1-е января 1916 г. имелось всего лишь 4½ тыс. долей. Хотя за время революции там могло произойти численное уменьшение населения, но так как пришла в расстройство значительная часть оросительной системы, то все же приходится наблюдать очень сильную земельную тесноту.

По отрывочным, далеко не полным сведениям из 2.800 тыс. десятин орошаемой земли обрабатывается не больше половины, да

около 1 милл. десят. не орошаемой земли (богары)[1]. Если принять урожай на орошаемой площади в 100 пуд., а на неорошаемой в 50 пуд. с десятины, то максимальный урожай может быть 180—190 милл. пуд.: за вычетом семян, продовольствия для населения и скота излишки будут от 25—30 милл. пуд. (а не 150 милл. пуд., как указывает т. Беляков в № 145 „Известий"). Однако и этих излишков вполне достаточно, чтобы прокормить до 1 милл. пришлого населения.

А в рабочих руках Туркестан очень нуждается как для уборки урожая, так и для восстановления оросительной системы. Переброску рабочих из голодных губерний нужно начать немедленно и немедленно же следует начать подготовку к гидротехническим работам. После окончания оросительных работ и увеличения таким образом земельной площади значительная часть выходцев-рабочих смогла бы остаться на постоянное поселение.

Совершенно иную картину представляет Киркрай. По сведениям Г. П. У., в 1916 г. здесь было до 200 тыс. долей свободного фонда: Семипалатинская губ. — 80 тыс., Акмолинская — 57 тыс., Тургайская и Уральская—64 тыс. долей. Однако центр тяжести лежит не столько в переселении, сколько в уплотнении крупных владений русского населения Киркрая: казаков и переселенцев.

Населения в Киркрае, по данным 1917 г., насчитывается: кочевое 2.179 т. чел. и оседлое: казаки 327 т. и переселенцы-крестьяне 1.221 т человек. Последние две группы имеют земли: крестьяне 14 милл. десят и казаки 11 милл. дес., т.-е. на едока: крестьяне 14 дес. и казаки 30 дес. За время с 1917 г. произошло уменьшение населения; все это значительно повышает нормы на едока.

При уменьшении нормы наделения для казаков и переселенцев до 5 дес., как это сделал Сибревком на Алтае и в Омской губ., можно было бы поселить на землях казаков до 1.800 тыс. и на землях поселенцев до 1½ милл. человек, а всего, включая и 200 тыс. долей фонда, до 3½ милл. человек.

Конечно, эти данные носят теоретический характер: за это время несомненно произошло уже уплотнение этих групп населения, да и норму в 5 дес. провести трудно, так как хозяйство все же носит экстенсивный характер, но все же при нужде можно было бы вселить до 1½ милл. человек. Хозяйственные возможности имеются на-лицо полностью: в 1917 г. посевная площадь у поселенцев составляла 14%, а у казаков 6%; а количество скота на 100 жителей было:

Название губ.	Поселенцы.	Казаки.	Киргизы.
1. Акмолинская	255	465	780
2. Семипалатинск.	343	440	642
3. Тургайская	290	·	560

Главные препятствия на пути: 1) автономность Киркрая, 2) транспортные условия, 3) отсутствие в Киркрае переселенческого аппарата

[1] Сведения т. Белякова в „Известиях В.Ц.И.К." № 145 от 6-го июля не верны, и весь его расчет об излишках, где он исходит из 3 милл. десятин орошаемой земли, также фантастичны.

и слабость землеустроительного, 4) противодействие местного населения в лице казаков и переселенцев.

Для спасения миллионного населения Киркраю следует, конечно, поступиться частью своей автономии и притти на помощь РСФСР. Тем более, что земельные владения киргизского населения совершенно не затрагиваются. Населению же необходимо разъяснить, в каком тяжелом положении находится приволжский район. Касаясь вопроса о транспорте, придется все же главное внимание обратить на гужевое передвижение, так как большого количества поездов с переселенцами двинуть будет невозможно.

Вот и все возможности переселения. Оставляя в стороне возможности и условия железнодорожных перевозок и обращая центр тяжести на гужевые перевозки максимум возможности 2 милл. человек из 40 милл. человек населения, постигнутого неурожаем и недородом, и из 12 милл. населения из районов с полным неурожаем.

Главное внимание государству придется все же обратить на использование рабочего населения во всех районах России на общественных и государственных работах; стариков, женщин и детей придется кормить, посылая туда продовольствие. Говоря о переселении из этого района, за исключением северной части, приходится все время иметь в виду, что это—временное переселение, ибо губернии выселения недостатком земли не страдают. По существу из 12 милл. голодающего населения говорить о настоящем переселении можно лишь по отношению к $^1/_2$ милл. человек, остальные нуждаются лишь во временном расселении, временной эвакуации, чтобы протянуть зиму и весной вернуться к своему хозяйству.

П. Месяцев.

Махновщина и анархизм.

(К итогам махновщины.)

Движение Махно возникает в 1918 г., как повстанческое движение против режима гетманщины и германского империализма на Украине. Махно впервые появляется в 1918 г., как вождь восставших в Гуляйпольском районе крестьян. Удар повстанцев, крестьян, возглавляемых Махно, направляется против гетмана Скоропадского, против желтого Петлюры, против войск Вильгельма.

Махно наносит ряд ударов белым. Махно дезорганизует тыл белых. Удар Махно по белым совпадает с тем ударом, который наносят оккупантам германцам и русским украинским белогвардейцам восстающие украинские рабочие.

В конце 1918 года из Екатеринослава белые были выбиты соединенным ударом Махно и героических екатеринославских рабочих. Рабочие, в огромном большинстве большевики, действуют совместно с махновцами, тогда еще не подозревавшими, что они скоро будут анархистами.

Но уже при этом крупном успехе Махно вскрывается слабая сторона махновщины, как партизанского и крестьянского движения. Несколько тысяч махновцев, вошедших в город, заливает Екатеринослав волной пьяного разгула, бесшабашного пьянства, бандитизма, грабежа и погромов. Все усилия лучших екатеринославских рабочих совладать с этой партизанско-крестьянской стихией ни к чему не приводят. Екатеринославскому революционному комитету не удается ввести какой бы то ни было порядок и организацию в махновские ряды. В результате: через несколько дней несколько сот петлюровцев занимает Екатеринослав почти без всяких потерь. Потери екатеринославских рабочих оказываются огромными: озверелые белогвардейцы расправляются с повстанцами дико-жестоко; до 2.000 рабочих повстанцев было утоплено в Днепре при попытке бежать.

В январе Екатеринослав был взят советскими большевистскими войсками. Красная армия в неделю прошла район, занятый Махно, и двинулась вперед к Черному морю и на восток к Ростову против белых.

Очевидно, что в этих условиях совершенно меняются роль и значение партизанских отрядов Махно. Им предстоит в той или иной степени влиться в организацию Красной армии, которая уже объединила к тому времени собой миллионы рабочих и трудящихся крестьян, признав единое командование и единое снабжение.

Советское командование и Рабоче-Крестьянская власть не могут во имя победы над белыми допустить, чтобы организация Красной армии срывалась отдельными партизанскими отрядами, захватывающими

листического строя к анархическому коммунизму нет, а есть непосредственное строительство самой анархической коммуны („Декларация Курской конференции"), если на пути к этому анархическому коммунизму стала организация Советской власти, если Советы и остальные рабоче-крестьянские организации не могут служить делу создания безвластного общества, если неизбежна и необходима для достижения анархического идеала решительная борьба с рабочим государством, то нужно найти и найти немедленно те силы, которые смогут немедленно анархический идеал осуществить.

Такую силу, годную для свержения Советской власти и для осуществления анархического идеала, Курская конференция и Елизаветградский съезд конфедерации „Набат" видят в повстанчестве и, в ч а с т- н о с т и, в м а х н о в щ и н е.

Курская конференция, которая происходит непосредственно после горького опыта анархистской работы весны 1918 года, еще сравнительно осторожна. Она отказывается от создания специально анархистских отрядов и рекомендует анархистам вливаться в общие рабочие и крестьянские партизанские отряды. Но в то же время идеализация партизанщины безгранична, об этом свидетельствует хотя бы то, что конференция собиралась через повстанческие отряды „будить в населении сознательное сочувствие анархистской идее и организации".

Елизаветградский съезд говорит уже прямо и решительно:

„Никакая принудительная армия, в том числе и Красная, не может считаться истинной защитницей социальной революции".

Красной армии Советского государства противопоставляется „п о в с т а н ч е с к а я а р м и я, о р г а н и з у е м а я с н и з у".

Фактический вывод из этого: ориентация на махновщину, всемерная поддержка махновщины, идеализация махновщины и, наконец, подмена всех остальных задач анархизма попыткой немедленного осуществления анархического идеала через махновское повстанчество.

Мы можем проследить по „Набату"—органу конфедерации анархистских организаций Украйны, объединившихся на апрельском Кременчугском съезде, как заливает махновщина тот „единый анархизм", который получился в результате съезда.

№ 16 „Набата" дает свое благословение всякому восстанию против Советской власти:

„Всякое восстание, которое вытекает из недовольства трудовых масс властью, есть по существу своему восстание революционное, потому что инстинктивно, сами по себе трудовые массы всегда больше клонятся влево, чем вправо".

А восстания помещиков, капиталистов, белогвардейские заговоры отнюдь не клонящиеся влево, разве не были народными в том смысле, что всегда восставал одураченный народ, служивший пушечным мясом для бар? Почти во всех контр-революционных восстаниях дерется стреляет, убивает и умирает н а р о д,—помещики же и генералы только приказывают, организовывают и пользуются плодами побед и т. д.

№ 21 того же „Набата" весь занят оправданием борьбы М а х н о с Советской властью. Из того, что Советская власть не согласилась на срыв революции через разложение Красной армии партизанщиной делается вывод, полный слепой ненависти к рабочей власти:

„Пусть помнят трудящиеся, что всякая государственная власть называй она себя раз-рабочей, пойдет на неслыханные преступления лишь бы сохранить свое властническое положение, свои привилегии управлять народом".

С первых дней января 1919 года к Махно направляются новые и новые группы махновцев. Анархистами организовывается реввоенсовет при Махно и военно-революционный комитет в Гуляй-Поле из своих сторонников. Махновцы всеми мерами превращаются из партизан, свергавших гетмана—в носителей анархического идеала, т.-е. фактически в борцов против Советской власти. Махновцы провоцируются анархистами всячески на борьбу против Советской власти.

К махновцам, как естественным защитникам анархизма, обращается конфедерация труда с просьбой защитить ее от нападений Советской власти, вызывая махновцев на вооруженное выступление против Советов.

В Екатеринославе, где имя анархистов связалось с уголовщиной весной 1918 г. и нелепой гибелью сотен рабочих в декабре 1918 г., в феврале 1919 г. не была допущена лекция анархиста Барона. В ответ секретариат „Набата" 10 февраля 1919 г. зовет махновцев к выступлению против Советской власти.

> „Телеграмма Гуляй-Польскому военно-полевому штабу имени Батьки Махно. Товарищи повстанцы! В то время, как вы беззаветно кладете ваши головы, добывая хлеб и волю измученным крестьянам и рабочим Украйны, новое большевистское правительство начинает расправляться с революционными рабочими организациями.
>
> „Секретариат конфедерации анархистских организаций Украйны „Набат" уверен в том, что вы найдете достаточно определенные выражения для протеста против действия Екатеринославского исполкома, министра Аверина (председателя Екатеринославского совета: *Я. Я.*) и их начальства — Рабоче-Крестьянского правительства Украйны".

(Просим читателей не забывать, что в обстановке бешеной гражданской войны протест вооруженных людей не может не быть вооруженным протестом, т.-е. вооруженной борьбой. *Я. Я.*)

Мы можем проследить из номера в номер „Набата", как постепенно „единый анархизм" превращается в правительственную партию махновщины, как этот „единый анархизм" насыщается кулацко-махновским содержанием.

Мы говорили уже о том, что по мере обострения отношения Махно к Советской власти,—от Махно начинают откалываться беднейшие и средние элементы крестьянства и соответственно вся идеология, все лозунги махновщины становятся все более кулацкими и отвечающими интересам зажиточных крестьян.

№ 14 „Набата" пишет про восстания против Советской власти:

> „Крестьянские выступления против Советской власти—это движение народа, заявляющего свои права,—такого движения штыками задавить нельзя"...

Тот же номер „Набата" в длиннейшей, якобы ученой статье требует отмены всякого хлебного налога на крестьян, требует от имени „народа", чтобы крестьянин получал за свой хлеб рубль за рубль.

Это,—на первый взгляд очень невинное и вполне справедливое,—требование не может не быть контр-революционным в тех условиях, когда городская промышленность разрушена шестью годами войны и без продовольственного налога, без некоторой ссуды крестьянина рабочему советскому государству обойтись нельзя...

А „Набат" из номера в номер жалуется об обидах, чинимых крестьянину, обсасывает и раздувает каждый отдельный случай того или иного безобразия, учиненного тем или иным агентом власти, до

гигантских размеров, создавая обстановку оправдания противосоветских восстаний.

Мы перестаем видеть в „Набате" какие бы то ни было сообщения из рабочей жизни—их целиком заменяет вопль крестьянского буржуа против диктатуры пролетариата.

Не отстают от харьковских анархистов и анархисты других мест.

Анархисты приняли войну Махно против Советской власти как воплощение борьбы „вольной трудовой коммуны с государственным полицейским началом, борьбы свободного крестьянства с государственными большевиками" („Набат" № 22, от 7 июля 1919 г.), — в этом суть, в этом основная причина последовавшего дальше гниения анархизма.

Махно недурно усваивает анархические уроки. Одежда, приготовляемая „Набатом", оказывается прекрасно сидящей на повстанцах, когда они повернули свое оружие против рабочего государства. Резолюции совещания и конференции в лагере Махно становятся все более и более „анархистскими", все чаще списываются с „Набата", все чаще пишутся анархистами. В отношении резолюций анархисты достигают в лагере Махно успеха огромного—Махно начинает любое свое действие описывать цитатами Прудона и Бакунина...

Как же обстоит дело с их практикой?

В апреле 1919 года Деникин начинает удачные наступления на советскую Россию, занимает ряд городов и угрожает Екатеринославу и Харькову. Утомленные предыдущей неслыханно-тяжелой кампанией — красные войска дрогнули. В такой обстановке ожесточеннейшей гражданской войны рабочих, поддерживаемых крестьянами, с буржуазией, выбор был только между Деникиным и Советской властью. О замене Советской власти развернутым анархическим строем, казалось бы, не могли думать и самые пламенные анархисты. Тем не менее они думали. Не только думали, но и действовали. Начиная с марта месяца, Махно систематически не выполняет приказов боевого командования. Под непосредственным нажимом Деникина, когда десятки тысяч красноармейцев боролись с превосходными силами наступавшего неприятеля, махновско-анархистский Реввоенсовет решает созвать 15 июня новый съезд в Гуляй-Поле для окончательного формирования в своих пределах того анархистского государства (!), о котором писал одесский „Набат": „Территория, занимаемая Махно, все более расширяется. На ней ведется усиленная борьба против большевистского засилья".

Перед Советской властью встал вопрос жизни или смерти или противопоставить армии Деникина организованную, дисциплинированную и сознательную силу Красной армии или погибнуть.

2-го июня тов. Троцкий пишет статью о махновщине, где говорит четко и ясно: „во имя победы с анархо-кулацким развратом пора кончить и кончить твердо".

4-го числа Революционный военный совет республики издает за подписью тов. Троцкого приказ за № 1824, запрещающий тот Гуляй-польский съезд, который Махно собирал перед лицом Деникина для оформления своей республики и который неизбежно должен был дать новый мятеж в духе Григорьевского и открытие фронта белым.

В ответ на этот приказ Махно фактически открывает фронт Деникину, снимаясь со своими частями с того участка, который они держали. Махновский район без всяких потерь захватывается белогвардейской кавалерией Шкуро, и, таким образом, белые на огромном

участке выходят в тыл красным войскам, начиная новое наступление на советскую республику в чрезвычайно выгодных для себя условиях.

Своего плана немедленного осуществления анархизма анархо-махновцы не ограничивают этим.

В период последовавшего дальше неслыханного тяжелого отхода красных войск, отрезанных на юге от северных армий, через кольцо петлюровцев и белогвардейцев махновские части, ушедшие с фронта в глубокий тыл, разоружают и грабят красноармейцев, захватывают обозы отступавших от Одессы дивизий, убивают и расстреливают захватываемых одиночек.

Достаточно было Деникину несколько недель поцарствовать на Украйне, чтобы возбудить против себя массовую ненависть всего крестьянства. И Махно, поскольку он еще сохраняет некоторые связи с крестьянской массой, увлекаемый стихией крестьянского восстания, вынужден поворотить свое оружие против Деникина.

Огромную часть Украйны охватывает крестьянское восстание со всеми его сильными и слабыми сторонами. Разгорается типичная крестьянская партизанская война, сегодня подымающая тысячи против помещика, завтра не могущая сколотить десятка, умеющая больно ранить врага, но не умеющая его убивать, умеющая захватывать деревни и города, но не умеющая их удерживать, умеющая ночным налетом снять пикет неприятеля, но ничего не могущая поделать с организованным врагом.

Для отдельных партизанских выступлений против Деникина обстановка сложилась чрезвычайно благоприятная, поскольку Деникин принужден был двинуть из тыла все свои вооруженные силы для отпора красным, начинавшим свое наступление с севера. И в этой благоприятнейшей обстановке махновщина выявляет и свои сильные и слабые стороны своей военной организации: свою неуловимость, как партизанской силы для врага, и одновременно свою неспособность нанести врагу сколько-нибудь серьезный удар. Но особо четко махновщина в этот период проявляет полное творческое бессилие.

В момент решительного нажима красных с севера, махновцам удается занять Екатеринослав. Анархисты около полутора месяцев оказались полными хозяевами Екатеринослава.

Они не допускают в Екатеринославе организации „однобокого большевистского совета", они расстреливают в Екатеринославе 12 собственных командиров во главе с большевиком Полонским, пытавшихся организовать в Екатеринославе большевистский совет.

Они, отвергавшие большевистские советы во имя вольных советов, назначают в Екатеринославе коменданта, который воплотил в себе всю гражданскую и военную власть, который неограниченно царствовал, казнил и миловал, о действиях которого и по настоящее время могут рассказать сотни ограбленных домов и магазинов, сотни изнасилованных женщин, сотни убитых за большевизм рабочих...

Рабочие Екатеринослава несколько месяцев не получали жалованис от Деникина. Они искали путей от голодной смерти в анархистско-комендантской республике.

Екатеринославские железнодорожники и телеграфисты линии Екатеринослав—Синельниково обращаются к Махно с просьбой поддержать их, выдать им продовольствия и денег.

Ответ они получают классический: мы не большевики, чтобы вас кормить от государства, нам дороги не нужны; если они нужны вам, берите хлеб с тех, кому нужны ваши дороги и телеграф.

На брянском заводе рабочими чинится броневик для Махно. Рабочие требуют уплаты за труд. Махно на их требование пишет резолюцию: „Ввиду того, что рабочие не желают поддерживать махновцев и требуют слишком дорого за ремонт броневика—забрать у них броневик бесплатно".

Эти примеры осуществления безвластного государства помнит и сейчас каждый екатеринославский рабочий.

После разгрома Деникина советскими войсками Махно попадает опять в район действий красных войск. Советское командование, учитывая необходимость дальнейшей борьбы с остатками Деникина и с наступлением Польши, изъявляет согласие допустить существование частей Махно под условием их реорганизации и подчинения боевым приказам красного командования. В это время уже обозначилось наступление шляхетской Польши на советскую Россию: Реввоенсовет 14-й армии отдает 8-го января 1920 года приказ Махно немедленно выступить по маршруту Александрия, Черкассы, Борисополь, Бровары, Чернигов, Ковель.

Положение прошлогоднее: или Пилсудский с Врангелем, или Советская власть. Рабочая и крестьянская масса это поняла всюду и, несмотря на голод, холод и истощение, шла на мобилизацию, несла тяжелые повинности, выполняла неимоверно тяжелую разверстку во имя победы Советской власти над Врангелем и Пилсудским.

Какую позицию мог и должен был занять анархистский реввоенсовет? Его положение было затруднительным, поскольку анархисты руководители махновского движения, не могли не понимать, что новое выступление против Советской власти их отметет окончательно в лагерь контр-революции.

Они колебнулись сначала и пошли на переговоры.

22-го января 1920 года состоялось свидание делегации реввоенсовета 14-й армии с делегацией Махно.

Советское командование пыталось взывать к революционному сознанию анархистских вождей армии Махно. Но Махно выдвинул старое требование „сохранения за своей армией самостоятельности", отказался выполнить боевой приказ о переводе на польский фронт и двинулся в тыл Красной армии, борющейся с Врангелем и с панской Польшей.

Мы проследим сейчас в самых кратких чертах деятельность махновского революционного военного совета в течение последовавших месяцев борьбы его с Советской властью. В течение нескольких месяцев Махно проделывает рейд по Александровской, Екатеринославской, Полтавской, Харьковской и Донецкой губерниям, осуществляя по пути анархические лозунги „вольных и безвластных советов" „вольного труда" и т. д. и т. п.

Почти целый год просуществовала эта анархическая республика на колесах. Во имя спасения своей идеи анархисты принуждены были заниматься не только разоружением красных частей, не только разгромом продовольственных баз, не только убийством коммунистов, но и некоторой положительной работой.

Для установления „вольных советов" приходилось прежде всего уничтожать существовавшие большевистские советы.

Эта сторона анархического строительства была поставлена прекрасно в сотнях сел и ряде уездных городов Украины. О том, как это делалось, прекрасно рассказывает с полной искренностью и простосердечием дневник жены Махно, учительницы Федоры Гаенко, захваченной в одном из боев с Махно:

„23/II—20 года. Наши хлопцы схватили большевистских агентов, которые были расстреляны...

„25/II—20 г. Переехали Майорово. Там поймали трех агентов по сбору хлеба. Их расстреляли.

„1/III—20 г. Скоро приехали хлопцы и известили, что взят в плен командир красноармейцев Фидюкин. Батько послал за ним, но посланец вернулся и сообщил, что хлопцы не имели возможности возиться с ним раненым и по его просьбе(?!) расстреляли его.

„7/III—20 г. В Варваровке Батько совсем напился и стал ругаться на всю улицу нецензурной бранью. Приехал в Гуляй-Поле; здесь под пьяную команду Батько стали делать что-то невозможное: кавалеристы стали бить плетками и прикладами всех бывших партизан, встреченных на улице. Приехавшие, как скаженная орда, несутся на лошадях, налетают на невинных людей и бьют их... Двум разбили голову, одного загнали в реку... Люди напугались и разбежались.

„11/II—20 г. Ночью сегодня хлопцы взяли два миллиона денег и сегодня выдано всем по 1000 рублей.

„14/III—20 г. Сегодня переехали в Великую Михайловку, убили здесь одного коммуниста..."

Кто же эти расстреливаемые в каждом селе коммунисты? Это — члены местных советов и члены местной организации деревенской бедноты, члены комитетов незаможных (бедных) крестьян.

Особо безжалостно расправлялись анархо-махновцы с организациями крестьянской бедноты, видя в них особо опасные для себя органы пролетарской диктатуры.

На Всеукраинском Съезде комитетов незаможных крестьян вскрылась картина того, как сами бедняки крестьяне своими слабыми силами сопротивлялись натиску махновцев и как махновцы безжалостно уничтожали членов комитетов незаможных крестьян, расстреливая их, спуская их в прорубь, зарубая топорами...

„Никаких большевистских властных организаций". Эту идею проводили анархо-махновцы неуклонно. А постольку махновцам приходилось для управления захваченными территориями республики создавать соответствующие органы и поскольку одновременно большевистские организации бедных и средних элементов деревни уничтожались,—задачу формирования органов власти в махновском государстве с удовольствием брал на себя деревенский буржуа.

Деревенский буржуа, богатей украинского села, кулак создавал свои органы власти по самым простым рецептам, выделяя в эти органы наиболее испытанных слуг старых полицейских режимов.

Как правило, село, освобожденное от власти, „однобоких" большевистских советов и попавшее под иго деревенской буржуазии, выделяет под фирмой безвластных советов или царских старшин и жандармов, или петлюровских голов, или богатейших крестьян, или, наконец, отдельных командиров и комендантов махновской армии.

В городах анархо-махновцы заменяли большевистские однобокие советы —„безвластными и вольными советами" по еще более простому рецепту. Назначали самодержавного коменданта. Мы уже видели пример осуществления этой идеи в Екатеринославе в лице всевластного военного коменданта, наступавшего на Екатеринослав.

Мы видели по резолюциям конференции „Набата" и Гуляй-польского махновского съезда, какое огромное значение придавали анархисты идее выборности в армии, противопоставляя махновские отря-

ды с выборным командным составом большевистской Красной армии с назначаемым Советской властью командным составом.

О том, во что превратилась эта выборность командного состава, рассказывает тов. В. Иванов, посетивший в сентябре 1920 года ставку Махно, в качестве уполномоченного ревсовета Южного фронта. Вот его характеристика, никем из анархистов позже не оспаривавшаяся:

„Режим держимордский, дисциплина железная, повстанцев бьют по морде за малейшую провинность, выборности командного состава никакой, все командиры, вплоть до ротных, назначаются Махно и анархистским революционным военным советом. Ревvоенсовет превратился в несменяемое, никем не контролируемое и никем не избираемое учреждение, при реввоенсовете существует „особый отдел", расправляющийся с неповинующимися тайно и беспощадно"...

Так, отказываясь от организованного построения армии по образцу Красной армии, анархисты создают военную силу, в которой сочетались наихудшие черты палочной дисциплины царской армии с бандитским разгулом гайдаматчины, а от Красной армии взята только идея политотдела, преобразованного Махно в анархический культурно-просветительный отдел.

Наши политотделы в армии пользовались всегда особо сильной ненавистью со стороны анархистов, как органы, воплощающие политическую идейную гегемонию коммунистической партии.

Жестокая логика гражданской войны заставляет анархистов создать и стать во главе культотделов махновской армии, выполнявших в целом **против Советской власти** всю ту работу, которую в Красной армии ведут политотделы **против белых**, т.-е. работу организации, сплочения, политического просвещения, поддержания сознательной ненависти к врагу...

Не лучше, чем с „вольными советами" и выборностью командного состава дело обстоит и с идеей вольного хозяйственного строительства и обмена. Привожу выписки из сводок местных продовольственных комитетов за 1920 г.:

„В Изюме Махно выпускает захваченный в продовольственном комитете хлеб на рынок по 200 руб. пуд...

„В Старобельском уезде Махно раздает крестьянам захваченный на ссыпных пунктах хлеб бесплатно...

„В Зенькове Махно раздает бесплатно захваченный на сахарном заводе сахар...

„В Миргородском уезде Махно раздает крестьянам бесплатно захваченные в городе мануфактуру, нитки, галантерею...

„В Пиглеровке сахар раздается населению по 5 руб. за фунт"...

То же делается с мебелью из городов, с кожей с кожевенных заводов, с железом, с граммофонами, роялями, стульями и столами, подушками и платьями, перекачиваемыми бесплатно из разграбляемых городов окрестным деревенским буржуа.

Образец разрешения анархо-махновцами рабочего вопроса мы видим на екатеринославском примере.

Политическое положение становится все более критическим. Советской России угрожает реальная опасность. Захват Врангелем Донецкого бассейна означал бы остановку железных дорог и непоправимый удар республике. Рабочая и трудящаяся масса делает попрежнему свой вывод: за Советскую власть против Врангеля и Пилсудского. Белогвардейские результаты работы Махно все более обнаруживаются. Врангель широчайшим образом популяризирует Махно, как

своего сотрудника и помощника. Белогвардейские партизанские отряды, формируемые Врангелем, действуют под Махновским флагом. Появляется целый ряд врангелевских командиров вроде Яценко, которые действуют, как командиры партизанских отрядов „имени батьки Махно". Этими командирами выпускаются воззвания, где нет уже ни слова о безвластном обществе,—за то есть очень много слов о русской армии Врангеля, о святой Руси и о необходимости беспощадно бить комиссаров коммунистов и жидов.

В самих махновских частях, утомленных непрерывной безуспешной и безрезультатной борьбой с Советской властью, начинается брожение. Махновским генералам от анархизма грозит опасность превратиться в анархических генералов без единого солдата. Еще неделя такой же непримиримой политики к Советской власти и махновцев будут гнать из каждого села, к махновцам крестьяне будут относиться так же, как относятся к Врангелю. Махновские низы требуют соглашения с Советской властью.

Перед анархическими вожаками встает вопрос: или, следуя резолюциям последней конференции „Набата", продолжать свою роль авангарда Врангелевской армии, или попытаться, хотя бы на время борьбы с Врангелем, хотя бы для вида, войти в соглашение с Советской властью.

Анархо-махновцы выбирают второе.

В октябре 1920 года махновский реввоенсовет обращается в реввоенсовет Южного фронта с предложением своих услуг в деле борьбы с Врангелем на основе оперативного подчинения командованию Красной армии.

Советское правительство и военное командование Красной армии принимает это предложение Махно.

Это предложение Махно принимается, чтобы:

1) освободить тыл Красной армии от махновских отрядов, во имя немедленной победы над Врангелем;

2) чтобы еще и еще раз показать средним слоям украинского крестьянства, что борьба Советской власти с Махно означает борьбу не с трудящимся крестьянством, а с кулаческой противосоветской верхушкой махновщины.

Советское правительство Украины и военное командование учитывали возможность и даже неизбежность нового выступления Махно против Советской власти, но в то же время ясно сознавали, что это новое выступление кулацкого Батько оставит за Махно даже из тех 12.000 партизан, которые шли еще за ним, лишь сотни,—и окончательно изолирует его от украинского села.

Командующим Южным фронтом Фрунзе и членами реввоенсовета Южного фронта Бела-Куном и Гусевым достигается соглашение с уполномоченными совета и командования реввоенсовета повстанцев махновцев Куриленко и Поповым по военному вопросу, согласно которого махновские части, сохраняя свою внутреннюю организацию, подчиняются командованию советской армии.

Представителем советского правительства У. С. Р. Я. Яковлевым и представителями командования совета Махновцев Куриленко и Поповым подписывается соглашение по политическому вопросу, согласно которого махновцы и анархисты получают свободу пропаганды своих идей, но без призывов к насильственному ниспровержению советского строя.

Посмотрим теперь, как проводилось это соглашение обеими сторонами. Советское правительство немедленно отвело от махновских

частей наши части, боровшиеся с ними, объявило амнистию анархистам и махновцам за прошлые действия, освободило из тюрем сидевших там анархистов, предоставило анархистам возможность издания в Харькове газеты „Набат", органа секретариата Анархистской федерации Украины и „Голоса Махновца" — органа революционных повстанцев Украины (махновцев).

О выполнении соглашения со стороны Махно говорят приказ и воззвания командующего Южным фронтом тов. **Фрунзе** от 24 декабря 1920 года: Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли в каких-то особых видах остаться с остальными бандами во фронтовом тылу. Махно—спешно организуются и вооружаются за счет нашего трофейного имущества новые отряды.

А в тылу махновцами проделывается следующее: 12-го ноября в селе Михайловке убиты и раздеты до-гола 12 красноармейцев; 16 ноября в селе Пологи махновскими частями ограблено несколько красноармейцев 124 бригады, ехавших за оружием в артиллерийскую летучку; 17-го ноября в селе Пологи, отряд 2-го конного махновского полка раздел и пытался убить командира взвода 376-го полка; 21-го ноября в деревне Вербная ограблен 3-й артдивизион 42-й дивизии; 21-го ноября в селе Гуляй-Поле командир 4-го махновского полка отобрал у хозяйственной части 373 полка 35.000 винтовочных патронов, 15 винтовок и пулеметы; 7-го ноября в селе Ивановка махновцами убито шесть красноармейцев 2-й смешанной Кавказской бригады; в районе села Жеребец махновцами разграблен отдел снабжения 23-й дивизии и произведен налет на транспорт Интернациональной бригады, ранен командир транспорта и несколько красноармейцев...

Не приняв фактически участия своими **основными** силами в бою с Врангелем, а сосредоточив их в Гуляй-Польском районе и разбросав отдельными отрядами по Екатеринославской и Полтавской губерниям, Махно пытается проводить насильственную мобилизацию крестьян в свои отряды...

Анархисты в этот момент настолько солидаризируются с махновским реввоенсоветом, что руководителем и ответственным уполномоченным политической делегации армии Махно является анархист Волин, один из наиболее ответственных и образованных руководителей русского анархизма.

Не лучше выполняет соглашение и федерация „Набат". Ее центральный орган (№№ 1 и 2 от 4-го ноября и от 15-го ноября) помещает резолюции вышеупоминавшейся сентябрьской конференции, весь смысл которых сводится к призыву свергнуть Советскую власть вооруженным путем.

Несмотря на то, что положение радикально изменилось, что анархисты были освобождены из тюрем, что анархистские организации вышли из подполья,

> „Верность принятым на конференции резолюциям, в главном и существенном, обязывает нас заняться опубликованием их с первого же номера возобновленного „Набата". „**Незначительные тактические изменения**", вызванные последними событиями, вполне позволят нам выполнить эту задачу".

Анархисты Харькова принимают активное участие в происходившей в это время в Харькове забастовке рабочих паровозного завода, прекративших работу в виде протеста против постановления хозяйственных и профессиональных органов о борьбе с прогулами.

На заседании 24 ноября 1920 г. с политической делегацией Махно, представителем Сов. власти была потребована от конфедерации „Набат" ясная и точная формулировка ее отношения к забастовочной форме борьбы с рабочей властью и к участию в хозяйственных органах советской республики.

На эти вопросы анархистом Волиным был дан ответ, не могущий вызвать никаких перетолкований:

„Забастовка есть дело самых рабочих. Если рабочие забастовку начали,—они должны ее продолжать до полного успеха...

„Не являясь партией и стоя на точке зрения истинной самодеятельности масс, анархисты отказываются от организованного участия в хозяйственных органах республики"...

Последний ответ особенно интересен тем, что он был дан в то время, когда Врангель уже был разбит и когда перед махновцами и анархистами был поставлен в упор вопрос о возможных формах их участия в деле восстановления разрушенного семилетней войной хозяйства страны.

20-го ноября, учтя окончание войны с Врангелем и все безобразия, чинимые махновскими частями в ряде пунктов Украйны, тов. Фрунзе отдает Махно приказ о передвижении на Кавказский фронт. Махно отказывается этот приказ выполнить.

24-го ноября тов. Фрунзе приказом за № 00149 предлагает реввоенсовету повстанческой армии: „все части армии Махно немедленно ввести в состав 4-й армии, реввоенсовету 4-й армии поручается их переформирование".

Воззванием от того же числа красное командование сообщает бойцам Южного фронта, что до 26-го ноября оно будет ждать ответа от Махно.

Вместо ответа Махно начинает снова враждебные действия против республики. Тогда в ночь с 25-го на 26-ое ноября после выяснившегося отказа Махно даже ответить на приказ командования, Советской властью арестовываются в Харькове политическая и военная делегация махновцев и связанные с ними анархисты конфедерации „Набата".

В последовавшей дальше борьбе с махновскими частями Советской власти пришлось уже иметь дело не с крестьянским вождем Махно и даже не с командиром десятитысячного прекрасного партизанского отряда, а с разложившимися остатками анархо-кулацких банд уничтожаемых самой трудящейся деревней с помощью военной силы Советской власти.

Потеряв связь с деревней, Махно превращается в обыкновенного бандитского атамана, начальника шайки нескольких сот человек, растерявшего даже свои изношенные анархические одежды. Он пробует еще после разгрома Врангеля предпринять новый рейд по Украйне. Но его сразу ждет полное разочарование. Год или два тому назад он мобилизовал в свою армию тысячи и тысячи крестьян непосредственно от земледельческого труда. Он мобилизует сейчас в свой отряд десятки скрывшихся в лесах, неспособных ни к какой мирной жизни бандитов. Его встречали год назад и два года назад хлебом и солью в кулацких селах Украйны. Его поддерживают теперь в украинских селах отдельные интеллигенты петлюровцы, его не поддерживает село в целом, село гонит прочь от себя его отряд, село выдает советским властям его агентов, село не дает ему хлеба, село не дает ему пополнений, село окружает его отряд сетью зорких советских глаз. Село помогает теперь Красной армии.

Все это можно суммировать так: вместо политической социальной силы махновщины мы имеем теперь против себя ловкого и талантливого бандита, стоящего во главе двух-трех сотен головорезов. В этом превращении огромную роль сыграло как движение деревенских бедняков и середняков, освобождающихся от ига деревенской буржуазии, так и крах анархической практики и теории, отогнавший от Махно последних честных людей, еще пытавшихся недавно найти „в безвластном властничестве" осуществление анархии.

Политически Махно ликвидирован.

Рассмотренная нами теоретическая и практическая работа русских и украинских анархистов, связавших себя с махновщиной, позволяет сделать некоторые выводы:

1) Махновщина явилась политическим и экономическим порождением украинской деревни, потерявшей за время гражданской войны политическую и экономическую связь с городом и хозяйственно замкнувшейся в себе

По мере обострения гражданской войны на Украйне, по мере смены Советской власти — радой, рады—гетманом и немецкой оккупацией, немецкой оккупации—французской, белооккупационной власти—Советской властью, Советской власти—атаманщиной и деникинщиной, по мере роста разрушения городов, по мере остановки фабрик, заводов, железных дорог и шахт,— село все более замыкалось в скорлупе натурального потребительского хозяйства; в селе все более расла ненависть к городу, потребителю, в его зажиточных элементах все более расцветала идеология безвластия и ширилось организационное и идейное значение махновщины.

Крепкому крестьянину Украйны, перешедшему от железнодорожного транспорта к волам, от фабричной мануфактуры — к самотканному полотну, от регулярной армии и винтовки — к винтовочному обрезу и партизанскому отряду, была ненужна, а, стало быть, стала ненавистной Советская власть, воплощавшая требование рабочего города и бедняка крестьянина к деревенскому буржуа.

Процесс расслоения украинской деревни и отделения деревенской буржуазии от всей массы бедного и среднего крестьянства занял месяцы и годы и до сих пор еще далеко не закончился.

Советская власть добивалась этого расслоения путем экономической и политической борьбы с украинским сельским буржуа. Экономически — дело свелось к организации деревенской бедноты в комитеты незаможных крестьян и к хозяйственному высвобождению беднейших элементов села из-под экономического гнета кулачества. Политически—дело свелось к борьбе с махновщиной.

2) В этой борьбе анархисты сыграли огромную роль, став идеологами, политическими выразителями махновско-кулацкого движения

Очутившись в значительной степени помимо своего сознания в роли вождей кулацкого восстания против Советской власти, анархисты вынуждены были каждым своим шагом попирать все свои принципы.

Они начали свою борьбу против Советской власти во имя немедленного осуществления безвластного общества. Они кончают созданием в Гуляйпольском махновском районе государственной организации, где вся власть сосредоточилась в руках крепкого зажиточного крестьянства, где правительство крепкого крестьянства удерживало свою власть жесточайшим насилием над рабочим и бедняком крестьянином. Неумолимая логика гражданской войны привела к тому, что анархисты-безвластники начавшие войну с рабочим государством во имя уничтожения государства вообще, кончают созданием кулацкого

государства, анархическое правительство которого не сменяется и никем не выбирается в течение двух лет.

Анархисты отказались принимать участие и признавать советы, однобокие, захваченные партией органы. Они отвергли и „большевистские советы“ во имя вольных советов. И та же злая ирония гражданской войны превращает безвластников в комендантов захватываемых Махно сел и городов или защитников подобных комендантов. На практике они не только отказываются от идеи вольных советов, но фактически оправдывают и поддерживают сосредоточие всей и военной и гражданской власти в руках отдельных назначаемых Махно лиц.

Анархисты начинали свою борьбу против Советской власти во имя вольной партизанской армии с выборным командным составом. Поставленные перед лицом ряда врагов, они не только отказываются в своей армии от выборности командного состава, но доводят назначенство, полицейский произвол и самодурство начальников до гигантских размеров. Идеи вольных партизанских отрядов они сводят на практике к поддержанию прекрасно вооруженного, дисциплинированного, спаянного единством классовых кулацких интересов, 10.000 отряда, находящегося на службе у махновско-кулацкого государства.

Мы не будем уже говорить о том, что, перейдя на службу к деревенской буржуазии, анархисты вынуждены были оправдывать и беспощадную борьбу деревенского кулака с комитетами незаможных крестьян, и расстрелы Махно рабочих коммунистов, и экономическое угнетение рабочих в махновском районе.

Мы не будем здесь также говорить о том, как пламенные противники всякой государственной власти трижды помогли государственной власти Антанты: в 1919 году—Деникину, открыв ему фронт, в 1920 году — Врангелю и Пилсудскому, дезорганизовав тыл Красной армии своим рейдом.

Все вышесказанное может быть сведено к одному положению, ясно вытекающему из всего приведенного нами фактического материала: анархисты-безвластники превратились в строителей и организаторов полицейско-кулацкого государства.

И надгробным словом над огромной полосой развития русского анархизма служит уклончивое, смазанное, но все же покаянное признание в 1921 году анархистов-универсалистов:

> „Анархо-махновско-набатовский“ единый анархизм почувствовал под собой возможность реального осуществления в царстве Махно, соприкасаясь с действительностью, превратился в „социализм“... (Мы видели, что махновский „социализм“ переводится с анархистского языка на язык фактов, как кулацко-бандитский строй. *Я. Я.*).
>
> То, против чего боролись анархо-махновцы комиссаро-державие, то у них на Украйне превратилось в безвластное властничество“ (Универсал № 1).

Я. Яковлев.

—

Реакционная демократия.

(О „Крестьянском союзе“).

Каждая серьезная политическая партия связывается с представляемым ею классом, главным образом, через широкую, формально беспартийную, по-преимуществу экономическую, организацию этого класса, которой обычно партия фактически и руководит. Эта беспартийная организация, по недавнему выражению т. Ленина, является „приводным механизмом“ между партией и классом.

Возьмем для примера русские политические группировки.

Для правых, черносотенных партий „приводным механизмом“ служили „Советы объединенного дворянства“, избираемые на дворянских съездах, дворянские общества, дворянские „благородные“ собрания и т. д.

Для буржуазных партий роль „приводного механизма“ играли Советы съездов торговцев и промышленников, хозяйские профсоюзы, биржевые комитеты, купеческие общества и т. д. В настоящее время заграничная политическая эмиграция опирается на ряд широких „беспартийных“ объединений промышленников, купцов, финансистов и через них пытается не порывать связи с теми слоями, интересы которых она представляет.

Коммунистическая партия связывается с рабочим классом через рабочие профсоюзы. Другие партии, претендующие на защиту интересов пролетариата, пытаются прежде всего вытеснить нас из профсоюзов и самим укрепиться в них.

Партия эс-эров пыталась и пытается связаться с крестьянством через „крестьянские союзы“. Мы могли победить буржуазию, опираясь на профсоюзы. Эс-эры думают победить нас, опираясь на крестсоюзы.

Директива организовать крестьянские союзы была дана центральным комитетом партии эс-эров весной 1920 года. В циркулярном письме Ц. К. предлагает всем местным организациям предпринять две кампании: 1) по организации приговорного движения и 2) по созданию крестьянских союзов. Приговорное движение должно было выразиться в том, что на сельских и волостных сходах крестьяне подвергли бы суровому осуждению Советский режим и высказались бы за Учредилку. По мнению эс-эровского Ц. К., приговорное движение должно было принять „характер массовой заразы, передаваясь из села в село, из округа в округ“.

На-ряду с этим должно было возникнуть „другое“, более узкое по охвату лиц, но более постоянное по проявлению деятельности“—„движение по созданию беспартийного крест.

союза". Союз—говорится в письме Ц. К.,—„должен строиться снизу, путем образования по отдельным селам" „братств для защиты народных прав".

Таким образом, в 1920 году эс-эры хотят копировать то движение, которое имело место среди крестьян в конце XIX и в начале XX века.

Крестсоюз—говорит эс-эровский Ц. К.—„должен быть беспартийным, чтобы снова сблизить между собою элементы, распавшиеся после ликвидации Всероссийского совета крест. депутатов, и либо разошедшиеся по разным партийным группировкам (партийные эс-эры, левые эс-эры, народники-коммунисты, борьбисты и т. д.), либо отошедшие от всяких партий, или даже ушедшие от политики в толстовство, сектантство, в анархизм и т. п.".

Таким образом, крестсоюз должен стать **сборным пунктом** для всех народнических элементов. Но руководящая роль в союзе должна принадлежать эс-эрам, — а для этого, „на-ряду с строительством Всероссийского союза трудового крестьянства, не смешиваясь с ним, должно стоять **строительство чисто-партийной деревенской организации**". Эс-эровские ячейки должны вести за собой крестьянство при помощи крестсоюза

Как думали эс-эры привести в движение всю „машину"? Ц. К. в своем письме намечал такой план:

„Приговорная кампания должна создать в деревне атмосферу общего политического подъема и оживления. Она должна создать первоначальную арену для развертывания сил отдельных передовых крестьян, способных выработаться в самостоятельных вожаков-работников крестьянского дела. Беспартийный союз трудового крестьянства должен объединить все активные силы деревни в предстоящей политической борьбе. Организация чисто партийных ячеек должна явиться передаточным механизмом для проведения в эту среду идей и лозунгов партии".

Программа „союза трудового крестьянства", составленная Ц. К. эс-эров, содержит обычные эс-эровские требования, с некоторым уклоном вправо. До созыва учредилки признается необходимой временная организация власти из „социалистических и демократических элементов, в том числе и крестсоюза".

Несмотря на старания эс-эров сохранить за собой руководство союзами трудового крестьянства, последние обычно вскоре после возникновения подпадали под влияние элементов определенно-буржуазных,— полукадетских, кадетских, черносотенных.

Очевидно, это обстоятельство побудило эс-эров „союз трудового крестьянства" заменить „социалистическим союзом трудового крестьянства". Слово „социалистический" должно, по мнению эс-эров, охранить союз от влияния буржуазных партий и групп. Что от слов не станется, ясно само собой. Но и по существу партия эсеров пытается придать союзу более однородный и выдержанный характер. Выше мы видели, как Ц. К. эс-эров весной прошлого года предлагал крестсоюз превратить в сборный пункт всех контр-революционных сил деревни. В циркуляре: „Задачи и методы работы партии с.-р. в деревне" делается попытка добиться большей чистоты, однородности, „классовости" и социалистичности". Если раньше „союз трудового крестьянства" должен был объединять разнообразнейшие элементы от анархистов до полу-кадетов включительно, то сейчас „социалистический" союз должен связывать „социалистически настроенные" элементы деревни.

Но это все фразеология. На практике крестсоюзы принимают совершенно иной вид, чем это рисуется в циркулярах господ эс-эров.

* * *

На Всероссийской партийной конференции эс-эров в сентябре прошлого года делегат от Тамбовской губернии докладывал: „Заметные результаты дала работа среди крестьянства. Здесь работа шла по двум направлениям: с одной стороны, в некоторых селах восстанавливались строго партийные крестьянские братства. Таких братств в трех уездах Тамбовской губернии можно насчитать, однако очень не много, не больше десятка, с другой стороны—крестьянство сплачивалось в беспартийные, но строго классовые по составу, „союзы трудового крестьянства".—В этой работе с.-р. вошли в соглaсие с левыми с.-р., при чем союзы ставили перед собою две главных задачи, на которые согласились и „правые", и „левые" социал-революционеры: отвоевание власти из рук коммунистической партии в руки нового временного правительства, составленного из представителей крестьянских союзов, рабочих организаций и социалистических партий, при чем временное правительство должно будет созвать съезды трудящихся, которые должны будут решить вопрос о форме государственной власти; вторая задача—проведение во всей неприкосновенности закона о социализации земли.

Отдельные крестьянские союзы имеются в Кирсановском, Усманском и Борисоглебском уездах и кое-где на севере губернии. В Тамбовской губернии образовался даже после съезда представителей волостей районный крестьянский союз с районным комитетом из одного с.-р., сочувствующего с.-р. и третьего левого с.-р. Была созвана и благополучно сошла уездная конференция „союза трудового крестьянства".

Таким образом, тамбовский крестсоюз образуется, как боевая антисоветская организация, имеющая во главе правых и левых эс-эров. Программа тамбовского союза составлена более определенно, чем та программа, которую сочинил для крестсоюза цека эс-эров. Первый пункт тамбовской программы гласит: „Союз трудового крестьянства ставит своей первой задачей свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора. Для уничтожения этой насильственной власти и ее порядка союз, организуя добровольческие партизанские отряды, ведет вооруженную борьбу".

Во имя каких целей ведется эта борьба? Тамбовцы выставляют такие требования:

„1. Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы, за исключением дома Романовых.

„2. Всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами.

„3. Созыв Учредительного Собрания по принципу всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, не предрешая его воли в выборе и установлении политического строя, с сохранением права за избирателями отзыва представителей, не выражающих воли народа.

„4. Впредь до созыва Учредительного Собрания, установлене временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвующими в борьбе с коммунистами".

Вот программа бешеной „мужицкой" диктатуры, идущая значительно дальше официальной программы эс-эров. Пункт о том, что не следует „предрешать" воли учредилки в установлении политического строя, прямо открывает путь монархии. Восставший крепкий, зажиточный мужик не хочет связать себя лозунгом

республики. В душе он за единоличного диктатора, вроде Колчака или Деникина, за царя, хотя, быть может, и „конституционного".

Временная власть должна быть установлена „союзами и партиями", „участвующими в борьбе с коммунистами". А кто участвует в борьбе с большевиками, кроме эс-эров? Черносотенцы, кадеты, „народные социалисты" (полу-кадеты), офицерские союзы, генералы. Победители составят власть. Руководящая роль будет принадлежать наиболее сильным в военном отношении группам. Следовательно, новая диктаторская власть окажется в руках офицеров, генералов, кадетов, полу-кадетов. Если бы программа тамбовского крестсоюза осуществилась, эта была бы победа новой колчаковщины, деникинщины, врангелиады.

Тамбовский союз, руководимый правыми и левыми эс-эрами, заключил соглашение с известным Антоновым и начал руководить крестьянскими восстаниями. Между Антоновым, тамбовскими левыми и правыми эс-эрами и крестсоюзом была самая тесная связь. **Антонов снабжал эс-эров деньгами—неоднократно и в крупных суммах. Эс-эры „пристраивали" антоновцев в разные советские учреждения**, летом прошлого года видный представитель партии эс-эров обязался разместить по советским учреждениям Моршанского уезда 15 бандитов из шайки Антонова. В августе прошлого года эс-эры вызвали к Тамбову 300 крестьян. Под городом крестьяне должны были получить оружие, затем захватить артиллерийский склад, свергнуть Совласть и таким образом создать единый фронт восставшего города и деревни". Затея не удалась. Но в деревнях упорная борьба продолжалась. Антоновская „армия" или, во всяком случае, отдельные крупные отряды носили название „народной армии союза трудового крестьянства". Целый ряд воззваний был выпущен от имени „армии" трудового крестьянства.

Сейчас, после того как антоновщина распалась, когда крестсоюзы развалились, эс-эры в заграничной печати пытаются изобразить дело так, будто антоновское движение и повстанчество—это вовсе не их дело. Факты, которых партия эс-эров никогда не опровергнет, напротив, говорят о том, что эс-эры и левые эс-эры (меньшинства) целиком ответственны за тамбовскую (и саратовскую) кровавую авантюру.

*

Еще более колчаковский, мужицко-диктаторский характер принял „Всесибирский крестьянский союз". Он был организован летом прошлого года „инициативной группой" эс-эров и эн-эсов.

Согласно программе Сибсоюза, власть должна быть „исключительно крестьянская". "Основные вопросы устройства государственного бытия в Сибири установит созванный организованным крестьянством на основе всеобщего избирательного права **земский собор Сибири**". Крестсоюз—за всяческие свободы, и потому он „**не допустит глумления над верою и религией**". Так как над религией никто не „глумится", то это заявление имеет единственный смысл: Да здравствует святая православная церковь!"

Ввиду „тяжелого международного положения", Сибирский крестсоюз „считает необходимым существование государственной народной армии".

Рабочему классу „крестьянская власть" гарантирует „должную охрану труда от эксплоатации капитала". Профсоюзам, если они не будут заниматься „политикой", будет обеспечена свобода и независимость. Но—„поднятие производительности труда составляет требование

государственной необходимости". Поэтому—„неуклонное проведен неотложных мероприятий по поднятию производительности труда ставляет одну из задач организованного крестьянства".

Победивши под руководством офицеров и генералов, „органи ванный" кулак будет „неуклонно" повышать производительность тру городского пролетария. Легко можно себе представить, какую дик каторгу готовит рабочему классу наглая кулацко-генеральская шайк

Земский собор—вместо учредилки, исключительно крестьянск власть—вместо „всенародной" власти. Разумеется, это определенно-б жуазная, диктаторская программа больше по душе сильному, крепко крестьянству, чем эс-эровская розовая учредиловская водица. Тем бол когда политическая программа окропляется „святой водой" православ

Всесибирский крестсоюз в лице его центрального комитета вс во главе антисоветского крестьянского движения Сибири. Сибирск крестсоюз фактически был, как и Тамбовский союз, военно-поли ческой организацией.

В процессе борьбы Сибирский крестьянский союз слился с бел офицерской организацией. Вернее: офицерская заговорщическая ор низация вошла целиком в крестсоюз. Весною текущего года органа В.Ч.К. этой белой кулацко-офицерской организации был нанесен сок шительный удар.

В начале текущего года на северном Кавказе был организован „ юз трудовых земледельцев", который был связан со штабом „зе ной повстанческой армии". Военными делами союза ведал эсаул Д жинин, политическими—эс-эр Чупырный. В союз входили казачьи о церы, эс-эры, кадеты и кадетствующие.

Лозунги „союза трудовых земледельцев": учредилка, „земля воля", „свободный труд в свободной стране". Эта чистая эс-эровщ приправлена следующим черносотенным кличем: „Долой продаж жидовское племя и коммуну"!

* * *

Дело „социалистических" крестсоюзов явно не выгорает. Эс-э начинают, эн-эсы продолжают, офицеры и кадеты кончают. Это и нятно. Когда кулак начинает действовать—он отбрасывает эс-эровск „социалистическую" фразеологию. Когда мелкий собственн восстает против пролетарской власти—он действу под руководством и в пользу крупного собственни

Но почему на-ряду с „демократическими" лозунгами об учреди из уст кулака мы слышим черносотенные лозунги и реакционно-поп ские выкрики? Как это эс-эровские демократы зачастую оказываю в одной организации с черносотенцами?

20 лет тому назад Карл Каутский тогда марксист и революц нер—говорил в своей брошюре „Социальная революция" о крахе м ко-буржуазной демократии. Каутский указывал, что в то время, к часть мелкой буржуазии поворачивается лицом к пролетариату, друг большая часть ее, все более проникается дикой ненавистью к рабо му классу, бросается в объятия крупной буржуазии и готова одобр любую реакционную меру, если она направлена против пролетариа Эта часть мелкой буржуазии поощряет все зверства империализ поддерживает религию и церковь, выступает против всяких прогр сивных мер. В борьбе против рабочего класса эта мелкая буржуа готова итти дальше крупной буржуазии—ее дикость и необузданно в данном случае не знает границ. Но, поддерживая целиком реак онную сущность, мелкая буржуазия горою стоит за демокр

тическую форму — всеобщее избирательное право, парламентаризм и т. д., ибо только демократия обеспечивает экономически погибающей мелкой буржуазии некоторое влияние на дела государства. Каутский определил эту новую „демократию", как реакционную демократию.

В нашей революции реакционная демократия выявила себя достаточно ярко. Знамя учредилки, —это —ее знамя. Крестсоюзы, антоновщина, бандитизм, повстанчество, это — все попытки мелко-буржуазной, кулацкой, реакционной демократии утвердить свое господство. Партия эс-эров, это—идеолог, организатор, знаменосец российской реакционной демократии.

Борьба учредилки против советов, это—борьба реакционной демократии против революционной, пролетарской демократии. Когда пролетарская революция бьет формальную учредиловскую демократию, это значит, что она бьет реакционную сущность в пустой форме демократизма.

Ил. Вардин.

Комментарии к третьему Конгрессу Коммунистического Интернационала.

Работа первого Конгресса Коммунистического Интернационала имела один совершенно определенный смысл. Он собрался в марте 1919 года, когда нигде еще не был изжит Капповским правительством демобилизационный кризис, хотя германская буржуазия уже начала оправляться после подавления январского движения. Стоит только вспомнить тогдашнее положение: по всей Германии прокатилась волна забастовок, бежавшее в Веймар Национальное собрание часто оставалось отрезанным от внешнего мира; порыв возбуждения пронесся в странах Антанты, так как все думали, что борьба Вильсона против аннексионистских поползновений Клемансо и против стремления английского капитала к полному экономическому порабощению Германии может повести к крупным столкновениям, к которым не останутся безучастными и народные массы; стоит вспомнить тогдашнее положение Англии в связи с требованиями горнорабочих, положение в Италии — и тогда всякому станет понятно, почему первый Конгресс Коммунистического Интернационала считал путь (международной революции) более коротким и мог надеяться на близкую победу европейского пролетариата.

Между первым и вторым Конгрессом прошел год тяжелой, великой, поучительной борьбы пролетариата. Советская Россия поочередно победила Колчака, Деникина, Юденича, она ликвидировала английскую экспедицию в Архангельск и, голодная, истекая кровью, шла подобно огненному столпу впереди поднимавшихся пролетарских масс всего мира. Но тогда как борьба Советской России выявляла победоносную мощь борющегося пролетариата, в то же время ход вещей на Западе наглядно показал, насколько туго и медленно приходит в движение пролетариат в старых капиталистических странах. В странах центральных держав буржуазия устояла, несмотря на понесенное ею крупное поражение. В Германии она сумела, с одной стороны, обещая пролетариату социализацию, а, с другой стороны, одновременно организуя белую гвардию, преодолеть первые грозившие ей опасности, и малочисленный еще авангард немецкого пролетариата начал серьезно задумываться над этим фактом. Конечно, рабочие массы становились более радикальными. Социал-демократия значительно утратила почву под ногами. Массы независимых рабочих — а независимая социал-демократия ввиду нелегальности коммунистической партии являлась аккумулятором революционной энергии пролетариата — признали диктатуру пролетариата и бурно клокотали. Но лучшая часть

коммунистов стала приходить к сознанию, что все это — только начало; особенно после того, как немецкая буржуазия, приняв Версальский мир, развязала себе руки для борьбы против рабочего класса, для лучших элементов коммунистической партии стало ясно, что теперь необходимо шаг за шагом не только привлекать широкие рабочие массы на сторону идей Коммунистического Интернационала, но и организационно их сплачивать. Буржуазия с помощью социал-демократии ликвидировала рабочие советы, и тогда с очевидностью обнаружилось, что ареной, где будет происходить борьба за рабочий класс, являются профессиональные союзы, что вопрос об отношении коммунистической партии к профессиональным союзам есть вопрос решающий для судьбы коммунизма в Западной Европе. Летом и осенью в коммунистической партии Германии возникает горячий спор, откристаллизовавшийся с политической стороны в резолюциях Гейдельбергского партейтага, а с теоретической — в ряде моих брошюр, написанных из тюрьмы. В итоге этой дискуссии сложилось убеждение, что коммунистические партии Запада должны приготовиться к длительному периоду борьбы, и что в этой борьбе привлечение на свою сторону большинства рабочего класса, завоевание его массовых органов станет актуальной задачей, без разрешения которой нечего и думать о захвате власти. Во время этих споров прочно было осознано одно: пролетарские массы еще пропитаны старой реформистской идеологией и стеснены в своих действиях социал-демократическими партиями и профсоюзами, поэтому на Западе, в противоположность России, можно в меньшей степени рассчитывать на изнутри идущие движения рабочих. Низвержение пролетарской диктатуры в Венгрии при полном безмолвии западно-европейского пролетариата,—факт, что в Италии, несмотря на колоссальное разложение общественных отношений, пролетарские движения все больше и больше терпели неудачи, медленное развитие французского и английского пролетариата — на этой почве стал упрочиваться теоретически уже и раньше представлявшийся вероятным взгляд о медленном пути западно-европейской революции,—взгляд, раньше недостаточно воспринятый во всем своем значении и объеме и во всяком случае не ставший общим достоянием коммунистов. Летом 1920 г., незадолго до второго Конгресса Коммунистического Интернационала, появилась брошюра Ленина о детской болезни радикализма, по содержанию вполне совпадавшая с точкой зрения, высказанной мной в многочисленных брошюрах, наиболее же систематично развитой в „Развитии мировой революции и тактике Коммунистического Интернационала" (написана в ноябре 1920 г.); тем не менее брошюра эта вызвала известную сенсацию. Подобное впечатление от Ленинской брошюры лучше всего доказывает, что в коммунистических рядах она натолкнулась на известные эмоциональные пережитки, а эти последние заключались не в чем ином, как в надежде на скорую и близкую победу. Второй Конгресс Коммунистического Интернационала работал всецело под знаком идеи, сложившейся и откристаллизовавшейся в недрах германского рабочего движения,—идеи о необходимости большой подготовительной работы со стороны Коммунистического Интернационала, о необходимости завоевания широких массовых организаций, использования всех средств буржуазной демократии для борьбы за диктатуру пролетариата. Но второй Конгресс заседал в тот момент, когда советская Россия от обороны против белой Польши

перешла к наступлению. Победоносная борьба Красной армии пробудила живейшие надежды в сердцах не только участников Конгресса, но и в широких массах европейского, прежде же всего — германского пролетариата. Когда Конгресс заканчивался, красные войска советской России приближались к Варшаве, и не один участник Конгресса уезжал из России с вопросом в душе, не значительно ли ближе победа в европейском масштабе, чем это предполагалось при вынесении Конгрессом резолюции, устанавливавшей в качестве ближайших задач Интернационала образование крупных пролетарских коммунистических партий. В представлении многих линия Конгресса не только преломилась, но даже и вовсе переломилась. Позволю себе здесь припомнить разговор с одним из лучших наших товарищей, рассказавшим мне в те дни, как при чтении моих брошюр о тактике у него создалось впечатление, будто в них что-то не так, неверно. Теперь же, — добавил он, — я знаю, в чем была ложность вашей точки зрения. Именно в перспективе медленного хода мировой революции. Ведь самоочевидно, что, благодаря нашим победам в Польше, вскоре разразится революция в Германии, а этим собственно уже достигнута будет главная победа в мировом масштабе. События в Италии, захват фабрик рабочими еще более окрыляли эти надежды, при чем большую роль играли также перспективы на дальнейшее продвижение Красной армии. На поражение Красной армии в польской войне многие товарищи взглянули лишь как на короткую отсрочку в этом ходе событий, и еще в ноябре 1920 г. тов. Бухарин написал статью, где не только теоретически доказывал допустимость революционных наступательных войн, но и заявлял: „мы живем на переломе, на границе между пролетарской обороной и пролетарским наступлением на твердыни капитализма. Решить этот вопрос мы должны будем если не сегодня, так завтра. Поэтому теоретическая ясность и полное понимание проблемы необходимы всем". В статье тов. Бухарина нас интересует здесь не абсолютно правильный теоретический ход доказательства того положения, что революционное наступление не только принципиально допустимо, но даже обязательно, если пролетарское государство обладает для него достаточной силой, а общественные условия в соседних с ним странах способствуют назреванию переворота; нам гораздо интереснее, что для автора в данном случае речь идет не о революционной философии вообще, а об актуальном философствовании при помощи штыка.

Период, отделяющий нас от второго Конгресса, не ознаменовался, однако, никакими пролетарскими завоевательными войнами. Он был заполнен глубоким процессом консолидации, сплочения крупных коммунистических массовых партий, возникших на основе тактики второго Конгресса. В Германии независимая социал-демократическая партия раскололась, и образовалась объединенная коммунистическая партия. В Чехо-Словакии шел процесс перехода большинства политически-организованных рабочих от социал-демократии через социализм левого толка к коммунизму. Во Франции значительное большинство прежней социалистической партии перешло в лагерь коммунизма. В Норвегии массовая партия пролетариата отклоняла всякие попытки нападок на ее коммунистический характер. В Италии попытка большинства руководителей уклониться от практического признания коммунизма, от очистки партии от оппортунистских элементов, повлекла за собою раскол в Ливорно. Если бы третий Конгресс Коммунистического Интернационала собрался в марте, он про-

шел бы под одним единственным лозунгом: борьба с полу-центристскими элементами, сделавшими попытку саботировать резолюции Коммунистического Интернационала, принятые вторым Конгрессом.

Что пережили мы в период от августа 1920 г. до марта 1921 г.? В Италии пролетариат выступил в крупном массовом движении, ставившем себе целью захват фабрик. В случае успеха, это движение, ввиду полной беспомощности буржуазии, могло бы иметь результатом овладение фактическим контролем над промышленностью и вооружение пролетариата. Но оно потерпело крушение, так как итальянская социалистическая партия, входящая в состав Коммунистического Интернационала, не только не решилась стать во главе масс, но совместно с бюрократией профсоюзов прямо-таки предала их буржуазии. В чем была основа политики итальянской партии? В господстве в ней частью явно центристских элементов вроде Турати, Тревеса, Модильяни, д'Арагона, частью — элементов, на словах отрекавшихся от реформизма, от политики примирения с буржуазией, но не отваживавшихся на борьбу с нею. Ливорно было лишь результатом фактического союза приверженцев Серрати с приверженцами Турати, капитуляцией Серрати перед буржуазией, подобно тому как 4-е августа 1914 г. явилось последствием капитуляции центра германской социал-демократии перед ревизионистами, результатом отклонения пропаганды массовой стачки, на которой настаивало левое крыло радикалов, блоком Гаазе с Давидом и Легиеном. Ливорно показало, что тот, кто в период революционных действий масс отказывается от борьбы, становится бессильным провести и революционную пропаганду, агитацию и организацию. Ибо революционная агитация, революционная организация подготовляют революционную борьбу. Кто боится революционной борьбы, тот должен отказаться и от ее подготовки. Установленные вторым Конгрессом 21 условие являются мерами для подготовки революционной массовой борьбы. Поэтому хотя на словах они и могут быть приняты полуцентристскими элементами, но на деле никогда не проводятся ими в жизнь. Ливорно поставило на очередь вопрос о борьбе с полуцентристскими элементами в Интернационале, а вместе с тем и вопрос о характере коммунистических массовых партий. Там же обнаружилось, что недостаточно иметь массовую партию, именующую себя коммунистической, и если Коммунистический Интернационал не желает стать великой ложью, он должен стремиться создавать массовые партии, охватывающие сознательно революционные массы, и всей своей агитационной и организационной работой добивающиеся подготовить эти массы к борьбе. Своим отношением к расколу в итальянской партии Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала ускорил процесс откристаллизирования полуцентристского направления в ряде других коммунистических партий.

В Германии как раз именно споры по поводу раскола в Ливорно дали возможность вполне выявиться течению, возглавляемому Леви: то было направление некоторой части партийных организаторов и бюрократии из профсоюзов, а также партийных литераторов, выступивших на борьбу под лозунгом: „против сектантства“, в действительности же они отказывались от всякой решительной коммунистической агитации и пропаганды, от всякого самостоятельного действия коммунистической партии. Это крыло, являвшееся выразителем старой шаблонной тактики независимой социалистической партии, выразителем неспособности встряхнуть массы, несмотря на свой боевой клич

„за массовую партию“, знаменовало собой не что иное, как тенденцию возврата к мирному союзу пропаганды, который не мог не только привлечь к себе новых масс, но должен был потерять даже и прежние, уже примкнувшие к партии.

В Чехо-Словакии в течение двух последних лет большинство политически ориентированных рабочих отошло от социал-демократии. В этом событии коммунисты сыграли большую роль.

В сентябре прошлого года в чехо-словацкой социал-демократии произошел раскол. Радикальное большинство сформировалось не в коммунистическую, но в лево-социалистическую партию. Коммунисты, с д-ром Смералем во главе, не сделали на этом конгрессе ни малейшей попытки подтолкнуть массы к ясному и определенному решению. Они говорили о коммунизме, как о вопросе, еще подлежащем изучению и разработке. По их словам, массы должны ознакомиться с постановлениями второго Конгресса; должны обсудить их и уже затем решать, хотят ли они быть коммунистами, и за это решение масс в пользу коммунизма редактируемая коммунистами пресса вела довольно вялую пропаганду, доказывавшую лишь, что тут дело не только в медленном развитии масс, но и в том, что руководящие слои чешских коммунистических кругов, а именно направление Смераля-Буриана, имеют очень своеобразное представление о задачах коммунистов, как застрельщиков и передовых бойцов. Смералевцы поджидали, что плоды сами свалятся для них с дерева, и это они называли коммунизмом. Такая политика, заявляли они, есть результат медленного развития масс, тогда как в действительности они сами были одним из факторов подобного медленного развития. В конце концов декабрьская забастовка чешского пролетариата показала, что он и по своему настроению, и по своей готовности к борьбе стоит куда выше, чем устанавливали это ученые доктора, щупавшие его пульс. Но и после этой забастовки, в которой приняло участие около миллиона рабочих, не было проведено коммунистической пропаганды и агитации, разъясняющей, обобщающей опыт борьбы, не было сделано никакой попытки сплотить в коммунистическую партию элементы, участвовавшие в борьбе. После столкновений в итальянской партии, после стычек в Ливорно в немецкой партии, направление Смераля в статьях Скалака и Ванека совершенно выявляет себя открыто как чешская разновидность международного полу-центристского направления, и хотя позже Смераль в своей речи на партейтаге заявил, что центр собственно является лишь переходом к коммунизму, в этих словах сказывается лишь чувство его идеологической связи с центристскими тенденциями. Аналогичные тенденции можно было наблюдать и во французской и шведской коммунистической партии, и во многих других. Где слабее, где резче имели они место повсюду и знаменовали собою не только трудность перехода от коммунистической пропаганды к коммунистическому действию, но также и трудность отчетливой коммунистической агитации и пропаганды для идейных руководителей профсоюзов и партийных организаторов, хотя и признавших себя коммунистами, но натолкнувшихся на серьезные препятствия, когда от чисто литературного, отвлеченного признания себя коммунистами надо было перейти к революционной агитации, изолировавшей агитаторов не от пролетарской массы, а от буржуазной среды.

Все эти трудности в развитии коммунистического движения объяснялись в конечном счете медленным ходом вещей после

поражения советской России в войне с Польшей. Несмотря на обострение кризиса в мировом хозяйстве, оставившего без работы миллионы и миллионы рабочих и показавшего полную безнадежность попыток капиталистической реставрации, все же революционное движение Европы, казалось, попало в тупик. Советская Россия боролась с тяжкими трудностями перехода от военной работы к труду мирного времени. Нужда среди масс расла, и находила себе отражение не только в крестьянских, но и в рабочих волнениях, которые международной капиталистической прессой, равно как и прессой Интернационала $2^1/_2$, приводились в доказательство банкротства коммунизма и советского правительства. Воздействия на психику рабочих масс со стороны советской России несомненно ослабели. Центристские элементы, поставленные 21 условием второго Конгресса перед необходимостью капитулировать или бороться на жизнь и на смерть с Коммунистическим Интернационалом, решили вступить в борьбу. Борьба эта, выразившаяся на Венской конференции лишь в эластичных резолюциях, в которых трудно даже установить, где коммунизм переходит в центризм, в обыденной жизни партий, в прессе и в организациях сводилась к обливанию Коммунистического Интернационала помоями. На почве Амстердамского Интернационала профсоюзов центристские элементы столковались с социал-демократами и бюрократией профсоюзов и объединились для борьбы против коммунистов, которых они считали нужным изолировать, отрезать от масс и вышвырнуть из пролетарских массовых организаций. В противовес этому надо было усилить коммунистическую агитацию, путем ее конкретизации внедрить в массы отчетливое сознание того, что социал-демократические партии и бюрократия профсоюзов ежедневно совершают по отношению к ним предательство;—вместо всего этого оппортунистское направление в коммунизме пыталось спастись от грозившей ему опасности изолирования от масс—политикой мимикрии, политикой вуалирования и затушевывания особенно характерных черт коммунизма. Но Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала дал отпор оппортунистическим тенденциям, поэтому оппортунистские элементы сгруппировались под лозунгом более широкой автономии, бо́льшей независимости от Москвы. О соответствующих директивах Исполнительного Комитета право-коммунистическая пресса отзывалась в том же тоне, что и явно-центристская. Сознательно или бессознательно это как с политической, так и с организационной стороны вело обратно к Интернационалу $2^1/_2$, а через него и ко 2-му Интернационалу. Если бы Конгресс Коммунистического Интернационала собрался в марте, его фронт был бы направлен исключительно **против полуцентристских тенденций**, ибо только путем их преодоления, только путем сознательного отбрасывания их от себя мог выполнить свою задачу Коммунистический Интернационал.

В конце марта в Средней Германии дело дошло до крупных вооруженных столкновений, а во всей стране сделана была попытка всеобщей забастовки. Несомненно, эта борьба навязана была коммунистической партии Германии прусским правительством с социал-демократом Северингом во главе. Она была навязана ей с явно провокационными целями. Что партия не уклонилась от нее, объясняется различными причинами, крывшимися в тогдашнем состоянии партийных масс и партийных руководящих кругов. Рабочие массы, отделившиеся от независимой социалистической партии Германии, рвались к дей-

ию. Подобно тому, как январская борьба 1919 г. была первым ıжением пробудившихся и начавших тяготеть к коммунизму масс, : мартовское выступление явилось первым движением рабочих масс, ıободившихся от пут центристских влияний. Эти массы хотели по-ıать самим себе и всему миру, что они уже не те, какими были, 'да ими руководили Гильфердинг и Дитман. Что такое объяснение-умствование, не философствование вдогонку событиям, доказывают :дшествовавшие мартовскому выступлению события в Галле и Фленс-)ге, столкновения внутри объединенной коммунистической партии)мании, в которых с низов все время настойчиво раздавались тре-ıания бо́льшей активности. Что касается руководящих партийных 'гов, то они заранее должны были учесть такое настроение рядовых нов партии. Но эти круги не имели свободы маневрирования; им ıходилось считаться с тем, что—уклонись они от борьбы, они поте-)т доверие партийных масс, которые, в качестве членов объединен-ı коммунистической партии Германии, еще не умудренные опытом, понимали политики осторожности и предусмотрительности. Мало), руководящие партийные круги были не свободны не только по ошению к настроению масс, но и по отношению к самим себе и тали себя связанными перед Исполнительным Комитетом Коммуни-ческого Интернационала. В борьбе против формировавшегося напра-ния Леви, левые руководящие элементы обособились в радикальную ппу, и она в конце февраля, после добровольного выхода сторон-ов Леви из партийных руководящих органов, оставшись там одна, увствовала необходимость испытать себя в действии, путем рево-ıционных выступлений влить уверенность в партию в своих силах и азать Коммунистическому Интернационалу, что он вполне может считывать на германский боевой пост. Эта тенденция руководящих анов партии отчетливо выяснилась на заседании центрального ко-ета 17 марта, где представители левого направления заявили, что тия должна форсировать революцию, должна порвать с пассив-тью прошлого и быть решительной во что бы то ни стало. Высту-ние Герзинга не дало руководящим органам партии возможности днокровно обсудить вопрос, не лучше ли уклониться в данный ıент от борьбы, а если уклониться нельзя, то не следует ли при-ь ей чисто оборонительный характер, с помощью политической ıстовки, определенно отказавшись от вооруженного выступления. им образом наступательные тенденции руководителей коммунисти-кой партии совпали с необходимостью отбивать удары противника, результате они попытались перейти в контр-атаку, еще не будучи)выми к защите против натиска врага. Вооруженные бои в Средней мании, которым партия не препятствовала, беспорядочная хаотич-ть выдвинутых при этом лозунгов явились прямым следствием того, в мартовских событиях перекрещивались две идеи: идея ронительной борьбы и идея наступления, совершенно не учитывав-: сущность тогдашней ситуации. После мартовских событий теория 'упления выдвинулась еще в более отчетливой форме, и чрезвы-ıо характерно отметить попытки ее сторонников, представить ее теорию самих мартовских событий. Мартовское выступление было)м обороны. Если из него и можно было извлечь какую-либо)ию, так только теорию о политическом руководительстве в оборо-ельной борьбе, об его паролях, о возможности предохранения ком-истического авангарда от изолированных столкновений. Но эти)осы партия рассмотрению не подвергла. Наиболее спокойные ее)вы пытались доказать, что причина поражения заключалась не в

том, что мы вынуждены были принять борьбу, как данную, или самостоятельно вступить в нее в момент, когда наша политика собирания, формулированная в „открытом письме“, еще не оказала достаточно действия, и не в том, что мы в нашей оборонительной борьбе не сумели найти достаточное прикрытие за широкими массами; однако, в качестве причины поражения выдвигалось, как общее правило, другое: мы ждали удара, вместо того, чтобы встречным ударом застать противника врасплох. Таким образом, мартовское поражение стало исходным пунктом для пропаганды наступательной тактики.

Одновременно с этим сдвигом радикального большинства Объединенной Коммунистической Партии влево, сдвигом, возникшим на почве революционности, недостаточно считающейся с общим положением, среди партии шло движение на правом крыле, которое было бы совершенно невозможно за несколько месяцев перед тем. Пауль Леви и перед пролетарскими массами и перед буржуазией изобразил оборонительную борьбу партии как нелепый бунт, как дело рук клики пустоголовых фантазеров, идущих на поводу у московских авантюристов и пытающихся погубить пролетариат. Его единомышленники, еще прежде презрительно относившиеся ко всякой дисциплине и выполнению партийных обязанностей со стороны членов партии, а в мартовские дни явно саботировавшие, одобрили это геростратовское деяние бывшего председателя партии. Оппортунизм полу-центристского направления объединенной коммунистической партии Германии отчетливо выразился в целом ряде фактов: недисциплинированность парламентской фракции, фрондирование части руководителей партийных профсоюзов, поведение партийной интеллигенции, — все это были отдельные элементы типичного бунта оппортунистских вождей.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала после первых же достоверных известий о мартовских боях вполне ясно понял их сущность. Он ни на минуту не скрывал от себя ни ошибок, допущенных в мартовском выступлении, ни их важности. Моя критика ошибок мартовского выступления в полемической брошюре против Леви, написанной до получения брошюры Леви в Москве, совпала, как оказалось впоследствии, с общим мнением всех русских членов Исполнительного Комитета. Эти ошибки заметно изменили ситуацию внутри Коммунистического Интернационала и поставили перед Конгрессом новые задачи. Ему приходилось теперь не только вести борьбу против оппортунистских, полу-центристских тенденций в целом ряде партий, но и разбираться в ошибках мартовского выступления, представлявших собою ошибки не одного только этого выступления; нет, такие ошибки грозили вовлечь Коммунистический Интернационал в ряд боев и столкновений, в которых он, терпя поражение за поражением, мог быть прямо-таки сокрушен. Если в оппортунизме для Коммунистического Интернационала крылась опасность скатиться по наклонной плоскости в болото Интернационала $2^1/_2$, то ошибки мартовского выступления, если бы их сознательно не преодолеть, могли повести к крушению. Если это не обнаруживалось так отчетливо в первые моменты, когда надо было защищать партию от нападок Леви, грозивших ей полным разложением, то стало вполне ясно после ознакомления с литературными материалами мартовского выступления. Как же разрешил Конгресс задачу, поставленную перед ним столь сложной ситуацией?

Он правильно пошел по линии второго Конгресса, вменив коммунистическим партиям в обязанность повести в качестве основного задания борьбу за овладение большин-

ством рабочего класса. Он сделал это не только в форме предостережения молодому английскому и американскому коммунистическому движению, которое,—в области как раз этих задач,—еще очень далеко от конечной цели; не только в форме решительного отклонения сектантских тенденций коммунистической партии Германии и так называемой голландской школы, но также и в форме установления твердой линии тактики Коммунистического Интернационала при частичных выступлениях отдельных партий. Конгресс сделал тактику „Открытого письма"—конечно, не в смысле копирования формы, а со стороны метода—общей тактикой при противопоставлении обыденных жизненных интересов масс предательской политике вождей профсоюзов и социал-демократии. Не одни только лозунги о конечной цели, служащие в моменты *штурма* средством собирания масс; не только программа диктатуры, оказывавшаяся водоразделом в моменты сильного брожения масс, но прежде всего *практическая защита жизненных интересов масс*, их обыденных, а не только великих классовых интересов,—вот путь, указываемый Коммунистическим Интернационалом коммунистическим партиям при современном положении революционного движения, когда мы имеем перед собой *не прибой революционных сил*, а постепенное нарастание волны, постепенное их собирание. Уже в этом настойчивом указании на *коренную почву коммунизма*, на страдания и порывы рабочих масс, на их обыденные житейские нужды сказывается реакция против головокружительных, не считающихся с реальной обстановкой тенденций субъективной революционности, готовой принять борьбу просто от недостатка терпения и выдержки. В этом курсе на частичные выступления сказывается уверенность Коммунистического Интернационала в том, что мы вступаем в период крупных боев, период массовых действий, а не в спокойную эпоху пропаганды и агитации. В докладе Троцкого о положении мирового хозяйства, равно как и в тезисах по тактике, исходным пунктом коммунистической тактики взят *курс на подъем мировой революции*. Зигзагами и уклонами идет путь вверх к новым великим боям, и Коммунистический Интернационал победоносно выдержит их, если он, путем частичных выступлений за жизненные нужды пролетариата, путем агитации, проводимой на почве этих житейских интересов, сумеет связать себя с широчайшими рабочими массами. Мрачные пророчества Леви, Гейера и Цеткин об *опасностях сектантства*, грозящих Коммунистическому Интернационалу, благодаря его жизненной политике оказались миражами, за которыми скрывался оппортунизм одного и плоды расстроенного воображения других.

Против этого оппортунизма и восстал Конгресс, и не только отрицательными мерами: исключением итальянской социалистической партии до того момента, когда она порвет с реформистами, критическим отношением к политике чехо-словацкой и французской коммунистической партии, подтверждением исключения Леви из Коммунистического Интернационала и требованием от его сторонников подчиниться предписаниям партийной дисциплины; нет, *в позиции, занятой им по отношению к оппортунизму, он дал и нечто положительное* и как раз именно поэтому вся программа действия Коммунистического Интернационала, ориентирующаяся на подъем революционной борьбы, является *анти-оппортунистской программой*. Ведь сущность полу-центристских тенденций в Коммунистическом Интернационале как раз в том и заключается, что они на неопределенно долгое время не ставят себе никаких задач действия, а

задачи лишь чисто пропагандистские, сторонники этих тенденций агитируют плохо, не по-коммунистически, именно потому, что, из опасения перед выступлением масс, они не решаются бросить им волнующего, будящего и встряхивающего призыва. Конечно, могут создаться положения, в которых Коммунистический Интернационал, под давлением отлива революционного настроения, должен был бы отказаться от активных выступлений. При таких конъюнктурах революционный коммунист должен был бы считаться с положением вещей. Всякая попытка к действию была бы тогда чистейшим авантюризмом. Коммунистический же Интернационал, развивая свою программу действий и призывая коммунистические партии всех стран приготовиться к бою, доказывает тем самым, что он и в дальнейшем смотрит на мировое положение, как на революционное, и считает обязанностью партий привести себя в боевую готовность.

Выступление Коммунистического Интернационала, ведущаяся им борьба составляет единственную почву, на которой могут быть преодолены полуцентристские течения в его рядах и вне их. Преодолеть оппортунистский дух колебаний и робости можно не теоретическими дискуссиями, но борьбой. Теоретически мы уже десять раз побили Каутских, Бауэров и Гильфердингов. На практике же они до сих пор представляют собою внушительную силу, источником которой является неуверенность масс в своей собственной мощи. В теоретическом отношении Леви и Серрати—просто нуль. Духовно они питаются отбросами Гильфердингов. Поэтому теоретическая борьба с ними столь же не нужна, как и бесполезна. Важно лишь избегать всего, что могло бы влить жизненную силу в эти элементы и что могло бы повести к ослаблению влияния Коммунистического Интернационала на рабочие массы: *нужно избегать ошибок в выступлениях, ведущих к поражению, из которых масса выходит не окрепшей, а ослабленной.* Не всякое поражение ведет к такому ослаблению. Если партия терпит поражение в борьбе, навязанной ей противником, которую она вела ради важных жизненных интересов пролетариата, вела под лозунгами, понятными рабочей массе, то в таком поражении кроются зародыши будущих побед. Рабочая масса видит в партии защитника своих интересов и чувствует, что поражение произошло лишь от того, что партия слишком невелика сама по себе, что пролетарии не пошли на борьбу вслед за партией, хотя борьба велась в ее, массы, интересах. И когда капитализм продолжает все ожесточеннее делать натиск на массы, все больше и больше эксплоатировать их, тогда они говорят себе: это—наша вина, и вина большая, и все в больших количествах начинают собираться вокруг партии; когда же партия, недостаточно учетшая обстановку, терпит в борьбе поражение, тогда доверие к ней масс падает. В результате, в тех случаях, когда борьба необходима, массы не чувствуют над собою руководства людей, на которых они могут положиться, они колеблются, стоят в нерешимости. Если партия вступает в борьбу под лозунгами, непонятными массам, или если массы смутно чувствуют, что лозунги борьбы не отвечают ее действительным целям, а скрывают за собой цели совершенно другие, то результатом оказывается внутреннее недоверие к партии. На этой именно почве, и только на ней вновь приобретают или усиливают свое влияние на массы центристские или полуцентристские элементы. В мартовском выступлении и заключалась такого рода ошибка. Хотя оно и было необходимым актом обороны, партия представила его в глазах масс, как начало великого наступления, к которому широкие пролетарские круги не чувствовали себя ни достаточно

подготовленными, ни достаточно сильными. В передовых рядах партии теория наступления могла будить чувство отваги и энергии, льстя их самолюбию преувеличенным представлением о роли авангарда; на массы же, от доверия которых к коммунистической партии зависит прежде всего успех борьбы, эта теория должна была действовать запугивающе и отталкивающе. И, что еще важнее, теория эта, считавшая возможным при помощи авангарда, с вождями во главе, произвести прорыв вражеского фронта, отвлекла партию от ее главной задачи: борьбы за овладение умами и сердцами широких рабочих масс. Конгресс Коммунистического Интернационала, решительно и единодушно ставший на сторону германской партии в ее обороне против нападения Герзинга, безоговорочно исключивший из своих рядов лиц, не признавших этой борьбы, должен был ясно и недвусмысленно отвергнуть названную теорию, так как не хотел подвергнуть большим опасностям молодые ряды Коммунистического Интернационала.

Опасность подобной политики не очень велика в Германии по той простой причине, что германская партия является уже партией массовой, в которой члены партии, как бы они горячо ни отстаивали в первые моменты после поражения навязанную им борьбу вместе с допущенными в ней ошибками, в конце концов сознают эти ошибки и преодолевают их. Германские рабочие, в большинстве сравнительно усвоившие элементы марксизма, по этой причине более других способны преодолеть ошибки субъективной революционности. Гораздо больше опасность в романских странах, с их экспансивной рабочей массой, очень мало пропитанной духом марксизма, но зато насквозь проникнутой духом романтического синдикализма. В романских странах, прежде всего во Франции, мы стоим теперь перед крушением правого крыла синдикалистов, принявшего совершенно оппортунистскую, реформистскую окраску. Руководители профсоюзов переходят там на левое крыло синдикализма, с победой которого синдикализм старой марки, романтический синдикализм, переживает свое возрождение. В этих странах, где революционные тенденции рабочих масс проявляются в синдикализме, ошибки, вроде ошибок при мартовском выступлении, возможны в гораздо более крупном масштабе, чем в Германии. Борьба с этими ошибками вовсе не есть борьба налево. Напротив, это борьба за правильную революционную политику. Центристские элементы, проскальзывающие в Коммунистический Интернационал извне или в нем зарождающиеся вследствие временно замедлившегося темпа течения вещей должны быть уничтожены. Левые элементы, способные к ошибкам вроде мартовских, надо научить и можно научить. Это—ядро и штурмовые части нашей армии, с которыми мы хотим победить и победим, полу-центристские же элементы в общем представляют собою зародыши разложения, и их надо устранить из организма Коммунистического Интернационала.

Много было поисков за формулой, в которой можно было бы выразить и синтезировать работу III Конгресса. По словам одного из участников, Конгресс проповедывал осторожность и в этом состоит его большая работа. По мнению других, Конгресс, учитывая общее положение, временно рекомендовал отступление. Первая формула—об осторожности—слишком обща и ничего не говорит, а как раз по отношению к центральному органу германской партии, к итальянским коммунистам, по отношению к чехо-словацкой партии и к такой партии,

как партия Серрати, просто лишена смысла. Что же касается предполагаемого якобы отступления, то утверждение, будто Коммунистический Интернационал готов был бы встать на путь отступления — полная бессмыслица. Отступление—куда и почему? Отступление во Франции, где мы только что начинаем поход, где мы не терпели поражений, где мы движемся отнюдь не слишком быстро? Отступление в Англии и Америке, где мы только-только начинаем работу по вербовке? Нелепость такого утверждения ясна, как день. Работу Конгресса нельзя свести к одной формуле, и по очень простой причине. И общее положение дел и положение коммунистических партий в различных странах не позволяют выработать единый маршрут, общий для всех партий; общими для всех партии являются лишь этапы, через которые мы пойдем к победе, общим для всех является политический метод. Что же касается общих задач, то для различных стран они образуют целый ряд переходов. От пароля „В глубь масс!", через пароль „Борьба против полуцентристских и центристских элементов", вплоть до пароля „Организуйте свои массовые боевые выступления; готовьтесь к ним возможно лучше"—такова широкая группа вопросов, которыми занимался Конгресс. Буржуазная пресса, вместе с центристами и полуцентристами, пытается охарактеризовать работу Конгресса, как поворот вправо. Мы этим не будем смущаться. Пусть буржуазные правительства теперь на деле докажут свою серьезную убежденность в том, что Коммунистический Интернационал утихомирился, стал приличным умеренным Интернационалом. Доказать серьезность такого своего взгляда они могут, прекратив преследование Коммунистического Интернационала. Мы протестовать против этого не станем. А господа центристы и полуцентристы пусть теперь проводят в жизнь постановления Конгресса. В этом мы им ни малейшим образом мешать не будем. Но шутки в сторону. Коммунистический Интернационал не брал курса ни вправо, ни влево. Он лишь спокойно и решительно продолжает итти своим старым путем, путем мобилизации широчайших рабочих масс, для идей коммунизма, их выучки и организации в борьбе и их подготовки для боев грядущих.

К. Радек.

Восточный вопрос на III Конгрессе и перспективы революционного движения в странах Ближнего и Среднего Востока.

Все более или менее объективные исследователи современного Востока согласны с тем, что народы Востока не представляют собой нечто единообразное, что они отличаются между собой в политических, экономических и социальных отношениях. Нельзя, например, ставить на одну доску Афганистан, где до сих пор сохранился патриархально-родовой быт, где нет совершенно ни фабрик, ни железных дорог, или хотя бы даже Персию, длина рельсовых путей которой не превышает 150 верст, с Индией, которая по общему протяжению своей железнодорожной сети стоит в Азии на первом месте, далеко впереди 400-миллионного Китая. Современная Индия во многом напоминает Россию перед 1905 г. Она имеет крупные промышленные города с многомиллионным пролетариатом, имеет лихорадочно развивающуюся индустрию, давление которой скоро скажется на мировом рынке. Рост численности индусского пролетариата прямо-таки феноменальный. До империалистической войны число городских рабочих едва превосходило два миллиона, в 1918 г. оно возрасло до 5.000.000, а с 1918 г. это число по данным английского коммуниста „от 16 апреля 1921 г." возрасло еще на 50%. Таким образом, число городских рабочих в Индии достигает в настоящее время внушительной цифры—7.500.000.

В пресловутых тезисах, представленных одним товарищем на 3-м съезде Азербейджанской компартии, тезисах, где, между прочим, содержатся недопустимые выпады по адресу погибших турецких коммунистов, подведены под одну рубрику такие несходные экономические страны, стоящие на различных ступенях развития, как Афганистан, Персия и Турция. Само собою разумеется, что нужно нарочно одеть себе повязку на глаза, чтобы не видеть разницы между Афганистаном и Персией. Афганистан, это—страна, отрезанная от всего мира, стоящая в стороне от великих торговых путей, тогда как Персия относится к тем колониальным странам, которые имел в виду т. Ленин, когда на III Конгрессе он говорил о колониальных и полуколониальных странах, в которых с началом XX-го века произошли огромные перемены—„миллионы и сотни миллионов, фактически большинство населения земного шара, сейчас выступают как самостоятельные активные революционные факторы" (см. „Бюллетень Третьего Конгресса Комм. Интернационала" № 17, стр. 359).

Старая Персия, которую воспевал когда-то Пьер Лоти, отошла уже в область предания. В течение последних десятилетий Персия была тесно связана с нашим Кавказом. Ежегодно десятки тысяч пер-

сидских рабочих отправлялись на Кавказ,—где они работали на нефтяных источниках в Баку, в Грозном, где на каждой фабрике, в каждом промышленном учреждении в Тифлисе, Эривани, Владикавказе, в Новороссийске, в Дербенте, в Темир-Хан-Шуре были представители персидских трудовых масс. И в общении с русскими и кавказскими пролетариями, в работе под одним общим фабричным сводом или в четырех стенах одной общей душной мастерской, персидский труженик в лице его наиболее сознательных элементов приобщался к великому революционному движению, волны которого бушевали во всей Российской империи. Уже по одному этому, не говоря о целом ряде других факторов, как-то: различии в географическом положении, в экономической структуре и т. д., нельзя сопоставлять Персию с Афганистаном, беря обе эти страны под одну общую скобку.

Персия—это страна, лежащая на перепутьи дорог из России и Турции в Индию, страна, омываемая береговой линией на всем своем юге, прилегающая здесь к Персидскому заливу, играющему важную роль в европейско-азиатском товарообороте, на севере к самым революционным областям—в эпоху царизма—великой Российской империи, страна, имеющая такие города, как Тегеран, Решт, Мешхед, Испагань, Хамадан, Бендерабас; Афганистан же. это—страна, отделенная своими горами и непроходимыми путями, как китайскою стеною, от всего мира, лежащая в стороне от мировых путей, населенная полупервобытными кочевыми племенами, не оторвавшимися еще от пуповины старого патриархально-родового быта; эта отсталая страна из более или менее крупных полугородов ничего не имеет, кроме допотопного Кабула. Ясно, что ставить на одну и ту же доску Афганистан и Персию не приходится.

Если нельзя подводить к одному знаменателю Афганистан и Персию, тем более, такая манипуляция недопустима по отношению к Турции, как Европейской, так и к Азиатской (Анатолии), об экономической отсталости которой многие товарищи имеют ложное представление. Современная Анатолия—не та исключительно земледельческая страна, страна натурального хозяйства, какой она была в начале нынешнего столетия. Ведь с той поры прошло более 20 лет, а 20 лет, это—большой, огромный промежуток в жизни современных народов, хотя бы и восточных. Кто не слышал о знаменитой Багдадской рельсовой колее, которая, как стальной клин, прорезывает всю Малую Азию, пересекает горный массив Тавра, вершины Алма-Дага, реку Евфрат и доходит до Багдада. Кроме этой линии, мы имеем железнодорожные колеи Смирна-Афиюн-Карагисар, Мерсина-Адана, Яфа-Иерусалим и пр.

В общем протяжение Анатолийской железнодорожной сети достигает 3.500 километров. Стало быть, мы имеем в Анатолии на-лицо довольно значительный железнодорожный пролетариат,—элемент, которого нет ни в давно пробудившейся к новой жизни, проснувшейся от вековой спячки Персии, ни в отсталом Афганистане. В соответствии с своей сравнительно значительной железнодорожной сетью Анатолия имеет ряд важных узловых железнодорожных пунктов, крупных городов, которым предстоит быстрое промышленное развитие при победе над Антантой и которые уже теперь не представляют собой quantite negligeable.

Такими пунктами являются Эскишеир, Ишмид, Ангора, Кониа, Адана. Мы не говорим уже о таких важнейших портовых городах, как Смирна, Самсун, Трапезунд. Эрзерум, где имеется многочисленный портовый пролетариат.

Накануне мировой войны Анатолия имела довольно значительный пролетариат, слагающийся из рабочих, обрабатывавших все вывозимое сырье в Западную Европу, сырье в виде шерсти, кожи, мехов; рабочих, занятых работой в угольных копях Эрегли и Зангулдака на медных, свинцовых и железных рудниках, на судостроительных верфях и в морских и речных судовых командах; рабочих, вырабатывающих шелковые, шерстяные и суконные материи, обрабатывающих хлопок и ткущих местную мануфактуру и ковры; рабочих по проведению шоссейных, грунтовых и проч. дорог, далее пищевиков, матросов, грузчиков и т. д.

На-ряду с этим пролетариатом существует в Анатолии многомиллионное крестьянство, стонущее под бременем всяких налогов и притеснений со стороны землевладельцев и ростовщического капитала. Это крестьянство все более проникается духом недовольства против господствующих классов и все более интересуется социальными проблемами. Этот новый дух, который веет среди турецких крестьян, нашел свое яркое выражение в восстании Эдхема-бея.

Раньше, на основании первых сведений, движение Эдхема изображалось, как движение большевистское, и сам Эдхем назывался коммунистом. Теперь мы имеем проверенные сведения, что Эдхем-бей играл роль турецкого Махно, и что турецкие коммунисты, искренно примыкающие к III Интернационалу, осуждали эту авантюру. Как бы то ни было, эта авантюра показала, что значительные слои турецкого крестьянства, до сих пор темного, безропотного, преклонившегося перед авторитетом своих пашей, генералов, беев и духовенства, стоят на грани новой эпохи, что они пока еще ощупью ищут путей к освобождению от класса эксплоататоров не только иноверных, но и своих собственных, турецких. О новых веяниях среди турецкого крестьянства свидетельствует и образование в последнее время в Турции — „земледельческой и крестьянской партии" (Зюфра Фыркассы). Основатели этой партии ставят во главу угла своей программы защиту прав и интересов крестьянского класса, класса мелких собственников. А крестьянство в Турции (мы разумеем, главным образом, Анатолию) составляет 80% населения. Во главе партии (Зюфра Фыркассы) стоят пока мелкие собственники, владельцы чифшликов, вроде хуторян.

Организация этой партии свидетельствует о том, что турецкая крестьянская масса вышла из своей косности. Дабы удержать эту массу в своих руках, многие представители мелкой и средней буржуазии, в том числе известные депутаты и публицисты, вступают в партию (Зюфра Фыркассы), находя, что крестьянству суждено играть первенствующую роль в ближайших судьбах и политической жизни Турции. По выражению одной Константинопольской газеты „Икдам" от 16/XI 1920 г. „крестьянский класс, этот сфинкс Турции, слишком долго молчал до сих пор и имеет право многое сказать и многого требовать. Если новой партии удастся заставить заговорить крестьянского сфинкса, то к его голосу будут прислушиваться все, и он будет диктовать свою волю".

Из всех колониальных стран, к Турции в особенности, наравне с Индией и Персией, должны быть отнесены слова т. Ленина на III Конгрессе: „Движение идет вперед и массы трудящихся, **крестьяне колониальных стран**, несмотря на то, что они сейчас еще отсталы, **сыграют очень большую революционную роль** в последующих фазисах мировой революции" („Бюллетень III Конгресса" № 17, стр. 359).

Молодая турецкая коммунистическая партия, созданная безвременно погибшими героями Субхи и соратниками последнего, обратит должное внимание на беднейшие слои турецкого крестьянства и приложит все усилия, дабы крестьянский сфинкс сказал свое веское слово в ее пользу. Идея крестьянских советов, занесенная в Анатолию многочисленными турецкими военнопленными, вернувшимися из России, идея экспроприации крупных помещиков, пользуется большим успехом среди многих элементов турецкого крестьянства.

Переходя к турецким рабочим, нужно констатировать, что они уже давно обнаружили свою способность к организационной планомерной деятельности. В момент аннексии Боснии-Герцоговины Австрией портовые рабочие Константинополя, Салоник, Дедеагача и др. приморских пунктов Турции отказались выгружать австрийские товары и с поразительным единодушием и стойкостью провели этот бойкот. Правда, в данном случае рабочий класс Турции действовал под влиянием своей буржуазии. Но и в последующие моменты турецкий пролетариат не раз выступал самостоятельно, как класс, враждебный буржуазии. Забастовки, которые часто происходили в период господства младотурок в Константинополе, Смирне, Самсуне и др. городах, заставили правительство „Единения и Прогресса" провести закон против забастовок.

Мировая война сильно всколыхнула рабочие массы Турции. Повсюду за границей, как в России, так и в Западной Европе, в Германии и в Венгрии, турецкие рабочие в лице их лучших представителей принимали участие в революционном движении. В России группа Субхи и Измаила-Хакки создали многочисленные кадры коммунистов среди турецких военнопленных.

К каким же выводам приходим мы из сделанного нами по необходимости беглого очерка экономического положения Турции? На конгрессе многим делегатам был роздан проект тезисов по восточному вопросу, принадлежащий перу того же товарища, который пытался, правда, неудачно, провести свои упомянутые выше тезисы на III съезде Азербейджанской компартии. Он уже не сопоставляет Персию и Турцию с Афганистаном, что является слишком очевидным абсурдом, но все же он и теперь рассматривает Турцию, как страну, где нет зачатков промышленного пролетариата, и противопоставляет эту страну Индии, где существует промышленный капитал и машинная индустрия, подчеркивая этим самым необходимость различных тактик в Индии, с одной стороны, в Турции—с другой.

В результате своего анализа, он приходит к выводу, что лишь в одной Индии мы должны стремиться к созданию рабочих коммунистических партий, в Турции же и Персии обратить главное внимание на организацию беднейшего крестьянства и ремесленничества. Но если в Турции нет зачатков промышленного пролетариата, спрашивается, с чьей помощью мы будем организовывать это беднейшее крестьянство и ремесленничество? Не с помощью ли адвокатов и офицеров из союза „Единение и Прогресс"? Точка зрения, помещающая на одном полюсе Индию, на другом—Турцию, может быть очень неприятна английской буржуазии, поскольку речь идет об ее колонии, но эта точка зрения придется в некоторых отношениях по вкусу правящим классам Анатолии, которые теперь утверждают, будто в Турции нет почвы для коммунистического движения. Но ведь только недавно правящие классы Анатолии создали в Ангоре зубатовскую коммунистическую партию, которая организовала свой Ц. К. и вообще вела провока-

ционную политику[1]). Когда же эта зубатовщина и гапоновщина кончилась так, как она кончилась в России, участием некоторых членов этой зубатовской партии в восстании Эдхема-бея, правительство повернуло фронт и закрыло официальную коммунистическую партию. Но мы уже из истории рабочего движения знаем, что зубатовщина создается и культивируется правящими классами лишь там, где имеются на-лицо элементы революционного рабочего движения. Понятно, что, например, афганскому эмиру незачем упреждать события и учреждать у себя официальную коммунистическую партию, а вот правящим классам Анатолии пришлось это сделать, и это служит лучшим доказательством, что элементы коммунистического движения имеются на-лицо. Прибавим и следующее. Пока ангорское правительство полагало, что для привлечения на свою сторону симпатии Р. К. Партии и всего Коминтерна, и в частности Р. С. Ф. С. Р., необходимо разыгрывать из себя сторонника коммунизма, турецкое правительство пыталось казаться коммунистическим и не решалось применять методы фашизма к своим революционерам.

Как только обнаружилось, что Р. С. Ф. С. Р. не вмешивается во внутренние дела Анатолии, турецкое правительство решительно переменило фронт и не только распустило даже официальную коммунистическую партию, считая самый термин „коммунистический" опасным, но и допустило варварскую расправу над 17 турецкими коммунистами, прибывшими из Баку с Субхи во главе в Турцию. Эти товарищи после жестоких истязаний были заколоты и брошены в море у Трапезунда. Имена их палачей известны, но правительство не принимает никаких мер для наказания тяжких преступников.

Коммунистическая партия имеет теперь своих мучеников, и тысячи сердец загорелись жаждой мести и жгучим желанием вступить в ряды борцов за великий идеал, во имя которого погибли лучшие люди Турции.

Коммунистический Интернационал всем своим авторитетом поддержит еще молодую, но имеющую несомненные перспективы для своего быстрого развития, коммунистическую партию Турции, страны, которая, благодаря своему удивительному географическому положению на пересечении великих торговых и стратегических рельсовых и морских путей из Европы в Азию, далее проектируемым, строящимся и уже построенным железным дорогам, протяжение которых уже теперь достигает около 4.000 километров, колоссальным естественным богатствам, портовым и центральным городам, которые с быстротой начнут развиваться в ближайшие годы вместе с неизбежным уничтожением капитуляций, наконец, благодаря ее, может быть, еще недостаточно многочисленному, но уже испытанному в классовой борьбе пролетариату, который своими забастовками в Турции, поведением лучших своих представителей в Венгрии, Германии, России, показал свой революционный дух, подготовленность к восприятию коммунистических идей.

В Анатолии нет теперь возможности коммунистам вести легальную работу, и сотни турецких коммунистов гниют теперь в ужасных казематах Анатолии. Мы не говорим уже о десятках коммунистов, казненных в Ангоре и в восточных вилайетах. Но эти реакционные меры, по свидетельству турецких товарищей, не дали других результатов,

[1]) Подробно об этой партии см. нашу книгу „Революционная Турция". Гос. Изд. 1921 г., стр. 110—119.

кроме повышения подъема и сознательности турецкого крестьянства и рабочего.

Коммунистический Интернационал вдохнет энергию в коммунистические организации Анатолии и Европейской Турции, подчеркнув, что они имеют право на существование и его поддержку, что в такой стране, как Турция, Коминтерн и его представители в своей работе должны опираться не только на беднейшее крестьянство и батраков, но и на пролетариат, работающий на багдадской и др. железных дорогах, в угольных копях, свинцовых и железных рудниках, в портах Смирны, Трапезунда, Самсуна, Константинополя. И этому пролетариату должна принадлежать роль авангарда в борьбе трудовых масс Турции за коммунистический идеал.

Мы знаем хорошо, что в данный момент в Анатолии почти не существует никаких коммунистических ячеек, что немногие искренние коммунисты, имевшиеся в Турции, или убиты или гниют в тюрьмах, знаем, что в заграничных организациях Туркомпартии на-ряду с двумя, тремя испытанными коммунистами, вроде т.т. Измаила-Хакки, Джевалат и некоторых других, имеются десятки бывших офицеров, губернаторов, „коммунизм" которых возбуждает в нас сильные сомнения, тем не менее это не основание утверждать, будто в Турции нет условий для создания коммунистической партии. В таких городах, как Константинополь, где имеется более 150 тысяч рабочих, как Смирна и др., необходимо поддерживать и развивать зачатки коммунистической партии, памятуя, что революционное будущее Турции принадлежит коммунистической партии. Как правильно подчеркнул т. Радек в одной из своих речей на совещании с восточными делегатами III Конгресса, в России 70 и 80-х годов не было почвы для социальной революции, однако, правильна была тактика тех революционеров, которые уже тогда создавали в России ячейки социалистической партии. Эта же тактика должна применяться ныне в Персии, Турции, Индии.

По отношению к Персии Коминтерн должен поддерживать исключительно Иранскую компартию, делегация которой участвовала на III Конгрессе, решительно воздерживаясь от поддержки всяких буржуазных, демократических и националистических групп (группа Гайдархана), перекрашивающихся в коммунистический цвет.

В отношении к персидским ханам нужно отказаться от поддержки всяких претендентов на руководство персидской революцией вроде Кучук-Хана. В Персии таких ханов много. В Харассане фигурирует Салар-Ходау, в Мозандеране—Сайфуллар (Амир Мияд), в Карадаче—Аршат-Хан, в Курдистане—Симетко, наконец в Гиляне—Кучук-Хан.

В южных провинциях этих ханов еще больше. На словах все они против шаха и за революцию, но опыт показал, что объединить их вокруг единой программы действий абсолютно невозможно, ибо экономически они неодинаково заинтересованы и в революции и в изгнании англичан. Бахтиарские ханы, например, крепко стоят за англичан. Поддержка ханов, в лучшем случае, приведет к разделу северной Персии на пять-шесть частей и к окончательному захвату юга англичанами.

Делегация Иранской коммунистической партии на III Конгрессе стоит на той точке зрения, что при помощи и руками разных ханов ни англичан нельзя изгнать из Персии, ни шаха свергнуть.

Главный центр своей деятельности Иранская компартия переносит на крестьянство. Национальная революция должна: 1) уничтожить все остатки феодализма, 2) покончить с тяжелыми налогами и поборами, 3) облегчить их экономическое положение за счет помещиков,

4) доставить крестьянскому хозяйству дешевую воду проведением целого ряда каналов. В данный момент под руководством Иранской компартии организованы крестьянские союзы в Ардабиле, Серабе и в районе Тавриза. Это, конечно, только начало, и такие союзы должны быть созданы по всей Персии.

Резюмируя все сказанное нами выше, мы должны сказать, что теперь, после позорного фиаско кемалистской турецкой „коммунистической" партии и печального опыта с группой Гайдархана, особое значение и прямо-таки пророческий смысл приобретает следующий пункт тезисов тов. Ленина по национальному и колониальному вопросам, принятых на II Конгрессе (см. § 11, п. 9):

„Необходима решительная борьба с перекрашиванием *неистинно коммунистических* революционных освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма. Коммунистический Интернационал обязан поддерживать революционное движение в колониях и отсталых странах лишь с той целью, чтобы элементы будущих пролетарских партий, *коммунистических не только по названию*, во всех отсталых странах были группируемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими течениями внутри их нации.

„Коммунистический Интернационал должен вступать во временные соглашения, даже в союзы с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней, а безусловно сохранять *самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме*" (курсив везде наш. *М. П.*).

События, разыгрывающиеся в течение последних двух лет на Ближнем Востоке, сыграют громадную роль в дальнейшем развитии освободительного движения во всех подвластных мировому империализму странах желтого и черного континентов. Геройская борьба турецкого народа, воодушевленного примером рабоче-крестьянских масс Р. С. Ф. С. Р., против хищников мирового империализма, будет иметь колоссальное влияние на усиление революционного движения на всем Востоке и в мусульманских странах черного континента. Для всей Персии, Индии, Афганистана, Египта, Марокко, Алжира, Триполи, Туниса, далее для всего чернокожего населения Африки не даром пройдет гигантский бой турецкого крестьянина на полях битв в Анатолии. Разгром антантистских планов относительно турецкого народа, еще более, чем крушение контр-революционных и империалистических планов относительно советской России, подымет национальное чувство среди населения всех угнетенных стран желтого и черного континентов и усилит стремление порабощенных народов к борьбе не на жизнь, а на смерть за свое освобождение.

Упорная борьба населения Индии и Египта против английского ига, национал-революционное движение в Марокко, Тунисе, Алжире, направленное к освобождению от гнета французского империализма, непрекращающаяся борьба персидского народа за полное освобождение Ирана от британского засилья, пробуждение чернокожих племен Судана Южной Африки, С.-Америки,—все эти движения, которые, несмотря на свой ограниченный национальный характер, подкапываются под самые основы капиталистического строя, не могущего существовать без эксплоатации и порабощения колониальных и полуколониальных стран, получат могущественнейший толчок к дальнейшему развитию в результате успешной борьбы анатолийского крестьянства против объединенных армий Антанты.

Эпическая борьба голодного, отсталого турецкого народа против могущественной Антанты, покорившей под свои нози всю среднюю Европу, в том числе когда-то грозную Германию с ее союзницей Австро-Венгрией, привела уже к тому результату, что в то время, как в начале 1919 г. вся Турция, беспомощная, беззащитная, лежала у ног антантистских хищников, в настоящий момент почти вся Малая Азия объединена вокруг Ангорского правительства, и правительства Антанты ищут в лице Румынии, Сербии новых наемников на место выдыхающейся от постоянного военного напряжения Греции Венизелоса и Константина, чтобы защитить подступы к Константинополю и проливам от возможной опасности со стороны армии Ангорского Национального Собрания.

Коммунистические организации всего Востока, и прежде всего самой Турции, верные тезисам III Интернационала, принятым на II Конгрессе и, идя по стопам безвременно погибшего т. Субхи, вождя турецкой коммунистической партии, организовавшего в Баку полк из турецких военнопленных для помощи анатолийским войскам в их борьбе против хищнического мирового капитала, сделают все от них зависящее, дабы помочь трудовым массам Анатолии.

Мих. Павлович.

Отклики на зарубежную печать.

Противоречия г. Милюкова.

(П. Н. Милюков, „История второй русской революции“, том I-й, выпуск I-й: „Противоречия революции“. Российско-болгарское книгоиздательство. София 1921 г.)

С пролетарским периодом русской революции грозит повториться то, что уже случилось с демократическим ее периодом. Историю движения 1905 1907 годов описали не те, кто делал тогда революцию, а те, кто мешал ее делать. У нас есть меньшевистская история первого восстания русской народной массы против романовского режима, есть попытки кадетской истории,—а со стороны большевиков не было даже и попыток, сколько-нибудь выдержанных и последовательных. Пройдет 20 лет—и нас „откроют“, конечно. Но мы могли бы избавить наших детей от этого гробокопательства и сберечь их время для более производительной работы.

Нашим извинением было то, что в эмиграции и ссылке—по этим двум группам делился почти весь „генеральный штаб“ большевистской революции, начиная с 1908 года—слишком трудно было организовать свою „революционно-историческую комиссию“. Оставшиеся крохи партийных сумм были слишком дороги, чтобы тратить их на издание исторических книжек. Едва хватало на непосредственную революционную работу. Искать же буржуазного издателя для такой цели было бы утопией из утопий.

Нужно признаться, что все эти извинения—среднего достоинства. Милюков тоже в изгнании, однако первое, за что он принялся, это писать *свою* историю революции. А так как *нашей* еще нет, то есть большая опасность, что вне России будут знакомиться с большевистскими делами по кадетским словам. Что из этого получится, мы увидим ниже. Сейчас важно, что для нашего молчания нет уже ровно *никаких* извинений. Комиссия по истории октябрьской революции уже есть (она носит не совсем отражающее ее задачу имя „Истпарт“, ибо Совнарком сочетал ее в одно целое с комиссией по истории Российской коммунистической партии), средства у нее *должны* быть, людей ей *должны* дать, типография и бумага для нее *должны* найтись и притом „вне всякой очереди“. Если этого не окажется, мы будем посрамлены Милюковым, и притом вдвойне. Во-первых, он посрамит нашу леность и непредприимчивость своей энергией, во-вторых, он осрамит нашу революцию той клеветой, которую он будет распространять на наш счет безнаказанно, ибо его голос будет звучать на весь мир, а нашего не будет слышно даже в России.

Так как—это приходится заявить с самого начала—„История“ г. Милюкова есть не что иное, как продолжение, более „солидными“

средствами, той клеветнической кампании против октябрьских революционеров, которую начали еще с 1917 года кадетские газеты по горячим следам, не дожидаясь, пока для событий наступит история. Собственно, как образчик исторического исследования, книга Милюкова очень недорогого стоит. Не говоря уже о том, что у него не было под руками самых основных документов—тут его эмигрантское положение все же сказалось очень для него невыгодно, и он, не подозревая того, пользуется показаниями или уже опровергнутыми, или такими, которых он сам, наверное, поостерегся бы касаться, знай он их в их документальной форме -не говоря уже об этом, его историческое миросозерцание отстало не только от науки: оно ухитрилось отстать от эволюции самого г. Милюкова. Коренное отличие его „новой тактики", основное расхождение его с большинством кадетской партии в настоящий момент сводится, как известно, к тому, что большинство твердо стоит за „надклассовый" характер партии к.-д.,—а г. Милюков считает, что ее опорой должны быть определенные классы, крестьяне-собственники и городская мелкая буржуазия[1]). Между тем, возьмите первые страницы его „Истории"—вы найдете там шаблонные рассуждения о „слабости нашей государственности" и об освобождении „либерального течения" „от классовых элементов" (стр. 12—13). Вы найдете именно то, что продолжают упрямо твердить Родичев и Набоков—и с чем теперь Милюков спорит.

Здесь не место вдаваться в подробности по этому поводу—достаточно напомнить, что старая точка зрения Милюкова и теперешняя его противников является классическим отображением буржуазного понимания русского исторического процесса[2]). Коготок увяз - всей птичке пропасть: однажды став на классовую позицию, Милюков неизбежно придет к столь ненавистному для него марксизму. И тогда, если он даже захочет продолжать свою клеветническую кампанию против большевизма, ему придется выбрать другое оружие. Пока он еще висит в воздухе: со старой почвы он сошел, новой еще ногами не нащупал. Для этой промежуточной стадии чрезвычайно характерно предисловие к истории, написанное двумя годами позднее текста. Внутренние противоречия автора выливаются здесь в противоречия чисто формальные, словесные: на одной и той же странице г. Милюков заявляет, что его „История" „принципиально отказывается от субъективного освещения и заставляет говорить факты"—и что „фактическое изложение не составляет главной задачи автора". При поверхностном, „рецензентском" отношении к книжке очень легко было бы извлечь из этого пассажа чисто комический эффект, но не хочется этого делать—так много в этом предисловии выстраданного. Прочтя заключительные строки этого предисловия, вы начинаете чувствовать, какую колоссальную борозду провела революция в сознании даже тех людей, кто с нею всю жизнь боролся. „Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем разбирать, пока еще в неясных очертаниях, что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забитых, сказалась коллективная народная мудрость. Пусть Россия разорена, отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое, пусть разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура.

---

[1]) См. его заметку „Для историка" в „Последних Новостях" от 29 июля этого года. „Здесь все существо нашего конфликта",—говорит по этому поводу г. Милюков.

[2]) Кое-что об этом читатель найдет в одной из дополнительных глав 2-го издания „Русской истории в сжатом очерке": „Как писалась русская история до марксистов".

:огда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, ерез который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что оказало изучение великой французской революции. Разрушились це·ые классы, оборвалась традиция культурного слоя, —но народ пере·iел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта и решивший ля себя бесповоротно свой главный жизненный вопрос: вопрос о :мле" [1]).

Помня, что г. Милюков не считает фактического изложения своей іавной задачей, мы не будем останавливаться на фактической—перо ȷва не написало „фантастической" —стороне его изображения совре·єнной России. Здесь редактор „Последних Новостей" сделался жерт·ой информации этой почтенной газеты. Читая, по редакторским обя·інностям, изо-дня-в-день описания „большевистских неистовств", фа·рикуемые в Париже по испытанному трафарету „немецких зверств", Милюков, может быть, и в самом деле уверовал, что Россия „отбро·iена из двадцатого столетия в семнадцатое". Быть может, он искренно умает, что в России уничтожены „высшая и средняя культура". На імом деле, парадокс русской революции в том и состоит, что эта, ıмая демократическая изо всех революций, когда-либо бывших, боль·ɛе всего ударила по низам, сравнительно пощадив верхушку. У нас, ɛчего греха таить, очень плохо обстоит дело с народной школой и ıродным учителем, но университеты еще держатся и университетские рофессора питаются лучше, чем какой-либо другой разряд „работни·ов просвещения". Мы ходим без сапог—а Эрмитаж, во время рево·юции и благодаря ей, становится первым собранием мира после Лувра Ватикана. У нас в аптеке не допросишься горчичника, а в Питере, ıенно в годы революции, вырос рентгенологический институт, кото·ый заграничные ученые считают одним из первых в Европе. Как раз ысшая"-то культура у нас еще и держится: когда-нибудь русскому ɔолетарию поставят памятники и перед Академией Наук, и перед кадемией Художеств именно за то, что он, далеко отброшенный всем оим тяжелым прошлым от науки и искусства, им, казалось, совсем ɔжой, в критические минуты не дал загубить эти редкие у нас теп·ıчные растения, и, голодая и холодая сам, отогрел и выходил их для ɔдущих поколений. Но не будем заниматься этим парадоксом—оста·ɔвимся на другом: как же это, признав революцию выражением „кол·ıктивной народной мудрости", можно изображать массовое движение ɔ17 года, по трафарету кадетских газет тех дней, продуктом просто·ı-просто немецкого шпионажа?

А между тем, г. Милюков это делает. Еще „запломбированный ıгон" не успел показаться на горизонте, еще дело идет только о ɔдготовке февральских дней, а уже „История второй русской ре·ɔлюции" спешит привести in extenso (целиком) нечто архи-безграмот·ɔе, имеющее быть якобы циркуляром „отдела печати при германском ıнистерстве иностранных дел" и свидетельствующее одновременно ık о том, что немцы были заняты возбуждением „социального дви·ɛния и связанных с последним забастовок, революционных вспышек, ıпаратизма составных частей государства и гражданской войны" (!), к и о том, что немецкое „бюро печати" употребляло термин „со·ıальный" вместо „социалистический" —точь-в-точь так же, как это ɔлал российский департамент полиции в своей деловой переписке. ɔодство умилительное и достопримечательное. Мы увидим, что фи·

[1]) Милюков, „История", стр. 6—7.

гура в гороховом пальто неизменно появляется на сцене всякий раз, когда нужно „изобличить" русскую революцию в связях с „врагами отечества". Череп-Спиридович, выпуская свою нелепую утку о японских миллионах, на которые была, будто бы, организована революция 1905 года, и не подозревал, на какую золотоносную жилу он напал.

Но то Череп-Спиридович: для него и г. Милюков не более, как „жидо-масон", слепивший свою кадетскую партию при помощи того же японского золота. Другое дело сам автор „Истории второй русской революции". Это не полуграмотный громила в генеральском мундире, это ученый историк, обещавший нам „говорить фактами". „Факты подлежат объективной проверке, и поскольку они верны, постольку же бесспорны и вытекающие из них выводы. Историк по профессии, автор не хотел и не мог подгонять факты к выводам"... (стр. 4). И прежде всего „историк по профессии" не может не знать, что нельзя цитировать документы, самого существования которых доказать невозможно. Где г. Милюков видел свой „документ"? В русских буржуазных газетах? Да какая же это гарантия? Разве не писали эти газеты в ноябре 1917 года, что Кремль разрушен до основания, и что от Василия Блаженного одни обугленные стены остались? Разве не писали они недавно, что в Крыму вся интеллигенция расстреляна чрезвычайками,—тогда как там даже С. Н. Булгаков благополучно здравствует и выступает соискателем на кафедру политической экономии в Таврическом университете? Одного такого „факта" за-глаза достаточно, чтобы лишить книжку всякого серьезного значения. А между тем, он не один. Навязчивый образ „немецкого шпиона" на всем протяжении книги преследует г. Милюкова и очень скоро (опять-таки еще до появления „пломбированного вагона") заставляет его не то что процитировать сомнительный документ, а впасть в форменное, фактическое противоречие с документом уже несомненным, а вдобавок и с показанием очевидца.

Это случилось с ним—читатель мог бы и сам догадаться—по поводу знаменитого „приказа № 1" „как-то со стороны и врасплох подсунутого временному комитету Государственной Думы поздно вечером 1 марта". При чем тут „комитет Государственной Думы", в ту минуту властью ни фактически, ни юридически не обладавший, это уже секрет нашего „историка по профессии". Что фактической властью тогда был петроградский совет рабочих депутатов и его исполком, а юридически оформленной и кем-либо санкционированной власти еще вовсе не было, пока не санкционировал первого временного правительства тот же совет, об этом мы уже говорили в другом месте [1]). Для нас здесь интересно не это—интересен тот соус, под которым г. Милюков подает свой „факт" публике. Изложив по-своему приказ № 1 и по-своему охарактеризовав произведенное им действие, г. Милюков заканчивает: „Вопреки общим усилиям всех сознательных и ответственных руководителей, мутная струя проникла, таким образом, в русскую революцию с самого начала: она внесена была, очевидно, из определенного источника, о котором свидетельствует самое содержание требований большевиков относительно немедленной „демократизации" армии и немедленного же „демократического" мира. Известный швейцарский социал-демократ, Роберт Гримм, уличенный позднее в сношениях с германским правительством (ага! вот она штука-то в чем!) совершенно точно формулировал большевистский лозунг в своем приглашении на третью циммервальдскую конференцию в Стокгольме"...

[1]) См. „Вестник Агитации и Пропаганды" № 7-8 от 4 марта 1921 г.

Тут же кстати и сообщение „Верховного Главнокомандующего, генерала Алексеева, о том, что „ряд перебежчиков показывает, что германцы и австрийцы надеются“ и т. д., и т. д.

Словом, читателю ясно, кем был „подсунут“ „приказ № 1“. Не даром и заговорил о нем первым какой-то „неизвестный в военной форме“ (переодетый немец, разумеется). Когда вы после этого берете преступный „приказ“, то, прежде всего другого, вы видите, что ни о „демократическом мире“, ни даже о „немедленной демократизации армии“ там нет ни звука. Приказ ни слова не говорит о выборности командного состава, как старается „подсунуть“ своему читателю между строк г. Милюков. Приказ только гарантирует солдатам „вне службы и строя“ „те права, коими пользуются все граждане“, формально оговаривая, что „в строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину“. Правда, в приказе есть статья, достаточно объясняющая неугасающую ненависть кадетов к этому документу. Это статья 3-я, гласящая: „Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам“. Это, конечно, лишало кадетов всякой возможности непосредственно использовать петроградский гарнизон, как свое политическое орудие, опираясь на несознательность солдатской массы: теперь более сознательным элементам этой массы были обеспечены постоянный над нею контроль и постоянное руководство ею. Этого достаточно, чтобы понять, почему ни один кадет не вспомнит „приказа № 1“ с удовольствием. Но этого слишком мало, чтобы доказать, что приказ сочинен немецкими шпионами. А так как мы знаем от очевидцев, как и кем приказ был сочинен, то никакие таинственные привидения „в военной форме“ не могут смутить нашего спокойствия.

В самом деле, вот что рассказывает о возникновении „приказа № 1“ Н. Суханов—не большевик, а в ту минуту, когда он это писал, еще определенный противник большевиков. „Вернувшись за портьеру комнаты 13-й, где недавно заседал Исполнительный Комитет, я застал там следующую картину: за письменным столом сидел Н. Д. Соколов и *писал*. Его со всех сторон облепили сидевшие, стоявшие и навалившиеся на стол солдаты, и не то диктовали, не то подсказывали Соколову то, что он писал... Оказалось, что это работает комиссия, избранная Советом для составления солдатского „приказа“. Никакого порядка и никакого обсуждения не было, говорили все — все совершенно поглощенные работой, формируя свое коллективное мнение безо всяких голосований... Окончив работу, поставили над листом заголовок: „Приказ № 1“... Приказ этот был в полном смысле продуктом „народного творчества“, а ни в каком случае не злонамеренным измышлением отдельного лица или даже руководящей группы [1])...

Знал Милюков это „свидетельское показание“, когда живописал свои „тайны совета рабочих депутатов“, с переодетыми немецкими шпионами и т. д.? Во всяком случае, мог знать — книга Суханова вышла в 1919 году, а книга Милюкова помечена 1921 г., и, хотя текст написан в 1918 г., для печати он пересматривался (см. первую страницу „Предисловия“). Никакой попытки устранить свидетельство Н. Суханова у него нет — да едва ли может и речь итти о такой попытке. „Историк по профессии“ стоит перед выбором: или признаться в своей неосве-

[1]) „Записки о революции“, кн. 1 я, стр. 198—199. Курсив везде наш. *М. П.*

домленности — или признать, что факты, ему известные, он скрывает от своего читателя. Что для него предпочтительнее, пусть он выберет сам,—но третьего быть не может.

Теперь мы подходим к факту, по отношению к которому о „неосведомленности“ г. Милюкова не может быть речи — к знаменитому „запломбированному вагону“. В то время, когда Ленин и его товарищи ехали через Германию, г. Милюков был министром иностранных дел российского государства. Кому, как не ему, могла быть известна подкладка возвращения русских эмигрантов из-за границы? Ведь его собственные циркуляры являлись едва ли не основным материалом этой подкладки. Кому, как не г. Милюкову, знать, какую роль в действительности сыграл „запломбированный вагон“ в деле возвращения на родину нас всех,—не исключая даже и тех, кто, в конце концов, прорвался домой сквозь германскую подводную блокаду, через Архангельск.

Тут пишущему эти строки приходится оперировать, главным образом, собственными воспоминаниями,—но они достаточно отчетливы и достаточно „подлинны“, поскольку он принадлежал к составу парижского „Комитета по возвращению на родину русских эмигрантов во Франции“.

Дело было так. Весь март месяц русское посольство молчало, как мертвое, по поводу нашего возвращения в Россию. До середины апреля, помимо регулярных английских рейсов из Шотландии в Норвегию, на Архангельск ушли, по крайней мере, три из тех больших пароходов Восточно-Азиатского Общества, на двух из которых („Царице“ и „Двинске“) мы впоследствии, в августе, вернулись домой. Все, кто желал и спешил ехать, могли бы быть на берегах Невы или Москвы уже к 1-му мая. Ясно, что для нашего отъезда были препятствия не технические. Завесу над этими препятствиями для меня приоткрыла случайная беседа в Национальной библиотеке. Ко мне подсел один слегка знакомый мне польский литератор, определенно антантовской ориентации, водивший дружбу с французскими парламентскими кругами, и обратился ко мне с вопросом: „Каковы политические убеждения Г. А. Алексинского?“. Крайне изумленный, что кому-нибудь, не совсем политически безграмотному, могло тогда ничего не говорить это имя, я сделал достодолжную характеристику, а затем поинтересовался узнать, кому это нужно. Мой собеседник, смутившись, объяснил, что ему поручено собрать сведения о нескольких русских эмигрантах, хлопочущих о проезде через Англию. Другие имена не возбуждают у него сомнений в ту или другую сторону,—а вот насчет Алексинского он усомнился: не большевик ли это [1]).

Таковы были точки зрения — и такова была осведомленность людей, „охранявших входы“ в бывшую царскую вотчину в марте — апреле 1917 года. Совершенно ясно, что русские большевики в Швейцарии были бы идиотами в последней степени, если бы они вздумали „терпеливо дожидаться“, пока их „пропустят“ — пропустят люди, сомневавшиеся даже в Алексинском. Великие организаторы всех и всяческих блокад, англичане применяли к русской эмиграции простейшее и действительнейшее средство, оставляя ее вариться в собственном соку в ее заграничных гнездах, пока г Милюкову удастся наладить в

---

[1]) О моем большевизме мой польский собеседник, вероятно, ничего не знал — я был для него просто русским ученым, работающим в библиотеке. А может и знал — и хотел „поймать“: скажет, мол, — Алексинский, да это наш лучший публицист!.. И готово дело.

России „порядок". А потом милости просим — из французского осадного положения в русское.

И вдруг, в середине апреля нового стиля, картина изменилась как бы по волшебству. Оказалось, что посольство имеет полную возможность и горячее желание отправлять нас на родину. Что на это есть и средства, и юридические возможности, — словом, садись и поезжай. Тут-то немедленно и организовался наш „Комитет", куда сразу же было выбрано несколько интернационалистов, при чем, констатирую этот факт, никто и не думал задавать им или по их поводу вопросы, похожие на те, какой я слышал по поводу Алексинского.

В чем же было дело? „Запломбированный вагон" прорвал блокаду... Ясно стало, что мы можем вернуться и помимо благоусмотрения английской полиции и что дальнейшее упрямство этой последней может лишь восстановить эмигрантов против Антанты, играя этим в руку Циммервальду. Сопоставление дат не оставляет тут никаких сомнений: 13 апреля н. ст. Ленин был в Стокгольме, — а между 10 и 15 возник в Париже наш „Комитет". И одним из первых впечатлений от этого последнего у меня остались разговоры „оборонцев" о том, что везший Ленина из Германии в Швецию пароход потоплен английской подводной лодкой. Утешения хватило на два дня: на третий мы все узнали, что морская блокада англичан не действительнее сухопутной.

Обо всем этом в „Истории" г. Милюкова читатель не найдет, конечно, ни звука. Для него „запломбированный вагон"—просто маневр „коварного врага" для окончательной победы над... „министерством иностранных дел", т.-е. самим г. Милюковым... Мы сейчас видели, что победа над ним и его английскими друзьями тут действительно была, только не на том поле битвы, которое он имеет в виду. Блокада была прорвана вовсе не для одних „циммервальдцев", как инсинуирует г. Милюков, а для русских эмигрантов вообще. Что через германскую брешь хлынул именно обще-эмигрантский поток, мы имеем этому доказательство в таком, для данного случая надежнейшем, документе, как имеющееся в деле о восстании 3—5 июля сообщение английской контр-разведки. „5 июня было сообщено из Берна,—говорится здесь,—что более 500 русских эмигрантов уехало через Германию. Из них около 50 пацифисты, около 400—социалисты, которые поддерживают временное правительство и войну, а остальные соскучившиеся по родине русские" [1]).

На одного „большевика" немцы перевозили 8 анти-большевиков. Нужно очень презирать этих последних, чтобы не считать такой пропорции достаточно гарантирующей от отравления „революции" большевистским ядом. Но г. Милюков ценит и свою „революцию", и своих „оборонцев" ниже всякой мыслимой оценки. Об этом до цинизма доходящем презрении кадетского лидера к оборонческому бараньему стаду мы узнаем на стр. 245—246, по поводу описания событий 3—5 июля.

Рассказав стилем победителя, как „авантюра большевиков приходила к концу", г. Милюков делает ценнейшее признание. „Одним из обстоятельств, переломивших настроение „нейтральных" воинских частей—говорит он, — было опубликование некоторых документов разведки". Далее идет краткая и не совсем точная в подробностях — но это всего менее важно — характеристика известных показаний Ермоленки, „переброшенного через германский фронт для агитации в пользу скорейшего заключения мира с Германией". А затем г. Милюков заканчивает: „О впечатлении, произведенном этими документами, можно

[1]) „Дело", т. X, л. 73 оборот.

судить по тому, что когда они были прочтены делегатам Преображенского полка, то преображенцы заявили, что теперь они немедленно выйдут на подавление мятежа. Действительно, они пришли первыми из гвардейских частей на Дворцовую площадь; за ними подошли семеновцы и измайловцы".

Опубликованием показаний Ермоленки Керенский и управлявшие им из-за кулис кадеты переломили „мятеж". Более, чем стоит заняться этими показаниями с точки зрения профессионального историка.

Кто такой Ермоленко?

В „Деле" 3—5 июля имеются два документа, отвечающие на этот вопрос, оба, по характеру своему, казалось бы, не подлежащие никакому спору — и, в то же время, на первый, по крайней мере, взгляд, друг друга исключающие. Первый документ („Дело", т. I, листы 11 и след.)—данное под присягой показание самого Ермоленки; второй (т. VIII, л. 51 и след.)—копия с его послужного списка, официальная, кем следует заверенная. Если мы возьмем вторую, мы найдем биографию настоящего вояки, изрубленного и исстреленного десятки раз в десятки мест и за то стяжавшего все степени солдатского Георгия. А в показании черным по белому написано: „на действительной военной службе я никогда не состоял".

Это „противоречие" не самого г. Милюкова, но одного из главных его источников, разрешается, правда, как будто сейчас же: далее Ермоленко сообщает, что во всех войнах (не исключая, если буквально понимать его слова, и последней войны, 1914 года) он участвовал, как доброволец. Но это разрешает противоречие только фактически, объясняет нам, как это Ермоленко, будучи штатским человеком, мог совершать подвиги и получить свои бесчисленные ранения (из которых его незлобивая память сохранила, странным образом, только три контузии: см. другое его показание, т. I, л. 5). Но юридическое недоразумение остается во всей силе: храбрый вояка почему-то не мог получить „воинского звания" в обычном порядке. Послужной список не оставляет на сей счет никакого сомнения: лишь в 1913 году (а подвиги Ермоленко начал совершать с 1900 г., с „боксерской" кампании) „его императорскому величеству благоугодно было... соизволить на награждение в изъятие из закона добровольца 27-го Восточного Сибирского стрелкового полка... Дмитрия Ермоленко званием зауряд-прапорщика". Можно понять „зауряд": Ермоленко, человек мало интеллигентный, вероятно, затруднился бы экзаменом на офицерский чин. Но почему это скромное звание он мог получить лишь после тринадцатилетней фактической службы, да и то по специальному высочайшему повелению?

Тут два документа, до сих пор мешавшие друг другу — и карьере Ермоленки — начинают понемногу помогать один другому, и нам вместе с ними. „Показание" сообщает, что Ермоленко „под судом был за упущение по службе в Иркутской судебной палате [1]) лет 12 тому назад, но оправдан". А в послужном списке мы имеем такие данные: „приказом военного губернатора Приморской области от 5-го ноября 1900 г. за № 346 зачислен в штат Владивостокской полиции канцелярским служителем. Таковым же приказом от 26-го января 1902 г. за № 23 назначен столоначальником того же управления. Таковым же приказом от 4-го сентября 1903 г. за № 281 уволен от службы по прошению с производством в коллежские регистраторы". Где нахо-

[1]) Т.-е. судился в Иркутской палате — а „упущения" делал в другом месте, сейчас увидим, где.

дится новопроизведенный коллежский регистратор с сентября 1903 г по апрель 1904 г., послужной список не сообщает, но затем мы неожиданно узнаем, что Ермоленко не только сухопутный воин, а и моряк: сначала он „поступил в 124-й пех. Воронежский полк добровольцем (1904 г. апреля 3-го)", а затем „по распоряжению наместника его императорского величества на Дальнем Востоке командирован как штурман каботажного плавания в Порт-Артур для соединения эскадр: Владивостокской с Порт-Артурской (июля 3-го)".

Прогнанный со службы не без суда, полицейский чиновник вдруг облекается чрезвычайной важности „государственным" поручением. Что это может значить? Только одно: перед нами человек, в силу своей профессии стоящий по ту сторону всяких судимостей. Ермоленко был шпиком военной охранки: едва ли на этот счет может быть какое-либо сомнение. Шпионаж „внутренний" и „внешний" чрезвычайно легко переливались один в другой в царские времена: мы об этом кое-что знаем из истории последней войны,—когда заграничные жандармы почти сплошь исполняли и военные поручения,—и в архиве парижской охранки можно найти ряд чисто военных документов. В Порт-Артур, в июле 1904 г. уже осажденный японцами, Ермоленко мог проникнуть, конечно, только, как военный шпион: „перебрасываться" через фронты, как видим, было его давней специальностью. Но военным шпионом может быть и офицер генерального штаба: этого рода служба не мешает получать военные чины в обычном порядке. Если Ермоленко, несмотря на его военные подвиги, последнее давалось с таким трудом, это можно объяснить лишь тем, что для начальства филер был в нем виднее военного шпиона. Старый порядок имел свои предрассудки—и ввести филера в „офицерскую семью" стеснялись. Записав, с явным недоброжелательством, в июне 1913 г. после награждения Ермоленки чином зауряд-прапорщика: „Таким образом, ныне бывший доброволец Ермоленко награжден всеми наградами", главный штаб брезгливо отстранил его от фактической военной службы. И когда он вновь в нее попал, после объявления войны в 1914 году, не поймешь, было ли это в порядке обычной военной мобилизации (как дает понять, не утверждая категорически, послужной список), или опять на каких-то частных и „добровольческих" началах. Сам Ермоленко, в своем показании, рассказывает об этом так: „Когда началась настоящая война, то в июле месяце 1914 года я, по приглашению командира 16-го Сибирского стрелкового полка Рожанского, отправился вместе с полком в действующую армию под Варшаву". Строевым офицером или опять „добровольцем" с особыми поручениями? Послужной список говорит первое,—„показание" как будто ближе ко второму. Здесь они опять начинают расходиться.

Но если бы у нас и не было этих биографических данных о казацком герое июльских дней, всякий, кому приходилось работать в архивах политической полиции, без труда расшифровал бы его истинную физиономию чисто психологическим путем из характера его показаний. С первой до последней их строчки вам все время бьет в нос крепкий дух, специфический дух именно филерских донесений, донесений агента „наружного наблюдения", с его двумя главными отличительными чертами—умопомрачительной безграмотностью и неистовым хвастовством, желанием „поднять себе цену". С ним, полуграмотным шпиком, не знавшим ни одного иностранного языка, германские офицеры генерального штаба разговаривают за панибрата, сообщая ему массу подробностей, совершенно не нужных Ермоленке, как будущему германскому шпиону в России. Категорически заявляя ему, что он н

‹ак быть отправлен через Стокгольм, именно по незнанию
анных языков, они тем не менее любезно сообщают ему
окгольмского агента (можно себе представить, как он был
ирован!) и имена людей, с которыми тот имел связи в России.
берлинские адреса, абсолютно бесполезные в данный мо-
как жившие по этим адресам лица находились уже в Рос-
впрочем, Ермоленко себе противоречит, одно и то же лицо
у него и в Берлине—„Дело", т. I, лист 7,—и в Киеве—там же,
и во всяком случае Ермоленко итти к ним не собирался.
дружески „болтают" с ним, рассказывая разные анекдоты,
мым комическим образом путают даты, и оказывается, что
в Берлине германские офицеры считают время по старому
водя бедного Ермоленку, который из-за них поместил Ле-
ворец Кшесинской за две недели до его там появления [1]).
зь нам становится понятно, почему узнав об опубликовании
рвого показания Ермоленки, „Некрасов и Терещенко под-
ю бурю" [2]). Совершенная чепуха, конечно, будто их моти-
опасение, что преждевременное опубликование части доку-
угнет преступников. Дело было проще: нельзя было пока-
моленку в таком неглиже. Нужно было его почистить, при-
10 июля это и было, по возможности, сделано. Правда, пе-
Ермоленку было невозможно, филер оставался филером, и.
„хронологический" скандал, со стилями, случился с ним
) июля. Но все же кое-что удалось пригладить—немецкий
окгольме, напр., теперь уже находил свое место: Ермоленко
им должен был „иметь связь". Тогда как коренным дефектом
казания, не считаясь уже с его безграмотностью, было то,
вом месте в кругу германского шпионажа в России оказы-
й Скоропись-Йолтуховский, который должен был стать на-
и Ермоленки и который имел два крупных недостатка с
ия „партии порядка": во-первых, заведомо находился за
а во-вторых, не имел никакого отношения к июльскому дви-
Петрограде. Ермоленко же не сразу понял, что от него тре-
ос на Ленина и, щегольнув этим именем (надобно думать,
ным большевистским именем, которое он знал), главную ли-
а Скоропись-Иолтуховского, который, как председатель за-
союза „освобождения Украйны", Ермоленке, ведшему
концентрационных лагерях русских военнопленных именно
ами, казался „первым человеком" по данной части. Оттого
ирал на то, что его немцы посылали в Россию „для отде-
айны", что дела он вел с „украинской секцией" германской
что в России он должен был стать агентом Скоропись-Иол-
, и тому подобные, в глазах кадетов, совершенно пустые и
вещи. Надо было его инструировать. Правда, и слегка обу-
моленко продолжал молоть невообразимый вздор,—но все-
о выправил: и не его вина, если указание на „дворец Кше-
теперь появившееся в его показаниях, утратило часть своего
з-за того, что ему позабыли напомнить о разнице в 13 дней,
вшей тогда между русским и заграничным счетом времени.
в чем он поправился. По должности филера, не имея обра-
рупными суммами, Ермоленко назвал было, в качестве аван-
о ему немцами, цифру, сразу его компрометировавшую—

[1]) том забавном эпизоде см. „Дело", т. I, л. 15, и XII, ч. I, л. 124 и сл.
[2]) юков, стр. 246.

1.500 р. 10 июня он уже называет, в качестве обещанного ему воз
граждения, 8.000 помесячно—с возможностью увеличивать эту сум
сделками даже до 600.000 р., при чем, параллельно с мечтами о во
ражаемых крупных гонорарах, расло и самосознание бывшего „заур
прапорщика": в первом своем показании скромный агент мало изве
ного в России Скоропись-Иолтуховского, во втором Ермоленко бои
уже оказаться единственным организатором немецкого шпиона
и тут-то на его вопрос „что же я один буду работать в этом нап
влении?" немецкие офицеры и успокоили его указанием, что еще ра
тает Ленин, живущий во дворце Кшесинской. Беда, как мы упомяну
случилась тут та, что разговор этот происходил в первых чис
апреля по новому стилю, а Ленин приехал в Петроград в перв
числах апреля по старому.

Повидимому, кое в чем исправились и немцы—им стало совест
что такую крупную персону они обидели такой ничтожной сумм
как полторы тысячи рублей. И, вот повествует „исправленный и д
полненный" Ермоленко, „в Могилеве 17 мая, на улице, ко мне п
дошли два незнакомых лица и, осведомившись у меня, я ли Ерм
ленко, вручили мне конверт со словами, что в нем жалованье впер
за два месяца и остальное на расходы. В конверте оказалось 50.0
рублей крупными бумажными русскими деньгами". Само собою ра
умеется, что эти деньги были „по распоряжению верховного главно
мандующего" оставлены в пользу Ермоленки. В это время за ним
числилось еще ничего, кроме безграмотного доноса, собственно,
Скоропись-Иолтуховского (это показание было дано 28 апреля—а со
щено Деникиным Керенскому 16 мая: как раз накануне счастливо
приключения с Ермоленкой на улице Могилева. Бывают такие уда
ные совпадения!) с простым упоминанием имени Ленина. Вот к
котировался временным правительством в те дни голословный извет
вождя пролетарской революции! Можно себе представить, какие ми
лионы заработал бы человек, которому удалось бы доставить конт
разведке Керенского хоть один факт против Ленина...

Для прокуратуры временного правительства было, разумеет
совершенно ясно, что такую фигуру, как Ермоленко, выпустить
гласный суд, при открытых дверях, абсолютно невозможно: это бы
бы равносильно публичному бракосочетанию с царской охранкой.
первую минуту, в надежде, что это только „начало" и что потом по
дут факты поценнее и покрупнее, его даже отпускали на родину,
Хабаровск („Дело", т. I, л. 22 обор.). Но увы! Лучше Ермоленки в
же ничего не оказывалось. Пытались извлечь пользу из показаний н
коего Бурштейна, повидимому, действительно видавшего в Копен
гене Парвуса, а у него некоторых русских социал-демократов. Э
был тертый калач и, несомненно, калибром покрупнее Ермоленки: т
был по „наружному наблюдению", этот едва ли не по „внутреннему
И круг его официальных знакомств был повыше: когда ему пришло
однажды (еще в царское время), назвать какого-нибудь знакомо
ему человека, занимающего в России „пост", он без колебаний ук
зал директора департамента полиции Белецкого. Несмотря на сто
влиятельное знакомство, он расценивался, однако, своими друзья
весьма невысоко, и в руках у следователя оказался документ конт
разведки еще от 1915 года, где значилось, что „еврей Зельман Бу
штейн является лицом незаслуживающим никакого доверия. Цель
рядом расследований выяснено, что Бурштейн представляет собо
тип темного дельца, не брезгующего никакими занятиями. Неоди
кратно подвергался взысканиям и ограничениям в административн

: и в настоящее время (1915) не имеет права жительства во местах империи". А так как это „незаслуживающее никакого ı лицо" ничего не умело рассказать о Ленине, и вообще поало о событиях довольно давних, случившихся задолго до реи, то служить хотя бы суррогатом Ермоленки оно не могло.

рштейна пришлось бросить. Тут всплыл, и на минуту ярким м мелькнул, электротехник Семен Кушнырь, который брался ывать не только о Ленине, но чуть ли не о всех членах Ц. К. зиков вместе и порознь, притом со слов самого фельдмаршала јурга. С ним, однако, случился анекдот едва правдоподобный, менее документально засвидетельствованный. Только что исполй патриотический долг, Кушнырь имел уличное приключение, Ермоленке, но характера совершенно противоположного: (а первое показание он дал 8-го) он был „задержан во время на Галицком базаре", и карьера его кончилась на следующем те, вышедшем из канцелярии судебного следователя киевского го суда 5-го участка города Киева: „Вследствие личной просьщаю, что находившееся в моем производстве дело о Семене е Кушныре, обвиняемом по 13, 296, 1666, 1668 и 1669 ст. Улонаказаниях, направлено мною в порядке 478 ст. У. У. С., товаокурора 5 уч. гор. Киева 27 июля с. г. за № 1199 и что обвиняшнырь с 26 июля с. г. содержится под стражей в Киевской

.

юе дело, что и этот свидетель для процесса никуда не годился. их не разыскивалось—и в этом весь секрет того, почему, имея, бы, вполне достаточно времени для того, чтобы поставить суд, временное правительство этого не сделало. Некрасов и ко были сугубо правы, правы по отношению ко всей большe„измене", не только по отношению к одному Ермоленке.

ерь знал или не знал г. Милюков об этом провале анти-большео процесса еще в стадии предварительного следствия? Миниэто время он уже не был, но к правящим кругам стоял доблизко, чтобы знать не только то, что пишут в газетах и вают на улице. На следствии фигурировал он и сам. Свое е (оно помещено в т. XII „Дела", часть 2-я, листы 545 и сл.) чрезвычайно поздно, всего за 2 недели до падения Керенского дователь допрашивал П. Н. Милюкова 11 октября). Любопытно, ение всего этого эпизода, сравнить, что говорил г. Милюков, иду перекрестную проверку своего показания на суде—с тем, показал" потом в своей „Истории", написанной и издававшейся виях, для его читателей исключавших всякую возможность ı.

жде всего, обращает на себя внимание осторожный тон по- Ни о каком „шпионстве" большевиков нет, разумеется, ни ли прочесть показание г. Милюкова отдельно от всех других ов, то можно и не догадаться о существовании изветов Ермоурштейна, Кушныря и т. под. Задача бывшего министра инодел была гораздо скромнее: доказать, что эмигранты-интеристы, если бы захотели, могли бы отлично вернуться домой ным путем", через страны Антанты. В этом суть показания: : инсинуации по адресу Троцкого (а не Ленина!), да попытка ться тем, что его „ушли" за несогласие пропустить в Россию а, представляют лишь дополнительные экскурсы. И что же ыл признать г. Милюков, имея перед собою перспективу проо-первых, что швейцарские эмигрантские организации обраща-

лись к министру иностранных дел Милюкову с официальными ходатайствами о том, чтобы им было разрешено проехать через Германию: „изменники“, таким образом, совершенно открыто заявляли о своем „преступном умысле“. Мотивировали они этот умысел, главным образом, тем, что „союзные правительства ставят эмигрантам на этом пути (через Англию) препятствия, лишающие их возможности массового возвращения в Россию“. Храбро заявив, что все подобные „слухи“ были-де „совершенно неосновательны“, предвидящий проверку г. Милюков должен был сейчас же признаться, что „одно из препятствий“ пропуску эмигрантов через союзные страны заключалось в *нахождении имен некоторых из эмигрантов в так называемом международном контрольном списке*. В этот список заносились лица, ставшие известными союзным правительствам своими сношениями с неприятелем (!), и изъятие лиц, попавших в контрольный список, *не могло быть произведено односторонней волей русского правительства*“ [1]).

Мы видели в своем месте, что к „лицам, известным своими сношениями с неприятелем“, мог оказаться причисленным г. Алексинский, и не может быть никакого сомнения в том, что в этом списке значились все участники циммервальдской и кинтальской конференций. Все оправдания г. Милюкова в том роде, что ему удавалось выхлопатывать изъятия из „списка“ для отдельных лиц, все его ссылки на „строгость“ общих правил, установленных для въезда и выезда в Великобританию и (еще лучше) на „крайнюю недостаточность тоннажа“,—все это совершенно тонет в тени колоссального, признаваемого им факта: *английская полиция не пускала в Россию эмигрантов, казавшихся ей подозрительными, и г. Милюков*, в самом лучшем случае, *был бессилен ей в этом помешать*. В частности, относительно „строгих правил для въезда и выезда в Великобританию“ и недостатка тоннажа, напомним, что в распоряжении временного правительства было *четыре русских* океанских *парохода*, вместимостью от 10 до 12 тысяч тонн, рассчитанных каждый на 1½—2 тысячи пассажиров. На этих кораблях развевался *русский* флаг, их палуба была *русской* территорией, они шли из Бреста в Архангельск, не заходя ни в один английский порт: какое было дело при таких условиях *русскому* правительству до правил, установленных *английской* полицией. Г. Милюков, сам того не замечая, констатирует не только то, что эмигранты-интернационалисты были тысячу раз правы, избирая—единственную возможность для них в марте—апреле 1917 г.— дорогу через Германию, но и то, что временное правительство было жалким рабом Антанты, которая могла ему запретить пользоваться его собственным, русским имуществом.

Нам нет надобности подводить итоги. Г. Милюков сам произнес приговор себе, как историку русской революции 1917 года. „Факты подлежат объективной проверке, и поскольку они верны, постольку же бесспорны и вытекающие из них выводы“, говорит он, мы помним, в предисловии к своей книге. Мы произвели объективную, по первоисточникам, проверку факта, являющегося основным для г. Милюкова, дающего ключевую ноту для его понимания всей динамики революции. Мы не нашли, в строгом смысле, никаких исторических данных, мы видели лишь кучу газетных мотивов, сыгравших в свое время мгновенную агитационную роль—но если называть это „историей“, то придется признать историей 1905—1907 г.г. речи теперешнего „союзника справа“

[1]) Л. 515 обор. Курсив наш.

кова, Г. А. Алексинского. Притом эта агитация и в свое время,
кке г. Милюкова была и остается агитацией **недобросовест-**
пичным образчиком контр-революционной **демагогии.** А к
ідству, каким временное правительство нашлось вынужденным
в свою пользу конфликт 3—5 июля, неприменимо другое на-
как провокация. „Над чем посмеешься, тому и поработаешь",
пословица. Сколько раз г. Милюков, даже с трибуны Государ-
і Думы, обзывал „провокаторами" крайнюю левую русского
ионного движения. Но доказать это ему не удавалось—и ни-
і удастся. А вот, что сама почтенная партия к.-д. прибегла к
ции, чтобы сорвать первое большевистское выступление, это
ый факт [1]).

чит ли, однако, все это, что о книге г. Милюкова не стоит,
вается, и разговаривать? Отнюдь нет. Г. Милюков говорит все
е „предисловии", что его цель в этой книге „идет дальше лич-
оминаний". До цели он не дошел. Но в более тесных пределах,
и он не хотел ограничиваться, именно в пределах „воспомина-
ига, мы сказали бы, необычайно ценна, как памятник понима-
і, лучше сказать, непонимания—революции 1917 года одним из
ых противников. А так как за г. Милюковым буржуазия шла
ва месяца революции по всем вопросам—и почти до октября
у из основных вопросов, по внешней политике, то его книга
одним из лучших источников для выяснения позиции **русской**
азии в 1917 году.

оть до самого октября 1917 года борьба сосредоточивалась
ух вопросов: **о земле и о мире. Исторически** оба во-
ли тесно связаны. Можно сказать, что, если бы вопрос о земле
чательно разрешен в 1905—1907 г.г., войны либо не было бы
бо она привела бы к своему непосредственному результату,
династии, гораздо скорее, причем непосредственным резуль-
ого падения был бы немедленный мир. В самом деле, что по-
эту галеру русскую **промышленную** буржуазию? Пред-
ебе на минуту, что в 1905 году крестьянин получил бы всю
оторая ему была нужна: перед русской промышленностью был
енний рынок такой емкости, что для заполнения его до краев
обились бы десятилетия. Даже того **частичного** подъема
после 1907 года,—подъема, который сложился отчасти путем
бжения" крестьянства из разгромленных помещичьих усадеб
ивали в те времена, вместе со снятыми в революционном
с барских полей урожаями и экономией от неплатежа аренды
ов, во 100 миллионов золотых рублей), отчасти, благодаря
им с начала века хлебным ценам, да двум исключительно
жатвам, 1908 и 1909-го годов—хватило на то, чтобы создать
енный подъем 1909—1913 г.г., в истории России неслыханный.
3 году русская промышленность, особенно текстильная, была
пике. Бес-искуситель, принимавший разные формы, отечествен-
остранные, то Пуанкаре и Эдуарда Грея, то Извольского и
а (очень настаивавшего на необходимости водрузить крест на
офии), нашел доступ к „общественному мнению", которое в
олее, чем где бы то ни было, было мнением крупного капи-
бственно, промышленность, как таковая, еще не нуждалась

—

онпя историн сказалась не только в этом. Книжка написана в 1918 году—
о время, когда г. Милюков был в кадетской партии ярестным сторонником
кой ориентации. Опять „над чем посмеешься, тому и поработаешь".

в войне,—но дворянская камарилья, как и в 1904 году, без войны и надеялась уже вести буржуазию в своем кильватере (образовани в 1912 году, „прогрессивной“ партии, опиравшейся именно на моско ских текстильщиков и обещавшей стать радикальнее кадетов, был для камарильи предостережением), буржуазия же, поставленная пере дилеммой: или довести до конца революцию 1905 года, или попытат счастья в новой военной авантюре, памятуя „безумие стихии“ в октя ре—декабре 1905 года, и, слегка попризабыв Мукден и Цусиму, охотне шла на второе, чем на первое. Что сама война оказалась выгоднейши предприятием, давая барыши втрое и вчетверо более мирных, это был уже приятным сюрпризом, который окончательно дал крепкие ног пошатывавшемуся в начале промышленному патриотизму [1]). Но и эт было достигнуто, не будем забывать, наполовину тем, что война, ради кальнейшим образом устранив всякого „иностранного“ конкурент (включая и Лодзь), отдала русского потребителя в полную кабал отечественному мануфактуристу, что равнялось косвенному расширени того же внутреннего рынка собственно для Московско-Владимирско промышленности; принудительная трезвость, оставлявшая в крестьян ском кармане пропивавшиеся ранее миллионы, действовала далее в то же направлении.

Эта историческая связь аграрного переворота и войны в 1917 году превратилась в практическую связь аграрного перево рота и мира. Что с революцией связывает крестьянство именно земля этого могли не видеть, уже с весны 1917 года, только слепые. То, что кадеты этого не видели, лучше всего другого характеризует истори ческую обреченность того класса, который они представляли. Но и те кто видел—эс-эры видели,—находились в положении достаточно труд ном. Тут не в том только дело, что губернией продолжали управлять помещики, из председателей управ превратившиеся в „губернских ко миссаров“—и не в моральной трусости и психологической зависимости от буржуазии руководящих эс-эровских кругов: все эти факты пра вильно отмечает лево-эс-эровский историк революции [2]), но не в них суть дела. Дать старику-крестьянину землю, держа на фронте его работников-сыновей, было так же невозможно, как не дать земли этим работникам, когда они воротятся с фронта. Земля и мир опять были связаны неразрывным клубком.

Все упиралось, таким образом, в вопрос о мире. Вот почему вокруг этого именно вопроса скопилось столько бешеной контр-рево люционной ненависти, до сих пор клокочущей, хотя уже три года, как вопрос разрешен. Вопроса о земле кадеты не видали; г. Милюкову понадобились те же три года, чтобы понять его задним числом—да и тут он оказался в меньшинстве кадетской партии. Вопрос о мире ка деты прекрасно видели с самого начала. Сделали ли они хотя начало попытки его разрешить?

В „Истории“ г. Милюкова все вертится около гласных и офи циальных заявлений временного правительства по этому поводу. „Вво дить читателя в интимную атмосферу событий, доступную только для их непосредственного участника, показалось бы и нескромно и черес

---

[1]) Гельферих в своей книжке о „Прологе войны“ („Die Vorgeschichte des Weltkrieges“ рассказывает, что Коковцев, представлявший очень обширные и влиятельные капиталистические круги, перед самым разрывом, за несколько дней, присылал в Берлин бывшего директора кредитной канцелярии Давыдова, чтобы как-нибудь уладить конфликт—но было уже поздно. См. стр. 188—198.

[2]) И. Штейнберг, „От февраля по октябрь 1917 г.“. Издательство „Скифы“ Берлин—Милан.

,бъективно", думает он. Мы, напротив, думаем, что только ная атмосфера", т.-е. вскрытие, без утайки, всего, что было, и дать изложению достаточную объективность.

; официальном воззвании к гражданам (от 28 марта ст. ст.) и в 18 апреля того же стиля), при которой воззвание было сообщено ікам, разрабатывались мотивы, преимущественно, „альтруисти-о" и во всяком случае „внеклассового" свойства. Воззвание ло, что „русский народ не допустит, чтобы родина его вышла икой борьбы униженной, подорванной в жизненных своих силах", еменное правительство будет „ограждать права нашей родины олном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших иков". Нота распространялась о „всенародном стремлении довести до решительной победы", каковое стремление, якобы, „лишь юсь, благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого". ология была, словом, чисто оборонческая: и если социали-оронцы могли обвинить г. Милюкова, что он потворствует чу-союзническому империализму, он мог ответить ссылкой на тельства" по отношению к правительствам, в составе которых здь, были социалисты. Не даром Альбер Тома как раз в это и был на-лицо в Петербурге. Свой, российский империализм прималкивал, но очень наивен был бы тот, кто подумал бы, что цего и нет уже больше на свете. Накануне отсылки ноты с пре-ими оборонческими фразами Милюков секретно телеграфировал му послу в Париже: „В виде компромисса (между нежеланием зского правительства пересматривать договоры и требованием листов" — Керенского и Чернова,— чтобы к такому пересмотру риступлено) Тома несколько дней тому назад предложил мне кову) передать воззвание правительства союзным государствам. люков) ответил, что сделаю это лишь в том случае, если буду , что содержание воззвания не вызовет никаких недоразу-й, в частности относительно нашего согласия будто отказаться от проливов".

так, для „ослов слева" из оборонческого лагеря говорились ческие фразы,—а для „дела" оставалась та самая импери-ская программа, на которой сорвалось правительство Нико-ежду тем, никаких иллюзий по этому поводу у г. Милюкова е могло. „По главному вопросу—о войне и мире—принципиаль-зногласия не было не только между Лениным и „Правдой", но у большевиками и более умеренными течениями империализма". енно признает он на стр. 89 своей книги. Под формулой „Кон-юполь и проливы" не подписался бы не только тогдашний „революционного оборончества" Стеклов, но не подписался бы тели: по крайней мере открыто ее отверг бы и Керенский. имели тут перед собою сомкнутый фронт пролетариата и ре-онной мелкой буржуазии, т.-е. сомкнутый фронт всей вской революции. И если г. Милюков исподтишка про-л свою формулу, то здесь могла скрываться лишь одна надежда: ть всю революцию, одурачить все массы, и шедшие за Лени-шедшие за Чхеидзе и Церетели. „Выдумает человека, да с ним т", сказано где-то об одном из персонажей Достоевского. Вы-своих „ослов слева", г. Милюков крепко в них уверовал—и за наказан лишением министерского портфеля.

разумило ли это его наследника? Из секретных телеграмм, кото-обменивались между собою итальянские дипломаты (и которые, перехвачены русскими агентами, имеются в копиях в секретном

архиве русского министра иностранных дел), мы давно знаем, что формулу „Константинополь и проливы" исповедывал и Терещенко [1]). Чрезвычайно ценно поэтому устраняющее всякую надобность в косвенных источниках признание г. Милюкова, что „политика Терещенки была, в сущности, лишь продолжением политики" самого г. Милюкова [2]). Вера в глупость „левых" и возможность их надувать до „победного конца" вовсе не была индивидуальной особенностью г. Милюкова,—это был догмат, исповедывавшийся всей кадетской партией.

Принято говорить, что партии и режимы падают вследствие их „ошибок". Множественное число здесь совершенно излишняя роскошь: за-глаза достаточно одной хорошей, основательной ошибки, чтобы партия или режим полетели к чорту. Отношение к миру и было такой основательной ошибкой кадетов. Был ли объективно для них разрешим этот вопрос? Германская революция показала, что да: германская буржуазия, для которой на карте стояло в тысячу раз больше, чем у русской, не дожидаясь спартаковского взрыва, начала мирные переговоры—и спаслась. Можно, конечно, сказать, что германскою буржуазией был в данном случае учтен опыт именно России: можно прибавить, что германский предприниматель, „работавший" на „собственные" капиталы, был больше хозяином у себя в доме, чем русский, „работавший" на капиталы, занятые у англичан и французов. Само собою разумеется, у всякой ошибки есть своя объективная подкладка—всякая ошибка исторически неизбежна. Но от этого она не перестает быть ошибкой, а ошибка не перестает быть источником гибели.

„Противоречия революции", о которых говорит подзаголовок I части труда г. Милюкова, на практике сводятся к ряду противоречий автора—с самим собою, с исторической истиной, с интересами своего класса и своей партии. История революции, объективная и научная, должна ответить на вопрос: почему было неизбежно, чтобы большевизм стал у власти в октябре 1917 года? Почему никакой другой исход революции был невозможен? Г. Милюков на этот вопрос не дает ответа,—наоборот, наивный читатель, который принял бы „Историю" г. Милюкова за подлинное историческое изложение, должен был бы счесть победу большевиков каким-то чудом злого колдуна. Но г. Милюков дает достаточный материал для ответа на другой, предварительный, так сказать, вопрос: почему кадеты должны были потерять власть? Можно сказать ему спасибо и за это.

М. Покровский.

---

1) См., напр., телеграмму Сониино Фасиотти (в Яссы, от 21/V) 1/VI.
2) Стр. 167 „Истории".

Легкомысленный путешественник [1].

Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы,—
Все терпят общую, по их словам, страду,
И грустно видеть, как иные бледны, слабы.
Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте.
Но надо б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель—в немецких сюртуках
Особенных фигур, бродящих между ними.
Нагайки у иных заметил я в руках...
Как быть? Не вразумить их средствами иными.
Натуры грубые...
. . . .
Я также наблюдал в окно моей кареты
И быт крестьянина: он нищеты далек.

(Н. Некрасов. Из путевых записок графа Гаран ского.)

Дурацкая поездка
Дураков на Бимини.

Гейне.

В конце лета и осенью 1920 года на долю меньшевистского пра-
льства Грузии выпало громадное счастье. В Грузию направилась
льно многочисленная делегация желтого 2 Интернационала. С этой
гацией поехал и вождь Интернационала № $2^1/_2$—К. Каутский.

Грузинская социал-демократия состояла в рядах 2 Интернацио-
; с другой стороны, вожди ее считали себя учениками Каутского.
ли промежуточной организации № $2^1/_2$ грузинские меньшевики ока-
обеим группам гостей горячий прием. Им показали Казбек, по словам
й (не коммунистической) газеты, „усердно дурманили им головы
тинским вином", а Каутского,—как он сообщает в своей бро-
е,—кормили даже медвежьим мясом.

Делегаты были растроганы. „Помните вы наши надежды, ибо
ия — единственная страна, во главе которой стоят социалисты.
а гибель будет нашей гибелью; ваша победа—наша победа", вос-
нул, обращаясь к грузинским меньшевикам, Гюисманс. Француз
дель выразился более ясно и определенно: „Грузия должна стать
лаве народностей Закавказья и освободить их от тех, кто уничто-
всякую свободу",—заявил он, возлагая таким образом на грузин-
меньшевиков обязанность борьбы с советской Россией, где, по
мнению, уничтожена всякая свобода.

---

[1] Настоящая статья тов. Мещерякова является частью брошюры, подготовляемой
ати.

Делегаты II Интернационала недолго оставались в Грузии.

Дольше остался там Каутский. Он прожил в Грузии около 3½ месяцев, „все видел, высмотрел", и, вернувшись в Германию, издал книжку, в которой рассказывает о своих „впечатлениях и наблюдениях"[1]).

В своей книжке Каутский приходит от Грузии в восторг. В Грузии „пролетариат держит в своих руках политическую власть или, если хотите, осуществляет свою диктатуру, без всякого терроризма, средствами и способами демократии",—пишет, он в начале предисловия.

То же повторяет он и на стр. 23 брошюры. „В Грузии нет диктатуры; там царит демократия",—утверждает он на стр. 52.

В Грузии осуществлена „полная свобода политических партий, полная свобода профессиональных союзов, свобода обсуждения вопросов, свобода пропаганды, коалиций и организаций", — пишет он на стр. 28. „За последние годы, когда от Рейна до Тихого Океана, почти повсюду вспыхивают кровавые восстания, Грузия, на-ряду с немецкой Австрией, представляет единственную (курсив мой *Н. М.*) страну, которая не видела подобных событий. Несколько попыток к восстаниям в отдаленных пограничных местностях на севере и на юге страны не заслуживают упоминания",—говорит Каутский на стр. 54.

Немудрено, что Каутскому „Грузия кажется раем". „Обязанность всех социал-демократов, — говорит он в конце своей брошюры, — стремиться к тому, чтобы взяли верх методы работы меньшевиков Грузии". А там, где у власти станет социал-демократическое правительство, „оно должно будет проводить те же принципы, которые проводило грузинское правительство, — оно должно будет учиться из грузинского опыта" (41).

Положение Грузии не только поучительно, но оно прямо блестяще. Да, именно таковым признает его Каутский. "Положение Грузии,—писал он в январе—феврале 1921 г.,—блестяще" (стр. 28).

Но оно не только блестяще: оно необыкновенно прочно. „В настоящее время, — писал он, — нет ни одного правительства, которое стояло бы так прочно, как грузинское" (45).

Я выписал далеко не все восторженные отзывы о меньшевистской Грузии, которыми переполнена брошюра Каутского.

Но если читатель брошюры захочет узнать, в чем состоит этот идеальный строй, который удалось осуществить грузинским меньшевикам, он мало узнает об этом из брошюры Каутского.

В предисловии Каутский говорит, что, живя в Грузии, он не знал ни русского, ни грузинского языка, а потому не мог входить в прямые сношения с „людьми из народа". С грузинскими коммунистами он совершенно не видался. Ни русских, ни грузинских газет не читал в подлиннике. Ему приходилось пользоваться переводчиками. В брошюре сведений о Грузии чрезвычайно мало, а то, что есть, сплошь и рядом в корне неверно.

Но широкие круги читателей этого не знают. — Каутский был в Грузии,—думают они.—Он сам видел то, что описывает. Он пришел к своим выводам на основании виденного и слышанного. Они могут поверить Каутскому и вместе с ними сожалеть о гибели прекрасной меньшевистской Грузии—этого уголка земного рая.

Мне тоже пришлось прожить в Грузии некоторое время и как раз то время, когда там жил Каутский. Я тоже видел этот уголок рая

---

[1]) Georgien. Eine socialdemokratische Bauernrepublik. Eindrucke und Beobachtungen von Karl Kautsky, Wien 1921.

юэтому, сделать то, чего не сделал сам Каутский: дать ряд ряд иллюстраций к его голословным утверждениям. А для ›бы читатель не заподозрил меня в том, что я неверно изла- гы, я постараюсь везде, где возможно, излагать эти факты грузинских газет [1]).

е буду следить за всеми положениями и утверждениями Каут- го было бы слишком длинно и скучно. Я возьму только не- важнейшие положения его и снабжу их надлежащими иллю- ш.

Земледелие Грузии.

зия—страна земледельческая, если под словом земледелие по- ie только посев зерновых растений, но и садоводство, вино- во, табаководство и т. п. По словам Каутского, крестьянство ет 80% населения Грузии. Эту цифру нужно признать несколько ıченной, так как одно только население городов (свыше 5 тыс. составляет более 20% всего населения. А, сверх того, надо во внимание рабочих (марганцевых и угольных копей, желез- ников и т. п.), работающих вне городов, всякие другие не- ские элементы, живущие в деревне, и т. п. Во всяком случае крестьянства останется от 70 до 75% всего населения.

же сделало за три с лишним года своей власти меньшевист- вительство Грузии в этой важнейшей отрасли промышленно- что оно пыталось по крайней мере сделать?

словам Каутского, земля была взята у помещиков, и им оста- лько такая часть, которую может обработать сам бывший по- его семья. Бывший грузинский помещик поэтому „живет те- дами рук своих" (стр. 46).

от, как действительно обстоит дело.

революции в Грузии были очень сильны пережитки старых ıых отношений. Значительная часть земли принадлежала по- . Крестьяне должны были или арендовать у них эту землю ıтать в качестве наемных рабочих.

же разрешило грузинское меньшевистское правительство ı вопрос?

ечение всего первого периода революции грузинские меньше- ıего не сделали в этом отношении. Они только кормили кре- ещаниями. То же пытались они делать и после октябрьской ıи в России. Но терпение крестьян истощилось: крестьяне ı самовольным захватом земли. Тогда меньшевистское прави- 16-го декабря 1917 года издало декрет о земле. Декрет этот ıят так называемым „закавказским комиссариатом", в состав , кроме меньшевиков, входили армянские дашнаки и азербей- : муссаватисты. Декрет этот был принят единогласно; за него ли и помещики. Уже один этот факт показывает, что новый давал ничего реального для крестьян.

ıошюра написана мною в Москве и в очень короткое время, которое уда- ь от других работ. В Москве я не могу найти всех материалов, которые не- ля работы. Кое-какие дополнительные сведения о меньшевистской Грузии ıйдет в моей брошюре—„В меньшевистском раю. Из впечатлений поездки Москва, Государственное Издательство, 1921 г. Тому же вопросу посвящена вышедшая книжка Ф. Махарадзе—„Диктатура меньшевистской партии в Москва, Государственное Издательство, 1921 года.

И, действительно, в этом должны были сознаться сами грузин(меньшевики. 15 февраля 1918 года глава грузинского правител(Ной Жордания заявил на заседании закавказского сейма: „Наш на еще не получил того основного, чего он с самого начала требова. во имя чего он вступил в ряды революции; еще не получил наш род разрешения аграрного вопроса. Мы имеем декреты, но они о лись на бумаге... И пока аграрный вопрос не будет вырешен... а хия будет развиваться и, может быть, эта анархия в конце кон нас захлестнет" [1]).

Недовольные меньшевистской болтовней, грузинские кресть продолжали угрожать новой революцией. Под давлением этой угр закавказский сейм издал 7 марта 1918 г. новый аграрный закон,— кон об определении нормы земли, оставляемой владельцам, и о ме к осуществлению земельной реформы".

Согласно § 2 этого закона каждый помещик может оставить из своего имения или 7 десятин виноградников, или 15 десятин п ли, или 40 десятин пастбищ. А в примечании говорится: „Губернс (окружным и областным) земельным комитетам предоставляется пр увеличивать в зависимости от местных условий определенну сей статье норму оставляемой владельцу земли при конфискации ний первой категории до 10 десятин, для второй категории до 2 для третьей категории до 50 десятин" [2])

Что значит в точности выражение „в зависимости от мест условий"—этого не знает сам Аллах. Земельным комитетам, кото состоят, конечно, не из крестьян, предоставляется широкое поле толкования этого выражения. И уж, конечно, помещиков они сво толкованиями не обижали.

Мало того. Вышеозначенную норму получит бывший владе имения, глава семьи. А если из его семьи кто-нибудь выделится, каждый такой выделившийся может получить себе такую же долю.

Но и этого мало. 2 мая 1918 года был издан новый, дополните ный земельный закон, параграф четвертый которого гласит:

„Конфискуемые у частных владельцев имения или части их, им щие особую народно-хозяйственную ценность, могут быть... оставл у прежнего владельца временно в интересах поддержания хоз ства на должной высоте". Под эту статью земельные комитеты мо конечно, подводить любую землю.

Но и этого все-таки мало. В разъяснении тифлисской земель управы мы находим новую попытку охранить права помещиков конфискации. Вот, что мы читаем в пункте восьмом этого разъяснения

„Конфискуемые у частных владельцев части виноградников мо быть оставлены у них временно в интересах поддержания хозяйства должной высоте, но с назначением арендной платы, поскольку мо ожидать выгод от виноградника".

Вопрос о „выгодах" будут решать опять те же земельные миссии, в которых сидят свои люди, которые помещиков, конечно, обидят.

Два последних „разъяснения" дают помещикам возможность хранить в своих руках лучшую часть их земель. Эта возможно предоставляется им, правда, временно. Но ведь буржуазия не допуск мысли, что революция может победить окончательно. Буржуазия и

---

[1]) Н. Н. Жордания. Доклады и речи, Тифлис 1919 г., стр. 66.

[2]) Сборник законов, инструкций и распоряжений по министерству земледелия. ' лис 1918 г., стр. 46.

вдеются, что им удастся овладеть революцией и установить жуазный порядок и уважение к буржуазной собственности. конфискации и экспроприации революции будут признаны ми, и помещики получат или свои прежние земли, или хорограждение за них. Важно удержать эти земли в своих руках ее время, чтобы пользоваться ими. Грузинские меньшевик верят в торжество пролетарской революции. Они также убео современная революция есть революция чисто буржуазная должны поэтому охранять интересы буржуазии. В одной речей в начале революции Н. Жордания откровенно сказал: осударство, существующее в рамках буржуазного общества, иаче будет вынуждено служить интересам буржуазии". Вот меньшевики и служат интересам буржуазии.

ресно, что Каутский в своей брошюре упоминает только о § 2 закона 7 марта 1918 года и ни слова не говорит ни о принему, ни о позднейших дополнениях и разъяснениях. Нехо-Каутский! Впрочем, может быть, сам Каутский не виноват, а те переводчики, которые так добросовестно знакомили его с е мешало бы г. Каутскому побеседовать с грузинскими комму-Они открыли бы ему глаза кое на что. Не мешает выслушисторопы.

ский говорит, что земля была экспроприирована в Грузии, о вознаграждения помещикам. Это верно. Но почему сделазинские меньшевики? Не потому, что они этого хотели, а о так заставило их сделать крестьянство. Грузинские меньше время оставались и остаются членами II Интернационала, уржуазию обижать не любит. Скрепя сердце уступили они. Газета „Сакартвелло" (орган грузинских национал-демопечатала в номере от 5 октября интересное письмо Г. Гвазаю его по газете „Грузия":

аницей Гвазава встретился однажды с главой II Интернаюисмансом и лидером грузинских меньшевиков, известным Церетели. Между Гюисмансом и Церетели произошел разговор:

'юисманс с удивлением заметил, обратившись к Ираклию

ак? Неужели вы бесплатно отобрали земли?

а, бесплатно.

совершили крупную ошибку,—заявил Гюисманс.—Безвозмездние имущества—большевистская программа, а не наша социалистов.

дите, Ираклий, истинный-то социалист оказывается я, а не вы... азава (национал-демократ).

лий опустил голову, не желая, очевидно, продолжать спор". грузинские меньшевики под давлением крестьян должны роприировать без вознаграждения помещикам. Но там, где они, как „истинные социалисты", старались провести возе.

внимание крестьянства было отвлечено законом 7 марта об отобрании помещичьей земли, грузинские меньшевики, под вели закон 17 марта 1918 года о реквизиции хозяйственгаря у помещиков. Параграф первый этого закона гласит: ным земельным комитетам, а где их нет—уполномоченным емледелия, предоставляется право отбирать при конфиска также живой и мертвый инвентарь, если они призна-

ют это нужным, за исключением части, необходимой самому дельцу для нужд хозяйства на оставляемой ему земле".

А вот параграф 2:

„За отобранный инвентарь (постройки, сельско-хозяйственные дукты и материалы, живой и мертвый инвентарь и т. д.) владе получает вознаграждение, определяемое в порядке, ус вленном министром земледелия" [1]).

Немудрено, что грузинские помещики охотно голосовали такие аграрные законы.

А г. Каутский ни слова не говорит и об этом законе. Нехор Каутский утверждает, что у грузинских помещиков была вся земля. Им было оставлено только то количество, которое они гут обработать собственными силами. Но хотелось бы мне видеть мещика, который сумеет обработать без применения наемного т 10 десятин виноградников или 20 десятин пашни. А ведь дополн и разъяснения к закону позволили многим помещикам сохрани своих руках значительно бо́льшее количество земли (в особенн виноградников). Немудрено, что грузинское крестьянство земли п не получило и по-прежнему должно существовать работая на чу землях. В этом признался сам глава грузинского правительства— Жордания. В своей речи, произнесенной в грузинской учредилке кабря 1920 года (Каутский был в это время в Грузии и должен знать про эту речь), Н. Жордания заявил: „90% мелкого крестьян Грузии вынуждены обрабатывать чужую землю или искать какой- другой заработок".

Не мудрено, что „в Хонском районе (Кут. губ.) год тому н образовался крестьянский союз, куда входят малоземельн безземельные крестьяне. Цель этого союза—сплотить вокруг себя земельных и малоземельных крестьян и противопоставить их объеди ную силу против землевладельцев, сдающих земли в аренду. С выработал определенные условия, на которых его члены должны б брать в аренду помещичьи земли. Помещики не согласились на условия, объявив их покушением на принцип частной собственно насилием над их волей и т. д. Тогда союз объявил им бойкот. П щики возмутились этим и потребовали, чтобы правительство мень виков вмешалось в дело и принудило крестьян подчиниться закон

Таковы действительные результаты аграрной реформы, прове ной грузинскими меньшевиками. Трудно сделать из этих факто выводы, которые сделал Каутский, доверчиво положившись на сказы, которые слышал от грузинских меньшевиков. Очевидно, „по кинские деревни" существуют и в Грузии в довольно значител количестве. Жестоко провели лукавые грузинские меньшевики св уважаемого учителя.

Газета „Мица" („Земля")—орган грузинских помещиков—в но от 30 ноября так характеризует эту аграрную реформу:

„Всем известно, что аграрная реформа г. Хомерика вызвала б шой шум своей запутанностью и несправедливостью. Кому оста одну норму, а кому две и три. Не было в распределении ника принципа, и даже сама земельная комиссия не знала, почему од интеллигенту давали одну норму, другому две, а третьего остав совершенно без нормы. Было много ошибок, но мы ничего не ска

---

[1]) Сборник законов, инструкций и разъяснений по министерству земледелия, лис 1918 г., стр. 51.

[2]) Ф. Макарадзе, стр. 46.

:ли бы эти земли переходили в руки беднейших крестьян, но и не происходит. Земли опять захвачены зажиточными, рые, владея в достаточной мере живым и мертвым ıнтарем, могут легко обрабатывать эти земли".

По словам т. Ф. Махарадзе, „грузинские крестьяне, когда им при, ближе ознакомиться с этой реформой (с земельным законом нских меньшевиков), выражались так: „Если этой реформе суждеуществиться, то не с помещичьих земель придется отрезать изи в пользу нас, а, наоборот, с наших, крестьянских земель" (стр. 44). рная реформа меньшевиков,—говорит он на стр. 45 своей книжки,— сла пользу лишь богатым, средним и крупным землевладельцам. ьянам, в особенности мелким, безземельным и малоземельным, она о или почти ничего не дала".

В этом признаются даже сами грузинские меньшевики. Вот что г, например, в номере от 24 октября грузинская меньшевистская ı, предназначенная для крестьянства:

„Приходится сказать правду, что земельный закон проводится в не с достаточной скоростью. Отобрание земель не везде еще чено, и если на этой почве с самого начала происходили нару закона, взяточничество, пристрастие и т. п., то такие же не-едливости имеют место и сегодня. Имеются примеры, когда в у какого-нибудь помещика для жены отведена отдельная норма, ıужа отдельная, для сестры отдельная и т. д. Имеются примеры, для мужа отведена норма в одном уезде, а для жены в другом". Вот аграрная политика, которую, по совету Каутского, должны ıдить все социал-демократы, когда они станут у власти. Вот грузинских меньшевиков, из которого должны учиться все со-цемократические партии.

А теперь подойдем к земельному вопросу с другой стороны—со ны агрикультуры. Посмотрим, что сделано в этой области груıми меньшевиками за три с лишним года их власти.

Каутский неоднократно повторяет в своей брошюре, что обязано социалистического правительства является поднятие произвоьности труда. Это бесспорно. Но что же сделало в этом напраи правительство грузинских меньшевиков? Какие уроки в этом ıении дает грузинский опыт?

Каутский доказывает, что земледелие в Грузии страшно отстало. эволюции в нем все еще применялись такие орудия, каких уже ıла больше даже отсталая Россия. Что же сделали для улучшеемледелия меньшевики?

Каутский не дает никаких указаний подобных улучшений. Да их ю. За три с лишним года меньшевики ничего не сделали в этом ıении. Тщетно искал я в грузинской литературе каких-нибудь ний на подобную работу. Найти мне ничего не удалось.

Каутский говорит о грузинских кооперативах. Но говорит исключьно о потребительской кооперации. О сельско-хозяйственной он ворит ни слова. Просматривая журнал грузинской кооперации авказская Кооперация"), издаваемый проф. Тотомианцем в Тифя и там ничего не нахожу об этих организациях. А между тем ко-хозяйственная кооперация могла бы многое сделать в деле щения техники земледелия.

Газета „Мица" („Земля", орган землевладельцев) в номере от аря пишет:

„В Грузии нет определенной земельной политики; об интенсифиı земледелия до сих пор никто не заботится. Не приходится при-

нимать во внимание начатую аграрную реформу, так как она не только не улучшила условий земледелия в Грузии, но наоборот—ухудшила... Деревня не имеет ни земледельческих орудий, ни кредита, ни опытных руководителей, ни инструкторов. Почти все агрономы сгруппировались в министерстве земледелия, и ни один из них не утруждает себя работой вне канцелярий. В прошлом году, в конце января, состоялся съезд всех деятелей агрономии Грузии, на котором был прочитан ряд докладов, вынесено много достойных внимания резолюций, но проходит год, а общество не видело еще плодов работ этого съезда. В декабре 1919 года состоялся съезд земских агрономов, которые должны были выработать план работы земского агрономического персонала, но последствий и этого съезда не видно. Предполагалось издание земледельческого журнала, но вышел только один номер; издательство этого журнала затем прекратилось".

Каутский указывает, что Грузия должна развить промышленность, которая могла бы перерабатывать продукты сельского хозяйства страны, как-то: сушильни для овощей, консервные заводы и т. п. Но и в этом отношении не сделано ровно ничего.

Можно привести, наоборот, факты, показывающие, что в области сельского хозяйства произошел за последние годы ряд ухудшений.

До войны площадь посевов продовольственных хлебов была в Грузии около 650 тысяч дес., а в 1919 г. площадь посева была только около 520 тыс. десятин, т.-е. на 130 тыс. дес. (на 20%) менее.

Урожай табака в Сухумском округе до войны достигал 600—700 тысяч пудов; под культурой табака было занято тогда до 8—9 тысяч дес. Урожай 1920 г. исчислялся только в 100 тыс. пуд., а площадь засева была не более 2 тыс. десятин. „Табаководство в Сухумском округе явно вырождается и идет на убыль с катастрофической быстротой",—говорит тифлисская газета „Слово" в номере от 26-го ноября 1920 года.

Оказывается, и в области агрикультурных мероприятий учиться у грузинских меньшевиков буквально нечему.

Н. Мещеряков.

В порядке дискуссии.

От примитивов к крайностям.

Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы. Кто Сей Царь славы?—Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани.

Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы. Кто Сей Царь славы?—Господин Единственный, Он— Царь славы (Псалом 23, 7—10).

Маркс и Энгельс. Святой Макс.

I.

цем вновь на ослика и отправимся в экскурсию по скалистому гу переходного времени: не пригоже на резвом коне гарцовать ı, мало исследованным тропкам: еще д-р Целль написал: „Осел. развито чувство местности".

. Б. и П. пишут: „За немногими исключениями марксизм эпотернационала, и в том числе каутскианский марксизм, не был ıительности ортодоксальным. Все учение о государстве было, ıлошь опошлено и у Бебеля, и у Каутского, и даже у Плеха говоря уже о других. Грехопадение Каутского и Кº не есть ıт их моментального безумия, а имеет свои глубокие историче)ни. Иначе может думать только поверхностный беллетрист,)ксист". Это ли не примитивная позиция, которую у вас, т.т. Б. жно и без коня, и без шашки отнять? Конечно, грех должен ›ся и развиться, прежде чем привести к падению. Но ведь не упрощенности дело; нужно определить момент зарождения гре отписываться: „глубокие (какая глубина? *В. С.*) исторические ıсторической эпохи. *В. С.*) корни". Я ссылался на марксистскую в эпоху **расцвета** II Ин—ла, указывая, что от этого наследства)люционные марксисты, не отказываемся, что мы считаем себя ıателями теории II Ин—ла его расцвета, а вы огульно отрицаеıизм во II Ин—ле.

г не примитивная оценка II Ин—ла[1]):

ıутскианство—не случайность, а социальный продукт противоре-ıн—ла, соединения верности марксизму на словах и подчинения низму на деле".

)рой Ин—л и в эпоху расцвета был оппортунистичен на деле на ближайшее воскресенье праздника 1 мая, мягкотелость в

---

[1]) Ленин и Зиновьев. „Социализм и война", 1915 г.

отношении Вандервельде, Бернштейна, с.-р...), но теория его (слова была ортодоксально марксистской.

Не зря т. Ленин бьет Каутского Каутским. Даже в вопросе о государстве II И—л не с самого начала стоял на почве оппортунизма Вот, напр., слова В. Либкнехта из речи в рейхстаге в 1893 г.: „Если Маркс говорил о диктатуре пролетариата, то мысль его состояла в том, что пролетариат, победоносная социал-демократия, должен сделать безвредными противников, чтобы иметь возможность осуществить новое общество с его новыми учреждениями". Под этим целиком подпишетесь и вы, т.т. Б. и П., ибо здесь есть все: во главе государства—пролетариат со своей партией, новые (а не от буржуазного государства принятые) учреждения и насилие.

Дальше он, обращаясь к рейхстагу, восклицает: „Разве вы не стараетесь сделать безвредными нас?.. Разве вы не давили нас 13 лет законом о социалистах? То, что было справедливо для нас, вы должны признать справедливым и по отношению к себе. Нечего лицемерить! Нечего так жеманиться! И у нас дело идет только о диктатуре против бунтовщиков. По правде говоря, я не особенно люблю диктатуру, но в гражданской войне ведь не до мирных условий... в гражданской войне правительство должно прибегать к диктатуре, оно вынуждено и и обязано ввести диктатуру". Вот революционный марксизм II И—ла старого, хорошего времени.

Мы—его преемники, продолжатели. Второй И—л эпохи расцвета даже в вопросе о государстве не так далек был от точки зрения Маркса-Энгельса, но уделял ему очень и очень мало внимания, так как „бытие" еще не указывало на близость нового государства—„государства будущего". Понадобились назойливые приставания депутатов правой и центра, чтобы Либкнехт высказался об этом будущем государстве диктатуры пролетариата. Лишь теперь, когда практика, бытие поставили нас непосредственно перед задачей строительства пролетарского государства, мы взялись за государственную теорию. Недаром именно Ленин, а не К. Либкнехт, не Лорио, является первым после Маркса-Энгельса (там „бытие"— Парижская Коммуна) теоретиком по „государству". Но и теперь даже мы не можем похвастаться совершенной теорией государства. У т. Ленина кое-чего не хватает, у т. Бухарина кое в чем ошибки. У него приведена фраза Оппенгеймера, что содержанием государства является „планомерная хозяйственная эксплоатация (Bewirtschaftung) подчиненной группы", и с таким определением т. Бухарин соглашается по существу. Так ли, т. Бухарин? А диктатуро-пролетарское государство тоже планомерно хозяйственно эксплоатирует подчиненную группу?

Либо здесь lapsus, либо неудачный перевод слова Bewirtschaftung [1]).

Почему же II И—л стал оппортунистичным? Ведь только „поверхностный беллетрист" может счесть грехопадение Каутского и К° результатом их „моментального безумия". Ну, к чему же так примитивно ставить вопрос, т.т. Б. и П.?

Что падение должно быть моментальным, это ясно для материалиста-диалектика, который хорошо знает о переходах количества в качество и обратно, о прыжках от одного состояния материи к другому. Таковым моментом стала война, когда нужно было от слова перейти к делу. Но до скачка, согласно диалектике, противоречие эволюционно развертывается. Этот процесс развертывания выражался в борьбе

---

[1]) Извиняюсь перед т. В. Вегером, что воспользовался его указанием на ошибку т. Бухарина, которая мною замечена не была.

еории) и дела, Каутского и Бернштейна, партии и профсоюзов.
к делу и сделал Каутского и К° в целом, а не в исключе-
рнштейнианцами. Излавливая меня в логическом противоречии,
П. не заметили в себе противоречия: если между Марксом и
нными революционными марксистами лежала во времени про-
о не есть ли наша теперешняя программа и тактика результат
„моментального безумия" на изнанку?

я меня лично ясно одно: т. Бухарин очень ревнив и ревнует он
м ко II И—лу. А помните, что сказал Сервантес: „Ревность
смотрит в подзорную трубу, делающую маленькие предметы
ми, карликов—гигантами, подозрения—истинами".

результате же—утверждения категорически-императивные, в
как бы не остаться т. Бухарину в качестве Единственного.

II.

> Раз санкт-Макс не обращает внимания на физическую и социальную „жизнь" индивида, вообще не говорит о жизни, то он вполне последовательно абстрагируется от исторических эпох, национальностей классов и т. д., или, что то же самое, принимает господствующее **сознание** наиболее близкого ему класса в окружающей его среде за нормальное сознание „человеческой жизни".
>
> *Маркс и Энгельс*, Святой Макс.

ерь—о „производственных отношениях". Мы, мол, говорим о не-
ости разрушения буржуазной государственной власти и созда-
ой, пролетарской, а Гильфердинг рассуждает о том, „что за-
сти банков („головки") пролетариатом передаст в распоряжение
его всю промышленность", ибо банки суть узловые станции
ппарата". Во-1-х, т.т. Б. и П., Гильфердинг говорит об условиях,
щих захват власти и удержание его, и не пишет трактата на
кономика переходного времени", а во-2-х, вы подозрение пре-
в „истину", исковеркав Гильфердинга. Вот его („из первых
ова в последней главе „Финансового капитала": „Овладение
крупными берлинскими банками уже в настоящее время было
осильно овладению важнейшими (а не всеми *В. С.*) сферами
(а не всей *В. С.*) промышленности и до чрезвычайности об-
бы первые шаги политики социализма в тот переходный пе-
гда капиталистический метод счетоводства представляется еще
бразным". Ревность заставляет т. Бухарина плохо читать. Но где
из производственных отношений переходного времени, спро-
? Отвечу по-бухарински (Чаянову): „А какое право вы имеете
ть от Гильфердинга анализа отношений этой эпохи, когда он
совсем о другом". Однако и в „Фин. капитале" есть страницы,
нные „людскому аппарату" [1]), и здесь Гильфердинг далеко не
митивен, как т. Бухарин. Чтоб убедиться в этом, достаточно
главы 23 и 25 „Фин. к—ла". Место не позволяет мне приво-
таты (пусть читатель не поленится прочесть последние 5 стр.

статн об „аппарате". Напрасно меня т.т. Б. и П. упрекают в произвольном
нии слова „аппарат". Мне, как экономисту, дающему отзыв на книгу эконо-
и в голову не приходило, что мой „аппарат" будет истолкован порою, как ве-
й. Ведь, у нас марксистов-экономистов идет разговор всегда о **людских**
х среди вещей: цифры нам помогают (порою саботируя) расшифровать стати-
ухгалтера, разбираться в архиве—служащие при нем и т. д.

этих глав), но укажу, что Гильфердинг там говорит об отношени пролетариату, технической и служилой интеллигенции—1) при круп капитализме, 2) при развитии акционерных компаний и 3) при финаı вом капитализме, а не „вообще".

В „Экономике..." же т. Бухарин дает схему производствен отношений вне времени и пространства и создает метафизическ теорию „аппарата" и „временного падения производительных си. переходный период". Вот уж действительно „санкт"-Макс на изнаı По России скроен весь мир. А, ведь, Россия-то первая, в ок жении, одна с 80°/₀ крестьян.

А будет ли применима ваша „общая" теория ко второй со ской стране хотя бы в теперешней (не говорю уж о 1922 или 1923 мировой конъюнктуре, когда мировой пролетариат не позволяет п вительствам вооруженной силой задавить революцию? В стране с мно численным и высокой квалификации рабочим классом? Каков там бу распад „аппарата"? Действительно ли и там кривая производительно обязательно будет падать, хотя бы накануне революции буржуа позакрыла 30, 40, 50 °/₀ фабрик и заводов? Или т.т. Б. и П. им в виду тот „временный" период, когда пролетариат выбивает винтові Керенских из Зимних дворцов? Но ведь этот период—революция хватывание власти), а не переходная эпоха (власть уже захвачена). Е говорить об этом периоде, то, право же, не стоило и огород городи

„Экономика..."—хорошая книга, и не критика т. Ольминск поколеблет ее значение, но ревнивый темперамент т. Бухарина вно в нее много подозрений, превращенных автором в „истины", много ней и от... Единственного.

Вот „Америка": „Именно так смотрел на дело и Маркс, когд рабочем классе, вышколенном, объединенном и организованном сам механизмом капиталистического производственного процесса, он ви, остов (курсив т. Б—на) будущих отношений производства и однов менно силу, которая эти отношения реализует" (следует большу сноска).

„Он (пролетариат. *В. С.*) поставит свою лучшую часть во гл культуры и сделает ее способной руководить теми великими эконо ческими преобразованиями, которые..." и т. д. Это—слова не Ед ственного после Маркса, а Каутского („Путь к власти"). Другая Амери сообщая читателю, что процесс капиталистического воспроизводс „есть в то же время процесс расширенного воспроизводства капита. стических противоречий", т. Бухарин с видом Единственного присо купляет: „Автор настоящей работы усиленно (стоило ли ломит в открытую дверь? *В. С.*) выдвигал эту точку зрения в книж „Мировое хоз. и империализм".

Нужно ли прибавлять, что эту же точку зрения усиленно ı двигали Плеханов, Каутский, Поль Лафарг и другие теоретики II И—.

Довольно. Мой ослик устал.

• А на счет стиля. Верно, не могу им похвалиться. Но в том мес где вы, т.т. Б. и П., меня попытались изловить, корректор просмот •выпал при наборе трех слов: переход „к (1) диктатуре (2) проле риата (3)". Беспристрастный критик заметил бы здесь не мою ошиб

А потом! Стоит ли придираться к стилю теперь, когда, пор и перечесть рукописи не удается? Этим я и объяснил ваши промахи сти

1) т. Сарабьянов „махает (машет? *В. С.*) шашкой", 2) конь т. С рабьянова оказывается то осликом (иная биологическая категори то дохлой кобылой (та же категория).

Вл. Сарабьянов.

›ящая потеха и настоящее мучение!

(Второй—и тоже веселый—ответ т. Сарабьянову.)

ростят нас „государственные мужи" всех возрастов и обоих і намерены продолжать полемику в прежнем стиле, от кото одят в благородное негодование английские гувернантки и итанные институтки. Товарищи, у которых в жилах течет ровь, а не мутная водица, не посетуют на нас за это: им бу- :е читать. Нельзя же слушать людей, чрезмерно напоминаю- іму, о которой писал Пушкин: „Богомольну нашу дуру, слищ- ›ну цензуру".

, мы приступаем. Раз тов. Сарабьянов снова—и притом со- сознательно—сел на „ослика", да еще сослался при этом на я, то нам ничего другого не оставалось, как пополнить свои относительно верховой езды на этих осликах. Мы раскрыли Кизнь животных" А. Брема (изд. „Общ. Польза", т. III, стр. 77) ıткнулись на следующее решающее место: „Настоящая і вместе с тем настоящее мучение,—говорит Богу- ,—иметь дело с погонщиками ослов. Невозможно ›бры они или злы, строптивы или услужливы, ленивы или ы, лукавы или...; они представляют собою смесь всевозмож- гв". При этом, натурально, они на все лады восхваляют ка- ›их осликов,—не цитируя, правда, д-ра Целля. Вот как они- льц эту процедуру восхваления:

„Посмотри, господин, на этого осла, которого я тебе пред- ›; ведь, это—настоящий паровоз! Сравни его с теми, которых іляют тебе другие погонщики. Они развалятся под тобой, ıу что это жалкие создания, а ты—сильный человек! Но мой Он побежит под тобою, как газель!" „Вот кахиринский —говорит другой,—его дед был самец газели, а праматерь— ı лошадь. Эй, ты, кахиринец, побеги и докажи господину, ı говорю правду! Не посрами своих родителей, иди с богом, газель, моя ласточка!" Третий хочет превзойти обоих, назы- воего осла „Бисмарком", „Мольтке" и т. п., и это продол- :я... до тех пор, пока путешественник не сядет на одного из ı. Тогда погонщик начинает дергать, толкать, бить осла или ть его заостренной на конце палкой, после чего только жи- ›е пускается галопом; сзади же бежит сам погонщик, крича, кая осла, ободряя его, болтая и надрывая свои легкие так :ак осел, бегущий перед ним".

ой картине, написанной рукой компетентного мастера, мы можем добавить.

I. „Униженные и оскорбленные“.

Тов. Сарабьянов, прежде всего, считает рыцарским долгом чести вступиться за в бозе почивший II Интернационал: „de mortuis aut bene aut nihil“ („о покойниках можно говорить или только хорошее, или не следует говорить ничего“). Однако, мы полагаем, что далеко не все заповеди классического мира пригодны для наиболее революционной партии нашего времени. И уже во всяком случае вряд ли мы обязаны сохранять благочестивый пиетет по отношению к бедненьким „униженным и оскорбленным“ героям II Интернационала.

Самая постановка вопроса тов. Сарабьяновым есть немарксистская, антидиалектическая постановка вопроса. Мы писали, что марксизм II Интернационала, „за немногими исключениями“ не был в действительности ортодоксальным. Тов. Сарабьянов пишет: „Вы огульно отрицаете марксизм во II Интернационале“. Но, позвольте, тов. Сарабьянов: вы так любите „непримитивные“ постановки вопроса, что должны бы были заметить некоторую разницу... ну, скажем, в „оттенках“ между этими двумя положениями. „Огульно отрицать“,—это значит отрицать какие бы то ни было элементы марксизма в идеологии II Интернационала. Говорить, что марксизм этой эпохи в общем и целом не был ортодоксальным,—это значит утверждать отсутствие некоторых очень существенных элементов марксизма в данной идеологии. Неужели эта элементарная разница вам не ясна?

Любая идеология, как определенная система логически сформулированных положений, претерпевает процесс изменения, „линяет“ Взять, напр., хотя бы кантианство. Всем известны споры об „историческом“ Канте; всем известно, какие различные интерпретации претерпевал великий буржуазный философ со стороны эпигонов. Но было бы нелепо отрицать, да еще „огулом“, все черты „исторического“ Канта у его неокантианских истолкователей. Логическая преемственность здесь сохраняется. С социологической точки зрения изменения, модификации, варианты, несколько иной строй мысли поправки и поправочки,—все это объясняется влиянием изменяющихся общественных условий, рефлексом которых является идеологическая жизнь. При таких условиях „огульное отрицание“, это—явная бессмыслица. Тов. Сарабьянову, должно быть известно, что даже гегелевское „отрицание“ в триаде вовсе не есть голое „изничтожение“,— иначе в сущности не было бы и никакого развития. Другими словами, когда мы „отрицаем“ марксизм в идеологии II Интернационала, то отрицание его носит относительный характер. Это совершенно точно формулировано в положении, что марксизм II Интернационала не был ортодоксальным, т.-е. что в нем не хватало элементов бывших у „исторического“ Маркса.

С этой точки зрения и нужно давать оценку идеологии II Интернационала в ее типическом проявлении, т.-е., прежде всего, в сочинениях Каутского.

Марксизм возник в эпоху революционных бурь. Это наложило на него неизгладимую печать. Он сформировался, как поистине революционная теория. Затем капиталистический мир вступил в длительную фазу „мирного“ развития. Мы не будем здесь говорить о всех социальных явлениях, связанных с этим фактом: они достаточно выяснены революционно-марксистской критикой последних годов. Получило ли этот основной общественный факт какое-нибудь выражение в

логии рабочих партий и в идеологии марксизма? Конечно, да. II рвую очередь произошло „линяние" марксизма в вопросе о государстве. Это, тов. Сарабьянов, вовсе не пустячок. Маркс где-то говоследующее (цитируем, за недостатком времени на память, за смысл емся): „Мое учение состоит не только в учении о классовой борьбе. знали и до меня. Оно состоит в том, что общественное развитие г к диктатуре пролетариата". Отсюда ясно, какое громадзначение придавал Маркс учению о государстве. Является ли этот ос решающим при оценке ортодоксальности теории? Мы пом, что да. Пусть тов. Сарабьянов попробует опровергнуть это жение. Как только он начнет „опровергать", — сразу очутится в м лагере с Каутским, и притом даже с Каутским не „эпохи рас1", а, так сказать, с Каутским грузинской эпохи. Что же по этому осу говорит т. Сарабьянов? Слушайте: „Даже в вопросе о госутве (это „даже" прямо восхитительно! „даже" в таком „пустячке", вопрос о государстве! *Н. Б.*) II Интернационал не с самого на- а стоял на почве оппортунизма". Позвольте, тов. Сарабьянов! Вы, режете себя без ножа! Предположим, что II Интернационал, о выражаясь, „ошибался" здесь „не с самого начала". Что же это ит? Это значит, что „в эпоху расцвета" он-таки ошибался. Не да ли? Но как раз это и нужно было вам опровергнуть! А легким сердцем, не моргнув глазом („ни один мускул не дрогнул о лице"), мой аргумент против вас приводите, как свой аргупротив меня. Но разве это не „настоящая потеха"?! Ваша эрисская методология прямо поразительна. В предыдущей статье мы зали, что вы бьете челом нашим же добром. Теперь вы делаете е самое. Это говорит, правда, о своеобразном монизме вашего ения, но мы не думаем, что это можно назвать марксистской одетелью.

Замечательны также „детали" аргументации тов. Сарабьянова. говорят: Каутский и Плеханов, виднейшие, типичнейшие представи „эпохи расцвета" II Интернационала изменили ортодоксальному сизму в одном из основных вопросов теории. А он „опроет" это ссылкой на парламентскую речь Вильгельма Либкнехта. йтесь бога, тов. Сарабьянов! Что старый Либкнехт был революером,—в это мы верим. Но что В. Либкнехт был теоретиком итернационала,—это „нехай вѐрит" тов. Сарабьянов. Но даже и тут оуживается непонимание тов. Сарабьяновым самой теоретичей проблемы (предварительное разрушение старого аппао чем в речи Либкнехта ни звука).

„Второй И—л эпохи расцвета,—пишет тов. Сарабьянов,—даже просе о государстве (это „даже" преследует тов. Сарабьянова о, как злой рок! *Н. Б.*) не так далек был от точки зрения Марксальса, но уделял ему очень мало внимания, так как „бытие" еще казывало на близость нового государства — „государства буду-".

Что здесь верного? Только одно: вопросом о государстве меньше мались, что при тогдашней обстановке „мирного" капитализма е и быть не могло. Но это вовсе не аргумент против нас. „Мир' характер капиталистического развития вызывал и практический, оретический поссибилизм, т.-е. реформизм. Это — в сти теории государства—выразилось 1) в том, что ею мало занись; 2) в том, что, поскольку ею занимались, скатывались оретическому реформизму (завоевание власти, как овлае буржуазным аппаратом, а не как его разрушение для по-

стройки нового). Отступлений от ортодоксального марксизма был „эпоху расцвета" II Интернационала сколько угодно. Нужна была специальная работа по истории марксизма, чтобы дать полный ана каутскианских извращений теории Маркса. Особенно это каса представлений о демократии, о демократических партиях, о пере ном периоде, о государстве вообще и т. д. Теперь нельзя, напр., смеха читать наивно-нелепые рассуждения Каутского в „Социаль революции" о всеобщей стачке, о механике завоевания власти и т Можно было бы без особого труда обнаружить и фаталистичес уклоны в теории исторического материализма, как он трактова столпами II Интернационала. Такая работа нужна, и мы надеемся, она будет в свое время сделана.

Теперь несколько слов о „падении" Каутского. Вот точная тата из нашей статьи:

„Грехопадение Каутского и К° не есть результат их момент ного безумия, а имеет свои глубокие исторические корни". Увидев „корни", милый ослик тов. Сарабьянова тотчас начинает крич на- на!

„Что падение должно быть моментальным, — это ясно для териалиста-диалектика". Не знаем. По учению астрономов, плане напр., постоянно „падают" и занимаются этим делом довольно да Но у нас речь шла о грехопадении, и притом о соверше определенном грехопадении: о гнусности голосования за креди Это нужно объяснить. Тов. Сарабьянов нападает на „глубокие кор конечно, только для того, чтобы поговорить о них от своего им это, как мы видели, обычный прием: c'est son métier. Но забавно деть, как он обосновывает „грехопадение": был, видите ли, хоро Каутский и плохой Бернштейн, хорошая партия и плохие профсо хорошая теория и плохая практика, хорошие слова и плохие д А когда нужно было действовать, то вторые половинки противоре сразу осилили первые. Каутский диалектически превратился в Бе штейна. Не правда ли, удачная теория? Каутский заразился бернш нианством в 24 часа! Хороша диалектика! Хорошо объяснение!

Поищем, однако, действительной связи вещей. В чем был ска 4 августа 1914 года? В отношении к буржуазному отечеству его защите. Но буржуазное отечество это есть псевдоним б жуазного государства. Теперь, быть может, тов. Сарабья начинает понимать, где собака зарыта: ведь у его ослика „хоро чувство местности". Нет? Так мы вам охотно поясним.

Если в „эпоху расцвета II Интернационала" марксизм эпиго извращая теорию государства Маркса-Энгельса, представлял себе воевание власти, как овладение аппаратом буржуазного государс то совершенно логично этот же марксизм эпигонов должен был лать вывод о его защите: ведь этот аппарат станет нашим! Ведь п летариат заинтересован в том, чтобы уберечь его от разрушения! „ люсенькая" (по Сарабьянову) ошибочка в теории государства ло чески вела к августовскому позору. Неправда, что здесь теория п тиворечила практике. Изменническая теория вела к такому же по дению. Оборончество было необходимейшим выводом из оппорту стической теории, на точку зрения которой II Интернационал стал с „самого начала", но которую он вполне „усвоил" ко времени сво расцвета. Кто этого не понимает, тот не видит идеологических кор краха II Интернационала.

Отметим еще один маленький пассаж по этому же пункту. Т Сарабьянов извиняется перед тов. Вегером за то, что воспользова

м последнего автора на мою „ошибку“. Ошибка состоит вот

іего (т.-е. у меня. *Н. Б.*) **приведена фраза Оппенгеймера, что ием государства является планомерная хозяйственная эксплоа-** wirtschaftung) подчиненной группы, и с таким определением ш соглашается по существу. Так ли, т. Бухарин? А дикта-іетарское (!!) государство тоже планомерно хозяйственно **атирует подчиненную группу?** Либо здесь lapsus, либо не-**перевод слова Bewirtschaftung“.**

эдим справку. Раскрываем „Экономику перех. периода“ и на итаем:

іболее близко к истине стоят из буржуазных исследователей ч и Оппенгеймер, находящиеся под сильным влиянием Дю-іпенгеймер определяет „историческое государство“ ім образом“... (далее цитата и „одобрительный отзыв“ с моей

бы тов. Сарабьянов потрудился читать, он не пропустил слов: „историческое государство“. Под этим Оппен-ізумеет государственные формы *до* пролетарской диктатуры. и говорится в моей книге. Но тов. Сарабьянов упорно не гать: он любит критиковать „с размаху“ и „вообще“. Стоит эм деле, трудиться?..

товарищи-критики желают во что бы то ни стало быть га-, то извиняться нужно не тов. Сарабьянову перед т. Вегером, гeру перед Сарабьяновым: не посмотрев в святцы, не бухайте, и, в колокола!

авливая меня в логическом противоречии,—пишет далее тов. эв,—т.т. Б. и П. не заметили в себе противоречия: если между и современными рев. марксистами лежала во времени про-не есть ли наша теперешняя программа и тактика результат юментального безумия“ на изнанку?“

вопрошает тов. Сарабьянов и думает, что это очень ехидно. И здесь мы должны сделать ему все тот же упрек: „Тоска эв. Сарабьянов! Настоящее мученье! Ну, почему же, почему дь вас люби, не читаете того, что вы критикуете?“ Ведь у рится об „исключениях“. Ортодоксальная струя была и рнационале. Она наиболее ярко проявлялась как раз в рус-ксизме, отчасти польском, затем лево-радикальном герман-мы были париями во II Интернационале, — неужели вы . Сарабьянов, не знаете? Еще в 1912 году, на партейтаге в нашему Ц. К. приходилось доказывать, что Россия не в Цен-Африке, и что большевизм не есть бандитизм. Но тов. Са-готов позабыть все факты, лишь бы охранить священные вижников оппортунизма. Бедняжки! Ведь те из них, кто студили горло в теперешнюю грозу!..

нец, последнее замечание по сему пункту. Тов. Сарабьянов иеня в ревности. Если речь идет о той ревности, о которой в известных тезисах тов. Коллонтай, то я совершенно со-э это есть чувство зоологическое, устарелое и недостойное а. Я категорически отклоняю от себя обвинение в такой рев-у христиан была „ревность о господе“, у марксистов—„рев-арксизме“. За эту „ревность“ я голосую обеими руками, ибо ревности“ не может развиваться наша теория.

II. „Чувство местности“, Гильфердинг и произв(
ственные отношения.

У сарабьяновского ослика, пожалуй, действительно развито „ч ство местности“. Все товарищи, читавшие нашу предыдущую ста о „кавалерийском рейде“ тов. Сарабьянова, видели, что нашему к тику было брошено очень резкое обвинение. Тов. Сарабьянов списывал наши мысли и приводил их против нас. Мы-то старались у чить его! Печатали в два столбца цитаты из нашей книги и из рец зии Сарабьянова, сличали, приводили документы.

Злодей закован, обличен
И скоро смертию казнен...

Тов. Сарабьянов был, действительно, прижат к стене и изоб чен на месте преступления. „Что же вы можете, дорогой товар сказать в свое оправдание“?..

Но тут на помощь т. Сарабьянову приходит его ослик. Он тает головкой, хлопает ушками и бредет, как-будто ничего не слу лось, как-будто оных двух столбцов не было и в помине! Он ч что здесь он неизбежно свалится в пропасть, улепетывает от грех делает вид, что ничего не замечает. Но, тов. Сарабьянов, ведь гура умолчания не всегда помогает. Ибо мы-то не будем употребл фигуры умолчания по поводу **вашего** умолчания. **У вас нет** **вета на основное обвинение с нашей стороны.** Вы вы мали „примитивность“ и побивали эту, вами сочиненную, примит ность при помощи наших же мыслей, выданных вами за свои. И сле того, как у вас не нашлось ни одного слова ответа по **это** поводу, вы смело называете свой второй рейд: „От примитивов к кр ностям“. Или вы думаете, что и в наш век „смелость города бере

Смелость тов. Сарабьянова, однако, идет еще дальше. Он по утомительной прогулки по II Интернационалу (с целью отвлечь в мание от **главного**), вдруг начинает обвинять нас в том, что „исковеркали“ Гильфердинга.

„Вы, — пишет т. Сарабьянов, — подозрение превратили в исти исковеркав Гильфердинга (бедный Гильфердинг! Хвала заступни Вот его („из первых рук“) слова в последней главе „Ф. К.“: „Ов дение шестью крупными берлинскими банками уже в настоящее вр было бы равносильно овладению важнейшеми (а не всеми. В. С.) с рами крупной (а не всей. В. С.) промышленности и до чрезвычай сти облегчило бы первые шаги политики социализма в тот перех ный период, когда капиталистический метод счетоводства пред(вляется еще целесообразным. Ревность заставляет т. Бухарина пл читать“.

Наш advocatus diaboli думает, что мы плохо читаем и что тата „из первых рук“ нас прямо убивает. Но убивает она не на(тов. **Сарабьянова.**

Тут только я должен по совести признаться: мне станови **скучно** вести полемику с тов. Сарабьяновым. Интересен спор с п тивником, который понимает и хочет понять проблему. А тов. рабьянов совершенно не отдает себе никакейшего отчета в том, же „спрашивается в задаче“. Он „рассуждает“ по Марго: „горч моего дяди здесь, а папа моего попугая там“; „шляпа короля в ле а я люблю играть на скрипке“.

Посмотрите, в самом деле. В чем видит исковеркание Гильфер-т. Сарабьянов? В чем виновата моя „ревность"? В том, видите го у Гильфердинга говорится не о всей промышленности, а только пной, и даже не о всей крупной, а только о важнейших ее отра- Но разве это на что-нибудь похоже? Разве в этой попугайской ости шел спор?

3 нашей книге мы выставили тезис: нельзя овладеть капита-ческими аппаратами, ибо они неизбежно распадаются: нельзя еть трестом, как целым, банком, как целым, банками в их связи мышленностью, как комплексом связей, ибо эти связи рвутся. оворит Гильфердинг? Он говорит: овладение банками равно-э овладению промышленностью. Неужели же вы, тов. Са-нов, не понимаете в чем дело? Я именно и оспариваю это са- овладение" промышленностью (тут совсем не важно, сколь- отраслями: не о том речь) путем „овладения" банками. Я счи-ито это положение Гильфердинга есть теоретический оппорту- такой же, как и социал-демократическая (а не ортодоксально-истская) теория овладения государственной машиной буржуазии. инный тов. Сарабьянов приводит цитату против себя—и в вос- он „убил" врагов II Интернационала („эпохи расцвета", нату-э).

1 опять-таки: ведь, нужно читать то, что критикуешь. А на ; „Экономики" мы точно формулируем мысль против „овладения":

... Отсюда ясно, что „завоевать" (resp. „овладеть". *Н. Б.*) старые мические аппараты целиком нельзя" (курсив книги. *Н. Б.*).

'ов. Сарабьянов имеет, конечно, полное право не соглашаться 1, но он не имеет права не знать (или притворяться, что не того, что пишет критикуемый им автор. Какое чувство заста-тов. Сарабьянова плохо читать (и обвинять нас в плохом чте- -это уж его дело: нам это не так интересно.

Iосмотрите теперь дальше. Тов. Сарабьянов со спокойным че-ишет: „В „Экономике" т. Бухарин дает схему производственных ений вне времени и пространства и создает метафизиче- теорию „аппарата" и временного (это вне времени-то! *Н. Б.*) па- производительных сил в переходный период".

Iитаешь — и глазам своим не веришь! Ну и храбрые критики! был Богумил Гольц в своем отзыве о погонщиках ослов: по-, „невозможно понять, добры они или злы, строптивы или услуж- ленивы или расторопны, лукавы или..."...

)ткрываем „Экономику". В самом начале III главы (центральной)вной в книге) имеется § 1: „Война и организация капиталисти- производственных отношений (государственный капитализм)".)да идет весь наш анализ. Кого хочет надуть тов. Сарабьянов? амом деле, читал ли он нашу книгу? А если читал, то как же хватает... лукавства преподносить свои благоглупости? Или, иожет, он полагает, что государственный капитализм—вневремен-1тегория? И мировая война тоже? И переходный от капитализма 1ализму период тоже?

Какой-то беспомощный набор обрывочных мыслей, обнаруживаю-олную невменяемость тов. Сарабьянова,—вот к чему сводится)итика.

Iора бы перестать разыгрывать сюсюкающих деточек. А разве сюсюканье, когда тов. Сарабьянов спрашивает:

„А будет ли применима ваша „общая" теория ко второй со-)й стране?.. Каков там будет распад „аппарата"? Действительно

ли и там кривая производительности обязательно будет падать?.. Или т.т. Б. и П. имеют в виду тот „временный“ период, когда пролетариат выбивает винтовкой Керенских из Зимних дворцов?.. Если говорить об этом, то не стоило и огород городить“.

На серию вот этаких вопросцев отвратительно отвечать. Все это подробно разобрано в книге. Там подробно говорится, почему связи капиталистического аппарата подгнивают, потом разрываются, потом некоторое время пребывают в разорванном состоянии; там рассказано, почему это будет типичным для пролетарской революции вообще; там упомянуты условия для исключений. А теперь товарищ рецензент, после одного полемического тура, спрашивает, как деточка: „А почему дядя? А почему стол? А почему ручка? А почему „почему“?

Прочтите еще раз книгу, но не во сне, а наяву. Тогда узнаете, „почему“.

В своей пылкой защите Каутского „непримитивный“ тов. Сарабьянов цитирует „Путь к власти“, где говорится, что „пролетариат поставит свою лучшую часть во главе культуры“. Разве это не то, что у вас, г-н Единственный?—вопрошает меня т. Сарабьянов.

Как тут не вспомнить Гретхен: „Наш пастор тоже это говорит, только другими словами“.

Разве после всего этого нетрудно увидеть на загадочной картине, которую представляет из себя критика со стороны тов. Сарабьянова, „где примитив“?

* * *

Ослик Сарабьянова „устал“. Еще бы! Коварный погонщик и толкал его, и бил, и колол „заостренной палкой“. Он заставлял его показывать фокусы, глотать шпаги, играть с огнем, прыгать через пропасти, читать по складам и доказывать, что дважды-два—пять. Бедное, милое животное! Ты исполнило свой долг по отношению к хозяину. Но, увы! Даже самый хороший ослик не может дать больше того, что он сам имеет.

Н. Бухарин.

Критика и библиография.

I.

150.000.000.

Государственное Издательство, Москва 1921 г.

Читателю, мало знакомому с поэзией, непонятно, кто автор этой книги. Мы оем секрет. Книга написана давно всем известным Вл. Маяковским.

«Сто пятьдесят миллионов говорят губами моими». (Поэтому Вл. Маяковский напечатал на книге своего имени.) Так начинает свою книгу Вл. Маяковский.

Мы начнем с того, что мы в этом... глубоко сомневаемся.

У ста пятидесяти миллионов населения сов. России достаточно своих губ. ы говорить о себе; у них больше мыслей, больше свежести, политической щенности и, что самое главное, отчетливого, простого и ясного, хотя и классово-ичного, подхода к жизни.

«Вся Россия курит только папиросы «Ада»!» — так читали мы на широких есках реклам.

«150.000.000... моими устами»—тоже реклама.

Какое дело Вл. Маяковскому, что этому никто не верит; он так думает, а на льное ему с высокого дерева наплевать.

На-ряду с этим он употребляет еще один новый трюк:

> Моей поэмы никто не сочинитель...
> И идея одна у нее.
> Сиять в нарастающее завтра.

То, что Вл. Маяковский начинает с «я», с рекламирования этого «я», это уже вычно. Ведь это же Маяковский индивидуалист, который хочет в свое оправ-ие за волосья притянуть к себе 150.000.000 «Иванов», ибо опереться на них, Маяковский это знает, пользительно.

Как же сияет поэма Маяковского в настающее завтра? Мы этого сияния не им. Может быть потому, что в ослеплении творчеством жизни, в бурном и тяжком оке строительства наши глаза привыкли к иному, к вырисовывающимся перспек-ам новых форм нашей жизни.

Маяковский во второй главе так рисует подъем масс, идущих творить рево-лию:

> Мы пришли сквозь столицы,
> сквозь тундры прорвались,
> прошагали сквозь грязи и лужищи
> Мы пришли миллионы
> миллионы трудящихся,
> миллионы работающих и служащих,
> мы спустились с гор,
> мы из леса сползлись
> мы пришли
> миллионы

миллионы скот. в
одичавших,
тупых,
голодных.

Какова цель прихода этих миллионов?

Мы тебя доканаем
мир романтик!
Вместо вер
в душе
электричество,
пар.
Вместо нищих
всех миров богатства прикарманьте.
Стар—убивать
на пепельницы черепа!

И дальше:

В диком разгроме
старое смыв
новый разгромим (прокатим громом А)
по миру миф.

И еще:

Мы возьмем
и придумаем
новые розы
розы столиц на лепестках площадей.
По каждой
тончайшей артерии
пустим
поэтических вымыслов феерические корабли.

А впечатление от всего этого таково:

Гром разодрал побережий уши
и брызги вметнулись земель за тридевять.
Когда Иван.
шаги обрушив.
пошел
грозою вселенную выдвинуть.

Пришли миллионы работающих и служащих, миллионы скотов (да будет немного стыдно Вл. Маяковскому), одичавших, тупых, голодных,—пришли доканать мир—романтик, прикарманить вместо нищих (тоже недурно) богатство всех миров, убивать старых, на пепельницы использовать черепа. а потом? Потом разгромить новый миф, придумать новые розы столиц на лепестках площадей (это то же, что надеть ноги на брюки), пустить поэтических вымыслов феерические корабли и, в заключение, представив из себя Всероссийского Ивана, выдвинуть этакой грозой вселенную.

Что вселенная этому удивится, в этом нет сомнения.

Сами посудите: встал со всех концов Всероссийский Иван, расколотил всю дребезгуху, накопил в душе вместо веры пар и электричество, понаделал из черепов пепельниц и сидит на бережку, покуривает, пускает кораблики феерические поэтических вымыслов, придумывает новые розы на лепестках столичных площадей и гремит по миру новый миф: дивись вселенная!

И вполне понятно, почему Вл. Маяковский говорит, что это де не моя поэма, это 150.000.000 говорят.

же думаем, что автором поэмы и ее языком является Вл. Маяковский, как
от 150 миллионов и с ними не связанная, ибо... революции Вл. Маяковский
лет и понять не может. И только этим может «выдивить» всех.

страниц поэмы говорят нам о том, как Вл. Маяковский воспринимает и революцию.

на этом стоит остановиться, ибо Маяковский не единица, а синтез ряда приятий,—представитель довольно крупного кадра людей, не нашедших себя ески, несмотря на великие космические сдвиги нашей жизни.

ть Маяковский кричит очень революционные слова, пусть он презирает и буржуазию всего мира, как он это делает и очень сочно и остро,—все же ся типичным продуктом узко-индивидуалистического восприятия и советолюции.

кно рукоплескать всякому, говорящему в стихах и прозе революционные то мы делали во все время революции.

.. сейчас момент и общеполитическое положение советской России заставь более серьезными и требовать за революционным словом твердой, идеочистой мысли и отчетливо выявленного содержания этой мысли. Маяковет агитационные и революционные вещи. Он—прекрасный сатирик; это ается главами 150.000.000, говорящими об Америке и Вильсоне, но и там ий представляет революцию, как взрыв животного гнева.

За миллиардершами
Гонялись грузовичищи.

ковский знает, что гражданская война—это боевое противопоставление красного цветов:

чемпионат
всемирной классовой борьбы.

полагает, что пролетариату и широким массам суждено историей закидать мпериалистический мир.

У того (империализма А.)
револьверы
в четыре курка,
сабля
в семьдесят лезвий гнута,
а у этого рука
и еще рука.

мало этого: эта «еще рука»

за пояс заткнута.

ие этакой позиции наверняка можно проснуться с синяками.
ура-коммунизм самого дурного пошиба.
всего этого видно, что настроен Маяковский зверски-революционно.

. он не понимает, что баррикадами не исчерпывается революция,—взрыв я народных масс,—Ивана по Маяковскому,—не есть вспышка магния. —длительный, мучительный, героический, непреодолимо упорный вместе есс многих долгих лет.

икады, взрывы, это—итоги, и для того, чтобы их понять, о них говорить, кая в формы поэтические, нужно знать, из каких цифр эти итоги сла-

ковский этого не знает. Его картины революции—картины внешнего воснаблюдение, но не органическая оценка, выросшая в самом процессе борьбы. ут: это дело политика, экономиста, ученого, а не поэта.

свободен? Старая песня.

Поэт революции должен быть созвучен революции. А таковым он может бы только тогда, когда он вышел из нее органически, а не пришел к ней в каче… постороннего свидетеля ее достижений.

А Маяковский именно таков.

Он схватывает революцию налету, внешне, отображает ее по-своему; это плохо, лишь бы он не останавливался в стремлении учиться не только чувствовать и понимать революцию.

Но он с места в карьер дерзает говорить за 150.000.000; это уже революцион… нахальство. Чтобы 150.000.000 говорили вашими устами, нужно очень и очень мног… Этого у Маяковского нет. Самонадеянностью нельзя прикрывать своего идеологи… ского убожества.

Пусть лучше Маяковский и многие, кто так же, как и он, пришли к революц… и славят ее, запомнят, что это налагает на всякого, берущего в этих целях перо руки, огромную ответственность. Нужно не плавать и кувыркаться по поверхности… итти в глубь к корням революции, впитываться от них. Или... или это будет рев… люционная поденка, которая хочет быть соколом.

Такая ей и цена.

К Маяковскому установилось определенное отношение: его или зверски ругаю… или, снисходительно посмеиваясь, похлопывают его «шалостям»: забавно ведь. Ма… ковский! Чудит!

Маяковский—несомненный и талантливый художник.

У него есть устремление к революции, к работе в ней и для нее.

И не похлопывать его по плечу надо.

Нужно, пора сказать, что мы вступаем в полосу революции культуры. И тогд… тогда нужно будет поэтам, художникам спросить себя: что я есмь и куда леж… путь мой? В это время нельзя будет прикрыться звонкой революционной фразой.

Это будет экзамен на звание художника революции.

И мы думаем, что у Маяковского будут шансы на это при условии, если … перестанет гаерничать, глубже вдумается, постарается не только почувствовать, … и понять революцию и ее огромную глубокую сущность.

Иначе он останется поденкой, которая хочет быть соколом.

Анчар.

О новой книге В. Г. Короленко.

(Владимир Короленко. «История моего современника». Том второй. Часть треть… четвертая и пятая. Книгоизд. «Задруга». 1920 г., 220 стр.).

Первая и вторая части «Истории моего современника», как известно, был… сначала напечатаны в «Русском Богатстве»; затем вышли в виде литературного пр… ложения к «Ниве» и отдельным томом в издании «Задруги». Третья, четвертая … пятая части появляются в сов. России впервые. Правда, в Одессе в 1918 году … период господства немцев второй том «Истории» уже появлялся в печати, но выше… в сокращенном и урезанном виде. Во всяком случае русский читатель с одесск… изданием незнаком, да и теперь книга В. Г. Короленко до него почти не дошла, та… как выпущена «Задругой» только в количестве 10.000 экземпляров.

В библиографической заметке трудно дать представление об этом прекрасно… художественном соколике старого литературного мира, уже отошедшего в прошлое… Эта книга последнего из могикан, современная памятка о лучших временах наше… художественного слова и о героических днях русской интеллигенции, полной всяче… ских иллюзий, но и идеализма горячей веры в народ и протеста против социальн… несправедливости.

Пред читателем—период 70-х годов, когда широкие круги учащейся молодеж… и интеллигенции—в том числе и Владимир Галактионович Короленко—были захва…

чены потоком революционного народничества. Об этом периоде В. Г. Коро-
:

перь нетрудно подвести итоги и той моральной правде, которую, впрочем, нны теперь отрицать, и ошибкам этого направления. Среди последних, авнейшая—это наивное представление о «народе», о его потенциальной мудрости, которая дремлет в его сознании и ждет только окончательной тобы проявить и скристаллизовать по своему подобию жизнь (стр. 24).

) же наивное представление, по мнению Короленко, имело и положительное ко вносило горячую веру и пафос:

социальной жизни есть свои предчувствия. Туча, действительно, лежала с нашей жизни с самого освобождения. Она еще не шевелилась. В ней не видно было даже зарниц и не слышно даже отдаленных раскатов, но тень уже ложилась оттенками на все предметы еще светящейся и сверка- и взгляды невольно обращались в ее сторону... Социальная несправедли- фактом, бьющим в глаза. От нее наиболее страдают те, кто наиболее ится, и все, без различия направлений, признают, что в этих же массах уже созрело какое-то слово, которое разрешает все сомнения... Народни о в наше поколение то, чего недоставало «мыслящим реалистам» предыду- вносило веру не в одни формулы, не в одни отвлеченности. Оно давало некоторую широкую, жизненную основу (стр. 25—27).

еление революционного народничества 70-х годов, как своего рода социаль- ествия, а состояния народной массы, как тучи на горизонте, которая еще елилась, но уже бросала свою тень на окружающее—превосходно с худо- стороны, хотя далеко не исчерпывает сложных взаимоотношений между семидесятниками. К сожалению, когда «слишком быт» был разрушен сь социальная катастрофа, положившая резкие, точные грани между раз- ассами русского населения, одними из первых, кто отряс свой прах не аивной веры в народ, но и от признания за народом права на то, что он ябре и позднее—были эпигоны народничества. Демос российский [в их ратился в охлос, революция—в бунт деклассированных элементов, а прин- енного народолюбия и демократизма странным образом сочетались с под- остранных интервентов, Колчака, Деникина и других черных воронов

ктеризуя состояние русского «образованного общества» в Кронштадте во ссе 193-х, В. Г. Короленко, между прочим, рассказывает:

же военное общество негодовало, дамы плакали. Идеалы социализма в улах прилежали горячее сочувствие, особенно женщин. Один офицер мтик, сделал как-то практический вывод:

), ведь, тогда, сударыни, все будут равны...

, что ж... Это так прекрасно,—перебили его женские голоса.

новат, я не кончил... Тогда, значит, не будет, например, ни кухарок, ни

кие лица вытянулись.

-а-а... Это в самом деле на практике неудобно... (стр. 94).

вной верой большинства народников случилось в наши дни нечто весьма то, что было с сердобольными дамами: когда «народ» приступил к «пра- ь многим, принявшим «общие формулы социализма», показалось это весьма и они отреклись от социализма, а народную «практику» наименовали й.

том месте В. Г. Короленко вспоминает, что еще Иван Аксаков любил речениям русских мужичков, «хотя,—прибавляет Короленко,—эти «му- щности были толстосумы из крестьян»... В умах народников нынешнего кого покроя, народ «богоносец» давно уже превратился в этих мужичков и они иногда не без успеха выступают идеологами этого «народа».

есоответствие в народничестве того, что было, с тем, что есть, особливо

резко чувствуется при чтении второго тома «Истории моего современника», тем боле что книга В. Г. Короленко, может быть, лучшее из литературных произведений это рода. Кроме того, написана она так, как будто не было ни февральских, ни октябр ских дней, ни последующей ожесточенной гражданской войны. Ни одного намека на жгучую современность и злободневность. Этим разрыв между прошлым народничеств и настоящим подчеркивается как бы сильней и делается еще ощутимей. В револ ционном народничестве 70-х годов много было наивной веры, иллюзий, фетишистско преклонения пред «народом» -современная теория революционного марксизма являет прямой противоположностью и своеобразной тогдашней идолизации «народа» и то дашним общим отвлеченным формулам социализма—но, перечитывая книгу Короленк мы—коммунисты—во многом будем чувствовать себя ближе и родственнее к револ ционному подполью 70-х годов, чем многие и многие из современных эпигонов наро ничества, подвизающихся в Париже, в Праге и в Риге.

Как художественный исторический документ 70-х годов, книга Короленко—вн всяких сравнений. Пред читателем встает Петровская академия тех дней, типы стары студентов и новых: министр Валуев и «светлейший князь» Ливен, первый арес Короленко во время «волнений» в Петровской академии, высылка в Вологду, черт тогдашней ссылки, переход в Кронштадт, военное кронштадтское общество того времени,- возвращение в Петербург, выстрел Засулич, убийство Мезенцова, второй арест В. Г. Коро ленко и черты тюремного быта 70-х годов; новые ссыльные скитания, царские держи морды в образе пристава Луки Сидоровича, упрятавшего Владимира Галактионович на край света в Березовские Починки, куда ни разу не заглядывало «серьезное началь ство» от сотворения мира. Целая галлерея портретов из самых различных слоев рус ского общества тогдашнего времени. Правда, по силе художественной изобразитель ности они уступают портретной галлерее первой и второй части той же «Истории» (вспомните бессмертную фигуру немца-учителя, склоняющего в состоянии самозабвени «желто-красный попугай»), но и здесь много яркости, а главное, благодаря и оживает, оживает плотью и кровью одна из самых интересных эпох нашей истории Превосходно очерчены фигуры: министра Валуева, «светлейшего князя» Ливена «разрушителя» студента Эдемского, Луки Лукича и т. д.

Между прочим, в очень теплых тонах вспоминает В. Г. Короленко о Кли менте Аркадьевиче Тимирязеве. Когда Владимира Галактионовича во время «бунта» в Петровской академии с товарищами, как «коноводов», удалили в особую комнат и приставили караул,—«вскоре,—рассказывает Короленко,—у наших запертых дверей послышался взволнованный голос профессора К. А. Тимирязева.—Вы не смеете не пропускать меня: я профессор и иду к своим студентам... Он был,—пишет далее В. Г.,—как-то по своему изящен во всем. Свои опыты над хлороформом (хлорофи лом? А. В.), доставившие ему европейскую известность, он даже с внешней стороны обставлял с художественным вкусом... У Тимирязева были особенные симпатические нити, соединявшие его со студентами... Мы чувствовали, что вопросы, занимавшие нас, интересуют и его. Кроме того, в его нервной речи слышалась искренняя горячая вера. Она относилась к науке и культуре, которые он отстаивал от охватывавшей нас волны «опростительства...» (стр. 44).

Книга В. Г. Короленко имеет огромное и автобиографическое значение. В высшей степени, например, ценны строки, написанные им «об определяющей минуте жизни». Было это на севере в Вологодской губ. по дороге на место ссылки.

— Из избы, куда за ямщиком ушел мой провожатый, вышел хозяин, вероятно, отец ямщика. Он был высок и моложав. У него были светлые рыжеватые волосы такие же небольшие рыжеватые усы и бородка. Он был широкоплеч и, повидимому, силен... но грудь у него была впалая и вся фигура странно гармонировала с этой никлющей жизнью, но все-таки золотушной северной природой. Он был без полушубка и в руках нес большой жбан... Подойдя к саням, он поклонился мне с какой-то неловкой и важной ласковостью.

— Испей, приятель, не побрезгуй: на праздник варили...—И он подал мне жбан с брагой. Я выпил и от души поблагодарил его. Когда он ушел, меня вдруг схватил-

особое ощущение глубокой нежности и любви к этому человеку, нет, ко
м людям, ко всей деревне с растрепанными под снегом крышами, ко всей
ерной бедной природе с ее белыми полями и темными лесами, с сумеречны
эимы, с живой весенней капелью, с застенной думой ее необъятных просторов...
юя сложилась так, что это захватывающее чувство мне пришлось пережить
е. Случись такая же минута и при таких же обстоятельствах на моей родине
и или же на Украйне, может быть, я бы почувствовал себя более украинцем
оследствии такие определяющие минуты связывались с великорусскими ил
ми впечатлениями... Теперь все, что я читал у Некрасова, у Тургенева, во
одничеокой литературе, внезапно вспыхнуло и осветило ощущение этих дне
но этой дороги двумя стенами дремучего леса, под рассказы о пустынны
их разорителях. И над всем как будто поднялся облик этого высокого, н
ме жденного богатыря, подходящего с величавым поклоном и приветливы
незнакомому гонимому человеку (стр. 67).

виняемся пред читателем за длинную выписку, но, для понимания характера
в литературного творчества В. Г., его художественного облика, приведенные
ают чрезвычайно много. Облик «высокого, но точно изможденного богатыря
лучших художественных вещах народника-писателя, ему отдал он свои лучшие
венные думы и образы, обвеянные тайгой, необъятными просторами и снегами
Сибири. Но, помимо этого, здесь наиболее выпукло выступает еще одна
рактерная для всей «Истории моего современника»: личному, интимному
иду придает характер общественной ценности и интереса. Это качество—редко
особенно редко в наши дни. Не так давно вышли «Записки мечтателей» № 2—
жением эпопея Андрея Белого «Я». Сколько в ней узко субъективного, ненуж-
ашего для читателя! Дело нисколько не меняется от того, что вещь А. Белого
эта, чем книга Короленко.

угая крайность чаще всего встречается у писателей нашего марксистского толка.
плошь и рядом претворение пережитого в личном, в своем, совсем отсутствует
аналогичные произведению В. Г. Короленко, бывают лишены необходимого
ального освещения, своего подхода, лишены бывают красочности и живост
юпадает душа эпохи и написанное напоминает хорошо и старательно отделан
окол.

этом смысле «История моего современника»—големкий пример и высокий
для подражания: в эпохе, воспроизводимой писателем, чувствуется живы
ивая жизнь и прежде всего своя человечная, праведная душа современника,
эм и своем преломляется общественно-ценное пережитого, а не случайное
ндивидуалистическое.

чему-то «Задруга» не признает новой орфографии. Конечно, «Задруга», выра
гко, не является издательством, стоящим на советской платформе, но для
бы оставить старое правописание, не нужно «осоветиться»; это поняли теперь
оторые публицисты из «Руля», рекомендующие признать «советское» право

заключение следует пожелать, чтобы Советская власть оказала непременно
е в новом издании «Истории моего современника» и не в размере десятка
земпляров.

Нурмин.

Быт в произведениях А. Неверова.

I.

Революционный период выдвинул ряд молодых пролетарских и крестьянских поэтов. Но мы только кое-что знаем о них. «Кузница», «Творчество», «Грядущее», «Художественное слово» дают очень редко и очень немного художественного материала. Среди этого материала и сильного и слабого больше стихов, небольших поэм, рассказиков, статеек о пролетарском искусстве, но нет больших художественных произведений, отражающих наше время, быт переживаемого времени. Получается такое впечатление, что художник-бытовик еще не родился; выдвигается тенденция, что художника-бытовика нет потому, что нет самого быта. Таким образом на очередь ставится очень важный вопрос: есть ли быт в условиях революционного времени.

В настоящей статье я беру произведения и, главным образом, пьесы А. Неверова не бессознательно [1]), во-первых потому, что мы еще не знаем других крупных бытовиков-художников последних лет, во-вторых, А. Неверов отображает революционный быт деревни, а многие из товарищей уверяют, что как раз трудно поверить в революционный быт именно в деревне.

Прежде чем подойти к анализу произведений А. Неверова, я попытаюсь установить точку зрения на быт вообще.

Мне всегда казалось, что мы отдаем быту слишком небольшую часть жизни человечества, суживаем суть быта до фотографических снимков. По моему мнению, товарищи, отрицая быт в революционные эпохи, тем самым отрицают и самую жизнь человечества данной эпохи. Ведь, в конце-то концов жизнь и быт имеют один источник—бытие человека. По мнению же многих доподлинный, неподдельный быт есть то, что мы видим в установившейся полосе жизни мещанского затишья, когда ничто не журкнет. В сферу быта включают: традиции, обычаи, верования, обряды, те страдания и радости, которые вытекают из условий этого быта. Если мы будем последовательны в выводах, то придем к очень печальному выводу, и бытом назовем только полосу застоя, топтанья на одном месте. В таком случае бытом назовем только 250 лет крепостного права, полосу с 1861 г. по 1905 г. и с 1905 г. по 1917 г. Полосы крестьянских восстаний, периоды революций, по толкованию этих товарищей бытом назвать уже нельзя. Поэтому они говорят, что гражданская война не может дать материал бытовику-художнику. Значит бытом надо считать не бытие и творческое сознание человеческого общества, а его вымирание, застой и смерть. Значит бытовику суждено вечно петь скорбные песни и лить слезы тоски и печали и отражать стоны умирающих.

Не красна же доля художника-бытовика—фотографировать мертвецов. Нет, для пролетарского писателя это определение не подходит, он не склонен оплакивать мертвецов, давать краски прогнившим полотнам. Он должен смотреть на быт иначе и первому определению противопоставить свое, второе. Он должен преодолеть две задачи: с одной стороны, сдвинуться во взгляде на быт с мертвой точки. С другой стороны, раздвинув рамки быта,—уничтожить буржуазного идола—«искусство для искусства». Поскольку живет человеческое общество и сталкивается одной частью с другой в борьбе за лучшее существование, поскольку оно выявляет в этой борьбе накопленный опыт и знание, а также представляет запас духовных сил и в процессе борьбы проходит этапы побед и поражений—сумма этого бытия составляет сущность быта. Наше время является моментом наивысшего напряжения творческих сил и выдвигает особый революционный быт, отображение которого мы сейчас увидим в творчестве А. Неверова...

---

[1]) Пьесы: «Бабы», «Гражданская война» и «Захарова смерть» получили премии на конкурсе в Москве, «Бабы»—1-ю, «Гражданская война» и «Захарова смерть»—2-ю.

II.

В произведениях дореволюционного периода, А. Неверов начал отображать люционный быт деревни. Но этого периода охватывать я не намерен. Меня сует больше всего быт революционный, и его вехи я попытаюсь нащупать последние произведения Неверова, который, по моему мнению, удачно л к изображению революционного быта.

В его прежних рассказах красной нитью проходит мотив: жизнь деревни — «серые Рассказ «Серые дни» (напечатан в «Русском Богатстве») говорит о серых днях и учительства. Но этот мотив чувствуется и в жизни крестьян и в жизни сельинтеллигенции. Крестьяне Неверова, спеленутые «серыми днями», гибят и господ только одну «музыку». Эта «музыка» класса угнетателей подни них озлобление и ненависть к звукам музыки. И мы видим из рассказа «а» (напечатан в «Современном Мире»), что крестьянину-батраку тошно слушать вдельников. Герой рассказа, пылая ненавистью к музыке, сжигает дом, откуда волны музыки. Но «преступники» А. Неверова не знают, во имя чего они преступления, не видят своей музыки, которую бы противопоставить барской. знают также, какое «последнее средство», чтобы, уничтожив барскую музыку. свою. Крестьянин из рассказа «Последнее средство» (напечатан в «Жизни для чтобы выйти из тупика, решает убить прохожего, у которого оказались деньги. период творчества Неверова, его первые шаги были близки к Чеховским моти уже тогда четко намечалась линия полного отрицания дореволюционного жизни деревни. Неверов, обладая большим чутьем, постепенно врезывался в на я, неуклонно созидающие канун великой революции. И особенно сильно выяв о настроение в пьесе «Бабы», которая вскрывает положение деревни в момент алистической войны. Этой пьесой А. Неверов положил для себя первые вехи ционного быта; с этого момента замечается перелом в творчестве А. Неверова. еход от «серых дней» сначала к брожению, потом к наивысшему напряжению сил.

Во-первых, мы видим, что новые «преступники» начинают сознавать, что у барскую «музыку» уничтожить нельзя, что уклад жизни не разломать двумя одиночки нужен массовый подъем. Во-вторых, мы видим в наличности только жение, стихийный протест против монархического строя и через империалисти войну «цивилизованных» народов Европы против тоже «цивилизованных» на Европы. Ужасы, творимые бешеной техникой в уничтожении человечества, ят границу и охватывают деревню. Во все углы жизни идет разруха, голод и смерть и болезни и нарушают казенную «тишь и гладь и Божью благодать», усыпляли крестьян и рабочих господа капиталисты. Этот момент и отражен еровым в «Бабах».

Старик Федор Гаврилыч в пьесе «Бабы» подводит итоги своего ужаса перед ыми безобразиями так.

— Каждый день хоронят. Не мужика, так бабу. Так и грудят. Равна-быть аная. Поедом ест. Всех мужиков уничтожит. Никто не останется. Будя! о-хо-хо! Пропадет все... Прахом... Так и рассыпется.

фронта пришел «по чистой» молодой односельчанин и умер. Его хоронят, а Гаврилыч подводит итоги.

— А он мне и говорит: «Совсем, говорит, дядя Федор, совсем... по чистой». Вот по чистой! Вычистили! Лежи вот теперь, пока Господь в трубу не загремит. й. А двор-то раскрытый, а ребятишки-то маленькие, а баба-то одна, а люди-то

И прав он, спрашивая с тоской:

— Не знаю, мои ребята как? Может быть, тоже по чистой пошли?...

И дальше мы видим приход других не «по чистой». Это несут иной ужас. Нам ет об этом гнусавая Марья.

Прасковья спрашивает Марью, которая обращалась к врачу:

— Что тебе сказали?

— Говорят: не вылечить.

— Значит страдать будешь?—спрашивает Авдотья.

— Ну да, страдать.

— Навек угостил, подлец!

Марья уже сознала свою ненужность и болит за ребенка:

— Я-то ничего, ребенком пугают. Тоже, бают, этакий будет... сиплый.

Этот простой и жуткий разговор колоний и выводы Федора Гаврилыча и в то же время выдвигает на поле зрения, на особое место женщину-крестьянку. И здесь А. Неверов умело подошел к быту и развернул картину „бабьей жизни". Ведь империалистическая война очистила деревни и села и баба осталась дома, как глава семьи и хозяйка, как лучшая выразительница протеста.

Тяжела доля работницы-крестьянки. Жестокость, работа без конца, темнота— вот удел женщины деревни. Ослепший от непосильного бремени глаз не видит исконного врага, и врагом своим крестьянка считает мужиков, таких же слепых, как и она. Сидя на завалинке, бабы говорят о своей женской доле:

— Они—черти, мужики-то,—говорит Анна.—Для нас один закон, а для них—другой закон. Нам нельзя, а им—можно. А по-моему, нельзя, так нельзя никому. А можно, так всем можно. Не досадно будет. А то накося. Выдумали... Написали....

И Авдотья не знает, кто выдумал, кто написал. Она способна только подводить итоги бабьей жизни:

— Я иногда лежу ночью и думаю: провалиться бы ей. Ни тебе радости, ни тебе свету. Люди говорят—любовь есть, а какая она? Пятнадцать лет прожила с мужем, не знаю. Ни разу не испытала. Только с брюхом хожу каждый год.

Даже героиня пьесы, Домна, не знает пути к освобождению женщины. Она только уверенно подходит к постановке вопроса.

— Ты погляди на нашу жизнь хорошенько,—говорит она измученной, избитой мужем Катерине.—Разве это жизнь? Разве люди мы? Не-ет, лошади. И цена нам лошадиная. Пока молодые и здоровые—едут на нас, а пятками, а как вытянут все жилы— со двора долой.

Но в Домне уже есть зацепка. Она понимает, что такие бабы, как и она— пока—покорные и терпеливые, темные—не могут себя освободить. Домна чувствует себя одинокой. С одной стороны, она не знает, какое отношение к освобождению женщины имеет мужчина, с другой стороны не имеет таких сообщниц, как сама.

Из пьесы не видно, что делать Домне. Автор не увлекается разрешением вопроса о раскрепощении женщины, как не дает разрешения вопроса, поставленного перед деревней империалистической войной. Деревня в то время разрешать эти вопросы не могла: там происходило нарастание недовольства, которое разрядилось сначала в феврале и окончательно в октябре 1917 года. Пьеса дает нам полное отражение того нарастания протеста, который должен был разрядиться революцией.

Октябрь подводит нас вплотную к главному врагу и рабочего и крестьянской бедноты—капиталистическому строю. Октябрьская революция сажает на скамью подсудимых не баб и мужиков, не Домну, Марью и Катерину, не Фильку, убившего отца, а сами мужики и бабы крепким союзом уже судят наемников капитала.

Изменилась ли деревня после октябрьской революции? На этот вопрос А. Неверов отвечает «Гражданской войной» и «Захаровой смертью». Эти две драмы имеют одно целое и о них приходится говорить, связывая одну с другой.

Здесь мы видим, что быт стихийного пассивного протеста и слепого негодования разбит. На смену пришел момент наивысшего напряжения сил, направленных на более определенные пути. Перед нами проходит ломка быта, намечаются иные уклоны в бытовом и психологическом отношениях. На огромном пространстве бывшей империи столкнулись два непримиримых врага: старый и новый мир, богачи и бедняки, старая психология и новая. Мы видим борьбу не на живот, а на смерть, и деревня втянута в эту борьбу, классовая борьба и там нашла себе почву.

В «Гражданской войне» Филька не один, не одна и Домна. Масса Филек, масса работниц. Путаницы уже много—крестьянство еще перепутано в расслоении и мелко-

заный элемент в некоторых местах преобладает, но это однако не устранило ...нской войны.

Она захватила все слои, все уголки деревенской глуши. В этой схватке рождаются ...рывы, выковываются характеры, прозревают слепые. И художник-бытовик в ...данской войне» рисует героем массу.

— Товарищи крестьяне,—кончит оратор.—Мы уходим дальше, вы остаетесь. Поддержите ли вы нас в последней решительной битве?

У революционных масс ответ один: «Поддержим. Поможем». Может быть, это ...л художника в угоду революции? Нет. Вспомним о деревне во время войны, ...нной стихийным протестом.

Если крестьянин, зовущий красноармейцев на борьбу, говорит: «Мой дед— ...ной. Крепче сжимайте винтовки». Если зовет на борьбу инвалид, говоря: ...вот нет. За что?.. Будет... Терпели». Если мать, потерявшая сына, ласкаясь ...дому красноармейцу, говорит: «Давай-ка я тебя поцелую... вместо сыночка... ...к ты мой...» И, наконец, когда мы слышим голос дрогнувшего: «Прощайте ...». Чувствуете ли вы ложь? надуманность? подтасовку фактов?

Смелый, беспристрастный художник имеет основную положительную черту— ...доказать, чтобы ему верили. Эту черту имеет А. Неверов. Он не ограничился «Гражданская война», а для доказательства своих мотивов написал «Захарову ...

Если вы возьмете «Захарову смерть», то почувствуете, как неумолимо новая ...завоевывает деревню. Захар — самодур-крестьянин, собственник и хозяйчик, ...нный ядом старого уклада жизни, неизбежно идет к смерти. В Захаре сидит сред... тготеющий к кулачеству, в Захаре вполне сформировавшийся старый быт, стар... ...гия. И вполне понятно, что он цепляется за кулака Максима и старшего сына— ...ика своей психологии—Семена и вооружается против революционера, второго ...Григорья. Надежда Захара—на себя и на деньги. Но он теряет свое влияни... ...естве—влияние завоевывает «компания» Григорья,— Захар теряет авторит... ...самодура и влияние в семье. Это—первые признаки его болезни, ...кте он в страхе сознается, что его «подрубили с двух сторон». Но у него ещ... ...на деньги. Деньги—последняя соломинка, и в 3-м акте мы видим уже ра... Захара, который истерически хватается за эту соломинку. Он уверяет себя, ...деньги его приютят и обласкают даже чужие. Но и последняя соломинка н... ...его. Не спасли его и казаки, на которых так рассчитывали Максим и Семен. ...ествовал Григорий и его товарищи, восторжествовала революция. Старая ...а жизнь потерпела полное крушение.

Здесь я не беру на себя задачу разбирать, насколько хорошо выведены герои, ...в целом сделана жюри конкурсов, но общее положение драмы в связи с пьесой ...нская война» намечает вехи революционного быта. В результате мы имеем ...: 1) распад общественного уклада, 2) распад семьи, 3) клас... борьбу в деревне и 4) победу новой идеологии.

Дальше в творчестве А. Неверова заметен характерный уклон, который в свою ... с одной стороны, указывает на сдвиг в самом авторе, с другой сторон... ...третью веху революционного быта. О таком уклоне говорят две одн... пьесы «Богомолы» и «Женское засилие» и 3-актная комедия «И смех и горе». ...х двух говорить не стану, потому что они не являются характерными, и ...напечатаны и в связи с комедией «И смех и горе» лишь отмечают новые пут... ...стве автора.

Возьмем первое—сдвиг в самом авторе и его настроении. Мы видим перед собой ...драмы, а шутки и комедию, не узлы, требующие драматической развязки, а ...ия, вызывающие смех.

Автор, дав две основные вехи революционного быта, стал всматриваться более ...в окружающее положение вещей и заметил в нем некоторое затишье. И это ...понятно. Гражданская война в целом на исходе, фронты удалены и накануне ...ции, мы накануне мирного труда и все чаще и больше говорим о производ...

стесной програмке. Этот лозунг становится одним из популярных. Но не все улеглось. Тени прошлого еще мнят себя живыми, скорашивются и том рождают в художнике настроения «и смеха и горя».

Затишье автор нашел в деревне среди сельского духовенства. И, вонзив свой анализ в тело умирающих, А. Неверов сказал: смотрите, рядом с героизмом сидит и «чванится» и „смех и горе".

Кое-кто говорит, что духовенство еще имеет влияние на широкие массы, что оно еще может сыграть свою роль. Мы знаем литературу, которая рисует героев из духовных особ, которые способны вести массы против революционных завоеваний. А. Неверов говорит обратное. Героев среди духовенства нет, активной силы за духовенством считать не приходится, авторитет его умер вместе с Захаром. Это сквозит по всей пьесе «И смех и горе». Автор ни на минуту не задумывается над вопросом, что духовенство еще сыграет свою роль. Наоборот, в комедии «И смех и горе» в закулисах духовенства бита «последняя шестерка», как ни старался хитрейший из попов, о. Захарий.

Попы, правда, еще имеют надежду, но умирающий быт Захара раскрошил последний камень силы и мощи духовенства. На что надеется оно? Не на религию ли и ее власть над массами? Нет. Оно ищет выхода в кооперативах, в стрижке волос, в подмазывании к комиссарам, кои в свою очередь подмазывались к партии и советскому строю. Это все. Больше никаких надежд нет—и в этом их «и смех и горе». Но тверда ли эта почва надежд на спасенье? На этот вопрос отвечает алкоголик дьякон, бичуя и себя и других.

В одном месте:

— Много вы врали, а одно слово правильное—бесхарактерные мы.

— Как послушаю вас, Захарий красноречивый, так опять мне хочется напиться.

И в другом месте он дает полную характеристику духовенства:

— Черепки вы разбитые... Колодцы безводные. Подойдешь к вам, думаешь жажду утолить, а заглянешь поглубже....

Дьякон не договаривает и машет рукой—и так все ясно.

И, наконец, тот же дьякон, в душе которого боль от своей ненужности и ничтожества, который не прячет в дыму свою ложь, пророчествует о полной гибели духовной касты:

— Все равно раздавит вас колесница революционная. Или мы должны вскочить на нее и крикнуть: «Гей! Дорогу!» или сидеть у моря.

Бессилие духовенства заключается или скорее дополняется разложением в самой семье духовной касты. Дьячок и дьякон определенно встают в оппозицию к попам. И это не случайно, не выдумано автором. Низший клир был угнетаем.

Захарий говорит про дьяконов:

— Дьякона все неудачники.

Дьячки пользовались земными благами, а следовательно, и правами в размере ¼ благ, приходящих на долю попов. Низшему клиру приходилось скорее почувствовать свое ничтожество и понять, что их ложь ничем нельзя оправдать, что самое лучшее теперь для них снять с себя «ржерисв».

На вопрос комиссара, каких дьякон убеждений, дьякон отвечает:

— Самых грустных. У меня одно убеждение, что человек я в высшей степени бесполезный и в некотором смысле даже вредный.

Получив трещину в семье, разложившись на «своих» и «врагов», духовенство мечет ва-банк с одними «шестерками».

Здесь А. Неверов подметил интересную бытовую деталь и отметил психологию обывателя, которая хочет основать свои положения на недостатках «механизма» Советской власти. Чтобы сильнее ударить духовенство по голове, автор избрал «недостатком механизма» не рядового советского служащего, а комиссара, около которого больше всего надежд устроиться. Судебная хроника отметила наличность таковых. Это примазавшиеся к партии и власти. Такой комиссар и выведен в пьесе и на него возлагали свои надежды попы: о. Михаил и о. Захарий. Они строят планы,

зовать комиссара Епифанова, который, по выражению дьячка, и «не коммунист, а фью», о. Михаил продает за удобства свою жену комиссару и ф. масла взятке.

ут-то ему, а есть-то будем мы.

сообщает он жене. Захарий, считающий убеждения «заячьей шерстью», годня серая, а завтра белая», расширяет свою программу и строит план ии комиссара.

ла он обращается к своим друзьям о просьбой:

Посодействуйте, други мои....

Захарий советует о. Михаилу подлаживаться:

если он (начальник из города) будет спрашивать, каких вы убеждений»?— Захарий Михаила. Захарий говорит, что нужно выражать сочувствие не тской власти, но и международному движению пролетариата. Он советует азать такую фразу:

усский пролетариат идет, мол, в контакте с III Интернационалом».

о поп Захарий, идя ва-банк, забыл одно, что в его селе комиссар— «сила», фабрики рабочий», к которому он подделывался, но не смог. Он забыл остатках механизма власти далеко не уедешь. Последняя шестерня была неожиданным образом—комиссара Епифанова арестуют и духовные остатого корыта. Дьячок радуется, что он «отмщен», дьякон снимает с себя ют заключительный аккорд пьесы.

ки уверениям, что бытовые вещи писать нельзя. Неверов их пишет. Трус еверный сказал: человеку не полететь птицей, а дерзнувший изобрел

мы, мол, знаем художников быта, может быть, они уже есть и скоро я,—жатвы много, но о Неверове можно смело сказать: уже вышел на полосу. Не разбирая в этой статье его, как техника-художника и стождая через его произведения сущность быта деревни, остается вскользь и имеет богатый, красочный язык, запас изобразительных средств и ительный анализ.

Л. Яровой.

Поэзия никитинцев.

арницы». Альманах Тверского Литературно-художественного о-ва имени итина. Книга первая. Тверь. 1920 г. 56 стр. Цена 100 руб.

Власов-Окский. «Рубиновое Завтра». Стихи. Брошюра шестая. Тверь стр. Цена 30 руб.

Власов-Окский. «Воскресшая земля». Стихотворения. «Красная Н. Гос. издат. 1920 г. 40 стр. Цена 20 руб.

Рогожин. «Листопад». Стихи. Книга первая. Тверь 1921 г. 48 стр. азана.

тав «Тверского Литературно-художественного общества имени И. С. Ни- Тверь 1920 г. 8 стр.

чале ноября 1919 года 24 вышедших из рабоче-крестьянской среды литеглаве с когда-то, гораздо более чем теперь, известным крестьянским пи- Д. Дрожжиным, собравшись на съезде писателей Тверской губернии, основу новому литературному обществу, назвав его «Тверское Литературнонное общество имени И. С. Никитина».

а лишь престарелого С. Д. Дрожжина, да председателя о-ва Н. С. Власо, хоть что-нибудь говорят читателю... Имена же остальных—Л. Мошина, ва, Н. Раменского, Н. Рогожина, К. Ковалева (я перечисляю лишь имена

[щ]их книга)... не говорят ничего, даже наиболее внимательному, даже наибол[ее] [ч]уткому к быту и жизни современной русской литературы...

Имена Дрожжина и Власова-Окского как-то неразрывно связаны с почте[н]ным наименованием «суриковцы» и, быть может, поэтому, а быть может и потому, ч[то] оба общества согласованно выступали на Московском совещании пролетарских пис[а]телей год назад, молодое Никитинское и маститое Суриковское общества, для бол[ь]шинства читающей публики, да и для большинства поэтов, кажутся чем-то одни[м] неразрывно и воедино связанным. Взгляд этот нам кажется в корне неправильны[м].

Суриковцы—в большинстве—писатели-самоучки, выходцы из крестьянско[й] [с]реды, забитые нашей дореволюционной действительностью, грустные певцы беспр[о]светной «доли бедняка»... Объединившиеся вокруг И. З. Сурикова в 70-х года[х] [я]рко мелькнувшие в 90-х и скоро забытые. Кого дали они нам?—Е. Нечаева, Ф. Шк[у]лева, С. Кошкарова, С. Ганьшина... и все, и не назовешь больше! Все одаренны[е] настоящим дарованием пролетарские писатели недолго оставались суриковцами.. [П]ример последних лет,—разве не доказателен.—Талантливые суриковцы В. Алексан[д]ровский, С. Обрадович и даже Е. Е. Нечаев променяли горькие песни суриков[ц]ев, на горны, ошибающейся, но все же талантливой—«Кузницы».

Не таковы никитинцы. Если Дрожжин все еще поет старые песни, то уж[е] Власов-Окский рвет оковы суриковщины, идет к новым далям яркого и бодрящег[о] творчества, а идущая за ним молодежь уже совершенно порвала с суриковщиной.

Никитинцы—преимущественно поэты, все три помещенные в «Зарницах» рас[с]каза—Власова-Окского, Синякова и Рогожина ученически слабы... Никитинцы ещ[е] не нашли новой дороги и пролетарии они лишь по происхождению, но отнюдь не п[о] творчеству. Творчество их все еще ноющее, все еще робко ищущее, все еще веюще[е] надсоновщиной и все еще далеко не свободное от влияния его последователей д[о] Ратгауза и Гиляровского включительно. Влияние народников Сурикова, Никитина, Белоусова, Дрожжина... почти не чувствуется в их стихотворениях...

Из трех вышедших за время существования о-ва книжек никитинцев 2—принадлежат Власову-Окскому и одна—Н. Рогожину.

Почти все стихи Рогожинского «Листопада» датированы 1913 и 1914 годами и лишь два последних, кстати довольно слабых, стихотворения помечены 1921 годом.

Размер Рогожинского стиха чрезвычайно однообразен, рифмовка почти во всех [ст]ихотворениях—первой строки с третьей, при чем 2-ая и 4-ая не рифмуется вовсе. Там, [г]де рифма выдержана, она на редкость убога:—цветы—ты; даль—печаль: цветы—мечты: мечты—ты; слезы—грезы: сени—сирени...

Зачастую встречаются у поэта и невозможные прозаизмы.—Хотя бы—

«Мили[с]т воля, полог неба надо мной» (стр. 12).

Не только Надсон и Бальмонт, но и Власов-Окский (стихотворение «Лунною ночью») оказали влияние на поэта, в общем бесхитростно слагающего свои очень убогие, но все же от души рвущиеся песни.

Хотелось бы видеть позднейшие стихи Н. Рогожина, ибо какой-то проблеск дарования нет-нет да и выглядывает в длинном ряде никому ненужных и слабых строчек. Вот, например, как в стихотворении «Залив» поэт описывает море:

«Гребни звонкие роняют
Горы яркой бирюзы» (стр. 24).

Право же это не плохо!

Если нет современности в стихах Н. Рогожина, то хоть отбавляй ее в стихотворениях Н. С. Власова-Окского. Тут и опролетаризованный Северянин и Бальмонт, «на народный лад» надсоно-ратгаузовщина и вместе со всем этим много молодого и неожиданного, а иногда и прямо-таки яркого. Избитые рифмы (слезы—грезы, цветы—красоты) нет-нет да и перемешиваются с рифмами новыми, а иногда и интересными («Крапы—трапы, гулы—карбункулы»)... Иногда мелькнет хороший образ, яркая строчка. Поэзия этих двух книг Власова-Окского может быть названа «Поэзия Мака».

ка алый, как и сама революция, и как сия кровавый, манящий и таин-
стречается почти во всех революционных стихотворениях поэта.
арницах» представлено 11 поэтов по 2--3 стихотворения каждый.
ешь эти стихотворения и не знаешь случайно ли неудачные стихи попали
или уж такова и должна быть эта никитинско-надсоновская поэзия...
рудно говорить по 2--3 стихотворениям о поэте, особенно о таком, имя кото-
шь впервые. Отмечу лишь очень хорошее стихотворение «Недопетая песня»,
-м году написанное и лишь теперь впервые напечатанное С. Д. Дрожжи-
го же последних стихотворений отмечу «Песню»—грустную песню старого

Кудри черные
Убелилися...
Очи ясные
Помутилися.
Все друзья мои
Спят могильным сном.

ожин не Никитин, не Суриков даже, но его простые и бесхитростные песни
ревней и, конечно, займут почетное место в истории русской поэзии, как
днего крестьянского поэта.
казать о поэзии никитинцев?

у суриковцев все в прошлом и от суриковцев мы уже ничего не ждем.
ницев, нам кажется, есть что-то молодое, пусть еще ошибающееся, пусть
м надсоновское, но искреннее и может быть талантливое.

Н. Захаров-Мэнский.

Взаимодействие или монизм.

ука об общественной жизни (Социология). К. М. Тахтарев. Стр. 324.
Изд. Кооп. Союза «Кооперация». 1919 г. Цена 335 р. 2) Система социологии.
льная аналитика. Проф. П. А. Сорокин. Стр. I--XIV и 360. Петр. 1920 г.
сь. Ц. 150 р.

нами две очень объемистых книги двух профессоров социологии: Тах
орокина.

с первых страниц читатель ясно понимает, какие большие различия между
я авторами.

П. Сорокин с самого начала резко и определенно отгораживается от
ений в этой науке, какие склонны сводить явления общественной жизни

скольку социология,—говорит П. Сорокин,—хочет быть опытной и точной
должна прекратить «философствование»... «разрыв с философствованием
разрыв с несчастной идеей «монизма»—незаконным детищем незаконного
логии с философией. Не так давно еще, особенно в русской публицистике,
юбенно почетной кличка «мониста». И обратно, название «плюралиста»
что ругательное и научно-низкопробное (см., напр., «К вопросу о разви-
ческого взгляда на историю» Г. В. Плеханова). Автор с большой охотой
онизм» всем, кому не лень наклеить на себя эту этикетку. Он твердо
м, что «монизм»—результат догматического философствования, а не вывод
людения. Монизм социологии, как правильно характеризовал его по-
М. Ковалевский,—это попытка решить бесконечно сложную задачу общес-
лений по методу уравнения с одним неизвестным. Автор убежден, что
ка—покушение с абсолютно негодными средствами. Последовательный со-
ий плюрализм—такова его позиция» (XII стр. предисл.).

Тахтарев, наоборот, обсуждая вопрос о соотношениях явлений общественной жизни (гл. 16), как будто относится отрицательно к мнению Ковалевского, который вместо основной задачи социологии, выяснения и установления «естественного соотношения явлений общественной жизни, в котором и выражается ее закономерность»,—пытается задачу социологии свести к указанию одновременного и параллельного воздействия и противодействия многих причин. По мнению Тахтарева, это значит не только отказаться от решения главнейшей задачи социологии, но даже и пытаться поставить эту науку на должную высоту.

Проф. П. А. Сорокин, действительно, так и остается плюралистом на протяжении всех трехсот слишком страниц.

И для него, как и для К. М. Тахтарева, вопрос о праве существования социологии, как науки, не подлежит сомнению, и он, как и К. М. Тахтарев, занимается прежде всего определением задач и границ социологии.

По мнению проф. П. А. Сорокина, социология такая же, как и все прочие естественно научная дисциплина, но в противовес К. М. Тахтареву, который определяет социологию, как науку «об общественной жизни и ее закономерности», он определяет социологию так: «Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия с другой».

Основанием к такому определению социологии (или, как выражается П. А. Сорокин, homo-социологии) служит то обстоятельство, что поступки людей, их взаимоотношения невозможно свести к физико-химическим процессам и что поэтому явления взаимодействия людей суть явления sui generis.

Социология должна, по мнению почтенного профессора, строиться так: I. Теоретическая социология, разделяющаяся на 1) Социальную аналитику, 2) Социальную механику и 3) Социальную генетику и II. Практическая социология.

Предметом социальной аналитики является изучение строения (структуры) социального явления и его форм; предметом социальной механики является изучение процессов взаимодействия людей и предметом соц. генетики—формулировка тенденций или линии развития. Предмет практической социологии—социальная политика.

Установив только что указанное деление, автор приступает к анализу. Нужно прямо сказать, что плюрализм проф. П. А. Сорокина, действительно, так обширен, так свободен от всяких серьезных научных положений, так эклектичен, что остается только удивляться, как можно на протяжении трехсот слишком страниц терзать читателя такой чепухой, какая выдается автором за самую новейшую ученую мудрость.

Чего здесь только нет!

Вот определение, что такое взаимодействие: «Когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют».

Оказывается, что все изучение общественного развития аналитика сводит к изучению самого простейшего взаимодействия двух индивидов, ибо это взаимодействие есть родовое понятие социальных явлений, так сказать, модель их.

Чтобы изучить законы таких взаимодействий, надобно иметь наличие по крайней мере двух индивидов, актов, которыми обусловливаются поступки и переживания индивидов и проводников, при посредстве которых эти акты индивидам передаются.

Здесь мы увидим, что у индивидов имеется нервная система и разного рода органы, напр., зрение, слух и обоняние, что индивиды имеют психические переживания, ощущения, восприятия, представления и понятия, переживания боли и удовольствия и волевые элементы.

Узнаем здесь мы и о том, что индивиды различаются между собой физически, психически и социально, что эти самые индивиды имеют потребности—в пище, в жилище, что они желают, ревнуют, симпатизируют друг другу, имеют потребности эстетические, умственные, моральные, религиозные и т. д. и т. д.

ивидов мы переходим далее к «актам» и здесь узнаем об «актах людей, ителях» (это — химические раздражители, вода, плотность среды, молярные сть, свет, электричество, тепло), об актах «делания и неделания», кото отся на акты терпения и воздержания, об актах продолжительно, мгно сивно и слабо влияющих, — актах сознательных и бессознательных и, на м о проводниках.

дники бывают звуковые, световые, механические, тепловые, двигательные, электрические и вещественно предметные.

жет быть, довольно утомлять читателя всей этой пустяковиной, которой бъемистая homo-социология проф. П. А. Сорокина.

умается, что никакой науки в этой книге нет, кроме бесконечного числа к на разных авторов и «плюралистической» чепухи с перечислением всем тин, что люди имеют органы чувств, сносятся друг с другом при помощи предметов, что на людей действует свет, тепло, электричество и прочие грешного мира.

олько в перечислении таких проводников, таких актов, в изучении такого ия состоит социология, то, пожалуй, правы те скептики, которые думают, адобности в такой социологии не встречается.

ительно, к каким же плодотворным результатам приходит проф. П. А. Со сущности говоря, результатов никаких и не получается от всего того ой проделывает социолог-плюралист, если не считать результатами пред роф. Сорокина, будто и в тотемистических группах и в феодальном и тическом обществе находятся все эти взаимодействия, акты и проводники. городить огород, писать целую книгу о homo-социологии, чтобы притти ю, что у людей есть потребность в жилье, что люди действуют друг на а людей действует свет и тепло и что эти свет и тепло действовали на ревности.

шенно иное впечатление производит книга проф. К. М. Тахтарева.

е всего это — очень полезная книга для всякого приступающего к изуче именующейся социологией.

дает очень обстоятельный очерк социологических школ и направлений, тературу этих течений и в меру снабжая свою книгу надлежащими ци

накомление читателя с различными взглядами и течениями в области ообще характерно для книги Тахтарева.

в этом, конечно, ее интерес. Интерес ее заключается в том, что, несмотря эрудицию автора, серьезное его отношение к предмету, добросовестное йти из тысячи тех разноречивых мнений и толкований, какие разные азывали о задачах социологии, подойти к разрешению вопроса, — автор ашему мнению, не достиг результата.

делит свой курс на два отдела: анализ общественной жизни и исследо мерностей общественной жизни. (В послесловии он несколько меняет будущего курса, но суть его построений от этого не меняется.)

вдаясь в изложение содержания интересной книги Тахтарева, мы согла, что цель всякой науки, в том числе и социологии, заключается в тех законов, каким подчиняются явления, изучаемые этой наукой.

ивается теперь, к каким же законам, к установлению каких закономер одит автор разбираемой нами книги?

рой части книги он перечисляет много социологических законов, — во и законы социологов, затем законы последовательности и связи явлений й жизни, законы соотношения явлений и, наконец, статистико-социологи ы.

(в первой группе) мы встречаем такие законы, как закон ограничен связности, сотрудничества, соотношения, непрерывности, совместности

и сосуществования, всеобщей однородности, подчиненности и равновесия и закон наслоений. Это законы Де-Грефа.

Но и сам Тахтарев полагает, что все эти «законы» Де-Грефа по сути дела простые положения, подобные тем, какие высказывает, напр., Гумплович.

Это, конечно, совершенно правильно; но ведь правильно точно так же и то, что доселе не существует никаких социологических законов последовательности, соотношений и пр., как полагают некоторые весьма интересные и в высшей степени серьезные исследователи.

Нельзя точно так же считать в точном смысле законами и те общие и частные, хотя и очень важные, правила и отношения, которые подмечены статистиками.

Что мы называем «законом»? Конт определяет закон, как постоянную связь, последовательность и сходство явлений.

Это, вообще говоря, верно, но не только это характеризует закон, который мы привыкли встречать, скажем, хотя бы в естествознании. Чем там характеризуется закон?

Во-первых, тем, что связь, о какой говорит Конт, выражается количественно, числом, математически, и, во-вторых, тем, что закон признается законом тогда, когда он подтверждается в любой момент, схватывая все явления, какие он подчиняет себе, и, что самое главное, когда он дает возможность делать предсказания, предвидения и тем самым возможность проверки правильности той связи, какую он устанавливает.

Вот, если с такой точки зрения подойти к тем законам, которые во множестве открыты социологами, то окажется, что никаких социологических законов нет.

Есть очень интересные и важные зависимости, установленные особенно при помощи статистики, правила и отношения между рядом явлений общественной жизни. Это правильно. Но и эти очень важные и интересные зависимости все же законами названы быть не могут.

Можно ли назвать законом такое, например, явление, как связь преступности с увеличением цен на хлеб в Германии, подмеченная статистиками?

Конечно нет, ибо главных основных моментов закона точных наук постоянной проверки его, подтверждения и, главное, предвидения здесь нет.

Мы не можем быть твердо убеждены в том, что всегда, везде, в любой стране вслед за повышением цен на рожь будет увеличиваться преступность и эмиграция; в большинстве случаев это, вероятно, будет так, но вообще говоря ожидать, что это будет всегда так, как всегда, напр., камень, брошенный вверх, возвращается на землю, мы утверждать не можем.

На это можно возразить, что социологические законы, это—законы sui generis, но если это так, то тогда нужно говорить, что и социология—такая наука, которая в корне отличается от всех остальных наук, а этого не будет утверждать ни один социолог.

В чем же здесь дело? По нашему мнению в том, что доселе в области изучения общественной жизни ученые держатся (в силу целого ряда от них часто не зависящих причин) неверной, ненаучной позиции.

Мы полагаем, что доселе есть только один ученый, которому удалось хотя немного подойти к тому пути, идя по которому наука об обществе и общественной жизни приобретет характер точный, не менее чем любая естественно-историческая наука.

Этот ученый—Маркс.

Тот общий закон, который открыт Марксом,—закон, который так не нравится плюралистическому профессору П. А. Сорокину, и есть пока единственный закон, где можно найти по крайней мере главнейшие элементы самого настоящего закона точных наук.

В самом деле, когда мы выражаем этот закон, хотя бы так, как его выразил Плеханов, устанавливая зависимость идеологии, психики и социально-политического строя от экономических отношений и, стало быть, от состояния производительных сил, то мы имеем здесь и связь и последовательность явлений; мы не имеем число

матической зависимости, но мы имеем зато другой признак настоящего за-с — то его качество, которое дает возможность предвидения.

лько с точки зрения этого закона Маркса удавалось хотя бы в общих чер-ть предсказания общественного развития, столкновений, конфликтов, общего дественной жизни, и только применение этого закона давало и дает возмож-лучить ценные результаты при изучении исторической жизни людей.

с такой точкой зрения, повидимому, не согласен и Тахтарев.

отдает должную дань и Марксу, и Энгельсу, и их ученикам, но далеко не сторонником марксовского понимания и истолкования истории, он попросту концепцию Маркса и Энгельса односторонней и не охватывающей всего раз-щественной жизни.

хотя он не согласен с покойным Ковалевским, под конец жизни не одобряв-ных, искавших установления единственного соотношения общественной жизни, он сам не пошел дальше все того же знаменитого взаимодействия, с которым ении общественной жизни добиться чего-либо путного нельзя.

самом деле, как можно понимать, напр., такое утверждение Тахтарева: ворять свои человеческие потребности и есть самый основной и первичный ь всей их (людей) жизни экономической, брачной, психической, полити-(стр. 338).

зве с этим нельзя согласиться? Конечно, можно и должно, но что дает такое ение?

ичего. Тахтарев прямо и определенно заявляет, что все области человеческой аходятся в определенной зависимости, но что «хозяйственная жизнь людей, но и неизбежно переплетающаяся с их брачной, чувственной, умственной, нной и политической жизнью, вовсе не отличается от них своею первичностью оятельностью».

видим здесь прямое признание того знаменитого взаимодействия буржуаз-ных, которое не подвигает нас ни на шаг вперед при изучении общественной

т эта точка зрения взаимодействия и портит всю книгу Тахтарева. С этой ения, которая, повидимому, кажется Тахтареву очень объективной, он кри-и теорию классовой борьбы Маркса, и метод диалектического развития) и проповедует мысль, что азбучной социологической истиной является «что всякий общественный строй может держаться лишь на основе сотрудни-тех общественных групп, которые входят в состав данного общества»).

а мысль о взаимодействии и о сотрудничестве классов проходит красною рез всю книгу Тахтарева, и потому как будто бы беспристрастно объективный бвиняет нас, большевиков, в том, что мы политическую свободу, которая отрудничеством классов, принесли в жертву «новым классовым интересам»; олитическая свобода «заменена диктатурой определенной общественной груп-ающей интересы русского национального общества» (стр. 160).

обще эта мысль о сотрудничестве классов и групп ведет автора все же до-нтересной книги очень часто на такие пути, откуда, пожалуй, можно попасть... объятия самых скверно пахнущих националистических групп и классов.

ковы, напр., рассуждения автора о славном будущем нашего отечества, когда е Кавказ, Сибирь и Финляндия поймут, что с нами необходимо соединиться яшему, и когда мы заживем настоящей национальной жизнью.

ковы же рассуждения и о том, что «там, где нет соглашения и совластия где нет их общественного сотрудничества, там не может существовать и ни-олитической свободы» (стр. 158).

ы думаем, из этих немногих выдержек вполне ясна та точка зрения автора, с подходит к изучению общественной жизни, так что нет надобности излагать в чем же заключается **соотносительный метод**, каким считает для зательным пользоваться автор.

Этот соотносительный метод сводится все к тому же взаимодействию, ибо со- носительный социологический метод есть метод необходимого и правильного соо- шения различных сторон и явлений общественной жизни в научном понимании

И так далее и все в таком же роде рассказывается об этом методе на 26, 28 и 29 страницах.

Ясное дело, что при таком методе изучения общественной жизни дальше п- числения и, правда, очень добросовестного изложения разных социологических тем и взглядов не уйдешь.

Есть в книге Тахтарева, так сказать, и отражения моментов историчес- дня, напр., рассуждения на стр. 207 о том, как хорошо т. Ленин еще до окт- предсказывал, что большевики удержат власть.

Правда, почтенному социологу из всего предсказания вошло в голову поч- то только то, что вместо 130.000 помещиков, страной сумеют управлять не хуже и 240.000 членов партии, и совсем не бросилось в глаза, что это предсказание -жака» (как выражается автор) большевиков есть блестящий пример того, как от- тый Марксом закон общественного развития обладает свойством настоящего зако- предвидеть будущее.

Но каждому свое.

Мы думаем, что до тех пор пока ученые, изучающие общество и обществен- жизнь, будут держаться знаменитого взаимодействия факторов, а не того мони- ческого взгляда, какой установлен Марксом,—дело вперед не пойдет и никакой -циологии построено не будет.

В. Невский.

Из эпохи „Звезды" и „Правды" (1911-1914 г.г.).

(Истпарт. Москва 1921 г. Государственное Издательство, 191 стр.)

Книга выпущена Истпартом и является звеном в той цепи, которую намет- Комиссия в своем плане работы. Это первая печатная работа Истпарта, если не с- тать небольшой брошюрки тов. Бубнова, являющейся перепечаткой нескольких -етных статей. Казалось бы, что задачей Истпарта не должно служить изучени- описание рабочего движения в целом, точно так же, как и история революционн- движения,—но сама Комиссия расширила рамки своей работы и превратилась в -миссию по изучению и описанию революционного движения в России со врем- «Северного союза русских рабочих».

Период, который охватывает содержание книги, является необычайно интерес- в истории революционного движения в России: с одной стороны, это время подъ- революционной работы непосредственно предшествует октябрьской революции и -ляется крайне интересным периодом массового вовлечения рабочих в активную д- тельность вокруг «Звезды» и «Правды»; с другой стороны, эта книга описывает такой период, о котором до сих пор ничего не было цельного, связывающего е- октябрьской революцией. Особенно интересна эта книга для товарищей, вошедш- в партийную работу в самые годы революции,—она поможет им разобраться в периоде, который для них был часто пустым местом, они встретят в ней имена мно- видных революционных работников, которые в этот как раз период выдвинулис- подготовились для будущей работы (Бадаев, Раскольников, Д. Бедный и т. д.).

Заглавие книги вводит в некоторое заблуждение: оно не охватывает с- держания книги, где говорится не только о работе самих газет и групп- вавшихся вокруг них товарищей, но широко охватывается рабочее движение в цел- -ся легальная и полулегальная партийная работа. Поэтому книга очень ценна п- изучении стачечного движения, роста профессионального движения, развития ст- -хового-дела и т. д.

Книга разбивается на три части—ст. М. Ольминского об эпохе в цел- т. А. Винокурова о страховом рабочем движении и «приложения»—официальн- материалы и отчеты о работе Истпарта.

іде всего тов. Ольминский дает общую характеристику революционного
іа 1904—1907 годы.
посылкой революции 1905 года было недовольство самодержавием как
ік и буржуазии: «Рабочие и крестьяне возмущались тем, что самодержавие
угоду буржуазии и помещикам. А буржуазия и помещики возмущались
модержавие оказалось неспособным задушить рабочее и крестьянское рево-
движение. Исходя из интересов прямо противоположных, та и другая
видимости, одинаково настраивалась враждебно по отношению к самодер-
і основе этого «единства» создалась благоприятная почва для усиления
нтеллигенции—студенчества, врачей, инженеров и т. д. Результатом
ился манифест 17 октября и «дни свобод». И здесь резко выступили про-
между большевиками и меньшевиками по вопросу о роли либералов в
ризмом. В то время, когда большевики определенно называли либеральное
контр-революционным», меньшевики проповедывали «общенациональное
» и «подталкивание» буржуазии. Это расхождение с 1904 года все резче
тупает и, наконец, в 1917 году толкает меньшевиков в объятия Рябушин-
нюкова. «Дни свободы» на один момент сблизили обе фракции, но неудача
восстания снова их раскалола; в то время, как меньшевики задачей
дом борьбы) считали созыв Учредительного Собрания, большевики глав-
ом считали вооруженное восстание. Ошибка большевиков была только во
Большевики были правы, когда указывали, что декабрьское восстание
Москве привело революцию к высшей ступени развития, к революционной
і борьбе. В феврале 1917 года Петербург, можно сказать, начал революцию
га, на котором она остановилась в Москве 1905 года». После восстания
рает, революционное движение идет на убыль, разгон первой и второй
ывает никакого движения, опасного для правительства, начинается время

становится ясным более, чем когда-либо, что «общенациональная»
юзия: интеллигенция и либеральная буржуазия предали интересы рабо-
запуганные прямолинейностью борьбы и террором. С другой стороны,
карательных отрядов в главах буржуазии и помещиков был поднят
імодержавия. Рабочий класс остался в одиночестве, но это дало возмож-
ілотиться и подготовиться к новой борьбе. С 1911 года работа оживляется,
легальный центр—газета «Звезда» (в декабре 1910 года). Понемногу,
круг нее объединяются революционные силы России, так как на загра-
удников рассчитывать трудно. В «Звезде» выдвигается тов. Раскольников,
и другие. Здесь печатаются Ленин, Зиновьев, Каменев, которые должны
за самыми разнообразными псевдонимами от бдительного ока полиции.
1911 года поднимается вопрос о создании рабочей газеты. Первоначально
проект открытия «рабочего дома», собираются на него деньги, но затем
олоса о необходимости создать газету, появляется предложение обратить
» в фонд газеты. Ленские события повышают интерес к газете, и, нако-
ля выходит первый номер «Правды». Первые шаги молодой газеты резко
напряженное внимание и интерес рабочих к своей газете. Из скудных
осыпались пожертвования, полились корреспонденции. «Правда» быстро
м центром, вокруг которого забилась быстрым темпом вся легальная
жизнь. Газета носила определенно партийный характер, и вокруг нее
борьба с ликвидаторами, требовавшими «контроля» над направлением,
сплетни и клеветнические нападки вплоть до обвинения в подкупах и
е. И невольно вспоминается июль 1917 года и разговоры о «немецких

в истории революционного движения за период 1911—1914 г.г. есть
, что может дать большой поучительный материал для тех товарищей,
овсем ясно представляют политику меньшевиков, «ликвидаторов» и т. п.
«Звезда» носила характер теоретически партийной газеты (чего без его-

вором все же сказать нельзя), то «Правда» сразу становится центром практичес
легальной работы, узлом всей рабочей жизни. Поднявшаяся стачечная волна втяг
огромную массу рабочих в активную борьбу; корреспонденции с мест занимают
большее и большее место в газете: «люди посторонние выражали свое изумление
поводу этой массы сообщений и говорили о чрезвычайно широкой постановк
«Правде» хроникерского дела; они никак не могли поверить, что никакой хроник
ской организации у «Правды» не имеется и что все сообщения пишутся сам
рабочими» (стр. 47).

В годовщину существования «Правды» редакцией была получена масса п
ветствий, в которых звучит искренняя и глубокая любовь к рабочей газете.

Естественно, что в эпоху реакции рабочая газета не могла свободно выход
и тов. Ольминский приводит красноречивые цифры: за год «Правда» была к
фискована 41 раз, оштрафована на 7.800 руб., редактор арестован 3 раза. За
репрессии усиливаются, газета меняет ряд названий и, наконец, «Трудовая Пра
закрывается совсем 8 июля 1914 года.

Работа, проделанная за два года «Правдой», огромна: работа Государствен
Думы (и борьбы внутри социал-демократической фракции), стачечное движение, по
тические забастовки, локаут заводчиков—все это полно отражается в «Правде», н
только отражается, но «Правда» играет руководящую роль. И если последоват
просмотреть номера «Правды» за два года, можно ясно обнаружить все возрастаю
значение газеты и все более и более крепнущее рабочее движение.

Всем этим вопросам тов. Ольминский уделяет большое внимание, ч
выходя за границы своей задачи и рисуя более широкими мазками, чем это ну
для выявления роли «Правды». Особенно ярко обрисованы два вопроса—борь
Государственной Думе и массовое отравление рабочих. По этим вопросам привод
много фактического материала—хроника событий, выдержки из газет, письма р
чих. Материал частью сырой, необработанный, но очень ценный и незаменимый
дальнейшей более детальной разработке событий. Роль меньшевиков в Думе, с
мление их раздавить небольшую группу большевиков при помощи большинст
один голос, еще раз вносят новые «лавры» в прежние венки меньшевизма. Масс
отравления рабочих и волнения в Баку, а затем расстрел путиловских раб
обострили настроение, и положение вещей походило на конец 1916 года. И в
момент «Правда» прекратила свое существование. Линия ее была все время тве
и определенная, курс—на пролетарскую революцию. В это время, когда меньше
искали пути вместе с буржуазией, которая определяла политику правитель
(тов. Ольминский приводит здесь интересную справку о том, какую роль иг
буржуазия в различных правительственных учреждениях, стр. 161),—большевик
«Правды» (в период расцвета «Правды» большевики так и назывались «правдиста
скорее бессознательно, чем намеренно, держали курс на пролетарскую революци
оказались в 1917 г. правы. «Мы, конечно, не предвидели в то время октябрь
революции, не думали или мало думали о ней. Но мы уже проникались ею.
1917 году мы лишь додумали до конца свою деятельность 1912—1914 годов,—до
рили то, до чего не договаривались и не додумывались в те годы, но к чему подо
вплотную» (стр. 164).

Вторая небольшая статья Винокурова («Рабочее страховое движение») с усп
могла бы раствориться в статье тов. Ольминского, так как только в са
общих чертах обрисовывает борьбу, разгоревшуюся из-за больничных касс. Наиб
интересным, пожалуй, местом нужно считать главу о позиции большевиков и м
шевиков в страховом движении: в то время, как большевики стремились использ
страховые законы 1912 года для развития классового пролетарского сознания, м
шевики выдвигали лозунги частичных реформ.

Борьба эта перешла и в печать и отразилась на агитационной работе о
партий. Последняя глава в статье тов. Винокурова посвящена борьбе в
следние три года (1914—1917) и выходит за пределы эпохи «Звезды» и «Правды»; к
того, она настолько сжато написано, что с успехом могла бы быть опущена и

другую книгу, более полно разбирающую вопросы революционной борьбы ние годы.

общем книга Истпарта очень интересна, и будем надеяться, что внешние ства дадут возможность в ближайшее время выпустить в свет тот обширный который уже разработан в Комиссии. Все же необходимо пожелать, чтобы книг Истпарта носили наиболее организованный характер, каждая из них ала звено в цепи последующих и предыдущих. Тогда работа Истпарта льно будет работой организованной Комиссии, а не просто изданием отдель по революционному движению.

Вад. Смушков.

На службе германской революции.

(Государственн. Издательство. 1921 г. 269 стр.)

ига представляет собой сборник газетных и журнальных статей т. К. Ра- аписанных в разное время в связи с событиями, развивающимися в про- манской революции. Статьи переведены с немецкого, и тяжеловесно. Русский мого т. Радека гораздо лучше этих переводов, иногда очень затемняющих сть места, напоминающие старые переводные романы, переводимые по сло- имерно. вместо рукописи говорится «манускрипт», или общепринятый на- вания книги А. Смита «Богатство народов» пер. еден почему-то «Достоя- дов». Но эти внешние недостатки совершенно не понижают высокой ценно- . Название книги уже ее содержания: К. Радек работает четыре года на службе германской революции, а и русской, и потому книга его освещает д необычайно важных вопросов нашей революции. Сопоставление русской кой революций дает ему богатый материал для выводов общего характера. ных предпосылок мировой революции.

льшое внимание уделяется выяснению разницы между революционным мар- и реформизмом, социал-соглашательством.—вопрос не безынтересный и для в революции 1848-го года Лассаль старался представить коммунизм в виде , способного осуществить свои задачи мирным путем» (стр. 11). В 80-х го- а упали цены на хлеб, передовые отряды рабочего класса (рабочая аристо- троили радужные планы,- она верила, что революция есть «превзойденная куазного развития». Отсюда—реформизм Бернштейна.

ряд ударов вывел рабочих из их прекраснодушного состояния. рабочие превращение буржуазии в силу реакционную. Отсюда- -крах реформизма. е рабочего движения. Рабочие сознали, что «секрет революции» в их руках. ь произошел реформистский «подмен»: «Так как марксизм показал рабо- победа социализма зависит от развития производительных сил, то в мар- кругах установилось карикатурно-обезображенное предположение, будто я возможна только тогда, когда капитализм охватит весь хозяйственный й-либо страны, т.-е. когда он без остатка разделит всю нацию на неболь- ку капиталистов и подавляющее пролетарское большинство» (стр. 17). ывод: Россия не созрела для социализма, а у Кунова еще больше: Гер- созрела. И, аргументируя против этого, Радек, между прочим, говорит: прежние хозяйственные системы погибали отнюдь не после того только, как создан фундамент нового общественного порядка, а тогда, когда они стано- епятствием для элементов этого нового порядка» (стр. 18).

России пролетариат является, несомненно, меньшинством населения, но келезодобывательная промышленность, угольное и нефтяное производство, дороги и телеграф сосредоточены в немногих руках, ими руководит неболь- чество банков» (стр. 19). Революция не только возможна в более отсталых

странах, но она там раньше начинается благодаря меньшей организованности капитала. Реформисты признают только диктатуру большинства, свержение капитализма большинством голосов; в этом—их ошибка. К. Каутский для преодоления империализма требует не свержения капитала, а поддержки пацифизма, сотрудничества с группами буржуазии, настроенными против войны, т.-е. создания «единого фронта». Каутский подменивает одни лозунги другими и становится «ренегатом».

Шейдеману и Эберту не пришлось даже быть ренегатами: «Что совершили они революционного за всю свою долгую жизнь? Они боролись за повышение заработной платы. Но высокая заработная плата не только не противоречит капитализму, а наоборот—оказывается стимулом его развития... Они ни разу действительно не боролись за демократическую республику... на практике они были рады-радешеньки если бы получили республику с честным принцем вроде Макса Баденского во главе» (стр. 95). Политика Эберта, Гендерсона и т. д. опирается на часть рабочих, получающих высокую заработную плату (об этой группе говорил еще Энгельс), эта политика более консервативна, чем политика в России Чхеидзе и Церетели.

Попутно тов. Радек уделяет большое внимание и выявлению понятий—диктатура, террор. По Каутскому возможна только диктатура большинства. Радек посвящает этому вопросу целую главу; он говорит: «Пока сопротивление буржуазии не сломлено, необходимо установление пролетарской диктатуры... надо во что бы то ни стало сломить это сопротивление всеми средствами насилия... Диктатура без готовности к терроризму, это—нож без клинка» (стр. 198). Автор приводит массу примеров для иллюстрации положения о необходимости диктатуры и террора в точном смысле этих слов (стр. 21, 23, 26, 77, 78, 136, 193, 214).

Интересен вопрос о форме диктатуры. Такой формой К. Радек считает советы. Прежде всего, до захвата власти, советы должны стать центром средоточия сил: «вся наша политическая и экономическая борьба должна сделать рабочие советы центром наших усилий» (стр. 121). Там, где нет еще рабочих советов, не может быть революционной борьбы, рассчитанной на захват власти,—в этом и была ошибка первого выступления коммунистов, тогда как в России советы явились опорой революции. «Коммунистическая партия (Германии. *В. С.*) еще не научилась делать советскую организацию центром своей политики, несмотря на то, что советская идея овладела уже широкими массами пролетариата» (стр. 137). И дальше: «Работа в советах является могучим фактором объединения пролетариата» (стр. 138). Но советы должны быть руководимы партией: через советы партия организует пролетариат и подготовляет его к борьбе с капитализмом. Таковы задачи советов в период подготовки к борьбе и самой борьбы. В дальнейшем они становятся органами, организующими государственный аппарат пролетариата.

Мы бегло пробежали основные и наиболее интересные для русского читателя вопросы. Они интересны особенно потому, что те понятия, которые вошли в жизнь с русской революцией, теоретически обосновываются и устанавливаются, как понятия основные для всякой пролетарской революции.

Повторяем, книга представляет несомненно большой интерес как по мотивам уже перечисленным, так и по довольно полному и последовательному изложению хода германской революции: перед нами проходят восстания спартаковцев, авантюра Каппа, убийство Либкнехта и Люксембург и т. д.

В. Сиушков.

II.

Из белой прессы.

...народнического утопизма к контр-революционной кулацкой идеологии.

«Современные Записки». Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, издаваемый при ближайшем участии Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, А. И. Гуковского и В. В. Руднева, Париж).

В обращении к читателю от редакции говорится:

«Редакция полагает, что границы свободы суждения авторов должны быть особенно широки теперь, когда нет ни одной идеологии, которая не нуждалась бы в ...еской проверке при свете совершающихся грозных мировых событий. Как ...п общественно-политический, «Современные Записки», орган внепартийный, ...ны проводить ту демократическую программу, которая... была провозглашена и ...нята народами России в мартовские дни 1917 года». [«Современные Записки» От редакции».]

Помимо правых эс-эров в журнале принимают участие бывший кадет Полнер, ...опатель Л. Шестов, «марксист» Загорский, «внепартийные» поэты и писатели ...онт, А. Н. Толстой и др. Тем не менее политическое руководство остается за ...й правых. эс-эров, входящих в состав редакции. Внутреннее обозрение ведет ...шняк, эс-эр; Бунаков, Авксентьев и др. помещают руководящие статьи «К ...ому моменту», так что по сути дела мы имеем дело с журналом народническим. Журнал интересен в том отношении, что он подтверждает наличность вполне ...елившейся и уже в значительной мере завершенной политической эволюции ...х эс-эров в сторону кулацкой контр-революции. Неопределенный народнический ...эционизм, туманное народолюбие и социальный утопизм—все это по мере раз... в России жесточайшей классовой борьбы все более стиралось, линяло и теперь ...: правого крыла эс-эров нетрудно увидеть идеологов российского крупного ...ства и интеллигенции, отброшенных октябрем в лагерь открытой буржуазной ...ии, наученной «горьким опытом» русской революции. Раньше эс-эров называли ...лами с бомбами; но тогда эти бомбы предназначались для министров самодер...го строя; теперь это—тоже либералы с бомбами, но их бомбы направлены против ...туры пролетариата. В этом — «смысл философии всей» и той «критической ...ки при свете совершающихся грозных мировых событий» идеологии, о которой ... редакция.

«Критическую проверку» мы видим на каждом шагу.

В статье «Patriotica» Николай Авксентьев пишет: «Родина, как здоровье: их ...ешь действительно ценить только, когда потеряешь.... Многие причины привели ...о к тому состоянию, в котором она находится сейчас. Но основной, главной, ...ая лежала в корне всех... было отсутствие национального самосознания, патрио... в глубоком, высшем смысле и значении» [«Современн. Записки» № 1].

Словечки «о глубоком высшем значении» ни в какой мере не устраняют факта, ...эр Авксентьев говорит о причинах нашего военного поражения и революции в ...же выражениях, как Струве, Милюков, как любой врангелевский соратник и ...жник. Так же, как Деникина, Врангеля и Колчака, такое «объяснение» русских ...й приводит Авксентьева к провозглашению «единой великой России»,—лозунгу, ...зорно провалившемуся в гражданской войне последних лет. Лозунг этот был в ...Деникина, Колчака и других черносотенных генералов внутренне противоречив, ...ив, ложен уже по одному тому, что все эти «патриоты» вели войну с Советской ...й на деньги Антанты, жаждавшей получить долги и т. п. Это известно Ав...еву, и потому он скорбит.

Он пишет:

«Мучит и волнует болезнь русской общественности. Страшна эта болезнь, ибо, если в самой сердцевине появляется гниение, тогда действительно плохо дело.

Польша объявила войну России. Начались бои. Захвачены были русские области, города. Пал Киев. Было ясно, что не с большевиками воюет Польша или во всяком случае не только с большевиками, но с Россией... А русская общественность в значительной части или робко молчала перед событиями, или—еще хуже—тайно или явно сочувствовала им. Больше того. Находились такие, которые считали возможным сочувствовать тому, чтобы русские отряды шли вместе с польским войском бить Россию. В этот момент считали за честь быть принятыми Пилсудским...»

«Большой русский писатель И. А. Бунин недавно написал что испытываешь горькую радость, что хоть в одном была милостива к нему судьба: «избавила меня,—говорит он,—от позора и муки дышать одним воздухом с хозяевами «Красной» России» [стр. 130—132].

«Большой русский писатель» давно уже в стане махровых контр-революционеров и пишет черносотенные статьи и фельетоны.

Дело «с патриотизмом русской общественности» обстоит довольно скверно. Тем не менее Авксентьев уверен, что наступила пора реабилитации патриотической идеологии.

Статья Авксентьева вызвала со стороны «Русской Мысли»—органа Струве—ряд лестных реплик: достигнуто сладостное единение; события последнего времени не прошли бесследно для народничества и т. д.

Это истинная правда.

Еще более эту правду подтверждают статьи И. Бунакова «Пути России».

Здесь целый ряд «откровений», весьма своеобразно звучащих в устах старого эс-эра.

Откровение первое:

«Капиталистический захват рынков, колониальный раздел мира, империализм—только новые формы распространения западной цивилизации» [№ 4, стр. 249].

Такими ламентациями о новых формах распространения западной цивилизации империалисты всех стран оправдывали и оправдывают любые захваты колоний, грабежи, истребление туземного населения и т. д.

Утвердившись в положении «о новых формах», И. Бунаков естественно приходит и к другому откровению.

«. . . . . . . —Впечатление, которое западная цивилизация произвела на народы Востока, было огромно. Она разбудила Восток... Вся Азия бродит... Вся Азия охвачена большим национальным подъемом... Азия начинает чувствовать свое единство и противоположность Западу. И в этом—громадная опасность для Запада. «Желтая опасность», «нашествие азиатских варваров» перестает быть пустой фразой. В ней звучит реальная угроза. Восток и Запад снова встают друг против друга [стр. 255].

Разгорающаяся борьба восточных народов с западно-европейским империализмом превращается у эс-эра Бунакова в «желтую опасность». Народы Востока поднимаются потому, что их существованию грозит смертельная опасность от капиталистического Запада, а социалист-революционер «пужает» желтой опасностью, этой выдумкой империалистов для дураков и слабоумных мещан. Поистине в таком социализме, употребляя старое выражение, нет ничего революционного, и в такой революционности нет ни грана социализма.

Впрочем, и Бунаков надеется, что Запад устоит, хотя уверенности у него нет.

«Грядущие судьбы западной цивилизации еще не ясны... События последних лет, мировая война, революционные перевороты нанесли престижу Западной Европы страшный удар... Подозрительно, что духовное утомление больше других охватило страну, где родилась и выросла цивилизация Запада. Может показаться неслучайным, что Франция, самая старая страна западной цивилизации, культурный центр Запада, первая и острее других являет признаки духовной апатии и культурного пресыщения. Не указывает ли это на то, что другие страны Запада, менее насыщенные культурой.

ьтурно моложе Франции, но что процесс увядания западной цивилизации уже ился... Но каковы бы ни были ответы, можно, во всяком случае утверждать : западная цивилизация будет еще существовать долгие века, и ей еще предстоит шое культурное творчество. Великие цивилизации не умирают в несколько де- илетий» (стр. 252)

Что касается—путей «России», то Бунаков полагает, что прежде всего России надо осознать себя: утвердить свою индивидуальность; внести новое в западную ьтуру. И затем итти к тому, к чему стремятся лучшие умы человечества—к при- ению Востока и Запада (стр. 284).

Из статьи Авксентьева мы уже знаем, что значит «утвердить свою индивиду- юсть»...

Позорной и постыдной является статья В. Ладыженского «Церковь и государ- в Советской России».

Автор жалуется:

«Все Исполкомы и Совдепы считают своей обязанностью заниматься активной религиозной пропагандой во всех ее видах» (стр. 298. № 4).

Какой ужас!

Далее следуют примеры: «грубой прямолинейности», «насилья», «вмешательства ля церкви» и т. д.

Откуда достал обличительные материалы г. Ладыженский?

В подстрочном примечании читаем:

«Оригиналы цитируемых в данной статье документов имеются среди матери- так-называемой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главно- ндующем на юге России» (стр. 300). Прекрасный источник для эс-эра!

Зимой учредиловцы, т. е. эс-эры, вступили в коалицию с кадетами милюковского а, на так называемом Парижском Совещании членов Учредительного Собрания, ременные Записки» документ, свидетельствующий, что вполне создана и имеется й н а я основа для этой коалиции

Вполне правильно заметила «Правда», что эс-эры необычайно быстро превраща- в партию контр-революционной сельско-хозяйственной буржуазии. «их социали- еская вывеска есть то же, что аналогичная вывеска у так называемых радикалов- алистов во Франции [„Правда" № 144].

Критическая проверка идеологии идет на всех парах». **А. Воронский.**

К эволюции русского либерализма.

эхив Русской Революции», издаваемый И. В. Гессеном. т. I, стр. 312, Берлин 1921 г.)

Почему эта книга озаглавлена «Архивом Русской Революции» непонятно. Пра- ьнее бы было ее назвать архивом русской контр-революции. Об этом прежде всего рят имена авторов, поместивших в сборнике свои статьи. В сборник вошли ьи: В. Набокова «Временное Правительство», П. Н. Краснова «На внутреннем нте», Р. Донского «От Москвы до Берлина в 1920 г.», С. Воронова «Петроград— ка в 1919—1920» и т. д.

Что все это пропитано активной ненавистью и клеветой по отношению к русской люции и в особенности к большевикам, это—в порядке вещей. При чтении «Ар- » внимание, однако, останавливается не на этом, а на другом. Прежде всего хив» пропитан самым низкопробным лабазным антисемитизмом. Юдофобством лнена до краев прежде всего статья члена Ц. К. кадетской партии В. Набокова ременном Правительстве.

... Дни февральской революции.

— Площадь перед зданием Думы была переполнена так, что яблоку негде упасть; у входных ворот какие-то молодые люди еврейского типа спрашивали кодивших... (стр. 15).

История о первом воззванием Временного Правительства:

— Каким-то образом очутился при этом М. М. Винавер (Эти евреи всюду пролезут! Н.) в качестве сотрудника Кокошкина, и, как мне впоследствии говорил сам Кокошкин, текст этот, целиком написанный Винавером, был им, Кокошкиным, внесен Вр. Правительству (еврейское засилие! Н.), которое его санкционировало без изменения (какой срам! Н.). В конце того же месяца, на страницах «Речи» (не даром твердило «Новое Время», что сия газета—еврейская! Н.), Винавер обратился с чем-то вроде манифеста «к еврейскому народу», причем этот документ начинается теми же словами: «Совершилось великое» (еврейская интрига раскрыта до конца! Н.) (стр. 30).

Гражданина Винавера на этот раз не спасло даже то, что он—друг и товарищ В. Набокова по кадетской партии: истина выше всего!

..., Д и вилял, мямлил, вел какую-то талмудическую полемику... (стр. 80).

Совет республики:

— Совет оказался весьма громоздкой машиной... Подавляющая часть его состава были евреи... Помню, что на это обстоятельство обратил мое внимание Марк Вишняк (чистокровный эс-эр. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Н.) (стр. 80...)

Кадеты по прежнему мечтают о власти. Мы уверены, что это—«бессмысленные мечтания». Но, осуществись они, первое, что сделали бы Набоковы «на другой день» после расправ над большевиками,—они создали бы новый процесс Бейлиса в более грандиозном масштабе, чем это было при самодержавии... Остается еще в отметить: еврейское засилие столь, очевидно, велико, что даже Набоков—с такими зоркими глазами—оказался плененным этим засильем: статья-то ведь напечатана в органе Гессена!..

Второе, что бросается в глаза при ознакомлении с «Архивом», это—слепая, неистовая ненависть, презрение и злоба к русскому народу.

Из той же статьи Набокова:

... Те же безумные, тупые, зверские лица, какие мы все помним в февральские дни (стр. 77)...

... Обычные, бессмысленные, тупые, злобные физиономии... (стр. 85) и т. д.

Но особым озверением пропитана статья Р. Донского «От Москвы до Берлина в 1920 г.». Редакция снабдила статью примечанием: «Р. Донской—литературный псевдоним одного из московских профессоров, находящихся ныне за границей». Для русских крестьян, рабочих, красноармейцев у почтенного профессора нет другого названия, как чернокожие.

Что сделала русская революция?

... У белых гражданские права немедленно отняли, а чернокожих надули... (стр. 217).

... *Я* тогда (в начале окт. революции.. *Н.*) был еще политически совершенно невоспитан и в простоте душевной думал, что чернокожему, помимо ременной плетки, гуляющей по его спине, может быть доступна и иная аргументация... (стр. 217).

Теперь, как видите, профессор «воспитался» и продолжает дальше статью в стиле антропологических эпитетов: «... в советских канцеляриях..., были просто чернокожие, усевшиеся за письменные столы» (223 стр.).

«... Мы бросились к дверям (вокзал . *Н.*), но, увы! штабная очередь успела войти, и в двери перла вереница чернокожих, с мешками за спинами» (стр. 224).

Неудивительно, что из этой страны господства «чернокожих» Р. Донской стремился какой угодно ценой выбраться за границу. С особым наслаждением рассказывает он как ему удалось получить командировку на польский фронт по борьбе с сыпняком, как вместо борьбы с сыпняком он перешел к полякам, как надувал он чекистов, комиссаров и красноармейцев! Хуже всего, однако, то, что весь этот черный бред и предательство сопровождается в «Архиве» патриотическими всхлипываниями и рыданиями на тему: О родина, о Русь!

Весьма стильны воспоминания генерала П. Краснова. Описывается митинг в Петергофе:

«При моем приходе никто не встал, а командир полка не скомандовал «встать», пришлось это скомандовать самому» (138 стр.).

Значительное внимание Краснов уделяет «воспоминаниям», кто называл его и ими «ваше превосходительство». С отменным удовольствием подчеркивает генерал, однажды «превосходительством» называл его «главковерх Крыленко»..

Кое-что из воспоминаний Набокова и Краснова заслуживает все же внимания, размеры рецензии не позволяют нам сколько-нибудь подробно остановиться на отоеых фактах. Так, например, Краснов утверждает, что в октябрьские дни под рроградом Савинков в Царском Селе предложил убрать Керенского, арестовать его амому стать во главе движения. Краснов на это не согласился. Савинков, как из- тно, был правой рукой Керенского в то время. Любопытны признания Краснова ом, как комиссары Керенского Войтинский и Станкевич, зная, что в лице Крас- а они имеют корниловца, делали все, чтобы обелить Краснова в глазах солдат- й массы. Краснов о них вспоминает с чувством особого тепла.

В. Набоков подтверждает, между прочим, две вещи. Накануне большевистского оворота среди руководящих кадетских верхов было вполне оформившееся значи- ьное течение за заключение мира с Германией. Что касается самого октябрьского эворота, то Набоков с похвальной откровенностью констатирует, что идейной ы для защиты Совета республики и Вр Правительства совершенно не было среди кто входил в состав этих органов (стр. 85).

В целом «Архив» Гессена ярко подчеркивает эволюцию русского либерализма орону мракобесия и какой-то зоологической черносотенной озверенелости.

Нурмин.

Мечты, мечты...

Н. Н. Зворыкин. К предстоящему земельному переустройству России. иж 1920 г. 107 стр.

С громадным, невероятным трудом воспринимают белогвардейцы уроки рево- ии. 8 месяцев после февральской революции мечтали они о том, что вся рево- ия окончится заменой Николая—Михаилом и установлением парламентского эта правления. Три года после октябрьской революции боролись они против ких крестьян и рабочих, которые осмелились прогнать их с фабрик и из по- ичьих имений и лишить власти. Программой контр-революции было восстано- ние монархии и возвращение фабрик и заводов капиталистам, а имений—поме ам.

Три года Красная армия выбивала дурь из голов буржуазных и помещичьих огвардейцев. Она нанесла им ряд жестоких, сокрушающих ударов, уничтожила военную силу, но дури из голов все-таки не выбила. До сих пор белогвардейцы эят все новые планы, чтобы вернуть свои прежние богатства. Книжка Зворыкина дставляет один из таких планов.

Автор ее до сих пор не понял, что сила октябрьской революции заключается том, что она осуществила то, что настоятельно требовалось исторической бходимостью. Он не видит, что источником этой силы был весь русский трудовой од. Для г. Зворыкина октябрьская революция- дело кучки злоумышленников- урпаторов», захватчиков. Вот, что он пишет на стр. 17 своей книжки:

> «Аграрный хаос, царящий в настоящее время в России, является результатом анархии, а не революционного аграрного движения. Мартовская революция 1917 г. ничего общего с аграрным движением не имела, а вызвали это движение уже при Временном Правительстве проповедники социалисты. Октябрьская же революция, объявившая о полном уничтожении собственности, нашла для осуществления захвата крестьянами земли и ограбления частновладельческих имений уже вполне подготовленную почву» (17).

Итак, большевики из ничего создали октябрьскую революцию. Изгна мэщиков из имений и захват этих имений крестьянами, это—только результ кости и хитрости большевиков. Крестьяне тут были ни при чем. Мало то стьяне «были введены в заблуждение и считают себя жестоко обманутыми». (серьезно пишет г. Зворыкин на стр. 18 своей брошюры.

Крестьяне были «введены в заблуждение, когда они захватывали пом землю. А потому крестьяне также прекрасно сознают, что захваты земель п дены ими насильственно, незаконно, а потому в своем праве, созданном революции, они далеко не уверены» (18).

С трудом проникает в белогвардейские головы понимание уроков рево Но кое-что все-таки Красная армия сумела вбить в эти головы. Они видят что прямой возврат к старому невозможен. Русский крестьянин не отдас щику взятую им у помещика землю. Но если нельзя вернуть помещику взятые у него богатства, то белогвардейцы стараются придумать для этого об путь: вернуть помещикам не самую землю, а ее стоимость.

«Прежние крупные землевладельцы,—пишет г. Зворыкин,—долж никнуться сознанием, что после совершившегося переворота возврат к нему режиму землевладения невозможен и в настоящее время може возбужден вопрос разве только о том, чтобы изыскать способ для их у творения за отпавшие у них земли» (27).

«Борьба за землю закончилась победой крестьян; вся земля находится стоящее время в их руках, и не отобрать ее от них уже никакими силами», знается г. Зворыкин на стр. 81 своей книжки. Глубокая скорбь овладевает мысли об этом торжестве крестьянства.

«Многое, несомненно минуло безвозвратно. Не восстанут из гроб гибшие в вихре циклона герои; не зазеленеют сломленные им столетние а следы печального наследия крестьянской реформы 1861 г. обращены в и разнесены по ветру» (81).

«Многие пострадали и погибли в период этого лихолетья. Разорились пр ленники, разорились и крупные землевладельцы»,—продолжает г. Зворыкин «Найдутся ли какие-нибудь средства для вознаграждения тех и других» Вопросу об отыскании таких средств посвящена целая пятая глава книжки г рыкина.

Прежде всего г. Зворыкин устанавливает, что «все капиталы, вложен частные крупные землевладения по 50 губерниям Европейской России, по банк оценке, выражаются приблизительно в сумме около 6 миллиардов рублей» (84—

Итак, 6 миллиардов золотых рублей—вот сумма, которую, по мнению г рыкина, русское крестьянство должно выплатить бывшим помещикам.

Если оценить пуд хлеба в один золотой рубль, и припомнить, что вся продовольственного налога исчислена в советской России на 1921 г. в 240 милл дов, т.-е. в 240 милл. золотых рублей, то легко видеть, что господа бывшие поме хотят получить с крестьянства сумму в 25 раз большую, чем весь хлебный н Аппетит недурной!

А между тем г. Зворыкин находит, что эта сумма все еще очень мал жалеет, что нельзя получить больше, что знаменитый кадетский выкуп земл справедливой оценке» не был произведен раньше, когда Россия была богаче. помещики еще более положили бы в свои карманы. «Можно только пожалеть,— он,—что достаточное наделение землей крестьян не было произведено в тот п времени, когда оценка земельных банков была ближе к действительности» (85).

«Для каждого ясно,—продолжает г. Зворыкин, — что после пере Россией катастрофы никакое правительство, как бы оно ни было му сильно, не будет в состоянии организовать государственные финансы наст могучие, чтобы возможно было создать шестимиллиардный фонд со специа целью выкупа крупных землевладений даже и по слишком ниэ банковским оценкам. Правительство, которое приняло бы подобно

ие, заранее осудило бы Россию на положение несостоятельного должника, русский народ—землепашцев—на вечное прозябание в щете» (85).

ем не менее г. Зворыкин хочет осуществить эту «вечную кабалу». Он т выпустить «вечную государственную земельную ренту на сумму в рдов рублей. Рента эта имела бы, несомненно, курс золотой валюты, так была бы обеспечена всеми входящими в состав Европейской России зе- т.-е. не только той землей, которую крестьянство взяло у помещиков, но и рой оно владело до революции. Другими словами, нужно заложить все земли тва, чтобы добыть для бывших помещиков их «кровные» шесть миллиардов. вы планы и аппетиты господ белогвардейцев.

ля того, чтобы платить проценты по этому новому займу, нужно установить земельный налог, который почти целиком должен падать на крестьян- 20 золотых рублей на каждое крестьянское хозяйство. А так как помимо емельного налога будет установлено еще много государственных и местных, и косвенных налогов, то можно себе представить, каково будет положение тва при подобных условиях. Иначе, как кабалой, «вечным прозябанием» в го назвать нельзя.

ⅽ же может установиться в России правительство, которое облагодетель- ким образом бывших помещиков и закабалит снова крестьян? Какая сила его у власти?

ı этого, конечно, прежде всего нужно победить коммунистов и свергнуть улящихся—Советскую власть.

кая же власть будет создана русским народом по изгнании большевиков?» — ет г. Зворыкин и сам отвечает: «Ответа на это, конечно, никто дать не может». амом деле, буржуазные партии, меньшевики, эс-эры—все они только обманы- тьян и рабочих, только давали им всяческие обещания и никогда не пыта- олнить их; все они оказались только «краснобаями» и «говорунами». Им поверит. Это признает и сам г. Зворыкин:

«Одно можно предвидеть,—пишет он.—Едва ли крестьяне выразят доверие ой-либо из программ агитирующих в погоне за властью потитических пар- . Сделавшись жертвой обмана и несбыточных обещаний говорунов и красно- ı, оказавшихся неспособными к государственному делу, русский народ уже ве никому из них не поверит».

«Да и какая надобность теперь народу слушать каких-то проповедников, да вся земля, то есть то, чего он домогался, и так уже в его руках?» (22).

может создать такой власти и само крестьянство:

«Многомиллионное крестьянское население необъятной России едва ли ет в состоянии собственными силами создать прочное правительство, спо- ное оказаться на высоте предстоящей ему огромной задачи восстановления ичия и силы нашего дорогого отечества.

«Могут появиться разбойные выходцы, вроде Пугачева и Стеньки Разина. рыс и после падения большевизма продолжат еще на некоторое время рхическое состояние, переживаемое Россией» (22).

и остается этот вопрос без ответа в книге г. Зворыкина. Только в самом он выражает надежду, что «воскреснет русская крестьянская душа и в ней заснувшая совесть. Тогда пробудятся и заглохшие чувства долга русского на и его беспредельная любовь к отечеству. Вместе с тем затеплится в нем ра в Божественное Провидение, в правду, в справедливость и в великое русского народа» (107).

видно, по мнению г. Зворыкина, «проснувшаяся совесть» и «пробудившееся олга» побудят русское крестьянство обложить себя вечным налогом по олотом с хозяйства в пользу бедных бывших помещиков.

Мещеряков.

„Зеленая палочка“.

(«Наши» за границей.)

«Le beau pays de France», приласкавшая и приютившая в гостеприимно[м] своем последышей Врангеля и Ко, предоставила свои кабаки и кафе сиятельны[м] [гра]фам и князьям, между прочим, и от литературы.

Весь былой «цвет» литературы пестрит среди сотрудников толстых, тон[ких] [и] даже детских журналов.

Не забыли и о ребенке:

Выпускают журнальчик «Зеленая Палочка».

Кто только не «принимает ближайшего и постоянного участия» в нем?

Тут и Амари, и Бальмонт, и князь Барятинский, и почтенный академик Б[унин] и вездесущий Василевский, и Куприн, и граф Толстой, и Судейкин, и Лукомск[ий], Игорь Северянин, и даже для пущего украшения имя покойника Боборык[ина] [и] И. Репин [1]).

Несмотря на мобилизацию всех дворянских, княжеских и графских сил, [жур]нал худеет с каждым месяцем: это можно проследить даже по тем скудным 3 [номерам], которые имеются в нашем распоряжении.

На определенный возраст журнал, повидимому, не рассчитывает: по кра[йней] мере сумбурный подбор материала не дает возможности определить предполага[ющего]ся читателя. Просто—«для детей».

Но зато у журнала, кроме заработка для пишущей братии, нажива для [изда]теля и «поддержка» для типографии «Земгора» (Союз Земств и Городов в Париже) есть и цели воспитательные, какие и надлежит, ясное дело, иметь каждому пор[ядоч]ному педагогическому изданию.

Подбирается материал ловко.

«Приключения Миши Шишмарева»—бегство из Одессы, когда в город вст[упают] «неприятели», читай: большевики.

«Крепко помни о России»—постоянная глава в журнале.

Под этим общим подзаголовком мы имеем и высокопатриотически[е] о[черки] «Москва», и «Старая губерния», и иное в таком же историко-бытовом патриотичес[ком] православном духе.

«Под чужим небом прекрасных, но увы! чужих Парижа, Берлина, Лондон[а] сладко мечтается и Лукомскому и Денисову о Москве.

Но кроме весьма подробно перечисленных и любовно описанных церквей духовные очи мало что останавливает.

Впрочем, с большим воодушевлением описаны и Торговые ряды в былом. «времена иные»:

«Посреди площади стоит Минин и Пожарский, избавители России от смуты.

«Глядят они, как кипит купеческий люд, как бойкие приказчики уговарива[ют] покупателей, как струится поток деловых людей на Ильинку, к Бирже, как в ко[нце] площади перед храмом Василия Блаженного старушки кормят «голубей, хорошо зн[ающих] свой час, когда им дают зерно»...

«Будет ли опять?!

«Увидим ли снова золотые купола исполинского «Храма Спасителя», зай[дем] ли в мощный храм, где во всяком камушке грезится душа создателя храма велик[о]лепного Витберга?»

«Будет ли опять?»—взывает Денисов и заключает: Упаси нас Бог и поми[луй] потерять Москву, мечту, потерять единственное наше достояние—память о сок[ро]вищницах русского духа».

1) Цитирую изд. 1921 года.

лько зря г-н Денисов вспомнил о Витберге. Увы! несчастного Витберга ссылке тот самый царь Николай I, который вспоминается в рассказе князя кого рядом: никакого отношения Витберг к этой постройке не имеет. это между прочим.

ие стихи и те не обходятся без дворянско-родовых тем. Тут и дед в «родо-ов» «Кутя» и станционный смотритель Франц Петрович, славный маленький горбун, кото-лечение приказал Cresswater дать сейчас: тут и дворовый Петр, которого речку посылали на бугор посмотреть, не занесена ли дорога для катанья

но «крепко помни о России».

щего совета несчастным ребятам и враг бы не дал!

колько странно видеть в детском журнале остро сексуальные силуэты Су-танцовщица в соответственном судейкинском виде), но еще веселее читать стику «для детей» писателя,—так сказать, вместо передовицы,—в одном из о поводу 40 лет со дня смерти Достоевского.

ни писатели больше пишут про внешнюю жизнь, про то, как кто коротает какие с каждым бывают смешные и несчастные случаи, какая у кого в ль, и еще—про деревья, про звезды, про соловья.

угие писатели, самые чуткие и талантливые, пишут больше про челове-шу, про горести ее и радости, про то, как и почему Иван Петрович вдруг ялся героем, а Настасья Ильинишна понапрасну сгубила свою жизнь».

чего тонко и до чего здорово.

менитый Марго мог бы позавидовать!

нственное, из-за чего не жалеешь, что приобрел эти тоненькие тетрадки, гравляют сознание детворы, это—два-три по обыкновению удачных стихо-Саши Черного и несколько веселых рисунков зверей Реми.

стя The Kitty 390 Rue St. Honoré предназначает этой детворе

> «В детской комнате пирушка
> Пирожки, кулебяка, ватрушка,
> Кулич, крендель, печенье,
> Карамель, киевское сухое варенье,
> Конфеты, шоколад,
> Тянучки и мармелад,
> Орешки в меду, нугатин,
> Все чистый сахар, а не сахарин»,—

им нечего.

всего российского Парижа, от всей этой литературы веет ужасающей мер-пустения.

е мудрено: «бывшие люди», пресгоревшие спекулянты на власти проходим-астей, ничего другого естественно дать не могут.

Дон-Аминадо.

Александр Блок.

Ушел в вечность последний поэт-романтик.

Умолк последний менестрель и верный рыцарь «Прекрасной Дамы».

Далек и близок одновременно был он нашей эпохе. И его неудовлетворенная душа томилась в тисках мещанства, того мещанства, что «в холодной воде эгоистического расчета потопило порывы набожной мечтательности и рыцарского воодушевления и не оставило между людьми иной связи, кроме бессердечного чистогана». Он жаждал идеала и гармонии, и в его душе поднимались мятежные порывы против бескрасочной жизни буржуазного века.

Но выхода искал он не там, где ищет его наше время. Он искал слияния с космосом, а не с человечеством. Жил предчувствием тайны и чуда. Чужды были ему методы упорного строительства и планомерного преобразования общественных отношений. Чуждо было внимание к миру конечных вещей, и непобедима была в нем метафизическая потребность выйти за пределы своего ограниченного земного существа. Одиноким и загадочным казался он на фоне суровой борьбы. Словно о себе сказал он: «Увы, не долетают жизни звуки к утешенным весной небытия». И словно об его душе сказал другой поэт: «И звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли».

Он был бы среди своих в кругу иенских романтиков. Его песни созвучны томлению Вакенродера и грезам Новалиса. Но в те времена романтическая ирония еще позволяла поэту возвышаться над миром конечных вещей. В наше время, после столетия беспримерных научных и социальных завоеваний, власть этого мира над душой человека стала неотразима, и нельзя безнаказанно уйти в царство мечты.

В этом—трагическая судьба Блока. Запоздалый романтик и слишком ранний предтеча грядущего человека, освобожденного для творческой радости, - он молил небо избавить его от тернистого пути поэта, от его мученического венца. Он обращался к музе: «Я хотел, чтоб мы были врагами, так за что ж подарила мне ты луг с цветами и твердь со звездами—все проклятье твоей красоты?» Для других она «муза и чудо». Для него она «мученье и ад».

Революцию он встретил восторженно. Еще незадолго до нее твердил он: «Жизнь прошумела и ушла... все будет так... исхода нет». Теперь он звал: «Жизнь прекрасна... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием слушайте Революцию». В ее громовых раскатах он слышал ту «великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух» и призывал «не выискивать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра».

Он написал поэму «Двенадцать», переведенную на все языки, волнующую и загадочную поэму, быть может, наиболее глубокое из поэтических отражений Революции. За ее окровавленным ликом, за ее цинично обнаженным телом, он, мистик и верующий, узрел Христа, как некогда другой поэт увидал его благословляющую руку в безобразной нищете России.

Последние месяцы его жизни были сплошной мукой. Жизнь стала жестокой, а для мечтателей беспощадной. Всем наносило удары наше «испепеляющее» время. Для того, кто не умеет приспособляться, бороться, эти удары должны были стать смертельными.

Он умер в ужасных страданиях. Да и мог ли остаться на земле поэт, случайно забредший к нам и взволновавший нас, как тот бродячий жонглер, что смутил душу графини Изори своей призывной песней. Он увял, как «голубой цветок» Новалиса, перенесенный с знойного юга в снежные вихри севера. Очищающий огонь Революции зажег его сердце пламенным восторгом, но буря оказалась слишком сильной для хрупкого сердца поэта.

Он умер, едва достигнув сорокалетнего возраста. Быть может, никогда еще механически катящееся колесо истории не настигало жертву, столь драгоценную. И если что может смягчить боль о великой утрате,- только мысль о грядущем мире, который уже строится на крови и страданиях современности,- о мире, в котором творческий гений получит полный простор для своего полета и избавится от цепей, сковывающих его в эпоху неразрешенных общественных противоречий.

П. С. Коган.

ОГЛАВЛЕНИЕ № 2.

Стр.

Политико-экон. отдел.

Научно-популярный отдел.

Из прошлого.

Искусство и жизнь.

Внутри советской России.

Вопросы международного раб. движения.

Отклики на зарубежную печать.

В порядке дискуссии.

Критика и библиография.

Печать и Революция.

ышел из печати № 1 критико-библиографического журнала **«Печать и волюция»** под редакцией А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, И. Н. Покровского, В. П. Полонского, Н. И. Степанова-Скворцова.

СОДЕРЖАНИЕ № 1.

СТАТЬИ и ОБЗОРЫ: *А. Луначарский.* Свобода книги и революция. *Мещеряков.* О работе Государственного Издательства. *Вяч. Полонский.* Очередная задача Государственного Издательства. *Н. Бельский.* сская бумажная промышленность. *М. Шендерович.* Полиграфическая омышленность и перспективы на 1921 г. *Вад. Смушков.* Распределение произведений печати. *Проф. А. А. Сидоров.* Искусство книги. атья первая. *Н. Семашко.* Задачи медицинского издательства. *Проф.* *Анучин.* О необходимости восстановления русских научных журлов. *Пав. Новицкий.* Из истории Крымской печати в 1919—1920 г. г. *Мещеряков.* Русская печать за границей (обзор). *В. Кипарисов.* Обр литературы по ликвидации неграмотности.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ: Социализм и коммунизм.— Ш. Дволайцкого, Преображенского, И. Степанова, Вяч. Полонского. **Гражданская йна.**— Д. Петровского, А. Аросева, Б. Шапошникова, Н. Мещерякова, Закса (Гладнева), Мих. Павловича, Е. Варги. **Империализм и междунадная политика.**— А. Аросева, Вл. Виленского (Сибирякова), В. Н. Сторова, Г. Бергмана. **Национальный вопрос.**— Вл. Виленского (Сибирякова). **офессиональное движение.**— А. Чекина, Ф. Сенюшкина. **Народное зяйство.**— В. Милютина, С. Членова, Б. Кушнера, А. Бессера. **тория.**— Д. Анучина, В. Сторожева, В. Полонского, И. Бороздина, лерия Брюсова, Т. Козьминой. **История революции.**— И. Степанова, Фриче, Книголюба, Б. Горева, Б. Козьмина, М. Ольминского, П. Лешинского, К. Новицкого. **Право.**— Зин. Теттенборн. **Социология.**— Членова. **Народное просвещение.**— Вад. Смушкова, В. Лебедевой, Блоха, И. Степанова. **Медицина и народное здравие.**— Н. Гельмана, Сукенникова, А. Перуанского, Р. Фронштейна, В. Островского. **Науки природе.**— В. Костицына, С. Блажко, Д. Анучина, С. Конобеевского,

Н. Андреева. **Художественная литература** — Валерия Брюсова, Г. Ус нова, Сергея Боброва, Н. Аксенова, В. Кириллова, В. Вольпина, П. С. гана, В. Фриче, Н. Крупской, Н. Степанова. **Искусства.** — А. Габрич ского, А. Стрелкова, В. Блоха, И. Корнецкого, Абрама Эфроса, Б. В нера, А. Сидорова, Н. Моргунова, Д. Анучина. **Разные.** — Е. Херсонск Г. Устинова, Н. Гельмана.

НЕКРОЛОГ: П. Кропоткин. Б. Горева (с портретом).

ХРОНИКА: На Западе. Кризис культуры. (Письмо из Берлин *С. Ратомского.* Социалистическая и историко-революционная лите тура. Художественная литература. Русские книгоиздательства за ру жом. Издатель и писатель. **По России.** **В Петербурге**: Дом искусс Дом литераторов; Союз писателей; Союз поэтов. **В Москве**: Комисс Ц. К. Р. К. П. по улучшению печатного дела в Р. С. Ф. С. Р. Лите турно-издательский отдел Пролеткульта. Лито Наркомпроса. Дом I чати. Собрание сочинений В. Ленина. Изучение истории Красной арм Русское общество друзей книги. Выставка плакатов по санитарно просвещению. Конкурсы. **На местах**: Письма из Туркестана, Смолен и Кустаная.

Журнал „**Красная Новь**" издается при участии виднейших пре ставителей коммунистической мысли советской России. Отдел худож ственного слова редактирует т. Горький. Придавая большое значен вопросам философии, физики, биологии и других отраслей науки, р дакция ставит своей задачей возможно широкое привлечение в кач стве сотрудников представителей научной мысли.

В № 1 журнала „Красная Новь" вошли следующие стать рассказы и стихи:

Всеволод Иванов. — Партизаны, рассказ. *М. Пожарова.* — Сти *С. Подъячев.* — «Голодающие». — (С натуры). *Д. Семеновский.* — Совр менные частушки. *Николай Колоколов.* — Стихи. *Н. Ленин.* — О пр довольственном налоге. *Ш. Двойлацкий.* — Накопление капитала проблема империализма. *К. Радек.* — Третий год борьбы советск республики против мирового капитала. *А. Хрящева.* — К характеристи крестьянских хозяйств периода войны и революции. *Н. Крупская.* Система Тэйлора и организация работы советских учреждений. *А. Лун чарский.* — Наши задачи в области художественной жизни. *В. Фриче.* Ромен Роллан. *А. Тимирязев.* — Периодическая система элементов Ме делеева и современная физика. Научная хроника: *Вл. Архангельский.* Наши достижения в аэрогидродинамике. *В. Баженов и Рори.* — Успе применении радио за границей. *Е. Преображенский.* — Новая полос

Вардин.— «После Кронштадта». *М. Смит.*— Производственные и ...иально-политические предпосылки забастовки английских углекопов. ...х. *Павлович.*— Кемалистское движение в Турции. *Мих. Павлович.*— ...Штаты и советская Россия. *Вяч. Полонский.*— Вейтлинг и Бакунин. *Ольминский.*— О книге т. Н. Бухарина. *Не-ревизионист.*— О книге ...І. Бухарина. *Н. Бухарин* и *Г. Пятаков.*—Кавалерийский рейд и тя...ая артиллерия. *Н. Мещеряков.*— «Наши за границей». *А. Ворон...й.*— Уэльс о советской России. Критика и библиография: *А. Во...ский.* — Об отшельниках, безумцах и бунтарях. *Пурмин.*— Леонид ...реев. «Дневник Сатаны». *А. Меньшой.* — «Парализованные». ...*мин.* — Феликс Гра. «Террор». *А. В.* — Распад идеологии. *Кантор.* — «Народное Хозяйство» —ежем. экон. журнал. *Проф. ...орматский.* — «Наука и ее работники». *Мих. Павлович.* — Мих. ...ке. «250 дней в царской ставке». *Я. Шафир.*— Н. Ашешов. Софья ...овская. *Я. Ш.* — Л. Г. Дейч. «Русская рев. эмиграция 70 годов». *Аросев.* — Ген. Слащев-Крымский. «Требую суда общества и глас...ти». *А. Аросев.* — Мих. Павлович. Экономическое развитие и ...рная программа в Персии XX века. *Подземский.* — «Красный ...налист».

Адрес редакции: Сретенский бульвар, № 6, 4-й подъезд (вход с ...ютинского пер.), 2-й этаж, телеф. 63-94.

Исправления:

В статье *Я. Шафира* „Экономическая политика белых" абзацы ...стр. 116—117 со слов: „к указанной таблице" и далее до абзаца: ...начале 1920 года", должны быть отнесены к предыдущей главе, как ...нение к таблице на стр. 114—115.

Напечатано: на стр. 12 перетяк; следует читать: „перетняк", на 215— „о плакучих"; следует читать „о пахучих".

...ь Главполитпросвет. Редактор А. Воронский.